

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

**ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЕ СЛОВО
УРОЖЕНЦЫ ВИТЕБЩИНЫ
В БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ**

(1924–1991)

Монография

В 4 частях

ЧАСТЬ 3. ПОЭЗИЯ

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2019*

УДК 821.161.3“1924/1991”:908(476.5)
ББК 83.3(4Бей-4Вит)6
Р88

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 6 от 26.06.2019 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 3 от 05.03.2019 г.

Авторы: профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова, доктор исторических наук **А.В. Русецкий**; директор ИПК и ПК ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент **Ю.А. Русецкий**

Рецензенты:

профессор кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова,
доктор филологических наук *В.Ю. Боровко*; доцент кафедры литературы
ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук,
член Союза писателей Беларуси *О.И. Русилко*

Русецкий, А.В.

Р88 Жизнеутверждающее слово. Уроженцы Витебщины в белорусской советской литературе (1924–1991) : монография : в 4 ч. / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Ч. 3 : Поэзия. – 379 с.
ISBN 978-985-517-681-8.
ISBN 978-985-517-717-4 (ч. 3).

Предлагаемая читателям монография позволит им ближе познакомиться с творчеством поэтов – уроженцев Витебщины, узнать об их огромном вкладе в историю развития не только белорусской советской литературы, но и национальной художественной культуры в целом.

Издание адресовано преподавателям вузов и колледжей, учителям общеобразовательных школ, студентам и учащимся, всем, кого привлекает литературное творчество белорусских поэтов обозначенного периода.

УДК 821.161.3“1924/1991”:908(476.5)
ББК 83.3(4Бей-4Вит)6

ISBN 978-985-517-681-8
ISBN 978-985-517-717-4 (ч. 3)

© Русецкий А.В., Русецкий Ю.А., 2019
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2019

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО
УРОЖЕНЦЕВ ВИТЕБЩИНЫ
В БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
1924–1991

Несколько слов к читателю

Не менее значимым в белорусскую советскую литературу оказался вклад поэтов, уроженцев Придвинско-Поозерского-Верхне-Днепровского края. Примечательно, что уже с первых лет вхождения Витебщины в состав БССР поэтическое творчество развивалось последовательно, системно и многопланово, постигая жизнь во всем ее многообразии без лакировки противоречий, стремлении к их преодолению. Целую плеяду молодых дарований породило первое на Витебщине литературно-творческое объединение «Маладняк». В довоенную поэзию пришли, ставшие впоследствии «звездами» Петрусь Бровка и Владимир Дубовка.

Героико-патриотическим содержанием и твердой уверенностью в победе над фашизмом в Великой Отечественной войне наполнены стихи и поэмы П. Бровки, М. Машары, А. Велюгина, не вернувшихся с полей сражений А. Гейне, А. Жаврук, Н. Семашко...

Особо подчеркнем – время тому свидетель – выходцы из Витебского края оказались не случайными в поэтическом творчестве Советской Белоруссии 1950–1980-х годов. Ряды литераторов пополнили авторы, сумевшие с первых шагов в поэзии стать самим собой, видеть свою неотрывность от во многом привлекательной, но ... и противоречивой действительности, сплавлять воедино лично-интимное и общественно-значимое, наполняя поэзию оптимистическим видением жизни, лирико-патриотическим постижением жизненной правды и многообразия событий и явлений в белорусской истории. Копилка белорусской советской поэзии год за годом пополняется стихотворными произведениями Рыгора Бородулина и Геннадия Буравкина, Янки Сипакова и Евдокии Лось, Анатолия Вертинского и Веры Вербы. Из печати выходят книги Владимира Короткевича, Алесея Ставера, Юрася Свирки, Сергея Законникова, Николая Гончарова, Владимира Скоринкина, Янки Журбы, Сергея Понизника, Геннадия Пашкова и Олега Салтука, отца и сына Сушко.

Книги стихов, поэтические сборники, разные, как и разные их авторы, – по характеру, отношению к жизни и традициям народа, восприятию и оценке происходящих или прошедших событий. Но все они пронизаны гражданской честностью, органической народностью, личной авторской искренностью и непосредственностью, народно-фольклорной поэтической традицией, на которую весьма богата жизнь людей озерно-речной Витебщины.

И еще об одном – о насыщенности стиха эстетическим началом; без преувеличения можно говорить о том, что в поэтике уроженцев Витебщины читателю ненавязчиво предлагаются описания красот Подвинско-Поозерского края, рисуются впечатляющие картины прекрасного, которые выступая в тесном единстве с морально-нравственными императивами, делают поэтические произведения по-особому притягательными и запоминающимися.

«Хочешь хороший совет получить? – спрашивал Сергей Есенин у начинающего литератора Эрлиха. – Ищи родину. Найдешь – господин! Не найдешь – все собаке под хвост пойдет. Нет поэта без родины».

Молодые поэты приходили в литературу с тем, что казалось им личностным, близким и дорогим, в безошибочной их поэтической оценке, ибо оно выражало их понимание жизни, их «эмоции» и переживания.

Родная Витебщина, Белоруссия, земля предков – эти понятия как нить Ариадны ведут читателя по лабиринтам белорусской истории с богатейшим арсеналом образов, воскрешая в его памяти героические и трагические страницы жизни и судеб людей, отстаивавших свободу и независимость, послевоенную мирную жизнь.

Начинающие авторы, получившие в большинстве своем высшее филологическое образование, руководствовались в творчестве непреложным правилом – познавательно-воспитательные возможности поэзии неотделимы не только от взросления личности поэта, но и от истории, идеологии и морали всего народа. Постепенно нормой творчества для них становилось правило: «Я – поэт. Могу стать поэтом, выразителем души народа, если смогу “профильтровать”, “пропустить”, вобрать в своё мироощущение значительные (и незначительные) проблемы эпохи и свое “частное” пропустить через “сито” этой личной связи с огромным морем истории и художественной культуры родного края».

Слова Б. Пастернака, относящиеся ко всей белорусской поэзии 1950-х гг. можно с полным правом соотнести и с литераторами Витебщины. «Это, можно сказать, вышла на путь литературы новая, свежая плеяда способных поэтов. И хотя в их поэтических голосах немало общего, однако каждый так или иначе имеет свое лицо, наброски собственной творческой манеры»¹. Дополним Пастернака – то есть тем, что невыразимо никакими другими средствами.

Предлагая читателю определенную интегральную характеристику поэзии уроженцев Витебщины следует подчеркнуть, что для ступивших на поэтическую стезю авторов, характерным было не только обращение к факту, достоверности, правде и разнообразию тогдашней жизни, взятой как можно полнее, в богатстве и многомерности общественных связей, но и критическое переосмысление образно-поэтических традиций, выход на новое прочтение многих элементов фольклора и поэзии прошлого. Их гражданская зрелость, формирующаяся в «полном грозном озоне послевоенного, победного воздуха», проявлялась в том, что они решительно искали, находили и ставили вопросы нелегкие, острые, сложные, вопросы, ответы на которые не всегда были запрограммированы. Вместе с другими белорусскими авторами они успешно двигались по пути к новому для того времени социально-культурному и ценностно-духовному измерению жизненных реалий.

Учась у старших коллег по перу, используя лучшее в мировой прогрессивной поэзии, они сознательно ставили задачу создания поэтики гуманизма, поэтики активной мысли, способной обогатить общественную жизнь интеллектуальностью, новой духовностью, высокими идеалами, интенсивно создавали образно-выразительную атмосферу времени, привлекая для этого много в чем общие приемы живописи, графики, музыки. (Вл. Гниломедов).

Авторы.

NB! Сделаем для читателя три, на наш взгляд, необходимые пояснения. **Первое.** Все названия авторских произведений (кроме написанных на русском языке) даются на двух языках – русском и белорусском. Русское название стоит первым – издание ведь русскоязычное. Перевод дается для белорусскоязычного читателя. **Второе.** Упоминаемое в первый раз произведение дается на двух языках. Однако в последующем, во избежание повторов, это же произведение дается на русском языке. **Третье.** Высказывания критиков и цитаты из авторских произведений выделяются разными шрифтами.

¹ См.: Літаратура і мастацтва. – 1960. – 9 студз.

РЫГОР БОРОДУЛИН*

Барадулін – гэта чараўнік
Найперш – чараўнік паэтычнай стыхіі, якая жыве ў ім,
мабыць, з дня яго нараджэння і як сам жыве ў ёй вольна і радасна... Паэзія
для Барадуліна – не варштат, не тачка, не прафесія ўрэшце. Паэзія для яго –
бажэсценная стыхія, у якой ён нявольнік і ўладар адначасова. Віртуоз і маэстра!
В. Быкаў

Не будет преувеличением, если констатировать, что наиболее ярким и стремительным среди писателей и поэтов Витебщины было вхождение в белорусскую литературу уроженца хутора Вересовка Ушачского района Рыгора Ивановича Бородулина – уже в 22 года он стал дипломантом Всесоюзного литературного конкурса, посвященного Всесоюзному фестивалю молодежи и студентов 1957 г. в Москве. И получил поэт свою серебряную медаль за поэтический цикл «На земле целинной», написанный в результате поездки минских студентов на уборку целинного урожая. (Цикл этот станет основой для создания Р. Бородулиным первого поэтического сборника «Молодая луна над степью» («Маладняк над стэпам») (1959). В переводе на русский язык книга под названием «Целиноград» будет издана в Москве в 1961 г.

Чем же привлек внимание жюри Международного фестиваля стихотворный цикл из 13 стихотворений?**. Не будет, на наш взгляд, преувеличением, если подчеркнуть, что в «целинных» стихах Р. Бородулина были подмечены по сути все (или большинство из них!) магистральные направления его поэтического творчества: **понимание Родины как основы жизнедеятельности Человека** – «Вагон товарный резко дергает...» («Вагон таварны рэзка тузае...»), «Молодая луна над степью» («Маладняк над стэпам»), «В палатке» («У палатцы»), «Письмо из дома» («Ліст з дому»); **эстетическая ценность человеческого труда** – «Целинная пшеница» («Цалінная пшаніца»), «Перед началом сеанса» («Перад пачаткам сеанса»), «Бьет молния прямой наводкой...» («Б'е пярун прамой наводкай...»), «Перекаати-поле» («Перакаці-поле»), «Вечер над Таболом» («Вечар над Таболам»); **жизнеутверждающая сила молодежного оптимизма** – «Настина кухня» («Насціна кухня»), «Танцы в степи» («Танцы ў стэпе»), «Именины» («Імяніны»), наконец, успешная попытка постигнуть таинства литературного слова, овладение языковыми секретами народной мудрости.

Свое дальнейшее развитие эти направления получают сначала в двух других разделах сборника – «В моей озерной стороне» («У маёй азёрнай старане») и «Мои братья, мои соседи...» («Мае браты, мае суседзі...»), а затем в книгах «Рунеть, красовать, наливать» («Рунець, красаваць, налівацца») (1961) и «Нагбом» (1963)*. Кто, к примеру, мог так открыто заявить об отношении к родному языку в 1960-е гг.?

* Р. Бородулин родился 24 февраля 1935 г. В 1959 г. окончил Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина. Работал в периодической печати. С 1969 г. – в издательстве «Беларусь», с 1972 г. – в издательстве «Мастацкая літаратура». Первые стихи напечатал в 1953 г. в газете «Чырвоная змена» за подписью Алясь Чабор. Член Союза писателей СССР с 1958 г. Награжден орденами «Знак почета» и «Дружбы народов». С 1992 г. Р. Бородулин – народный поэт Беларуси.

** И не только жюри. Высокую оценку книге дали поэты Г. Буравкин и В. Тарас, а также литературные критики Р. Березкин, В. Колесник, В. Никифорович.

* В начале 1960-х г. будут изданы две книги для детей – «Мех серых, мех белых» («Мех шэрых, мех белых») (1963) и «Апрель» («Красавік») (1965).

*Не, ты не толькі ў арнаменце тым,
Што на салодкай цукерцы.
Матчынай мовы словам святым
Жывеш ты ў сыноўнім сэрцы.
...Сляпы да цябе дапаўзу да дня,
Намацаю сцежку рукамі.
Сосны спрадвечныя мне зазвіняць
Купалаўскімі радкамі...*

Было бы ошибкой на вспомнить автобиографические заметки поэта «Благодарю родное слово!» («Дзякуй роднаму слову!»), написанную в 1964 г. Несколько предложений: «Песні, казкі, прыбабунькі – усяго гэтага найдаражэйшага скарбу мог я пачэрпнуць удо-сыць і ад мамы, і ад бабулі Маланні Несцераўны.

Універсітэт адкрыў мне новага, вялікага Янку Купалу “нехрытаматыйнага”, яшчэ больш “прысушыў” сэрца да генія роднага слова – Максіма Багдановіча. Дзякуй за гэта Івану Навуменку.

Дзякуй роднаму беларускаму слову. Яно дало мне адчуць радасць сказаць нешта сваё. Няхай гэта – нешта сваё – дзіцячае лапатанне, але яно было і будзе заўсёды шчырым. **Нельга тымі словамі, якія пачуў ты ўпершыню ад маці, хлусіць Айчыне, народу»** (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.).

Пожалуй, впервые поэт заявляет о своей неотрывности от родных корней, о том, что его «*дзяды дзядоў хадзілі стараверамі*» в стихотворении «О бородах и моей родословной» («Пра бароды і маю радаслоўную»), а потом (нам показалось, с некоторым сожалением) считает, что «*быў надта б рад, каб хоць зярняткам дробным змог на зямлі бацькоўскай прарасці*». Оказывается, волнения были ненеправдымі. Пророс, укоренился и вырос развесистый ушачский дуб, напоминая тот, который в детстве поэта был его покровителем и который не подвластен природным катаклизмам («*У памяці ўсплываюць стагоддзі дубамі набраклымі*»).

Наиболее показательным в понимании бородулинской поэтизации родных ушачских мест – точки отсчета всех духовных ценностей – выглядит «триптих» из сборника «Нагбом». Вот, к примеру, начальные строки из стихотворения «Кулина» («Куліна»):

*Кожны мае
свае Ушачы,
хату
і двор,
пазарастаны маркоўнікам,
дзе можна пасля дарогі,
скінуўшы чаравікі
і потную шапку,
адчуць халадок зямлі,
пачуць шум лісця,
маркотны і памяркоўны.*

Да, каждый имеет свою малую Родину. Однако, для Р. Бородулина суть не только в этом. Главное, чтобы мы помнили тех, кто хранит эту Родину, хранит тепло отцовского или материнского дома, помнит о богатстве национальных традиций. Он озабоченно говорит о том, что, устраивая свою жизнь, мы часто

*...забываемся
на пісьмы,
на словы мацярок
адгукнуцца...
Мы справамі перагружаны,
Усё мы не можам
выбраць вольнай хвіліны,
каб наведаць свае мясіны –
Глыбачкі,
Жывалкі,
Замошшы.*

Поэт признательно заявляет:

*Шкада, што да нас так позна
прыходзіць суровай назвай
сумленне,
якое завецца
словам кароткім –
мама.*

А ведь именно родители стояли у жизненных истоков каждого из нас, вели нас через детство и отрочество в юношескую жизнь, помогали определять жизненные пути-дороги. И, следовало бы, помнить эти бородулинские строки:

*Маленства, у тваёй старане.
Простыя ўсе дарогі.
Там, помню, вучылі мяне
Хлеб не кідаць пад ногі.*

Читатель ощущает искренность и эмоционально-выразительную откровенность в стихотворном отношении поэта к родным местам («Как задохнулся от радости жаворонок...» («Як захліпнуўся ад радасці жаваранак...»), «И снова весна гостит на Ушаччине...» («І зноў вясна гасцюе на Ушаччыне...»), «Ушачи» («Ушачы»), «Осеннее» («Восеньскае»), «Дома» («Дома»), «В родном доме» («У роднай хаце»), «Сегодня я счастьем пьян.» («Сёння я шчасцем пьяны»), «Отцу» («Бацьку»).

Р. Бородулин стремится постичь красоту родной белорусской природы, видеть ее неповторимость и непреходящую значимость («Живицы запахом густым.» («Жывіцы запахам густым...»), «Днем не палит и не студит...» («Днём не паліць і не студзіць...»), «Час вечерний...» («Час вечаровы...»), «Над озером» («Над возерам»), «На Беларуси пчелы как гуси» («на Беларусі пчолы як гусі»).

В сборнике «Нагбом» поэт, может быть, несколько приземлено, чуть-чуть с элементами деревенского восприятия жизни в стихотворении «Жгут картофельную ботву» («Паляць бульбоўнік») знакомит читателя с распространенным сельскохозяйственным обычаем – после уборки картофеля сжигать оставшуюся ботву:

*Калі разыходзяцца
лета з восенню палюбоўна,
а бульбянішча на зіму
яшчэ не пераворана,
зграбаюць у кучу,*

*паляць бульбоўнік.
...Я гэты ціхі дым
на смак
і навобмацак
ведаю,
яго я з ні з чым не паблытаю,
...любой парою,
...дарогу да дому знайду,
да матчынага парога.*

Несколько по-иному – приподнято и жизнеутверждающе – звучит тема «Человек и природа» в стихотворении «Коростель кричит в густом тумане...» («Драч крычыць у густым тумане...»):

*...Я прыслухаўся –
праз мяне
Прарасла Белавежа.
Аплялі мяне карані –
Працавітыя вязні зямныя.
Ты галіну адну крані –
Пушча ўся
у ва мне завые.
Мне зязюлі не зліцаць вякоў,
Дзяцел грукае –
мне ў грудзі,
А вятры, карагодам, вакол
Ходзяць-ходзяць
і сон мой будзяць.*

А в итоге прямой и открытый авторский вывод:

*Я шчасны,
што сынам быць
гэтай зямлі
Мне лесам наканавана.*

«Уступ»

В сборнике «Молодая луна над степью» Р. Бородулин приступает к разработке темы Великой Отечественной войны на Беларуси. Здесь всего два стихотворения о войне – «Баллада о матери» («Балада пра маці») и «Весна в Брестской крепости» («Вясна ў Брэсцкай крэпасці»). Но они убедительно свидетельствуют: память поэта о войне – это память, пронизанная знанием ее трагедийных событий, это память поколения, пережившего бесчинства оккупантов на Беларуси, это память, которая снова и снова возвращает нас к стенам Брестской крепости, могилам известных и неизвестных солдат и мирных граждан, к застенкам фашистских тюрем и концлагерей. Вот, к примеру, «Баллада о матери». Обычная белорусская женщина, нарушив изуверский приказ, решила захоронить повешенного юношу:

*Юнак смуглаваты гайдаецца.
На тонкай вяроўцы гайдаецца.
Расчэсвае вецер чупрыну яму.*

*Ніхто ў зямліцу сырую чаму
Схаваць яго не здагадаецца?*

*...Як сонца будзіць пачалі жаўрукі,
Туман лугавіны выбеліў, –
Знайшлі курганок ля ракі,
Пустой засталася шыбельня, –
За гэта прысуд такі.*

Найдя место захоронения, фашисты приговаривают теперь уже ее к смертной казни:

*А драч надаедла скрабе і скрабе.
Жанчына магілу капае сабе.
Блішчаць за спіною фашыстаў штыкі...*

*Лапата цяжкая,
Лапата тупая.
Старая магілу
Капае, капае.*

Память о войне... Боль войны... Трагедия войны... Они займут ведущее место в творчестве Р. Бородулина, найдя свою кристаллизацию в таких произведениях поэта, как поэмы «Баллада Брестской крепости» («Балада Брэсцкай крэпасці»), «Блокада» («Блакада»), стихотворения «Палатка минеров» («Палатка мінёраў»), «1103-ий день войны» («1103-ці дзень вайны»), «Накануне весны в Хатыни» («Прадвесне ў Хатыні»), «Материнский дом» («Матчына хата») и др.

Вспоминая о начале своего литературного пути, Р. Бородулин пишет: «Считаю, что мне повезло, ибо родился в литературном регионе, а земляками моими были и есть П. Бровка, В. Быков, Е. Лось, С. Законников, О. Салтук. Когда в школе я изучал биографию Петруся Бровки и читал, что он родился в деревне Путилковичи Ушачского района, – это тепло начинающую, но дерзкую и по-молодому самоуверенную мысль: «А как бы самому попробовать писать?» А тут еще в стихах П. Бровки вспоминались слова “Ушаччина”, а тут еще слова в произведениях поэта, наши, местные, ушачские. А над всем этим песни, поговорки, загадки, сказки моей матери укрепляли желание писать на родном языке».

Мы же свои рассуждения о творчестве Р. Бородулина в начале своего литературного пути завершим ссылкой на **мнение известного белорусского критика и литературоведа Р. Березкина, объективно отметившего: «Наблюдательность Бородулина, его внимание к жизненным «мелочам» позволили ему заметить то, мимо чего, вероятно, прошел бы поэт, способный видеть в жизни только абстрактную «сущность», равнодушный к неповторимым запахам и цветам действительности»¹.**

Однако особенно ярко талант и мастерство Р. Бородулина проявятся во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов. Вот библиография его книг, изданных в эти годы:

– **лирические сборники:** «Неруш: лирика» («Неруш: лірыка») (1966), «Адам и Ева: лирика» («Адам і Ева: лірыка») (1968), «Линия изменения дат: новая книга лирики» («Лінія перамены дат: новая кніга лірыкі») (1969), «Возвращение в первый снег: стихотворения и поэмы» («Вяртанне ў першы снег: вершы і паэмы») (1972), «Рум: новая книга лирики» («Рум: новая кніга лірыкі») (1974), «Баллада Брестской крепости» («Балада Брэсцкай крэпасці») (1975), «Праздник пчелы: страницы из книг» («Свята пчалы: старонкі з кніг») (1975), «Суровый выговор: стихи» («Суровая вымова: вершы») (1976),

¹ Бярозкін, Р. Спадарожніца часу / Р. Бярозкін. – Мінск, 1961. – С. 280.

«Простор: лирика» («Абсяг: лірыка») (1978), «Белая яблоня грома: избранные страницы лирики. 1954–1978» («Белая яблыня грому: выбраныя старонкі лірыкі. 1954–1978») (1979), «Вечелье: книга поэзии» («Вечалле: кніга паэзіі») (1980), «Поэмы призвания» («Паэмы прызвання») (1982), «Амплитуда смелости: и лирика, и юмор» («Амплітуда смеласці: і лірыка, і гумар») (1983), «Молчание грома: новая книга» («Маўчанне перуна: новая кніга») (1986), «Кобра в мешке: стихи» («Кобра ў торбе: вершы») (1989), «Одиночество паломничества: книга поэзии» («Самота паломніцтва: кніга паэзіі») (1990);

– **книги для детей:** «Экзамен: стихи» («Экзамен: вершы») (1969), «Ай! Не буду! Не хочу!»: стихи» («Ай! Не буду! Не хачу!»: вершы») (1971), «Что было б тогда, если бы?: стихи. Для дошкольного возраста» («Што было б тады, калі б?: вершы. Для дашкольнага ўзросту») (1977), «Зевает ли бегемот?: веселые стихи, сказки, прибабуны. Для дошкольного возраста» («Ці пазяхае бегемот?: вясёлыя вершы, казкі, прыбабуныкі. Для дашкольнага ўзросту») (1980), «Азбука не забава» («Азбука не забавка») (1985), «Индыкалокудыкало: как и прежние веселые стихи. Для младшего школьного возраста» («Індыкалакудыкала: як і ранейшыя вясёлыя вершы. Для малодшага школьнага ўзросту») (1986);

– **сборники сатиры и юмора** – «Ошибочно говоря...: Дружеские шаржи, эпиграммы. Альбом (1971) (дружеские шаржи М. Лисовского)», «Станция кольцевания: юмористические стихи» («Станцыя кальцавання: гумарыстычныя вершы») (1971), «Клюквинка: юмористические стихи, пародии, эпиграммы» («Журавінка: гумарыстычныя вершы, пародыі, эпіграмы») (1973), «Кстати... Веселые стихи, влюбленный юмор, пародии, эпиграммы» («Прынамсі... Вясёлыя вершы, закаханы гумар, пародыі, эпіграмы») (1977), «Иконы без оскорбления: дружеские шаржи и эпиграммы» («Абразы без абразы: сяброўскія шаржы і эпіграмы») (1985 (в соавторстве с К. Куксо), «Бервенизация» («Бярвенізацыя») (1988), «Мудрец со ступою: строчки в юморе и норовистая поэма» («Мудрэц са ступаю: радкі ў гумары і наравістая паэма») (1988);

– **книги статей и эссе** «Росток строки, веточка стиха» («Парастак радка, галінка верша») (1987);

– **автор текста** к альбому «Под небом родины чудесной» («Пад небам радзімы цудоўнай») (1967).

В 1984 г. были изданы «Избранные произведения: в 2 т.» («Выбраныя творы: у 2 т.»).

Известный белорусский писатель М. Стрельцов как-то отметил, что Бородулин «вошел в литературу стремительно и, взяв однажды разбег, от книги к книге на удивление ровно выдерживал темп, меняя, если было нужно дыхание, так сказать, на ходу, не больно-то давая заметить это»². А к концу 1970-х годов, считает известный литературовед А. Семенова «Дрэва барадулінскай паэзіі добра ўзнялося ў рост і зялёнае ужо не празрыста-зялёнай лістотай вясны, а густым, цёмным лісцем сталасці, колерам пазнання – паспела і сокі зямлі ўзяць, і зведаць навалнічныя дажджы, і спазнаць летні спякотны поўдзень»³.

Поэтическое творчество Р. Бородулина известно далеко за пределами Беларуси. Его книги неоднократно издавались в Москве («Избранная лирика», «Небо твоих очей», «Озеро в горизонте», «Целиноград», «Белое облако грома», «Аист на крыше», «Каждый четвертый», «Праздник пчелы» и др. Книги избранной лирики изданы в Риге, Софии, Киеве.

В исследуемом нами периоде произведения Р. Бородулина переводятся на русский*, украинский, азербайджанский, английский, армянский, болгарский, венгерский, грузин-

² Стрельцов, М. «...и обещание открытий» / М. Стрельцов // Нёман. – 1976. – № 4. – С. 163.

³ Сямёнава, А. Шчодры абсяг паэзіі / А. Сямёнава // Польшыма. – 1979. – № 4. – С. 246.

* Наиболее выразительными и точными специалисты называют переводы знатоков белорусского слова И. Котлярова, Н. Кислика, И. Шкляровского.

РЫГОР БОРОДУЛИН

ский, киргизский, латышский, литовский, молдавский, немецкий, осетинский, польский, словацкий, таджикский, татарский, туркменский, узбекский, французский, чувашский, эстонский языки, языки народов Югославии.

Его произведения печатались в коллективных литературных сборниках «Дзень паэзіі», «Арлянтам», «Горад і годы», «Ад родных ніў, ад роднай хаты», «Мары юнацкія», «Разгарэлася зорачка ясная», «Універсітэт паэтычны», «Вяснянка», «Зорка Венера», «Рэха ў граніце», «Братэрства», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Дзень добры, мама», «Адданасць», «Беларуская балада», «Красуй жыццё», «Далягляды», «Партызаны, партызаны», «Духмяныя верасы», «Покліч долі адзінай», «Сучаснік», «Такія сэрцы ў нас», «Туман трэба развеяць», «Нам дасталася спадчына» и др. Стихи Р. Бородулина включены в «Хрэстаматыю па беларускай дзіцячай літаратуры», а публицистические материалы – в «Хрэстаматыю па гісторыі беларускай савецкай публіцыстыкі». Он один из активных соавторов белорусской литературной Ленинианы – печатался в сборниках «З Леніным у сэрцы», «У нашых сэрцах Ільч», «З Леніным заўсёды Беларусь» и др.

Поэт печатался в союзных изданиях («Молодая гвардия», «Литературная газета», «Вопросы литературы»), «Книжное обозрение», «Лесная промышленность» и др., республиканских газетах («Звязда», «Сельская газета», «Знамя юности», «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі») и журналах («Беларусь», «Полымя», «Малодосць», «Работніца і сялянка», «Родная прырода», «Рабочая смена», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка»). Его стихи регулярно печатал «Беларускі каляндар», издававшийся в Белостоке (ПНР).

Поэт был постоянным автором областных газет «Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Магілёўская праўда», «Гродненская правда», Минской городской газеты «Вячэрні Мінск», Белостокской газеты «Ніва». Он активно сотрудничал со многими редакциями газет, выходящих в союзных республиках.

Об активности Р. Бородулина-переводчика свидетельствуют его переводы с русского, украинского, абхазского, аварского, азербайджанского, английского, армянского, болгарского, венгерского, грузинского, еврейского, идиш, испанского, итальянского, молдавского, немецкого, польского, пушту, румынского, сербо-лужицкого, таджикского, татарского, туркменского, узбекского, французского, эстонского языков.

За книги «Рум» и «Голубой звон Гренады» (перевод стихов Гарсиа Лорки) удостоены Государственной литературной премии БССР имени Я. Купалы.

Все многообразие поэтических исканий и находок Р. Бородулина условно можно разделить на несколько направлений. Это лирика, интимная и граждански звучащая; сатирико-юмористические произведения; разножанровые произведения для детей; публицистика; наконец, активная переводческая деятельность. Ступень за ступенью проходило обогащение поэзии Р. Бородулина, становление его таланта, восхождение к высотам поэтического мастерства. Во всем этом многообразии, говоря бородулинскими определениями, и рунно, и думно, и наливно, и печально, и нерушно, и просторно, и амплитудно, и дорожно, и поэмно, – словом Рыгорно Бородульно.

Разные «уроки» приходились на судьбу девятилетнего подростка и поэта – трагедия войны, послевоенная голодуха, студенческая жизнь, выбор жизненного пути... Но на этих уроках надежно закладывались основы патриотизма, правдивости, совести, тех фундаментальных моральных качеств, без которых нельзя быть настоящим человеком, преданным Родине, любящим свой народ, борющимся за Человека. И то, что было собрано в подростковом возрасте, стало центральной и собирательной мыслью его стиха. *«Няма дрэнных тэм, пісал в одной из статей Р. Бородулин, – як няма старых і новых. Але ёсць вечныя тэмы, на якіх правяраецца адначасова талент, майстэрства і праўдзівасць паэта,*

як чалавека, як грамадзяніна. Тэмы гэтыя – маці, Радзіма, каханне! Тут не можа быць раздвоенасці, расплыўчатасці, бенгальскіх агнёў, замест сапраўднага пачуцця»⁴. Мы видим, что поэт сам определил свои творческие приоритеты. Однако, не будет, на наш взгляд, ошибкой более широкое прочтение поэтики Р. Бородулина. И тогда, в дополнение к словам поэта, читатель обнаружит и тему памяти о трагических событиях Великой Отечественной войны, и тему воспевания красот родной природы, и тему странствий, и тему бережного отношения к родному языку и культурному наследию белорусов, наконец, тему философского осмысления самых актуальных проблем современности, активно влияющих и на самого Человека и Человеческое в нем.

Подчеркнем следующее. Совсем не просто разделить поэтическое творчество на темы, пусть, в некотором роде, и условные. В его поэзии, его творческом мире все намного сложнее. Потому что в них все диалектически взаимосвязано – архаично и неразрывно – проникновением в глубину образа и многозначностью и философско-эстетической наполненностью поэтической строки.

Предлагаем читателю пройти вместе с нами по ступенькам этой поэтической (пусть и условной) лестницы Р. Бородулина. И тогда мы увидим, что живописность поэтического слова с ее ярко выраженной конкретностью и одновременно широкой обобщенностью, с ее насыщением поэтикой устного народного творчества и мастерским перевоплощением их в самые многообразные формы современного поэтического процесса, с ее восприятием, как простой и естественной и одновременно философско-лингвистической насыщенностью складывалась от стихотворения к стихотворению, от книги к книге.

* * *

Мать Акулина Андреевна, которую поэт называл «стыхійна вялікім філолагам»... Через свой жизненный край, глубокое знание народных песен и поэтической речи, через открытые сыновьи чувства и непреходящую память о ней вошел в стихи поэта, этот привлекательнейший образ крестьянской женщины-матери, которая, как и другие белорусские вдовы, взяла на себя бремя забот о детях, о хлебе, об очаге и крове над ним, как говорят, о жизни, о главных ее основаниях... И все это на глазах и подростка, и юноши Рыгорки, все это в своеобразных лирических образках, обогащенных нравственным и эстетическим опытом народа, обогащающих все творчество поэта, в его столичной жизни, его поездках и странствиях, из которых и мысленно, и чувственно он возвращается к своей родной «вогненапаклоніцы святла» Акулине Андреевне. Их слитность, духовное и душевное единство, глубокое понимание одним другого, можно передать, прибегнув к известному русскому поэту XIX в. Тютчеву: «...Душу всю свою она вдохнула... всю себя перелила в меня». В этом и проявляется устойчивость его поэтического и нравственного жизненного ориентира. Вот он на Дальнем Востоке помогает подняться солнцу: «*Ідзе прамяніста на Ушацчыну прама. Добрай раніцы, мама...*». Вот он говорит о латышских материнских корнях:

Мой дзед
рыжанін Галвіныш,
Механік на млынах
...Зрабіўся старажылам
Ушацкай стараны.
.....

⁴ Звязда. – 1983. – 11 чэрв.

РЫГОР БОРОДУЛИН

*А на млыны куліўся
Коўш зорны з-за сяла.
Вясёлая Кулінка
«Латышачкай»
была...*

*.....
Радні і год нямала
Забьўся наш парог,
Адно
«латышкай» маму
Яшчэ завуць парой⁵.*

В памяти поэта **те добрые руки**, что качали детскую колыску и от земли подняли в гору – «Глянь, сыночак. Стагі завершаны... Глянь, плывуць журавы над борам», **глаза**, которые над поэтом «узышлі сузор’ямі цішыні: сусветамі дабрыні, пакуль ёсць яны – мне (Р. Бородулину. – А.Р., Ю.Р.) на зямлі светла мама...», **красоту**, которой «са спазнаннем моляцца сыны», **тропу** к могиле, которая «не зарасце бруснічкай...».

Поистине знаковыми в «материнской» поэзии Р. Бородулина* стали его поэмы «Кулина» («Куліна») и «Материнский дом» («Матчына хата»). Первая посвящена размышлениям о роли матери Акулины Андреевны в становлении будущего поэта и даже больше того – о внимании детей к своим матерям, внимании к ним, постоянной памяти о них. И все это звучит на фоне фашистской блокады Лепельско-Ушачского партизанского края:

*Маці завуць Куліна.
Я ўспамінаю, калі нам
Падчас блакады
Прышлося сядзець у лесе.
Я адышоўся ад маці
і не астаўся ледзьве.
У вялікім лесе
нас многа малых згубілася.
Кожны крычаў што сілы
Лес паўтараў, нібы дражнячы,
кароткае слова:
– Мама!..
Крычалі многа,
ды толку мала.
Тады яе гукнуў:
– Куліна!
І мая,
мая адгукнулася.
Цішыня неўзабаве
ва Ушачы вярнулася⁶.*

⁵ Барадулін, Р. Неруш / Р. Барадулін. – Мінск, 1966. – С. 56–57.

* Не ошибемся, если выскажем предположение: до Р. Бородулина никто из белорусских поэтов не написал о матерях так много и так вдохновенно – образ матери освещает и освещает все бородулинские книги (В. Тарас).

⁶ Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег / Р. Барадулін. – Мінск, 1973. – С. 114–116.

Пережившие блокаду и войну и «пасля вайны не сагнуліся, калі іх гора крatala», а вот молодые, окончив школу, стремились в город, забывали частенько родные места и даже якобы время не хватало «на пісьмы, на словы мацярок адгукнуцца». Домой же доезжали лишь тогда, «калі родных прымае зямля сырая».

Нет, не дидактикой пронизана поэма. Поэтова откровенность 1970-х гг. актуальна и для нашего XXI века, когда слово «мама», «слова спрадвечнае ўжываць пачынаем мала». Актуальным читается признание поэта:

*Шкада, што да нас так позна
Прыходзіць суровай позвай
Сумленне, якое завецца
Словам кароткім – мама⁷.*

И не подлежит сомнению, что Акулина Андреевна была и совестью поэта, и постоянным напоминанием о том, как следует жить.

Поэма «Материнский дом» звучит более оптимистично, жизнеутверждающе – ведь речь идет о строительстве вдовой, Кулиной, дома. Вдовьего дома на пепелище своей довоенной хаты, сожженной фашистами при отступлении. Дома, возводимого из материалов подручных («А маці, як тая ластаўка, з усёй Ушачы цягнула да печы абгарак, аполах, цалёўку...»), который она достраивала на протяжении всей жизни:

*... вярнуліся ўчатырох:
маці,
бабуля,
я
і хатулёк пляцкоты.
Сталі ля пагарэлішча,
дзе яшчэ галавешкі тлелі,
І ад курадыму горкага
слёзы ў маці нагортваліся...
Маці сталярыла і цяслярыла
Без гэбля, без ватэрпаса,
Сякера была адна,
Як доля ўдавіная, чэзлая.
З усяго, што можна было прыбіць
Цвікамі іржавымі,
Маці падлогу масціла...
...Газетамі покут спачатку абклеіла,
Па часе – і ўсе чатыры сцяны
Аж да запеччыка.
...Сталі вятры вераснёўскія
Пасляваенныя яблыні трэсці...
.....
Матчына хата,
для мяне
яна так і стаіць
у 1944 годзе...»⁸.*

⁷ Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег / Р. Барадулін. – Мінск, 1973. – С. 120.

⁸ Там же. – С. 127–129.

РЫГОР БОРОДУЛИН

Такими они были, такими и сейчас есть наши матери. И становятся понятными следующие волнующие сердце и душу слова поэта:

*Як ціхая аблачынка,
Нада мной праплывае мама.
Спакой на стол аблакаціўся.
Углядаюся – пазнаю памалу⁹.*

И здесь представляется уместным сделать небольшое отступление, чтобы сказать о следующем. И рецензенты, и литературные критики чаще всего пишут о материнской привязанности Р. Бародулина. Да, действительно, произведений, в которых читается прямое обращение к матери-образу, «*найцудоўнейшаму ў лірыцы і паэмах*» (О. Лойко), у поэта много – произведений эмоционально-насыщенных, нравственно-возвышенных. Но ведь и то, что (пусть и меньшее количество строк, посвященных отцу Ивану Григорьевичу), они тем не менее, также сильны в своем воздействии на эмоции и чувства читателя. Вспомним, что еще в первом поэтическом сборнике «Молодая луна над степью» в стихотворении «Отцу» поэт с горечью писал:

*Не выйшаў ты і ў гэты раз
Мяне спаткаць, паднесці рэчы...
Хацелася пачуць: «Сыноч...»
І крыкнуць радаснае: «Тата!»
...Бацькоўскім быў мне кожны крок...
Усё ішлі, ішлі салдаты...*

Своеобразным, на наш взгляд, эпиграфом к стихотворению «Отцу» могут служить следующие слова из воспоминаний поэта: «Вясна сорак першага... Бацька пасадзіў вяз. Я памагаў трымаць дрэўца, роўнае на рост са мной. Чэрвень сорак першага... Жарабятка адбілася ад маці і з апошніх сіл бегла перад нямецкімі машынамі. А я ўсё паліваў і паліваў маленькі вяз... Вяз такі не ацяніў галавы Івана Рыгоровіча...».

Посетив в 1963 г. родной партизанский край, в сосновом бору от обычных, казалось бы, сосен, он испытывает эмоциональное потрясение:

*Сосны!
«Зялёныя хмары
развесілі –
Гэта ж
бацькі майго равеснікі.
Сюды не прыехаў
у час прызначаны –
Сон яго
сосны вартуюць
на партызанскай Ушаччыне¹⁰.*

О своем отце поэт напишет в поэме «Материнский дом» («*Бацька загінуў у акружэнні ў перадапошняй бойцы з карнікамі*»), в стихотворениях «Смерть грушины» («*Смерць грушыны*») («*Не стала хаты, бацька дамоў не вярнуўся*»), «Баня блокадного года» («*Лазня*

⁹ Бародулін, Р. Адам і Ева / Р. Бародулін. – Мінск, 1968. – С. 19.

¹⁰ Бародулін, Р. Неруш / Р. Бародулін. – Мінск, 1966. – С. 120.

блакаднага года» («А Мельнікава брыгада* у Глыбачцы акурат, – там бацька... ён даў бы рады, навёў бы адразу лад...»), «Прогинаецца мост...» («Прагінаецца мост...») («За чябе я цяпер ці за бацьку жыву? Трыццаць пяць яго ў пушчы блакаднай. Час заўчасна таму сняжыць мне галаву, Бацькаў боль...»), «Партизанский урок» («Партызанскі ўрок» («А як ішоў дадому тата з атрада – чуў я за вярсту»), «Жажда» («Смага») («Бацька са мной развітаўся і не вярнуўся назад – блакада за даляглядам стагнала бяссонна»), «Отцово имя на плите мемориального «Прорыва» («Бацькава імя на пліце мемарыяльнага «Прарыва»):

*Сярод лясных салдат, хто тут загінуў,
Мой сум чытае бацькава імя.
І сноп ракет яго не азарыў,
Не дачакала бацьку перамога.
З брыгады Мельнікава
Радавога
У брацкую магілу ўзяў «Прарыв»¹¹.*

Были и другие стихотворения. Однако, апофеозом отцу стали две поэмы «Отцу» и «Блокада». Заметим, что поэма «Блокада» как никакое другое произведение семейного бородулинского цикла самим поэтом подписано «Светлой памяти отца моего Ивана Бородулина...».

Отступление это, на наш взгляд, уместно и потому, что в той довоенной хате и Акулина Андреевна, и Иван Григорьевич, выросшие в древнем озерно-лесном краю легенд и сказок, песен и преданий, народных обычаев и обрядов смогли все это богатство края вселить в душу ребенка. Вселить, донести до его сердца таким образом, что для него родной дом расширяется сначала до пределов Ушаччины, потом Витебщины, а затем и для всей белорусской земли – «Бе-ла-ру-сі».

Своей малой родине, с которой у поэта связаны невозвратимые дни детства, где живут родные и близкие ему люди, где все ему привычно дорого, где «над ціхаю ракою з далёкай цішыні забыты млын грукоча, спяваюць камяні», поэт посвящает своеобразную лирическую энциклопедию, пересказать которую не хватит силы, и статейного места. Ведь речь здесь идет не только о красотах озерно-лесного партизанского края, захватывающих краевидов или ярких поэтических характеристиках народных традиций, обычаев и быта. Для него это край, где он родился и вырос («Быць чалавекам на зямлі бацькоў дала мне права», «вёдры прыглушана бразгаюць каля астылыя студні» и «засыпае раніца мжыстая»), познав все тяготы войны и послевоенной жизни, где его учили «хлеб не кідаць пад ногі», где он бывает часто, подкрепляя душу и мысли свои теми невидимыми флюидами, которые излучает материнский дом, в котором сосновый пол «пачынае пахнуць борам густа» и «цвілі ў бацькі вочы верасам ад слова ранішняга – «сын». Это тот дом, из которого Акулину Андреевну «на Бутаўшчыну (на кладбище на окраине г.п. Ушачи. – А.Р., Ю.Р.) за раку спякотным днём праводзілі знаёмыя, суседзі».

Кто не помнит классическое «люблю дымок спаленной жнивы». Р. Бородулин смог найти свое, личное понимание этих известных слов. И толкование его не спутаешь ни с одним поэтическим произведением. Так мог написать только человек, которому с малых лет знакомы запахи родного края, те, что не пропадают независимо от пространственно-временных измерений, разделяющих поэта с родными местами. Судите сами, читатели. Вот они, Ушачи:

* Знаменитая в Лепельско-Ушачском партизанском краю бригада Мельникова (имени Чапаева).

¹¹ Барадулін, Р. Маўчанне перуна / Р. Барадулін. – Мінск, 1986. – С. 210.

РЫГОР БОРОДУЛИН

*Пясок Ушач –
Пачатак мой і схон.
Рачны, лагчынны, баравы, курганны.
Ім, як гадзіннік продкаў без заганы,
Па сэрца
Поўны я ад першых дзён¹².*

Становится понятным, что постоянно сохранял в памяти «Вересовочку» («Верасовачку») и «Дятлинку» («Дзятлінку»), заветную грушу, вяз на подворье родительского дома, «лісток ушацкай восені», «рачулку-качулку Крывуху з крутой вадою», ушачские, «як азёрны клін» озера Волчанское, Звонь, Вечелье, село Волча, партизанские сосны, материнскую теплоту, аиста «у чырвоных ботах» и другие значимые для него нравственно-эстетические ценности для поэта:

*На вуснах чыгункі гарачых
На ўсіх кантынентах даўно:
Уша-
чы,
уша-
чы,
уша-
чы! –
Журбоціцца слова адно¹³.*

Память о «своих Ушачах», лирическое поклонение им подводят поэта к его бородулинской истине – «трэба дома бываць часцей»:

*Трэба дома бываць не гасцем,
Каб душой не ачарсцвець,
Каб не страціць святое штосьці...*

Такие же пронизанные теплотой и искренностью стихи посвящает Р. Бородулин и Витебщине и ее старейшим городам Полоцку и Витебску. К примеру, читаем о Полоцком Софийском соборе:

*На свет Сафійка глядзіць
Вачыма цнатлівымі.
З далёку,
з адзінаццатага стагоддзя,
Вечарам
сон да яе прыходзіць,
І аж да раніцы сніцца¹⁴.*

А Витебск – «ратай і ратнік, рупны працаўнік» – запечатлен в памяти поэта в тот осенний день «скразняковы, негаманкі, ад хмар заімжэлых, нізкае неба шэрае», когда в городе над Двиной состоялось открытие памятника славному уроженцу витебской земли*:

¹² Барадулін, Р. Вечалле: кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск, 1980. – С. 12.

¹³ Барадулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1978. – С. 73.

¹⁴ Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег / Р. Барадулін. – Мінск, 1972. – С. 56.

* Открытие памятника Дважды Герою – Герою Советского Союза и Герою Социалистического Труда П.М. Машерову состоялось в г. Витебске в 1982 г.

*Дзвюх зорак Героя
Гарачыя лісткі
Гараць на грудзях
Пятра Міронавіча¹⁵.*

И, наконец, о Витебщине, которая «лёсам не выпешчана», но «войнамі выпешчана» и где на каждом шагу «...пясок магіл... пясок папялішчаў»... и «дзедра рэдка сустрэнеш – сівеюць бабулі адны»:

*А на Віцебшчыне
Даўгавечныя жыхары...
Хто не верыць, звярнуцца ў ЮНЕСКА
Раю.
Як на экспарт паветра:
Азёры, бары,
Хоць ты з раем спрачайся,
Партызанскі мой краю!¹⁶*

Вершает это образное построение – «Материнский дом» – Ушаччина» – «Витебщина» и главное центроукрепляющее звено – «большая» Родина «Беларусь». И вот здесь в самой полной мере проявляется и любовь к родной земле, и гармония человека и природы, философское осмысление, и сложность человеческих взаимоотношений. Именно, гармоническое звучание, *говоря словами поэта Б. Стрельцова, «уласна кажучы і рухае, сціскае, і раскручвае паэтычную спружыну Рыгора Барадуліна»¹⁷.*

В каждом из поэтических сборников читателю предлагаются произведения, составляющие сами по себе поэтическую историю родной белорусской земли. И, может быть, наиболее патриотичным читается стихотворение «Мое Отечество» («Мая бацькаўшчына»):

*Як ластаўка,
з падстрэшыша рук Скарынавых
Тваё крылала слова па Русі...
Ты бласлаўляла далянёй кляноваю
Сваіх сыноў.
Слязамі дабяла.
Бяліла лён на світку Каліноўскаму
І Нёманам у сны Урублеўскага плыла...¹⁸*

Для поэта «на Беларусі пчолы, як гусі», как «дзятлінка свежнатурная» и «Беларусь... цвіла і выстаяла». Он живет с желанием «адзіным, каб толькі з даверам Радзіма сваім... называла сынам», и признается, что где бы он не был, ему не стыдно «сынам тваім (Беларусі. – А.Р., Ю.Р.) называцца» – «Сляпы да цябе дапаўзу да дня, намацаю сцежку рукамі». Откровенно и публицистически эмоционально звучит его обращение:

*Радзі, зямля,
ты – шчодрая і сціпляя.
Каб толькі маразоў не знала рунь!*

¹⁵ Барадулін, Р. Маўчанне перуна: Новая кніга / Р. Барадулін. – Мінск, 1986. – С. 56.

¹⁶ Барадулін, Р. Свята пчалы: Старонкі кніг / Р. Барадулін. – Мінск, 1975. – С. 242.

¹⁷ Стральцоў, Б. Шукаючы Неруш / Р. Барадулін. – Беларусь. – 1976. – № 11. – С. 27.

¹⁸ Барадулін, Р. Неруш: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1966. – С. 8.

*Імя тваё нашчадкаў з нетраў выплыве –
Сівых стагоддзяў рэха:*

– Беларусь¹⁹.

Бывал поэт в Сибири и на Дальнем Востоке в Туве и Хакасии, в Самарканде и на Памире, Прибалтике и Ленинграде, Чехословакии и Болгарии, на Кубе и в Швеции, и других близких и далеких местах. К примеру, во второй половине 1970-х годов он посетил 19 российских городов. И везде его сопровождают мысли о родной земле, синеглазой Беларуси. Находясь в Дуддинке, он помнит о Немане, видит, что сибирские дымы «*дымяцца, як няцэджаны сырадой*», а в тайге «*самапасам на выпасах верасня пасвіцца збродлівы статак пчаліны*». И всегда дальние странствия поэта ведут его к тому, что наш замечательный лирик **М. Богданович обозначал – «цвяток радзімы васілька».**

О глубоко постижении поэтом истории родной белорусской земли, ее трагической и героической судьбы, богатой национальной культуры свидетельствует насыщение произведений сюжетами из истории белорусского имени, именами известных деятелей художественной культуры. Назовем некоторые из них: Николай Гусовский, Адам Мицкевич, Мацей Бурачок (Фр. Богушевич. – *А.Р., Ю.Р.*), Феликс Тапчевский, Сергей Полуян, Павлюк Трус, Михась Чарот, Я. Купала, П. Бровка, М. Танк, Я. Брыль, П. Панченко, А. Кулешов, В. Быков, В. Короткевич, Г. Буравкин, М. Стрельцов и др. И огромное множество стихов, посвященных известным деятелям не только славянского искусства (Я. Хелемский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Я. Смеляков, Ст. Поптонеv, И. Вылчев и др.), но и коллегам из Прибалтики, Монголии, Кубы, других стран (Имант Зиедонис, Альгимантас Балтакис, Валдис Дарбиньш, Света Шенгинова, Мария Форманкова, Кайсын Кулиев, Юрий Туулик, Сиявиш Мамед-Заде, Иван Драге, Дориба (Монголия) и др.

Знакомство с произведениями Р. Бородулина ярко высвечивает тот стержень, вокруг которого и формируется его гражданско-патриотическое начало. Это родной белорусский язык («*матчына слова*»), которому адресуются самые искренние, самые трепетные чувства. Вот они, эти проникновенные строки: «*Беларусь – мая мова і песня*» («На Беларусі...»), «*Мова маці маёй – беларуская мова... І будзе мне сэрца грэць кожным ашчаджаным словам, мая спрадвечная Беларуская мова*» («Мая мова»), «*Матчынай мовы словам святым... жывеш ты ў сыноўнім сэрцы*» («Радзіме»), «*Слухай жа: у крынічнай журбе журыцца Беларуская мова*» («Андрэю Вазнясенскаму»), «*Беларуская мова, маўчаньня хвілінаю ўшануй адного са сваіх староннікаў...*»,* «*Каб сам сабою стаў народ, пачуўшы гукі кроўнай мовы!*» («Роднаму слову»), «*Родная мова ступала за мной ад калыханкі да галашэння...*» («Долі іншай не трэба зямной...»).

Мы привели здесь слова из поэтических сборников Р. Бородулина второй половины 1960– 1970-х годов («Неруш», «Линия изменения дат», «Возвращение в первый снег», «Рум» и др.). Практически сложившаяся озабоченность поэта судьбами родного языка найдет свое продолжение в последующих книгах. И, примерив однажды на себя то единственно духовно-нравственное «покрывало», которое характеризует и утверждает нацию белорусов как членов единого мирового национального сообщества, он помнил об этом «**вседенно и всеночно**».

Р. Бородулин, по сути своей, один из немногих литераторов, который поставил поэтический заслон на пути общественной мысли, сползающей на позиции языкового нигилизма.

Особенной нравственно-эстетической категорией, пронизывающей все пространственно временные поля поэта выступает память, встревоженная и морально обостренная,

¹⁹ Барадулін, Р. Вяртанне і першы снег: вершы і паэмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1972. – С. 90.

* *Поэт ведет разговор о своем любимом учителе Богдановиче Фадее Францевиче.*

память о погибшем отце и страшных днях, проведенных вместе с матерью в блокадном кольце, память о том, как «плачут» по блокадным детям «нямецкія кулямёты буйнакалібернымі слязамі», а солдаты прикуривают от обгоревших бревен, что еще ночью домами стояли. И о таких трагических картинах, в которых

*Жвірам асляпіць адчаю вока
Просьба малых да кáта:
– Не засьпай зямлёю глыбока,
А то нас не знойдзе тата²⁰.*

Это становление поэтической души и сердца, которыми наполнено творчество Р. Бародулина и которое не оставляет его все послевоенные годы. Памятью партизанского детства отсвечивают у поэта и проблемы современности и размышления о будущем:

*З драгоў і кратаў
Злы ланцуг –
Ён мой спакой кайданіць.
Гадоў маіх забыты цуг
Уваскрашае здані,
І ні прагнаць,
Ні замаліць –
Няхай каму старая, –
А мне баліць,
А мне вайна страляе²¹.*

Каждое из произведений о войне – будь-то поэмы «Блокада», «Триптих» («Трыпціх») и «Баллада Брестской крепости», стихотворения «Камни Брестской крепости» («Камяні Брэсцкай крэпасці»), «Партизанский край» («Партызанскі край»), «Отцу», «Колдычево...» («Калдычава...»), «Палаты минеров», «Кладбище деревень» («Магіла вёсак»), «Ветераны» («Ветэраны»), «Плиты» («Пліты»), «Партизанский урок» («Партызанскі урок»), «Баллада ужаса» («Балада жаху»), «С войны» («З вайны»), «Партизанка» («Партызанка»), «Материнский лес» («Матчын лес»), «Надпись на памятнике в деревне Шуневка» («Надпіс на помніку ў вёсцы Шунеўка»), «Перед блокадой» («Перад блакадай») и др., пронизаны памятью поэта.

Для людей, не знающих о злодеяниях фашистов на белорусской земле, карту Беларуси называют «дубовы ліст ці кляновы ліст пяціпаль». Для опаленной войной памяти потомков о каждом четвертом погибшем белорусе карта эта «нагадвае польмя языкае!»:

*...У Хатыні
Крывавы прысак не стыне.
Травой забыцца ўвячэлле зарасце
вогнішча Калдычэва*
...Вёска ушацкая спалёная,
Аралля
Крывёю набухла²².*

²⁰ Бародулін, Р. Амплітуда смеласці: і лірыка і гумар / Р. Бародулін. – Мінск, 1983. – С. 20.

²¹ Бародулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Бародулін. – Мінск, 1978. – С. 37.

* *Деревня в Барановичском районе, где во время немецко-фашистской оккупации был лагерь смерти.*

²² Бародулін, Р. Балада Брэсцкай крэпасці: паэма / Р. Бародулін. – Мінск, 1975. – С. 99–100.

РЫГОР БОРОДУЛИН

Обратимся к «Балладе Брестской крепости». Первое знакомство с ней показывает, что главное для Р. Бародулина не только в философско-эстетическом осмыслении подвига защитников крепости, но стремление сердцем своим добратся до суровой правды тех трагических дней, самому понять, *«адкуль яна, вера, адкуль яна, непахіснась?!»*.

Перед читателем один за одним проходят уже известные к середине 1970-х годов факты героической летописи: трагический подвиг капитана Шабловского, выбравшего смерть вместо фашистского плена; организация капитаном Зубачевым обороны крепости; не только героический, но и в высшем своем проявлении гуманистический поступок женщин, которые во имя спасения детей *«павінны ісці ў палон прымусовы»*; партийное собрание, на котором *«у партыю абаронцаў прымаюць»*. Об одном эпизоде, ставшем основой для широко известной повести Б. Васильева «В списках не значится», скажем особо. Летом 1942 года, почти через год после захвата крепости немцами, из одного из казематов вышел последний ее защитник. И тогда

*...захлынуўся фашыстаў сівушны
гогат..
Калі з каземата
баец безымянны,
як прывід, паўстаў...*

Он заявил захватчикам не о милости: *«Я выйшаў пераканацца ў вашым бяссіллі... – здранцвелымі вуснамі прашаптаў герой»*.

Поэтому поэт задает себе и читателю глубокий по существу своему философский вопрос:

*А як жа дазнацца,
з якога цеста
абаронцы Брэста?!
На волі якой,
на якой крыві
мужнасць іхняя
замешана?²³*

И вот он ответ. И с ним нельзя не согласиться. Как и во множестве других героических подвигов известных и неизвестных защитников Родины, когда мужество, самоотверженность, духовная стойкость побеждали страх смерти, когда эти качества советского человека раскрывались в полноте и неповторимости. Герои Бреста:

*Не азірнуліся назад ні разу,
бо лічылі страх за абразу,
бо адступленне смерцю лічылі.
І смерцю сваёй гераічнай
у бяссмерце ўвайшлі²⁴.*

Художественное воздействие суровой правды первых дней и месяцев войны, понимание благородства героических и трагических действий защитников крепости над Бугом – все это как бы ступеньки в подходе к главному выводу поэмы: **никто не забыт и ничто не забыто**. И каждый мемориал, каждая могила Неизвестному солдату должны

²³ Бародулін, Р. Балада Брэсцкай крэпасці: паэма / Р. Бародулін. – Мінск, 1975. – С. 67–68.

²⁴ Там же. – С. 75–76.

стать школой патриотизма, школой воспитания верности и преданности Родине и народу. Как бы напоминая об этом, поэт еще раз обращается ко всем:

*Прыходзьце сюды
не з пустою біклагай
вады легендарнай напіцца –
на вернасць СЦЯГУ
даваць ПРЫСЯГУ,
нязломнасці нашай
вучыцца!²⁵*

Отгремели залпы войны...

*Можна спакойна брысці па Брэсце,
Сёння ён у турыцкім зялёным берэце
Каштанаў і кляноў бухматых...
Ідуць маладыя салдаты,
Яны – адно
аднагодкі вайны!..*

.....
...Цішыня...²⁶

Широкому кругу читателей хорошо известны такие патриотические произведения, как «Реквием» Р. Рождественского, «Суд памяти» Е. Исаева, «Дождь Хиросимы» Э. Межелайтиса, «Хатыньский снег» Г. Буравкина. Особое место среди них, на наш взгляд, принадлежит «Блокаде» Р. Бародулина. И для этого у поэта были свои основания.

Во-первых, в поэме автор обращается к такой важной теме, как всенародная партизанская война против немецко-фашистских захватчиков, теме, которая не находила своего полного выражения в поэзии; во-вторых, – это разговор об одном из суровых и, пожалуй, самых трагических периодов партизанского движения в Беларуси – блокада зимой и весной 1944 года немецкими войсками партизанских бригад Лепельско-Ушачской партизанской зоны. И выявлено это на таком высоком художественном уровне и с таким эмоциональным накалом, что никого не оставляет равнодушным. Наконец, впечатление от поэмы становится ещё более эмоциональным от того, что написана она человеком, имевшим самое прямое отношение к блокадным событиям. Поэма «Блокада» – это «*гісторыя свайго партызанскага краю*», это горячий монолог о мучениях и борьбе белорусского народа в минувшей войне. По словам поэта Г. Буравкина – это монолог свидетеля суровых событий перед временем и потомками.

Поэма состоит из трех частей («Блокада терпения» («Блакада цярпення»), «Блокада молчания» («Блакада маўчання») и «Блокада сердца» («Блакада сэрца»)) и вступления («Бессонница») («Бясонніца»), которое выступает ключом к пониманию причин появления этого произведения. Более четверти столетия в сердце поэта жило «...*слова глухое, як тол – блакада*». В итоге из глубин памяти и выплыли «*тры кругі блакады суровай, падпаленыя крывавай зарюю*».

Уже с первых строк читатель ощущает все ужасы блокады. Немецкая «рама» над повозками с ранеными («*крыжы над намі яшчэ жывымі*»), «*пад неба стагі густыя*», что чернеют на лугу от взрывов. Попытка «*прайсці жалезку! Прарвацца на Захад!*» («*Жалезка сустрэла жалезам, жахам...*»). Горькие слезы матери над умирающим от ран разведчиком-сыном. И

²⁵ Барадулін, Р. Балада Брэсцкай крэпасці: паэма / Р. Барадулін. – Мінск, 1975. – С. 111.

²⁶ Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег: Вершы і паэмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1972. – С. 24.

РЫГОР БОРОДУЛИН

везде «блiшчастыя бляхі». Крыжы, Аўчаркі. Астылыя рулі, тупы погляд», «на нервах іграюць апрыкляы балалайкі» (шестиствольные немецкие минометы), «...на горле спалоханнага астраўка сціскаюцца пальцы аблавы», а люди сидят, захлебываются в болотной воде и видят, «як аўчарка па следзе вядзе ашчэраныя аўтаматы». Страдания, кровь, смерть...

Однако не удалось оккупантам затянуть петлю блокады. Ценой жизни десятков и сотен боевых товарищей партизаны разорвали блокадный круг.

В «Блокаде», говоря словами Вл. Гниломедова, Р. Бородулин отвоевал у небытия трагическую картину минувшей войны, фигуры и образы людей, которые ценой жизни приближали победу.

В 1974 г. по проекту скульптора А. Аникейчика и архитекторов Ю. Градова и Л. Левина в честь легендарного прорыва вражеской блокады 16-ю партизанскими бригадами в апреле-мае 1944 г. на месте бывших боев между деревнями Двор Плино и Паперино (в 7 км от районного центра Ушачи) сооружен мемориальный комплекс. Читаем в стихотворении Р. Бородулина «Плиты»:

*...Звугалеў алфавіт
Ад жудасці анямелых пліт.
Пліты
Нібыта плыты
На крывавах тваіх вірах,
Вайны апраметнай...
...Лічыць не бяруся,
Бо ў скрусе
Баюся зблытаць
Учарнелыя пліты
Па ўсёй маёй Беларусі.
.....
Па іх вучыцца нашчадкам
Азбуцы нянавісці да забойцаў!²⁷*

И мемориальный комплекс, и стихи появятся через многие годы после войны. А в 1944 г. в партизанском краю повсеместно виделись следы-пожарища, новые кладбища, нищета – «злая дзядзіна», с которой «ніяк не згаворышся. Усё памяняна, прададзена. На руках толькі дзеці хворыя». Но не потерялось у людей стремление к жизни. Голод, холод, бедность – все пережили люди. А если было совсем трудно, на помощь приходила песня:

*Сягоння зноў рана
Запяяла Ульяна.
Запяяла Ульяна –
Значыць кепскія весці:
Сыну хочацца есці...²⁸*

И хотя не веселыми были эти песни («каб не чулі, як плача сын, каб самой не заплакаць, пье...»), но с ними, женщинами, легче косилось, пахалось, переносились послевоенные невзгоды, верилось в лучшую жизнь.

Бородулинская «Блокада» постоянно напоминает всем, какую дорогую цену заплатил белорусский народ за сегодняшний мир, за свою свободу и независимость.

²⁷ Барадулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1978. – С. 40–41.

²⁸ Барадулін, Р. Лінія перамены дат: новая кніга лірыкі / Р. Барадулін. – Мінск, 1969. – С. 113.

За матуль,
што жыццю
не рады,
За калек,
За ўдоў,
За сірот
Праклінаю цябе,
Блакада!²⁹

Ужасы войны, пронизанное послевоенными трудностями сознание поэта, «холодная война» – все это способствовало тому, что Р. Бородулин становится активным борцом за мир как самое дорогое счастье человеческого бытия. Не стыдясь, не боясь упреков за логунговость поэтических строк, он остро-публицистично заявляет:

Я знаю
для многіх паэтычных кастратаў
тэма міру уяўляецца
нейкай абстрактнай.
На справе ж яна –
надзвычай канкрэтная...
... Таму вось поэмаю
заклікаў
словы...
... Сягодня
Я клічнікам стаць
на транспаранце:
«Хай жыве мір ва ўсім свеце!»

Таким же жизнеутверждающим светлым, привлекательным, доверчивым, пусть иногда и печалью пронизанным, но никогда не эгоистичным выступает интимный мир поэта и его лирического героя. И для одного и для другого – любовь принимается как одно из важнейших условий полноценного духовно-нравственного существования человека. Книга, в которой была бы собрана любовная лирика Р. Бородулина (как, к примеру, читатель находит у Г. Буравкина в его поэтическом сборнике «Нежность» с подзаглавием «Стихи о любви») автор читателю пока не предложил – строки и строфы о самом высоком из чувств, переполняющем сердце поэта, мы находим почти в каждой его поэтически-лирической книге. Правда, в книге лирики «Простор» есть отдельный раздел «Ветка печали» («Ветка смутку»), содержащий почти 50 стихотворений о любви.

Чем же привлекает любовно-интимная поэзия Р. Бородулина? На наш взгляд, прежде всего своей чистотой и искренностью, открытостью и тонкостью в фиксации человеческих отношений, метафоричностью и неожиданными ассоциациями, фольклорной пронизанностью и легким юмором.

Читаем: «Ад «не трэба, не трэба да «святло патушы». ...Ноч бывае такая толькі раз у жыцці...» («Ад «не трэба, не трэба...»), «Чаканы міг спакою. І – паваротам ключа. Світае ў пакоі ад смуглага пляча» («Чаканы міг спакою...»), «А я выводжу, як школьнік, імя тваё на снягу. І ад яго гарачага, снег растае. У бары заінелым бачу вочы твае». («Дзень пачынаю...»), «Я твой нявольнік, твой прыгонны. Нішто мне воля без цябе?!» («Я твой нявольнік...»), «Ёсць самазабыццё начы, асвечанае згодай цела. Як потым сэрца б ні хацела,

²⁹ Барадулін, Р. Лінія перамены дат: новая кніга лірыкі / Р. Барадулін. – Мінск, 1969. – С. 128.

РЫГОР БОРОДУЛИН

яму нікуды не ўцячы» («Ёсць самазабыццё начы...»), «Ён і яна – і сусвет не пустуе, сэрцы заходзяцца ў цішы званчэй...» («Ён і яна...»), «Ды вясны без асенняй цябе няма. Да мяне пачуеш сны. Хоць аднойчы прыдзі сама!» («Можа, голас пачуеш мой...»), «Пакуль ёсць ты, ёсць я такі, як ёсць. Цябе кахаю – значыць, я існую, тваёй спакусы запазнелы госць» («Я за табой, як след...») ... А вот следующее четверостишие, в некотором роде характеризующее духовное состояние героя, его глубокие размышления над прожитыми годами:

*Хай снег вадой асядзе ў валасах,
Хай будзе мне хоць пяць разоў па дваццаць –
Усмешкай палахлівай на губах
Ты школьніцай мне будзеш усміхацца³⁰.*

Думаем, что читателям будет небезынтересно прочитать легко-иронические строфы. На наш взгляд, достаточно привлекательные. Вот, к примеру, одно из них – признание в любви своей «клюквинке»:

*Вобраз твой з сабой насіў,
Сніў і ўдзень, і ўночы.
А цябе, як раскусіў –
Аж заплюшчыў вочы³¹.*

Или приглашение «кавалера» на встречу:

*Дзверы я зраблю з паперы,
Каб хадзілі кавалеры:
Бацька дома не начуе,
Маці глуха – не пачуе!³²*

И, наконец, полный интим: «Лёг, ляны ваўчыла, ёлупень пляшывы да сцяны вачыма, да мяне плячыма». Или: «Ой, млынар ты, млынар, а я млынарка, каб з табою мы, млынар, не зрабілі ліха!..».

Выводы? А какие могут быть выводы о поэтическом постижении любви? Как можно, и, следует ли толковать авторскую любовь к любимой, знакомым, родным, близким и Человеку? Ответ на эти вопросы читатель найдет сам, вникая в поэтически-сжатые и в то же время приглашающие к восприятию такого уникального раздела поэзии, как любовно-интимная лирика. Будут и бородулинская душа, и его возвышенность чувств и стремлений.

* * *

Заявив чуть выше, что в творчестве Р. Бородулина трудно выделить главную тему, мы не ошиблись. Здесь налицо патриотизм и героика, лирика и любовь, белорусская природа и народный юмор, и цементирующая триада «Мать–Язык–Родина». Практически в каждом стихотворении они «живут» в той или иной ипостаси, тесно переплетаясь, соединяясь в единое целое, неповторимо-взаимообусловленное. Вчерашнее и нынешнее, субъективное ассоциативно-конкретное и объективно-глубинное, точно увиденное и всерьез прочувствованное, связанное творческим воображением поэта, его умением мыслить образно, соединить в единое целое художественность с философичностью, создает видимую и объемную картину повседневной и во многом противоречивой действительности.

³⁰ Барадулін, Р. Дойны конь / Р. Барадулін. – Мінск, 1965. – С. 25.

³¹ Барадулін, Р. Мудрэц са ступаю: Радкі ў гумары і наравістая паэма / Р. Барадулін. – Мінск, 1988. – С. 103.

³² Барадулін, Р. Свята пчалы: старонкі з кніг / Р. Барадулін. – Мінск, 1975. – С. 306.

Его стихи особенно широко развёрнуты во времени и пространстве, спрессовывают во едино мир больших расстояний. Интерес поэта к разнообразию реальных ценностей, умение передать значимость и красоту всего, что составляет наш реальный повседневный опыт, преобразовать абстрактные понятия вечности и добра, радости и тревоги в конкретные ощущения и краски, передать жизнь с её многоплановыми социально-нравственными коллизиями представляют литературоведам хорошую возможность для глубокого анализа поэтики Р. Бородулина. Приведем некоторые из них.

– поэт и литературовед М. Арочка: *«Прырода таленту Рыгора Барадуліна, як бачым, такая, што яго лепшыя творы піша сама біяграфія, жыццёвы вопыт паэта, назапашаны звычайна на роднай Ушаччыне, пачынаючы з часоў маленства. Але ж нельга ўвесць час чэрпаць, не папаўняючы. Паэт разумее гэта. Ён ахвотна вяртаецца да сваіх вытокаў, да «пачатку ўсіх пачаткаў» – роднай зямлі, роднага асяроддзя, якое раней гадала ды і сёння гадуе яго духоўна, жывячы творчыя сілы»*³³;

– критик Г. Березкин: *«Р. Бородулин хорошо владеет не только языковой заинтересованностью» (Б. Ларин), но и заинтересованностью образной, ассоциативной, ритмической и она-то приближает очень национальный, очень «белорусский» талант Бородулина к романтически-интенсивным, «условным» стилям советской поэзии. К Маяковскому, к молодым Асееву и Тычине с их интереснейшими попытками сочленим традиции славянского эпоса, народную песню и миф, и самую горячую, самую насущную современность»*³⁴;

– критик А. Семенова: *«Часам здаецца, што паэт трымае ў руках пярэ самага Купалы – такая крылатасць і ёмістасць, і адметнасць у сказаным. Прыгэтым словы набываюць куляшоўскую выверанасць і строгаць. Або пачуецца замілаванасць і сярдэчная шчымлівасць Пятруся Броўкі. Плыткі, музычны метафарызм Лоркі, складаная асацыятыўнасць Южэфа»*³⁵;

– известный советский литературовед и литературный критик Ю. Суровцев: *«...тонкообразные стихи его (Р. Бородулина. – А.Р., Ю.Р.), отлично играющие многоцветьем слова, не несут на себе ни малейшего отблеска символизирующих авторских намерений»*³⁶.

Мнения специалистов, на наш взгляд, в определенной мере коррелируются с собственно-бородулинской творческой сверхзадачей поиска смысла жизни, понимания общественного назначения Человека, выполнение им своего человеческого (и божественного) предназначения:

*Жыццё пражыўшы на зямлі, сусед,
Багацце нажывёш ці мазалі.
Не думай, што бярэш у сталы свет,
Падумай, што пакінеш на зямлі.*³⁷

(выделено нами. – А.Р., Ю.Р.)

Он более пристально всматривается в окружающий мир, постигает внутренний мир и сознание личности, право человека на индивидуальность, самостоятельность выбора и решений: *«Хоць ісціна адна, усё ж сам ёю думку растрывож!»*. Об отказе от самоуспокоенности свидетельствуют вопросы, поставленные поэтом перед собой в стихотворениях

³³ Арочка, М. Галоўная служба паэзіі / М. Арочка. – Мінск, 1974. – С. 52–53.

³⁴ Березкин, Г. Я – сын земли, наследник хлебопашцев / Г. Березкин // Юность. – 1977. – № 7. – С. 93.

³⁵ Сямёнава, А. Шчодры абсяг паэзіі / А. Сямёнава // Полымя. – 1979. – № 4. – С. 242.

³⁶ Правда. – 1983. – 5 сент.

³⁷ Барадулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1976. – С. 7.

РЫГОР БОРОДУЛИН

1970–1980-х годов: «Куды ж так імчаўся на злом галавы, каго я гукаў і шукаў?», «А дзе той прытулак?», «У чым жа існасць існавання?..», «Кім я стану пасля?», «Што скажуць людзі пра мяне?», «Як, неспакойны, спакоем заручыся?». Ответом на них могут быть авторские слова о неутомимости человеческого сознания, ее бесконечности. «Пакуль жывеш, да-туль пытайся. Пытаннем сутнасці жывеш...». Лирический герой и Человек, таким образом, становятся своеобразным инструментом поэтического осмысления действительности. Как отмечает поэт:

*Нам перадаць імкнецца час
Усе свае прыкметы,
Пакуль пад сонцам
Круціць нас
Ганчарны круг планеты*³⁸.

В поэтической борьбе за духовность личности Р. Бародулин, ничуть не стесняясь, использует и такие жанры, как юмор и сатира (а иногда и сочлененность лирики и юмора), объединив произведения этого цикла в сборниках «Клюквинка», «Кстати», «Мудрец со ступою» и других своих книгах (как он сам шутливо замечает – «врассыпку»). Веселые и юмористические стихотворения, пародии, эпиграммы, миниатюры, гневные реплики, «усмешки-пераўсмешки», с одной стороны, и шутка, ирония, гротеск, самобытный юмор, свежие рифмы, слова-образы – с другой, – все по-бародулински, направлено на то, чтобы помочь Человеку смехом или легким юмором, дружеским советом или едкой иронией избавиться от своих недостатков. Тон его произведений умеет резко меняться. И делается это для того, чтобы сатирическим искусством бить «не в бровь, а в глаз». И предлагаются читателю следующие строки (актуальные, на наш взгляд, и сегодня. – А.Р., Ю.Р.):

*Сем пядзяў – без шасці – у ілбе.
П'е ўдосыць без прынукі.
Такі пудлівы,
Што сябе
Узяць баіцца ў рукі!*³⁹
«Празмерна пудлівы»

*Уранні хапала
Пітва і запалу,
Пад вечар сказаць бы маглі:
«Нага чалавечая тут не ступала».
Бо поўзалі ўсе па зямлі»⁴⁰.
«Выезд на прыроду»*

*Ідуць турботы чарадой,
І ўсе яны канкрэтныя,
Не грэх і піва ўзяць парой
З сябрамі
За дэкрэтныя...»⁴¹
«Мнагадзетны бацька»*

³⁸ Бародулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Бародулін. – Мінск, 1976. – С. 7.

³⁹ Бародулін, Р. Прынамсі... Вясельныя вершы, закаханы гумар, пародыі, эпиграмы / Р. Бародулін. – Мінск, 1977. – С. 32.

⁴⁰ Там же. – С. 67.

⁴¹ Бародулін, Р. Мудрэц са ступою: радкі ў гумары і наравістая паэма / Р. Бародулін. – Мінск, 1988. – С. 64.

Юмористические стихи Р. Бородулина, по меткому выражению одного из критиков, представляют собой глубокие колодцы, в которых вода криничной свежести. В бородулинских стихах вся соль, ядро замысла – в сюжетно-обостренных концовках. Таких, как в стихотворении «Чуть-чуть опоздал» («Крыху спазніўся»):

*Вясёлы быў адказ:
– Як раз
Памылка адбылася.
Прыйшлі вы ў пяты клас,
А ў вас
Дачка ўжо ў восьмым класе!⁴²*

Особое место среди сатирически-юмористических произведений «лісты, паштоўкі, тэлеграмы», посвященные литературному творчеству, коллегам по перу, деятелям художественной культуры союзных республик. Чувством дружбы, взаимопонимания и глубокого уважения проникнуты бородулинские послания К. Кулиеву, Д. Павлычко, Г. Эмину, землякам-белорусам И. Лученку, Г. Цитовичу, Г. Вагнеру, О. Лойко, Н. Гилевичу, В. Короткевичу, С. Гроховскому, П. Пестраку, А. Бачило, М. Танку, А. Велюгину и многим другим деятелям белорусского искусства. Вот некоторые из них:

– посвящение Ивану Науменко:

*Не упершыню
ў саліднай прозе
Шумелі сосны пры дарозе,
Гулі дубы,
Цвілі таполі, –
Наогул.
Дроў у нас даволі!..⁴³*

– Янку Скрыгану:
*Хоць піша Янка не пагана,
Чытач злуецца на Скрыгана:
Замала новага дае,
А толькі
пера –
вы –
дае...⁴⁴*

– Игорю Лученку:
*Па хвалях нот
Кіруй чайноч.
Дарога ў вечнасць не прамая.
І мора славы, Лучанок.
Настырных стырнавых прымае.
Для слухачоў эстрады – пляж.
У музыцы, князь Ігар
Княж!⁴⁵*

⁴² Барадулін, Р. Мудрэц са ступаю: радкі ў гумары і наравістая паэма / Р. Барадулін. – Мінск, 1988. – С. 69.

⁴³ Барадулін, Р. Журавінка: Гумарыстычныя вершы, пародыі, эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1973. – С. 128.

⁴⁴ Барадулін, Р. Прынамсі... Вясёлыя вершы, закаханы гумар, пародыі, эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1977. – С. 128.

⁴⁵ Там же. – С. 238.

Нельзя оставить без внимания раздел «Мини-стрелы в менестрелей» («Міні-стрэлы ў менестрэляў») из книги «Мудрец со ступою»). Упоминаются всего лишь несколько фамилий, а вся ирония, сарказм, хитроватые намеки, едкие словца – все направлено на главное – требовательность к поэтическому мастерству, авторская ответственность за поэтическое слово. В экспромтах Р. Бородулина можно прочесть, «не пожелание поэта-сатирика своему другу лирику: «Якраз і смехота ўся... у тым, што ты за вершы ўзяўся», узнать о стремлении начинающих к славе: «Я шлях да славы карачу: «Пісаць няма калі – крычу! Ажно ахрып, абліўся потам. Майстэрства? Думкі?.. Прыйдуць потым!», и очень своевременное пожелание: «Яшчэ б я звання ўвёў адно – «Засушаны дзеляч культуры» (Выделено нами. – А.Р., Ю.Р.). Было бы очень неплохо, если бы с этими мыслями Р. Бородулина знакомили всех идущие под «крыло Пегаса».

Есть в творчестве Р. Бородулина ещё одна тема, которая, на первый взгляд, хотя и не отражает большие события, но без которой сегодня нельзя вести знакомство с поэтическими сборниками «Зевает ли бегемот?», «Апрель», «Ай! Не буду! Не хочу!», «Раскидач» («Раскідач»), «Суровый выговор», «Что было бы тогда, если б», «Кошки в кошелке» («Кошкі ў сумцы») и другими свидетельствующими, что к детям обращается старший товарищ, внимательный педагог, тонко понимающий детскую душу. Его стихи, его смеховая культура, в которых использованы различные ритмы и интонации, позволяют и самым маленьким и более взрослым читателям глубоко понять окружающий мир, учат детей любить и понимать природу, знакомят их с неповторимым богатством народного творчества и родного белорусского языка. В детских стихах, – **как это подчеркивает один из литературных критиков В. Машков, – «поэт остается сам собой, он не отказывается ни от сложных, неожиданных образов, ни от аллитераций или корневых рифм, одним словом, работает в детской поэзии во всеоружии мастерства и опыта»**⁴⁶. Один из примеров – стихотворение «На шоссе и у шоссе!» («На шашы і ля шашы»), ставшее почти хрестоматийным. Поэт обыгрывает только одну букву, а детям удалось познакомиться с десятком слов, обогатить свой языковой запас, музыкальный слух и поэтический вкус:

*Што хвілінна на шашы
Шумна, як на кірмашы,
Шоргат,
Шорах,
Шум птушыны.
За машынаю машына.
Нешта шэпча
Шына шыне.
Шпак шыкуе
На шыпшыне.
А пад шатамі ў цішы
На ляшчыне спарышы.
У капелюшы спарыш.
Пагушкай спарыш,
малыш!
Шпарка па шашы ў кашы
Пашыбуюць спарышы.
Шэпча шустрая шаша:
– Не спяшайцеся, ша-ша...*

⁴⁶ См.: Нёман. – 1970. – № 6. – С. 188.

Обратимся, к примеру, к сборнику «Зевает ли, бегемот?», в первом разделе которого через веселые стихи, дети узнают, как заяц стал долгоухим, почему зеленый коник «*хоча купіць парасонік*», что такое босые конфеты и т.п. А попробуй, сегодняшний читатель, ответить на вопрос, что это за «штука» варголы? Не пытайтесь, ответа не найдете. А поэт, оказывается, знает, что это такое. Оказывается, это «яда» (еда), которую бабушка готовит для своей капризной внучки. *«Злосць зняло як рукой, позірк стаў ласкавы, бо малая такой не спытала травы»*. А что такое «Раскидач?». *«Нежаданы гэты госць раскідае ўсё, як ёсць. На падлозе мішкі, кніжкі, на падлозе міскі, лыжкі. Небарачка-качка крача. Пад канапу скача мячык, і злятае са стала бедны певень без крыла»*. Почти что в сказочном стиле поэт рассказывает детям, почему рак сделался красным. *«Захацелася памыцца раку неадкладна. Авадні два дні награвалі камяні, камары ў тры пары паддавалі пары. Малайцы-плавунцы дужа шчыра без супынку спінку шаравалі жвірам. Шчупакі-дадзязі венікам з бадзязі рака так хвасталі, покуль не прысталі. І цяпер крычаць вароны, «які ррак чыррвоны!»*.

А какими привлекательными для детского читателя выглядят книги «Индыкало-кудыкало», «Раскидач», «Азбука – не забава». Выскажем свое мнение – «Азбука – не забава», вводящая детей дошкольного возраста в «красивый» (книгу с высоким художественным мастерством оформил художник А. Александрович) мир начальной грамотности.

Не будет преувеличением сказать, что белорусская детская литература в «недетском» поэте Р. Бородулине обрела нового и неповторимого автора, постоянно находящегося в поиске новых художественных приемов, необычных, веселых, привлекательных тем и сюжетов, надолго захватывающих внимание юных читателей. Автор не становится в позу воспитателя, не подделывается под детей, он ведет разговор с ними натурально, красиво и выразительно. Язык его произведений самобытный и оригинальный, поистине неисчерпаемый, обогащенный глубинными народными мотивами, имеет необходимое для детского слуха музыкальное звучание. Используемые им гиперболы-преувеличения, гротеск, комические ситуации героев, небылицы, самобытные загадки, занимательные скороговорки, сказки превращают серьезные темы в захватывающие путешествия по жизни, помогают детям глубже понять окружающий мир, будит у них здоровые эстетические чувства.

Этот короткий экскурс в детское творчество Р. Бородулина вполне оправданно можно завершить такими словами – для поэта все было просто, но не упрощенно, виртуозно, но понятно, захватывающе-воспринимаемое детским читателем: важно было, чтобы его эмоционально-насыщенное сердце работало в тесном созвучии с сердцами будущих великих открывателей и изобретателей.

Нельзя оставить без внимания переводческую работу. Р. Бородулин перевел на белорусский язык произведения У. Шекспира, Дж. Байрона, Р. Киплинга, Р. Бёрнса, Ж.-Б. Мольера, А. Рембо, А. мицкевича, Т. Шевченко, А. Пушкина. Отдельными изданиями вышли в свет в его переводе «Слово о походе Игорева», произведения Я. Райниса, О. Хайма, Б. Пастернака, М. Шагала, А. Вознесенского, К. Шермана и др.

И еще об одном, далеко не второстепенном элементе в поэтическом творчестве Р. Бородулина. Это необычная чуткость, можно сказать даже влюбленность в родное слово, чудное умение заставить это слово зазвенеть, заблестеть всеми цветами и оттенками. Глубокое изучение родного белорусского языка, его говоров, поистине молитва «матчиной мове». Найденные им слова излучают запах родной земли, звучат на языке родной природы, светятся множеством разных цветовых оттенков. *«Як жыта спрадвечная Беларуская мова!»* – пишет в одном из своих стихотворений Р. Бородулин-поэт, произведения которого особое звучание и свежесть придает использование им древнеславянских и

РЫГОР БОРОДУЛИН

древнерусских слов. Органическое сочетание глубины народных истоков, фольклорного начала и современных ритмов и широкое применение сравнений, ярких философских метафор («дрэва часу», «рака ўсёзабыцця», «адкрыты космас» и др.), сложных созвучий, открытость эмоций, изобретательность и неожиданная рифма, обогащенная корневыми созвучиями и аллитерациями («Крык крыг», «станцыя Грамы», партрэт возера ў гуках...), богатая лексичность придают художественной форме содержательность и пластическую объемность. Однако высшее выражение формы совсем не является планом художественного конструирования, голым формотворчеством (хотя некоторые литературоведы именно за это упрекают автора), а результат повседневного, познавательного-жизненного опыта (фонтан чувств и фейерверк мыслей), поэтического таланта нашего земляка, разрушительно действующего на еще бытующий серый, усредненный язык. Он постоянно ищет и находит в лексике живых диалектов языка удивительно красивые и точные слова и смело вводит в собственный поэтический мир («неруш ранішні»), в котором постоянно соединяется художественность образа с ассоциацией символа и рождаются стихи с аналитикой реальных жизненных проблем, той аналитикой, в которой даже звуки вступают в процесс творения художественного образа («маўчыць вірамі глыбіня», «нябёсы думаю аблокамі», «смяецца рэхам цішыня» и др.). Вот оно авторское осмысление и признание: *«Я ў роднае слова вярнуўся, без яго сірата сіратою».*

Бородулинская муза, его лексические новообразования, метафоричность, рифмовка, имеющие в своей основе устное поэтическое творчество позволяют ему выходить на более масштабный уровень художественного обобщения действительности, преобразовывать *«бытавую дакладнасць у дакладнасць паэтычную» (А. Русецкий)*, поднимать в сознании читателя новые и новые нравственно-эстетические позиции.

Творчество писателя и поэта характеризуется его принадлежностью времени, опыту народа, воплощенного в личном художественном опыте, новым постоянным осмыслением накопленного духовного состояния. Можно утверждать, что всем этим требованиям творчество Р. Бородулина во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов соответствует в полной мере. Обостренное чувство патриотизма в сочетании с высоким художественным мастерством, его стремление видеть и чувствовать Родины *«абсяг»*, видеть жизни *«неруш»*, помнить об ушачском озере Вечелье и не оставаться в *«самоце паломніцтва»* свидетельствует об активности гражданской и творческой позиции поэта. Для подкрепления наших мыслей обратимся к авторитету народного поэта Беларуси П. Панченко, высказавшегося в стихотворении «Происхождение моего друга Рыгора Б.»

*Ты прыйшоў з вайны і гора,
Ты – з малітвы,
Ты з разгневанага бору,
Ты смалісты.
Сто паэтаў цягнуць хорам,
Ты салістам,
Ты нібы святло ў лесе.
Ад каліны,
Ты ад самай добрай песні –
Ад Куліны⁴⁷.*

⁴⁷ Панчанка, П. Маўклівая малітва / П. Панчанка. – Мінск, 1981. – С. 55.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барадулін, Р. Неруш: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1966.
2. Барадулін, Р. Адам і Ева: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1968.
3. Барадулін, Р. Лінія перамены дат: новая кніга лірыкі / Р. Барадулін. – Мінск, 1969.
4. Барадулін, Р. Экзамен: вершы / Р. Барадулін. – Мінск, 1969.
5. Барадулін, Р. Ай! Не буду! Не хачу: вершы / Р. Барадулін. – Мінск, 1971.
6. Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег: вершы і паэмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1972.
7. Барадулін, Р. Журавінка: гумарыстычныя вершы, пародыі, эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1973.
8. Барадулін, Р. Рум: новая кніга лірыкі / Р. Барадулін. – Мінск, 1974.
9. Барадулін, Р. Балада Брэсцкай крэпасці / Р. Барадулін. – Мінск, 1975.
10. Барадулін, Р. Суровая вымова: вершы / Р. Барадулін. – Мінск, 1976.
11. Барадулін, Р. Прынамсі...: вясёлыя вершы, закаханы гумар, пародыі, эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1977.
12. Барадулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1978.
13. Барадулін, Р. Ці пазяхае бегемот?...: вясёлыя вершы, казкі, прыбабунькі / Р. Барадулін. – Мінск, 1980.
14. Барадулін, Р. Паэмы прызнання / Р. Барадулін. – Мінск, 1982.
15. Барадулін, Р. Амплітуда смеласці: і лірыка, і гумар / Р. Барадулін. – Мінск, 1983.
16. Барадулін, Р. Абразы без абразы: сяброўскія шаржы і эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1985.
17. Барадулін, Р. Маўчанне перуна: новая кніга / Р. Барадулін. – Мінск, 1986.
18. Барадулін, Р. Парастак радка, галінка верша: артыкулы, эсэ / Р. Барадулін. – Мінск, 1987.
19. Барадулін, Р. Мудрэц са ступаю: радкі ў гумары і наравістая паэма / Р. Барадулін. – Мінск, 1988.
20. Барадулін, Р. Самота паломніцтва: кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск, 1990.
21. Гарэлік, Л. Зямля бацькоў дала мне права / Л. Гарэлік. – Мінск, 1983.
22. Русецкі, А. Заўсёды помніць родныя сцежкі (Рыгор Барадулін) // А. Русецкі. Ісці да чалавека. – Мінск, 1987.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

Многа напісана добрых артыкулаў і нават цэлых даследаванняў аб творчасці Петруся Броўкі. Не раз пісаў аб ім і я. Але дагэтуль нідзе не прачытаў і сам не здолеў вызначыць для сябе ды назваць людзям тую сілу, якая закладзена ў яго паэзіі. Ведаю толькі, што гэта сіла сапраўды значная і глыбока чалавечная, калі ворагі людзей караюць за яе смерцю тых, хто параджае і гадуе сейбітаў добрага і чулага слова.

Не адразу на поўны голас загучала гэта сіла ў творчасці П. Броўкі. Яе пошукам, пошукам глыбокай праўды і таго адзінага жывога слова, якое магло б данесці гэту праўду да чалавечага розуму і сэрца, паэт прысвяціў усё сваё жыццё і пошукі гэтыя вяліся не на вузкіх крывых сцежках, не ў цёмных закутках, а на галоўных магістралях жыцця і барацьбы народа за свой сучасны і будучы лёс.

П. Глебка

Жизнеутверждающим началом, народной мудростью, этико-эстетической наполненностью пронизана послевоенная поэзия уже известного в довоенной белорусской советской литературе Петруся Бровки. Его поэмы «Ясный кут» («Ясны кут») (1944), «Хлеб» («Хлеб») (1946), «Родные берега» («Родныя берагі») (1948), «Добрый друг» («Добры друг») (1949), «Червон-городок» («Чырвон-гарадок») (1950), «Леса Наддвинские» («Лясы Наддзвінскія») (1953), многие стихотворения, написанные в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. составили масштабное литературно-художественное полотно, прошитое творческим поиском, неожиданными находками, образностью белорусского слова. У П. Бровки ярко выраженная народная основа ощущается в чувствах сыновней любви к своему Отечеству и, конкретнее, к своей «малой Родине» – любимой Ушаччине, в умении сделать неотрывной свою биографию от истории родной земли, в поэтическом воплощении национального характера и отрицании войны, жестокости и бесчеловечности.

Поэма «Ясный кут» – первое в послевоенной белорусской поэзии произведение о возрождении жизни на освобожденной от немецко-фашистской оккупации территории. В ней сливаются в единое целое эпическое и лирическое, гражданские позиции героя и автора, личностная боль и всенародная скорбь и переживания («*Паміж чорных абвугленых дрэў, мне здаецца, я сам спапялеў*»).

Сюжет поэмы – типичен для многих поэтических произведений о войне как самого П. Бровки, так и других белорусских писателей, и поэтов: тяжело раненный (на фронте потерял руку) возвращается в родную деревню герой поэмы. И не находит деревни, все сожжено, уничтожено, погибла его семья, часть населения угнана в Германию. Пережив потрясение от увиденного (а сколько их, воевавших, возвращалось на растерзанную землю), герой не растерялся. Он уверен в том, что жизнь восстановится, что вернуться люди в свои края («*Колькі, колькі са свету дарог прывядзе іх на родны парог*»). И уверенность в этом подкрепляет дед Лукаш, возвратившийся из партизанского отряда. И начинают они вместе, в «три руки», движение навстречу жизни. Построен первый дом, поставлен указательный столб с надписью «Колхоз «Ясный кут»». Включается в работу Авгинька, довоенная деревенская красавица, поседевшая в немецких концлагерях. Замкнутая, неразговорчивая, она однажды эмоционально высказывается:

*Калі-б ад нашага плачу рака ўсплыла,
Той-бы рэчкай да вас прыплыла.*

*Каб сабраць наш пакутлівы стогн,
Аглушыў-бы Нямецчыну ён.*

Поэтика произведения усиливается введением в нее таких элементов, как клен, посаженный героем в довоенное время и сопровождающий его в памяти на фронте и в госпитале («Толькі ты ўсё шуміш, мной пасаджаны клён»), аист, облюбовавший под гнездо деревенское дерево, и такой болезненно-нравственный мотив, как постоянное общение с без вести пропавшими матерью и сыном Василием. Обращаясь к ним как к живым, герой уверен в том, что они действительно живы.

*Пройдем мы,
А па следу аратых
Хутка стануць шаптаца зярняты;
Будуць цешыць ячмень і авёс Нас да слёз;
Разбяжыцца, як быстрая рэчка,
Наша белая, белая грэчка,
І на градах паснуць качаны.
Ажывае сяло.
Мы з табою, Лукаш,
Не адны:
Бачаць нашу працу здалёк
Мая маці і сын Васілёк.*

В этом-то и заключается пафос жизнелюбия и жизнеутверждения, необходимых в те годы для преодоления героями трагедии военных лет, в устремлении к деятельности, к осуществлению идеалов тех, **кто был рядом с ними, но жестокой смертью был вырван из рядов живых (М. Ярош).**

Тема созидательного труда, поэтического воплощения возрождения жизни на освобожденной земле, вера в творческие силы белорусского народа (помните бровкинское: «Будзем сеяць, беларусы...») получают свое продолжение в сюжетно-повествовательных поэмах П. Бровки «Хлеб», «Родные берага», «Добрый друг», «Червон-горадок». Вот, к примеру, поэма «Хлеб». Произведение небольшое по размеру, однако написано с огромной душевной щедростью, в эмоционально-насыщенных тонах, подчеркивающих единение человека с природой, традициями народной жизни. (Своеобразным эпиграфом к нему, на наш взгляд, могут быть названы два стихотворения «Возьмем севалки» («Возьмем сеўні») («Возьмем сеўні, час на поле нам выходзіць») и «Весеннее» («Вясновае») («Ідзем за плугамі мы, вольныя людзі, свабодна ўздыхнуўшы на поўныя грудзі»), написанные в апреле 1945 г.). Пять лет не был в родных местах сеятель (сейбіт), дошел до Эльбы («Да далёкай Эльбы кулі сеяў наш сейбіт, ды вярнуўся да хаты, зноў да жытніх зярнятаў»), но постоянно у него перед глазами была картина, будто он:

*...сваімі рукамі
Засявае палетак,
– Колькі год між баямі
Ён памарыў пра гэта.
Колькі раз у завіруху
Чуў узрушаны голас –
Гэта шэптам, на вуха
Гаманіў яму колас.*

ПЕТРУСЬ БРОВКА

Пахать, сеять, собирать урожай – вот она заветная мечта солдата-сеятеля (сейбіта). И вот он весной на родной земле

*...ходзіць палямi,
Па прасторах шырозных –
Нiбы ў кнiзе радамі
Роўна леглі барозны.*

*Сыгне горсць залатую,
Восень звонкую збудзіць,
Вецер з бору цалуе
Расхрыстаныя грудзі.*

Летом же:
*Сейбіт прыйдзе з надзеяй,
Паглядзіць, усміхнецца,
Быццам там ён пасеяў
Свой кавалачак сэрца.*

Наконец, осенью:

*Падышоў на загоны
І ў глыбокую восень –
Хваляй, морам зялёным
Жыта скрозь разлілося.*

Однако притягательность поэме придает не только поэтизация земледельческого труда, в котором звонкое жито рассеивается «золотыми горстями», а счастливому сеятелю радость будто «радугой глянет» и хлебный каравай дымится «золотой медовой». Мажорный тон повествованию придает третье действующее лицо – «Она» – девушка, пленившая сердце сеятеля. Как и главный герой, эмоционально-чувствительная, влюбленная в родную природу, она ходит послушать шепот восходящего жита, радуется чистой и красивой любви, захватившей ее. Откровенно симпатизируя сподвижнице сеятеля, поэт прославляет:

*І агні на рабінах
З баравое паляны,
І красуню-дзяўчыну,
Што так лашчыць старанна, –
Што саломкаю меціць
Шлях, ці голлем зялёным,
І да долу хінецца
З урачыстым паклонам.*

Поэма «Хлеб» охватывает годовой земледельческий цикл – осень, зиму, весну и снова осень – «четыре поры года, символизирующие мудрый круговорот жизни на той земле, где властвует радость свободного труда» (М. Арошка). За это время вызревает не только хлеб, радуя богатым урожаем его сеятелей, за это время вызревает и любовь в душе героя – чистая любовь к той, с которой он сеял свое первое послевоенное жито.

А потому логичным и закономерным выглядит финал поэмы:

*А назаўтра сышліся
Людзі ў хаце прыбранай,
Каравай задыміўся
На абрусе ільняным.*

*І ўся вуліца чула
Іхні гоман шчаслівы...
...Быў між імі адзіны,
Быццам сонцам абліты,
А сядзеў ён з дзяўчынай,
З той, што сеялі жыта!*

Труд сеятеля, буйство природных красок, любовь односельчанки, вычерченные приподнято-торжественным мироощущением поэта, – весь поэтический комплекс произведения обеспечивает естественное развитие главной лирической темы произведения, повышает экспрессивность поэтического слова, многозначного и выразительного. И выразительность эта – прежде всего в художественной символике, оформленной в преимущественно светлые краски и торжественные интонации, вытекающие из реальной жизни с ее радостью мирного созидательного труда, нелегкого, но благородного. После долгих лет войны, крови и смерти герой П. Бровка будто вновь открывает и для себя, и для читателя радость и красоту общения с землей, с детства знакомым и вместе с тем новым для него сегодня (осенью 1945 года. – *А.Р., Ю.Р.*) полем. Поэтизация всепобеждающей радости созидания, возрождающего жизнь из руин и пожарищ, обогащающее всю поэму мажорное настроение находят свое выражение и в гибком, легком ритме народной песни (усеченный двустопный амфибрахий).

Пронизанная ненавязчивым проявлением глубокой человечности, жизненными патриотическими качествами и эстетическими элементами, поэма была тепло принята читателями. По своей тональности она оказалась близкой к народному пониманию победы, радости и ликования, пришедшими на белорусскую землю в результате всемирно-исторической победы.

За поэму «Хлеб» и стихотворения «Народное спасибо» («Народнае дзякуй»), «Брат и сестра» («Брат і сястра»), «Если бы стал я» («Калі б я стаў»), «Встреча» («Сустрэча»), «Думы о Москве» («Думы аб Маскве») П. Бровка был удостоен в 1947 г. Сталинской премии. Второй раз такой же премии поэт был удостоен в 1950 г. за сборник стихов «Дороги жизни» («Дарогі жыцця»).

Жизнерадостным мироощущением, поэтизацией строительства нового дома «над слоем золы», оптимистическим настроением пронизано содержание поэм «Родные берега» и «Добрый друг». Избрав главными героями поэм представителей колхозной интеллигенции (в «Родных берегах» – это агроном Степан Петрович, в «Добром друге» – сельский врач Лена. – *А.Р., Ю.Р.*), Петрусь Бровка поставил задачу через их судьбы раскрыть процесс восстановления белорусской деревни, его успехи, те духовно-нравственные явления, которые определили содержание, смысл и успехи в поступках и действиях сельчан.

Своих героев поэт показывает в кругу их повседневных забот и радостей, рисует их общественные дела и интересы, постигает их личную жизнь. Агронома Степана Петровича – человека образованного и деятельного – читатель встречает на льняном поле (агроном интересуется, не пропал ли лен), на покосе (разбирается в упущениях в работе косарей), на пахоте (идет разговор о глубине вспашки), в беседе с колхозным счетоводом Адамом. В течение одного рабочего дня агроном посетит курган, где похоронен его партизанский друг («Закалаціўся аграном і спяхмурнеў, як хмара: ляжыць пад гэтым курга-

ПЕТРУСЬ БРОВКА

ном яго стары таварыш...»), побываает на свадьбе колхозной ударницы Полины Атрощенко-Ковалюк, да и сам посвтаецца к той, «ну, што завецца Ганнаю». И везде он активен, знает, что его знания нужны делу, людям, всем, кто рядом с ним. Он не созерцатель. Он человек творческой натуры, такой специалист, благодаря которым менялся облик колхозного села на рубеже 1950–1960-х гг.

*Усюды чуецца жыццё,
Яго прасцяг шырокі:
Дзе пруд,
Дзе гай,
Дзе азярцо –
Усе лагодзіць вока...*

Еще более динамичной выглядит сельский врач Лена Потапенко; ее образ подается поэтом в развитии, в процессе формирования и роста. Ее действиями руководит не только глубокая идейность, но прежде всего человеческое постижение и понимание жизни белорусского крестьянства, находящегося в мирных условиях возрожденческих процессов, а поэтому и отношения с людьми у нее простые, товарищеские, открытые, позволяющие полностью раскрыться лучшим душевным качествам молодого сельского врача.

*Даць паратунак
Любой цаной –
Кажэ знаёмае ей пачуццё.
Недзе тут блізка
У хаціне адной
Б'ецца сам-насам
Са смерцю жыццё.
Спяшыць яна,
Спяшыць яна...*

При этом Лена не замыкается только в своей профессии. Она активный участник проводимых в деревне культурно-массовых мероприятий. В каждом доме она желанный гость:

*Просіць садоўнік
Наведацца ў сад,
Бабка Тадора
Адведаць чарніцу,
Хто, каб унукаў зайшла паглядзець,
Хто на сняданне,
Хто так пасядзець.*

Лена понимает все сложности сельского врача: приходится быть и терапевтом, и хирургом, и просто советчиком:

*Хай сабе сіл
Ты нямала кладзеш,
Добра ж хваробу ў часе стрымаць
Як жа прыемна,
Што хвораму лепш,
Быццам – устаеш, маладзееш сама!*

Знание своего дела, внимание к больным и выздоравливающим, готовность прийти на помощь землякам – вот качества, которые дали право коммунистам принять Лену в свои ряды.

В поэме, к сожалению, есть и слабые места – не завершены некоторые образы, не развернута, к примеру, линия личных отношений Лены с Андреем. Но главное, что удалось автору, – это показ новых людей, создание образов сельских интеллигентов, неразрывно связанных с народом и посвятивших ему свои профессиональные знания и личностные качества.

Интересной оказалась по замыслу и поэма «Червон-городок», посвященная показу колхозной жизни в одной из западных областей Белоруссии. Герои поэмы – кто в застенках польской дефензивы («*Па-за кратамі, дратамі моцна катавалі, толькі волю ў нашых сэрцах каты не зламалі*»), кто в вынужденной эмиграции за океаном («*Трапіў я ў руднік заморскі з роднай Беларусі, калі ёсць на свеце пекла, пекла не баюся*»), кто на службе у местного богатея («*Раніцой, ледзь пройдзе морак* («утренний туман». – А.Р., Ю.Р.): «*Прэндзей (хутчэй) Каця! (Да аборы)*» – на себе испытали ужасы «свободного» капиталистического общества. Большой и суровый путь пройден ими. Понадобилось всего лишь пять послевоенных лет (поэма написана в 1950 г.), чтобы люди раскрепостились духовно, зажили новой жизнью, поняли значимость и важность коллективного труда.

*Узняліся коміны пад неба,
Хлеб вакол – народнае багацце!
Гарадок адзначаны, як трэба,
На вялікай, на савецкай карце.*

*.....
Сіла ў нашых руках,
Сіла ў новым часе –
Ля Чырвон-гарадка
Навакол калгасы.*

*Многа скрозь пасёлкаў
Добрай гаспадаркі,
Ані тых маёнткаў,
Ані тых фальваркаў.*

*...А вакол прыгожа,
Так і не прысніцца.
А на полі збожжжа
Густа каласіцца...*

*...І спяваюць быццам
Скрозь ляны з аўсамі,
Шапаціць пшаніца
З грэчкай, ячмянямі...*

Только теперь люди увидели (речь идет об осенней колхозной выставке в Червон-городке), какой щедрой, какой урожайной может быть родная земля, если на ней господствует свободный, равноправный труд.

Сила поэмы «Червон-городок» в ее оптимистической пронизанности, в выверенной автором простоте и народности формы.

В то ж время отсутствие единого организующего сюжетного стержня, схематичность образа главного героя – председателя колхоза «Красный Восток», статичность ком-

ПЕТРУСЬ БРОВКА

позиции снижают художественно-познавательную, воспитательную роль поэмы. *«Желание высказать многое, – писал в свое время Н. Перкин в критическом очерке «Творчество Петруся Бровки», – дать целостный и наиболее широкий рисунок важнейших явлений послевоенной жизни крестьянства западных областей не было, к сожалению, подкреплено детальной разработкой художественных средств (сюжета, образной системы, формы стиха, которая, кстати, не везде ритмически стройная и легкая к восприятию, особенно в строфах с удлинённой, 16-слоговой строкой)»*¹. И с ним нельзя не согласиться.

В 1953 г. была напечатана поэма Петруся Бровки «Леса Наддвинские», пожалуй, одно из лучших гражданско-патриотических произведений поэта, написанных в первой половине 1950-х гг. Лирический герой поэмы ощущает потребность оглянуться на пережитое и осмыслить его. Сравнивая «Леса Наддвинские» с предыдущими поэмами П. Бровки этого времени («Добрый друг», «Родные берега», «Червон-городок»), можно увидеть, что поэт идет новым путем в раскрытии патриотических чувств и переживаний героя. Но гражданская страстность, искренняя заинтересованность тем, чем живет современник, открытое постижение гражданской позиции, как и ранее остаются характерной чертой поэтического дарования П. Бровки. В поэме «Леса Наддвинские» доминирует желание задуматься над пережитым, осмыслить, взвесить его. Вместе с ним – проникновение в духовный мир человека, его заботы, тревоги и надежды, углубление в тайники собственной души позволили Бровке расширить горизонты своего поэтического видения жизни. Поэтому и лирическая исповедь, в форме которой написана поэма, выглядит притягательной и психологически убедительной.

Патриотическая идея в поэме разрешена не публицистическими приемами, а средствами лирико-эмоциональной поэзии (это, к примеру, сквозной образ наддвинских лесов, которые фигурируют то в плане реалистическом, как лес, в котором прошло детство героя («Я помню мой далёкі час, як гадаваўся сярод вас!»), то приобретает обобщенно-символический характер, как воплощение мощи и красоты народа и родной земли («Мой родны край! Як ты прыгож! Ну што магу сказаць я больш, лясы наддзвінскія, лясы! Не знаю большае красы, як ваш убор і гонкі стан, як ваш зялёны акіян!»).

Предания, легенды, были... Все помнят белорусские леса. Защемит сердце, когда читаешь следующие строки:

*Я слухаю... Гудуць дубы,
Спяваюць песню мне жалёбы,
Стаяць з нахмураным чалом
Па-над высозным курганом.
Зарос курган густой травой.
Ляжыць там дзеўчына-герой.
Дубы над ёю праз гады,
Як слёзы, сыплюць жалуды...*

Несколько отличается от рассмотренных произведений поэтическая исповедь П. Бровки «Дума о Москве», написанная в 1946 г. Пронизанные мыслью о нерушимой дружбе советских народов, перед читателем одна за другой встают картины недавнего прошлого. Незабываемая героическая и драматическая осень 1941 г. Враг оголтело рвется вперед, уничтожая все в своем зверином порыве. Но спокойно и уверенно звучит голос Москвы, вся страна слышит железную поступь парадных расчетов на Красной площади.

¹ Перкін, Н. Творчасць Пятруся Броўкі: крытычны нарыс / Н. Перкін. – Мінск, 1952. – С. 133.

Спустя годы личные переживания поэта сливаются с общенародными чувствами. «Я» и «Мы» становятся неразделимыми.

Москва чем могла поддерживала партизанские отряды в Белоруссии («ад Масквы йшли ў лясы самалёты, партызанам зброю няслі»), принимала детей-сирот, раненых бойцов и командиров. Здесь прозвучал первый победный салют Великой Отечественной войны, от Москвы началось победное движение советских солдат на Запад, здесь состоялся Парад Победы. Минчане вспоминали улицы и площади главного города страны:

*...І калі па шляхах і дарогах
Прыляцела вясной перамога,
Прыгадалі мы плошчы яе.
Прыгадалі іх гул усхваляваны,
Чалавечага мора прыбой,
Сцягі радасці над галавой,
І ў шарэнгах, што шчасцем з'яднаны,
Масквічоў і масквічак адданых,
І агні над Масквою-ракой.*

В послевоенной поэзии от темы созидательного труда неотделима тема созидания мира, тема бдительности, тема охраны мирного труда советских людей. Свое отношение к международным событиям, борьбе с авторами «холодной войны» П. Бровка высказывает со свойственной ему страстностью и идейной целеустремленностью. Вот два стихотворения «Письмо к Говарду Фасту» («Письмо да Говарда Фаста») и «Беседа с папой Пиём» («Размова з папам Пиём»). Нет, они не коррелируются друг с другом. Напротив, выражают позицию резкого авторского противопоставления. Если к Говарду Фасту как активнейшему борцу за мир обращены пламенные, сердечные слова приветствия и поддержки:

*Дазволь жа табе з Беларусі
Паслаць прывітальнае слова.
І не з Беларусі адзінай –
Сярод тваіх вельмі багата,
Бо кожны ў Савецкай краіне
Руку тваю цісне, як брату..,*

то в «Разговоре с папой Пиём» поэт в традиции сатирических произведений Вл. Маяковского обращается к «наместнику Бога на земле», открытому подстрекателю новой войны, с уничтожающими по своей остроте словами:

*такі, чуваць, вялікі ты,
што й гаварыць баюся,
ты, кажучь, проста на зямлі
намеснік Ісуса.*

Поэт скромно советует папе:

*Спусціся ў цёмныя скляпы,
Адкрыў у куфраў векі,
Раздай ты золата сваё
Галодным да капейкі.*

*А хочаш цуд яшчэ зрабіць,
Зрабі па добрай волі –*

ПЕТРУСЬ БРОВКА

*Пусці ў палацы беднякоў,
Што корчацца ад золі.*

Понимая, что советы его не будут приняты, поэт в сатирически-обличительной манере заявляет:

*Скажы, прадаўся ты з крыжом
За плату, за якую?
З вады не робіш ты віна,
Піць хочаш кроў людскую.*

*Не знаю, служыш ты ў Хрыста,
А знаю, што ў багатых, –
Вадой так званую святой
Ты кропіш ім гарматы.*

*Ты іх кіруеш на разбой,
На просты люд, мы знаем!
Раз так –
Падпальшчыкам вайны
Цябе мы залічаем!*

Тема борьбы за мир постоянна в поэтическом творчестве П. Бровки во второй половине 1940–1950-х гг. Читатель находит ее отражение в стихотворениях «Не буря нам крышы сорвала» («Не бура нам стрэхі сарвала») (1946), «Бандиты» («Бандыты»), «Клятва борца за мир» («Прысяга байца за мір»), «Красная звезда» («Чырвоная зорка»), «Не нужно войны» («Не трэба вайны»), «Два флага» («Два сцягі»), «Молодежь мира» («Моладзь свету»), «Черный круг» («Чорны круг»): («Мы хочам, мы хочам, паэты, пра сіняе неба спяваць. А неба цікуюць ракеты, гатовы яго расстраляць»).

Отметим и то обстоятельство, что в стихах и поэмах послевоенных лет П. Бровка находит место и для близких его сердцу родных витебских мест («Да роднай зямлі я навечна прырос карэннямі сосен усіх і бяроз»). Помнит он и «прасторы-палі, і бары на Вушаччыне», и озеро Дрисвяты, где белорусы, латыши и литовцы построили электростанцию «Дружба народов», и деревню Великие Дольцы, где проходили детские и юношеские годы поэта. А вот особое место в восславлении родных мест занимают два стихотворения – «На Браславшчыне озера...» («На Браслаўшчыне азёры...») и «На родных местах» («На родных местах...»). Несколько строк из стихотворения «На родных местах»:

*Бор, палеткі, гаі,
Песня родная матчына,
Кут бацькоўскай зямлі,
Дарагая Ушаччына.*

*Чым пацешыш мяне
Ды якімі навінамі?..
Рад, што зноўку іду
Я тваімі мясцінамі.*

*Ты гаворыш са мной
Азярцом, ручайкаю...
Ты гаворыш са мной*

Нават кожнай расінкаю.

*...Знаў я хмурай цябе
У дні цяжкія, хаўтурныя,
Знаў я хаты твае
Абымшэлыя, курныя...*

*...Знаў я слёзы твае
Несупынныя, скрэбныя,
Знаў я долю тваю
Непамысную. Зрэбную...*

*...Слаўна сённяя тыўся
Не парчой, аксамітамі,
Не малочнай ракой,
А людзьмі працавітымі...*

*...Новы дзень, новы спеў,
Усё нанова з 'іначана.
Ты другая цяпер
Дарагая Ушаччына.*

Ну, а стихотворение «На Браславшчине озера...» приведем полностью:

*На Браслаўшчыне азёры
Сінія, як неба ўранні,
Што ў аправе ў гонкім лесе,
Па начах злятаюць зоры,
Мьюць твары да світанья
І знікаюць у паднябессі...
На Браслаўшчыне азёры
Чарацінамі затканы,
Усміхаюцца пад сонцам...
Глянеш сам, і нікне змора,
Дно, што ў золаце пясчаным,
Піў і піў бы з іх бясконца...*

*На Браслаўшчыне азёры
Як не бачыш год ці болей,
Так і хочацца сустрэцца;
Што б ні звездаў – горы, моры,
А азёраў тых ніколі
Не забыцца...
Любіць сэрца!*

Лирико-гражданское дарование Петруся Бровки проявилось в открыто-задушевных стихах о Ленине («У мавзолея» («Ля маўзалея»), «Там, где ходил когда-то Ленин» («Там, дзе хадзіў калісьці Ленін»)), в эмоционально-поэтических миниатюрах о стремительности объективных процессов общественного развития, многоплановости жизни, реальных событиях, происходящих в жизни белорусов («Кивач» («Ківач»), «Солнце греет» («Сонца грэе»), «Скворец» («Шпак»), «Хотел бы...» («Хацеў бы...»), «Такое уж время мне досталось...» («Такая і мне ўжо часіна перапала...») и др.).

ПЕТРУСЬ БРОВКА

На наш взгляд, и современный читатель найдет в творчестве П. Бровки конца 1940–1950-х гг. много неожиданного, неординарного, но привлекающего открытостью авторской позиции, в которой постоянно видится стремление к поиску, познанию того многообразия жизни, которое нуждается в постоянном внимании к ней.

Вот один из примеров такого поиска. В стихотворении «Почему я такая...» («Чаму я такая») рассказывается о поэте, долгое время искавшего вдохновение и не находившего его. Уставший, испытывающий жажду, поэт нагнулся над родником (крыніцай) и увидел, какая чистая и кристальная вода в нем. На вопрос, почему он такой неповторимый в своей чистоте и глубине, родник ответил:

*– Ты хочаш народу
Заўсёды быць люб,
Чаму я такая,
Дарма не дзівіся –
Праз гушчу народа,
Як праз зямлю,
Прайдзі –
І тады на сябе азірніся!*

Произведения, написанные П. Бровкой в послевоенное десятилетие, собраны в поэтических сборниках «Пуцямі боровымі» («Шляхамі баравымі»), «В родном доме» («У роднай хаце») (обе – 1946), «Солнечными днями» («Сонечнымі днямі») (1950), «Твердыми шагами» («Цвёрдымі крокамі») (1954), «Дорога жизни» («Дарога жыцця») (1954).

Некоторые исследователи творчества Петруся Бровки (к примеру, М. Ярош) считают, что *«на рубеже 50-х годов все же снижается художественная содержательность произведений Бровки. Это заметно не только в лирике (сборники «Солнечными днями» (1950), «Твердыми шагами» («Цвёрдымі крокамі») (1954)), но и в поэмах «Родные берега», «Добрый друг», «Червен-городок». Некоторым произведениям поэта не хватало смелых творческих решений морально-этических проблем, глубоких размышлений над историей и современностью («Последняя землянка» («Апошняя зямлянка»), «День добрый, парни» («Дзень добры, хлопцы»)) и другие»².*

Оно возможно и так. Пусть уже и не начинающий поэт, но мастер слова, всегда находящийся в поиске. Его главной задачей и в трудное послевоенное время оставалось утверждение того эстетического, этического, социального идеала, который помогал каждому человеку в понимании важности и необходимости приложения личностных сил, знаний и разума для скорейшего возрождения жизни и утверждения в ней устойчивых социалистических отношений. Поиску же, как известно, не всегда везет на положительные находки и решения, случаются и недостатки, и упущения, и даже от ошибок никто не застрахован: мера воздействия общества, диалектика связи поэта со своим временем во все времена разные. Вспомним и то, что отрицательный результат – это также результат, являющийся для Человека творческого новой точкой отсчета на пути объективного постижения Истины. С другой стороны, те оценки творчества Петруся Бровки, которые давались с позиций литературоведения 1970–1990-х гг., не коррелируются с правилами, действовавшими в 1950-е гг. И время, и сама жизнь в то время были несколько иными. Ведь известно же, что эмоции поэта – это его реакция на требования времени и общества. Необходимо было время, чтобы выработалось и утвердилось свое объективно-субъективное понимание окружающей действительности и свое мировосприятие, чтобы

² Ярош, М. Петрусь Броўка. Нарыс жыцця і творчасці / М. Ярош. – Мінск, 1981. – С. 61.

личные поэтические возможности и поэтические формы соответствовали правилам и нормам обновляющейся жизни.

Середина 1950-х гг. стала своеобразным рубежом в развитии советской литературы – начался пусть и непродолжительный (но весьма значительный для социальной и творческой жизни) период так называемой «хрущевской оттепели». В белорусской поэзии усиливается идейно-творческий поиск, заметно более вдумчивое отношение к выработке стилиевой самобытности (М. Ярош).

Для П. Бровки середина 1950-х гг. – это «время жизненной переделки и взлета» (П. Панченко), время последовательного ухода от схематизма, иллюстрированности, сглаживания жизненных противоречий. Выступая в 1954 г. на III съезде писателей Белоруссии, П. Бровка говорил: «...Народ не хочет читать произведений, в которых неправильно, только в розовых красках показывается жизнь. Сейчас уже всем известен вред так называемой «теории бесконфликтности», отрицающей вообще конфликты между отличным и лучшим»³.

«А ты хоць дрэва пасадзіў?.. – няхай сябе спытае кожны» – сформулировав такое правило, поэт стремится не только сам руководствоваться им, но и, по мере возможности, предъявляет его к другим людям. Именно подобный подход позволил поэту в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. не только сохранить и развить накопленные поэтические достижения, те поэтические находки, которые делали стихи и поэмы послевоенного периода привлекательными и читаемыми, но и насытить создаваемые произведения ярким гражданским темпераментом, острым социальным звучанием, глубокой аналитикой событий и явлений окружающей действительности. Из печати один за другим выходят его сборники поэзии «Пахнет вереск» («Пахне чабор») (1959), «Далеко от дома» («Далёка ад дому») (1962), «Высокие волны» («Высокія хвалі») (1962), «А дни идут («А дні ідуць») (1962). В 1963 г. в Москве издается сборник поэзии «У родных криниц». Перефразируя М. Танка, заметим, что в этих сборниках поэт ведет «бескомпромиссный диалог с самим собой, со своим сердцем, со своей совестью, со своим прошлым».

Всестороннее и объективное изучение творчества П. Бровки во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. позволяет определить основные направления его поэтических исканий.

Во-первых, это понимание самой сути поэтического творчества, места и роли поэзии в духовной жизни народа, а равно и своей сверхзадачи в осмыслении социально-нравственного развития общества. Вот, к примеру, несколько строк из стихотворения «Поэзия» («Паэзія»), датированного 1958 г. Задав самому себе извечный вопрос: «Что такое поэзия?»:

*...Каб мець карысць, належны плён,
Каб чуць яе душою,
Паэзія сучасных дзён
Павінна быць якою?*

П. Бровка дает простой, понятный читателю ответ:

*...Калі як след паразважаць,
Дык гэта вельмі проста –*

³ Трэці з'езд пісьменнікаў БССР. – Мінск, 1955. – С. 19.

*Паэзіі пльсці ракой,
Цячы крынічкаю жывой,
Як на вяселлі маладой,
Заўсёды быць **цікавай***
(здесь и далее выделено нами. – А.Р., Ю.Р.).

*Дзяўчом у песенным садку,
Вясёлай, златакудрай
Ды, як сівенькаму дзядку,
Разважлівай і мудрай.*

*Нібы арлу ўзятаць, крыяць,
Мінаць цясніны, кручы,
Падобнаю да салаўя,
Заўсёды быць **пяеучай.***

*Не знаць прыпынку анідзе
Ні днём, ні ноччу цёмнай,
Быць, як асілку між людзей,
Магутнай і нястомнай.*

*Імкнуцца праўду расказаць
Заўсёды сэрцам чыстым,
Каб, як дзіцячая сляза,
Быць **шчырай і празрыстай.***

Занимаясь к этому времени много лет поэтическим творчеством и, казалось бы, уже постигнув его секреты, П. Бровка делает в заключительных строках неожиданно осторожный вывод:

*Паэзія, твой крок чуваць,
Твой стан, здаецца, бачу!..*

.....
**А як цябе мне адшукаць –
Нялёгкая задача!**

Поэтому и возвращается поэт раз за разом к осмыслению этой темы, оттачивая до совершенства и свои личные подходы (стихотворения «Как стал поэтом» («Як зрабіўся паэтам»), «О критике» («Аб крытыцы»), «Все описали поэты» («Усе апісалі паэты»)) и др.

Здесь же уместно говорить о том, что эмоциональная насыщенность и гуманистическое звучание поэзии П. Бровки значительно усиливаются благодаря умелому и тонкому сочетанию личного и общественного, семейного и гражданского, этического и эстетического, его удивительной способности по-своему ощущать красоту жизни в бесконечно разных ее проявлениях. Вот, к примеру, посвященное молодости и любви, самому прекрасному, что есть в жизни и давно ставшее хрестоматийным стихотворение «Пахнет вейсск» («Пахне чабор»):

*Хіба на вечар той можна забыцца?
...Сонца за борам жар-птушкай садзіцца,
Штосьці спявае пнячотнае бор,
Пахне чабор.
Пахне чабор..*

*Лёгкія крокі на вузкай сцяжынцы,
Дзеўчына ў белай іскрыстай хусцінцы,
Быццам абсыпана промнямі зор.
Пахне чабор.
Пахне чабор...*

*Выйсці б насустрач, стаць і прызнацца.
Вось яно – блізкае, яснае шчасце,
Клікнуць хацелася – голас замёр,
Пахне чабор.
Пахне чабор...*

*Год адзінаццаць, а можа, дванаццаць
Сэрца баліць, што не здолеў спаткацца,
Сэрца нязменна хвалюе дакор.
Пахне чабор.
Пахне чабор...*

*Час той схаваўся за дальняй гарою,
Здасца хвілінай – яна прада мною...
Выйду. Гукаю. Маўклівы прастор.
Пахне чабор.
Пахне чабор...*

На наш взгляд, это убедительное подтверждение тому, что настоящая поэзия может окрасить обычное явление жизни в самые яркие эстетические «одежды». Казалось бы, обычный (а может быть, для поэта и не совсем обычный!?) вечер, однако для его обычных черт П. Бровка находит необычные художественные оформления – солнце, как жар-птица, песни сонового бора ласковые, косынка девушки, обсыпанная звездными лучами... И над всем над этим запахом опьяняющего вереска. Так и напрашивается вывод, что читателю лучше бы самому прочувствовать красоту такого вечера, чем представлять его, даже читая такое эмоционально-экспрессивное и художественно-выразительное стихотворение.

Во-вторых, это постоянное обращение поэта к современникам, понимание их мечтаний и настроений, живое общение с ними:

*Дабро рабі заўжды аддана,
Ды не крычы аб тым знарок,
Дабро даюць, а так звычайна,
Як грудзі матчыны сасок...*

Находить в жизни современника привлекательные явления и события, одухотворять и поэтизировать их, наполняя жизнь лирико-романтическими красками, – таким видится искреннее стремление поэта беседовать с читателем по-современному, однако неизменно памятуя о народной традиции. Через простые ассоциации,

*...Друг мой юны, таварыш,
Тут мы ўсе узраслі,
Хіба лепей ёсць Мары,
Чым аб нашай зямлі?*

*А такія, каб сёння
Скрозь гула збажыной...*

*Не прыходзь жа
Староннім
Ты, як вецер, па ёй.
...Засявайце ж руплівей
Зернем чыстым вакол,
Чым зямля
Урадлівей –
Багацейшы наш стол!..*

*...Добра звездаць напэўне
Шчодры восеньскі час –
Пах саломы,
Што зерне
Гадавала для нас.*

*Скрозь зямля адгукнеца,
Толькі дружна працуй,
Толькі
Шчырага сэрца,
Рук сваіх не шкадуй!..*

«Маладым»

Казалось бы, лозунгово звучит это стихотворение. Однако, более глубокий анализ показывает его философскую углубленность, его товарищеский совет молодым людям. Кто же будет спорить с таким пожеланием: «Каб зорку ўласную знайсці, пускайся ў брод, не ведай страху, бо шмат нязнанага ў жыцці». Вершиной таких бесед-обращений, на наш взгляд, выступает сыновнее признание самого поэта в любви к родному озерному витебскому краю:

*Мой край азёрны, край люстраны!
І сёння я з табою ўвесць...
Хіба яшчэ аб нейкім шчасці
Памарыць можа чалавек?..
Як неадлучны сын ад маці,
Вось так і я з табой навек!
«Мой край азёрны»*

В-третьих, стремление поэта быть сопричастным к происходящим преобразованиям не только в стране, но и далеко за ее пределами («Такі ўжо ў мяне характар – усюды хачу пабыць»). Поэтому знает он и о строительстве Ново-Старобинского соляного комбината на Полесье («В полесской глуши» («У палескай глушы»), о посаженных в колхозе «Рассвет» в честь семилетки «сямі крамяністых дубках» («Семь дубов» («Сем дубоў»), о Московском Международном фестивале молодежи и студентов («Молодежь мира» («Молодзь свету»). Он находит теплые проникновенные слова для колхозного агронома Михайлы Григорьевны («Слово о девушке-агрономе» («Слова пра дзяўчыну-агранома»), сельской почтальонши («Почтальон» («Письманосец»), заслуженного пенсионера («Пенсионер» («Пенсіянер»), колхозной птичницы («Птичница» («Птушніца»).

Острая реакция П. Бровка на новые события и явления жизни особенно ярко проявились в поэтическом сборнике «Далеко от дома» («Далёка ад дому») (1960), ставшего результатом более трехмесячного пребывания поэта в Соединенных Штатах Америки, где в качестве члена делегации Белорусской ССР он в 1959 г. участвовал в работе XIV сес-

сии Генеральной Ассамблеи ООН. Наблюдательность поэта, его острая реакция на общественные противоречия заокеанского рая позволили ему увидеть две Америки – Америку неслыханных богатств и Америку бедности и горя («*Не ведаю адносна раю, а што багата – дык відаць*»). Выводы о богатстве и богатых родились сами собой:

*І хоць у сейфы Уол-Стрыта
Ліецца золата ракой,
Мы знаём, як яно здабыта, –
На ручаях крыві людскай.*

И в этом американском «раю» «*У Гарлема прадонні чорным гібеюць чорныя рабы*», а «*за пахлёбкаю нішчымнай стаіць даўжэзная чарга*». Во многих стихах читатель находит беспощадную сатиру на настоящих законодателей жизни, на их прислужников и адвокатов, на их фальшивые догматы и античеловеческую мораль («*Чанкайшысты*» («*Чанкайшысты*»), «*Плати!*» («*Плаці!*»), «*Кокорека*» («*Какарэка*»), «*Рок-н-Ролл*» («*Рок-н-Ролл*»)) и др.

В то же время слова уважительного отношения к трудовому американскому народу, руками которого создано все, чем так гордится Америка, находим в стихотворениях «*На чужбине*» («*На чужыне*»), «*Настоящему американцу*» («*Сапраўднаму амерыканцу*»), «*Военный оркестр на Бродвее*» («*Вайскавы аркестр на Брадвее*»), «*Невысказанное выступление на Генеральной Ассамблее*» («*Нявыказаная прамова на Генеральнай Асамблеі*») и др.).

Народный поэт Белоруссии Петро Глебка, говоря о сборнике «Далёка ад дому», отметил: «...написан он поэтом далеко от дома, на чужбине, но написан человеком, сердце которого всегда дома, на родине, вместе со своим народом. И поэтому не удивительно, что одни стихи посвящены непосредственно родному краю, а многие другие пронизаны горячей мыслью о нем». Убедительным подтверждением этих мыслей являются, на наш взгляд, стихи «*Если на восток я утром гляну*» («*Калі на ўсход я ранкам гляну*»), «*Совет*» («*Парада*»), «*Черный хлеб*» («*Чорны хлеб*»), «*Тропинка под Нью-Йорком*» («*Сцяжынка пад Нью-Йоркам*»), «*Жернова*» («*Жорны*») и др.

В-четвертых, глубокая пронизанность лирики П. Бровки интимным чувством, адресованным читателю с присущей поэту мягкостью и тактичностью, задушевностью и моральной чистотой. И пожалуй, главное дело поэта – это верность, верность той единственной, которую однажды выбрал на всю жизнь («*Каханне к любай не аддам і здрады не дарую!*») и с которой пройдены жизненные пути-дороги:

*Суседзяў ведаў я такіх,
Што на сябе маліліся,
А мы с табой не галубкі –
Мы часта і сварыліся.*

*Ці шмат няшчырасці цаны?..
Хай звонку ўсё ў іх ладнае.
А мы не ведалі маны,
Кахалі па-сапраўднаму.*

*...І мусіць шчыра гаварыць –
Трапляла й недарэчнае,
Ды ў нас нічым не астудзіць
Гарачыні сардэчнае.*

«А мы з табой не галубкі...»

ПЕТРУСЬ БРОВКА

Стихи о любви привлекательны, они завораживают, будоражат читательскую душу и сердце. И происходит это, на наш взгляд, потому, что и лирический герой, и сам поэт предельно откровенны – была и неразделенная любовь («Я за тобой сланяўся следам, а ты і вокам не вяла, а я не ведаў, а я не ведаў, чаму халоднай ты была?»), и несостоявшиеся встречи.

*І сэрца ў трывозе. На момант, здаецца,
Агорнецца лёдам.
Там нашы калісьці шляхі разышліся, –
Відаць назаўсёды.
...Зямлю можна вырваць з няволі, з палону
Для шчасця людскога.
Чаго ж я шукаю? Таго, што не вернеш,
– Каханьня былога.*

«На станцыі Орша»

И признание в любви, постоянство в чувствах, уверенность в семейном счастье:

*...Калі казаў табе: «Люблю»,
Мяне ты коса змерыла.
Што хочаш ты, дык я зраблю,
Каб толькі ты паверыла.
Я кветкі рад штодня насіць
І просьбы чуць няспыннымя,
Ды аднаго ты не прасі –
Цябе кахаць не кіну я...*

«Калі казаў табе...»

И, конечно, в поэзии П. Бровка находится место для воспоминаний о суровых военных годах, боевых товарищах, трудной жизни в послевоенной белорусской деревне.

В поэтических сборниках, вышедших в свет во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., выделяются стихотворения «А разве есть, что забывают?» («А хіба ёсць, што забываюць»), «Парни-ковпаковцы» («Хлопцы-каўпакоўцы»), «А помнишь, мой друг» («А помніш, мой дружа»), «Фронтовые дороги» («Франтавыя дарогі»), «Солдатские души» («Салдацкія душы»), «Крепость над Бугом» («Крэпасць над Бугам»).

Однако центральное место среди написанного занимает поэма «Голос сердца» («Голас сэрца»), посвященная памяти матери, замученной гитлеровцами в концлагере Освенцим. Почти тринадцать лет понадобилось П. Бровке, чтобы зрительные образы увиденного в лагере смерти превратились в поэтический голос сердца, прозвучавший и как напоминание о безграничности людской трагедии, и как призыв к бдительности, к борьбе за мир и спокойную жизнь.

Взволнованные слова, идущие из самых глубин сыновьего сердца, в первой части поэмы звучат несколько сдержанно и строго, хотя и написаны с огромной художественной силой. Это как своеобразный реквием по замученным, среди которых была и мать П. Бровка:

*Поўнымі гора, пакуты вачыма
Клікаў цябе між драгоў Асвянцима.*

*Толькі вятры мне адказвалі гулам,
Як ні гукаў я – ты не пачула.*

*Шыбы ў бараках былі ледзянымі,
Мулкія нары стаялі пустымі.*

*Глянуў я ў карцэр – таксама нікога.
Дыхала стынню з цэмента падлога.*

*Нават наручнікі моўчкі ляжалі,
Быццам па целе людскім сумавалі.*

Зато во второй части звучит голос поэта-обвинителя, поэта-трибуна, призывающего людей к борьбе за сохранение мира на земле, к неповторению освенцимов и майданеков.

«Мы ходили по хмурым баракам, – вспоминал П. Бровка в книге «Пишу о сердце человека», – где гибли тысячи и тысячи, стояли, опутив головы, у печей концлагеря, через которые прошли дымом сотни тысяч, склоняли головы у стены, где расстреливали осужденных. Мы проходили огромный барак, в котором разосланными на полу сохранились волосы – и детские, и седые, волосы всех цветов, остриженные перед наказанием смертью, чтобы использовать их после для матрацев».

Читатель находит в поэме материалы глубоко личностные, биографические и политические, публицистические рассуждения и лирические отступления, повествующие интонации и призывы-предостережения. Однако объединенные мастерством поэта, его активной позицией в единое целое, они синтезируют, превращают трагедийное повествование в лирико-публицистическую и эмоциональную экспрессию.

А как взволнованно звучат слова поэта, обращенные к матери:

*Сэрцам хаваю адну спадзяванку:
Мож са сустрэнеш, як раней, на ганку.*

*Скажаш: Як ты без мяне там гаруеш?
І са слязой, як заўжды, пацалуеш.*

*.....
Сенцы адчынiш, паклічаш у хату.
Мож, i не быў я ў тым месцы праклятым,*

*Дзе ты збылася ў пакуце пякельнай...
А каля печы зазвонiш патэльнай.
Ды за сталом, за абрусам бялюткім,
Будзеш расказаць навіны ціхутка.*

Латышский писатель Ян Судрабкалн, прочитав поэму «Голос сердца», писал в газете «Правда»: «Все в этой поэме, как и во всей поэзии Петруся Бровки, сказано ясно и просто, без хитростей и приукрашиваний, крепко и ярко, с живыми образами, где нужно, с сарказмом и гневом, а часто и с ласковым лиризмом, и поэт, владеющий такой трудной простотой, ясностью и силой, не бедняк, а большой мастер и богач». Здесь, на наш взгляд, не нужны дополнительные комментарии.

С высоты XXI столетия отчетливо видно, что произведения, написанные П. Бровкой в 1955–1965 гг. – это не только продолжение начатого лирического разговора о жизни, роли в ней поэтического слова и собственно творческой ответственности автора за умение им распорядиться, но и этап нового расцвета его лирики, **«становления ее нового жизненно-эстетического качества» (Вл. Гниломедов)⁴.**

⁴ Правда. – 1961. – 11 окт.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

1966–1980 гг. стали для народного поэта БССР Петруся Бровки поистине знаменательными. Он известен не только как поэт. Петр Устинович – активный общественный деятель – Секретарь правления Союза писателей БССР, Член Центрального Комитета КПБ, Депутат Верховного Совета СССР, почетный гражданин г. Минска (1980), организатор и главный редактор Белорусской советской энциклопедии (в 1976 г. за участие в издании БСЭ удостоен Государственной премии БССР), Герой Социалистического Труда (1972). Его имя хорошо известно научной общественности – в 1966 г. он избран академиком Академии наук БССР, в 1975 г. поэту присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки БССР». Высшим достижением литературного творчества стали сборники «Всегда с Лениным» («Заўсёды з Леніным») (1967), «Между красных рябин» («Паміж чырвоных рабін») (1969), за которые в 1970 г. он удостоен Государственной премии БССР имени Я. Купалы, «Пожалуйста» («Калі ласка») (1972), «И днем, и ночью...» («І ў дзень, і ў ночы...») (1974), книга прозы «Вместе с комиссаром» («Разам з камісарам») (1974).

В эти годы были изданы также «Стихотворения и поэмы» («Вершы і паэмы») (1966 – в серии «Школьная библиотека»), «Что сердце пропело» («Што сэрца праспявала») (1979 – в серии «Библиотека белорусской поэзии»), «И молодость и зрелость» («І маладосць і сталасць») (1980), «Донька-Даниэль» («Данька-Даніэль») (1982), «Советский человек» («Савецкі чалавек») (1985), «Моя Родина» («Мая Радзіма») (1985). В 1965–1966 гг. из печати выйдет первое собрание сочинений в 4 т., в 1975–1978 гг. – «Собрание сочинений» в 7 т., в 1981–1982 гг. четырехтомное собрание сочинений Петруся Бровки будет издано в Москве. В 1987 г. издано посмертное «Собрание сочинений» в 9 томах. Книги П. Бровки издаются и за пределами Беларуси. К примеру, московскими издательствами предложены читателю более двадцати стихотворных и прозаических сборников, украинским – около десяти книг и т.д.

В течение 15 лет (1966–1980) стихи, поэмы, повести, рассказы, эссе, юмористические зарисовки П. Бровки печатаются в коллективных сборниках белорусских авторов: «Дзень паэзіі», «Табе, Беларусь», «Наша рэспубліка», «Подвиг народа бессмертен», «Рэха ў граніце», «Слухайце, Хатынь!». «Ад скарбаў роднае зямлі», «Адданасць», «Узбекістану», «Земля с лазурными очами», «Братэрства», «Слова аб роднай прыродзе», «Горад і гады», «Зорка Венера», «Хрэстаматыя па беларускай дзіцячай літаратуры», «Арлянтам: анталогія беларускай дзіцячай літаратуры», «Беларускі савецкі нарыс» и др. Без произведений П. Бровки нельзя представить белорусскую литературную Лениниану. Он – автор книг «Наш дарагі Ільіч», «З Леніным у сэрцы», «Вобраз вечна жывы, любімы», «З Леніным заўсёды Беларусь», «Ленін з намі», «Промні Кастрычніка» и др. Его стихи включены в уникальное трехтомное издание «Поэзия Европы».

П. Бровка активно сотрудничал с редакциями союзных газет («Правда», «Известия», «Советская культура», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Книжное обозрение») и журналов («Новый мир», «Москва», «Искусство кино», «Вопросы литературы», «Юность», «Культура и жизнь» и др.). Его постоянно печатают республиканские («Звезда», «Советская Белоруссия», «Сельская газета», «Настаўніцкая газета», «Во славу Родины», «Голас Радзімы», «Літаратура і мастацтва», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Піянер Беларусі», «Зорька») и областные газеты («Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Магілёўская праўда», «Гродненская правда», «Заря»). Поэт часто печатался в Минской городской газете «Вячэрні Мінск» и газете белорусских поляков в Белостоке «Ніва». С его произведениями постоянно встречались читатели республиканских журналов «Полымя», «Нёман», «Маладосць», «Беларусь», «Работніца і сялянка», «Родная прырода», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка» и др.

Поэзия, проза, публицистика П. Бровки переведены более чем на 40 языков народов мира, в т.ч. русский, украинский, абхазский, аварский, азербайджанский, алтайский, англ-

лийский, армянский, болгарский, башкирский, венгерский, грузинский, сербский, испанский, казахский, калмыцкий, киргизский, китайский, латышский, литовский, марийский, молдавский, монгольский, немецкий, осетинский, польский, французский и др.

П. Бровка не оставался в долгу перед зарубежными переводчиками. Белорусскому читателю известны сделанные им в эти годы переводы с русского, украинского, азербайджанского, армянского, грузинского, еврейского, латышского, польского, узбекского, французского языков.

Завершая краткую биографическую справку о народном поэте Беларуси, отметим, что имя поэта присвоено издательству «Белорусская энциклопедия». Сельскохозяйственному кооперативу «Новая жизнь» и Великодолецкой средней школе. Его именем названы улицы в Минске, Витебске, Гомеле, Полоцке и Ушачах. В Минске действует мемориальный музей П. Бровки. А на доме, в котором он жил, установлена мемориальная доска.

* * *

Литературное творчество П. Бровки во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. – это яркий пример самобытности национальной формы, исключительной целостности гражданских и патриотических качеств характера, гармоничности в выявлении личного и общественного, национального и общечеловеческого, традиционного и неповторимого. Из этой наиболее общей характеристики вытекают те составляющие элементы, которые и позволяют читателю понимать и воспринимать творчество П. Бровки как единый целостный порыв. Пронизанный искренностью лирических интонаций, исповедальностью поэта, его жизнелюбием, стремлением зажечь читательское сердце и собственным автобиографизмом, и высоким гражданским пафосом, и такими размышлениями над сложностью человеческого бытия, красотами родной природы, любовью к своей «малой родине».

Что же характерно для творчества П. Бровки в эти годы? На наш взгляд, это:

– концентрированность и в поэзии, и в прозе не только личного полувекового духовного и жизненного опыта, но и опыта народной жизни, соединивших воедино эмоциональное «внутреннее» и драматически-национальное «внешнее»;

– гражданственность лирики, насыщенной оптимизмом, своеобразием патриотическими монологами, яркими автобиографическими деталями, аналитичностью размышлений об идеале и смысле жизни, богатством народного миропонимания;

– многообразие тем, сюжетов, красок, литературных приемов, позволяющих вести разговор с читателем «открытым текстом», просто и понятно, не прибегая к иносказаниям, скрытому подтексту, недомолвкам или *«ассоциативному бормотанию»*⁵;

– содержательность поэтического творчества, основанная на единстве формы и содержания и с одинаковой эмоциональной силой проявляющаяся и в публицистических стихах и в интимной лирике;

– народность поэтики, выраженной не только в художественной форме, пусть во многом и фольклоризированной, а в постижении философии и этики Человека, в личной заинтересованности и ответственности за судьбы Родины, родных и близких ему людей;

– гуманистическая направленность творчества, в которой есть место уважению к народной традиции и духовному наследию народа и памяти, пронизывающей толщу прожитых лет, и трагедийные события Великой Отечественной войны, сыновья любовь к родной Ушаччине, борьба за мир и гневный протест против западных организаторов новых военных авантюры;

⁵ Грахоўскі, С. Калі радок з душой адліты / С. Грахоўскі // Польшыя. – 1969. – № 9. – С. 232.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

– наконец, высокая языковая культура, в которой он строг и искренен, в которой нет «цветения речи» и которая проста и содержательна, наполнена динамикой жизни, верой в безграничные возможности Человека.

* * *

И поэтический сборник «Меж красных рябин», и книга стихов «Пожалуйста...», вышедшие из печати на рубеже 1960–1970-х гг., и издания более поздних лет стали убедительным подтверждением, что поэт, как и ранее, зорко всматривается в окружающую его действительность, как и ранее ощущает пульс беспокойного времени и свою причастность к народным успехам и неудачам. *Поэт С. Граховский после выхода в свет книги «Меж красных рябин» с легким юмором заметил, что П. Бровка «в том мудром возрасте, когда приходит «сталасць», а не старость, «калі па жылах бунтуе творчы сок», поэт на том перевале, откуда так четко просматривается прошлое и настоящее и так зримы черты грядущего»*⁶. В унисон белорусскому поэту высказывается известный советский литературовед Е. Осетров. В рецензии на московское издание книги «Я вам скажу...» (1971) он подчеркнул: «Книга “Я вам скажу...” объединяет стихи, написанные народным поэтом Беларуси в 1967–1970 годах. Мне представляется, что по своей тематической широте, художественной завершенности, по органичному сплаву народности и современности – этот сборник значительная веха не только в биографии поэта, но и выдающееся событие в белорусской поэзии, которая стремится развиваться»⁷.

И что привлекает? Как будто мнения белорусского и московского авторов были согласованы с мнением самого П. Бровки. В сборнике «Меж красных рябин» в стихотворении «Зрелость – старости» («Сталасць – старасці») он написал:

*Кажуць, ты сталы таварыш,
Такі надыйшоў гадок.
А сталасць – гэта не старасць,
Сталасць – калі па жылах
Бунтуе творчы сок.*

.....
*Сталасць клапоціцца дбала
І не баіцца нягод,
Сталасць – прыцэл удалы,
Сталасць не знае хістанняў,
Сталасць увысь палёт*⁸.

И свою позицию, полную бунтарской силы и жизнелюбия, поэт подтверждает в стихотворении «Я сам – река!» («Я сам – рака!») (сборник «Пожалуйста»):

*Люблю я дум палёт узнёслы,
Імклівы рух – пакуль жыву –
Рака я,
Не ставок зарослы,
І кожнай хваляю плыву*⁹.

⁶ Сельская газета. – 1970. – 17 марта.

⁷ Осетров, Е. Светлая криница // Правда. – 1972. – 2 мая.

⁸ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 41.

⁹ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 219.

А дальше мы видим, что жизненная настроенность, его общественная деятельность, диапазон и социально-моральные горизонты поэзии выглядят очень широкими и привлекательными для читателя. Современное, нынешнее и прошлое, близкое и далекое, вся Беларусь и маленькая Ушаччина, молодость, предвоенные годы, память о войне, друзья, знакомые и малознакомые жители Витебщины, любовь, внутренний мир человека в самых разных его оттенках и проявлениях, движение человеческих характеров, гражданственность и лиризм поэзии – все становится ему «близка да души», будоражит душу эмоциями и переживаниями, желание быть участником и творцом происходящего. Читаем:

*Крыўдна да жалю, крыўдна да болю,
Крыўдна – хтось кінуў скарынку малую,
Крыўдна, што колас застаўся на полі,
Крыўдна – сьвярня пад снегам зімуе.*

.....
*Крыўдна за надвор'е не ў поўнай згодзе,
Крыўдна – не цалкам камандуем небам,
Крыўдна, што дні, як хвіліны праходзяць,
Крыўдна – што сам не зрабіў чаго трэба¹⁰.*

И в этом процессе причастности ко всему происходящему в мире (у поэта есть стихи в защиту Вьетнама, спокойствия на Ближнем Востоке («Доллар-убийца» («Доллар-забойца»), «В трубы трубите» («У трубы трубіце»), «Черное предательство» («Чорнае здрадніцтва»), «Две души» («Дзве душы»)) и др. он находит яркие и очень точные детали в жизнедеятельности людей, движении их характеров, их включенности в судьбы мирового процесса. Перед читателем тот случай, когда, казалось бы, незначительные детали в поэтическом сознании становятся «играющими», необычно мобилизирующими в «хождении» по годам жизни поэта, овеянным романтикой юности, всего прожитого и пережитого. Это и одеваемый через голову пионерский галстук («*Мы першы гальштук надзявалі, не ўмеючы, праз галаву*») («Моя Советская власть» («Мая Савецкая ўлада»)), это и индивидуальная судьба человека, безоговорочно принявшего революцию («Ячейка» («Ячэйка»), «Синяя блуза» («Сіняя блуза»)), это и белорусский пастух, досматривающий стадо с транзистором в руках («Пастух с транзистором» («Пастух з транзістарам»)) и даже американский, похожий на белорусского, скворец («Как мы разговаривали со скворцом...» («Як мы размаўлялі са шпаком...»)). Жизненные эпизоды, всего раз увиденные поэтом, превратились во впечатляющие литературные образы.

В нашем прочтении поэтических произведений П. Бровки, память – это не просто категория морали, это убедительная ступень к пониманию такой глобальной темы творчества, как преемственность поколений в разных социальных условиях, продолжающих дело революционного Октября. Связующим звеном в этой цепи поколений, по П. Бровке, выступает своеобразный (в некотором роде, философский) мост, переброшенный через глубокую реку жизни, в которой есть и перекаты, и водовороты:

*Паўзлі нягоды чарадой,
Ды мост знішчыць беды не змагі,
Бо сэрцаў моц, бо сэрцаў моц
(всех поколений – выделено нами. – А.Р., Ю.Р.)
Ямы падпоркамі былі.*

¹⁰ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 11.

*А плыні ўсё далей, далей,
Рака жыцця далей цячэ,
Дзівосны мост, выносны мост, –
І шмат нязнанага яшчэ...¹¹*

По лестнице десятилетий проводит поэт читателя в стихотворениях «Нас революция разбудила» («Нас рэвалюцыя ўзбудзіла»), «Кремлевские звезды» («Крамлёўскія зоркі»), «Четыре штыка под Минском» («Чатыры штыкі пад Мінскам»), «На площади Победы» («На плошчы Перамогі»), «Минута молчания» («Хвіліна маўчання»), «Дума о Вере Хоружей» («Дума пра Веру Харужую»), «Наша смена» («Наша змена»), «Высокая у отечества крона» («Высокая ў Айчыны крона») и др.

Не оставалась без внимания в поэтическом творчестве П. Бровки тема, к которой он обращался и в начале творческого пути, и в пору поэтических исканий 1950–1960-х гг., и в пору своей «сталасці». Это тема любви, которая, пусть как и «недопетая песня» (*К. Бу-слов*), но пронизывающая все творчество поэта. В лирической поэзии нашего земляка любовь предстает во всем многообразии оттенков человеческих чувств, а стихи полны лирической глубины и поэтичности. По сути, им для лирического героя создается идеальная модель большой любви, нравственно благородной, пронизанной и болью сердца, и эмоциями, и личными авторскими переживаниями и размышлениями. В качестве примера, на наш взгляд, можно прочесть стихи «Дударь» («Дудар»), «Белая ромашка» («Белы рамонак»), «Скрипка» («Скрыпка»), «Ты щедрым будь» («Ты шчодрый будзь»), «Тебя я звал всегда милой...» («Цябе я зваў заўсёды мілай...») и др. Но эмоциональнее всего звучит стихотворение «А где она?» («А дзе яна?»), в котором и светлая тоска о давней любви, и воспоминания о той единственной, и память слиты воедино:

*Я ўсё сцярплю, дарую, змоўчу,
Хоць рана ў сэрцы не адна.
Ды клён пад вокнамі лапоча:
– А дзе яна?*

*А ноч якая! Свеціць месяц,
Расінка кожная відна.
Пытаецца сцяжынка ў лесе:
– А дзе яна?*

*даўно адзін, як і сядзю, я
Ужо каторая вясна,
І рэчка хвалямі гамоніць:
– А дзе яна?*

*Ну што ж, я адкажу вам з болем,
У гэтым не мая віна.
Спытайцеся вятроў у полі:
– А дзе яна?¹²*

Читаем еще одно свидетельство непреходящей любви лирического героя:

*Цябе я зваў заўсёды мілай,
Не спаў аж да світальных рос,*

¹¹ Броўка, П. І ўдзень, і ўночы...: новая кніга лірыкі / П. Броўка. – Мінск, 1974. – С. 170.

¹² Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 50.

*А ты мяне тады вадзіла,
Як і другіх такіх, за нос.
Ды час ідзе без перастання,
І ты сама – ў сівым вянку.
Не нас цяпер, маё каханне,
А ўнукаў водзіш за руку¹³.*

И еще одно стихотворение, раскрывающее душевные качества героя, его природный такт, мягкость человеческих характеров, чистоту моральных отношений.

*Іх двое, зліўшыся стаяла,
Не разлічыць ніяк галоў,
Як быццам хмара пакрывала
Касцёр ільняных валасоў.*

*Было ім цяжка раз'яднацца,
Адно, што бачылася мне:
Пяшчотныя дзяўчыны пальцы
На закаханага спіне.*

*Я поблізу ішоў дарогай,
Хацеў мінуць. Не змог аднак.
Яны не бачылі нічога.
А я не бачыў лепей так¹⁴.*

Мы не можем не согласиться с мнением **известного белорусского литературоведа и литературного критика А. Мартиновича, который писал: «Асабліва прываблівае бройкаўская лірыка кахання апошніх двух дзесяцігоддзяў жыцця паэта. І радасці, і расчараванні – усё гэта адчувае лірычны герой паэта. І, як заўсёды, шчыры ў сваіх пацужнях, ён ведае: яго зразумеюць правільна. Не могуць не зразумець»¹⁵.**

Также объемно и впечатляюще раскрывается поэтом такая нравственная категория, как память. Смеем утверждать, что память-воспоминание – это та же история, те же документы, подтвержденные жизнью автора. Живое слово очевидца, да еще художника, придавшего им силу эмоционального воздействия, поднявшего до художественного образа. А правда, ставшая искусством, обладает громадной духовно-нравственной силой. Его стихи-воспоминания «Я был селькором» («Я быў селькорам»), «Из юношеских дней» («З юначых дзён»), «Огни Октября» («Агні Кастрычніка»), «Как молодо мы жили» («Як молада мы жылі»), «Года прошли, как временные гости...» («Гады адышлі, як часовыя госці...»), «Был юношей...» («Быў юнаком...»), «Юношам Отечественной» («Юнакам Айчыннай»), «Раненый» («Паранены»), «Моя лодка» («Мой човен»), «Вкуснее было...» («Смачней было...») и др.

*... юнацтвам кожны ганарыцца,
Няблага ў вечар і старым,
А чым бы захацеў зрабіцца,
Калі б не шчасце быць жывым?¹⁶*

¹³ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 52.

¹⁴ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 106.

¹⁵ Марціновіч, А. Чабарова песня, чабарова / А. Марціновіч // Палымя. – 1981. – № 7. – С. 252.

¹⁶ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 37.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

Мысли лирического героя сформулированы просто, без лирических «хитринок», излишней сентиментальности, но в них создан точный социальный и политический портрет 1920–1940-х гг., постоянно пульсирует живая, идейно и художественно зафиксированная связь времен – 20-х, 30-х, 40-х годов с современностью. Его беспокойному, сильному духом герою до всего есть дело. Не сбиваясь с дороги, он шагает «як рэвалюцыі салдат», доставляет в село новости, принимает участие в коллективизации, в борьбе с фашизмом, в восстановлении народного хозяйства, разрушенного войной.

*Іду... А ў сэрцы след за следам
Кладзеца, як жыцця пячаць.
Я рады, што нямала звездаў,
Што ёсць пра што
І ўспамінаць...¹⁷*

В стихах-воспоминаниях обычное, повседневное звучит поэтически; общеизвестное принимает черты особенного, эстетически привлекательного, ибо оно вытекает не только из народного эстетического идеала, но и из лично пережитого, складывается из деталей колоритных, запоминающихся:

*Але найлепей думка наша,
Між розных выбараў такіх –
Вароная капуста з кашай
Альбо са скваркай буракі.*

*А мы меню маглi і множыць,
Малым ішло ў смак душы –
Смала ад вішні, сок бярозы,
Замест цукерак ледзяшы.*

*Чарніцы ў лесе, журавіны
Ды бручкі жоўтыя скрылі,
А праз саломку мёд чмяліны...
Ну што ж няблага мы жылі¹⁸.*

Особо хотели бы отметить бровкинскую «Думу о бессмертии» («Дума аб бессмяротнасці»), в которой приехавший в родные места поэт будто на солдатскую поверку вызывает односельчан и земляков. Это и Кузьма Пильота «з гадоў дваццатых трактарыст», и Егор Маковский, шофер, а потом храбрый партизан, Николай Дрозд, пчеловод, так «угощавший» врагов, что у тех и «вочы вылезлі на лоб», Якута Белосад, штурмовавший Берлин и сложивший там свою голову. У каждого из героев «Думы...» своя биография, свой подвиг. Через их жизнь и борьбу поэтом проводится глубокая философская мысль о бессмертности человека, непреодолимости жизни, ее диалектическом движении и развитии.

Здесь, на наш взгляд, следует отметить, что оживление былого, ретроспекция, никоим образом не является ностальгией. Сущность в пафосе, в авторской позиции, поэтической точке зрения, насыщенной высоким коэффициентом гражданственности. А на экскурсии в прошлое, на своеобразную исповедь перед читателем (пусть иногда и с налетом иронии) поэт с таким огромным жизненным и духовным опытом, каким обладал П. Бровка, имеет полное право. Как и право, чтобы заявить:

¹⁷ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 23.

¹⁸ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 174–175.

*Мы вышлі з цемнаты, нядолі і гора,
Мы самі свае распалілі агні.
Жыццё і барацьба нас з'ядналі. Як морам,
І мора не мае такой глыбіні.*

*Мы – кропля ды з кропляй прайшлі загартоўку,
З'ядналіся. Разам наперад нам плыць.
Хто мора падзеліць на кроплі і зноўку?..
Так нельга і нас па адным раздзяліць¹⁹.*

Бровкинская «**дзяціная**» чистота, **объединенная со зрелой мудростью и жизненным опытом**, – **отмечает поэт Г. Буравкин**, – это и есть **«той шчаслівы сплаў, які звiніць найдаражэйшай песняй»²⁰**. От стихотворения к стихотворению с разным интонационным насыщением, рассказывая о жизни и о себе, откровенно говоря о своем отношении к окружающим реалиям, ведя в них поэтический поиск, П. Бровка создает интересный и привлекательный, объемный, яркий в этико-эстетических и философских красках Человеческий Характер, основным, цементирующим ядром которого выступает личная обеспокоенность за судьбы людей и жесткая требовательность к самому себе: **«На сэрцы хмары, памылкі лічыш ты ў кляцьбе. Не ведаю я большай кары, калі караеш сам сябе»** (выделено нами – А.Р., Ю.Р.). Самобытная выразительность и своеобразная напевность его поэтической строки согласуется с образностью мысли, придавая поэтическому слову возвышенность и эстетическую привлекательность. И это слово усиливается неутомимым стремлением к познанию актуальных жизненных проблем, знакомству с новыми людьми. В стихах П. Бровки второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. нет места пессимизму, растерянности, утомленности поэтической души. В подтверждение несколько строк:

*Усю не зведаць рэчаіснасць
І не прайсці мне ўсіх дарог.
Хацеў бы быць я мнагаісным,
Як ва ўяўленні многіх бог.
Пазнаць сусвет, яго праявы,
Нідзе няма цяпер глушы...
Мне да ўсяго сягодня справа,
Усё мне блізка да душы²¹.*

К месту будет и такое замечание: П. Бровка умеет взглянуть на себя со стороны, а это очень важная черта для того, кто пишет, и кто, таким образом, кого-то поучает... **«Увидь себя – и увидишь человечество»**, – толковали когда-то философы. В отношении П. Бровки они ничуть не ошиблись.

Было бы нашей ошибкой умолчать о том, что в становлении характера советского человека играли свою роль и **«дасціпны ленінскі погляд»**, и то, что люди **«сэрцам з Леніным жылі»**, и то, что ощутил и понял сам поэт: **«Я адчуваю – мая песня таксама адсюль** (из послеоктябрьского времени. – А.Р., Ю.Р.) **прыйшла»**. Послеоктябрьскими, по сути, ленинскими мотивами пронизаны стихотворения **«Солдат революции»** («Салдат рэвалюцыі»), **«А Ленин нам говорит...»** («А Ленін нам кажа...»), **«Ветеран»** («Ветэран»), **«Моя Советская власть»** («Мая Савецкая ўлада»), **«И кто-то вспомнит обо мне...»** («І нехта ўспомніць пра мяне»), **«Иду за ним»** («Іду за ім»), **«Песня хлебу»** («Песня хлебу») и др. И, безусловно, прав

¹⁹ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 107.

²⁰ Літаратура і мастацтва. – 1972. – 11 жн.

²¹ Броўка, П. І маладосць, і сталасць... / П. Броўка. – Мінск, 1980. – С. 346.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

поэт, говоря: «*Нашчадкам сваім мы пакінулі след. І вось дасягнулі да самай ракеты, А ёю раскрыты і цэлы сусвет...*».

Не будет преувеличением, если о П. Бровке и его лирическом герое сказать словами древнего литератора – ничто человеческое им не чуждо. Философское прочтение этого тезиса древних находим в стихотворении «Моим друзьям» («Маім сябрам»):

*Удзячны буду я гадамі,
Таму, хто мне жыццё збярог.
Скажу палаце з дактарамі:
«Бывай!..» – і ўсім, хто дапамог.*

*Бо дома так, як трэба, неба
Не распознаў яшчэ ў жыцці,
А колькі ж мне надзвычай трэба
Сцяжынак ціхіх перайсці.*

*Сустрэцца з полем, борам, гаем,
З крыніцай, возерам, ракой,
Наведаць тых, каго жадаю,
Хто хоча бачыцца са мной.*

*Чаго ж мне хочацца найболей:
Я не схіляю галаву –
Каб паспяваць яшчэ ў застоллі,
Я ж можа песні не сарву²².*

А чтобы эта песня не сорвалась, поэт всегда стремится:

*Быць першым на клічу Айчыны,
Быць першым, каб зладзіць свой дом,
Быць першым у любай дзяўчыны,
Быць першым за плугам, станком,
Быць першым між сціплых герояў,
Быць першым, дзе цяжка рукам,
Быць першым на лініі бою,
Быць першым з ратункам сябрам²³.*

Стихи, стихи-размышления, стихи-зарисовки, поэмы П. Бровки стали заметными в литературном процессе потому, что они «произросли» на народной почве, в них очень прочная национальная, вековая основа, хорошее знание неиссякаемых возможностей родного языка, виртуозное владение народной речью. Для поэта-гражданина, поэта-лирика характерен народный взгляд на жизнь, на родную природу. Однако он «**не подстраивается под народность**» (В. Гниломедов), а проявляет ее в поэтическом слове, обогащая его песенными мотивами, народными категориями и представлениями. В стихах поэта читатель находит много лаконичных, но емких, близких к фольклору выражений. Иногда стилизованных. Несколько примеров. «*Наш пан дык так намыліў пяткі – за ноч ні следу ад яго*» («Из дней детства» («З дзён маленства»)); «*Быў камісар на рост адменны, падлога гнулася пад ім, ён гаварыў – дрыжалі сцены*» («Комиссар» («Камисар»)); «*Кросны яе заснаваў, уток я цяпер выбіраю*»; «*Цаню адзінку-мастака: у сяброўстве розум і*

²² Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 164.

²³ Там же. – С. 79.

рука, але схіляюся чалом перад народным мастаком»; «А, як добра мне сягоння і пад грыбам і пад клёнам. Ах, як хораша і любя, мне пад дубам, дубам, дубам...».

Своеобразие поэтического мышления П. Бровки, а «**тыпізацыя як сродак лірычнага абагульнення дапаўняецца ў паэта другой, характэрнай, дарэчы, для фальклору, формай эстэтычных адносін да свету – ідэалізацыяй. Нярэдка здараецца і так, што ідэалізацыя як тып мастацкага мыслення выходзіць у яго на першы план. І тады верш нагадвае маляўнічую вокладку, алеаграфію ў харошым сэнсе слова... Ідэалізацыя як тэма паэтычнага абагульнення... дазваляла і памагала Броўку па-свойму, праўдзіва адлюстроўваць паэзію жыцця**»²⁴. Лишь один пример:

Ноч і прытуліць і прыкрые
Надзейным покрывам сваім,
Калі гуляюць маладыя...
Здаецца, ўсё спрыяе ім –

І луг сустрэне дыванамі,
І гай пшчотаю спаўе,
І цёмна-шумнымі лістамі
Ім дрэва кожнае спяе,

І неба гляне зор гарошкам...
А хцівы месяц да відна
Як быццам высцэле дарожку
З бялюткай трубкай палатна²⁵.

В предисловии «Слово о поэте» к двухтомнику «Избранные произведения» П. Бровки, изданному в 1969 г. в Москве, М. Исаковский заметил: «Поэзия Бровки народная по языку, и по манере говорить, и по своей напевности, которая идет от народной песни, и по простой и понятной форме, органически слитой, сплавленной с большим современным содержанием – иными словами, по всем своим качествам, идейным и художественным».

Здесь уместно привести один из жизненных случаев, произошедших с поэтом во время зарубежной поездки. Его спросили: «Беларусь адметна чым?» и П. Бровка отметил и тонко, и публицистично:

Кажу: – Якія у нас адзнакі –
Палеткі, луг, азёры, бор...
І гор няма ў нас аніякіх –
Ды людзі ёсць – вышэй ад гор²⁶.

И тема эта получит свое развитие в стихотворении «Я рад тому, что жил тогда...» («Я рады тым, што жыў тады...»), «У Беларусі ясныя глаза...» («У Беларусі ясныя вочы...»), «Беларусі» («Беларусі»), «Самое сердечное» («Сама сардэчнае»), «Богат, родной ты язык...» («Багата, родная ты мова») и др.

Говоря о народности в творчестве П. Бровки, следует отметить его открытость, поистине сыновнюю признательность и любовь и к «Большой», и к «Малой родине» – к Беларуси и к витебской Ушаччине. Нас не удивляет, что для П. Бровки Отечество в широком смысле слова – это и есть та ушачская деревня, где он появился на свет. Он считает своим

²⁴ Гліламёдаў, У. Упоравень з векам / У. Гніламёдаў. – Мінск, 1976. – С. 176–177.

²⁵ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 207.

²⁶ Броўка, П. І ў дзень, і ўночы... / П. Броўка. – Мінск, 1974.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

долгом, если художественно осваивать эту тему, видеть в жизни белорусского народа то новое, привлекательное, что рождено мощным поступательным движением республики в послевоенный период.

*У Беларусі – ясныя вочы,
Многа любові ў грудзях:
Звонкае поле,
Звонкія сосны,
Звонкі і сонечны шлях²⁷.*

А как лирически и мягко, эмоционально восторженно, даже поэтически публицистично звучат следующие строки:

*У Беларусі многа сілы,
У Беларусі – воблік свой,
Ёй колькі б год не налічылі,
Яна здаецца маладой.*

*Яна, што кветка-маладзіца
На лузе ў кропельках расы,
І сівізною не свіціцца,
А толькі дзіўнае красы...²⁸*

Вот как красиво, коротко и... захватывающе рисует портрет родной земли. А с какой гордостью пишет поэт о родных и близких сердцу местах:

*Дзвіна! Дзвіна!... І слова звоніць,
Як толькі ўспомніш пра цябе.
А хваляў колер сіні-сіні,
Адкуль іх вецер пазганяў...
Напэўна, у іх глядзеў Скарына,
Калі ў рад літары складаў.
І з тых гадоў да нашых раняў,
Праз даль стагоддзяў ідучы,
Калі пачуем: «Палачанін!»,
Дык сэрцу радасна гучыць!²⁹*

И еще несколько строк о близком поэтическому сердцу маленьком городке Лепель:

*Лепля, Лепель.
Няма лепей,
Як ты, горада малага,
Не таму, што ты мне блізкі,
а таму, што я не бачыў
Больш прыгожага такога.
Ты ў бярозах,
Ты і ў соснах,
Між іх постацяў выносных,
У азёрах, што ў каралях,*

²⁷ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 51.

²⁸ Броўка, П. Вершы, паэмы, апавяданні, аповесці, раман «Калі зліваюцца рэкі» / П. Броўка. – Мінск, 2008. – С. 500.

²⁹ Броўка, П. І маладосць, і сталасць... / П. Броўка. – Мінск, 1980. – С. 240.

*З іх адно завецца Проша,
Гэта значыць, калі ласка...
Кожны
Зведаць Лепель можа –
Гарадок малы, прыгожы,
Ён жа з ласкаю сустрэне,
Хоць люблю свае Вушачы,
Лепель я люблю не меней³⁰.*

В произведениях о своем родном, близком и любимом, в преклонении перед земляками, родными и близкими ему людьми, поэт и с гордостью за людей, устоявших во время войны, и с болью за погибших отдает им всем свою поэтическую дань. Партизан он по праву называет «*ляснымі рыцарамі*», которые «*не знали стомы ў барацьбе*», з якімі «*дамы сэрца*», *хадзілі на расучы бой*». Народные мстители в борьбе с врагами покрыли себя неувядающей славой. «*І бачыцца мне – ордэн Славы паміж нахіленых бяроз*», – напишет поэт в стихотворении «*Меж наклонившихся берез*» («*Паміж нахіленых бяроз*»). И это не только память о героизме и мужестве белорусов в годы войны, но и обращение к новым поколениям, призыв не забывать о том «военном» долге, который и до сих пор «висит» над нами:

*Байцы франтоў і партызаны
На Беларусі побач спяць.
Спяваюць птушкі. Месяц свеціць,
Але герояў не збудзіць.
І толькі вецер, буйны вецер
Паходным маршам ім гудзіць³¹.*

Для современников трагически звучит стихотворение «Мертвая деревня» («Мёртвая вёска»). Читаем:

*Не, дараваць не магчыма такога.
Што засталася ад вёскі?
Нічога!*

*Нелюдзі
З захаду
Сэрца не мелі –
Людзі,
І хаты,
І дрэвы гарэлі.*

*А жыць ім хацелася. Жыць было трэба.
Усё ж адляцела з дымам на неба.
І засталіся суровымі днямі
Назвы самотныя нам з камянямі...*

*А жыць так хацелася. Жыць было трэба.
Усё ж адляцела з дымам на неба.
А замест вёскі – шырокае поле...
Толькі яе не забудзем ніколі:*

³⁰ Броўка, П. І ў дзень, і ўночы... / П. Броўка. – Мінск, 1974. – С. 53.

³¹ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 102.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

*Зерняты з дымам, сабраныя намі,
Сёння ўзняліся, шумяць каласамі...
Помніць вас, родных,
Родная глеба,
Кожнае зерне
Ўглядаецца ў неба³².*

Проклятым войне пронизаны стихотворения «Под ковром могильной звезды» («Пад дзірваном магільнай зоркі»), «Раненый» («Паранены»), «Партизанский телеграф» («Партызанскі тэлеграф»), «Курган Славы» («Курган Славы»), «В партизанском бору» («У партызанскім бары»), «Что б только не было войны...» («Каб толькі не было вайны...»), «Музей Великой Отечественной» («Музей Вялікай Айчыннай») и одно из лучших произведений о Великой Отечественной войне – «Дума о Вере Хоружей» («Дума пра Веру Харужую»).

Великая Отечественная война видится поэту на расстоянии времени. Вот он ведет беседу с подпольщиками («Всегда вы с нами» («Заўжды вы з намі»)), приглашает фронтовиков и партизан к костру, чтобы вспомнить о былом, незабываемом («Сидят солдаты у костра...» («Сядзяць салдаты ля кастра...»)), стоит у Кургана Славы («Четыре штыка под Минском» («Чатыры штыкі пад Мінскам»)), ведет разговор о памяти и бессмертии:

*Сцяг ваш над роднай зямлёю красуецца,
Сёння вы ў новых і плошчах і вуліцах.
Сёння вы ў дзецах, што сталі шчаслівымі,
Сёння вы ў спевах калоссяў над нівамі,
Сёння ў садах вы, на даўніх пажарышчах...
Спіце спакойна, сябры і таварышы³³.*

Размышления поэта у **«вечаровага цяпла»** в нашем понимании, это и неизменная верность юношеской мечте, сформированному высокому идеалу, к которому он всегда стремился; это и реализация собственного жизненного правила – быть внимательным к окружающим реалиям, посвятить свою жизнь доброте и стремлению всегда быть полезным людям («Однако и тем я горжусь» («Але і тым я ганаруся»)), «Я сегодня рад и малому» («Я сёння рады і малому»)), «И кто-то вспомнит обо мне» («І нехта ўспомніць пра мяне»)); это умение «залатыя зярняты» прожитого и пережитого оформить в художественные образы и донести их до сердца нового читателя; это уникальная и постоянная потребность быть откровенным с читателем, вести с ним доверительную беседу о высших гражданских и моральных качествах личности; (здесь весьма показательно стихотворение «Моя анкета»); наконец, это полная реализация в творческой жизни своего девиза: **«Працуй у поце, не заставайся ў адзіноце»**. И здесь нельзя не согласиться с уже упоминаемым нами В. Гниломедовым. **Литературовед без натяжки отмечает: «Ад верша да верша, разказваючы пра жыццё і пра сябе, так ці інакш стасуючы свае адносіны да навакольнага свету, шукаючы ў ім паэзію, ён малюе цікавы, вельмі прывабны, аб'ёмны, яркі на мастацкіх фарбах чалавечы характар»³⁴.**

Не менее авторитетный в белорусском советском литературоведении критик Б. Бурьян считает, что П. Бровка «адзін з лепшых лірыкаў савецкай паэзіі нашых дзён»³⁵. И еще одно мнение известного белорусского поэта С. Гаврусева: «Добрая якасць – жыць з чалавекам плячо ў плячо. А паэт П. Броўка гэта ўмее. Сведчанне

³² Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 150–151.

³³ Броўка, П. І ў дзень, і ўночы... / П. Броўка. – Мінск, 1974. – С. 162

³⁴ Гніламёдаў, У. Усё мне блізка да душы / У. Гніламёдаў // Палымя. – 1972. – № 9. – С. 241.

³⁵ Бур'ян, Б. Пад позіркам сяброў / Б. Бур'ян // Беларусь. – 1975. – № 2. – С. 27.

таму – не толькі змест вершаў, але і іх вынаходніцтва. Ён па-маладому эксперыменціруе, разнастаіць строфіку і рытміку»³⁶.

О том, что подобные суждения не были ошибочными, свидетельствует, на наш взгляд, и такой факт – более 60 стихотворений П. Бровки стали широко известными песнями. И не только в Белоруссии. На слова белорусского поэта писали песни композиторы России, Украины, других стран.

Нельзя оставить без внимания и такую страницу многообразного творчества П. Бровки, как публицистика. Поэта постоянно волновали события современной ему общественной и литературной жизни. А публицистическая статья, литературная заметка или публичное выступление и были такими жанрами, которые позволяли оперативно высказать свое отношение, дать свою оценку происходящим событиям. Объединенные вместе, они составили бы достаточно объемное издание. Мы же в качестве примера можем назвать несколько работ. Это «Сила поэзии» («Правда», 1968, 8 июня), «Цветет родная земля» («Сельская жизнь», 1968, 28 декабря), «Пою мое отечество» («Литературная газета», 1974, 27 февраля), «Боевые мои земляки» («Советская Белоруссия. 1972», 19 мая), «Слова нашей дружбе» («Литературная газета», 1973, 21 ноября), «Мастерство писателя. В чем оно?» (Ответы на вопросы издательства «Молодая гвардия»), «Да не опалится земля пожаром» («Литературное обозрение», 1973, № 12), «Наш добрый друг» (воспоминания об А. Прокофьеве, 1974) и др.

Читая книгу за книгой, читатель проходит большую дорогу, где было много радостей и счастья, горечи и неудач, но всегда в произведениях П. Бровки ярко светила звезда веры и надежды, звезда, зовущая вперед. В еще не познанные дали:

*Усё мяняецца, цячэ –
Праўдзіва некалі знайшлі,
Але наперадзе яшчэ –
Чаго і ў марах не дайшлі.*

*Хачу, каб шлях трывожны мой
Прайшоў праз дум і слоў гушчар,
Яшчэ я ў працы і ў такой,
Што ад задум кідае ў жар³⁷.*

³⁶ Настаўніцкая газета. – 1970. – 7 сакав.

³⁷ Броўка, П. Вершы, паэмы, апавяданні, аповесці, раман «Калі зліваюцца рэкі» / П. Броўка. – Мінск, 2008. – С. 510.

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН

Среди тех поэтов Витебщины, кто заявил о себе в белорусской литературе в 1950-е – первой половине 1960-х гг., значит имя уроженца д. Тродовичи Россонского района, выпускника Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина **«боевого публициста и искреннего лирика» (А. Мартинкевич) Геннадия Николаевича Буравкина*** (родился 26 августа 1936 г. Умер 30 мая 2014 г., похоронен на Северном кладбище в г. Минске). В свое время одному из авторов этой книги довелось анкетировать нашего земляка. Думается, что мысли, высказанные им в ходе тогдашнего интервью, будут интересны и для нынешних читателей.

Отвечая на вопросы **«Как и почему Вы стали писать?»**, **«Как появилась уверенность в правильности избранного пути?»**, **«Где истоки Вашего многопланового творчества?»**, Г. Буравкин говорил: *«Однозначно ответить, почему начал писать (или точнее будет сказать для начала – рифмовать), трудно. Зачаровывала сама музыка поэтического слова, его выверенность, «сложность». И еще – возможность сказать о чем-то важном или просто интересном чуть-чуть необычно. Вот поэтому в школьные годы (где-то в 5–6 классах) начал рифмовать заметки в стенгазету, а потом и описания школьной жизни, отзывы к знаменательным датам. Писать (в смысле делать попытку составить художественное произведение) начал значительно позже, даже после того, как кое-что было напечатано в областной и республиканских газетах и журналах»¹.*

«Уверенность в правильности избранного пути безусловной не назову и сегодня. Иногда в душе и сейчас, когда перечитываю классику или любимых выдающихся современников, возникают сомнения: а возможно, в другом деле я сделал бы больше и лучше. Но без литературы я уже не могу. И ощущение, что хоть что-то я умею, также временами, к счастью, приходит. Так было, к примеру, после книги «Жатва», после поэмы «Ленин думает о Белоруссии», после некоторых стихотворений последних лет.

Истоки моего творчества – на Полоччине, в полоцких борах и реках, лугах и хлебных полях. И, прежде всего, в Великой Отечественной войне, давшей мне знание неизмеримой цены жизни и добра и страшной цены зла и смерти. Начал писать я от подсознательной радости и красоты мирного бытия. И еще – от желания быть самым активным участником того, что вершится на родной земле. И еще – от причастности к славной истории своего народа».

И еще несколько суждений Г. Буравкина. Но теперь из ответа на вопрос **«Чем можно объяснить появление в белорусской литературе на рубеже 1950–1960-х гг. заметного числа молодых авторов?»**. Г. Буравкин рассуждает: *«Явление это я разъяснил бы двумя причинами: нашим жизненным опытом и общественной атмосферой того времени, когда заявило о себе наше поколение.*

Все мы, представители нынешнего «среднего» поколения, пережили Великую Отечественную войну – каждый по-своему, каждый в своем краю, каждый различной мерой, но пережили со своим народом, со своей Родиной. Все мы – дети партизанской Белоруссии, дети Советской власти. Родители наши честно пронесли через военные испытания свою

^{*} Печататься Г. Буравкин начал в 1952 г. Его первые стихи появились в полоцкой газете Печататься Г. Буравкин начал в 1952 г. Его первые стихи появились в полоцкой газете «Сцяг камунізма». Затем печатался в журналах «Маладосць», «Беларусь», «Вясёлка», в газетах «Звязда», «Чырвоная змена», «Мінская праўда».

¹ См.: Маладосць душы (Генадзь Бураўкін). Ісці да чалавека. Літаратурныя партрэты / А. Русецкі. – Мінск, 1987. – С. 153–161. (Перевод с белорусского наш. – А.Р., Ю.Р.)

судьбу - кто погиб, кто возвратился тяжело раненным, кто прошел в пороховом дыму до самого Берлина... Мы своими детскими глазами увидели и звериное обличие фашизма, и высокое человеческое достоинство наших земляков, и мужество и отвагу партизан и красноармейцев. Это наш важный жизненный и исторический опыт. И мы не имели права не сказать о нем, не поставить его рядом с опытом тех, кто прошел дорогами войны с винтовкой за плечами. А толчком стала общественная атмосфера в стране после XX партийного съезда. Мы поняли, почувствовали, что должны открыто сказать о том, что знаем, над чем мучаемся, к чему стремимся. Счастье, что этот толчок припал на время гражданской зрелости (а возможно, точнее – нашей гражданской зрелости)».

Мы обратились к мнению самого Г. Буравкина не случайно. В его ответах, по сути своей, обозначены не только все основные направления поэтических поисков, но и необходимость личного понимания тех общественных явлений и процессов, которые являются определяющими в таких поисках. Что же стало стержневым элементом в творчестве начинающего автора? Это, прежде всего, стремление быть не созерцателем жизни или ее комментатором, а активным участником происходящих событий, человеком, для которого в жизни нет ничего второстепенного, стороннего. Не сосуществование с жизнью, а сама жизнь: быть ее сущностью, ее смыслом, ее стержнем, отражать ее противоречия через конкретность красок и противопоставление мыслей, событий, эмоций – вот сверхзадача поэта. Опыт первых поэтических сборников «Майская синева» («Майская просінь») и «С любовью и ненавистью земной» («З любоўю і нянавісцю зямною») показал, что Г. Буравкин с данным самому себе заданием справляется успешно, хотя сам он в «Автобиографии» напишет: «Я знаю, что два мои сборника стихов («Майская просінь») (1960) и «З любоўю і нянавісцю зямною») (1963) не безукоризненны. Но никогда я не писал бессовестно и лживо – а поэтому я не стыжусь своих стихов». Его лирический герой может на глазах у девушек взять «у спадарожнікі сонца і на ноч не пусціць яго ў лес» («Я иду» («Я іду»)); уверен в том, что «каб не быў чалавекам,... жаўранкам быў і спяваў бы нястомней за ўсіх і званчэй, каб рабілася людзям ад песні лягчэй» («Я не знаю...» («Я не знаю...»)).

Поэта можно было встретить на полях целины («Сашка» («Сашка»)) и на последнем школьном звонке («В школьном саду» («У школьным садзе»)), в музее у партизанских знамен («У партизанских знамен» («Ля партызанскіх сцягоў»)) и на колхозном поле («Студенты в колхозе» («Студэнты ў калгасе»)), на Хельсинском международном фестивале молодежи и студентов («Мы спали.» («Мы спалі...»)) и на стройках Новополюцка («Первые из династии» («Першыя з дынастыі»)).

Постигая многоплановость окружающей его действительности, Г. Буравкин в своих первых книгах зарекомендовал себя как **поэт широкого духовного жеста (В. Гниломедов)**, у которого тесно переплетаются интимное и гражданское, лирическое и публицистическое, эстетическое и эмоционально-психологическое. И все это естественно и последовательно прорастает из тех повседневных забот и тревог родной земли, «мимо которых не имеет права проходить родная литература».

Анализируя первые сборники Г. Буравкина, приходишь к выводу, что и поэтические начинания, и постепенное наполнение стихотворений гражданственностью и моральной обостренностью обусловлены, прежде всего, чувством Отечества, сыновней любовью к родной стороне, неотрывности и обусловленности судьбы собственной судьбой всего народа. Вот, к примеру, строки из стихотворения «Белоруссии» («Беларусі») из поэтического сборника «С любовью и ненавистью земной», звучащие приподнято, даже несколько пафосно:

*У любві да цябе я не раз буду клясціся.
Не таму, каб ты помніла клятву маю.*

*Проста, дзе ні пабуду –
у Смаргоні ці ў Клясціцах, –
Я ўсё болей цябе пазнаю.
...У нябыт
і нядоля і ворагі рынулі...
І цяпер
прыгажэй, даражэй удвая,
Ты стаіш, Беларусь,
завадская, зубрыная...
Я – пясчынка твая.
Я – крывінка твая.*

Говоря о своей «Малой родине», Г. Буравкин в сборнике «Майская синева» высказывает как в плане лирическом:

*Не шукайце красы за морамі,
Узбярэжжаў з крышталёвымі зорамі, –
Прыязджайце да нас на Полаччыну,
Пахадзіце яе прасторамі.*

*...Тут дзяўчаты ўсе – чарнабровыя,
На палях ільны двухмятровыя,
Тут пад кожным курганам і каменем
Ці быліна, ці казка чароўная...*

«Полаччына»

так и в историческом:

*Толькі ўслухацца лепш у марозны спакой,
Толькі вочы закрыць на хвіліну –
І пачуеш дыханне далёкіх вякоў,
Старадаўнія песні-быліны.*

*І не проста ўжо рыпнуў запознены крок,
І дымком пацягнула ад фабрык, –
Гэта рыпнуў Скарыны друкарскі станок,
Гэта пахне друкарскаю фарбай.*

*Рукавом выцер потны, задумлівы твар,
Стаў пад лютаўскім ветрам, ля сходак,
З хрустам плечы расправіў стамлёны друкар,
Мой разумны, няўрымслівы продак.*

«Полацкая балада»

Обрели поэтическую форму мысли и чувства самого автора, сформировавшиеся под влиянием родной природы, близких и знакомых поэту людей. Субъективное объективируется: читателю предлагается широкий набор ассоциаций и аллегорий, раскрывающих душевное состояние автора, его эмоционально-чувственное отношение к происходящему в родной стороне. В одном случае – это сохранившиеся в детской памяти картины суровой жизни на только что освобожденной от фашистов белорусской земле:

*Аднагодак кожны мой расказа,
Колькі меў у першым класе бед:
Як рабілі мы чарніла з сажы,
Як пісалі на лістах газет.*

*Я пазнаў тады акрайца хлеба
Самую суровую цану.
Палюбіў густую просінь неба,
Люта зненавідзеўшы вайну.*

«Дагарала ў сорок трэцім восень»

В другом – обращение к любимой девушке:

...І калі пацалунак нечы

*Раптам губы твае апячэ,
Ты ўспомніш: а той, ранейшы,
Цалаваў усё ж гарачэй.*

*І быць можа на тых раздарожжах
Зразумець ты паспееш яшчэ;
Ад мяне ўцячы ты можаш,
Ад каханья – ніяк не ўцячэш.*

«Яшчэ доўга на ўсіх раздарожжах...»

В третьем – о необходимости уважительного отношения к человеку, высокой нравственности человеческих отношений:

*Адышлі ў нябыт панегірыкі
Сціплым вінцікам, спешнай сяўбе.
Людзям хочацца шчырай лірыкі
Не пра вінцікаў, пра сябе.
...Людзі хочуць, каб званні і славу
Не давалі нікому дарма...
Людзі маюць на гэта права.
Ім дала яго праўда сама.*

«Адышлі ў нябыт панегірыкі...»

А как по-современному звучат следующие слова:

*Сябрам мы прысвячаем эпітафіі,
Калі паклічуць за труной ісці...
А чым сябры, скажыце, не патрапілі,
Што мы аб іх не пішам пры жыцці,
Што словы выпактаваныя выкласці
Спяшаемся чамусьці для другіх
І нават лічым найвышэйшай сціпласцю,
Што вось маўчым пра іх, пра дарагіх?*

Обобщая, можно сделать вывод, что многие стихи начинающего поэта стали объектом пристального читательского внимания благодаря их наполненности публицистичностью, гражданским пафосом, значимостью содержания, привлекательностью формы, благодаря активной творческой и гражданской позиции самого автора. Но Буравкин пони-

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН

мал и то, что когда авторское слово становится объектом общественного внимания, требования к нему должны предъявляться по самым высоким поэтическим правилам. Поэтическое слово – это не только констатация, фотографичность, регистрация фактов и явлений, это, прежде всего, ответ на «болевые» вопросы современности и доверительный разговор с читателем, это жизнь литературного героя, взятая в совокупности всех ее проблем, тревог, волнений. Именно поэтому и появляются у него следующие строки:

*Я часам сам сябе не пазнаю:
Разважлівы, спакойны і цвярозы,
Пра маладосць бясмарную маю
Усё часцей ка мне прыходзіць роздум.*

*Я ўсё стражэй да слоў сваіх і рук,
Трывожыць сэрца мне любая дробязь,
Нібы адказнасць я за ўсё бяру,
Што ў цэлым свеце думаюць і робяць.*

Сформулировав для себя подобную задачу, поэт всем последующим творчеством подтвердил ее своевременность и актуальность – авторское слово все больше приобретает внутреннюю наполненность, тот подтекст, который приобщил поэзию Г. Буравкина к великому литературному искусству, особенно ярко проявившуюся во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов, когда поэту в полной мере удалось реализовать собственное творческое правило – не писать стихи по заказу или для какой-нибудь другой цели; видеть в поэзии не простое стихотворчество, а жизненно-определяющий, органический процесс; не искать искусственных тем, а писать только о том, что волнует душу и сердце. Четверть века – для человеческой жизни срок не малый. И именно эти 25 лет в белорусской советской поэзии принесли Геннадия Буравкину широкую известность, как в литературном мире, так и в общественно-политической жизни. Его, пронизанная философским, гражданским пафосом, оптимизмом и тематической динамичностью поэзия, – это своеобразная поэтическая летопись жизни поколения, ощутившего тяготы и лишенная суровых военных лет и восстановительного периода, сложности и трудности хозяйственного строительства и культурного развития.

Весьма метко высказалась **поэтесса Таусия Бондарь**: «Его (Г. Буравкина. – А.Р., Ю.Р.) стихи – это не просто биография собственная или биография времени. Они – воплощенное в слове само время, легко узнаваемое, легко смещаемое в сторону прошлого или будущего»². В его стихах и поэмах удачно сочетается публицистическое гражданское, полемическое начало и искренняя, сыновья любовь к родной Беларуси, пейзажные зарисовки, глубокие лирические переживания и интимность человеческих чувств. **Известный белорусский поэт В. Зуенок определил, что творчество Г. Буравкина – это состояние гражданской наэлектризованности.**

В 1966 г. из печати выйдет третья книга поэта «Дыхание» («Дыханне»). Затем читателю предлагаются книги «Стихи» («Вершы») (1969) – в серии «Библиотека белорусской поэзии», «Жатва: книга поэзии» («Жніво: кніга паэзіі») (1971), «Три страницы из легенды. Штрихи одной судьбы» («Тры старонкі з легенды. Штрыхі аднаго лёсу») (1971), «Исток: стихи» («Выток: вершы») (1974), «Три сказки о Зае: стихи» («Тры казкі пра Зая: вершы») (1974), «Стража верности: стихи и поэма» («Варта вернасці: вершы і паэма») (1978), «Нежность: стихи о любви» («Пяшчота: вершы пра каханне») (1985), «Гнездо для птицы радости» («Гняздо для птушкі радасці») (1986), «Синие качели: стихи» («Сінія арэлі: вер-

² Литературная газета. – 1985. – 30 янв.

шы») (1987). Поэт в эти годы выступил автором текста и стихов к двум альбомам – «Хатынь» (1975) и «Хатынь – Khatyn – Chatyn» (1983), выдержавшим по несколько изданий и переведённых на основные европейские языки. А еще в 1976 г. будет издана книга «Стихи пяти книг: Избранное» («Вершы пяці кніг: Выбранае»), а в 1986 г. – двухтомник «Избранные произведения» («Выбраныя творы»).

Г. Буравкин – автор сценариев документальных фильмов «Опаленная память» («Апаленая памяць») (1975) и «Путешествие по Белоруссии» («Падарожжа па Беларусі») (1976), один из авторов (с Ф. Коневым и В. Халипом) сценария двухсерийного фильма «Пламя» («Полымя») (1974). Творчество Г. Буравкина стало доступным для российского и украинского читателя – речь идет о книгах, изданных в России и на Украине: в Москве – это «Голоса расстояния: стихи» (1964), «Три страницы из легенды: документальная повесть» (1968), «Жаворонок над проспектом: стихи и поэма» (1972), «Кровное: стихи» (1980), «Верю полдню: стихотворения и поэмы» (1981), «Синие качели: стихотворения, поэмы». 1956–1985 (1987); в Киеве – книга «Варта вірності: вірші та поемы» (1984).

Здесь представляется уместным отметить, что отдельные произведения (отрывки из поэм, стихи для детей, лирически-гражданские стихи) Г. Буравкина переведены на русский, украинский, азербайджанский, английский, армянский, болгарский, венгерский, грузинский, испанский, киргизский, латышский, литовский, молдавский, немецкий, осетинский, польский, словацкий, таджикский, татарский, туркменский, французский, хинди-язык, чувашский, эстонский, народов Югославии языки.

Не оставлял в долгу поэт и своих иностранных коллег. Известны буравкинские переводы с русского, украинского, аварского, болгарского, грузинского, еврейского, испанского, калмыцкого, латышского, литовского, молдавского, словенского, французского языков.

Можно было бы назвать десятка два коллективных поэтических и прозаических сборников, в которых одним из авторов непременно выступал Г. Буравкин. Назовем лишь некоторые из них: «Дзень паэзіі», «Беларуская балада», «Хрэстаматыя па гісторыі беларускай савецкай публіцыстыкі», «Далягляды», «Братэрства», «Універсітэт паэтычны», «Духмяныя верасы», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Мары юнацкія», «На задворках», «Наша рэспубліка», «Твой піянерскі гальштук», «Слава Арміі Савецкай», «Слухайце, Хатынь!..» и др. Он активно печатался в изданиях, посвящённых разработке ленинской темы, – «З Леніным у сэрцы», «Заўсёды з Леніным», «Мы дружбой ленинской сильны» и др.

Поэт активно сотрудничает со средствами массовой информации. Его произведения печатают союзные издания – «Правда», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Огонек», «Новый мир», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Юность», «Смена», «Знамя», «Нева», «Аврора», «Литературное обозрение», республиканские газеты («Звезда», «Советская Белоруссия», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Настаўніцкая газета», «Сельская газета», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі», «Зорька») и журналы («Беларусь», «Полымя», «Нёман», «Маладосць», «Мастацтва Беларусі», «Работніца і сялянка», «Родная прырода», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка»), областные газеты «Віцебскі рабочы», «Заря», «Гродненская правда», «Магілёўская праўда», Минская городская газета «Вячэрні Мінск».

Гражданская наполненность литературного творчества Г. Буравкина, её публицистическое начало во многом предопределялись его тесной сопричастностью с жизнью республики, деятельностью государственных органов управления, непосредственным участием в их работе. Несколько лет он был корреспондентом газеты «Правда» по БССР, в 1972–78 гг. работал главным редактором журнала «Маладосць», был членом бюро Центрального Комитета ЛКСМБ. На протяжении десяти лет являлся Депутатом Верховного Совета БССР, избирался членом Центрального Комитета КПБ, с 1978 г. возглавлял Госу-

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН

дарственный Комитет БССР по телевидению и радиовещанию, находился на дипломатической работе – был постоянным Представителем БССР, а затем – Республики Беларусь в ООН, имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Но где бы он не работал, чем бы не занимался, он всегда оставался поэтом, располагающим Человека, противоречия общественной жизни. Лауреат Государственной премии БССР имени Я. Купалы, премии Ленинского комсомола Беларуси.

Свое отношение к жизни, поэзии, литературному творчеству Г. Буравкин неоднократно высказывал в многочисленных интервью, встречах и беседах с читателями. Приведем лишь два, в которых наиболее ярко, на наш взгляд, сформулирована гражданская позиция поэта, по сути, его жизненное кредо.

Первое: *«Я глыбока перакананы, што чалавек, які мірыцца ў жыцці з апалітычнасцю, беспрынцыповасцю, не можа быць прыкметнай постацю ў літаратуры. Бяру блізкія мне жыццёвыя прыклады, Ніл Гілевіч, Рыгор Барадулін, Анатоль Вяцінскі, Васіль Зуёнак... і характарам, і тэмпераментам яны вельмі розныя людзі. І ў паэзіі яны розныя. Але ўсе з актыўнай грамадзянскай пазіцыяй»³.*

И второе: *«Мэта ўсяго майго жыцця і задача кожнага майго дня – служэнне роднаму народу. Яму я абавязаны прыналежнасцю да сумленнай, шматвяковай гісторыі, да добраі, чулай душы і высокіх гуманістычных ідэалаў продкаў і сучаснікаў. Без яго не ўяўляю я будучыні ўсёй нашай зямлі. У яго славу складаю, як умею, свае вершы»⁴.*

* * *

Есть такая народная мудрость: «Сладкий будешь – расклюют, горький будешь – расплюют». Так где же она та «золотая» серединка, позволяющая художнику все время оставаться самим собой, создавать произведения, волнующие читателя? Для Геннадия Буравкина – это правда. Та, что *«на свеце адна без крупінкі маны»*. И, если предать ее, трудно будет *«схавацца ад сынавых ясных вачэй, і на свеце тады жыць намнога цяжэй і лягчэй»*. Именно с таких позиций подходит к поэтическому анализу «неприглаженной», противоречивой действительности Геннадий Буравкин. **«Яго паэзія (крытык М. Барсток душевно-открыто и правдиво-откровенно отмечает), – пачыналася з полацкай крынічкі, з берагоў невяліччай мала каму вядомай Палаты. Светлым струменем праз гады яна ўлілася ў акіян савецкай паэзіі, стала вядомай не толькі ў Беларусі, але і на ўсёй краіне»⁵.**

Ощущая свою причастность ко всему происходящему на земле, поэт хочет, чтобы люди свое счастье и свои мозоли по-братски с ним поделили, чтобы *«роўную частку далі сваёй ношы нялёгкай пранесці»*.

В результате появляется стих-размышление, стих-рассуждение «Сколько я проживу, не знаю...» («Колькі я пражыву, не ведаю...»).

*Колькі я пражыву,
не ведаю.
А хацелася б
шмат пражыць.
Навальніцамі ўсімі
і ветрамі
Вусны ўдосталь свае асмужыць,*

³ Звезда. – 1983. – 10 снеж.

⁴ Цит. по: Мэта ўсяго жыцця // Беларусь. – 1989. – № 2. – С. 16.

⁵ Барсток, Т. Руплівы поўдзень: нарыс творчасці Генадзя Бураўкіна / М. Барсток. – Мінск, 1984. – С. 172.

*Наглядзеца на неба сіняе,
Нахадзіца па верасах,
Каб гады
палахлівым інеем
Пазаблыталіся ў валасах⁶.*

В результате собственных сомнений, переживаний у Г. Буравкина рождается лирический герой, способный чувствовать общую атмосферу современности, не оставаться равнодушным при соприкосновении с конкретными и близкими ему ситуациями, людьми, местами. Он не пассивный созерцатель жизни, он активный её участник, он тот, кому пришлось пережить и войну, и больничную палату, «чмяліны мёд, гаркоту солі, і смак слязы, і пах смалы».

*А што спазнаў і роспач бедаў,
І горкі прысмак палыну, –
Дык для таго,
каб добра ведаў
Жыцця сапраўдную цану⁷.*

И цену эту поэт определяет самыми высокими мерками, главная среди которых – умение любить Родину, те родные места, где «пад кожным курганам і каменем – ці быліна, ці казка чароўная», где «азёры, як неба, сінія, у чаротах чароды гусіныя, на дне Млечным Шляхам свеціца трапяткія гурты язінныя», где «навальніцы грывяць над кручамі» и «вясёлкай неба акружана», и «на кожнага закаханага салаўёў па чатыры тузіны». Поэт благодарен судьбе, что родился именно в Беларуси, где на большаках и проселочных дорогах между лесов и яблонь на дорогах, что его родина «жыла ў братэрстве і сяброў цаніла...». Родной угол и для поэта, и для его героя кажется самым лучшим на земле – и летом, и весной, и даже осенью, когда холодный мелкий дождь прибывает к окну кленовый, «апошні залацісты ліст», когда «апошняя цяжкая пазалота злятае з абвістаных ветрам дрэў...». Вспомним строки из стихотворения «Край мой...» («Край мой...»), посвященного родной стороне:

*Звычайны самы,
самы зрэбны:
Зялёны луг ды сіні бор,
Каля дарогі жыта ў полі,
Вярба старая ля ракі,
Ды ў жоўтым восеньскім прыколе
Рабін даспелых аганькі.
...Гаёў бялюткая бяроза,
Густы блакіт лясных азёр,
І лён, зусім, як неба, сіні,
І ўсе ў рамонках берагі...
Мой беларускі,
мой адзіны
Край
ад калыскі дарагі...⁸*

⁶ Бураўкін, Г. Дыханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1966. – С. 69.

⁷ Бураўкін, Г. Жніво / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971. – С. 117.

⁸ Бураўкін, Г. Дыханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1966. – С. 93–94.

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН

Это, на наш взгляд, ни что иное, как выражение собственного авторского чувства, может быть, эмоциональное, но откровенно правдивое: «...*Мне здаецца, што кожны чалавек, асабліва творчы, не можа не адчуваць віны перад сваім краем. Без маёй Полаччыны, без маёй Беларусі я ніколі не стаў бы журналістам, паэтам. Чалавека ў ва мне разам з маці выхоўвалі і цёмныя полацкія бары, і Дзвіна, і Дрыса са стракозамі ў поўдзень над іх хвалямі, і сціпленькія, але ж якія мілыя крынічкі, і нівы, на якіх цвіце лён, – вачэй не адарваць, і буслы на стрэхах, і шпакі на шпакоўнях – літаральна ўсё. Яны аддалі мне і фарбы, і гукі, і нешта такое, што хіба музыка толькі і можа выказаць. Полаччына магла б і без мяне абысціся, а мне без яе проста не было б. Ад усведамлення гэтай простаі ісціны і ўзнікае пачуццё той віны, пра якую ты кажаш. Перад маці і Радзімай мы заўсёды ў даўгу, які не аддасі нават за два жыцці. А ў нас яно ўсяго адно. Вось так і пойдзем мы з зямлі даўжнікамі*»⁹.

Весь последующий творческий путь Г. Буравкина показывает, что он жил ощущением неотрывности своей собственной судьбы от судьбы своего народа, родных и близких ему людей, стремлением посетить свой деревенский дом, увидеть снова, «*як каля хаты хаваецца ў дрымотны цень, як бацька ціхі і вусаты, крыху ссутулены ячмень*», снова услышать, «*как грамы варочаюць у небе, а на зямлі спакой такі, ажно чуваць, як звонка недзе лапочуць крыллем матылькі*».

*...Тут маё прыстанішча і шчасце,
Тут мой лёс, мой боль і завет.
Тут я сэрца адчыняю насцеж
Для ўсяго, чым знакамiты свет.*

*І хай з тысяч рэк чужых нап'юся –
Толькі для апошняга глытка
Я прыйду сюды,
да Беларусі,
Да свайго азёрнага кутка*¹⁰.

Патриотическими чувствами пронизаны стихи «Минский триптих» («Мінскі трыпціх»), «Полоцкая баллада», «Жаворонок над проспектом» («Жаваранак над праспектам»), «Кто-то охотится на синицу...» («Хтосьці палюе на сініцу...»), «Я не знаю, уродился в кого я такой...» («Я не знаю, удаўся ў каго я такі...»), «Реки Белоруссии» («Рэкі Беларусі»), «Исток» («Выток») и многие другие. Однако поэта нельзя упрекнуть в национальной замкнутости или самоизоляции. Среди всех тем на первом плане в его творчестве не только тема Родины, но и тема интернациональных связей белорусов, их дружба с народами разных стран. Высоким гражданским содержанием наполнены стихи, посвящённые Прибалтике, Молдавии, Памиру, Югославии, Ленинграду, другим интересным местам многонационального Отечества. С интересом читаются стихи о Болгарии, Кубе. А «Четыре песни об Эрнесте Че Геваре» («Чатыры песні аб Эрнэсце Чэ Гевару») – это страстный революционный гимн, реквием всем борцам против угнетения и социальной несправедливости.

Гордостью за родную Беларусь, высокой честью за принадлежность к белорусскому народу пронизано стихотворение «Народ мой...» («Народ мой...») из поэтического сборника «Вахта верности». Поэт благодарен своему народу за его трудолюбие, уважение к человеку труда, миролюбивый характер, стремление к знаниям и художественному творчеству. Он гордится героическим прошлым своей Родины. Честь эта для него неотрывна

⁹ Матукоўскі, М. Я люблю давярацца людзям / М. Матукоўскі // Маладосць. – 1968. – № 6. – С. 113.

¹⁰ Бураўкін, Г. Сінія арэлі / Г. Бураўкін. – Мінск, 1987. – С. 74.

от понимания ответственности каждого перед обществом, умение прожить жизнь с пользой для людей, войти добрыми делами в память людскую. Автор искренне признается:

*І аднаго хачу ў жыцці,
Каб ты (народ. – А.Р., Ю.Р.)
не паглядзеў з дакорам,
Каб за мяне ніколі сорам
Табе душу не засмуціў*¹¹.

Поэтическое признание в любви и верности родной Беларуси, постоянная настроенность души поэта на тему Отечества, его искренняя исповедь благодарности своему народу связаны с другой, характерной для белорусской советской литературы темой – темой увековечивания памяти людей, сгоревших в войне в огне Великой Отечественной войны. От «Полесской баллады» («Палескай балады»), посвященной памяти погибших в годы войны Ивана Цубы, повторившего подвиг Ивана Сусанина, и его брата Михаила в «Майской синеве» («Партызан ад нападу збярог, не прадаў нашых родных дарог...») до документальной повести «Три страницы из легенды» о героической витебской партизанке Надежде Богдановой, от стихов «Когда земля спокойно засыпает...» («Калі зямля спакойна засынае...»), «Идет процесс...» («Ідзе працэс...»), «Освейской баллады» («Асвейскай балады») к одному из самых трагических и высокохудожественных произведений о Хатыни – поэмы «Хатынский снег» («Хатынскі снег»): **известный белорусский литературовед М. Барсток считает, что эта поэма является лучшей среди лирико-эпических поэм о Хатыни**¹².

Вспомним несколько слов из автобиографии поэта, имеющих непосредственное отношение к обозначенной теме. «Помню, як гналася за намі па полі праклятая «рама», як маці ўпала са сцяжынкi, засланяючы сабой і ад куль, і ад чорнага ценю самалётаў, а я стаяў і не мог ступіць кроку, працяты ўвесь нейкай жудасцю, стаяў, нават не чуючы матчынага крыку. Помню, як хадзілі мы на ўзгорак, дзе курэлі галавешкі былой школы, дзе было спалена пяцьдзесят чалавек»¹³.

Острые детские впечатления позволили Геннадии Буравкину создать трагическую картину дикого произвола фашистских оккупантов в Освее, Хатыни, других белорусских деревнях, где «попелам на зямлі асыпаліся дрэвы і хаты» и «попелам на зямлі заставаліся людзі, малітвы, праклёны». Скупыми, но емкими поэтическими деталями, через художественное видение обычных, бытовых подробностей воссоздает поэт Хатыньскую трагедию. Утро обычного мартовского дня (Хатынь вместе с жителями – 149 взрослых и 76 детей – была сожжена 22 марта 1943 года) – вот «бухнула ў студні аб лядок вядро» и «грыгнула каля прыпечкі бярэма бярозавых дроў», вот «дзынкнула аб даёнку тугое малако» и «атрымаў першую аплявуху матчыну мурзаты падшыванец, што выбег на вуліцу басанож». Все было как обычно.

Но сжималась уже вокруг Хатыни смертельная тень:

*Страчылі кулямёты
па агню, па стогнах і плачу.
Радзеў
і падаў
ахрыплы пакутны крык.
І вось застаўся толькі энк дзіцячы,*

¹¹ Бураўкін, Г. Варта вернасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1978. – С. 16.

¹² Барсток, М. Руплівы поўдзень: нарыс творчасці Генадзя Бураўкіна / М. Барсток. – Мінск, 1984. – С. 67.

¹³ Бураўкін, Г. Першая старонка. Пра час і пра сябе. – Мінск, 1966. – С. 52.

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН

Але і ён пахіснуўся
і знік.
...І карнікі глядзелі вачамі пустымі,
Як ашалелы кот па вуліцы бег,
Як ляжаў,
не таючы
ў Хатыні
Чырвоны гарачы снег*.

Но женщины, эти постоянные носители принципов деревенской жизни, предчувствуя самое страшное

...загаласілі
– А дзеткі
А вы ж не паспелі пажыць!
А вашы ж ногі не паспелі нахадзіцца.
А вашы ж рукі не паспелі напрацавацца.
А вашы ж вочы не паспелі наглядзецца.
А вы не паспелі ўнукамі парадаваць нас.
...Дзеці!
За што ж яны вас?!

И все же самое ужасное, античеловечное произошло на том деревенском печорке, «дзе пуны была».

Там
Яшчэ ўспыхвалі ўгольчыкі цёплыя,
Там
На залітай крывёю зямлі
Маці – прыгоршчамі,
А сын – жменькае попелу
Побач ляглі.
...І раты абвугленыя
крычалі нема,
І нібы ў жахлівым дзіцячым сне,
Падаў з чорнага начнога неба
Чорны жалобны снег.

Прошли годы, десятилетия. Отошла в небытие трагедия суровых военных лет. Но и сегодня в сознании людей, в сознании всего прогрессивного человечества набатом должны звучать слова из буравкинского «Хатыньского снега»:

...Зрываецца звонкі капёж са стрэх.
Разгойдвае неба дзіцячы смех.
А ў маці
вечна
стыне
Белы снег,

* Этот снег исследовательница творчества Г. Буравкина М. Барсток сравнила с экраном, на котором воссоздается трагедия 23 марта 1943 г.

*Чырвоны снег,
Чорны снег.
Нашай святыні –
Хатыні»¹⁴.*

Еще более публицистическими, пронизывающими душу любого человека, посещающего Хатынь, звучат прозаические слова Г. Буравкина из фотоальбома Хатынь (1976): *«Ён такі адзін на свеце, гэты жалобны ўзгорак з чорнага мармуру. Тры бярозкі ўскінулі над ім сваё зялёнае вецце. А на тым месцы, дзе магла б весела шалясцець чацвёртая, моўчкі шугаюць барвовыя языкі полымя. І заўсёды побач з беластвольмі сімваламі жыцця, будзе гарэць Вечны агонь. У памяць аб кожным чацвёртым-загінуўшым...»¹⁵.*

Антифашистская тема звучит и в проклятии полицаю, и в отказе на право жизни предателю, и в стихах о последствиях войны (*«А былых салдатаў кулі даганяюць. То інфарктам, то сухотамі. – А толькі праразаюцца варожыя асколкі, хлопцы падаюць без крыку і стогну»*), от которых *«не закрыцца ні акапам, ні бранёю, не мінулаі пераможнаю вайною...»*. В ответ на покровительство, непонятно мягкие меры, определяемые для нацистских преступников западноевропейскими судами, поэт пишет стихотворение *«Идет процесс...»* (*«Ідзе працэс...»*), в котором главное обвинение фашизму ведется от имени солдат минувшей войны, от имени соседа, у которого ночью *«кашаль разрывае грудзі»*, у которого *«не зажыўшыя раны і два салдацкіх ордэна Славы»*, от имени инвалидов, у которых *«нудна, аднастайна, раўнадушна пратэзы ў цішыні начной рыпця»* – *«Когда земля спокойно засыпает...»*. Протестом против всякого насилия над человеком, против современного (в 1970-е годы. – А.Р., Ю.Р.) фашизма проникнуто такое остропублицистическое произведение, как стихотворение «Памяти Пабло Неруды» (*«Памяці Пабла Неруды»* – *«...А генералы не сябруюць з паэтамі. Яны забіваюць паэтаў – кастэтамі, ці ракетамі, ці рукаяткамі пісталетаў...»*).

Обращаясь в своем творчестве к актуальным темам и горячим точкам планеты, Г. Буравкин предупреждает читателя о том, что ошибочно было бы думать, что все *«баі закончаны і бесклапотна спіць салдат»*. Нет, в тревожном XX столетии, особенно в 1960 – 1980-е годы, когда были накоплены арсеналы атомного и водородного оружия, следует всегда быть готовым дать отпор агрессивным намерениям западной военщины:

*Як толькі ў свеце пачынаецца
Далёкі клёкат кананад,
Раптоўна памяць прачынаецца.
Не спіць салдат¹⁶.*

Особенно взбудоражила душу мысль в сердце поэта гибель такого защитника Отечества, символа Отечества, как Юрий Гагарин – свидетельство тому – глубоко-нравственное и в то же время социально-звучащее произведение «Поэма расставания» (*«Паэма расстання»*). Он, лично знакомый с Ю. Гагариным, был уверен, что вместе с ленинской усмешкой останется *«і ўсмешка гагарынская таксама»*.

Думаем, что читателю (и 1970-х годов и сегодняшних дней. – А.Р., Ю.Р.) понятна уверенность поэта в том, что силы мира непобедимые и что наступит день такой – его в веках прославят, *«калі гранёныя штыкі на кельмы пераплавяць»*.

¹⁴ Бураўкін, Г. Жніво / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971. – С. 19, 21, 23.

¹⁵ Бураўкін, Г. Хатынь. – Мінск, 1976. – С. 3.

¹⁶ Бураўкін, Г. Хатынь / Г. Бураўкін. – Мінск, 1976. – С. 44.

Поэтическое творчество Геннадия Буравкина во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов действительно многоплановое – постоянно жизнеутверждающее, по-народному образное, колоритное. В его стихах, поэмах, публицистических выступлениях, рецензиях на книги других авторов сочетаются лиричность с эпосом, интимные переживания с глубоко-гражданскими чувствами, простота взглядов на жизнь с философским осмыслением действительности. Стремление к правде, к истине, к совершенству становится стержнем его поэзии. Все это связывается в единое целое памятью о минувшей войне, чувствами и моральной простотой современников поэта, его собственными автобиографическими мотивами и темпераментом. Уместным представляется привести здесь слова *известного белорусского поэта, лауреата премии Ленинского комсомола Беларуси Василия Зуенка: «Што ж тычыцца ўласна лірыкі, вершаў, то голас паэта, яго інтанацыя, тэмперамент, нават жэст праچытваюцца ...выразна, дакладна і непаўторна»*¹⁷.

Проникновение в сущность жизненных явлений, стремление дойти до их смысла, открытая беседа с реальным человеком, живущего вместе с нами на земле, конкретность мысли, ее глубина и выразительность делают произведения Г. Буравкина идейными и высокохудожественными, завоевавшими для них заметное и высокое место в белорусской советской литературе.

Создавая свою поэтическую летопись тогочасной действительности, «з любоўю і нянавісцю зямной», Геннадий Буравкин жадно всматривается в происходящие события, изучает лица и характеры людей со всеми их красками и оттенками, противоречивостью и созвучием людских радостей, переживаний. Именно это позволяет ему создать произведения, пронизанные теплотой и душевностью. Особенно мягкими, духовно-эмоциональными являются стихи, в которых два чудесных явления «любовь» и «поэзия» сливаются в единое целое значащее эмоционально-пронзительно:

*Калі хто скажа,
што даўно
ані
Ужо няма ў каханні таямніцы –
Не верце.
І яму яшчэ прысніцца.
Яно, як цуд нязнанай чысціні*¹⁸.

Или как в стихотворении «Нет, мы с тобою не святоши» («Не, мы з табою не святошы») – из книги «Дыхание»:

*Не
мы з табою не святошы.
Мы прагна выпілі,
да дна.
І ласку вечароў харошых,
І пацалункі давідна.
...Няхай яно жыве са мною,
Да скону грэючы жыццё,*

¹⁷ Зуёнак, В. На кроне пяхчоты і гневу / В. Зуёнак // Беларусь. – 1986. – № 8. – С. 24.

¹⁸ Бураўкін, Г. Пяхчота / Г. Бураўкін. – Мінск, 1985. – С. 6.

*Маё мужчынскае,
зямное,
Святое гэта пачуццё¹⁹.*

И еще одно стихотворение из книги «Исток»:

*Вы чуеце –
чаромха расцвіла?
...Чаромхавая бель –
як цёплы снег.
Як незаплямлены вясельны вэлюм...
І галава ўжо кружыцца завельмі.
І так салодка вабіць першы грэх...
Заві сваю адзіную,
заві,
Бяжы да мілых вуснаў наярэймы,
Ламай чаромхі душныя бярэмы,
Кідай да ног каханай хмельны май²⁰.*

Читая интимную лирику Г. Буравкина «одетую» в духовно-душевное Слово, неожиданно начинаешь чувствовать, что его любовь – это не некая заданность, привнесенная из вне в человеческое сообщество. Это – то сложное духовно-нравственное образование, в котором отчетливо прослеживается процесс зарождения, утверждение и зрелость, процесс, в котором не только происходит открытие человеческого в человеке, но и ведется переоценка того, что было в жизни ранее, возникают определённые сомнения, разрешаются противоречия и только после всего этого утверждается понимание необходимости для тебя именно этого человека на земле как самого единственного и неповторимого.

Особенно выразителен этот мотив в двух стихотворениях из поэтического сборника «Стражи верности». Вспомним о сомнении, звучащем в стихотворении «Мне с тобою бы лучше разминуться...» (Мне з табой бы лепей размінуцца...»). Лирический герой, анализируя свою жизнь, неожиданно заявляет: «Мне з табой бы лепей размінуцца, міма праляцець на паўкрыла... Дык чаму ж маюся той мінуце, што з табой няпрошана звяла?». На лицо, и сомнения, и чувство, настоящее, жизненное, единственное, которое выразительно фиксируется в стихотворении «Не боюсь...» («Не баюся...»). Здесь для героя остается в жизни то, что привносит в его создание и мироощущение высочайшее из чувств: «Я з табою багаты, разумны харошы... Дык няўжо ты дазволіш, каб стаў я нічым без цябе».

Свои лучшие стихи о вечном свете любви, ее загадочных таинствах, ее всеобщности и индивидуальности Г. Буравкин собрал в книге «Нежность», придав ей подзаглавие «Стихи о любви». **Сошлемся еще раз на Т. Бондарь. Анализируя «Нежность», она пишет: «Вершы ў большасці сваёй, добра вядомыя чытачу, сабраныя разам, пад адным «дахам», быццам высвечваюць яшчэ адну ўласцівасць яго таленту – ідучы ад фальклору, ад народнай песні, працуючы ў традыцыях вялікіх песняроў нашых Максіма Багдановіча, Янкі Купалы і Якуба Коласа, якія такімі светлымі, сонечнымі фарбамі малявалі вобраз жанчыны, вобраз кахання. Генадзь Бураўкін умее надаць гэтым фарбам непаўторна свае адценні, ажывіць іх»²¹.**

¹⁹ Бураўкін, Г. Дыханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1966. – С. 91.

²⁰ Бураўкін, Г. Выток / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974. – С. 79.

²¹ Літаратура і мастацтва. – 1986. – 26 сакав.

ГЕННАДІЙ БУРАВКІН

Приглашаем читателя познакомиться хотя бы с несколькими строфами из стихотворений из книги «Нежность». И начнем со следующих:

*Калі хто скажа,
што ў каханні ён
Усё спазнаў і вычарпаў
дазвання
Не верце...
Ён не знаў яшчэ кахання,
Ён яшчэ трапіць да яго ў палон.
...Не верце.
І яму яшчэ прысніцца
Яно, як цуд нязнанай чысціні...
«Не верце...»*

* * *

*Ты не ішла – абсыпаная зорамі,
Хмурынкай лёгкай да мяне
плыла.
Усё з адчаю, чысціні і сораму,
З даверлівасці, страху і святла.
Цьмянелі, аддаляліся і гэзнулі
Зямныя і нябесныя агні.
І я ступіў насустрач цёплай
бездані.
Здзіўлення,
шчасця,
тайны, цішыні.
«У прыцемку халодным...»*

Каждое из стихотворений, включенных в сборник «Нежность», не сможешь читать без трепетного волнения, без собственного читательского понимания прекрасности любовных чувств или, как когда-то заметил известный французский летчик А. де Сент-Экзюпери, видеть не одного во взгляде друг на друга, а смотреть в одном направлении. Образ любви как всеобладающего гармонического чувства, владеющему магической силой вести за собой человека, ярко выражены в следующем стихотворении:

*Я іду за табой,
як сляпяя,
Патрапляю ў замецены след.
Засыпае нас снег, засыпае.
Белы снег,
Белы след.
Белы свет...
І вакол –
ні вачэй, ні акон.
На зямлі –
я і ты,*

і завяя.

*Белы снег,
Белы клён...
Белы сон...*

«Снежная імпрэсія»

Непременно, было бы нашей авторской ошибкой, если бы не обратили внимания читателя на то, что в интимной лирике рядом с лирическим героем всегда присутствует образ женщины (его любимой жены – «богини» Юлии. – *А.Р., Ю.Р.*), образ, придающий многим произведениям особую проникновенность и нравственно-эстетическую ценность. Про-чувственно и красиво выглядят слова Г. Буравкина в стихотворении «Женщин красивых необходимо беречь» («Жанчын прыгожых трэба берагчы»):

*Жанчын прыгожых трэба берагчы
Ад пошласці, каварства і знявагі,
І ад мяшчанскай зайздрасці і звягі,
І ад залішняй ветласці і ўвагі,
І ад рукі нахабнай на плячы.
Яны прыйшлі на грэшную зямлю,
Як сны і летуценні залатыя,
Жаданыя і трошачкі святыя,
Нязнанага суладдзя панятыя, –
Святлом напоўніць вечнае «люблю»²².*

Следует подчеркнуть, что своей любовной лирикой Г. Буравкин стремится раскрыть сущность и целостность человека, утвердить его нерасторжимую связь с окружающим миром, его духовность и красоту. И, безусловно, прав поэт, утверждая, что чувство это всеобъемлющее и во власти его постоянно находится его величество Человек:

*І быць можа, на тых раздарожжах
Зразумець ты паспееш яшчэ:
Ад мяне уцячы ты можаш,
Ад каханья ж – ніяк не уцячэш²³.*

А поэтому есть все основания для того, чтобы интимную лирику Г. Буравкина поставить в один ряд с творчеством таких известных советских поэтов, много пишущих о любви, как В. Федоров, С. Щипачев, Ю. Друнина, Э. Асадов, Е. Евтушенко и др.

Говорят, что в жизни «любовь с хорошей песней схожа», что они всегда рядом. Возможно, поэтому многие лирические стихи Г. Буравкина были положены на музыку, а сам он навсегда сохранил любовь к мелодической народной песне, той, что свои истоки берет в седой древности.

*Сэрцу радасна і балесна
Ад таго,
як прыходзіш зноў
Ты, мая беларуская песня.
Да сваіх і чужых сыноў²⁴.*

²² Бураўкін, Г. Звезда для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986. – С. 57.

²³ Бураўкін, Г. Пяшчота / Г. Бураўкін. – Мінск, 1985. – С. 23.

²⁴ Бураўкін, Г. Выток / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974. – С. 18.

Отметим, что создание песенных текстов для Г. Буравкина не было специально выделяемым направлением. Это был лишь один из творческих приоритетов. Тем не менее его с полным правом можно назвать классическим поэтом-песенником, чьи стихи своим интонационным оформлением, выразительным ритмо-мелодическим рисунком, напевностью и музыкальностью, всегда вызывали эмоциональную реакцию самой разновозрастной аудитории. Вспомним, к примеру, известную далеко за пределами Беларуси «Крлыбельная» («Калыханка») (музыка В. Раинчика).

*Доўгі дзень,
Цёплы дзень
Адплывае за аблогі.
Сіні цень,
Сонны цень,
Аднаўзае ў кут далёкі.
Збеглі зайкі ўсе ў лясы,
Змоўклі птушак галасы,
І буслы ў гняздо схавалі
Свае доўгія насы.*

И вот уже почти 40 лет звучит эта песня в белорусском телеэфире и, не будет преувеличением заметить – является наиболее известной детской песней.

А еще были полюбившиеся слушателям страны «Метель» («Завіруха») и «Жарптица» («Жар-птушка») (композитор Э. Ханок), «Беларусь, моя синеокая» («Беларусь, мая сінявокая») (Л. Борткевич), «Волшебная моя» («Зачараваная мая») и «Песня о матери» («Песня пра маці») (И. Лученок), «Незнакомка» («Незнаёмая») (Ю. Семеняка), «Белые крылья» («Белыя крылы») (Э. Зарицкий) и многие другие.

Стихи Буравкина, положенные на музыку белорусскими композиторами составили песенный сборник «Тебе, Белруссия» («Табе, Беларусь») (1984).

Открытость и публицистичность, такие же максимальные, как искренность и лиричность в стихах о любви, характерны для антимещанских произведений поэта. Ему не по душе духовная усталость, пассивность, злоба и равнодушие, двурушные люди, что «*абнімаюцца са мною і з непрыяцелем маім*». Таких принципиальностью не купишь. «*Яныносяць магутны кукіш там, дзе цёплыя кашалькі*». «*Я проста ненавіжу і аб’яўляю ціхенькім вайну*» – в словах этих из поэмы «Чужая исповедь» («Чужая споведзь»), на наш взгляд, очень точно сформулирована жизненная позиция Геннадия Буравкина. На протяжении всего своего поэтически-публицистического творчества он борется с приспособленчеством во всех его проявлениях, беспринципностью, мещанско-обывательской моралью и философией. «*Моральным максимализмом*» пронизаны такие произведения Геннадия Буравкина, как поэма «Чужая исповедь», стихотворения «Компромиссы» («Кампрамісы»), «О скромности» («Пра сціпласць»), «Собакари» («Сабакары»), «Не думая очень о вечном...» («Не думуючы надта пра вечнае...») и др. Хорошо зная жизнь, он в стихотворении «Компромиссы» приходит к выводу, что уступки сначала в не большом, не главном, на первый взгляд, малозначительном, закономерно ведут к финалу, когда «*рукі выпускаюць сцяг*».

Хотели бы напомнить читателям строки из одного иронического, даже злого, но очень меткого стихотворения «Собакари»:

*Мой гнеў –
супроць гаспадароў.
Я б зразумеў іх,
каб не ведаў.*

*Што з радаслоўнаю шчанюк
Для іх мілей,
 чым сын суседаў
Ці нават родны свой унук.
...У пальцах –
 павадкі вужамі.
На пальцах –
 ваўкадаваў шчэць.
І самі ўжо не заўважаюць,
Як пачынаюць сабачэць...²⁵*

Или другой пример – остропублицистическое стихотворение «Не думая очень о вечном»:

*Не думачы надта пра вякі,
Спяшаючы трыбух набіць уволю,
Не самародкі-дзеячы – дзялкі
Наперад прадзіраюцца ўсё болей.
Вала гісторыі даймаюць – «цоб цобе»!
(А ён цярплівы, чорны вол рабочы).
Панастаўлялі помнікаў сабе,
З якіх пасля нашчадак парагоча
Адданаць, талент, пот і мазалі
Змяніла падхалімскае старанне...
...Не ведаюць, што пасярод дарогі
Аднойчы азірнецца вол назад
І ўсё ўзніме на крутыя рогі²⁶.*

Стихотворение «Замечания на страницах одной литературной дискуссии» («Заўвагі на старонках адной літаратурнай дыскусіі») казалась бы затрагивает лишь проблемы жизни художественной интеллигенции. Однако же это лишь на первый взгляд. По сути – это развенчивание пустообещаний, дельцов от говорильни, пустозвонов и других, обещающих людскую благоприятную жизнь.

*Каторы год ужо, каторы раз
Адно і тое зноў таўчэцца тупа –
Усенародна ўзнята напаказ
Вадою перапоўненая ступа.
Балбатуноў узрушаная раць
Размахвае кадзілам адмыслова...
Ці прыйдзе час, калі пачнуць караць
За справай не падцверджанае слова²⁷.*

Направляя поэтические стрелы против человеческого равнодушия, людей для всех приятных и послушных, поэт с горечью констатирует, что в наш космический век, когда люди почти что понимают «галактык мову», как и ранее «блізкіх нам не можам зразумець». Поэт напоминает, чтобы в «суете сует» земных мы не забыли, что «б'ягуць гады

²⁵ Бураўкін, Г. Выток / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974. – С. 53–54.

²⁶ Бураўкін, Г. Гняздо для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986. – С. 16.

²⁷ Там же. – С. 30.

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН

няўмольна і паспешна. Нават згараюць знічкамі гады». В стихотворении «Вопрос себе и другим» («Пытанне сабе і іншым») он пытается понять:

*Няўжо надыходзіць стомленасць?
Няўжо адыходзіць настойлівасць?*²⁸

Поэтому личной выглядит позиция поэта, видящего свою задачу в том,

*Каб свой верш,
як камень барыкадны,
Калі прыйдуць смерцю пакараць,
Кінуць у збялелы твар няпраўды
І пасля
спакойна паміраць*²⁹.

Постоянное заглубление и исследование жизни, стремление понять и разрешить непростые вопросы своего времени, непринятие поэтом «ранішняй туманнасці» и «вячэрняй асцярожнасці», психологизм и аналитичность, взаимосвязь интимного и гражданского, открытая манера письма придают поэзии Г. Буравкина обостренное чувство ответственности перед Честью, Совестью, Обществом, наполняют ее глубокой содержательной мыслью. «Што ні дзень жыцця ўсё болей, што ні дзень жыцця ўсё меней», – пишет, к примеру, поэт в стихотворении «В полях шелестит листва» («У палях шапоча лісце»). Глубокими философскими размышлениями наполнены суждения поэта о нравственной зрелости его и его поколения:

*Мы сталеем іначай,
Лёс нам выпаў другі.
І ўсё роўна трывога
Ля вачэй пакідае кругі.
Усё роўна турботы
Не даюць нам заплюшчыць павек.
І хапае гаркоты –
Не скупіцца на гэта наш век.*

Как-то в одном из интервью, рассуждая о силе поэтического воздействия, Г. Буравкин подчеркнул, что если удастся объединить в одно поэзию и публицистику, то это приведет к успеху. Правда, он может быть достигнут при условии, «каб душа жыла сённяшнім днём», хотела им жить. И время подтвердило правильность мыслей поэта – его поэтическая публицистика стала не только средством художественного познания действительности, но и мощным средством утверждения общественной морали 1970–1980-х годов.

* * *

На первых страницах нашего очерка мы писали о большом вкладе Г. Буравкина в создание белорусской литературной Ленинианы. Центральное место среди всех произведений, безусловно, принадлежит «хрестоматийной» поэме «Ленин думает о Белоруссии» («Ленін думае пра Беларусь»)³⁰ (поэтическая книга «Стража верности»), ставшей, по сути, основой для присуждения поэту в 1980 г. Государственной премии БССР им. Я. Купалы.

²⁸ Бураўкін, Г. Выток / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974. – С. 50.

²⁹ Бураўкін, Г. Жніво / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971. – С. 113.

³⁰ См.: Русецкі, А. Ісці да чалавека / А. Русецкі. – Мінск, 1987. – С. 146–151.

В поэме «Ленин думает о Белоруссии», – отмечает народный поэт Беларуси Р. Бородулин, – «паэт змог сказаць шмат пра Леніна, дарагога сэрцу кожнага беларуса, зрабіць Леніна беларускім ці дакладней – убачыць велічную постаць Уладзіміра Ільіча вачыма беларуса, вачыма ўдзякі, вачыма пашаны, вачыма захаплення»³¹.

Дополним Р. Бородулина и подчеркнем, что ы одном ряду с Лениным стоят Беларусь и ее «апостолы» Ф. Скорина и К. Калиновский, Фр. Богушевич и Якуб Колас.

На наш взгляд, не преувеличивая, можно утверждать, что поэма Г. Буравкина «Ленин думает о Белоруссии», в которой органически соединены публицистика с историческим исследованием, лирическое и социальное стала заметным явлением в многоплановой художественной Лениниане, создаваемой представителями многонациональной художественной культуры. Для того чтобы по-настоящему понять написанное, нужно прочитать. Сила художественного произведения в том, что воздействует оно не только на разум, но и на чувства человека. Г. Буравкин смог как исторические факты, так и увиденное им самим пропустить через своё сердце, наполнить лирико-философским содержанием и рассказать обо всём образно и заинтересованно.

Нельзя оставить без внимания пусть всего и одну книгу Г. Буравкина для детей дошкольного возраста «Три сказки о Зае», в которой поэт выступил автором, глубоко чувствующим и знающим детскую психологию. «Як сына блуднага свайго, мяне зноў казка прыручае», – признается поэт в одном из стихотворений сборника «Стража верности». Казалось бы, сказка. Но в ней детишки встречаются со своими добрыми знакомыми – весёлым, доверчивым, смекалистым Зайкой, выходящим из самых сложных ситуаций – встреч и с разбойником-волком и с хитрой лисой. Всего три сказки («Зай и яблонька» («Зай і яблынька»), «Как Заю хвост спасали» («Як Заю хвост ратавалі»), «Зай и Петя» («Зай і Пеця»), но как тонко и умело подводит поэт юных читателей к пониманию душевной щедрости, взаимопомощи и дружеской поддержки – ведь на помощь Заю, на которого охотится хитрая лиса, приходят и дятел, и еж, и тетерева, и лесное птичье царство, и даже сам лесной хозяюшка Медведь. И, благодаря такой поддержке, Зай убедился, что «добра ў полі і ў бары, калі ўсюды ёсць сябры, што ніколі і нідзе не пакінуць у бядзе». Детский сборник Г. Буравкина, благодаря доверчивой интонации и неторопливому действию, получился интересным, скромным, без излишней дидактики, открывшей для многих детей первое путешествие в чудесный и богатый мир белорусской природы.

А еще в исследуемом нами периоде Г. Буравкин известен читателям как переводчик и автор многих литературно-критических статей и рецензий. В поле его внимания именитые авторы (П. Панченко, И. Мележ, В. Быков), поэты его поколения (Н. Гилевич, В. Зуенок), молодые авторы (Д. Бичель-Загнетова, М. Гиль, И. Ходанович), многие книги по белорусской художественной культуре.

В подтверждение – два примера – буравкинская оценка творчества поэта Д. Бичель-Загнетовой и прозаика В. Быкова. У Д. Бичель-Загнетовой «Нацыянальная і духам сваёй творчасці, і блізкая да фальклору, і самім характарам лірычнага героя ці, дакладней, лірычнай гераіні... І філасофія, і публіцыстыка ў яе вырастаюць з быту, з штодзённых турбот, клопатаў і трывог роднай зямлі»³². «Талент Васіля Быкава, – пишет автор очерка «По долгу и праву солдата» («Па доўгу і праву салдата»), – палемічны, героі яго адстойваюць да апошняга не толькі агнявыя рубяжы, але і свае маральныя прынцыпы, свае ідэалы, якія –

³¹ Барадулін, Р. Цвёрдая цана слова / Р. Барадулін // Палымя. – 1986. – № 8. – С. 182.

³² Палымя. – 1968. – № 6. – С. 229.

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН

падкрэслю – ніколі не разыходзіліся з ідэаламі нашага сацыялістычнага грамадства. І ці варта папрацаць за гэта пісьменніка (а такі папрок не-не ды і сёння прагучыць спадацішка)? Хіба не ў сутыкненнях думак, поглядаў, учынкаў выяўляецца сутнасць чалавека, нараджаецца ісціна? Хіба няма і сёння ў нас баязліўцаў і згаістаў, якія лоўка і хітра стараюцца перакласці сваю частку агульнай ношы на іншых, якія згодны на роўнасці толькі пры размеркаванні даброт і сціпла ўступаюць іншым частку грамадскай адказнасці? Зрываць з іх маскі – салдацкі абавязак сумленнага пісьменніка, сумленнага грамадзяніна»³³.

* * *

Ошибочно было бы думать, что поэзия Г. Буравкина во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов – это сплошной путь успехов и побед. На его поэтическом пути были и не совсем приятные моменты, – критики отмечали в отдельных произведениях риторику, невыразительность, повторяемость... Но влюбленность во все земное и острое желание реагировать на все проявления действительности, стремление к глубокому проникновению во внутренний мир современника, завистливая способность мыслить смело и проблемно, позволили преодолеть такие недостатки и неточности и придать поэзии Г. Буравкина социальную значимость и высокую духовность, преобразовать ее в поэтические размышления над проблемами современности, над ролью и местом в жизни общества литературы и искусства (вспомним хотя бы его слова из стихотворения «Слово наше родное...») («Слова наша роднае...») – *«Матчына выцвілае слова, даўжнікі мы вечныя твае... Так нам не хапае Куляшова, Мележа, так горка не стае»*. И далее:

*Каб не адляцела, як салоўка.
Не аглухла ў гуле бальшакоў...
Строга з нас вачэй не зводзіць
Броўка.
Стоена ўзіраецца Лынькоў³⁴.*

Очевидно, что юношескую непосредственность первых поэтических сборников сменило умение рассуждать, зрело относиться к оценке жизненных ситуаций, заглубить философские оценки темам общечеловеческой значимости. Более последовательным стал процесс художественного осмысления действительности и места Человека в ней. Стали более значимыми две взаимосвязанные линии: непосредственность и правдивость при отражении современных ему реалий и твердая, уверенная озабоченность о будущем. Так убедительно-загадочно высказался однажды **известный советский критик и исследователь творчества Г. Буравкина И. Шкляревский: в поэзии белорусского поэта встретились в дуедином сочетании Лирик и Гражданин, здесь «обнялись, как два брата – тихий сельский и дерзкий городской... И, хотя произошло это не сразу, они встретились и обнялись»³⁵**. Поэт оставался верным идеалам начала творческого пути – готовности к полемике и борьбе за Нравственность, Счастье и Жизнь всех людей на земле. И, действительно, **нельзя не согласиться с Дважды Героем СССР летчиком-**

³³ Нёман. – 1980. – № 1. – С. 167.

³⁴ Бураўкін, Г. Гняздо для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986. – С. 29.

³⁵ Шкляревский, И. Слово и дело Геннадия Буравкина // Дружба народов. – 1986. – № 10. – С. 266.

космонавтом Петром Климуком, высказавшимся откровенно: «Добрыя спадарожнікі жыцця, мужныя і строгія вершы».

На наш взгляд, самымі правільнымі і выверенымі словамі, якімі можна было бы завершыць гэты матэрыял, маглі бы стаць слова самаго героя нашага очерка:

«...паэзіяй, як і усялякай іншай справай, трэба займацца штодзённа. А яшчэ, я лічу, што мог і павінен быў напісаць лепш. Але я – чалавек свайго часу, свайго пакалення, свайго зямлі. І ўдзяляў увагу многім падзеям, якія ў гістарычным сэнсе не мелі таго значэння, якое мне тады здавалася. Калі б я працаваў больш пастаянна, было б больш і пошукаў формы, «гульні» словам, што, на мой погляд, бліскуча ўмее рабіць Рыгор Барадулін. Але ўсё, што мной створана – маё, я ні ад чаго не адмаўляюся, за ўсё нясу адказнасць. Я ў сваіх вершах такі, які быў, які ёсць, і, спадзяюся, гэтым некаму цікавы»³⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсток, М. Руплівы поўдзень: нарыс творчасці Генадзя Бураўкіна / М. Барсток. – Мінск, 1984.
2. Бураўкін, Г. Дыханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1966.
3. Бураўкін, Г. Вершы / Г. Бураўкін. – Мінск, 1969.
4. Бураўкін, Г. Жніво: Кніга паэзіі / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971.
5. Бураўкін, Г. Тры старонкі з легенды. Штрыхі аднаго лёсу / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971.
6. Бураўкін, Г. Выток: вершы / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974.
7. Бураўкін, Г. Варта вернасці: вершы і паэмы / Г. Бураўкін. – Мінск, 1978.
8. Бураўкін, Г. Пяшчота: вершы пра каханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1985.
9. Бураўкін, Г. Выбраныя творы: ў 2-х т. / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986.
10. Бураўкін, Г. Гняздо для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986.
11. Бураўкін, Г. Сінія арэлі / Г. Бураўкін. – Мінск, 1987.
12. Русецкі, А. Маладосць душы (Генадзь Бураўкін) // А. Русецкі // Ісці да чалавека. – Мінск, 1987.

³⁶ Чырвоная змена. – 2000. – 11 студз.

АНАТОЛЬ ВЕЛЮГИН

Але найперш Анатоль Вялюгін – паэт з божае ласкі. Вольна, свежа, хораша дыхаецца на «мурожным і росным» мацерыку вялюгінскай паэзіі, якая палоніць кожнага сваім сакавітым, на дзіва зямным і такім нечаканым словам, якое свеціцца, звініць, радуе сэрца і ўзвышае душу. Толькі яго выбраных вершаў і паэм, якія ўвабралі і першыя маладыя радкі, і напісанае сталаю рукой, настолькі вадомыя, што назаўсёды застануцца ў духоўнай скарбніцы нашага народа.

С. Законнікаў

У паэта, калі ён паэт, не заўважым узроставых меж, распаду на маленства, юнацтва, сталасць. Паэтава «я» канцэнтруе адразу ўсё, прошласць, сённяшнясць, прышласць.

А. Велюгін

Суждение поэта С. Законникова, думаем, не нуждается в комментариях. Ведь не только поэт, но и известный киносценарист, переводчик в пространных комментариях коллег не нуждается. А вот с собственным мнением А. Велюгина можно было бы и поспорить. Правда, по нашему мнению, именно в этих, высказанных им самим словах, и содержится в самом концентрированном виде глубокая и всесторонняя характеристика его многопланового творчества. Если вести разговор, как говорят, по большому счету, то следует отметить, что почти пятидесятилетний путь А. Велюгина в белорусской художественной культуре с позиции сегодняшнего дня выглядит как единый творческий порыв, в котором благодаря двуединству социально-национального, романтически*-публицистического и образно-ассоциативного начал создано неделимое целое: лично-общественное, отдельно-всеобщее, лирическо-философское.

В первое послевоенное десятилетие двумя лирическими сборниками заявил о себе еще один уроженец Витебщины. Это был Анатолий Степанович Велюгин, чье поэтическое слово зазвучало убедительно в годы Великой Отечественной войны, когда он оказался в бурлящем водовороте военных событий (А. Велюгин родился 27 февраля 1928 г. в д. Мошканы Сенненского района, умер 24 октября 1994 г. Похоронен на Северном кладбище в г. Минске).

Первый из сборников «Салют в Минске» («Салют у Мінску») вышел из печати в 1947 г.; второй – «Негорельская арка» («Негарэльская арка») – в 1949 г. Связанные между собой сюжетно и тематически, они пронизаны возвышенно-романтическим постижением действительности, пониманием перспектив ее развития, личностной фиксацией происходящих в обществе процессов в убедительно звучащих образах. **Критик Вл. Агиевич в свое время подметил и такую особенность поэзии А. Велюгина, как звучание в ней духа боевой молодости. «Мысли и стремления нашего молодого поколения, его радостное, бодрое мироощущение находят в произведениях А. Велюгина свое яркое поэтическое выражение»¹.**

Однако сделаем одно отступление и вспомним, как поэт описывает свое возвращение в Минск (думаем, они помогут современному читателю почувствовать ту нравственно-

* Некоторые исследователи творчества А. Велюгина определяют, как неоромантическую.

¹ Агіевіч, Ул. Пачуцці і вобразы, народжаныя часам / Ул. Агіевіч // Польшыма. – 1950. – № 4. – С. 114.

психологическую атмосферу, в которой проходила послевоенная жизнь и ее поэтическое осмысление в середине 1940-х гг.): «В конце мая сорок пятого возвратился в Минск. Пахли полынью руины. В центре, между разбитых кирпичных стен, зеленели луком грядки, огражденные железными ребрами обожженных кроватей; где-нигде стояла рожь, во ржи кричали перепела»². И над всем над этим «висели» трагизм увиденного и пережитого в годы Великой Отечественной войны и глубокое понимание необходимости быстрее проведения восстановительных работ, возвращения к мирной созидательной жизни. Именно поэтому в творчестве А. Велюгина, как и других белорусских авторов, тесно переплетены картины военного лихолетья и слаженные действия рабочих рук на строительной площадке, торжественные строки в памяти о павших боевых товарищах и воспевание героизма мирного труда. Автор постигает живые контрасты действительности, правду народной жизни, художественно соединяет воедино анализ и синтез, поиск и традицию, дает углубленную эстетическую оценку явлениям и событиям тондашнего времени. В центре всех поэтических исканий А. Велюгина советский человек – человек-воин, человек-строитель, своими действиями творящий будущность Белоруссии.

Поэтическое осмысление пережитого в годы войны и реального участия автора в самоотверженном восстановительном труде читатель находит в сборнике «Салют в Минске». Выделив в книге 5 разделов («Родные дороги» («Родныя дарогі»), «Негорельская арка» («Негарэльская арка»), «Походные огни» («Паходныя агні»), «Сталинградские переправы» («Сталінградскія пераправы»), «Уральская тетрадь» («Уральскі сшытак»)), А. Велюгин знакомит читателя не только с драматическими событиями первых военных лет. Острой человеческой болью, высокой нравственностью и метафоричностью насквозь пронизаны стихи «Беженцы» («Бежанцы»), «Мальчик из Ленинграда» («Хлопчык з Ленінграда»), «Антонио Мачада» («Антоніо Мачада»), самоотверженностью тружеников тыла – стихи («Урал» («Урал»), «Танкоград» («Танкаград»), «Баллада об уральском танке» («Балада аб уральскім танку»), знакомству с послевоенными стройками и в возрождающейся деревней («Вечером седьмого ноября» («Увечары сёмага лістапада»), «Молотъба» («Малацьба») и др.. Вот она, поэтическая летопись А. Велюгина из «Салюта в Минске»:

*Рудня, лясы Духаўшчыны,
пад бомбамі
Дарагабуж...
Са скарбам брыдуць жанчыны –
тысячы бежанскіх душ.
Попел руін на айчыне
і травы ляглі на парог...
Смерць
сінягубая
стыне
у пыльнай пятлі дарог.
«Фокер» гарбаты
над лесам,
як марсіянін, кружыў...
«Бежанцы»

...Адзін сыноч...
Ён ад блакады,*

² Вялюгін, А. Пад ветразем у полі: успаміны / А. Вялюгін // Польшыма. – 1963. – № 3. – С 147.

*ад вайны,
нібыта парастак у склепе бульбяны.
– Вось хлеб (сляза на партупею – кап ды кап)...
фашыста пакажу... жывым прывёз у штаб...
А сын ускінуў воч блакітныя нажы:
– Не трэба! Лепш забітага мне пакажы!..
«Хлопчык з Ленінграда»*

*... За душным Смаленскам
на цёмным паўстанку
машыну (танк з Урала. – А.Р., Ю.Р.) згрузілі
байцы на палянку.
... Чытаў генерал
над магутнай байніцай:
“Вярні маю родную
вёску Суніцы!”
... Спацелы танкіст
паказаўся над люкам.
Жалобная вёска
Без вокан. Без гукаў.
І хрысціца бабка
на зоркі, байніцы...
– Як вёска завецца?
– Сыночак, Суніцы...*

«Балада аб уральскім танку»

Даже по цитируемым произведениям можно судить о том, что характерным для автора является злободневность тематики, гражданско-нравственная острота, широкий охват событий. Расставленные А. Велюгиным акценты, с помощью поэтического слова превращаются в мощное средство формирования высоко-гражданских, патриотических качеств личности читателя, понимание им своей сопричастности с судьбами народа, судьбами Родины. «Салют в Минске» – это «символический поэтический салют» А. Велюгина (Н. Аврамчик).

О стремлении поэта глубоко постичь и осмыслить общественно значимые темы в жизни советского общества конца 1940-х гг. свидетельствует и поэтический сборник «Негорельская арка», явившийся логическим продолжением и развитием творческих исканий, зафиксированных в книге «Салют в Минске». И главное место, на наш взгляд, по праву отводится теме борьбы за мир, решаемой конкретно и политически выразительно в стихотворениях «Вершина на Алтае» («Вяршыня на Алтай»), «Товарищ Козлов в Нью-Йорке» («Таварыш Казлоў у Нью-Йорку»), «Говорит Вышинский» («Гаворыць Вышынскі»), «Мердэка» («Мердэка»), «Об атоме» («Пра атам»). Поэт и сам выступает как мужественный и активный участник борьбы с империалистическими происками:

*Прыгадаўшы франты Іспаніі
позняй парою
Я,
разгневаны,
доўга стаю ля карты.
Бомбы падаюць,
свішчучы,*

над маёй галавою,
на кварталы
далёкае Джак 'якарты.
...Слухайце, вы!..
Прагна напханья злосцю вантробы..
Вы танкі паслалі
таптаць чалавека..
Каля вашых грыміць небаскробаў
суровае
гнеўнае слова:
– Мердэка!*

«Мердэка»

Оптимистично, эмоционально-возвышенно, наполненная емкими и выверенными поэтическими образами звучит тема восстановления родной Белоруссии. Объединенные в специальный цикл «Огни Тракторограда» («Агни Трактараграда»), стихотворения «Колыбельная» («Калыханка»), «Путевка райкома» («Пуцёўка райкома»), «Баллада о гудках» («Балада аб гудках»), «Мы солнце пробуждаем» («Мы сонца будзім»), «Август» («Жнівень») и др. раскрывают творческие будни советского народа, индустриально-колхозный расцвет Белоруссии, стремление юношей и девушек быть активными участниками социальных преобразований. Вера поэта в счастливый завтрашний день белорусского народа подкреплялась его постоянными поездками по знакомым и незнакомым местам родной страны, где он постигал народный оптимизм и радость мирного труда. Сошлемся лишь на два примера – стихотворения «Беларусь» («Беларусь») и «Малацьба»:

Беларусь, Беларусь...
ні канца і ні краю.
Не аб'едзеш твае гарады:
каля Оршы снягі не растаюць –
зацвітаюць у Брэсце сады.
Дзесь Бігосава... поўнач...
Лянок сінявок...
А ў прыбужскіх садах –
вінаград...
...А з вяршалін магутных дубоў Белавежы
бачу снегам пакрыты Каўказ
і балтыйскія хвалі бязмежжа...
Вось якая Радзіма у нас!

(1946)

Ноч напоена восеньскай стомай.
Малатарні гудуць навакол.
Яравую прапахлі саломай
залатыя ваколіцы сёл.

На млынах у раёне завозна,
у святліцах – вясельны пірог.
Нібы войску,

* Мердэка – свобода, боевой клич республиканской Индонезии. – А.Р., Ю.Р.

чырвоным абозам цесна сёлета на перавозах
і на чэрствых далонях дарог...

Качаны таўшчыні небывалай
серабрацца, як месяца шар, –
быццам месяцаў тысяча ўпала
з вышыні
у драбіны мажар.

Ноч напоена восеньскай стомай.
Малатарні гудуць навакол.
Яравою прапахлі саломай
залатыя ваколіцы сёл.

(1945)

Завершив свои рассуждения о сборнике «Негорельская арка» ссылкой **на мнение критика Вл. Агиевича: «Сборник «Негорельская арка» – это не очередное подытоживание пройденного и пережитого поэтом за последние послевоенные годы; это мужественный голос современника, идущего в первых рядах нашей советской поэзии, идущего, не оглядываясь и не отставая, а рядом с ее лучшими представителями»**³.

Волнующим, пронизанным и своеобразным, исповедальным и глубоко патриотическим чувством, предельной откровенностью и эмоциональностью стал своеобразный ответ критику – стихотворение «Признание в любви» («Прызнанне ў любові»), названное одним из лучших образцов лирики о Белоруссии, созданной белорусскими поэтами-фронтовиками (Н. Абрамчик). Читаем строки из него:

Я заўсёды баюся напышлівых выцвілх слоў,
што звiнiаць,
як жабрацкая медзь у асенняй журбе.
Сколькі год на падбор
словы плавiць гарачая кроў,
каб я змог у любвi найвялiкшай прызнацца табе,
Беларусь – мая мацi i мова, паветра i хлеб!
Гэта ўзважаюна сэрцам,
на нервах расстайных дарог,
дзе не раз пад агнём задыхаўся ад дыму i слеп,
даставаўся здалёку, слязою абмыўшы парог.
Я не помню, якою парою навек палюбiў:
калi верасам сiнiм гарэлі трывожна лясы,
калi першы кляновiк
з iльдзiнкамi востромы пiў,
калi скублi заснежаны стог у зарэччы ласi,
цi тады, як бахматы пад чорную хмарай воз
асцярожна, дрыготка iшоў па старому мастку,
i чаплялася сена
на голле самлелых бяроз,
i маланкай святло апалiла душу хлапчуку?

³ Агiевiч, Ул. Пачуццi i вобразы, народжаныя часам / Ул. Агiевiч // Польшыя. – 1950. – № 4. – С. 114.

*...Маладая ў грывотах вясны, ў сівізне завірух –
не стаміла работа цябе, не зламала вайна.
Вечна будзеш такой.*

*І тады, як самкнеца мой круг:
з салаўінае пушчы калыска,
з дрымотнага бору труна...
Толькі зноў я ўзнімуся, стамлёны паходам трубач,
каб уславіць твой сцяг і тваю маладую хаду.
Можа, словы не тыя?..
Прабач мне, Радзіма, прабач,
для цябе, дарагая, сапраўдныя словы знайду.*

Характерным направлением в творчестве А. Велюгина во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. стала разработка ленинской темы. «*Меня давно волновали истоки величайшей в мире жизни, волнуясь, думая, как написать об этом*», – писал поэт в предисловии к поэме «Ветер с Волги». О том, что эта тема действительно привлекала поэта, свидетельствует хронология произведений, посвященных В.И. Ленину, – стихотворения «Костер» («Касцёр») (1948), «Мой старший брат» («Мой старэйшы брат») (1949), «Свидетельство, подписанное Лениным» («Пасведчанне, падпісанае Леніным») (1951), «Далекая метель» («Далёкая завая») (1958), поэма «Песня зеленого дуба» («Песня зялёнага дуба») (1956) и др.

Как эстафета революционной связи между разными поколениями советских людей выступает стихотворение «Свидетельство, подписанное Лениным». Мандат на охрану Смольного, подписанный Лениным, слова, сказанные им крондштатскому матросу Леону Лагоде: «*Змагацца яшчэ нам не дзень і не год, патрэбна надзейная варта. Я знаю: вы будзеце ў часе нягод даверу народнага варты...*», стали связующим звеном между поколениями Лагодов, их духовным оружием, позволившим пройти испытание в самых трудных жизненных ситуациях. Умирая от ран, старший Лагода дает наказ сыну:

*...Важнейшая справа
між сённяшніх спраў –
Свабода, здабытая намі.
Пасведчанне бацькі свайго беражы,
будзь верным салдатам Радзімы,
каб нашу долю на чорным крыжы
ніколі распяць не далі мы...*

В свою очередь смертельно раненный партизанский комбриг (сын Леона Лагоды) чуть слышно говорит сыну:

*Пасведчанне дзеда свайго беражы...
Будзь верным салдатам... мой сыне...*

Воплотив в образе Лагоды-внука все молодое поколение нашей страны, уверенно идущее дорогами отцов, поэт констатирует:

*Шчаслівы нашчадак Лагоды
з пасведчаннем гэтым
сягодня стаіць
на варце чырвонай свабоды.*

Нельзя не вспомнить и «Песню зеленого дуба», ставшую еще одной поэтической ступенькой в освоении ленинской темы. Опоэтизивав народное предание о том, как по совету Ильича на станции Разлив люди летом посадили молодой дубок, прижившийся и превратившийся в богатырское дерево, А. Велюгин в аллегорической форме донес до читателя судьбоносность ленинской идеи. Однако вспомним тот необычный и правдивый «монолог» дуба, выражающий сущность велюгинской песни:

*Здаецца мне:
калі цяпер
пад бурай зашумлю,
не, я трымаюся, павер,
за чэрствую зямлю,
а на карэннях на маіх -
нябачаны цяжар! -
вісіць у кроплях дажджавых
зямлі зялёны шар.*

Космическая категория – шар земли, и на нем – чистые капли дождя. Величины несоизмеримые. Но прочтешь строки – **и понимаешь, что они единое целое, «и уже нельзя разъединить их» (В. Зуенук).**

Зарисовки, размышления, творческие поиски, первое стихотворение «Костер»... И вот, наконец, итог почти пятнадцатилетних исканий – поэма «Ветер с Волги» («Вецер з Волгі») (1963). «*Меня интересовали природа, обстоятельства, бытовые мелочи, среда, воспитание, условия и время, в которых зрела и укреплялась мысль будущего гения человечества. Два года согревался душой в светлом, честном и мудром симбирском доме Ульяновых*», – писал Анатолий Велюгин в одной из своих статей.

Посвященная детству и юношеским годам Владимира Ульянова, поэма на самом деле выходит далеко за поэзные границы. Она не только о событиях исторических. Это крупное лирико-эпическое произведение.

Нужно было высокое поэтическое мастерство, диалектическое единство мысли и чувств, чтобы предоставить читателю возможность ощутить социальное напряжение атмосферы последних десятилетий теперь уже далекого девятнадцатого столетия, соединить в единое целое прошлое и настоящее, далекое и близкое. «*Ветер с Волги*», – писал А. Велюгин, – *произведение не только о далеком симбирском времени, где на прочный узел завязывалась русская история. Работая, я смотрел на давние события глазами своего времени. В неспокойном юноше-гимназисте мне сразу же увиделся организатор Октябрьского штурма.*

Преемственность поколений революционеров и людей нашего времени – главный лейтмотив поэмы. Думается, что правы те авторы (например, В. Зуенук), которые считают, что экскурсии из прошлого в будущее не просто являются композиционным стержнем поэмы, но и несут основной публицистический заряд.

Вот перед Александром Ульяновым, ожидающем смертного приговора в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, появляется Николай Кибальчич, которого отсюда же *«шэсць год таму назад... узялі на эшафот»*: *«І доля ў нас, і смерць адна. Здарова, брат. Трымайся, брат»*. Затем перед Александром Ульяновым появляется юноша-майор Юрий Гагарин. Он докладывает:

*Я только што з-пад ясных зор.
Над пеннай прорвай морскіх вод
І смутным сном чужых зямель
Ішоў без ветразя на ўсход
«Усход» – касмічны карабель.*

Читатель знакомится с Владимиром Ульяновым кипящей весной 1881 г. («*На ўрадавай паперцы чарнее навіна: Кібальчыч і Пятроўская пайшлі на эшафот...* »). Перед нами – юный гимназист, радующийся тому, что в солнечный весенний день ему вместе с друзьями удалось вырваться на берег, «*дзе Волга Сцяпанаўна з рокатам на Астрахань крыгі нясе*».

– Хутчэй!
– Хутчэй, Ульянаў!.. –
раяца галасы.
Усе, што трэба ўзросту:
– Ляцім! –
Стрымай цяпер!..
Палужынах... нарасхрыст
мундзірчыка каўнер.

Пока это еще шалящий мальчик, ничем не отличающийся от своих сверстников. Правда, поэт обращает внимание на одно обстоятельство, на первый взгляд, совсем не заметное, но, как оказывается, глубоко содержательное, с ярко выраженным философским подтекстом.

Среди всех деревьев, что посадили дети Ульяновых на своей усадьбе, каждый имел свое любимое. Для Александра таким деревом был вяз, для Анны – осина, для Ольги – ольха, любимым для Владимира был кряжистый, ветвистый дубок («*кі дужы той дубок, што ў іх сям'і завецца Валодзевым здавён*»). Вспомним велюгинскую «Песню зеленого дуба».

Художественную форму в поэме приняли многие хрестоматийные факты из жизни Володи и всей семьи Ульяновых. К примеру, в разделе поэмы «Воскресенье» («Нядзеля») А. Велюгин повествует о «Субботнике» – рукописном семейном журнале, одним из авторов которого был Владимир Ульянов.

Крыху тужлівы вершык Ані...
Малюнак Олі... А за ім –
Валодзева апавяданне.
«Кубышкін» – гэта псеўданім.

Теперь можно с уверенностью сказать, что эти детские «муки творчества» не были напрасными. Именно оно, детское увлечение, стало той основой, тем фундаментом, на котором формировался и оттачивался бессмертный ленинский стиль журналиста, публициста, ученого.

Следующий эпизод не только показывает преданность отца Володи, Ильи Николаевича Ульянова, своей любимой просветительской деятельности («*Я, ваша міласць, вельмі рады.... Цягну свой цяжкі воз, як вол...* »), но главным образом раскрывает «щедрые» заботы царских властей о культурном развитии национальных окраин России.

Зягнуў чыноўнік, франт партрэтны
З маладзіком на галаве:
– *А школы вашыя патрэбны*
глухой аўчыне ды мардве?
Няхай свой бруд змываюць потам,
З пяром загіне дрывасек...
Яшчэ з гадоў працуйце... потым –
са славай пенсія павек.

Царизму не нужны были образованные люди среди нерусских национальностей, как и не нужны были те из русских, кто содействовал развитию культуры и образования на российских окраинах. Известно ведь, что не по душе царским чиновникам был и Ульянов-старший, последователь взглядов Белинского, Чернышевского, Писарева, общественный деятель, благодаря которому была открыта первая чувашская школа, первые национальные школы для мордовского населения, светские школы для татар.

В этом же разделе поэт силой искусства выявляет детский протест юного Ульянова против религии –

*І там,
дзе звоніць дзень нядзельны,
крынічкай точачы сумёт,
сарваў ён з шыі крыж нацельны
і кінуў, слёзны, у гарод.*

Поступок, который был не просто проявлением чувств и эмоций Володи. Это была реакция на неприятие всякого – физического или духовного – насилия над человеческой личностью. Тем более, что к этому времени у главного героя было достаточно причин, чтобы подобный поступок был осмыслен. Здесь и история Симбирска, видевшего когда-то законанного в цепи Пугачева, и реалии времен детства и юношества Владимира Ульянова. Кстати, разговор об этом ведется как о своеобразной эстафете революционной памяти.

Жизнь будет преподносить будущему вождю пролетариата все новые и новые уроки. Одни из них будут связаны с гимназической жизнью, другие – с семейными делами (смерть отца, арест и приговор к смерти старшего брата Александра), третьи – с политическими событиями в России (стачки Морозовской мануфактуры) или посещением политического кружка, который «стварыў... з рабочых чувашоў каваль Парфірый...». Посещение, о котором сообщил директору гимназии Керенскому шеф жандармов фон Бродке, что «збіраюцца там... пэўна не ў гасціны».

Взятые в единстве и взаимосвязи эти уроки жизни ускорят формирование гражданской и революционной позиции Владимира Ульянова.

*Яна (мать. – А.Р., Ю.Р.) глядзіць на сына-гімназіста,
адразу –
радасць і раптоўны страх:
... – Глядзі, не рызыкуй дарэмна, любы,
жыццё – няўмольны, страшны крыгаход,
Не толькі я малю – сям'іска наша.
«Асцерагайся!», – з цемры просіць Саша...
Над матчынай трывогаю і страхам
юнак узняўся, нібы ў забыцці:
– Мы пойдзем
не такім самотным шляхам,
інакшым шляхам трэба нам ісці!*

А. Велюгин не просто повторил известное «Нет, мы пойдем другим путем!». Поэт наделил их своим внутренним светом, соединив в единое целое историческое и социальное видение.

Свои размышления над лирической биографией Владимира Ульянова поэт завершает разделом «Встреча с поэмой», являющимся своеобразным обобщением авторских поисков, философским размышлением над проблемой художественного воплощения ленинской темы. «Я листаю поэму, – пишет поэт, – но «гэта толькі прадмова».

*З трывогай чытаю прадмову
да шляхоў,
навальніц,
глыбіні,
чысціні
найвялікшага ў свеце жыцця.*

Так композиционно оформляется поэма: вступление и этапы направлены в будущее.

Поэма «Ветер с Волги», объединившая исторические факты с лирикой, повествование с философичностью, мысль с чувством, в белорусской художественной Лениниане поэтически взволнованно воспекает становление и развитие человека, главная жизненная цель которого в освобождении трудового народа из-под угнетения капитализма. Актуальность поэмы, ее созвучность с требованиями времени снова и снова подводят читателя к стремлению жить и работать по-ленински:

*Каб раней, на пачатку жыцця,
я да гэтага мог прычасціцца,
то, напэўна,
сягодня б іначай
ненавідзеў,
любіў,
працаваў і дружыў.*

Заметим, что свидетельством общественного признания поэмы стало присуждение А. Велюгину в 1964 г. Республиканской литературной премии имени Янки Купалы.

Вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг. – это период значительных достижений в поэтическом творчестве А. Велюгина. По сути – это период расцвета его лиризма, формирования его подлинного поэтического человековедения. Приведем хотя бы один пример велюгинского лирико-поэтического мастерства. Это стихотворение «Березка» («Бярозка») датируемое 1954 г. и ставшее, благодаря композитору И. Лученку, популярнейшей белорусской песней:

*Снягі і зоры за акном,
Заснулі ў хаце ўсе даўно.
Бярозка з холаду галлём
пагрэцца стукае ў акно.*

*А ты пльвеш у белы свет,
Смуга замроеных вачэй.
І надалейшая з планет
сяла суседняго бліжэй.*

*Не ціхне ветлы шум лясоў,
Шляхі ў маленства замяло.
Сасніцца сон з найлепшых сноў –
На смуткай ростані сяло,*

*дзе белакурая адна,
як ветразь ранніх зім і лет,
стаіць бярозка ля акна,
з якога мне адкрыўся свет.*

Свои размышления мы завершим ссылкой на мнение самого поэта: *«Поэзия – это далекие бурные пути, вечная счастливая тревога. Поэзия не любит сытой жизни и покоя. Поэзия сразу же умирает в обывательском коттедже и чиновничьем кабинете. Она требует, чтобы ей подвластный творец хорошо знал родословную Ее Величества, иначе он будет открывать давно открытые америки. А того творца, который хоть и верно служил ей, но на некоторое время со строгого поста сошел и предал, она наказывает страшным чувством забытия»*⁴.

Активная творческая деятельность в поэзии, детском творчестве, белорусском кинематографе была особенно результативной во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг. Подтверждением нашему тезису является присуждение нашему земляку в 1968 г. Государственной премии БССР, а в 1969 г. – присвоение ему почетного звания «Заслуженный деятель культуры Белоруссии».

Из-под пера А. Велюгина в эти годы выходят из печати книги *«Вада і вуда»* («Вода и удочка») (1967), *«Ветер с Волги»* («Вецер з Волгі») (1968), *«Сентябрьский сбор: стихи и поэмы»* («Верасовы ўзятка: вершы і паэмы») (1974), *«Песни зеленого дуба: стихи, поэмы»* («Песні зялёнага дуба: вершы, паэмы») (1989).

Как один из активных авторов Ленинианы, А. Велюгин печатался в сборниках «3 Леніным заўсёды Беларусь», «Наш дарагі Ільч», «Жыве між нас геній» и др.

В эти годы произведения А. Велюгина печатаются в коллективных литературных сборниках «Дзень паэзіі», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Люблю будзённы дзень», «Слова пра родны кут», «Слава Арміі Савецкай», «Горад і гады», «Крывёно сэрца», «Тры крокі ад сонца», «Зорка Венера» и др. Его стихи печатаются на Украине – в коллективных сборниках переводов – «Чолом тобі, славутичу», «Балада мужености й відвагі» и др.

Отметим и то, что произведения А. Велюгина включены в «Хрэстаматыю па беларускай дзіцячай літаратуры», а сам он был составителем и редактором «Анталогіі ўкраінскай паэзіі».

Стихи, поэмы, поэтические произведения для детей, публицистические очерки и заметки постоянно печатают республиканские газеты («Звезда», «Советская Белоруссия», «Сельская жизнь», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Настаўніцкая газета», «Во славу Родины», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі») и журналы («Полымя», «Беларусь», «Неман», «Работніца і сялянка», «Родная прырода», «Вожык», «Бярозка»). Он был постоянным внештатным литературным корреспондентом витебской областной газеты «Віцебскі рабочы» и Минской городской «Вячэрні Мінск». Как никто из белорусских авторов, А. Велюгин активно сотрудничал с союзными изданиями «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Огонек», «Новый мир», «Знамя», «Молодая гвардия», «Звезда».

А сколько времени А. Велюгин посвятил переводческой деятельности. Благодаря его активности, белорусский читатель познакомился с произведениями М. Лермонтова, А. Мицкевича, В. Броневского, К. Тувима, В. Маяковского, М. Нагнибеды, П. Воронько, А. Белоуса. Кроме того, были переведены многие поэтические строки из произведений армянских, болгарских, грузинских, древнерусских, еврейских, испанских, латышских, литовских, таджикских, туркменских, чешских авторов.

Ответом зарубежных авторов на постоянное внимание А. Велюгина к их поэзии стал перевод его поэтического творчества на русский, украинский, английский, армянский, болгарский, грузинский, киргизский, латышский, литовский, молдавский, немецкий, осетинский, таджикский, татарский, узбекский, французский, чувашский языки.

⁴ Велюгін А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Велюгін. – Мінск, 1984. – Т. 2. – С. 406–407.

И в этой связи читатель может задать вопрос: «А как начинался творческий путь А. Велюгина? Какими были его попытки на поэтической стезе?» Вот один из эпизодов из воспоминаний самого поэта: «Я пачаў пісаць вершы, але на людзі выходзіў толькі з газетнай пробай – допісы, замалёўкі. Вершы запісваліся ў тоўсты шытак. Праўда, адзін з іх – васьмірадковую мініяцюру “Пуня” – асмеліўся паслаць у часопіс “Польмя рэвалюці”. Праз месяц вярнулася “Пуня” з падкрэсленай штрафой. І побач накрэслены прысуд – “Разбэшчанаць і блюзнерства”. Я глыбей схаваў шытак»⁵.

Чтобы понять злопыхательство журнального рецензента, по сути «ставившего крест» на поэтических исканиях 16-летнего автора, приведем эту «мініяцюрку» (не миниатюру, а полнзвучный стих, наполненный юношеским лирико-романтическим восприятием. – А.Р., Ю.Р.):

*Стагоў дванаццаць цішыні
і зоранькі праз дах.
Гербарый лета...
Не крані
Паваліць хмельны пах.*

*І толькі ластаўкі: віць-віць...
За бэльку –*

*тур-трава,
дзе можа панаць ўдавіць
гарачая ўдава⁶.*

Обидно было юноше, но верх взяла не растерянность, а стремление пойти своей дорогой, без литературной фальши и лицемерия, без игры в «поддавки» дельцам от поэзии, жить по своим правилам и принципам. И в том же 1939 г. будет написана (мы бы и сегодня сказали – уникальное! – А.Р., Ю.Р.) стихотворение «След мастака» с подзаглавием «Легенда».

Чем стал «След мастака» для начинающего автора, можно судить по его собственному признанию, внесенному А. Велюгиным в его «Автобиографию» «Под парусом в поле» («Пад ветразем у полі»). Во время минской встречи с известными советскими литераторами В. Луговским и В. Катаевым **возник разговор о поэзии, во время которого Луговский неожиданно «спытаў добрым басам ва ўпор: “Пішаце вершы? ... Чытайце”, – сказаў ён**». Вот оно прочитанное стихотворение:

*Юнак маўклівы каля сосен
хадзіў са статкам ціха ўвосень,
вялікім вокам ятрабіным
глядзеў на хмары і рабіны.
Глыбока
гоней родных далі
у вока
з хмарамі запалі.
На чыстым палатне бяросты
юнак зрабіў малюнак просты:
рабіны палымнеюць гроны,
здаецца, пырсне сок чырвоны...*

⁵ Вялюгін, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Вялюгін. – Мінск, 1984. – С. 26.

⁶ Вялюгін, А. Пад ветразем у полі (Старонкі жыцця) / А. Вялюгін // Пяцьдзесят чатыры дарог. – Мінск, 1983. – С. 118.

Рабіну
кінуў,
як жывую
у каляіну
палявую, –
дразды прыселі на бяроству
дзяўбіці крываваю рабіну.

І князь аддаў загад старосту
арыштаваць хлапца й карціну...

...– Табе пастух, спакой і фарбы...
Малюй маю красу і скарбы...

Пагас камін...
У гулкай зале
хлапца са свечкамі шукалі.

І мацаў грозна князь вусаты
замкі, някранутыя краты;
ён са здагадкай ля карціны
застыў:
на мурмуры – рабіны,
лясоў халодныя пажары,
ляцяць над імі – дымам – хмары...
– Глядзіце, мокры след ля сосен!
Мастак уцёк туды ... у восень.

«Ого! – Луговской останавілся, вспоминает А. Велюгин. – Трэба ў Маскву. – І ўжо зусім па-сяброўску. – Прыезджай да нас у Маскву. А “След мастака” пастараюся перекласці...»⁷.

Небезынтарэсна і то, што А. Велюгін удалося претворіць у жыццё саветы вялікага паэта ад кіно Александра Довженка, лекцыі якога ён слухаў у час доваеннай учебы ў Масковскім інстытуце кінэматографіі. Як успамінае сам паэт, А. Довженка «быў чулівы, харошы, быццам па закону прыроды і часу народжаны для творчасці, рашучы і бязлітасны ў спрэчках». Ён учыў моладых «не па казённаму, а вельмі паэтычна ва ўсім комплексе жыцця падыйсці з шырока адкрытымі вачыма да зямлі, прыпасці да яе і паслухаць свет».⁸ А паэту і отдаст ён кіно больш за 20 гадоў жыцця і стане аўтарам больш за 40 мастацкіх і дакументальных фільмаў («Эхо ў пушчы» («Рэха ў пушчы»), «Дядюшка Якуб» («Дзядзька Якуб»), «Янка Купала» («Янка Купала»), «Я – крепость, веду бой» («Я – крэпасць, вяду бой»), «Витебские узоры» («Віцебскія ўзоры»)) і др.

У гэтай сувязі заслужывае увагі думка самаго А. Велюгіна: «Адначасова працуючага рэдактарам аддзела паэзіі ў часопісе «Полымя» і членам сцэнарна-рэдакцыйнай калегіі Беларускага тэлебачання, я не адчуваў, што «кіно адбірае ў паэзіі душу». Наадварот, – вучыць трапнасці зроку і думкі, маштабнасці і ашчаднасці ў слове адзіна патрэбным»⁹.

Вспамінае былы галоўны рэдактар кінэстудыі «Беларусьфільм» наш земляк Н. Пашкевіч: «калі ідзе цяжкі матэрыял, звяртаемся да Вялюгіна. Ён можа

⁷ Вялюгін, А. Пад ветразем у полі (Старонкі біяграфіі) / А. Вялюгін // Пяцьдзесят чатыры дарогі. – Мінск, 1983. – С. 122–123.

⁸ Вялюгін, А. Выбраныя творы: у 2-х т. / А. Вялюгін. – Мінск, 1973. – Т. 2. – С. 271–272.

⁹ Вялюгін, А. Пастскрыптым да жыццяпісу // А. Вялюгін. Выбраныя творы: у 2-х т. – Мінск, 1984. – Т. 2. – С. 410.

доўга не брацца за работу... Як бы прымяраецца... А потым за катастрафічна кароткі тэрмін, на адным дыханні робіць тое, што іншыя і за месяцы не здолеюць... Ды як жа хораша і грунтоўна робіць»¹⁰. Убедительным дополнением к словам Н. Пашкевича могут быть киносценарии «Глобус Наполеона» («Глобус Напалеона»), «Яблони на границах» («Яблыні на граніцах»), кинобаллады «Когда станешь звездой» («Калі станеш зоркай»), документальная киноэпопея «Мне снятся сны о Белоруссии» («Мне сняцца сны аб Беларусі»).

Не будет преувеличением, если согласиться с выводам специалистов, что А. Велюгин, по существу, является создателем своеобразной белорусской сценарной школы документализма. Фильмы, созданные по его сценариям, выгодно выделяются поэтичностью, импрессионностью, личностными оценками видимого и пережитого. Р. Бородулин в одной из своей поэтических шуток так оценил кинематографическую деятельность А. Велюгина:

*І мірны дзень –
Для ратнай справы.
З-за кінастужак не відно.
Пад артагнём няўмольнай славы
Навёў Вялюгін пераправы
З паэзіі ў кіно.*

Кроме того, поэт А. Велюгин – автор текстов ко многим художественным альбомам: «Поднятый из руин» («Узняты з руін»), «Нарочь» («Нарач»), «Хатынь» («Хатынь»), «Генерал Пуца» («Генерал Пушча») и др.

* * *

Постоянное постижение действительности, проникновение в конкретную человеческую деятельность, дополненное насыщенной и полнозвучной поэтической палитрой, позволяли А. Велюгину на разных этапах многопланового творчества сохранять свои выразительные координаты во времени и пространстве. И пускай в начале пути – это была возвышенно-романтическая манера письма, в послевоенные годы в поэтических произведениях преобладала личностная лирика, наконец, во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг. – это высокое мастерство, в котором есть и лиричность, и интеллектуальность, но всегда – актуальность, правдивость, гуманизм. Нельзя не согласиться с **Р. Березкиным, который в предисловии к сборнику «Синий вереск», изданному в Москве, писал: «Среди белорусских поэтов, которые начинали до войны, нашли себя на войне, но настоящее признание получили в послевоенные годы, Анатолий Велюгин – один из наиболее талантливых и интересных. Поэтике Анатолия Велюгина присущи ассоциативное разнообразие, богатство и выразительность ритмов. Воспитанный на образцах классической и современной поэзии, он не чуждается привлекательного народного слова, крепко связан со стихией белорусского народного языка. В его поэзии – живое чувство быстротечного времени, озарённого светлом истории».**

Более полувека прошел по творческому пути в белорусском искусстве Анатолий Велюгин. Было много увидено, пережито, переосмыслено. Как поэт своеобразного мировосприятия и миропонимания, как человек, горячо влюблённый в свою землю, через все эти годы он пронёс одну заповедную тему – тему родной Беларуси.

В одном из лучших своих стихотворений – «Признание в любви» («Прызнанне ў

¹⁰ Літаратура і мастацтва. – 1983. – 23 снеж.

любові») – поэт пишет: «Я заўсёды баюся напышлівых выцвілых слоў, што звiняць, як жабрацкая медзь у асенняй журбе». И у поэта мы больше не найдём подобных слов, но за то найдем такие: «пераліў у межах воз цяжкі, гарачы жнівень, калі чаплялася сена за галлё самлелых бяроз», «варочаўся пад самым сонцам гультаяваты грозны гром», «цягнулі хмары з акіянаў шумлівых ліўняў невады».

Родные места, родные краевиды, «Малая и Большая родина» являются постоянными адресами поэтовой любви. Им направлены каждое теплое слово, многие поэтические произведения. Пожалуй, не будет преувеличением, если сказать, что лучшие стихи А. Велюгина – это те, в которых разговор идет о Беларуси¹¹. Накопленный в 1940-х – начале 1960-х годов поэтический опыт проходил дальнейшую гражданско-публицистическую закалку во второй половине 1960-х, и в последующие годы. Стихотворные произведения, созданные в это время, полны глубоких мыслей и философских обобщений, проникнуты мажорным ладом в осмыслении происходящих изменений на белорусской земле. И вот здесь мы вправе соотнести слова **известного поэта В. Тараса, сказанные им в отношении поэмы А. Велюгина «Ветер с Волги», с авторским поэтическим творчеством в последнее тридцатилетие его жизни. Вот его мнение – стихотворный слог поэмы крепкий, упругий, изобретательный, будто мастер-кузнец подковал свою поэму добрыми, надежными рифмами, отковал строки и строфы из звуков самой жизни**¹².

Можно было бы подумать, что эти возвышенно-эмоциональные слова молодого коллеги А. Велюгина по перу – это дань уважения его авторитету. Однако, обратимся к самому поэту. В своей автобиографической заметке он сделал интересное для читателей признание: «...в спорте есть мера и надежда «третьей попытки». Я имею в виду трудность задачи. Поначалу было испугался, когда писались первые разделы поэмы «Ветер с Волги». Но, поднимая тяжесть, почувствовал могу»¹³. Добавим от себя: и мог, и смог.

Что же сформировало уверенность в успехе реализации столь смелого авторского замысла? Конечно, и довоенная творческая жизнь, и суровые военные годы, и восстановительный послевоенный период. Однако, небезынтересным видятся и авторские воспоминания о начале жизненного пути: «Пачатак быў закладзены ў дзяцінстве. У ім за ўсё жыццё набіраем мы запасы ўражанняў, матчыных слоў, любві да родных мясцін і землякоў. З мацерыка дзяцінства – гэтай першапачатковай маленькай радзімы – вырастае, выпявае любоў да сваёй краіны».

Мая радзіма – Сенненскі край на Віцебшчыне, вёска Машканы, рэчка Абалянка, лясы і азёры. Святло тых бесклапотных дзён саграе ўсё жыццё. Дзяцінства даваеннай пары было асаблівым. Мы выпускалі ў калгасе “баявыя лісткі” і насценгазеты, арганізавалі рэйды “лёгкай кавалерыі”, ставілі пасты на ахове ўраджаю. Была і ўзнагарода – ездзілі ў Віцебск глядзець “Чапаева”. Найбольш яркія ўражання ператвараліся ў вершы, якія я пасылаў у газеты “Піянер Беларусі” і “Віцебскі рабочы”. А калі мяне выбралі дэлегатам усебеларускага з’езда дзіцячых карэспандэнтаў, упершыню ўбачыў сапраўдных паэтаў. Паступіў на рабфак. І не пісаць ужо не мог. Вершы нараджаліся і на фронце. Але сабраў іх разам і прачытаў іншымі вачамі, калі вярнуўся ў вызвалены Мінск і пачаў працаваць у штотыднёвіку “Літаратура і мастацтва”. Рэдактарам яго быў Аркадзь Куляшоў. Мне вельмі хацелася пачуць яго слова. Вось і рызыкнуў. Вершы, напісаныя пад Сталінградам, на шпітальных ложках, яму спадабаліся. А праз год, у сорак шостым, мяне прынялі ў Саюз пісьменнікаў. Пятрусь Броўка,

¹¹ См.: Русецкий А., Русецкий Ю. От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период. 1946–1955. – Витебск, 2010. – С. 35–43.

¹² См.: Тарас, В. Вясновы вецер рэвалюцыі / В. Тарас // Польша. – 1969. – № 4. – С. 240.

¹³ Вялюгін, А. Пад ветразем у полі (старонкі жыцця) / А. Вялюгін // Пяцьдзесят чатыры дарогі: біяграфіі беларускіх пісьменнікаў. – Мінск, 1983. – С. 130.

тады галоўны рэдактар часопіса "Польмя", прапанаваў перайсці да яго. З таго часу я вяду аддзел паэзіі, з'яўляюся членам калегіі гэтага старэйшага ў краіне часопіса»¹⁴.

Заметим, что все это время продолжалась «шлифовка» своего поэтического слова, его эмоционально-патриотической наполненности. Однако подлинная творческая зрелость в разных жанрах и видах искусства наступила позже во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов. Стихотворения, поэмы, киносценарии, литературно-критические публикации, созданные в это время, полны глубоких мыслей, насквозь пронизаны жизнеутверждающим началом, философским смыслом. Поэтом созданы такие хорошо известные стихотворения, как «Кажется, снова жизнь начата...» («Здаецца, зноў жыццё пачата...»), «Баллада о Москве» («Балада аб Маскве»), «Баллада о Кирилле Орловском» («Балада пра Кірылу Арлоўскага»), «Мы – парни живущие» («Мы – хлопцы жывучыя»), «Балканская баллада» («Балканская балада»), «Песня непобедимых» («Песня непераможных»), партизанская песня «Генерал Пуща» («Генерал Пушча») и др. Нельзя не согласиться с **известным литературоведом О. Лойко, который в качестве основного творческого мотива А. Велюгина выделяет взаимоотношения человека и общества, человека и времени.** Отдавая предпочтение теме Родины, ее природы, трудолюбивому белорусу, он не оставляет без внимания жизнь других народов. О «культурной» революции в Китае читаем в стихотворении «Китайцы в Пекине» («Кітайцы ў Пекіне»), афганской войне посвящено стихотворение «Афганистан» («Афганістан»), не осталась без внимания и Чернобыльская беда:

*Твой лёс – у ярым зіхаценні:
святло зарніц... юнацтва цені...
агні дарог... вайны пажары...
і гул Чарнобыля, і хмары.
.....
Лысее край зеленакронны.
На сэрцы дзве чарнеюць зоны:
надзей і песень адсяленне
ад хат і мовы адчужэнне¹⁵.*

Один из исследователей творчества А. Велюгина **известный белорусский критик и литературовед М. Стрельцов со всей объективностью отметил:** «*Великая и завидная черта у А. Велюгина: стих его осязателен и скульптурен, но это не только следствие его словесной, образной вещности, но и иных, сознательных авторских предопределений – композиционно-созидательных. Поэт любит и умеет мыслить объёмными, так сказать, массаами, он строит образ, а посредством его и желаемую картину пространственно, он – архитектурен, если хотите. Вот почему, вот откуда сравнения леса с дворцом в одном случае, с собором – в другом, и вот почему все это далеко не случайно*»¹⁶.

* * *

На наш взгляд, при анализе политической и поэтически-публицистической деятельности А. Велюгина незаслуженно оставляются без внимания его отношение к творчеству литераторов разных времен и национальностей, разных возрастов и предпочтений. Назовем лишь некоторые из публикаций. Это лирически-философское эссе о

¹⁴ Звезда. – 1983. – 7 снеж.

¹⁵ Вялюгін, А. Шэрань / А. Вялюгін // Польмя. – 1990. – № 4. – С. 45.

¹⁶ Стрельцов, М. В смелом лете спелый бор / М. Стрельцов // Неман. – 1983. – № 12. – С. 156.

В. Маяковском¹⁷, размышления о заслуженном деятеле культуры БССР, русском переводчике Я. Хелемском¹⁸, переводившего стихи Я. Купалы, А. Кулешова, П. Панченко, М. Танка, А. Пысина, С. Дергая, Р. Бородулина, Н. Кислика. А еще написанная, поистине с отеческой заботой и вниманием вступительная статья «Подснежники на расставание» («Пралескі на развітанне»)¹⁹ или пронизанные душевностью и влюбленностью мини-очерки, посвященные М. Танку («Сентябрь, день семнадцатый» – «Верасень – дзень сямнаццаты»)²⁰, А. Кулешову²¹, П. Глебке²², К. Киреенко²³, А. Пысину²⁴.

Мы не ставим своей целью пересказ этих публикаций, а вот с отрывками из двух эссе, все же хотели бы познакомить современного читателя – очень уж они и выразительны, и привлекательны. Первое – «Вековая песня» («Адвечная песня») посвящено 175-летию первого издания «Слово о полку Игореве»^{*}; второе – «Папоротник цветет» («Папараць цвіце») – 90-летию со дня рождения Я. Купалы. Объединяющим их лейтмотивом можно назвать роль славянского Слова в мировой литературе, его непреходящую ценность для художественной культуры славян. И первое, и второе можно пересказать. Однако, эссе – это такой литературный жанр, эффект которого проявляется лишь при непосредственном общении читателя с текстом. К примеру, как можно пересказать следующие строки А. Велюгина из эссе «Папоротник цветет» *«Аўтар летапісу сваёй краіны, ён стварыў паэзію, па якой летапісцы будуць вывучаць новае жыццё беларусаў. Ляўкоўская нізка адразу сталася савецкай паэтычнай класікай.*

Памяць беражэ яго: у промнях ляўкоўскага лета знаёмы і блізкі тутэйшы бог зямны з кавенькай уваходзіць у вечнае, як жыццё, жыта.

...Ён нарадзіўся і адышоў ад нас у ноч, калі зацвітае чароўная папараць. Толькі, хто паверыць у тое расстанне?

Купала і Беларусь...

Пароль і водзьў...²⁵

Квинтэссенцию эссе о «Слове...» находим в заключительной его части. Сделаем небольшое отступление. После возвращения в освобожденный от фашистов Минск, поэт был поражен размахом партизанского движения в Беларуси и такой его особенностью, как организация партизанских школ, в которых, несмотря на трудности партизанского быта, продолжалось изучение школьных программ. Не имея бумаги (ее не хватало даже для издания подпольных газет и листовок. – А.Р., Ю.Р.), дети вели свои записи на кусках бересты. *«Бачыў я тыя шматкі бяросты, –* отмечает А. Велюгин, *– хвалюючыся, праз слёзы, чытаў на іх словы: «палон», «брэшуць», «вежа», «сцяг». И вот оно авторское резюме – и в отношении к «Слову...», и в отношении к детским словам на бересте:*

Сухім пергаментам – бяросты скрутак.

Мурашкі-літары... На сэрцы смутак:

пісаць вучылася палесская дзятва,

¹⁷ См.: Вялюгін, А. Маяк / А. Вялюгін // Палымя. – 1983. – № 7.

¹⁸ См.: Вялюгін, А. Птушка б'ецца пад рукой / А. Вялюгін // Палымя. – 1973. – № 11.

¹⁹ См.: Вялюгін, А. Пралескі на развітанне / А. Вялюгін // Палымя. – 1978. – № 9.

²⁰ См.: Голас Радзімы. – 1982. – 23 верас.

²¹ Вялюгін, А. На паўмільярдным кіламетры / А. Вялюгін // Беларусь. – 1978. – № 3.

²² См.: Советская Белоруссия. – 1978. – 10 дек.

²³ См.: Там же.

²⁴ Вялюгін, А. Рэквіем, прыпынены тройчы / А. Вялюгін // Выбраныя творы: у 2-х т. – Мінск, 1984. – Т. 2.

^{*} А Велюгін перавел на беларускі язык отрывок под названием «Плач Яровлавны» («Плач Яраслаўны»), дал ему подзаглавие «Стихотворный переклад» («Вершаваны перасказ»).

²⁵ Вялюгін, А. Папараць цвіце / А. Вялюгін // Беларусь. – 1972. – № 7. – С. 13.

як вылі юнкерсы па сорок сутак,
гарэлі воблакі, і дрэвы, і трава.
Нястачы сведка – сшытачак з раймага.
По шоўку сонечнай кары адвага
вадзіла, пішучы, няўмелую руку:
Радзіма, Вежа, Сцяг.

Палон і Смага.

Гучаць такія ж словы
і ў «Слове аб палку!»
Гартала вечны лемантар дуброва:
Суняўшы кашаль, грэлася ў пакровы
на папялішчах бесхацініца-вайна.
...Ніколі не загіне наша мова,
калі ў такім агні
не згінула яна²⁶.

И еще об одном – о требовательном отношении А. Вялюгина к поэтическому творчеству, овладению начинающими авторами секретами стихосложения, бережном отношении к используемому слову. Талантливый и трудолюбивый, требовательный и внимательный, строгий и заботливый, он тонко ощущал дыхание времени, умел безошибочно определить достоинство произведения, искренне и просто сказать обо всем собеседнику и даже подсказать ему удачное название произведения. Почти 40 лет он возглавлял отдел поэзии в литературно-художественном журнале «Полымя». Его поэтический вкус, энциклопедические знания, редакторский опыт давали ему право на жесткую требовательность и принципиальную оценку. Читаем в его автобиографической заметке: «Я не пратых, што ў паэзію як па драбінах лезуць – вышэй бы ўзбіцца па службовай лесвіцы. Яны часта, вельмі часта б'юць у грудкі кулачкамі:

– Мы – маладыя!..

Гэтым вісусам трэба напамінь, што яны гадамі старэй за Лермантава и Багдановіча. А дзе ж вашы вершы? Нязграбна, пад капіроўку слюнявіце тое, што «зроблена дзума альбо трыма».

Не ўсё ладна ў нашай паэзіі. Некаторыя са старэйшых пры жыцці выдаюць поўныя зборы твораў, уключаючы ў шматтомнікі ўсё – ад першага бездапаможнага юнацкага вершыка да апошняй растрэпленай рэфмаванай пугі.

І гэта зноў пагражае паэтычнай інфляцыяй.

А еще через шесть лет, в 1973 году в «Постскриптуме к жизнеописанию» («Пастскрыптым да жыццяпісу»), снова вернется к этой теме: «Дзесяткі тысяч чытачоў пішуць вершы. Чытае ўся краіна. Кепска толькі тое, што амаль усе, без адбору, вершы друкуюцца, і часта – з партрэтамі аўтараў: часам маладыя паэты, якім бракуе творчага росту, проста на вокладцы другога ці трэцяга зборніка даюць свой фотаадбітак на ўвесь свой кароценькі рост. «Адных забіваюць раны. Другіх – лаўры»...

Патрэбны глабаньны зрух, каб вярнуць паэзіі правы. Каб з'явіўся на свет дужы, жывы верш»²⁷.

С позиции «крепкого, живого стихотворения» он и подходил при оценке творчества начинающих авторов. О том, что это не было придирчивостью или излишней требовательностью свидетельствуют сами известные белорусские поэты. Несколько примеров.

²⁶ Вялюгин, А. Адвечная песня / А. Вялюгин. – Полымя. – 1975. – № 9. – С. 206.

²⁷ Вялюгин, А. Пастскрыптым да жыццяпісу. Выбраныя творы: у 2 т / А. Вялюгин. – Мінск, 1984. – С. 411. – Т. 2.

– великие Аркадий Кулешов и Максим Танк «... лічым Анатоля Васільевіча не чаладніка, а майстрам слова»;

– поэт Рыгор Бородулин: «З пэўнай падставай можна гаварыць аб школе Анатоля Вялюгіна ў беларускай паэзіі. Школе, якая выхавала, паставіла накрыло цэлае пакаленне пасляваеннай літаратурнай змены. Дастаткова назваць некалькі імён, і стане зразумелым, які востры слых, якая лёгкая рука ў Анатоля Сцяпанавіча на таленты: Генадзь Бураўкін, Васіль Зуёнак, Яўгенія Янішчыц, Уладзімір Някляеў, Казімір Камейша. У літаратуразнаўстве паявіўся тэрмін «вялюгінская рыфма», «вялюгінскі радок». Яго бездакорнаму літаратурнаму густу давяралі П. Броўка і А. Куляшоў. А Максім Танк і Пімен Панчанка яму першаму прыносяць свае новыя вершы»...;

– поэтесса Евгения Янищиц: «Баравая зноў чакае сцежка. Тчэцца ніткай суровай. Спахмурнее твар. І ўсё ж усмешка выдае вас, бацька, з галавой». Гэта пра Вялюгіна. Строгая патрабавальнасць, шчодрая дабрата. Яго праўка – урок вучобы і майстэрства. Паэт, які тонка рэагуе на сутнасць радка, яго гучанне. Усё гэта прыцягвае да яго»²⁸;

– поэт Хв. Жычка: «Анатоль Сцяпанавіч любіў паэтычную моладзь, любіў шчыра і бескарысліва. Ён угадваў будучыя таленты. Угадваў, дапамагаў, вучыў і патрабаваў.

І маладыя паэты любілі яго, пяшчотна называлі Адміралам. Ён і сапраўды чымсьці нагадваў адмірала – высокі, шырокаплечы, стройны, акружаны шчупленькімі, нясмелымі хлапчукамі. Бывала, упэўненым крокам ідзе аляей парка, а мы падбегаем, падбегаем услед, чакаючы, што ён скажа: трапны афарызм ці вострую эпіграму. І на гэта ён быў майстар»²⁹.

Нам показалось, что в плане воспоминаний и оценок А. Велюгина и как творца, и как Человека, нельзя оставить без внимания мнение старшей поэтессы Беларуси Ларисы Гениуш. Сошлемся на ее переписку с нашим современным литературным энциклопедистом Адамом Мальдисом: Выдержки всего лишь из двух писем. Первое – датировано 4 марта 1968 г.: «З вялюгінскай галавы б'е розум, эрудыцыя, вялікія здольнасці сапраўды таленавітага чалавека! Я ім захоплена! Яго твар мне нагадвае крыху купалаўскі...

...О юнасць і яе ўзлёт! Я зноў пра Вялюгіна, гэта такі цікавы і добры чалавек, што я не магу забыцца аб ім»³⁰.

Второе письмо было написано через восемь лет. Читаем: «...Я вам, здаецца, не пісала, што мы мелі прыемнасць гасціць у сябе Вялюгіных. Не ведаю, але мы адчулі радасць ад іх прабывання ў нас і нейкую шчырую сяброўкасць... Жаль, што яны былі коротка»³¹.

* * *

Более 50 лет посвятил белорусской художественной культуре Анатолий Степанович Велюгин. Прожитое и пережитое стали тем катализатором, в котором выплавлялось поэтическое мастерство, развивался и отпечатывался талант поэта, переводчика, киносценариста, формировалась потребность активного участия в общественной и художественно-творческой деятельности.

²⁸ Звязда. – 1983. – 7 снеж.

²⁹ Жычка, Хв. Каб з'явіўся на свет дужы верш / Хв. Жычка // Першацвет. – 1997. – № 2. – С. 133.

³⁰ Лісты Ларысы Гениуш да Адама Мальдзіса // Роднае слова. – 1995. – № 8. – С. 144.

³¹ Там же. – С. 147.

Однако, время неумолимо. И в 1994 г. нашего знаменитого земляка не стало. Коллеги А. Велюгина по писательскому цеху высказывали самые глубокие чувства сожаления, находили свое выражение в поэтических строках. Нам показалось, что все их чувства в концентрированном, сжато-трагическом виде выразил П. Приходько в своем стихотворении «На закате дня» («На золку дня»), датированным 25 октября 1994 г., которым мы и закончим свой небольшой отчет о житнетворчестве А. Велюгина в белорусской советской литературе:

*...На золку дня пад восеньскай лістотай
Закончыў ты апошні свой паход...
Але не можа стаць самотнай слотай
Табой набыты плён за многа год.
Ад Машканоў сваіх нёс людзям згону
Ты цеплынёю кожнага радка.
Як твой уральскі танк ў час паходу,
Пакінуў на шляху след мастака.*

*Не змоўкнуць ні на міг твае званыцы –
У спелых летах спелыя бары,
І мы заўсёды прыйдзем пакланіцца
Табе на ўсходзе вогненнай зары...³²*

ЛИТЕРАТУРА

1. Вялюгін, А. Вада і вуда: вершы / А. Вялюгін. – Мінск, 1967.
2. Вялюгін, А. Верасовы ўзятка: вершы і паэмы / А. Вялюгін. – Мінск, 1974.
3. Вялюгін, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Вялюгін. – Мінск, 1984.
4. Вялюгін, А. Песня зялёнага дуба: вершы, паэмы / А. Вялюгін. – Мінск, 1989.
5. Зуёнак, В. Лінія высокага напружання / В. Зуёнак. – Мінск, 1983.
6. Лойка, А. Сустрэча з днём сённяшнім / А. Лойка. – Мінск, 1967.
7. Русецкі, А. Яго спелае лета (Анатоль Вялюгін) / А. Русецкі // Ісці да чалавека: літаратурныя партрэты. – Мінск, 1987.
8. Стральцоў, М. Пячатка майстра / М. Стральцоў. – Мінск, 1986.

³² Літаратура і мастацтва. – 1994. – 25 кастр.

ВЕРА ВЕРБА

У Веры Вярбы ёсць свой чытач, да якога яшчэ ў далёкія шасцідзесятая гады яна прыйшла з пяшчотаю, цеплынёй сваіх радкоў, прыйшла як тонкі лірык, як сапраўдны майстар. Яна ўмее стварыць у сваіх вершах атмосферу даверу да яе паэтычнага слова, кожная яе кніжка адразу, з першых радкоў настройвае на лірычны лад: гэта нібы своеасаблівы маналог, які надае кнігам тую непаўторную абаяльнасць, на якую здольны толькі жанчыны. І як патрэбна гэта жаночкасць грамадству сённяшнім днём, калі па-новаму асэнсоўваюцца паняцці дабрыйня, пяшчота, вернасць¹.

Р. Баравікова

Настоящее имя поэтессы Веры Вербы, одной из ярких представительниц Витебщины в плеяде женщин в белорусской советской литературе, Соколова Гертруда Петровна. Она родилась 14 января 1942 г. в деревне Высокий Городец Толочинского района. Отец Марков Петр Андреевич погиб в 1941 г. в боях под Смоленском (через 20 лет после войны поэтесса напишет такие строки: «З маленства прывыкшы да страты, я слова не ведала “тата”»).

После войны Вера с матерью Надеждой Васильевной переехала в Минск. Здесь в 1958 г. окончила среднюю школу, стала студенткой филологического факультета Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. После его окончания (1964) на протяжении пяти лет была внештатным корреспондентом журнала «Малодосць». С 1969 г. работала старшим инспектором отдела пропаганды литературы Управления книжной торговли Государственного комитета по печати Совета Министров БССР; с 1972 г. В. Верба – заведующий отделом писем и информации редакции газеты «Літаратура і мастацтва». В 1977 г. стала внештатным корреспондентом журнала «Работніца і сялянка», с 1980 г. работала в редакции журнала «Беларусь». Член Союза писателей БССР с 1964 года.

Первые стихи В. Вербы на страницах республиканских газет и журналов появились в 1958 г. В 1962 г. из печати выйдет первая книга поэтессы «Глаза весны» («Вочы вясны»), не оставшаяся без внимания литературных критиков и специалистов*.

В 1965 г. Вера Вярба подготовила к печати второй поэтический сборник «Декабрь». Однако, еще в рукописи подвергнутой почти уничтожающей критике (С. Гроховский, Е. Мозольков), он так и не дошел до читателя. Горькими словами ответила поэтесса своим рецензентам:

*І некаму мне крыўду скласці,
І некаму прыняць дакор.
Жыву і прычакаю шчасця
Усім чарцям наіперакор.*

Подлинный расцвет поэтического дара В. Вербы придется на вторую половину 1960-х – 1980-е годы. Предложим читателю хронологию выхода из печати ее поэтических сборников, книг для детей в эти годы: 1967 г. – «Белые письма: Лирика» («Белыя пісьмы: лірыка»)*; 1968 г. – «Первоцвет: стихи» («Пралеска: вершы»); 1969 г. – «Високосный год: стихи и поэмы» («Высакосны год: вершы і паэмы»); «Синяя бухта: стихи и поэмы» («Сіняя бухта:

¹ Баравікова, Р. З пяшчотаю, любоўю, цеплынёю... / Р. Баравікова // Роднае слова. – 1992. – № 1. – С. 63.

* В 1987 г. книга вышла вторым изданием.

* Среди рецензентов были А. Кулешов, А. Яскевич, В. Рагойша и др.

вершы і паэмы»); «Альфа: поэмы и стихи» («Альфа: паэмы і вершы»); «Моя маленькая планета: лирика» («Мая маленькая планета»: лірыка»); 1986 г. – «Ярославна: стихи» («Яраслаўна: вершы»). В Москве были изданы два поэтических сборника стихов В. Вербы «Парус на лугу» (в переводе Р. Казаковой (1974) и «Синяя горка» (в собственном переводе (1979)).

Важно отметить, что В. Верба была постоянным участником коллективных литературных сборников. Назовём лишь некоторые из них – «Арлянятам», «Ад родных ніў, ад роднай хаты», «Разгарэлася зорачка ясная», «Залацінкі», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Люблю будзённы дзень...», «Дзень добры, мама», «Адданасць», «Нам засталася спадчына», «Партизаны, партизаны...» и др.

Ее стихи, поэмы, песни, миниатюры, детские стихи печатались республиканскими газетами («Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі») и журналами («Беларусь», «Полымя», «Маладосць», «Неман», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Вясёлка»). Ее приглашали к сотрудничеству союзные журналы «Дружба народов» и «Наш современник», белостокские издания – газета «Ніва» и ежегодник «Беларускі каляндар».

Поэтесса познакомила читателей с авторскими переводами с русского, армянского, еврейского, литовского, молдавского, узбекского, украинского языков. Заметным явлением в ее переводческой деятельности стал перевод на белорусский язык книги Р. Фрермана «Дикая собака Динго, или повесть о первой любви» (1975). Было бы ошибкой не назвать тот факт, что произведения Веры Вербы переведены на русский, армянский, венгерский, киргизский, латышский, литовский, молдавский, монгольский, осетинский, польский, украинский языки.

* * *

Почти 30 лет значится имя В. Вербы в анналах белорусской советской литературы. И с чем же читатель, критики, литературоведы встречаются в её поэтическом мироощущении. Высказываемые мысли, оценки самые различные: *от восхищения откровенностью женской души и переполняющих ее чувств и эмоций до упреков в неограниченности многих стихотворений и их искусственности (В. Тарас²), от настроенности поэтессы на «рзальную канкрэтную жыццёвасць» (В. Юрэвіч³) до использования автором литературных реминисценций, ненужных трафаретов и повторений (Ю. Свірка⁴) до соединения фольклорных интонаций с современной поэтикой (В. Бойко⁵).*

Конечно, и эти, и другие суждения имеют право на жизнь. На наш взгляд, будет небезынтересным обратиться к творчеству самой поэтессы. В предисловии ко второму, в некотором роде программному поэтическому сборнику «Белые письма», она, обращаясь к читателю, скромно высказывается: *«Майму чытачу і сучасніку я прысвячаю ўсе свае вершы. І калі тое, што хвалюе маю душу і сэрца, сталі і яго думкай, для аўтара не трэба вышэйшай узнагароды».*

О том, что лирика любви стала песней «первой ласточки», зазвучавшей впоследствии полнозвучным «мажором», а задуманное в юности свершалось, можно судить по оценке поэзии В. Вербы данное ее коллегой по «женской поэзии» **Е. Янищиц**: *«Няпроста фарміраваўся паэтычны свет паэтэсы, але за ім заўсёды шчыра і ўзрушана распаз-*

² См.: Тарас, В. На пачатку маладосці мілай / В. Тарас // Полымя. – 1968. – № 4. – С. 231.

³ См.: Юрэвіч, У. Абрывы: Выбранае з літаратурнай крытыкі / У. Юрэвіч. – Мінск, 1976. – С. 303.

⁴ Свірка, Ю. Перад новай вышынёй / Ю. Свірка // Полымя. – 1969. – № 4. – С. 236.

⁵ См.: Шпакоўскі, Я. Талент абавязвае / Я. Шпакоўскі // Маладосць. – 1970. – № 1. – С. 137.

навалася жаданне жаночкай вернасці, хай сабе часам і жорсткай (а хіба жыццё стрэс-солад?!), але затое – такой уражлівай, такой непадробнай». «...Жаночы шлях паэтэсы В. Вербы светлы і растрывожаны, мяккі і балючы, пакутлівы і ўдзячны, але не крыклівы»⁶.

Действительно, содержательно-тематическая направленность творчества В. Вербы разнообразная и многоплановая. Однако, в этой многоплановости, при ее критическом осмыслении от «а» до «я», рельефно выделяется стремление поэтессы к поиску ассоциативных образов, новых ритмов и интонаций и главное место в этом поиске занимает масштабная триединая тема, в которой выделяются:

– всеобъемлющая, пронизывающая насквозь поэзию В. Вербы, вечная тема любви, тема вселенская, без которой невозможна жизнь и в которой есть и исповедь сердца, и переживания от случайных встреч и расставаний, натуральность интонации и выразительные поэтические средства. «Пакуль кахаю – я жыву», – скажет поэтесса в одном из своих стихотворений: «Словы, знойдзеныя ў пакутах, усхвалявана кладуцца ў радкі, і здаецца, што яны напісаны адным дыханнем». Стихи Веры Вербы о любви – это своеобразный лирический дневник, монолог о жизни лирической героини и самой поэтессы – **известный белорусский литературовед И. Шпаковский оценивает, как «интимный дзённік душы, якая сумуе, кахае, верыць, зняверваецца»⁷**;

– это тема материнства, в которой ярко выражены личные, чистые, сугубо материнские чувства и у которой эта тема имеет свои, только ей присущие черты. Не случайным ведь оказалось, что ее третья книга «Первоцвет» была посвящена детскому читателю. Стихи о сыне – это поистине лирическая песня, полная теплоты, щемящей ласки, необычной, эмоциональной душевности. Без преувеличения можно утверждать, что особенностью этой темы является ее неотрывность от главной темы творчества В. Вербы – интимной лирики;

– наконец, еще одна часть триады – дочерняя любовь к отцу, матери, родным и близким поэтессе людям, так или иначе сыгравшим важную роль в ее взрослении.

Второе направление в поэзии В. Вербы – тема любви к Беларуси, ее истории, ее языку и народу. При этом поэтесса стремится видеть вчерашнее и сегодняшнее Беларуси, устремления людей в завтрашний день во всем многообразии жизненных проявлений, в их радостях и горестях, их успехах и проблемах. Стихи этого цикла, на наш взгляд, в определенной степени близки к целостному поэтическому осмыслению мироустройства.

Третье направление в творческих исканиях поэтессы – это воспевание красоты родного края, зафиксированное в стихотворениях, миниатюрах, поэтических этюдах. Пейзажная лирика В. Вербы поистине эмоционально-эстетическое повествование, в котором душа поэтессы сливается с образами и звуками природы и в этом единстве рождается проникновенная и привлекательная лирика. Однако в произведениях поэтессы природа не существует сама по себе. Ее красоты, оформленные в теплые, выразительные тона, принимают художественную выразительность лишь тогда, когда в центре авторских исканий появляется образ Человека, творящего и хранящего природные богатства. И тогда природные этюды оживают, каждый из них становится конкретным воплощением определенной судьбы, конкретного характера.

– **Наконец, еще об одном** – о стремлении В. Вербы обогатить свою поэтику богатством народной поэзии, помня о том, что для каждого нового произведения имеется своя мера насыщенности традиционными образами. И, что особенно значимо, фольклорно-эмоциональная образность в лучших стихах поэтессы помогает ей в поэтизации заветно-

⁶ Янішчыц, Я. Сэрца сэрцу адгукнецца / Я. Янішчыц // Польшыя. – 1986. – № 10. – С. 202.

⁷ Шпакоўскі, Я. Талент абавязвае / Я. Шпакоўскі // Маладосць. – 1970. – № 1. – С. 137.

го чувства и главной темы ее творчества – темы любви и ее главных нравственно-эстетических ценностных характеристик. Привлекает и то, что стихия народно-поэтической образности доносится до читателя через авторское постижение языкового опыта и живое звучание белорусского языка.

Обратимся более подробно к каждому из обозначенных направлений в поэтическом творчестве В. Вербы.

Эпиграфом к первому из них возьмем слова поэтессы:

Ніхто не зведаў сэнс каханьня, дабро і зло, жыццё і смерць.

В белорусском литературоведении 1970–1990-х годов утвердилась прочная оценка: любовь – это то запредельное измерительное лекало, тот императив, которым определяется сущность человеческого бытия, его радостей и болей, а утеря которого равносильна утрате жизненной перспективы и даже самой жизни. Ее поэзия – это исповедь лирической героини и самой поэтессы, не видящих смысла жизни без любви и говорящих с окружающими их людьми на ее языке. По сути, тема любви – это квинтэссенция лирического содержания поэзии В. Вербы, имеющая не только личностно-субъективное, но и общественно-гражданское звучание. В контексте наших рассуждений будут и мысли о теме любви **выдающегося советского поэта А. Твардовского: «...Об этой теме мы до сих пор говорим применительно к самым разным поэтам, как бы взывая о снисходительности к ней. Между тем именно этому предмету принадлежит господствующее место в мировой лирике. И не кем-нибудь, а великим революционером и мыслителем Чернышевским было сказано, что не от мировых вопросов люди желятятся и стреляются и что поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли. То, что столь существенно для отдельного человека, что часто определяет его судьбу, коверкая ее или награждая наивысшей человеческой радостью, не может не составлять живейшего интереса для всех...»⁸.**

Белорусские исследователи интимной лирики В. Вербы очень часто акцентируют внимание на тех поэтических чувствах и эмоциях, которые читаются в той или другой авторской книге. А поэтому и возникают упреки поэтессе в излишней тематической зауженности и сентиментальности, даже декоративности и богемности. На наш взгляд, о таких «просчетах» можно было бы говорить, если бы все стихи о любви писались в одно время и их можно было бы разложить на единой горизонтальной плоскости. Но ведь автору (судя по времени написания стихов) было и шестнадцать, и двадцать юношеских лет, была первая любовь и первые разочарования, было «дитя любви», было все...

Нам показалось, что логичнее было бы проследить взросление интимного чувства поэтессы и соответствие его поэтическому его воплощению. Вот строки из стихотворения «Мечтательница» («Летуценіца»): Лирической героине всего 16 лет:

*Ёй шаснаццаць год ледзь было тады,
А табе ўжо – ой, ляцяць гады!
Як адзін ты быў – усё тужыў на ёй,
Белай козачкай называў сваёй,*

*І жыцця табе без яе няма,
І бяжыць яна да цябе сама,
Бо шаснаццаць год...⁹*

⁸ Твардовский, А. Статьи и заметки о литературе / А. Твардовский. – М., 1972. – С. 280.

⁹ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 18.

А вот героине 20 лет:

*Дваццаць год!
Дваццаць год!
Гэтак многа?
Дзе згубіліся
вы
летуценні?
У высокай траве
за дарогай
Па-дзіцячаму
плачу ў калені.
Дваццаць год!
Усё проста і ясна.
Дваццаць год –
вось калі не асудзяць¹⁰.
«Дваццаць год»*

К своей любви в двадцатилетнем возрасте поэтесса вернется в стихотворении «А этих лет могло бы и не случиться...» («А гэтых год магло не стацца»), включенному в сборник «Синяя бухта»:

*А гэтых год магло не стацца –
Скупы любві быў правянт,
Ішла з вясны, было мне дваццаць,
А ты з вайны, мой лейтэнант.
Калі забыў, не дакараю,
Прыдумала ўсё, акрамя,
Што дзесяць год я паўтараю
Адзінае тваё імя¹¹.*

Знакомимся с чувствами лирической героини, вступающей в активную жизнь после своего двадцатилетия (стихотворение написано в 1966 г.). И, думается, не прав **поэт Ю. Свирка, который, прочитав строки «Не любіце жанчын па міласці...», поспешил обвинить поэтессу в том, что она заговорила «запаветамі і навучаннямі»**. Забыл, видимо, Ю. Свирка, что «милость» эта жила, живет и, думаем, еще долго будет жить, когда в любви желаемое выдается за «любовь». Не смог критик-мужчина постичь все таинства загадочной женской души. А вот чувствительная душа поэтессы будто бы предчувствовала те тревоги, смятения, неприятности, сердечную и душевную боль, которой будет сопутствовать сердечное чувство.

*Колькі гора яшчэ паспрабую,
Колькі слёз... колькі дум, колькі мар!
Колькі бруду баб'ё тупалюбае
У пяшчотны мне выплесне твар.
Я жыву лёгкадумна, паспешліва,
І няма апраўдання ў адказ.*

¹⁰ Вярба, В. Белья пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 48.

¹¹ Там же. – С. 166.

Адкажу на папрокі усмешкаю:

– Я жыву, каб убачыць вас¹².

«Не любіце жанчын па міласці...»

За што вы толькі не судзілі –

А я па-свойму ўсё раблю.

На зайздрасць вам мяне любілі,

А я на зайздрасць вам – люблю.

Пакінулі свой свет капытны

На маладой маёй душы,

Мой вобраз юны, абабіты,

Як слуп аб'яўны на шашы...¹³

«За што вы толькі не судзілі...»

Нельзя не сагласіцца с **поэтом А. Гречанниковым, справедливо заметившим, что В. Вярба «нават у самых інтымных вершах не баіцца быць непасрэднай, часам нават кволай і бездапаможнай, выказваць свае перажыванні ў такіх радках»** (И далее поэт приводит следующие строки из поэмы «Альфа» («Альфа»):

Мы сустракаліся, як рэкі,

І нарадзіліся з ракі.

Пачуцці нашы, як спрадвеку,

Зліліся болем на вякі.

І словы нашы, як імгненні

Вясновых раніц і начэй,

І рукі, быццам летуценні,

Не разлучоныя яшчэ.

Перажываю дні нанова

І аднаўляю да драбніц,

Перад каханнем, як замай,

Упаду знясіленая ніц¹⁴.

Камерно и исповедально звучат стихи из одного из последних сборников «Ярославна» – «Портрет» («Партрэт»), «Звенел ручей во снах березы» («Звінеў ручай у снах бярозы»), «Через невзгоды и года...» («Праз нягоды і гады...»), «После дождя запахло мятой...» («Пасля дажджу запахла мятай...»), «Твое имя» («Тваё імя»), «Мимозы» («Мімозы») и др. На наш взгляд, читателю предложена мозаика эмоций, создающих целостно-сотканную картину драматического и сложного мира женщины, живущей в плену любовных терзаний и тоски о настоящем женском счастье. Все, что можно класть на алтарь любви, считает поэтесса, происходит для любви и во имя любви:

Зямная, па сонечным промню,

Як тонкай стралы вастрыё,

Таму што кахаю і помню –

Прыйду я па сэрца тваё¹⁵.

«Зіма са стыхіяй не зладзіць...»)

¹² Вярба, В. Мая маленькая планета. Лірыка / В. Вярба. – Мінск, 1982. – С. 38.

¹³ Вярба, В. Выбранае. Вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1976. – С. 155.

¹⁴ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 21 снеж.

¹⁵ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 326.

И верила поэтесса вместе со своей лирической героиней, что

*Ёсць у кахання справядліваець,
Якой нямнога – у людзей.
Ёсць у кахання паслядоўнаець,
І глыбіня, і вышыня,
А мы так любім павярхоўна
У турботах сённяшняга дня¹⁶.*

«За ўдзячнасць гэтае сустрэчы...»

Появляются сомнения («За што любіць нам, мілы, выпала? За што каханне берагчы, неперажытае, нязвыклае...»), «Калі пачынаецца каханне? Наіўнае пытанне! ...І пэўна кахаць не ўмею», «Жыву – без часу, без гадзін. Няма каму душу паслухаць...» и т.д.) в необходимости моральной переоценки прожитого и пережитого, тех душевных волнений, которые испытывали и поэтесса, и её лирическая героиня. Они вступили в ту пору своей жизни, когда возникает потребность оглянуться назад перед тем, как сделать очередной шаг вперед, шаг, возможно, самый трудный и ответственный. Постепенно, но бесповоротно из жизни героини уходят юношеская беззаботность, чрезмерная романтичность и эмоциональность чувств. И появляются следующие строки:

*Мінулае –
непераемна.
І, мабыць,
пасля трыццаці
Я напішу паэму
Аб нашым з табой жыцці.
Не смерць
прынясе пакаранне.
Жыццё я аддам недарма:
Навек...
у радках скрыжаванне
Тваё і маё імя...¹⁷*

И ещё одно искреннее признание:

*Шчаслівы той,
Хто быць каханым
мусіў.
Хто сам кахаў
Без часу і мяжы.
Я непазбежнай смерці
Не баюся,
Баюся, каб цябе не перажыць¹⁸.
«У спалучэнні вобраза са словам...»*

Однако, в поэме «Снежная горка» («Снежная горка») эта уверенность в жизнестойкости неожиданно принимает новый оборот:

¹⁶ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 293–294.

¹⁷ Там же. – С. 161.

¹⁸ Там же. – С. 351.

*Гэта шчасце за пакуты,
Гэта праўда – за маной, –
Дачакацца той мінуты,
Каб застацца зноў адной¹⁹.*

Чрезвычайно искреннее и меткое психологическое признание. Так выкристаллизуется характер героини, ее готовность к новым эмоционально-нравственным испытаниям, к продолжению материнского рода.

У В. Вербы эти искания героини получают свое развитие в теме материнства, теме вечных забот, переживаний и надежд.

Почему-то в белорусском литературоведении считается, что этой всеобъемлющей душу поэтессы теме были посвящены лишь поэма «Снежная горка» и цикл лирических миниатюр «Моя маленькая планета» из поэтического сборника «Синяя бухта». Уже в девичьем сознании она соотносит колыбельную песню молодницы со священным словом «мать» («В поле гойсает ветер...» («У полі гайсае вецер...»)), «Няма дзіцяці, каб з калыскі любоўна песціць, гадаваць...» (одноименное стихотворение), «Хай нада мной застынуць слёзы сына і двое крыл, як белая зіма» («Живи с надеждой...» («Жыві з надзеяй...»)) и др. И только в 1972–73 гг. будет написана «Моя маленькая планета» – своеобразный гимн материнству и детству. Судите сами читатели: «Мой сын маленькая планета». И от этих первых строк идет поистине глубочайшая материнская исповедь, суть которой в том, что, несмотря на все социальные передрыги, «чыстым застаецца твая маленькая далонь», и она имеет лишь одно желание: «Асушыць тваю слязінку, твой суцешыць плач». Назвав В. Вербу жалостно-заботливой хозяйкой, которая знает цену материнского счастья, критики, однозначно соглашались, что своё материнское кредо поэтесса выразила в следующих строках:

*Ваўчыцай пераскочу поле –
Усё спазнаць, хто не звык,
Спалох і помсту без патолі
За твой адзін слабенькі крык.
(выделено нами. – А.Р., Ю.Р.)
Я мёртвай выпаўзу з магілы,
Падстаўлю грудзі пад кап'ё
За пальчык невыказна мілы
За цельца чыстае тваё²⁰.*

«Мая маленькая планета»

Может быть, в основе поэтических исканий В. Вербы были впечатления и эмоции от постоянного общения с любимым ребенком, а может – женское провидение, что в современном обществе жизнь его счастливой, а может быть сливалось воедино личное и общечеловеческое в понимании детства по продолжению материнской любви она видит:

*Без канца і без пачатку
Песня птушкай у руцэ.
Спі, сыноч, маё дзіцятка,
... Чэзне човен на раце...²¹.*

¹⁹ Вярба, В. Белья пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 286.

²⁰ Там же. – С. 171.

Обращением к детству, и не только сыновнему, но и своему собственному, является поэма «Снежная горка» («*Мы зноў з табою ва ўспамінах свайго аціхлага жыцця. Яшчэ на перадзе гадзіны маленства, шчасця, забыцця*»). Снежная горка, которая дала название поэме и двум одноименным поэтическим сборникам (на белорусском и русском языках), – это своеобразное путешествие к истокам своего детства, к истокам любви, которая в юности лирической героини была смыслом жизни. А еще Снежная горка – это символ вечного детства, зафиксированного в нашей памяти, вольно или невольно напоминающего нам и о материнской ласке, и о родительском доме, и о том, как передать, как привить родительские чувства и родительскую память теперь уже своему сыну.

*...За ўсё як ёсць – карай дарослых,
Дзяцей ні ў чым не павіню.
...Яны наш час. Душы прадмова
Да славы, шчасця і... разлук.
Бяруць наш боль, паўтораць словы
І цеплыню руплівых рук...²²*

В своем «путешествии в прошлое» – обращении к сыну – она стремится найти смысл ценностей прожитых лет, еще раз ощутить и пережить юношескую любовь, переосмыслить, всколыхнуть «*знаёмы боль*», чтобы подытожить прожитое. А оно ведь и не такое уж туманное...

*Я знаю працы асалоду,
Крануцца ж і майго жыцця:
– Што ты зрабіла для народа?..
Я гадала вам дзіця²³.*

И вот здесь читатель начинает понимать, что чувства, мысли, эмоции поэтессы – явление далеко не субъективное. Здесь индивидуальное тесно переплетено с общечеловеческим, сливаясь в единое полноводное, творящее жизнь, течение, в котором животворным источником является неиссякаемая материнская любовь:

*І ўсё, што ў будучым спазнаю,
Я назаву навечна: «сын».
Памру – а след твой адшукаю
Слязінкай ранішняй расы²⁴.*

Без преувеличения можно утверждать, что тема «любовь-материнство» – это жизненный стержень и для самой поэтессы, и для ее лирической героини. Именно в них они черпают силы к жизнеутверждению, к стремлению выйти «*з жыццёвых дробязей і нахабнага быту на вуліцы Прадвесня, дзе ўсё пачынаецца па-новаму, па-добраму*». И в этом не только рефлексия и интимная исповедь, но и лирико-философское утверждение любви как творческого открытия самого человека.

²¹ Вярба, В. Белья пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 172.

²² Там же. – С. 288–289.

²³ Там же. – С. 290.

²⁴ Там же. – С. 173.

*Жыццё, спасцігнуўшы старанна,
Мы знаём добра, што рабіць.
Ці не таму старэем рана,
Што развучыліся любіць?*²⁵

В лирику В. Вербы, впечатляющей душевной открытостью и предельной откровенностью, тепло вписывается образ Отечества (Бацькаўшчыны) с его родительским домом и героическими людьми, с его лесными массивами и богатейшей реко-озерной системой, с его зимними вьюгами и весенними дождями, с паутиной бабьего лета и красными гроздьями рябин. Поэтессе свойственны и более крупные литературные формы, вплоть до поэмы и стихотворения-исповеди, и монологи- признания, и мгновенные живописные зарисовки, оформленные в поэтическую строку из впечатлений, позволяющих раздвинуть пределы поэтической выразительности, наполнить ее искренностью, песенностью, возвышенными чувствами. Особенностью патриотической лирики выступает одно неизменное качество: биографический и художественный опыт в ней всегда-всегда свой – лично увиденное, эмоционально-пережитое, выстраданное, передуманное... В лучших стихах динамичность поэтического настроения, неуловимая, импрессионистская изменчивость принимают тот содержательный аспект, в котором авторская «правда интонации» становится важнее, чем «правда факта». **«Ведь трата душевных сил и сердца не может быть тщетной»**²⁶, – **совершенно справедливо отмечает литературный критик В. Стрельцова.**

И знакомит поэтесса читателя с бабушкой Просковьей, стоящей «у белай хусціне» пад старой деревенской хатой, с родной матерью, которая «і ўдавой нічога не напрасіла», с партизанской короной Лыской, единственной «на сто двароў, на сто сяліб». В двадцати восьми строках стихотворения «Себя как помню от колыски...» («Сябе як помню ад калыскі...») слиты воедино личная драма и драма народа, эпизод военного детства белорусской девочки и картина горестных бед оккупированной Беларуси:

*Ледзь набрыялі гронкі бэзу,
Каб немец не напаў на след –
Карову вырашыў зарэзаць
І натачыў касу мой дзед.*

.....
*Ды зразумела наша Лыска...
Глядзіць у вочы блізка-блізка,
А слёзы коцяцца, як боб*²⁷.

Но ведь рядом с привлекательными героями детства и юношеских лет в поэзии В. Вербы встречаем былинную Ярославну, плакавшую на стенах Путивля. Именем этой женщины с большой буквы, которая является воплощением Любви, Тревоги, Красоты, Веры, Сожаления назвала один из своих поэтических сборников В. Верба:

*Не мне табе служыць
пры доме,
Твайму каню даваць вады –
У княжным залатым шаломе
Ты непапраўна – малады*

²⁵ Вярба, В. Белья пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 196.

²⁶ Стрельцова, В. Под знаком любви и добра / В. Стрельцова // Нёман. – 1988. – № 3. – С. 170.

²⁷ Вярба, В. Белья пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 62.

*Хай поўніць той апошні
ранак
Шчаслівы кубак да краёў,
У векапомнасці кургана
Забытае імя тваё²⁸.*

Героиней трагического военного времени в поэме В. Вербы выступает легендарная подпольщица, Герой Советского Союза Вера Хоружая. Поэтесса посвятила ей лирическую поэму «Калина» («Каліна») и стихотворения «Хоружей» («Хоружай») (сборник «Високосный год»), стихотворение «Вере Хоружей» («Веры Харужай») (сборник «Белые письма»). Поэтесса не стремилась к полному восстановлению биографии В. Хоружей. Она нарисовала всего несколько штрихов к портрету женщины-героини и ее боевых соратников, через которые пыталась постичь истоки духовно-патриотических качеств, физической стойкости и мученичества величайшей из белорусских женщин (и тысяч таких, как она) времен борьбы с фашистами («*Я іду па слядах тваіх у свет нязнаны... Я іду па слядах тваіх у росным тумане ... Я дайду да цябе, мая Вера!*»). Поэтесса не ставила задачу создания героических образов, а лишь высказала свое восхищение и их преданность «идеи освобождения». Она от имени поколения, «*якое не помніць ніводнай вайны*», осуждает кровавые события, в которых сложили головы лучшие сыны и дочери Беларуси:

*...Няўжо ты вернешся, вайна,
У гэты край жывы і мілы
Купальскіх песен і вянкуў
На твая ж хаты і магільы.
Маіх загінуўшых бацькоў?
А я яшчэ не адлюбіла,
А я яшчэ не пражыла
І нават долі не згубіла
Свайго юнацкага святла²⁹.*

Нельзя оставить без внимания произведения В. Вербы, в которых патриотизм лирической героини проявляется через открытие и понимание поэзии окружающего ее мира. Можно смело утверждать, что в лучших произведениях эмоции поэтессы и героини, их душевные состояния сливаются с красотой родной природы, ее образами, звуками, красками. Вот несколько запомнившихся героине впечатляющих деталей, **услышанных чутким слухом** («*Тонкіх сцяжынак чуецца звон*» или «*слухалі, як кропля кроплю гукае*»), **увиденных острым глазом** («*Рунь зямлю на світанні свідруе*» или «*Антоняўка на ўслонку, жоўтая, пячоная, летам мечаная...*»), **полученных от легкого прикосновения** («*І кроплі колюцца, як голкі...*»). Успех ожидает поэтессу, по ее собственному признанию, при прямых контактах с самым прекрасным на земле. Как это видно из стихотворения «Поры года» («Пары года»), в котором весной она, капля, «*што з даху вось-вось сарвецца*», – где летом из нее «*вырастае колас*», а осенью – «*тонкая арабінка*». Зима же представляется «*ветразем бялюткім*», которая «*паставіла красоты*» и «*тчэ коўдры пад ногі соснам*» (из «Письма к солнцу» – «Ліста да сонца» в поэме «Белые письма»). А еще можно прочитать стихи о весенних дождях и лесных дорогах, березовом соке, цветущих белорусских садах и лесной криничке. И все же – «*і светла так, і лёгка стала і востра адчуваем мы, як шчасця, прыгажосці мала*».

²⁸ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 312.

²⁹ Там же. – С. 134–135.

Стихи и поэмы, пронизанные патриотическим чувством, а многие и гражданским пафосом – это желание автора подчеркнуть общезначимость переживаний лирической героини, открыто поделиться своими мыслями и надеждами, высказать свою тревогу о том, чтобы в больших свершениях кибернетического века люди не потеряли своей привлекательности, не очерствели духовно, и пригласить читателя быть причастным к этой открытости, стать постоянным искателем прекрасного в людях и окружающей их действительности.

Заявив о своей приверженности к устному народному творчеству уже на первом курсе филфака БГУ собственным исполнением песни «Ручнікі» («У суботу Янка ехаў ля ракі/ Пад вярбой Алёна/ Мыла ручнікі»), вскоре ставшей народной, известной в каждом белорусском доме* и исполняемой от Бреста до Сахалина, В. Вярба продолжала активно работать над обогащением своей поэтики средствами, взятыми из арсенала народной поэзии. Это стало не просто увлечением – своим насыщенным фольклорной традицией творчеством поэтесса подтверждает непрерывность художественной памяти народа и глубинную связь литературы и народно-поэтического творчества. Она широко использует те художественные возможности, которые дает фольклорная образность, включает их в свои лирические обобщения, делая поэтические строки более легкими, плавными с народно-песенной интонацией. Пример – следующие строки:

*Слёзы, слёзы, слёзанькі!
Божая раса.
Ці збіраў ты, божанька,
Тыя слёзы сам?
Колькі я праплакала
У раннюю пару!
Высахла, як макаўка,
Думала: памру.
Толькі б не ўведаў ён,
Адвяду душу.
Не засну, не снедаю,
Сяду – галашу.
Так ён не даведаўся,
Так ён не пачуў...
Загасіў, не глядзячы,
Шчасце, як свячу³⁰.*

На задушевно-песенный лад настраивают «Возвращение. Из народного» («Вяртанне. З народнага»), «Из народного» («З народнага»), «Прошенье» («Прашэнне»), вступление к поэме «Альфа», «Колыбельную я пою...» («Калыханку я пяю...»), «Определюсь я в доме...» («Наладжу я ў хаце...»), «Ярославна» и др. В них отчетливо проявляется бережное отношение поэтессы к фольклорной образности, понимание того, что устному поэтическому творчеству обеспечена постоянная популярность в народной среде, что оно безвременно и непреходяще.

Подводя итог нашим рассуждениям, сошлемся на мнение **известного литературоведа, землячки поэтессы Т. Чабан: «Паэзія В. Вярбы вельмі асабістае, эмацыянальнае, рухомае. Аднак яна даволі дакладна фіксуе душэўныя зрухі, адценні эмоцый,**

* Литературовед С. Марченко высказалась по поводу «Ручников» вполне определенно: «Што і сказаць – успешная з’ява ва ўзаемаадносінах паміж аўтарам і чытачом. Застацца ў памяці хаця б адным радком паэзіі – рэдкая ўвага, а цэлай песняй – гэта вялікае шчасце» (см.: Чырвоная змена. – 1967. – 22 жн.).

³⁰ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 68.

барацьбу супрацьлеглых пачаткаў у душы лірычнай гераіні. Слова, вобраз не столькі выражаюць пачуцці, колькі «зашыфроўваюць» іх. Мэтай верша становіцца не асэнсаванае паведамленне, а ўнушэнне пэўнага настрою, суладнага пачуццям гераіні; над лагічна-рэчыўным сэнсам слова дамінуе эмацыянальная афарбоўка. У пэўнай меры гэта выклікана рамантычным імкненнем перадаць пачуцці поўнасцю, да канца і немагчымасцю выразіць іх у слове. Таму паэтка пры дапамозе «недагавораных слоў і сімвалічных вобразаў звяртаецца да сэрца чытача, як бы напрамую, «мінуючы логіку»³¹.

Не проціворечат, на наш выгляд, мненню літэратураведа і слова паэтэссы Р. Баравіковай: «Паэт, які падарыў сваім чытачам кнігі, узоры тонкай, пранікнёнай сапраўднай Паэзіі, перад якою бяссільны час. І гэта каштоўнасць не толькі самой паэтэсы, але і ўсёй нашай нацыянальнай культуры»³².

Думаем, што не будуць восхваленнем паэтыкі В. Вярбы і наступныя слова. «Ганарыста-вяршыстая» (Р. Баравікова) паэтэсса из Толочинщины, как знаковая личность, как художественный феномен со своими секретами заняла достойное место в антологии белорусской советской поэзии.

Вера Вярба умерла 15 июля 2012 г. Похоронена на кладбище в Колодищах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вярба, В. Белья пісьмы: Лірыка / В. Вярба. – Мінск, 1967.
2. Вярба, В. Пралеска: вершы / В. Вярба. – Мінск, 1968.
3. Вярба, В. Высакосны год: вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1969.
4. Вярба, В. Выбранае: вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1970.
5. Вярба, В. Сіняя бухта: вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1975.
6. Вярба, В. Альфа: паэмы і вершы / В. Вярба. – Мінск, 1978.
7. Вярба, В. Мая маленькая планета / В. Вярба. – Мінск, 1982.
8. Вярба, В. Яраслаўна / В. Вярба. – Мінск, 1986.
9. Вярба, В. Парус на лузі: стихи и поэмы / В. Вярба. – М., 1971.
10. Вярба, В. Маміны рукі / В. Вярба. – М., 1973.
11. Вярба, В. Снежная горка / В. Вярба. – М., 1978.

³¹ Чабан, Т. Крылы рамантыкі / Т. Чабан. – Мінск, 1982. – С. 138–139.

³² Баравікова, Р. З пшчотаю, любоўю, цеплынёю... / Р. Баравікова // Роднае слова. – 1992. – № 1. – С. 63.

АНАТОЛИЙ ВЕРТИНСКИЙ

В 1962 г. на прилавках книжных магазинов появился поэтический сборник «Песня о хлебе» («Песня пра хлеб»), автором которого был уроженец деревне Демешково Лепельского района (к настоящему времени осталась только на старых географических картах – снесена как неперспективная. – *А.Р., Ю.Р.*), выпускник Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина, журналист Анатолий Ильич Вертинский. Восемь лет понадобилось автору, чтобы оформить написанное в свою первую книгу*. Возможно это связано с журналистской работой, частыми переводами из одной редакции в другую (А. Вертинский работал в районных газетах Давыд-Городка, Каменца, Климович, Рогачева. – *А.Р., Ю.Р.*), возможно понимание высокой требовательности к поэтическому труду и своей роли в нем. Но факт остается фактом: книга написана не юношей, не студентом, а опытным автором, которому к выходу ее из печати исполнился 31 год.

С 1962 г. А. Вертинский живет в Минске. Работает литературным сотрудником, заведующим отделом газеты «Літаратура і мастацтва», литературным консультантом по поэзии в Союзе писателей БССР, главным редактором газеты «Літаратура і мастацтва». В 1975–1982 гг. был секретарем Союза писателей БССР, в 1990 г. избран депутатом Верховного Совета Белорусской ССР, был заместителем председателя Комиссии по вопросам гласности, средств массовой информации и прав человека и членом Конституционной комиссии. Член Союза писателей БССР с 1964 года. Лауреат Государственной премии БССР имени П. Лепешинского (1988). Поэтическое возмужание поэта, драматурга, критика, переводчика, журналиста А. Вертинского приходится на вторую половину 1960-х – 1970-е годы, когда из печати выйдут поэтические сборники «Три тишины» («Тры цішыні») (1966), «Время первых звезд» («Час першых зорак») (1967), «Человеческий знак» («Чалавечы знак»), «Явление» («З’яўленне») (1975), «Ветрено» («Ветрана») (1979). В 1973 г. читателям будет предложена книга «Избранное» («Выбранае»). Не менее плодотворным будут и 1980-е годы: из печати выходят книга поэзии «Свет земной» («Святло зямное») (1981), книги публицистики и эссе о литературе «Высокое небо идеала» («Высокае неба ідэала») (1980), и «Нью-Йоркская сирена» («Нью-Йоркская сірэна») (1987).

В разные годы будут написаны пьесы для детей и юношества – «Спасибо, большое спасибо» («Дзякуй, вялікі дзякуй») – поставлена в 1974 г.; «Скажи свое имя, солдат» («Скажы сваё імя, салдат») – поставлена в 1975 г.; «Гефест – друг Прометей» («Гефест – сябар Праметэя») – поставлена в 1984 г.

В издательстве «Советский писатель» в Москве будут изданы книги А. Вертинского «Возвращение: стихи» (1969), «Спасибо, большое спасибо» (1973) и «Вечный восход: стихи и поэмы» (1982).

Произведения А. Вертинского в эти годы печатаются во многих литературных сборниках – «Дзень паэзіі», «Мары юнацкія», «Універсітэт паэтычыны», «Разгарэлася зорачка ясная», «Зорка Венера», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Дзень добры, мама», «Беларуская балада», «Покліч долі адзінай», «Партызаны, партызаны», «Твой зорны час», «Далягляды» и др.

Он активно сотрудничает со средствами массовой информации. Его поэтические произведения, статьи по проблемам литературы, работы с творческой молодежью в эти

* Печататься в республиканских газетах и журналах А. Вертинский начал в 1954 г.: в газете «Чырвоная змена» были напечатаны два стихотворения – «Пути на восток» («Шляхі на ўсход») и «Ночь волнуется» («Ноч непакоіцца»), и рассказ «Дарьяна молодость» («Дар’іна маладосць»), а в журнале «Маладосць» – стихотворение «Награда» («Узнагарода»).

АНАТОЛИЙ ВЕРТИНСКИЙ

годы можно прочесть на страницах республиканских газет («Советская Белоруссия», «Звезда», «Сельская жизнь», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Настаўніцкая газета», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы») и журналов («Беларусь», «Полымя», «Малодосць», «Нёман», «Коммунист Белоруссии», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Вясёлка», «Вожык»). Поэт активно сотрудничает с редакциями областных газет («Віцебскі рабочы», «Гомельская праўда», «Магілёўская праўда», «Гродненская правда»), Минской городской газетой «Вячэрні Мінск», белостокской газетой для белорусов «Ніва».

Союзный читатель знакомится с произведениями А. Вертинского на страницах «Литературной газеты», журналов «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение».

На стихи поэта написали песни И. Лученок, Е. Глебов, Л. Захлевный, Э. Ханок.

Благодаря литературному мастерству А. Вертинского как переводчика, белорусский читатель смог познакомиться с произведениями русских, украинских, азербайджанских, грузинских, еврейских, испанских, молдавских, немецких, румынских, таджикских, узбекских, эстонских авторов.

О популярности и востребованности произведений А. Вертинского читателями других стран свидетельствуют переводы на русский, английский, болгарский, венгерский, грузинский, испанский, Канада язык, латышский, литовский, молдавский, немецкий, польский, словацкий, узбекский, французский, хинди язык, чувашский, эстонский языки.

Как однажды, весьма тонко, заметил Я. Сипаков – А. Вертинский – поэт на все вкусы и настроения, одновременно для всех читателей и для каждого в отдельности.

Безошибочно можно говорить о А. Вертинском как об авторе, который избрал для своего творчества один из самых перспективных, но малоразработанных в белорусской поэзии путей – интеллектуально-философское осмысление бытия во всем богатстве и многогранности его проявлений и вечных истинах, волнующих человечество, углубление эстетической содержательности стиха, органически включенного в систему ценностей мировой культуры (О. Русилко). В философской лирике поэта определяющим стало движение мысли к постижению сути стремительности и необратимости, мгновенности и вечности и жизнеутверждения.

Однако вернемся в начало творческого пути – сборнику «Песня о хлебе», не только положительно оцененном тогдашней критикой, но и ставшего первой писательской удачей и, по сути, заметной вехой в становлении поэтического мастерства начинающего автора. На наш взгляд, в книге органически переплелись сыновья любовь к родным стежкам-дорожкам, прошлом и настоящем земли белорусской, ее героическая, а часто – и драматическая история. Правда творческий дебют А. Вертинского некоторыми критиками оценивался, как декларативный, и даже описательный, начинающий поэт назывался **«традиционалистом, который свободнее ощущает себя в мире эмоций, а не мыслей»**.

Да, эмоции присутствовали. Но, как оказалось впоследствии, они были аналитически осмысленными, а не интуитивными. Не будет, на наш взгляд, преувеличением заметить, что А. Вертинский генетически вырос из своей первой «песни».

Правда, если обратиться, скажем, к поэме «Песня о хлебе» («Песня пра хлеб»), то, станет вполне очевидным, что не мог деревенский парень, переживший подростком голодные военные и послевоенные годы и знавший цену каждому зернышку, собранному на пожнивье хлебному колоску, писать о Хлебе сухо, рационалистично, оформляя свои мысли в научные схемы и понятия. И, конечно, в возвышенных, эмоционально-звучащих словах он будет говорить «аб хлебе самым звычайным»:

О сентябре, пропащем свежим хлебным запахом:

*Тады нам святочным караваем
Здаваўся хлеб новага ўраджая.*

Мроіўся нам ён, хлеб гэты новы,
І ў першым завялым лістку кляновым,
І ў шэпце даспелага калосся,
І ў скрыце нагружаных жытам калёсаў,
І ў раскацістай малатарні,
І ў першых дажынках брыгады ўдарнай,
І ў нейкай мелодыі мажорнай,
Што мельнік насвістаў, пускаючы жорны.

О заготовке матерью хлебной рожины для выпечки хлеба:

Яна расчыняла хлебнае цеста.
Цеста мясіла яна кулакамі.
Сценкі дзяжы абірала рукамі.
Вады падлівала, мукі падсыпала.
...Было ўрачыста і ціхаў хаце –
Хлеб з новага жыта ўчыняла маці.

О процессе брожения замешенного хлебного теста:

Хадзіла ў дзяжы рашчына ходарам.
Хадзіла-брадзіла хлебнае цеста.
Было ў дзяжы яму, цесту, цесна.
Яно шапацела, прасіла ходу,
Хацела вырвацца на свабоду.
Ды коўдра яго закрывала шчыльна,
Сачыла яна за расчынаю пільна.

О сборе кленовых листьев для выпечки хлеба:

...Ліст за лістом. Аблятаў паўкружжа...
Мы іх на ляту лавілі дружна.
Збіралі, нанізвалі іх у вязанку,
Пакуль не рабілася вязка важкай.
...Лісце ўручалі мы маці ўрачыста.
«Дык гэта ж не лісце,
А золата чыстае!
На цэлюю восень хопіць яго мне.
Вы малайцы ў мяне сягодня.
За справу такую даць вам трэба
Першую лусту новага хлеба», –
Казала маці...

Наконец, о самом процессе выпечки деревенского хлеба:

... З 'яўляецца хлебная лапата,
Прылада з ручкай доўгай, гарбатай.
І вось расцілае таропка маці
Лісце кляновае на лапаце.
На лісце сонечнае, узорнае

*Кідае цеста жменяю спорнаю.
...Становіцца цеста боханам круглым,
І матчыны рукі скрытным рухам
Садзяць яго на гарэнь гарачую,
Жадаюць, каб ён, першы, удачаю...
Час настае, і на загнеце
Дымяцца боханы лепшыя ў свеце.
Дыміцца, водар жывы выпраменьвае
Хлеб свежажытнёвы, хлеб чарэневы,
Хлеб са скарынкай
румянай,
хрусткай,
Хлеб з печы старэнькай,
цаглянай,
рускай.*

Такие вот, «лирический музей» и такие «хлебные эмоции» А. Вертинского! Поневоле им следует передать пальму первенства перед голым рационализмом, превратив его в неразрывный сплав эмоционального и рационального. А могли ли зазвучать без авторского душевного напряжения такие стихи, как «Словом, так...» («Словам, так...» – «Наш узлёт у касмічны прасцяг – справы нашай зямной працяг»), «Много есть на земле инвалидов...» («Многа ёсць на зямлі калек...» – «Многа ёсць на зямлі калек, на зямлі і ў маёй старане. Дажываць яны будуць свой век напамінкам жывым аб вайне»); «Платок» («Хустка» – «Ёсць у кожнага мара харошая. Вось і я памарыць люблю: сабяру толькі крышку грошай і табе, маці, хустку куплю»).

Красота человеческих отношений, родной ушачской природы, жизнеутверждающее эмоциональное начало, принявшее лирико-поэтическое выражение, делают по-своему привлекательными для читателя стихотворения «Зарницы» («Зарніцы»), «Ночь беспокоится...» («Ноч непакоіцца»), «Отход лета» («Адход лета»), «Мать ожидает сына» («Маці чакае сына»), «Я иду зеленым лугом» («Я іду зялёным лугам») и др.

Однако, по-иному звучит голос поэта, когда он ведет разговор о проблемах мировых, общечеловеческих и такой наиважнейшей из них, как сохранение мира на земле и предотвращение ядерной катастрофы. Почти 50 лет прошло со времени написания А. Вертинским стихотворения «Стронций» («Стронцый»). Годы, которых, казалось бы, должно было хватить для воплощения в мировом сообществе пророческих слов поэта:

*А голас з будучага
гучыць шчасліва і ўрачыста:
– Бомбы скінуты ў мора,
гарматы пайшлі на злом.
Знішчана самае страшнае
на зямлі злачынства,
Пакончана з самым вялікім
на свеце злом!*

Не ставят, как это предсказывал А. Вертинский, «стронций» и «солнце» в один ряд поэты – проявляются «стронциевые» прихоти то в Американских Штатах, то в Иране, то в Пакистане, то на Украине...

Заявив о себе многоплановым подходом к постижению противоречивых жизненных процессов второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг., А. Вертинский вошел

в белорусскую литературу как приверженец поэзии вечного обновления, поэзии высокой духовности человеческой личности, поэзии постоянной тревоги за судьбу человечества.

* * *

А теперь о поэтическом кредо А. Вертинского, которое он сформулировал следующим образом:

Для чалавека мала проста ненавідзець. Для чалавека мала проста любіць. Для чалавека мала быць проста сумленным. І проста чалавечным мала быць для чалавека.

Чалавек павінен адчуваць аказнасць за лёс другіх людзей, жыць для другіх, змагацца за агульныя інтарэсы і ідэалы.

Сформулировав таким образом свое кредо, поэт активно использует художественные средства для его практической реализации.

Определилось несколько, на наш взгляд, социально-значимых тем, захвативших весь поэтический талант А. Вертинского. И, прежде всего, это то, что он вырос «из самого себя», а главной темой своей поэтики избрал тему духовно-нравственной чистоты личности, становления ее зрелости, ее места и роли в общественной жизни. Внимание к людям труда, заинтересованность судьбами, как тех, кто живет рядом, так и тех, кто далеко, стремление разделить с ними и радость, и горе – характерные черты и лирического героя, и непосредственно авторской позиции. Именно они роднят людей, помогают им выстоять в тяжелые дни испытаний. Плакала тетушка *«па ўсіх тых, хто ў палоне-няволі, па ўсіх, хто замярае ў полі, па ўсіх тых, каму не салодка, горка плакала цётка»*. Герой А. Вертинского, или, как его характеризует сам поэт, – «дзівак-чалавек», – обладает беспокойным, творческим характером, никогда не довольствуется результатами своей деятельности, стремится к совершенствованию и самого себя, и окружающей действительности. Он *«бачыць сцяжынку гладкую, а марыць аб цяжкіх шляхах, з іх небяспечнай загадкаю»*. Несмотря на все противоречия и трудности жизни, он уверен в том, *«што ёсць дабро на свеце, што будзе дабро і што пераможа дабро»*.

Всю гамму человеческих чувств поэт резко разграничивает на две части – ненависть и любовь. В поэзии А. Вертинского любовь выступает в самом широком смысле слова как философско-этическая категория. В ней сконцентрирована и основа бытия, и мера человечности, и преданность любимому делу, и счастье любить и быть любимым: *«Я быў улюблёны. Я быў, як усе мы. І я, як звяно, уключаўся ў ланцуг любові, яе ўсепланетнай сістэмы...»*.

А еще – тема родной природы, исторического прошлого нашей Родины, определение роли литературы и литературной критики в осмыслении и художественном творении жизни, месте поэта и писателя в этом процессе, внимание не только к таким корифеям русской поэзии, как М. Лермонтов и Н. Некрасов, но и к товарищам по перу (В. Быков, А. Макаенок, Е. Лось, А. Дракохруст, К. Цвирка, Э. Скобелев, О. Лойко, О. Ипатова, В. Зуенок, Е. Янищиц, А. Рязанов, Г. Буравкин и др.). И во всем литературно-творческом поиске налицо жажда света, света надежды и света вдохновения, *«святла ідэалу і святла чалавечнасці» (В. Бечык)*.

Заглубляясь в многоплановую лирическую стихию, поэт рассуждает, осмысливает непосредственно пережитое и увиденное, постоянно соотносит свои личные впечатления с глубоким философским осмыслением природы, общества, Человека, стремится донести до читателя непосредственность и полноту собственного художественного прочтения этих проблем.

Однако, обо всем по-порядку.

Здесь нет манерничая или подслаживания, здесь есть свой стиль, свой способ мышления, свои художественные образы.

На наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что стихи и поэмы, рецензии и эссе, критические статьи и выступления в периодической печати – все это направлено на совершенствование человеческой личности, становление и развитие человеческого в человеке. Поэтому и главный герой, и главный адресат его творчества – это Человек, который *«з няпраўдай не мірыцца і з крыўднаю праўдай не хоча мірыцца – хоць кол на галаве чашы»*. Однако не следует думать, что поэт лишь потворствует такому человеку. Напротив, он ведет активную, непримиримую борьбу с тем, что унижает человеческую личность, отрицательно сказывается на ее духовном развитии. *«Усяму мы навучыліся – паляваць, шумець, фальшывыя слёзы праліваць, быць задуменымі, быць спакойнымі, іншая справа – стаць чалавечным»*, – с публицистическим закалом подкрепляет поэт.

Уместно сослаться на мнение **известного литературоведа и литературного критика Р. Березкина, который свое мнение высказал уже после выхода в свет из печати второй поэтической книги А. Вертинского «Три тишины»**.

«На фоне многіх і многіх даволі бяздумных «лірычных» вершаў пра «басаногае дзяцінства», якія не ішлі далей цвёрда завучаных «эмацыянальных» стэрыятыпаў, добраю навіною і абяцаннем новых адкрыццяў прагучалі вершы Вярцінскага з іх аналітычнай тэндэнцыяй, з іх нязвычайным інтанацыйным ладам і прынцыпова «непаэтычным» сінтаксісам»¹.

Такие стихи, как «О величии» («Пра веліч»), «К вопросу о склерозе» («Да пытання аб склярозе»), «Комплекс неполноценности» («Комплекс непаўнацэннасці»), «Безразличие» («Абыякаваць»), «О досках мемориальных и обычных» («Пра дошкі мемарыяльныя і звычайныя») *«з іх акцэнтам на думку мелі, паўтараю, станоўчае значэнне для нашай маладой паэзіі, бо разбуралі кантэксты лірыкі, якая толькі і спадзявалася на інтуітыўнае, на «душэўны» стэрыятып і штамп, на бяздумнасць»*.

Не преувеличивая, заметим, что стихи из двух первых книг А. Вертинского закрепили в поэтической душе стремление к работе мысли и чувства, ведущих к движению самого стиха, вызывающего у читателя глубокое чувство логикой силлогизмов и выводов. И в таком вот стремлении и рождаются **«высокія імгненні жыцця» (А. Семенова), «імгненне разабрацца не толькі ў пачуццях – у паняццях, у тэрмінах» (Р. Березкин)** и творчества – бескомпромиссного, смелого, интеллектуального.

Во имя такой вот высокой человечности А. Вертинский в своем творчестве постоянно обращается к проблемам, имеющим злободневное общественное звучание, ищет и анализирует связи лирического героя с общественной жизнью и психологией людей, ведет на атаку, на сытость, на внутреннюю бессмысленность бесцельного, «осторожного» существования:

*Ідзі! Адольвай самавукам –
Няма ж узору навакол! –
Сваю нялёгкую навуку,
сваю цяжэйшую са школ!
Ідзі! Хоць век,
хоць цэлю вечнасць! –
Як ходзяць ветры супраць рэк.
Ідзі і помні: чалавечнасць,
Яна – ад слова «чалавек»².*

¹ Бярозкін, Р. «...Каб перадаць само гарэнне» / Р. Бярозкін // Маладосць. – 1973. – № 10. – С. 147–148.

² Вярцінскі, А. Святло зямное: выбраныя вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 77.

Поэт выступает за высокую требовательность в основных принципах человеческих взаимоотношений: «Абыякаваць – душэўная подласць. Хібам нашым ёсць апраўданне, подласці апраўданна няма». Свое поэтическое мастерство поэт направляет против пассивно-потребительского отношения к жизни, против равнодушия и приспособленчества, лжи и обогащения. Нельзя не согласиться с его следующим утверждением:

*Та кажаш, сяброў усё менш і менш?..
Гаворыш аб гэтым, як аб драме?
Ды горшае – гэта сціранне меж
паміж непрыяцелямі і сябрамі³.*

Но особенно остро А. Вертинский высмеивает такое зло, ведущее к потере человеческого в человеке, как мещанство во всех его проявлениях, открытое или завуалированное, потенциальное или очевидное, бытовое или духовное:

*Тут хоць крычы,
хоць памірай –
будзе маўчаць пустынны край.
Будзе маўчаць край
пясчаны...
Маўчаць мяшчане...⁴*

Он категорический противник духовного бездействия человека: «...жыццё, як марудлівае існаванне, не жыццё, а прывід». Он за постоянное обновление в природе, за то единственное чувство, «якое здольнае стварыць і параджаць». В стихотворении «О дерзании» («Пра дзярзанне») поэт формулирует правило, которое, по его мнению, должно стать главным законом жизнедеятельности каждого человека: «Дзярзаць – значыць жыць! Жыць – значыць дзярзаць!».

Поэт постоянно борется за духовность личности, ее беспокойный, поисково-творческий характер, активность ее жизненной позиции:

*Хай там узлёт ці падзенне,
удача ці няўдача, –
толькі ні дня без падзеі,
без радасці і без плача.
Толькі ні дня без надзеі⁵.*

Это строки не просто взяты нами из «Оптимистического стихотворения» («Аптымістычнага верша») – этого своеобразного гимна входящего в тогочасную поэзию А. Вертинского, – гимна развитию, очищения природы, общества и Человека. Поэт однозначно выступает за то,

*каб нешта рабілася,
каб нешта адбывалася,
каб хмара аб хмару білася.
І дажджом праліваліся.
Трэба, каб пчолы раіліся,
трэба, каб песні складаліся,*

³ Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 34.

⁴ Вярцінскі, А. Тры цішыні: вершы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1966. – С. 27.

⁵ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 222.

*трэба, каб гнёзды ствараліся,
Каб людзі сустракаліся,
зналіся ў дружбе шчырай,
каб зналіся-кахаліся
мужчына і жанчына⁶.*

При этом позиция лирического героя поэта не созерцательная. Он всегда готов на помощь человеку («*Як памагчы чалавеку? А памагчы яму я павінен... бо хто ж яму паспа-чувае, калі не я, такі ж, як ён, чалавек!*»), его трогает, волнует чужая беда, он не остается равнодушным к человеческому горю, не хочет и не имеет права жить по принципу «мая хата с краю»:

*Бачу я: нехта некага любіць.
Гэта іх справа,
гэта іх права.
Бачу я: нехта некага губіць.
Тут і мая ўжо справа⁷.*

В лучших своих произведениях поэт стремится, чтобы каждое его слово было конкретным, адресованным той или другой категории читателей, находило своего адресата. Вот он задает вопрос педагогу: «*Ці ты ўсё думаеш, што трэба выхоўваць толькі малых, малых, а не сябе саміх?*», вот стремится разбудить в человеке стремление к интеллектуальной активности: «*Думайце, хлопцы, думайце, інакш бяда, склярроз*».

Духовность личности А. Вертинский исследует многопланово. Или через спокойный, рассудительный подход к пониманию повседневной жизнедеятельности, или с позиции высокой гражданской озабоченности и внимания к закономерностям и противоречиям времени, или через личностно-обостренное чувство ответственности за все происходящее вокруг и веру в безграничные возможности человека как творца и судьбы личной, и судьбы планетарной. Поэт не дает читателю возможности оставаться безразличным, равнодушным. Он постоянно советуется с читателем, берет его в соавторы, приглашает к размышлениям над многообразием общественной жизни.

На наш взгляд, философско-эстетическое осмысление мироздания наиболее ярко нашла свое выражение в книге поэзии «Ветрено», в которой лирический герой ведет разговор с читателем «*пра сённяшні дзень*», *пра маральныя каштоўнасці жыцця, пра шчасце і каханне, пра складаныя ўзаемаадносіны ўнутранага і вонкавага свету чалавека*». Пытаясь постичь разнообразную лирику и прозы, и поэзии жизни, поэт через свой уникальный стих (заметим, не перенасыщенный метафорами) хочет сделать человека добрейшим, даже определить для него «самый высокий идеал». И в этом идеале он видит и лирическую поэму «*надвор'я за метэаралагічнымі звесткамі, гістарычнымі экскурсіямі і лірыка-псіхалагічнымі эцюдамі*», и собственную гражданскую ответственность, и тревогу, при чем не за себя, а и за живущих рядом с ними людей. Читаем «Высокае неба ідэала»:

*Мая душа чалавечная спала,
вякамі спала да той пары,
пакуль не ўбачыў цябе ўгары,
пакуль нада мной ты не
заззяла, –
высокае неба ідэала!*

⁶ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 221.

⁷ Там же. – С. 225.

*Калі адкрыў я цябе аднойчы,
убачыў сябе з тваёй вышыні, –
сталі іншымі мае ночы,
сталі іншымі дні.
Ты новым сэнсам іх асвятляла,
высокае неба ідэала!⁸*

Именно «высокае неба ідэала», как пишет поэт, возвращает нам улыбку, когда мы мрачны, мудрость и рассудительность, когда мы разгневаны; силы, когда болеем; свежесть, когда стареем. Именно оно и зовет вперед каждого из нас, выбирает нам друзей, наделяет чувством неудовлетворенности, служит надежным ориентиром в быстроме-няющемся мире. Именно оно не дает нам покоя, оберегает от духовной спячки:

*Да ты мяне зноў уздымала...
...зноў уздымала і вяло,
зноў хвалявала, бунтавала,
давала сілы і святло,
усяму нізкаму назло...⁹*

И в достижении каждым своего «высокага неба ідэала», по А. Вертинскому нет места застою, безразличию, созерцательности. Вот он – поэтический гимн человеческой активности:

*Павей, павей, ветру...» –
народная песня спявае.
Зачыну такога без ветру знайсці не змаглі б.
Стыхія жывая
спявае, гудзе, павявае...
Бязветранасць – гэта
нямы, бяспесенна-мёртвы зыб!¹⁰*

Обратимся к поэме «Сколько лет, сколько зим!» («Колькі год, колькі зім!») из книги «Ветрено». Казалось бы, в поэме речь пойдёт о природных явлениях, о погоде и климате:

*Якое надвор'е на двары?
Пытанне старое, адказ не стары.
Бо ў новага дня надвор'е новае.
Няважна, зімовае ці вясное,
няважна, пагоднае, ці суровае,
заўсёды новае, чорт пабяры!¹¹*

Однако разговор поэт ведет, главным образом, «пра клімат быцця, надвор'е душы, пра надвор'е маральнае», где бы погода не имела места – на сегодняшней планете, в истории, в жизненных фрагментах каждой отдельной личности. Постигание социальных и природных процессов, ведущих к обновлению жизни и умение художественным словом превратить эти процессы в мощное средство развития непосредственно самого Человека – в этом и заключается суть философско-эстетического осмысления бытия:

⁸ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 124.

⁹ Там же. – С. 125.

¹⁰ Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 84–85.

¹¹ Там же. – С. 73.

*Прырода была разам з намі
ў нечым самым істотным,
у не глыбінным, адвечным
з намі была заадно.
Яна нас вучыла цярпліва,
як быць у змаганні нястомным,
спрыяла нам верыць і марыць,
натхняла рабіць дабро...¹²*

И в это осмыслении видится неразделимая троица – философия, публицистика. Поэзия.

Свои рассуждения о поэтической борьбе А. Вертинского за Человека, его подлинно-значимое место в обновлении жизни, завершим следующими авторскими строками:

*Жыццё даецца, каб жыццё тварыць.
Маральны самы, самы натуральны
Пачатак гэты вось жыццестваральны.
Інакш – якая ад жыцця карысць?
Тварыць!
Жыццё даецца, каб жыццё тварыць,
Не марнаваць, не нішчыць, ні бурыць, –
Тварыць!¹³*

Военное лихолетье... Подростковая память, запечатлевшая его драматические и трагические события, через два десятилетия нашла свое эмоционально-пламенно-публицистическое выражение во многих произведениях А. Вертинского. Назовем некоторые из них «Баллада о сожженной деревне и живом петухе» («Балада пра спаленую вёску і жывога пеўня»), «Рассказ накануне лета» («Апавяданне напярэдадні лета»), «Много есть на земле инвалидов», «Их последняя воля» («Іх апошняя воля»), «Мать ожидает сына» («Маці чакае сына»), «Бой» («Бой»), «Перед отцовской могилой» («Перад бацькавай магілай»), цикл стихотворений-зонгов из либретто оперы по мотивам повести В. Быкова «Волчья стая» («Воўчая зграя») и др.

Тема эта неподвластна времени. Память о противлстоянии фашизму идет за людьми «след в след» идет за всеми «многа зім і лет». Для людей, не испытавших ужасов войны, эта память, «то зоркай ранішняй задрыжыць, то хваллю азёрнай набяжыць». Даже яркий заход солнца ежедневно напоминает о тех трагических днях и ночах. И не могут встретить гостей «хлебом ды соллю, крынічнай вадою» жители сожженных деревень. Голоса их звучат для потомков тяжелым стоном в хатыньских колоколах:

*– Не можам прывеціць, не можам праводзіць.
Не мы на сяле – цені нашыя ходзяць.
Ні бачыць, ні чуць,
ні слова сказаць мы не ў стане...
Мы попелам сталі,
мы попелам сталі
мы попелам сталі...¹⁴*

¹² Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 102–103.

¹³ Вярцінскі, А. Хлопчык глядзіць... Выбраныя вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1992. – С. 284.

¹⁴ Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 47.

Было бы, на наш взгляд, непростительной ошибкой не адресовать читателя к авторским воспоминаниям о войне: «...Вайна настрайвала нас, падлеткаў, на гераічна-ратны лад. Нам хацелася ваяваць, мы прыхоўвалі на гарышчы зброю (які-небудзь, без твора аўтамат або заржавелы вінтовачны ствол) і марылі аб тым, як уцякчы з дому і пайсці ў партызаны (спасылаючыся на свой, але тыповы вопыт). Некаторыя з нас трохі і партызанілі – выконвалі заданні як сувязныя і разведчыкі. Памятаю, сам некалькі разоў падвозіў ноччу партызанаў у пушчу і вяртаўся скрозь ноч у вёску, сам-насам са сваім конікам. Было вусцішна, было страшна.

...Быў і такі бок у вайны. І было нешта горшае, больш драматычнае і трагічнае... Нямецкая засада недалёка ад нашай хаты... Начны бой... Пажар... Трывожнае абуджэнне... Чорны труп партызана на заснежаным агародзе. Напружанае чаканне нейкай непазбежнай развязкі... Поўная няўпэўненасць у заўтрашнім дні, у бліжэйшых гадзінах... І зноў труп – на гэты раз мышаста-зялёнага немца на зялёнай абочыне... Словам – вайна, словам – смерць, гібель, знішчэнне, няўпэўнасць, хаос...»¹⁵.

Своеобразным ядром стихотворений А. Вертинского о войне является поэма «Реквием» (о каждом четвёртом) («Рэквіем») (аб кожным чацвёртым), написанная, как говорят, на одном поэтическом дыхании. Драматическое напряжение и глухая боль, лирическая задумчивость и публицистические размышления, глубокие переживания и горькая правда слов о каждом четвертом белорусе, погибшем в годы Великой Отечественной войны. Обратим внимание читателя на эпиграф к поэме. Сконструированы по принципу контраста из газетного сообщения и двух строк из народной песни «У час мінулай вайны загінуў кожны чацвёрты беларус» и «Ой, хацела мяне маці за чацвёртага аддаці». Эти два предложения, поставленные рядом, впечатляют, как душевный крик, как трагическая молитва. Вот она «непоэтическая» статистика «Реквиема»: «Кожны трэці быў змораны, скалечаны і знявечаны. Кожны другі на целе меў раны, апёкі ці шрамы. І ўсе мы, усе мы мелі на душы сваёй раны»¹⁶. Но статистика эта не учитывает тех, кто, не залечив раны, умирал рано, тех детишек, что подрывались и даже в 1960-е годы гибли от вражеских мин:

*Лічым: кожны чацвёрты,
а той рахунак прыблізны,
а той рахунак няцвёрды,
а ўрон яшчэ больш вялізны»¹⁷.*

Своего наиболее высокого драматического напряжения боль потерь достигает в эпилоге «Реквиема» – «Уроку спражэння».

И этот урок, на наш взгляд, должен сегодня знать и постоянно помнить каждый человек, кому дорог мир на нашей планете. «Я іду, ты ідзеш, а ён не ідзе, ён мёртвы. Я пяю, ты пяеш, маўчыць кожны чацвёрты. Мы ідзём, ідзяце вы, грунт пад нагамі цвёрды. Яны не ходзяць – нежывы, кожны чацвёрты. Любім мы, любіце вы. Колькі дзятвы, травы, сінявы! – Хоць сэрца насцеж разгортвай. А каб яшчэ ды быў жывы кожны чацвёрты»¹⁸.

Из памяти человеческой, утверждает поэт, никогда не должны стереться картины той все уничтожающей огненной стихии:

*Такога агню не знала зямля,
стыхіі лютай такой.
Вёска гарыць сярод белага дня,*

¹⁵ Вярцінскі, А. Убачанае перажытае, перажытае убачанае / А. Вярцінскі // Маладосць. – 1975. – № 5. – С. 168.

¹⁶ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1982. – С. 63.

¹⁷ Там же. – С. 64.

¹⁸ Там же. – С. 64.

*горад гарыць за ракой.
Хаціны гараць,
горка ім паміраць,
а галоўнае – людзі гараць¹⁹.*

Трагизм уничтожения фашистами мирных жителей становится ещё более осязаемым, когда читаешь следующие строки из поэмы «Сколько зим, сколько лет!»:

*Цямнелі сады крываваых спраў.
Ішоў снег.
Снег мёртвым вочы закрываў.
Ішоў снег.
Сталі пажарышчы затухаць.
Ішоў снег.
Сталі стогны заціхаць.
Ішоў снег.
...Стаў снег ісці. Стаў снег кружыць.
Ішоў снег.
Жывым жывое... Трэба жыць.
Ішоў снег²⁰.*

Поэтическое и одновременно гневное осуждение войны. В нем не только проявление воли и желания тех, кто выжил и кто победил. Но это также и выявление предсмертной воли, погибших в борьбе с фашизмом: «*І справа не толькі ў тым, –* считает А. Вертинский, *– каб услаўляць подзвіг народа. Справа яшчэ ў тым, каб самым непасрэдным чынам асацыіраваць памяць з сучаснасцю, успаміны – з сённяшнімі думкамі і пачуццямі, з поглядам у заўтрашні дзень. Каб, іншымі словамі, пераплаўдзяць у нашых творах боль і смутак у любоў да жывых, у добрыя справы і пачуцці*». И свои мысли поэт эмоционально-публицистически выразил в стихотворении «Их последняя воля»:

*Мы лад ваш зямны спакойны
сніць будзем у вечным сне.
Былі сусветныя войны,
сусветнага міру – не.
Вы паўшымі даражыце.
Ды першая ўвага – жывым.
Адзін аднаго беражыце,
дужыце адзін з адным.
Вы нам не шкадуйце самотных,
журботных пачуццяў сваіх.
Ды лепшая памяць аб мёртвых –
наша любоў да жывых²¹.*

Конечно, потери, нанесенные войной, всегда будут невозвратимыми. Но жизнь продолжается. Несмотря на локальные конфликты, на планете господствует «МИР», хотя, нет-нет, да и проявляется желание отдельных политиков, диктовать свои условия мирового развития «с позиции силы». Поэт решительно предупреждает:

¹⁹ Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 48.

²⁰ Там же. – С. 76–77.

²¹ Вярцінскі, А. Убачанае перажытае, перажытае убачанае / А. Вярцінскі // Маладосць. – 1975. – № 5. – С. 169.

*Гэй, зруганнё, няма чаго кружыць!
Невынішчальныя жыццё і людзі.
Радзіўся чалавек...
І, значыць, будзе жыць
і прадаўжацца чалавецтва будзе!²²*

Поэтически постигая духовность Человека, А. Вертинский постоянно и философски-заглубленно исследует его интимные стороны жизни, видит в Любви закон жизни, наивысшую силу проявления самой высокой морали и энергии личности.

*– Што значыць сапраўдным другам быць?
– Любіць.
– Што значыць аддана справу рабіць?
– Любіць.
– Што значыць дарогу ў жыцці не згубіць?
– Любіць.
– Што значыць зямное шчасце здабыць?
– Любіць²³.*

Назовем лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее привлекательные из интимной лирики произведения: «Милая, это не предательство» («Мілая, гэта не здрада»), «Праздник» («Свята»), «Я жил высоко на дворе» («Я жыў высока на двары»), «Пока не было тебя» («Пакуль не было цябе»), «Была возвышенность порыва...» («Была ўзрушанасць парыву...»), «Элегия ожидания» («Элегія чакання»), «Появление» («З'яўленне») и др. Самое большое счастье для лирического героя любить, «знаць пшчоту, што ўмее з дзвюх істот рабіць адзіную істоту» (стихотворение «Эдит Пиаф хочет любви» («Эдзіт Піяф хоча любві»). Так же, как и самая большая боль в расстояниях, во взаимном непонимании любящих друг друга людей. «У чым жа тут прычына? Віноўны ён ці жанчына? Нялёгка даць адказ», – рассуждает поэт в почти шуточной современной песенке «Гора с горой не сходятся...» («Гара з гарой не сходзяцца...»).

Высокая гражданственность любовно-интимной лирики А. Вертинского, ее эмоциональная наполненность, деликатность, загубленность во всеобщность бытия, в самые глубинные душевные струны своих героинь, как символа чистоты и светлости, в психологизм, на наш взгляд, достигает своего апогея в двух следующих стихотворениях. В первом, по А. Вертинскому, и таится вся «философия любви», которая может захватить в свой « плен » любого влюбленного и любимого, любого эстета и в дни сегодняшние, и даже завтрашние:

*Мужчына. Жанчына. Чаканне.
Шуканне. Блуканне. Час.
Жанчына. Мужчына. Спатканне.
Вітанне. Пытанне. Адказ.
Мужчына. Жанчына. Дыханне.
Сэрцабіццё. Забыццё.
Жанчына. Мужчына. Каханне.
Мужчына. Жанчына. Жыццё²⁴.*

²² Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 49.

²³ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 202.

²⁴ Там же. – С. 272.

АНАТОЛИЙ ВЕРТИНСКИЙ

Во втором («Весенний закон» – «Вясновы закон»), думается, образующая жизнь – любовь читается как весеннее пробуждение природы, каждый год снова и снова обуждающее в человеке тягу к продолжению жизни:

*Закон адвечны і мудры:
калі сустрэнуць вясну,
жанчыны скінуць футры,
дрэвы накінуць лісту.
Будуць, па тым законе,
жанчыны нас хваляваць,
а дрэвы супакойваць,
думкі навяваць...²⁵*

Два небольших стихотворения, соединяющие чистый лиризм с психологизмом, бытовосприятие с философским ее обобщением, с одной стороны, будят читательскую мысль, наполняют ее общечеловеческим опытом, формируют стремление к поэтическому осмыслению жизни, с другой, дают возможность автору через преломление извечных проблем бытия отразить как можно глубже в опыте лирического героя мир современника, проблемы, его волнующие.

Привлекательным для читателя, на наш взгляд, выступает стремление поэта ввести его в мир категорий философии и морали и особенно таких, которые насыщают поэзию подтекстовостью, интеллектуальностью, делают ее более доступными для конкретного восприятия. В поэтических произведениях А. Вертинского находим толкование таких категорий философии и морали, как **«время»** (именно оно «хлуснёю назаве хлусню, а мітуснёю – мітусню, нядоўгае – нядоўгім, нядобрае – нядобрый, нячыстае – нячыстым, злачыннае – злачынным»), **«добро»** («не тое лепшае, што навейшае, а тое лепшае, што раднейшае. Не тое лепшае, што вышэйшае, а тое лепшае, што бліжэйшае. Не тое, лепшае, што прыгажэйшае, а тое лепшае, што даражэйшае...»), **«правда»** (это то, «што відавочна», «што можна ўбачыць і ўчуць», «што можна сэрцам адчуць і нават у сне бачыць штоночна»), **«истина»** («Шаную ісціну я больш за ўсё на свеце і з ёй спакойна, радасна памру...»).

Нельзя не отметить, что философско-нравственную проблематику значительно обогащает глубокое проникновение поэта в народное творчество, использование им форм народного языка, устойчивых фольклорных образов. Влияние устного народного творчества прослеживается и в том, что многие поэтические строки звучат как афоризмы. Вот, примеры: «*Нашто бяссрэбранікам серабро – пасрэдных людзей пасрэднік*», «*Не ўсе хочуць быць добрымі, ды хочуць усе дабраты*», «*Расстаёмся з самім сабою – нехта з боем, а нехта без бою*», «*Самае лепшае свята на зямлі, калі яго спраўляюць двое*».

* * *

И несколько слов о двух книгах прозы. Первая «Высокое небо идеала» посвящена проблемам литературной критики и публицистики. Вторая – «Нью-Йоркская сирена»* – прозаическое продолжение американского цикла стихов из книги поэзии «Ветрено», написанных под впечатлением от посещения Соединенных Штатов Америки. И пусть они посвящены разным проблемам общественного развития того времени (литературное на-

²⁵ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 261.

* В 1988 г. за книгу «Нью-Йоркская сирена» поэту присуждена Государственная премия БССР им. П. Лепешинского (в области публицистики).

следие, творчество белорусских поэтов и прозаиков, интернациональные связи белорусской советской литературы или социально-экономические и политические проблемы США), в осмыслении каждой из них можно найти, где в большей, где в меньшей степени, то, что их роднит, что в конечном итоге можно сформулировать как высокий дух жизнеутверждения, дух человечности.

«Нью-Йоркская сирена» – за границами нашего исследования. Скажем лишь, что насыщенная попыткой автора осмыслить американский образ жизни, «долларовую цивилизацию», всеобъемный американский бизнес, А. Вертинский насытил книгу «прелестями художественной» жизни Нью-Йорка (наркомания, гомосексуализм, бандитизм (т.н. культурологическими ассоциациями). Именно его гуманистическое постижение и оформление в художественных образах позволило еще раз донести до белорусского читателя тот образ тогочасной Америки, которая для него оставалась практически недоступной. Заметим, что вторая часть книги – менее впечатляющая, это авторские заметки об участии в работе XXXII сессии Генеральной Ассоциации ООН, его личные впечатления о работе белорусской делегации.

В каждой из книг есть свои, скажем так, смыслообразующие позиции не только дополняющие философско-этическую направленность поэтических произведений, но и раскрывающие страстность гражданской позиции автора, его острое восприятие несправедливости в отношении к *его* Человеку. Лишь один из примеров – статья «Моральный долг поэта» («Маральны абавязак паэта») из книги «Высокое небо идеала». «Грамадзян-скасць, – пишет А. Вертинский, – гэта жывое натхненне, жывая страсць, жывая думка, жывая боль. Кан'юнктурышчына – не тое, не другое і не трэцяе. Паэт-грамадзянін унутрана пераплаўляе тэму, кан'юнктурышчык спекулюе на ёй. Грамадзян-скасць – сапраўды талент нялёгкі, паэт-грамадзянін змагаецца «за убежжэння, за любовь», піша крывёю сэрца. Кан'юнктурышчык ад паэзіі ні за што не змагаецца, па сутнасці, і піша нечым рэдзенькім, падфарбаваным пад колер крыві, ці то ў ружаваты, ці то ў чырванаваты колер. Грамадзян-скасць і кан'юнктурышчыну ў паэзіі можна параўнаць адпаведна з ветразем і флюгерам. А як той і другі сябе паводзяць, скажам, у ветранае надвор'е, – мы ведаем. Ветразь змагаецца са стыхіяй, флюгер паварочваецца разам з ветрам, капіруе яго напрамкі»²⁶.

Удачно дополняют требовательную позицию А. Вертинского к поэтическому творчеству слова из его ответов на анкету газеты «Чырвоная змена» и, в частности, на вопрос «У чым заключаецца майстэрства пісьменніка?»: «На гэтае пытанне можна адказаць проста: у тым, каб быць пісьменнікам. Праўда, тады можна спытаць: а што такое – быць пісьменнікам? Але гэта ўжо іншае пытанне. Анкету ж цікавіць праблема майстэрства.

Шчыра кажучы, мне не вельмі падабаецца, як мы часта маніпуліруем гэтым паняццем у дачыненні да паэзіі, да літаратуры ў цэлым. Я ўжо аднойчы гаварыў, што ўся справа ў тым, як разумець яго, гэтае самае майстэрства. Бо калі разглядаць яго як умельства, як навык, як валоданне сумай адпаведных тэхнічных прыёмаў, то тады можна ўзнікнуць недаўменнае пытанне: ну а пры чым тут паэзія, паэтычная творчасць? Такое, у двухосі, майстэрства будзе асацыяравацца з вершатворствам, з рамесніцтвам. А вершы не робяцца, вершы нараджаюцца. Сапраўдныя паэтычныя творы ўзнікаюць як вынік працы думкі і душы, з'яўляюцца формай духоўнага быцця чалавека.

...Быць гранічна праўдзівым у сваім слове, быць самім сабой у сваёй творчасці – ці не ў гэтым і заключаецца сапраўднае майстэрства»²⁷.

²⁶ Вярцінскі, А. Высокае неба ідэала / А. Вярцінскі. – Мінск, 1980. – С. 185–186.

²⁷ Чырвоная змена. – 1980. – 1 чэрв.

АНАТОЛИЙ ВЕРТИНСКИЙ

Получивший признание в белорусской поэзии А. Вертинский неожиданно рассуждает о том, что именно народная тропа к «народной» поэзии и, в первую очередь, к поэзии А.С. Пушкина может помочь авторскому реальному воплощению или тяготению к поэзии, или укреплению связей в этом тяготении. Именно на болдинской земле у поэта возникла потребность в переводе пушкинских строк на белорусский язык. Приведем известные читателям со своего детства строки в переводе А. Вертинского:

*Падымаем і зрушым бакал
да бакала!
Каб розум свяціўся,
каб муза натхняла!
Ты, сонца святое, гары!
Як гэта лампада бляднее
Прад ясным усходам зары,
Так мудрасць уяўная гасне
і тлее
Прад розумам, поўным святла!
Хай сонца зазьяе, хай знікне
імгла!²⁸*

Вторая половина 1960-х – начало 1990-х годов – это пора творческой зрелости А. Вертинского, зрелости, в которой определяющим критерием человечности выступают высокородность и самопожертвование. Его произведения – это образец того, с какой художественной мерой, сдержанностью и душевной деликатностью следует говорить о Человеке, его тревогах и заботах. **Нельзя не согласиться с поэтессой О. Русилко, считающей, что «поспех філасофска-заглыбленай, эстэтычнай, вартаснай паэзіі А. Вярцінскага найперш у маштабнасці і цэласнасці асобы аўтара, асобы адраджэнскага тыпу, мэта існавання якой заключаецца ў бескампрамісным сцвярджэнні гармоніі, справядлівасці, прыгажосці як асновы быцця»²⁹.**

Думаем, что достичь своего «высокого идеального неба» А. Вертинский смог благодаря обогащению поэтической формы самыми разнообразными приемами стихосложения – классической рифмованной силлаботоники, белого стиха, верлибра, полиметрических произведений. Или как писал Е. Шпаковский «техника у него чрезвычайно развитая, вытонченная, виртуозная». Успешно развивалась поэтика А. Вертинского и в постсоветское время.

Подводя итог, нельзя не привести стихотворение народного поэта Беларуси Н. Гилевича:

*Чалом табе, паэт Вярцінскі,
Паэт-мудрэц, паэт-філосаф!
Ты – не з натоўпу безгалосых,
Чалом табе, паэт Вярцінскі!
Твой дар, ахрышчаны ў нябесах, –
Дар вешчых слоў, а не віцыйскіх*

²⁸ Вярцінскі, А. Высокае неба ідэала: літаратурная крытыка і публіцыстыка / А. Вярцінскі. – Мінск, 1980. – С. 223.

²⁹ Русілка, В. Анатоль Вярцінскі / В. Русілка // Літаратурныя постаці Віцебшчыны. – Віцебск, 2008. – С. 74.

*Чалом табе, паэт Вярцінскі,
Паэт-мудрэц, паэт-філосаф!*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бечык, В. На аснове чалавечай роднасці... (Анатоль Вярцінскі) // В. Бечык. Перад високаю красою. – Мінск, 1984.
2. Вярцінскі, А. Песня пра хлеб / А. Вярцінскі. – Мінск, 1962.
3. Вярцінскі, А. Тры цішыні: вершы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1966.
4. Вярцінскі, А. Чалавечы знак: вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1968.
5. Вярцінскі, А. Выбранае: вершы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1973.
6. Вярцінскі, А. З'яўленне: вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1975.
7. Вярцінскі, А. Час першых дарог: вершы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1976.
8. Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979.
9. Вярцінскі, А. Высокае неба ідэала: літаратурная крытыка і публіцыстыка / А. Вярцінскі. – Мінск, 1980.
10. Вярцінскі, А. Святло зямное: выбраныя вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981.
11. Вярцінскі, А. Нью-Йоркская сірэна / А. Вярцінскі. – Мінск, 1987.
12. Гніламёдаў, У. Вершы мае пісьмы (Анатоль Вярцінскі) / У. Гніламёдаў // *Ля аднаго вогнішча.* – Мінск, 1984.
13. Русецкі, А. Ісці да людзей (Анатоль Вярцінскі) / А. Русецкі // *Ісці да чалавека.* – Мінск, 1987.
14. Русілка, В. Анатоль Вярцінскі / В. Русілка // *Літаратурныя постаці Віцебшчыны.* – Віцебск, 2001.
15. Сямёнава, А. Гарачы след таленту / А. Сямёнава. – Мінск, 1979.

НИКОЛАЙ ГОНЧАРОВ

В начале 1960-х гг. на суд читателя представил свои первые книги «Твои друзья» (1960) и «Весенняя завязь» (1962) поэт, график и искусствовед Николай Иванович Гончаров (родился 8 мая 1934 г. в деревне Заполье Витебского района, умер 25 ноября 1991 г. Похоронен на Московском кладбище г. Минска). Окончил Витебское художественно-графическое училище и художественное отделение Московского полиграфического института.

Свое дальнейшее развитие творческое начало поэта получит во второй половине 1960-х – начале 1990 гг. Книги для детей писал на русском языке, искусствоведческие работы – на белорусском.

Основная библиография этих лет выглядит следующим образом: «Мишка-пилот: стихи» (1966), «Космачев Константин Михайлович» («Касмачоў Канстанцін Міхайлавіч») (1970), «Карусель: стихи и сказки» («Карусель: вершы і казкі») (1971), «Георгий Поплавский» («Георгій Паплаўскі») (1974), «Арлен Кашкуевич» («Арлен Кашкурэвіч») (1976), «Искусство мужества и героизма» (1976), «Космолет: стихи» (1979), «Сергей Романов» («Сяргей Раманаў») (1979), «Василий Шарангович» («Васіль Шаранговіч») (1981), «Праздники: Стихи» (1982), «Земля в цвету: стихи» (1983), «Космонавтом быть хочу: стихи. Сказки» (1984), «Белорусская книжная графика» («Беларуская кніжная графіка») (1984).

Читатели постоянно встречались с произведениями Н. Гончарова. Его печатали союзные издания – газеты «Комсомольская правда», «Труд», журналы «Юность», «Советский воин», республиканские газеты («Сельская газета», «Знамя юности», «Голас Радзімы», «Літаратура і мастацтва»), журналы («Беларусь», «Работница і сялянка», «Рабочая смена», «Сельское хозяйство Белоруссии», «Бярозка», «Вясёлка», «Вожык»). Частыми были публикации в областных газетах («Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Гомельская праўда»), Минской городской газете «Вячэрні Мінск», коллективных литературных сборниках «Дзень паэзіі». А ещё была кропотливой оформительская работа книг для детей («Детство за колючей проволокой», «Свет на дороге» и др.). Его произведения в эти годы переводятся на армянский, молдавский, таджикский, узбекский, украинский, эстонский языки.

Однако вернемся к первой книге лирики (всего 28 стихотворений), которая посвящена, главным образом, двум темам – памяти о войне и воспеванию родной природы. И это понятно: во время Великой Отечественной войны он вместе с родителями был вывезен в Германию, вернулся на Родину лишь в 1945 г. А потом его детские и юношеские годы проходили в красивейших местах Витебско-Суражского края с его привлекательными пейзажами, бурной Западной Двиной, лесами и перелесками.

Вот она, память о войне, – стихи «Отцовская фуражка», «Я помню», «Давно отгремела война...», «Памятник», «Всего мне было восемь весен...», «Ветераны» и своеобразная мини-поэма (по нашему определению. – А.Р., Ю.Р.) «У могилы героя», посвященная памяти земляка поэта, Героя Советского Союза, партизана Михаила Сильницкого.

Героической, но короткой жизни Михаила Сильницкого поэты и писатели Беларуси посвятили немало слов. Думаем, что среди всего написанного заметное место принадлежит и гончаровской «мини-поэме». Лирические размышления, оформленные легкочитаемым стихом, юношеская любовь, трагический 1941 г. – все это слилось в едином поэтическом порыве, пронизанном искренностью и открытостью. Однако обратимся к самому произведению:

А весна
Полыхает
Пожаром зеленым
Над могилами наших
Любимых отцов...
...На пригорках кресты
Навалились гурьбою...
Где же друг-партизан,
Что погиб на войне?
...Но могилы молчат,
Только звездочкой алой
Его сердце горит
Под шатрами берез...
... но с тех пор не одна
Пересохла криница.
Сколько солнц утонуло
В холодной Двине!
Лишь любовь, что когда-то
Успела родиться,
В верном сердце живет
И до нынешних дней...
Пусть любимой глаза
Потускнели с годами,

И пусть волос ее
Серебрит седина,
Но к любви своей первой
Приходит с цветами
И холодную землю
Целует она.
.....
Воронье, воронье
Закружилось над краем,
Стал тяжелый сапог
Наши нивы топтать...
...Миша первым ушел
В партизаны тогда ...
Помню, как-то в село
Забежал он тайком:
«В бой смертельный идем», –
Эту жесткую фразу
Мне сказал Михаил
И ушел большаком.
А потом он домой
забежал на минутку
(Не увидит родных
Не хватило бы сил).

Из детской памяти легли на страницы книги следующие жесткие строки:

Всего мне было восемь весен,
Когда враги в концлагерь бросили.
И там, за проволкой острою,
Со смертью встретился не просто я.
Я знал: придет конец мучению,
Я верил в близкий час отщепеня.
И пусть смертельно был измучен я,
Но и тогда я верил в лучшее:
Я верил всем, и даже – зверю,
Но никогда – врагу не верил.

И душа, и сердце поэта находят свое успокоение, когда речь заходит о родной земле, цветущей весной и привлекательной осенью.

Опьяненный хмельными травами,
Завороженный голубиной стаею,
Я иду. И земля по праву мне
Улыбается, как хозяину...

Поэта радует расцветший лен, «бирюзовым знаменем» сливающийся «с кромкой небес» («Лен расцвел...»), ливень, сыплющий «капель зерна на весенние поля...» («Ливень»), хлебный каравай, несущий «отблеск солнца яркий» и «тепло тугих ладоней хлебороба» («К нам хлеб на стол пришел...»). А стихотворение «Старый сад» приведем полностью:

*Осенний сад
Стоял в раздумье строгом,
Грустя о том,
Как за год постарел...
...В густых ветвях
Резвился ветер колкий,
Плыла к реке
Тумана седина,
А яблоням
К зеленым
Гимнастеркам
Прикальвала осень
Ордена...*

Не просто зреют яблоки в саду осеннем! Это ведь осень прикальвывает ордена! Звучит, не правда ли? Так же, как звучит и то, что «солнца круглую буханку на руках качает лес» («Над Двиною спозаранку»), что осень крутит «самокрутки, шуришит листом, как табаком...» («В парке»), что «рожь стоит сплошным разливом» («Рожь») и что есть возможность петь цимбалам:

*Их не старят ни грусть, ни годы –
В них душа моего народа.*

На наш взгляд, в творчестве Н. Гончарова выделяются две творческие ипостаси.

Это, **во-первых**, произведения, рассчитанные как на взрослого, так и на детского читателя, и, **во-вторых**, искусствоведческие работы. На наш взгляд, эти направления не только не исключают одно другого, а тесно связаны между собой, помогают автору в реализации основополагающего принципа его творчества: приучать детей к мысли «земля – моя основа...». И поэтому в авторском поиске сливаются воедино труд хлебопашца и строителя, шахтера и столяра, космонавта и художника; поэтизация машин, механизмов и профессионального родительского труда, воспевание красот животного и растительного мира Беларуси, в которую, как в реку жизни, постоянно погружается юный читатель. И пусть этот маленький герой не всегда выступает главным действующим лицом, не всегда принимает участие в описываемых поэтом приключениях и играх, но он всегда смотрит, мыслит, рассуждает, смеется над самыми неожиданными похождениями героев из полюбившихся ему произведений.

Особенностью детской поэзии Н. Гончарова является то, что пробуждение любознательности он начинает, прежде всего, с собственного постижения детской психологии и построения на этом «человековедении» доверительного диалога, построение своего поэтического разговора с детьми как бы на равных, без дидактики и поучительства, сочетая в своих стихах и сказках мастерство педагога и писателя, удачно найденные образы, метафоры и эпитеты и доступные, и понимаемые юным читателем. В детской поэтике Н. Гончарова нет излишеств. Видя мир глазами детей, он свои стихи-загадки, стихи-сказки, стихи-миниатюры пишет искренне и просто, говоря занимательно о простых и поучительных, но воспринимаемых детским читателем историях. Однако, во всем этом четко прослеживаются жизнеутверждающий оптимизм и гражданственность пафоса, искренность интонации и эмоционально-смысловая нагрузка, заложенные в подтексте стиха. «Ребята чуть ли не с пеленок окружают техника, игрушки и конструкторы, – рассуждал в одном из своих интервью поэт. – А знают ли они о предназначении машин? Я попытался в книгах “Космолет”, “Я связал рукавичку”, “Мишка-пилот” познакомить юных с различны-

ми машинами, объяснить им, кто делает машины и как они работают»¹. В качестве примера назовём лишь несколько стихотворений: «Самосвал», «Экскаватор», «Электричка», «Трамвай», «Лифт», «Такси», «Пожарная», «Панелевоз», «Теплоход», «Трактор», «Кран» и др. И, что особенно привлекает – так это сочетание технических характеристик и лирических элементов, усиливающих детское восприятие. Убеждаешься в этом, читая стихотворение «Кран» из книги «Космолет»:

*Словно аист-великан
Под окошком
Вырос кран.
Позабыв усталость,
Лень,
Он в работе
Целый день.
Лишь порой
К нему на грудь
Садится солнце
Отдохнуть.*

Запоминаются «космические» стихотворения в книгах «Космолет» и «Космонавтом быть хочу», где юные герои, став космонавтами, летят на другие планеты.

Юному читателю, несомненно, пришлось по душе и стихи-загадки, посвященные родной белорусской природе. Всего лишь несколько примеров:

*Его мы
С весной встречаем.
У нас он
Родился и рос.
Вчера
Из далекого края
Нам песенку
В клюве принес.*

«Скворец»

...Тук,

тук,

тук

*Он обстукал
Каждый сук.*

«Дятел»

*«Вот машина,
Так машина.
Будто дом
Ее кабина.*

«Самосвал»

Пусть не в качестве загадок, но легко читаемыми для детей («от двух до пяти» или может чуть старше, как об этом в аннотации к книге «Мишка-пилот», писал сам автор)

¹ Книжное обозрение. – 1985. – 10 мая.

НИКОЛАЙ ГОНЧАРОВ

являются стихотворения о красотах родной природы, привитии юному читателю понимания его принадлежности к ней, о необходимости постоянной и неустанной работы (конечно же, и его родителей) по ее сохранению и развитию (стихотворение «Жаворонок», «Эхо», «Снежинки», «Рябина», «Сороки», «Аист», «Снегири», «Комбайнер», «Дорога», «Провода» и др.).

Нельзя не обратить внимание сегодняшнего читателя*, как в начале 1980-х годов (книга «Праздники»**), на то, как поэт ведёт доверительный разговор с юным читателем не только о красных датах календаря (стихотворение «В день восьмого марта», «На Первомайском параде», «Наша Конституция», «День седьмого ноября» и др.), но и существовавших в советском государстве профессиональных праздниках. Представляя, к примеру, «День печати», он доходчиво объясняет, как приходят к малышам книги, показывает вклад и роль в этом процессе писателей, редакторов, художников:

*Затем
Набираются старательно строчки,
Как струны,
Тянулись от точки до точки.
Трудились
Машины в цехе печати,
И в стопку
Ложились листы аккуратно.*

Последовательно описывая весь процесс создания книги, автор напоминает о конечной цели и предназначении книжного слова. Своё обращение к читателю заканчивает словами:

*Пришла она (книга. – А.Р., Ю.Р.) другом
К тебе на порог,
А сколько пришлось ей
Изведать дорог?*

Оказывается, что все дороги объединились одной целью: книга «стремилась к тебе прибежать поскорее, чтоб стал ты умнее, мудрее, добрее».

Творческой удачей Н. Гончарова стали его стихотворения-сказки «Хоровод под Новый год» и «Лесная зарядка», напечатанные в книге «Карусель». Сюжеты у них не сложные, но написаны сказки образно, с веселым настроением и хорошей улыбкой. Вот, к примеру, начало сказки «Лесная зарядка»:

*Очень рано, очень рано
Встало солнышко румяное.
Разметав лучей косу.
В поле выпило росу.
Осветило лес дремучий,
Приласкало в небе тучи.
И рукой своею алой
Всем в окошко постучало:
– Просыпайтесь, звери,
Открывайте двери,*

* Достаточно часто отвлеченного от литературы программой «Internet».

** Отметим такую особенность книги – она вышла тиражом в 75 тысяч экземпляров.

*И все по порядку
Стройтесь на зарядку.*

Дальше следует интересная картина лесной зарядки, при этом хорошо подмечены особенности тех или иных зверей и птиц. Читаем строки о зубрах:

*Зубры-великаны
Сдвинулись лбами,
Скрипнули рогами.
Кто-кого – не угадать:
Сила силе тут
Под стать.*

А вот о змеях:

*...Все, кому не лень, бегут,
Кто не может, те ползут.
Вот, к примеру, змеи
Бегать не умеют.*

Интересные строчки можно найти и в других стихотворениях, включенных в книгу «Карусель». Юные читатели познакомятся с чайником, который «держит кверху нос», троллейбусом, что «обеими руками держит провода», елями, которые, как ракеты, «стоят нацелясь в небо» и со многими другими предметами и явлениями, которые постоянно встречаются на их пути.

На наш взгляд, значительному успеху детских книг Н. Гончарова способствовали оформительские работы, выполненные известными белорусскими художниками А. Кашкуревичем («Мишка-пилот»), С. Ковалевым («Карусель»), В. Слауком «Космолет» и т.п. Иллюстрации, сочетающие любовь к детскому читателю и талант художника-оформителя, неплохо дополняют стихи, конкретизируют их. В них немало фантазии, много света, смеха, цвета – все направлено на активизацию читательского внимания и мышления.

В белорусской детской литературе второй половины 1960–1980-х годов Н. Гончаров состоялся как **«новый интересный автор» (Н. Катюшин²), которому «удалось пра складанае ў жыцці расказаць проста і цікава, яшчэ раз прыдчыніць акно ў свет дзіцячай фантазіі» (М. Парахнович³).**

* * *

Мы не ставили своей целью знакомить читателя с работами Н. Гончарова, посвященными жизнетворчеству известных белорусских художников-графиков К. Космачева, Г. Поплавского, А. Кашкуревича, С. Романова, В. Шаранговича. Это прерогатива специалистов-искусствоведов. Однако, и оставить без внимания эту часть творческой деятельности (а книги о художниках написаны на основе глубокого анализа творчества каждого из них, отличаются фундаментальностью, выдержанностью и объективностью поэта-искусствоведа*) было бы не совсем правильно.

² Знамя юности. – 1983. – 18 авг.

³ Літаратура і мастацтва. – 1980. – 18 ліп.

* В одном из своих интервью Н. Гончаров отметил, что увлечением графикой и искусствоведением он обязан своим преподавателям А.Д. Гончарову, В.Н. Ляхову, А.А. Сидорову: «Они учили по творческому оформлять не только художественные произведения, но и научную литературу. Запомнились их наставления о том, что художник порой должен знать о предмете иллюстрирования не меньше, чем автор монографии». – Книжное обозрение. – 1985. – 10 мая.

НИКОЛАЙ ГОНЧАРОВ

Предлагаем читателю ознакомиться с оценочными выводами Н. Гончарова графического мастера каждого из названных нами художников. Первая книга этой серии посвящалась творчеству заслуженного деятеля искусств БССР, выпускнику Витебского художественного техникума (1932) Константину Михайловичу Космачеву. Творчество Космачева, пишет исследователь, характеризует «связь народной творчасці, глыбокае разуменне традыцый, вучоба ў старажытнарускіх майстроў і перадзвіжнікаў, а таксама ў лепшых прадстаўнікоў беларускай жывапіснай школы». Именно все это помогло «К.М. Касмачову дасягнуць высокага майстэрства і сталасці мастака-прафесіянала.

...Яго індывідуальнасць стваралася шляхам працяглых і настойлівых пошукаў жыццёвай праўды. Яго наватарства нараджалася наватарствам самага зместу.

Амаль кожны твор мастака вызначаецца індывідуальнасцю. У сваіх асноўных карцінах ён, як правіла, не паўтарае самага сябе. Тонкае пачуццё меры, уменне знайсці галоўнае кампазіцыйнае рашэнне, беспамылкова адкінуць непатрэбнае і сканцэнтраваць позірк на асноўным – вось што ўласціва творчасці Касмачова»⁴.

В искусстве графики заслуженного деятеля искусств БССР Георгия Георгиевича Поплавского Н. Гончаров видит такие характерные черты: «...адзін з вядучых беларускіх майстроў пэндзля. Гэта – мастак-шукальнік, мастак-падарожнік. У сваёй творчасці ён абаянаецца на лепшыя традыцыі народнага мастацтва, тэмы і сюжэты чэрпае з глыбіні жыцця...

...Аловак і блакнот – пастаянныя спадарожнікі мастака. Кожная паездка ў адзін з аддалёных куткоў роднага краю прыносіць з сабой дзесяткі, сотні замалёвак, накідаў, эцюдаў. Праходзіць пэўны час, і гэты найкаштоўнейшы матэрыял становіцца падмуркам для новых жывапісных работ, графічных серый, кніжных ілюстрацый.

...Георгі Паплаўскі не спыняцца на дасягнутым. Ён імкнецца як мага больш пашырыць кола сваіх творчых поспехаў. Ён актыўна асвойвае жыццёвыя далягяды, смела выказвае свае адносіны да жыцця, да чалавека стваральнай працы. Грамадзянін, патрыёт і рэаліст, і казачнік, летуценнік. Ён захоплены жыццём. Яго мастацтва нясе радасць людзям, хвалюе»⁵.

Заслуженный деятель искусств БССР Арлен Михайлович Кашкуревич в оценке Н. Гончарова – это художник, который «крочыць побач з жыццём, імкнецца адкрываць новыя творчыя далягяды. І гэта яму па плячы, як сталому мастаку, чья творчасць шырока вядома і любіма народам.

Грамадзянін і патрыёт, ён з павагай ставіцца да вялікіх гістарычных падзей мінулага, умее па-мастацку асэнсаваць героіку працоўных будняў, па-філасофску мудра заглянуць у светлае заўтра.

А.Н. Кашкурэвіч – мастак па складу сваёй творчасці адметна нацыянальны. Ён дасканала валодае ўсімі сакрэтамі графічнай творчасці, і лепшыя яго работы як станковай, так і кніжнай графікі – каштоўныя здабыткі беларускай нацыянальнай культуры і наогул усяго шматнацыянальнага савецкага мастацтва»⁶.

В отношении заслуженного деятеля искусств БССР Сергея Григорьевича Романова искусствовед Н. Гончаров пишет: «Як мастак-графік Сяргей Рыгоравіч Раманаў дасканала валодае ўсімі графічнымі тэхнікамі. Асаблівай увагі заслугоўвае яго шырокі творчы дыяпазон. Ён з аднолькавым поспехам выступае ў якасці графіка-станкавіста і ілюстратара кніг, сатырыка і плакатыста, спрабуе свае сілы ў станковым жывапісе.

Характэрнай рысай мастака з'яўляецца тое, што ён ніколі не спыняецца на дасягнутым.

⁴ Гончароў, М.І. Касмачоў Канстанцін Міхайлавіч / М.І. Гончароў. – Мінск, 1970. – С. 35–36.

⁵ Гончароў, М.І. Георгі Паплаўскі / М.І. Гончароў. – Мінск, 1974. – С. 5, 45.

⁶ Гончароў, М.І. Арлен Кашкурэвіч / М.І. Гончароў. – Мінск, 1976. – С. 35.

...Мастак ішоў па гарачых дарогах вайны, як воін, як партызан, і тэма вайны, народнай мужнасці і гераізму стала адной з вядучых у яго творчасці. Ён заўсёды ў страі і крочыць побач з жыццём, ствараючы новыя творы пра сучаснасць, пра яго перамогі на карысць Радзімы»⁷.

Заслуженный деятель искусств БССР, профессор Василий Петрович Шарангович, по Н. Гончарову, «каларытны мастак з прысутным толькі яму творчым почыркам і мастацкім бачаннем. Ён з асаблівай павагай ставіцца да народнага мастацтва, да нацыянальных традыцый. Добрае веданне жыцця і побыта свайго народа, уменне выявіць тыпічнае і характэрнае, высокі прафесіяналізм і дасканаласць валоданне складанымі графічнымі тэхнікамі – характэрныя рысы творчасці аднаго з вядучых беларускіх графікаў В.П. Шаранговіча. ...Мастак не спыняецца на дасягнутым, паспяхова і паслядоўна ўдасканальвае сваё майстэрства, крочыць побач з жыццём. ...тое, што ўжо зроблена ім, значна папоўніла скарбніцу беларускай культуры і стала здабыткам для нашай краіны і многіх замежных бібліятэк і музеяў»⁸.

Николай Гончаров ушёл из жизни в расцвете творческих сил. Однако написанные им книги, в первую очередь для детского читателя, его искусствоведческие работы будут еще долгое время оставаться в сокровищнице национальной художественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров, Н. Твори друзья / Н. Гончаров. – Минск, 1960
2. Гончаров Н. Весенняя завязь / Н. Гончаров. – Минск, 1962.
3. Гончаров, Н. Мишка-пилот: стихи / Н. Гончаров. – Минск, 1966.
4. Ганчароў, М.І. Касмачоў Канстанцін Міхайлавіч / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1970.
5. Гончаров, Н. Карусель: стихи и сказки / Н. Гончаров. – Минск, 1971.
6. Ганчароў, М.І. Георгій Паплаўскі / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1974.
7. Ганчароў, М.І. Арлен Кашкурэвіч / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1976.
8. Ганчароў, М.І. Мастацтва мужнасці і гераізму / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1976.
9. Гончаров, Н. Космолёт: стихи / Н. Гончаров. – Минск, 1979.
10. Ганчароў, М.І. Сяргей Раманаў / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1979.
11. Ганчароў, М.І. Васіль Шаранговіч / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1981.
12. Гончаров, Н. Праздники: стихи / Н. Гончаров. – Минск, 1982.
13. Гончаров, Н. Земля в цвету: стихи / Гончаров. – Минск, 1983.
14. Гончаров, Н. Космонавтом быть хочу: стихи. Сказки / Н. Гончаров. – Минск, 1984.

⁷ Ганчароў, М.І. Сяргей Раманаў / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1979. – С. 5, 43.

⁸ Ганчароў, М.І. Васіль Шаранговіч / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1981. – С. 2, 48.

НИКОЛАЙ ГОРУЛЕВ

В начале 1950-х гг. читатели познакомились с книгой стихов «Сверстники» уроженца д. Баево Дубровенского района, выпускника Могилевского педагогического института, участника Великой Отечественной войны (добровольно вступил в истребительный батальон и прошел путь от рядового до офицера-политработника) Николая Александровича Горулева (родился 6 ноября 1919 г., умер 7 мая 1980 г. Похоронен в Минске). Писал на русском языке.

Лирический герой поэтического сборника Н. Горулева «Сверстники» – молодой человек, одноклассник поэта, начало самостоятельного жизненного пути которого выпало на суровые годы Великой Отечественной войны. Не получив диплома о высшем образовании и даже, в большинстве случаев, аттестаты об окончании средней школы, юноши и девушки уходили добровольцами на фронт, в учебные диверсионные отряды, на военные медицинские и радиотехнические курсы. И в октябре 1941 г. рождается одно из лучших произведений начального периода войны – «Первая дорога»:

*До свиданья,
Мой знакомый стол,
Скомканные второпях конспекты.
Мы шагаем,
Комсомольцы школ,
Городским
Обстрелянным проспектом.
...Сколько дней
И сколько лет идти
Нам по ней
Солдатскими шагами –
Мы не знаем
И не можем знать,
Верим
И надеемся, как дети, –
Не судьба нам
Мертвыми лежать –
Будем жить и жить
Тысячелетья.*

В ряду произведений, написанных нашим земляком и пронизанных уверенностью в Победе, звучат строки из стихотворения «Клятва»:

*Поклялись мы
Великою верой,
Отступая
В неравных боях,
Все припомнить
Фашистскому зверю
За пожары
На житных полях,*

*За детей,
За сожженные хаты
Белоруссии нашей родной,
Где смеялись
И пели девчата
Над днепровской
Веселой волной.*

Поэт-солдат рад тому, что вернулся на Родину. Обращаясь к родному дому, поэт радуется:

*Добрый день,
Мой заждавшийся дом,
Не кори
Что случилось такое,
Я прорвался к тебе
Под огнем,
Думал –
Дверь навстречу откроешь.*

Серый пепел, дымящийся на ветру от сожженного родительского дома, еще долго будет висеть над памятью поэта. Мы его найдем и в стихотворениях «Товарищам» (1945), «Санитарный», «Твердое слово» (оба (1946)), «Песня о Бресте» (1947), «Моя подпись» (1949), «Подарок» (1950) и др.

В стихотворениях «Случай в Пушкино» и «Моя подпись», датированных июнем-июлем 1949 г. (через пять лет после освобождения родной Белоруссии от фашистов. – А.Р., Ю.Р.), Н. Горулев, соединяя воедино трагедийные события военных лет («*В саду, в том городе, где вырос Пушкин, у памятника ранен был солдат*») и послевоенное понимание жизни, выступает активным сторонником борьбы за мир («*Солдат не оглянулся. С этой силой – он знал – победный засияет свет*») («Случай в Пушкино»); «*чтоб не вздрогнула снова земля грозным грохотом боя*»:

*Свою подпись
Спокойной рукой
Вывожу на странице.
Пусть зовет оно всех
За собой,
Пусть летит сквозь границы
В бой за мир,
За улыбки детей
И за счастье людское.
Ставлю подпись свою на листе
Я солдатской рукою.*

«Моя подпись»

Конец 1940-х – 1950-е гг. – это годы поэтического роста Н. Горулева. Его стихи свидетельствуют о том, что лирический герой поэта становится более вдумчивым и целенаправленным, а в поэтике более конкретно ведется поиск типичных поэтических образов, активнее становится работа над композиционным строением стихотворения. Думаем, что показательными здесь могут быть стихотворения, объединенные в поэтический цикл «Цемент» («Легенда», «Отметка 136,2», «Трубоклад», «Вымпел», «Токарь», «Твердый

НИКОЛАЙ ГОРУЛЕВ

плав»), лирические поэмы, или правильнее – развитые лирические стихи, «Слово о друге» и «Отец».

Отдельно скажем о поэме «Слово друга»: читается легко, ритм стиха привлекает. Но в этой ритмике поэт приходит к весьма убедительному выводу: никакие физические потери не могут возместить морально предательство («*Помню, просил ты, если убьют, твой медальон отнести в дом, где тебя вспоминают и ждут*»), – уход жены фронтовика к другому:

*Чем ты, мой друг, искалечен?
В чем же твоя беда?*

И, может быть, акцент на моральную проблематику и помогает автору «вытянуть» эти произведения до уровня читаемых и популярных. Как, например, в поэме «Отец», идея которой в наследовании молодежью традиций старших поколений. По сюжету главный герой получает телеграмму («*Отец умирает. Спеши, сынок. Жду тебя очень. Мама*») и должен вылететь самолетом, но из-за нелетной погоды ему приходится выехать поездом. Длинная дорога – это не только воспоминания об отце-учителе, это еще и глубокие размышления о его собственной жизни, о его будущем...

Поэтические произведения Н. Горулева – это лишь одно из направлений его литературного творчества. Они – лучшее свидетельство того, что и в других жанрах (проза, драматургия) нашему земляку могла светить звезда творческой удачи. Но об этом речь будет идти в других разделах нашего исследования.

ГЕННАДИЙ ДМИТРИЕВ

Поэт, выпускник белорусского отделения филологического факультета Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. Дмитриев Геннадий Григорьевич родился 15 октября 1948 г. в деревне Злыдни (ныне Первомайское) Городокского района. После окончания Бычихинской средней школы работал заведующим клубом Бычихинского льнозавода. Получив высшее образование, несколько лет учительствовал на Гродненщине. С 1987 г. работал заместителем директора, директором Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей БССР по Гродненской области, был в этом же Бюро литературным консультантом. С 1989 г. – заместитель главного редактора журнала «Полымя».

Писать стихи начал в школе, был литкором Езерищенской районной газеты «Калгасная вёска». Его стихи печатали республиканские газеты «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Бярозка», «Вясёлка». Он был частым гостем на страницах «Гродненской правды», печатался в «Беларускім каляндары», что выходил в Беластоке (ПНР). Не оставляли поэта без внимания составители и редакторы коллективных поэтических сборников «Дзень паэзіі-60», «Універсітэт паэтычны», «Узлёт», «Слава арміі Савецкай», «Вяснянка» и др.

Стихов Г. Дмитриева всегда ждал детский читатель.

Член Союза писателей БССР с 1978 г.

В белорусской советской литературе Г. Дмитриев известен как автор поэтических сборников «Города на ладонях» («Гарады на далонях») (1974), «Птица Синезорка: Стихи» («Птушка Сінязорка: Вершы») (1976), «Озерины: Стихи» («Азярыны: Вершы») (1980).

О чем же писал бывший рабочий, солдат, учитель? Ответ на этот вопрос может быть вполне однозначным – о прошлом и современном в жизни Беларуси, о судьбе своего поколения, солдатских буднях, любви и дружбе, нелегком, но почетном труде учителя. При этом авторское понимание и оценка жизни часто дополнялись фольклорными мотивами.

Всем творчеством он утверждал в жизни собственный творческий принцип:

*Людзі!
Беды свае і трывогі
Узваліце на плечы мае –
Не сагнуся.
Не збочу з дарогі!¹*

Не сбился с дороги будущий поэт и когда пришлось долгое время работать на стройках Минска (в первом поэтическом сборнике этот период его жизни зафиксирован в стихотворениях «На лесах» («На рыштаваннях»), «Благодарность» («Падзяка»), «Я люблю городские дома...» («Я люблю гарадскія дамы...»); в сборнике «Озерины» – «Посвящение в строители» («Пасвячэнне ў будаўнікі»), «Вира» («Віра»), «Хватит, парни! Давайте курнём...» («Хопіць хлопцы! Давайце курнём...»). Вот, к примеру, стихотворение «Вира», которое названо словом из лексикона строителей и монтажников и в котором как будто воплощен микроклимат и содержание стройки:

¹ Дзмітрыеў, Г. Гарады на далонях: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1974. – С. 3.

– Віра! –
з шэрай будзённасці спраў,
Дзе пачуцці! –
 без сонца,
 без неба,
 без веры.
Калі раптам,
 падкошаны здрадай,
 упаў, –
– Віра! –
 З чорнай нуды –
 ў неспакой,
Каб жыццё закружыла
 З імкліваасцю віру².

Постепенно значение понятия «Вира» расширяется, наполняется переносным смыслом. И в своей третьей книге «Озерины» он пишет, что «кожная цагляна ў муры цяплом сірочай памяці сагрэта» и будут строиться дома, пока держит он в «руках сваіх правобраз сэрца – працаўніцу кельму».

Дальнейшая закалка характера, выработка требовательности к поэтической строке продолжалась в солдатских буднях и на «гражданке», где шел поиск постижения актуальных жизненных проблем (стихотворения «Четыре линии» («Чатыры лініі»), «Памяти деда» («Памяці дзеда»), «Охота на мамонта» («Паляванне на маманта»), «Я – человек» («Я – чалавек»), «Желайте хорошего крепкого здоровья» («Жадайце добрага моцнага здароўя»), «Анола Гей» (Анола Гэй)*.

Эти и другие стихи – убедительное свидетельство, что поэт в своем творчестве не обходит проблемы острого социального звучания, постоянно размышляет о роли Человека в жизни общества, его гражданской позиции, активности и ответственности.

Память о войне... У поэта она получает выражение в «диалоге» двух стихотворений – «Четыре линии» и «Я – Человек», смысл которого в том, что рождение новой жизни и смерть, человечность и убийство – понятия взаимоисключающие друг друга.

Читаем в первом стихотворении: «... на самай што ні ёсць перадавой крычала маці ў бомбавай варонцы», а «на маіх (поэта. – А.Р., Ю.Р.) радзінах пелі кулі»**. Но ребенок выжил, уцелел и, став поэтом, имеет право написать в стихотворении «Я – Человек»: «З душы неспакойнай маёй, быццам сонца ўранні, над маёй шчаслівай зямлёй узыходзіць заранкай каханья. Я – Чалавек... Неспазнаны душы катакомбы: рухаю ўперад прагрэс, не хаваю пачуццяў пад пломбаі... А раптам... дасць згоду кангрэс на вытворчасць нейтронай бомбы?».

И еще один из ответов на волнующие поэта вопросы. Его читатель найдет в стихотворении «Озерины», возвращающем поэта в родные места, к истокам его послевоенной юности, хотя и знает, что «не знайсці слядоў юначых, змытых цёплымі дажджамі». Знает, но снова и снова возвращается в родной Городокский край:

² Дзмітрыеў, Г. Азярыны: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1980. – С. 14–15.

* Самолет «Анола Гей» назван именем матери командира американского экипажа, полковника Тиббетса, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму.

** Сам поэт вспоминает: «Маці нарадзіла мяне на могільках, у варонцы ад снарада. Ішоў якраз бой за нашу вёску. Маці нават даты не памятае, кажа, жыта тады цвіло і салдаты нашы за вёску нашу змагаліся. Бацька на фронце загінуў, не памятаю яго». (Маладосць. – 1983. – № 2. – С. 167).

И вот «Азярыны»:
Азярыны...

Азярыны
Мне даўно ўжо толькі
сняцца...

Езярышча, Езярышча –
Гарадок майго юнацтва.

.....
Нагадай мне лепей памяць,
Пра чаўны на азярынах,
Пра пялёсткаў белых замець,
Пра глушцоў на такавішчах,
Што будзілі з намі ранне...
Езярышча, Езярышча –
Горад першага казання³.

А еще в стихотворениях Г. Дмитриева постоянно ощущается стремление к постижению искренности человеческих чувств и переживаний, таинств любви и нежности, его поэтические строки наполнены тонким и мягким лиризмом:

Зачаруе
Пара вечаровая
І паклікае ў гай
за сяло.
Дзе ў суквеццях рабін
і чаромух
Дарагое дзяцінства цвіло⁴.

И, конечно, же, в том «дзяцінстве» было место и первой влюбленности, и первому признанию:

Вецер снег страсае з ёлак,
Пухкі, мяккі снег...
Ты адна на свеце белым,
Ты адна ў мяне⁵.

Таковыми же чарующими, наполненными искренностью и теплотой читаются стихотворения «Глаза» («Вочы»), «Еще о равновесии» («Яшчэ пра раўнавагу»). «Когда в душе твоей начнется...» («Калі ў душы тваёй пачнецца...»), «Красота» («Прыгажосць»), «Птица любви» («Птушка каханья»), «Мы сидим – я и ты...» («Мы сядзім – я і ты...») и др.

И еще об одном. О книге «Птица Синезорка», адресованной детскому читателю и ведущей его в сказочный мир обычных, реальных вещей, сказочно придуманных, но психологически и по-художественному обоснованных. И поэма «Птица Синезорка» написана в добрых традициях сказок о жар-птице и в стиле «Голубой птицы» (Метгерлинка. – А.Р., Ю.Р.), и стихотворения «Часы» («Гадзіннік»), «Лёнев домик» («Лёняў домік») и др. говорят читателю о том, что поэт знает и понимает детскую психику, использует игру слов, рассказывает об окружающей детей среде, привлекательно, через детские игры и забавы,

³ Дзмітрыеў, Г. Азярыны: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1980. – С. 72.

⁴ Там же. – С. 62.

⁵ Там же. – С. 78.

ГЕННАДИЙ ДМИТРИЕВ

используя смешинки и сказочные мотивы. И в то же время поэт *«пазбягае празмернай узнёсласці, слова ў яго канкрэтнае, выразнае, амаль да кожнай страфы можна дадаць малюнак»*⁶.

И в заключение несколько мнений о поэтическом творчестве нашего земляка. Вот что в начале его «литературной дороги» писал Н. Гилевич: *«У Г. Дзмітрыева ёсць добрая, абавязковая для кожнага паэта якасць – імкненне шукаць свежае, незацяганае слова. Яго вершы – пераважна пейзажныя мініяцюры, прасякнутыя шчырым лірычным пачуццём, ён умее глянуць на навакольны свет СВАІМІ ВАЧЫМА, а гэта вельмі нямала!»*⁷.

*«Поэзия Г. Дмитриева, – пишет литературный критик и литературовед А. Мартинович, – поэзия мелодичная, даже – солнечная. Иногда в ней даже не трудно заметить кое-какую «знакомость» мотивов. Но вникнешь в строки глубже и поймешь: все это свое. Оно, хотя и виделось другими поэтами. Однако естественность переживания не может не радовать»*⁸.

Сказать о Г. Дмитриеве, *«што ён паэт, гэта сказаць вельмі мала, таму што перш за ўсё ён актыўны удзельнік жыцця, ён усім займаецца з самазабыццём... Шырыня яго чалавечых інтарэсаў, багаты жыццёвы вопыт адлюстроўваецца ў яго кнігах шматграннасцю і глыбінёй закранутых у вершах тэм... Не ўсё, вядома, раўнацэнна, але гэтая разнастайнасць тэм не робіць яго кнігі раскіданымі, усе вершы цэментуе асоба самога аўтара, які паварочваецца да чытача рознымі гранямі сваёй душы»*⁹.

Дополняют эти характеристики, на наш взгляд, нет необходимости – все убедительно и объективно. Ибо живет на земле обычный человек, который любит людей и на любовь которого искренне отзываются земля и люд, родные и близкие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзмітрыеў, Г. Гарады на далонях: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1974.
2. Дзмітрыеў, Г. Птушка Сінязорка: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1976.
3. Дзмітрыеў, Г. Азярыны: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1980.

⁶ Дзюрыч, І. Сіняю птушка была / І. Дзюрыч // Беларусь. – 1977. – № 9. – С. 26.

⁷ Гілевiч, Н. У добры час / Н. Гілевiч // Польша. – 1961. – № 8. – С. 131.

⁸ Знамя юности. – 1980. – 25 апр.

⁹ Ганчарова, Л. Чалавек на зямлі / Л. Ганчарова // Маладосць. – 1983. – № 2. – С. 166.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

«Дубоўка ж стаіць вачыма да народу, і такая ў яго невычарпальна багатая мова, і такі запас казак, прыказак, прымавак, легенд і апрацовак! Не кабінетны паэт, а дзядуля-чарашнік, аброс безліччу ўнукаў, сядзіць сярод іх, вядзе размову, то сур'ёзную, то вясёлаю, трагічную і смешную, і на кожны з гэтых выпадкаў у яго запасе ёсць добрая прыказка, легенда ці быліца.
... Дубоўка – гэта кабзар, бандурыст, лірнік...»

И. Сенченко (Украина)

После 30-летнего перерыва, в марте 1958 г. вернулся в белорусскую советскую литературу репрессированный и реабилитированный Владимир Николаевич Дубовка – лидер «маладнякоўскай» поэзии 1920-х – начала 1930-х гг. Для умудренного жизнью человека, по сути, началась новая – «ренессансная» поэтическая жизнь, предложенное нами определение вполне приемлемо, ведь, живя в России, В. Дубовка практически в поэтической жизни не участвовал. **По словам известного советского поэта Александра Прокофьева, «множеством профессий (свыше двадцати!) он (В. Дубовка. – А.Р., Ю.Р.) овладел в годы тяжелых испытаний, выпавших на его долю. Почти тридцать лет была безмолвна его Муза, его Поэзия. Но дух поэта не был сломлен»¹.**

«Ренессансный» и потому, что за один 1958 г. В. Дубовка написал около сорока поэтических произведений, в том числе поэмы «Пред именем Любви» («Перад імянем Любоўі»), «Закладывали фундамент государства своего» («Закладвалі падмурак дзяржавы сваей»), большую подборку стихов на сибирские мотивы «Ожидает у берега лодка меня» («Чакае ля берага човен мяне»), лирические циклы о своем посещении разных мест Белоруссии, много поэтических обработок народных сказок и преданий – «Разумная дочь» («Разумная дачка»), «Как человек горох сторожил» («Як чалавек гарох пільнаваў»), «Айога» («Айога»), «Чьи руки красивее» («Чыяе рукі прыгажэйшыя»), «Девочка и килим» («Дзяўчынка і кілім»), «Пузырь, Соломинка и Лапоть» («Пузыр, Саломінка і Лапаць»). В 1959 г. вышли из печати избранные произведения В. Дубовки, не только напомнившие читателю лучшие стихи и поэмы поэта 1920-х гг., но и порадовавшие его новыми привлекательными поэтическими строками.

И лучшее свидетельство тому – стихотворение «В каких бы ни был я местах» («А колькі б дзе ні вандраваў»), датированное 1958 г. Хорош перевод на русский язык, но написано оно на «матчынай мове». Поэтому мы и приводим два текста:

В каких бы ни был я местах...

*В каких бы ни был я местах,
езде мечталось мне о том же:
тянуло в поле у Постава,
хотелось побывать на Долже.*

*Немного есть на свете сел,
и деревень, и деревенок.
Но я отсюда в мир пошел,
И тут он, этот самый берег.*

*Маманя тут своей рукой
мне на рубаху пряла кужель,
теперь лежит в земле сырой
и о своих сынах не тужит.*

*На лоне той родной земли
росли хлеба и зрели зерна,
на той земле и мы росли
и после к цели шли упорно.*

¹ Прокофьев, А. Слово о поэте / А. Прокофьев // В. Дубовка. Полесская рапсодия. – Л., 1967. – С. 4–5.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

*Над ширью милой той земли
сверкали грозные зарницы:
через нее не раз прошли
войны стальные колесницы.*

*За разом раз все тяжелей
вздыхалась грудь ее от боли.*

*А все ж настала для
людей счастливая, иная доля!*

*Я встретился с родной землей
и ото всей души желаю
вовек не знаться ей с войной,
всегда цвести родному краю.*

А колькі б дзе ні вандраваў...

*А колькі б дзе ні вандраваў,
хоць добра ўсюды і прыгожа, –
мяне цягнула да Пастаў,
хацелася пабыць ля Должы.*

*У айчыне многа гарадоў
і вёсак – незлічоны шэраг.
А ўсё ж адсюль я у свет пайшоў,
і тут ён, гэты самы бераг.*

*Матуля тут сваёй рукою
мне на кашулі прала кужаль.
Закрыта ўсё сырой зямлёй,
і аб сынах яна не тужыць.*

*На гэтай, на сырой зямлі
расло і спела тое збожжа,*

*з якога самі мы раслі
для працы ўпорнай, пераможнай.*

*На гэтай, роднай мне зямлі
бывала гора больш, чым сніцца.
Цераз яе не раз ішлі
праклятых войнаў калясніцы.*

*За разам раз – цяжэй, цяжэй
яна здрыгалася ад болю.
А ўсё ж прыйшла для ўсіх людзей,
шчаслівая настала доля!*

*Спаткаўся з роднаю зямлёй,
жадаю шчырым сэрцам роднай:
каб больш не знацца нам з вайной,
каб больш не знаць вайны ніводнай!*

И хотя поэт возвратился в родные места человеком, пережившим тяжелые испытания, хотя за это время он практически не написал ни одного стихотворения, он все же оставался творцом, помнящим не только о секретах поэтического творчества, но и о сложностях и трудностях повседневной жизни. Поэтому читатель находил философские мотивы и подтекстовую глубину даже в стихотворениях-миниатюрах «Поставы» («Паставы»), «Маньковичи» («Маньковічы»), «Листопад» («Лістапад»), «Осень» («Восень»), «Лепестки» («Пялёсткі») и др. Вот, к примеру, стихотворение «Нам некогда с печалью знаться» («Нам некалі са смуткам знацца»), написанное вскоре после возвращения, – лучшее свидетельство серьезных размышлений поэта, его веры в жизнь, какой бы сложной она не была - ибо всякие трудности преодолеваются успешно, если труд твой, твоя работа идет на пользу родного Отечества:

*...Бо ўсюды, скрозь – радзімы край,
варштаты ўсюды ёсць для працы.
Сумуе вораг наш няхай,
нам – некалі са смуткам знацца!*

Радим Горецкий в своих воспоминаниях «Несколько встреч с Владимиром Дубовкой»* без преувеличения подчеркнул, что «Дубовка через всю жизнь пронес неугасимый оптимизм, любовь к людям и природе, к новому образу жизни, ко всему Прекрасному, поэтическому, к Белоруссии, к белорусскому слову, к Человеку»:

* См.: Літаратура і мастацтва. – 1997. – 11 красав.

*У песнях мне шумеў чарот
пра нарачанскія азёры.
У казках казачны народ
насіў лятункі аж на зоры...
Які б цяжар ні быў калі,
на сэрцы гарката якая,
ад гэных песень і былін
яны крышыліся, знікалі...*

(1958)

Окунувшись в бурлящую, но на первых порах не совсем воспринимаемую им белорусскую действительность, В. Дубовка душой и сердцем стремился понять происходящее, увидеть его связь с историческим прошлым, опоэтизировать эту связь в запоминающихся художественных образах. Его привлекают события Великой Отечественной войны, ее участники «от мала до велика», новостройки Белоруссии, славные исторические места, красоты родной Поозерской природы, чистота человеческих дум, поисков и деяний.

Убедительным подтверждением сказанному является цикл стихов, написанных после поездки по родным белорусским просторам в 1958 г. Лишь одно стихотворение из этого цикла – «Вереск» («Верас»):

*Ледзь прыкметны для нашага вока,
быццам зернетка маку.
Ад зямлі не расцеш ты высока,
і заўважыць не ўсякі.
А калі расцвіцеш на узлессі,
закрасуеш у пушчы, –
хараством ты тады апранешся,
сапраўды, неўміручым.
Найдрабнейшыя кветкі ствараюць, –
твае, верас любімы, –
пекнату, што гарыць не згарае
у цудоўных кілімах.
Як пабачу цябя, так і ўспомню
пералескі, палеткі,
дзе калісьці узяў на далонь яў
ўпершыню твае кветкі.*

Здесь нет злости и обиды на тех, кто почти 30 лет «глумиўся» над жизнью поэта. Напротив, налицо жизнеутверждение, оптимизм, вера в человеческое благородство.

Думаем, что именно эти качества дубовской поэзии привлекли внимание известных белорусских композиторов – Л. Абелиовича, А. Богатырева, И. Кузнецова, Н. Ровенского и др.

Побывав в 1920-х – начале 1930-х гг. практически во всех районах Советской Белоруссии, активно участвуя в строительстве новой жизни¹, а затем, будучи отлученным почти на три десятка лет от преобразовательных (героических и трагических) процессов, происходивших на белорусской земле, поэт, тянувшийся к познанию и постоянному поиску, как губка впитывал новые отношения между людьми, изучал их характеры и психологию, стремился побывать в еще не известных ему местах. Наиболее убедительно его

¹ См. об этом: Русецкий, А.В. Литературное творчество в системе художественной культуры Витебщины (1918-1945) / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Витебск, 2008. – С. 76–81, 109–112, 165–175.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

собственные устремления и целевые установки, на наш взгляд, изложены в стихотворении «Ходили с песнями рапсоды...» («Хадзілі з песнямі рапсоды...»), написанном вскоре после возвращения в родную «шиповниковую» Беларусь. Вот несколько строк из него:

*...Когда-то в старину в Элладе
ходили с песнями рапсоды,
и не был никогда в разладе
напев их с думою народа.*

*Хотя они пешком ходили,
но песнь в полет смогли направить,
чтоб свой народ в красе и силе
на веки вечные прославить.*

*Поведать, чем он жил, что строил,
о чем мечтал, звеня на струнах.
Как привели его герои
корабль сокровищ заторунных.*

*У нас машин чудесных столько,
есть самолеты, пароходы.
Иди,
пльви,
лети –
но только
познай полнее жизнь народа!*

*Изведай жизнь, цени ее ты,
чтоб песни, как хрусталь, звучали,
чтоб душу творческие взлеты
на новый подвиг поднимали.*

(перевод Н. Жура, 1959)

Однако особые поэтические впечатления у В. Дубовки сложились после посещения Полесского края. Василь Витка, сопровождавший поэта в этом месячном путешествии писал: «...Моему пытливому спутнику хотелось как можно больше увидеть, услышать, побеседовать с каждым новым знакомым. В чистом и веселом, похожем на приморский городок Кобрине мы исходили все улицы и зеленые его окраины, объездили Днепр-Бугский канал, с интересом наблюдали, как идут по нему в самый уровень с берегами караваны тяжелых рудовозов с грузом, на который понадобились бы десятки железнодорожных эшелонов. Добираясь на катере из Пинска в древний Туров, мы не могли не удивляться той неутомимостью, с которой день и ночь работает на людей сказочно прекрасная Припять, вобравшая в себя все реки и криницы полесского края»².

Не менее интересно и признание самого В. Дубовки: «Колькі мы пабачылі цікавага на Палессі. Колькі сустракалася нам добрых людзей, колькі мы наслухаліся цікавых апавяданняў, прыгожых песень і казак! Якія змены пабачылі мы на калгасных палетках і на заводах! Перадаць гэта коратка – нельга. Невялікая справаздача аб гэтым падарожжы – мая кніга вершаў “Палеская рапсодыя”»³.

² Витка, В. Аблічча друга // Ул. Дубоўка. Выбраныя творы: у 2 т. / В. Витка. – Мінск, 1965. – Т. 1. – С. 7–8.

³ Голас Радзімы. – 1964. – № 28–29.

Это была действительно «рапсодия» и признанием ее общественного звучания стало присуждение В. Дубовке в 1962 г. Государственной премии имени Я. Купалы.

Не будет преувеличением подчеркнуть, что путешествие по Полесью стало для поэта своеобразным открытием. Он помнил купаловское «*А нарэццы на Арэсе бегае маторка, стары човен, як карыта, пазірае горка...*», знал о происходящих на Полесье преобразованиях, но теперь был поражен масштабностью произошедших перемен. Он познал людей как «наивысшее богатство», творящих жизнь для жизни и во имя жизни («Мысли на строительстве» («Думкі на будаўніцтве»)), увидел край, в котором не в песнях, а наяву, как океан, шумит пшеница, а «машины ходят там, где люди еще недавно плавали на лодках» («Сейчас не в песнях, а воочию» («Цяпер не ў песнях, а наяве»)), познакомился с голубоглазой полешучкой, которая «*волата такога (трактор. – А.Р., Ю.Р.)... вядзе, кіруе ім як хоча*» («Богатыри-силачи» («Волаты-асілки»)).

В «Полесской рапсодии», как и в целом в творчестве В. Дубовки конца 1950–1970-х гг., особенно заметна такая характерная и существенная черта его поэзии, как стремление понять проблему «**Человек и труд**», искать и находить в качестве своих героев людей интересных, героических, с которыми он сам непременно должен быть знакомым, с которыми встречался, беседовал, постигая суть их характеров, мотивы действий и поступков. Поэт знакомит читателя с искательницей алмазов из Ленинграда Ларисой Попугаевой («Ты, Лариса, также Зарница» («Ты, Ларыса, таксама Зарніца»)), доктором с чудесными горящими глазами («В дороге» («У дарозе»)), полесскими виноградарями Игнатием Кравченко и Иваном Тихомировым («Сейчас не в песнях, а наяву»), секретарем райкома («Секретарь райкома» («Сакратар райкома»)), девушкой Галиной из древнего Турова («Туровская Галя» («Тураўская Галя»)), друзьями молодости Софьей и Иваном («Друзья молодости» («Сябры маладосці»)), учительницей Героем Социалистического труда Ариадной Казей (поэма «Белорусская Ариадна» («Беларуская Арыядна»)) и др. Заметим, что особое внимание поэт уделяет самоотверженности и героизму женщин, их доброте и человечности. Женские образы становятся ярче с помощью фольклорной поэтизации. Обращаясь к своим героям, Дубовка признается: «*Наилучшее все от женщин издавна судьба собрала, дала тебе и упорядочила*». Его «**поэтическая радиация**» (А. Лойко) **вспыхивает именно от эмоциональной вспышки самого необычного момента. Удивившего поэта, задержавшего его взгляд, привлекавшего к себе, вызывая пылкое желание увековечить этот освещенный поэзией момент жизни, дать почувствовать его поэтическую высоту...**»⁴.

«Полесская рапсодия», как никакая другая книга В. Дубовки, пишет наш земляк, поэт А. Велюгин, густо населена хлебодарателями и гидростроителями, рыбаками и капитанами, плотогонцами, геологами, шоферской братией. Это новое Полесье, Полесье, которое А. Дубовка хотел увидеть и увидел более чем через 30 лет, когда впервые услышал о нем.

Хотели бы сказать несколько слов об одном стихотворении полесского цикла В. Дубовки, которое наши критики и литературоведы почему-то обходили стороной. Это «Полесье», стихотворение, являющееся единственным в своем роде в белорусской поэзии.

Сделаем пояснение. Где-то в середине XIX столетия известный польский и белорусский поэт Владислав Сырокомля, «*оставив на память свой рисунок правдивый*», описал польский край, показал его бедность, нищенство, убогость»⁵. И вот более чем через 100 лет этому же полесскому краю посвящает свое стихотворение В. Дубовка. Чтобы позиции авторов были более ясными для сегодняшнего читателя, приведем оба текста:

⁴ Літаратура і мастацтва. – 1975. – 11 ліп.

⁵ Syrokomla, W. Z wrazen poleskiey podrozy. – 1850.

В. Сырокомля

У пясках пры балоце,
пры азёрнай затоцы,
вёска стала ў самоце,
як жабрак, дзе пры плоце.
Сосны скардзяца, шэпчуць,
над надоляю плачуць.
А ў той вёсцы галеча!
Выгляд вёскі жабрачы:
У зрэбнай вопратцы людзі –
не адзеты, не голы.
Закурэлыя, у брудзе,
у свет глядзяць невясёла.
Сцены ў цвілі і гнілі
ў стадолах і хатах.
Іх чаротам накрылі
і саломай бахматай.
Бусел, стораж хаціны,
склаў гняздо на страсе тут,
нібы даў селяніну
ён для шчасця прыкмету.
– Эх, плячеш ты, мой мілы!
У вёсцы буслаў нямала.
Каб варожбам мець сілу –
шчасце скрозь красавала б!
О! Жывём мы шчасліва:
ані хлеба, ні солі.
Лёг пясочак на нівах,
зрос палын у стадоле...

В. Дубовка

...Ах, зямляча, зямляча,
дарагі Сыракомля!
Як жа час перайначыў
за стагоддзе наўколе!

Не пазналі б сягодня
аніак вы Палесся, –
тут сталёвыя коні,
тут шчаслівыя песні.

Тыя ж самыя хвоі,
што пры вас галасілі,
заспявалі такое,
што ўзнямае на крылля.

А па вёсках – прасторы:
Ні памежкаў, ні пана.

думка схована змрокам,
быццам іскрынка ў прыску.
Уздыхне ён глыбока
па сабе і па блізкіх.
Б'еца сэрца людское,
нібы молат у кузні.
Возьме так за жывое,
што на бога заблюзніць.
Угінаюцца плечы,
слёзы коцяцца з болю.
Варажбой, чалавеча,
не адолець нядолі.
Нас зраклося і сонца:
дзесь яно ў акіяне.
Бусел нашай старонцы
стуль прыносіць вітанне.
Ён ляціць з небасхілу,
нішчыць гадаў гатовы...
Не птушынаю сілай
зняць усім ім галовы!
Каб пазбыцца напасці,
каб сябе ашукаць чым,
хлусім сэрцу пра шчасце,
хоць яго і не бачым.
Людзі, быццам як дзеці:
шчасця, кажучь чакаем!
Пакуль сонца засвеціць –
выесць вочы раса ім.

Гора знішчана ў корань,
больш няма занядбаных.

Электрычнасць у хатах,
быццам зоркі ў вокнах.
Стрэх не убачыш бахматых,
воч не убачыш ты мокрых.

Не царква ці капліца –
у вёсках клубы і школы.
Моладзь на вечарніцах
ходзіць з песняй вясёлай.

Стала полымя з іскры,
зазіхцела над намі.
Захаванае ў прыску,
заялося кастрамі.

*Бусел – праўнук праўнукаў
тых, што вам клекаталі, –
са старою навукай
вымярае ўсе далі.*

*Ён знаёмым адзіным
быў бы ў тым падарожжы.*

*Ён не зрокся радзімы,
усё пра шчасце варожыць.*

*Не варожбы з малітвай,
а народная воля,
а ўпартыя бітвы
аднавілі наўколле.*

Вот дубовское видение современного ему Полесья:

*Плывуць па Прыпяці другія караваны,
вядуць іх цеплаходы за сабой.
Стаім,
глядзім,
жыццём зачараванья,
зачараванья палескай стараной.
Няхай цябя мінуць усе навалы,
каб ты не ведала ніякіх навальніц!
Каб толькі светлая жыццё тут красавала,
Якое сеньня ля дуброў тваіх шуміць!*

И все эти реалии конца 1950-х гг. овеяны юношеской романтикой **серебристобородого В. Дубовки (А. Велюгин)**. Как, например, это видно из стихотворения «Дождь в Мозыре» («Дождж у Мозыры») (приведем отрывок в переводе Н. Брауна):

*Теперь ты, жажда, прочь уйдешь, –
всех истомила ты за лето.
А дождь, давно желанный дождь –
веселый гость! – идет над светом.*

*Повсюду пыль вчера была,
а ныне, смытая струями,
она вся в Припять уплыла
проулками, как рукавами.*

*Как только дождь совсем затих, –
а он затих пред зарею, –
в лучах слепящих золотых
взлетело солнце над горою.*

*И Мозырь вдруг во всей красе
из дали увидав дорожной,
невольно поняли мы все,
что быть красивой невозможно!*
(1959)

Таким же солнечно-радостным, романтически-живописным является стихотворение «Восход солнца на Припяти» («Усход сонца на Прыпяці»). Другой романтикой, романтикой суровой исторической правды пронизано еще одно знаковое стихотворение «На

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

Замчице в Турове» («На Замчышчы ў Тураве») («Народ працоўны быў і вечна будзе. Яго не знішчыць не развее час!»).

На наш взгляд, привлекательность поэтике В. Дубовке придавала «игра» с рифмой. В его стихах читатель находил рифму классическую (разнабой – табой, пануе – такую, зямлі – жылі, лягла – імгла, пачалосе – сугалоссе и др.), рифму собственно-дубовковскую (сваім – спаліў, палацы – смяяцца, слодыч – лёду, прыйшла – шлях, высып – выспы, сум – красу, змрок – зарок т.д.). Правда, в таком переплетении достаточно часто наряду с рифмами глубокими встречались и не совсем глубокие, поврехностное рифмование. Безусловно, это замечалось и самим поэтом, и рецензентами. А поэтому «шлифовка» поэтики велась им постоянно.

Поэтическая «птица» В. Дубовки имеет в это время огромный пространственно-временной диапазон. И охватывает он пространство и время от Западной Европы и Сирии (переводы сонетов Шекспира и текстов Абдуль Фараджа) до космической проблематики. Вот, к примеру, поэма «Свинцовый век» («Свінцовы век»), датированная 29 сентября 1964 г. Поэт действительно мечтает о городах в космосе («А як не стане месца на зямлі, – у космас пойдучь нашы караблі...») и на океанском дне («І пад вадой паўстанучь гарады, каб здабываць падводныя плады...»), о том, как планета Земля станет волшебным садом («А на землі суцэльны будзе сад, Дзіва ў гэтым садзе будзе шмат...»). Хотя в поэме звучат и политические мотивы, определяющей все же звучит уверенность Вл. Дубовки, что будет «новый», «не горшы свет першай – лепшай у сям’і планет...». Сам поэт считал поэму навершенной. На наш взгляд, она читается как вполне целостное произведение, позволяющее понять многоплановость его послелагерного творчества.

Справедливости ради, заметим, что, в этом многообразии проблем поэту, на наш взгляд, не вполне удалось проникнуть в суть трагических событий, имевших место на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны. Да, он не жил здесь в это время. Не видел, не чувствовал... А пересказы для В. Дубовки – это занимательно, интересно, но не совсем убедительно. И все же о том, что поэт постиг, общаясь с земляками, постиг и прочувствовал можно судить хотя бы по таким его произведениям, как «Маленькая героиня» («Маленькая гераіня»), «Поставская партизанка» («Пастаўская партызанка»), «Партизанский баян» («Партызанскі баян») и др.

Давайте вчитаемся, вдумаемся в размышления поэта:

*З партызанскім атрадам хадзіла і ты
па сыпучых пясках, па дарожках лясных.
У паветра ўзляталі вагоны, масты,
падрывала і ты ненавісны «бліцкрыг»...*

*Два жыцці перажыты ў кароткім адным,
па дарожках лясных, па сыпучых пясках.
Не пагасне ніколі пра іх успамін,
бо цяжкі і вялікі кароткі той шлях.*

*Задуменна гляджу на тваю пекнату,
надзівіцца ніяк на яе не магу.
І здаецца мне ўсё:
ты стаіш на пасту,
а навокал – бярозкі, ядловец, багун...*

Здесь есть все – и поэтическое понимание трудностей партизанского движения, и диалектика жизни и смерти, но, на наш взгляд, главное, чтобы в борьбе с врагом не произошло, помни, что в память о тебе будут родные *«бязрозкі, ядловец, багун...»*.

«Свершившимися раскрыть прежния мечтания поэта!» К такому выводу (в разных прочтениях, но одинаковых по смыслу) пришли и О. Лойко, и Ю. Пширков, и Д. Бугаев, и М. Арочка, и А. Мартинович, и другие исследователи поэтического творчества В. Дубовки в конце 1950–1970-х гг. Думается, правы литературоведы – ведь родная земля Белоруссии, породившая поэта, станет и последней его родиной...

В исследуемом нами периоде особенно ярко проявился талант В. Дубовки как поэта-сказочника. Во второй половине 1960-х гг. проявится еще одна его склонность, а именно – детская проза. В 1967 г. из печати выйдет повесть «Желтая акация» («Жоўтая акацыя»), в 1969 г. – повесть «Анна Алелька» («Ганна Алелька»). Но это уже другая тема. Уже в «Полесской рапсодии» напечатаны сказки «Кто сильнее?» («Хто дужэйшы?»), «Миловица» («Мілавіца»), «Как появился огонь на Полесье» («Як з’явіўся агонь на Палессі»), «Материнский совет» («Матчына парада»), «Зима и лето» («Зіма і лета»).

Подтверждая для читателя свое увлечение народными преданиями, поэт как бы подкрепляет его стихотворным обоснованием – «Много сказок разных» («Многа казак розных»), «Старобинская сказка – Солигорская быль» («Старобінская казка – Салігорская быль»), «Ночь на Припяти и сказка о звездах» («Ноч на Прыпяці і казка пра зоркі»), «Народная сказка об аисте» («Народная казка пра буцяна»), «Теперь не в песнях, а на яву» («Цяпер не ў песнях, а на яве») и др.

Авторско-народные предания В. Дубовки станут доступными для маленького читателя в изданных в начале 1960-х гг. книгах: «Чудесная находка» («Цудоўная знаходка») (1960), «Как синичка к солнцу летала» («Як сінячок да сонца лятаў») (1961), «Цветы – солнечные дети» («Кветкі – сонцавы дзеткі») (1963), «Миловица» (1964) – всего около двух десятков чудесных сказок. Несмотря на привлекательность и популярность у детского (и взрослого) читателя его поэтических сказок, В. Дубовка всегда подчеркивал: *«Так, они и есть народные (сказки. – А.Р., Ю.Р.), а моя лишь стихотворная обработка и композиционные решения»*. И даже более откровенно в предисловии ко второму тому 2-томного издания «Избранных произведений» (Минск, 1965) поэт пишет: *«Сказки взяты из народной сокровищницы. Автор (В. Дубовка. – А.Р., Ю.Р.) придал им стихотворную форму и согласовал их композиционно»*. Тем не менее скромное признание сказочника не удержало критика и прозаика М. Стрельцова подчеркнуть, что авторское прочтение – это «живое, пранікненне ў народную творчасць, тонкае адчуванне законаў, паэтыкі, светаўспрымання тых, што вякамі стваралі неацэнныя мастацкія скарбы»¹. Заметим, что поэта привлекали народные мудрости, записанные выдающимся исследователем славянского фольклора М. Федоровским, сказки и предания, услышанные им от полешуков во время путешествия по Полесью. Семь народных сказок, песенно-народные мотивы, звучащие в стихотворениях «Туровская Галя», «Поет девчина над рекою» («Пяе дзяўчына над ракою»), «Голос партизана» («Голас партызана»), вошедшие в «Полесскую рапсодию», – лучшее подтверждение тесной связи лирики Дубовки с традициями народной поэзии. Союзный журнал «Семья и школа» писал, что «сказки Дубовки... учат детей быть послушными, уважать старших, приносить людям радость и счастье»².

Не обходил наш земляк вниманием и сюжеты из китайского, индийского фольклора. Читателю он признался об этом в конце однотомника своих избранных сказок «Цветы – это солнца дети». Да и в начале книги значится подзаголовок «На основе народ-

¹ Стральцоў, М. Літаратура і мастацтва. – 1960. – 13 красав.

² Плодунов, И. Малыши порадуются / И. Плодунов // Семья и школа. – 1963. – № 12. – С. 30–31.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

ных мотивов». Подобная диалектика (мое, личное, авторское и общее, народное), на наш взгляд, может быть объяснением тому, почему детские произведения (а это ведь белорусская детская классика, своеобразная сказочная «педагогическая поэма». – А.Р., Ю.Р.), практически не доносятся до юного белорусского читателя начала XXI в. Объективным, на наш взгляд, является *мнение, высказанное белорусским литературоведом М. Арочкой: «Владимир Дубовка оставил нам пожелание-наказ, как следует подходить к эстетической красоте, что мудро запасали для нас народные таланты и как нужно заботиться о ее современном обогащении»*³.

В 1964 г. белорусский читатель снова был порадован В. Дубовкой – из печати вышла книга его переводов шекспировских сонетов, приуроченная к 400-летию со дня рождения великого англичанина⁴. Чтобы представить уровень переводческого мастерства, *обратимся к Ю. Пширкоу, одному из авторитетных исследователей творчества нашего земляка: «Секция переводчиков московской писательской организации, – пишет Ю. Пширков, – в свое время очень высоко оценила их (переводы В. Дубовкой сонетов Шекспира. – А.Р., Ю.Р.) и поставила выше переводов Маршака, а это уже сама по себе чрезвычайно высокая оценка, ибо С.Я. Маршак за мастерский перевод бессмертной поэзии гениального драматурга (Шекспира. – А.Р., Ю.Р.) был удостоен Государственной премии СССР»*⁵. «Выдающимся» назвал переводы В. Дубовки народный поэт Беларуси Петрусь Бровка. Подчеркнем и такую особенность переводов В. Дубовки: каждый из сонетов на белорусском языке завершается двустрочием, в концентрированном виде выражающем философскую основу перевода и его содержательную часть, направленную на то, чтобы сделать человека человеком, понять смысл таких жизнеутверждающих понятий, как дружба, любовь, красота. Поэтому и не удивительно, что книга переводов В. Дубовки сразу же стала библиографической редкостью. Нам остается лишь заметить, что это было продолжение переводческой деятельности над романтическими произведениями Дж. Байрона («Шильонский узник», «Каин», «Бронзовый век»), начатой В. Дубовкой в начале 1930-х гг. во время заключения в тюрьму ГПУ в Минске.

А еще ведь были интересные переводы И.-В. Гёте, Ю. Словацкого, В. Сырокомли, Ду Фу, М. Рыльского, П. Тычины, сирийского писателя и ученого XVIII в. Абдуль Фараджа. Вот лишь некоторые из них:

Из Ду Фу

*Жуду слабейшым
тыгр прыносіць люты,
але ж і ён трапляе
усё ж ткі ў клямар:
закручаны ўжо лапы
у моцных путах –
ён марна ушчыняе
грозны лямант.
Пад ногі ляжа
шкура нежывая,
шклянныя вочы
не пабачаць свету.
З людзьмі, дарэчы,*

³ Арочка, М. Саюз часу і мастэрства / М. Арочка. – Мінск, 1981. – С. 115

⁴ Дубоўка, Ул. Санеты / Ул. Дубоўка. – Мінск, 1964.

⁵ Пшыркоў, Ю. Улюбёны ў красу і прыгажосць / Ю. Пшыркоў // Полымя. – 1981. – № 1. – С. 231.

*горшае бывае:
няхай тыраны
ведаюць пра гэта!*

Из Абдуль Фараджа

*Адзін бадшах спытаў свайго дарадцу:
– Як радзіш ты з навушніцтвам змагацца?
Той адказаў:
– Абодва рэзаць вухі тым,
хто навушнікаў не кіне слухаць.*

* * *

*Разумны –
заўсяды з разумным будзе ў згодзе.
Дурны –
і дурня,
і разумнага абходзіць.*

* * *

*Ты гаварыў:
«Гарэлка носіць шкоду».
Дык як пазбыцца гэтай перашкоды?
Мудрэц сказаў:
– За кожнай чаркай
ты заядай падсмажанаю скваркай.*

* * *

*Чаму зайздросны вечна незадаволен,
няма спакою ў яго ніколі?
– Яго гнятуць уласныя няўдачы,
ён ад чужых удач таксама плача...*

из И.-В. Гёте

*Калі сажалку закаваў лёд,
жабы схаваліся ў твань балот.
Крумкаць, скакаць больш не жадалі,
а засыпаючы дакляравалі,
што як узнімуцца зноў на прадвесні,
будуць спяваць салаўіныя песні.
Вясна прыйшла. Стаяў той лёд.
Жабы ўзняліся з твані балот.
Селі яны ля тых берагоў
І закрумкалі... як жабы ізноў...*

Из Ю. Словацкого

*...Я заклінаю: жывыя, надзею не трацьце!
Перад народам трымайце асветы паходню.
Трэба памерці – адзін па адным памірайце,
Але руйнуйце варожую сілу вы штодня...*

Из В. Сырокомли

*... Песня! Я ў табе пакіну
Варты неба дар нябесны!
Ты памерці не павінна,
А з табой і я ўваскрэсну!*

*Нелюдзь, пэўна, мкнецца будзе
Здратаваць цябе і смерці.
Але знойдуцца і людзі
Паратунак даць ад смерці!*

Из В. Шекспира*

*Каб мог ты вечна быць самі сабою!
Але жывеш на свеце да пары.
Пакуль не стане смерць перад табою,
Сабе падобны вобраз ты ствары.*

*Краса табе аддадзена на раты,
Але і вечнай можа стаць, калі
Твой вобраз будзе новым пераняты
І будзе красаваць з ім на зямлі.*

*Хто дасць, каб дом цудоўны быў зруйнован,
Ці сцюжай смерці, ці ціхой зімой?
Гаспадаром руплівым апільнован,
Устоіць ён перад навалай злой.*

**Ты бацьку меў. Дазволь, другому, мілы
Сказаць такое ж ля тваёй магілы.**
(выделено нами. – А.Р., Ю.Р.)

* * *

*Надыдзе час, калі мая любоў,
Падобна мне, сагнецца пад гадамі,
Калі пачне ў жылах стынуць кроў,
А зморшчкі лягуць на чале радамі;*

*Калі ад золку маладосці шлях
На захад прыйдзе, стане там ля схілу,
І зіхаценне згасне ў вачах,
І веснавая ўся пагасне сіла.*

* Всего В. Дубовка перевел на белорусский язык 154 сонета В. Шекспира.

*Той дзень чакаючы, цяпер ужо
Я супраць смерці падрыхтую зброю,
Каб часу усёзнішчальны сквапны нож
Не сцяў любоў ад памяці людское.*

*А зброя гэта – кніг маіх радкі
Якія будуць жыць ва ўсе вякі.
Любоў мая не ідалапаклонства,
А мой каханы ідалам не ёсць,
Хоць пра яго, яму пяю бясконца,
Я гоню ўслаўляю прыгажосць.*

*Сягодня, заўтра, ён усё прыгожы,
Ён будзе вечна ў харакстве такім.
Таму і верш мой без яго не можа,
Пяе пра аднаго, жыве адным.*

*Краса, Прыязнасць, Цнота мне так любы.
Красу, Прыязнасць, Цноту слаўлю я.
Яны – як кола, у якім я ўсюды
І ў якім уся любоў мая.*

***Красу, Прыязнасць, Цноту – усе тры сілы
Жыццё шчасліва ім адным злучыла.***

Переводы на белорусский язык Дж. Байрона составили более половины книги Великого Англичанина, изданной в БССР в 1963 г. Как оценивалось специалистами мастерство Дубовки-переводчика, можно судить по словам «мэтра» белорусской поэзии П. Бровки: «З’яўленне дасканалага, па-майстэрску зробленага Уладзімірам Дубоўкам перакладу на беларускую мову “Шыльёнскага вязня” – справа, якая заслугоўвае ўсялякай увагі... значны падзел ў нашым культурным жыцці»⁶. И, конечно же, нрельзя не оставить без внимания суждения В. Короткевича: «Пакідае надзвычай добрае уражанне работа Уладзіміра Дубоўкі над “Шыльёнскім вязнем”, гэтай песняй мужнасці і тугі. Добра перададзены той стрымана-грозны, прароцкі тэмп, якім вызначаецца гэтая паэма... Ягоны ж пераклад “Каіна” – сур’ёзная, вельмі разумная і таленавітая работа... Люцыфер – дзіва! Яго словы пра бога – цуд! Я дагэтуль трызню размовай Каіна і Авеля... (А это ведь писал В. Короткевич. – А.Р., Ю.Р.), Дубоўка паказаў, якія разнастайныя рэчы ён можа рабіць. І бліскуча рабіць»⁷

* * *

Безусловно, прав поэт Сергей Гроховский, утверждая, что «каждый сонет, каждая строка звучат так естественно, так поэтически и афористично, что забывается об их первооснове»⁸.

В.Г. Белинский в свое время писал, что шекспировские сонеты «составляют богатейшую сокровищницу лирической поэзии». Не будет преувеличением, если сказать, что в эту сокровищницу с полным основанием могут быть включены и переводы шекспировских сонетов, сделанные В. Дубовкой.

⁶ Броўка, П. Шэдэўр сусветнай паэзіі // П. Броўка // Польша. – 1961. – “ 1. – С. 140.

⁷ Каратквіч, У. ...Будзеш свой сярод чужых / У. Каратквіч. – Польша. – 1963. – № 10. – С. 189.

⁸ Грахоўскі, С. Паэт – заўсёды паэт / С. Грахоўскі // Маладосць. – 1970. – № 7. – С. 141.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

В 1973 г. из печати вышла книга воспоминаний В. Дубовки «Лепестки» («Пялёсткі»), в которой поэт будто бы возвращался в свою юность, к запечатленным в памяти образам своей молодости. Рефреном в книге звучали два понятия – «шиповник» и «возвышенность» («Узвышша» – так называлось литературное объединение писателей Советской Белоруссии, одним из организаторов которого был В. Дубовка). Ибо поэт действительно стал ощущать себя на возвышенности жизни и литературы.

В завершение нашего исследования семилетнего периода (1958–1965) жизни В. Дубовки сообщим читателю, что наиболее фундаментальные литературоведческие материалы о его творчестве содержатся в «Истории белорусской советской литературы» (в 2 т. Минск, 1965–1966) и книге Дм. Бугаева «Владимир Дубовка. Критико-биографический очерк» (Минск, 1965–2004). Пишем об этом потому, что сохранилась оценка этих книг, данная самим В. Дубовкой. В одном из писем, адресованном Дм. Бугаеву, В. Дубовка пишет: «...Правда, за последние годы было опубликовано немало хороших отзывов на отдельные мои сборники и произведения, но Ваша работа – впервые дает обзор творчества за всю мою жизнь. Мы (В. Дубовка с женой Марией Петровной. – А.Р., Ю.Р.), понятно, воспринимаем ее иначе, чем будут воспринимать читатели. Она будто кинолента провела нас по всему жизненному пути, открывая перед нашими глазами многие забытые или полужабытые эпизоды, или отдельные рисунки. За один этот день (когда читалась книга. – А.Р., Ю.Р.) я пополнил свою записную книжку парой десятков заметок о таких прошлых эпизодах и фактах...

...Ваша работа фактически первая опубликованная работа, которая не только поднимает новые факты, но дает объективную оценку многим ранее известным фактам»⁹.

Прошедшие более чем полста лет после выхода в свет книги Д. Бугаева дают право заявить о том, что именно это исследование позволило окончательно развеять обвинения В. Дубовки в надуманных литературно-нравственных инсинуациях (например, восхваление неких «сверхлюдей», как это делали в 1957 г. и даже в 1960 г. А. Кучар и Л. Залеская), обосновать его право на равное с другими авторами (в том числе и репрессированными. – А.Р., Ю.Р.) функционирование в национальной литературе, в конце концов, помочь в создании условий для нормальной жизни и работы на родной белорусской земле.

И, думаем, не ошибся известный литературовед Дз. Бугаев, подчеркнувший: «...Дубоўка – арыгінальны майстар мастацкага слова і мужны, цудоўны чалавек, які да апошніх дзён свайго жыцця (20 красавіка 1976 г.) натхнёна працаваў на ніве беларускай літаратуры»¹⁰

В честь Поэта и Гражданина в Поставском (на родине В. Дубовки) краеведческом музее открыт мемориальный зал, где поклонники его творчества могут познакомиться и с его жизнью, и с творческой деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубоўка, У. Палеская рапсодыя: вершы / У. Дубоўка. – Мінск, 1961.
2. Дубоўка, У. Кветкі – сонцавы дзеткі: казкі / У. Дубоўка. – Мінск, 1963.
3. Дубоўка, У. Выбраныя творы: у 2 т. / У. Дубоўка. – Мінск, 1965.
4. Дубоўка, У. Казкі / У. Дубоўка. – Мінск, 1968.
5. Дубоўка, У. Вершы / У. Дубоўка. – Мінск, 1970.
6. Дубоўка, У. Залатыя зерняты: казкі / У. Дубоўка. – Мінск, 1975.

⁹ Цит. по: Бугаёў, Дз. 3 эпістальнай спадчыны Уладзіміра Дубоўкі / Дз. Бугаёў // Польшча. – 1991. – № 7. – С. 150.

¹⁰ Бугаёў, Дз. Уладзімір Дубоўка «Кніга пра паэта» / Дз. Бугаёў. – Мінск, 2005. – С. 239.

ЯНКА ЖУРБА

В 1950-м году любители белорусского поэтического слова получили неожиданный «подарок» – из печати вышла книга избранных произведений старейшего белорусского литератора, выпускника Полоцкой учительской семинарии (1902 г.) Янки Журбы (настоящее имя Ивашин Иван Яковлевич).

Янка Журба родился 18(30) апреля 1881 г. в д. Купнино Лепельского повета Витебской губернии (ныне в границах г. Чашники) в бедной крестьянской семье. Окончил Глуховский учительский институт на Черниговщине. Учительствовал в школах Витебщины, на Украине, в России. Первое стихотворение «На берегу Двины» напечатал в газете «Наша нива» в 1909 г. (начало творческой деятельности). Первый поэтический сборник «Зарницы» («Заранкі») издал в 1924 г. Критика встретила книгу достаточно сдержанно, справедливо упрекая автора за художественное несовершенство, риторичность. Из-за ухудшения зрения в 1934 г. вышел на пенсию. Последние годы жил в д. Слобода под Полоцком и в Полоцке. Своей семье поэт не имел, помощь ему долгое время оказывали опекуны. На старости лет он провел немало трудных дней в нужде и печали: «Я встречаю праздничные дни (речь идет о 80-летию Я. Журбы. – А.Р., Ю.Р.) невесело. Причина тому – мои болезни, от которых я лечусь в Полоцкой больнице седьмой месяц, и не знаю, когда перейду на квартиру» (цит. по: Письмо Я. Журбы к Шемякину. – ЦГАЛиИ. – Ф. 154. – Оп. 3. – Д. 115). Умер 7 января 1964 г., похоронен на Ксаверьевском кладбище в г. Полоцке.

Почти 70 лет было поэту-ветерану. Однако его возвращение к творческой деятельности стало лучшим подтверждением верности сформулированному еще в юношеские годы жизненному принципу: *«Есть за что в жизни сражаться, есть в ней что полюбить!»*

Перенеся суровые военные годы, прожив жизнь в условиях фашистской оккупации, видя разрушенное войной хозяйство, поэт не мог остаться в стороне от всенародного трудового подъема, искал свое место в послевоенной жизни. А сделать это было непросто – поэт оставался почти слепым, потеряв зрение окончательно еще в 1944 г. Вот и приходилось вслушиваться в беседы соседей, расспрашивать родственников, встречаться с рабочими и колхозниками. Журналист Л. Главацкий, вспоминая о встрече с поэтом весной 1962 г., в статье «Гимны красоте чудесных дней», посвященной 100-летию со дня его рождения, приводит довольно редкое признание Я. Журбы. *«Я знаю, – заметил поэт, – у Вас есть желание спросить, не трудно ли мне работать, но удерживает от такого вопроса тактичность. Да, трудно. Очень трудно, невероятно трудно. И не только потому что трудно записать или проверить. В конце концов может прийти сестра Мария и записать. Дело совсем в другом. Вы знаете, что для любого творческого человека, а больше всего для поэта, вся красота мира, я бы сказал, его ценность, заключается в постоянном движении, не останавливаемом изменении цветов, красок, звуков и, возможно, движений света».*

Он тяжело вздохнул и продолжил: *«Так вот. Для меня главная беда та, что я лишен возможности видеть это движение, эту изменчивость, которые, как искры для пожара, дают мощные импульсы для творчества. Слеп я не сразу, темнота окружала меня постепенно. Еще тогда, когда я неплохо видел, это обстоятельство очень мешало мне в работе. Вы скажете, есть память. Да! Но и для памяти необходимы свежие соки. И вот за долгие годы темной ночи память моя пошла куда-то назад. Сейчас я ловлю себя на том, что окружающий мир существует только таким, каким видел его я в раннем детстве. Но*

на самом деле это не так. И это также мне очень мешало и мешает. Я не жалею, нет. Но я хочу, чтобы вы поняли, почему в последнее время я пишу мало»¹.

Горькое, но откровенное признание...

Услышанное поэтом пропускалось через душу и сердце, трансформировалось в художественные образы, насыщалась чувством и эмоциями. Из-под пера поэта выходят стихи на самые актуальные темы. Одни из них отличаются острой публицистичностью («Наше знамя выше взвейся» («Наш сцяг вышэй лунай»). «Былі калгасы нашы разбураны вайной, а сёння расквітнелі красою маладой»); другие – пронизаны интонациями устного поэтического творчества, присущей всей предшествующей поэзии Я. Журбы. Ритмика их живая, легкая, как и жизнь тех людей, о которых он пишет. Поэт находит простые меткие слова, чтобы побеседовать с юными читателями, выявить самые скрытые, самые таинственные движения детской души («Песня о весне» (Песня пра вясну)), «Пастушок» («Пастушок»), «Наша елка» («Наша ёлка») и др.).

В своей «Автобиографии» («Аўтабіяграфіі»), подготовленной для сборника «Писатели Белоруссии», Я. Журба пишет: «В 1950 году вышли из печати мои «Избранные произведения» («Выбраныя творы») и сборник стихотворений для детей дошкольного возраста под названием «Ласточки» («Ластаўкі»). В 1955 г. избран сборник произведений для детей младшего и среднего возраста «Солнечное утро» («Сонечная раніца»). Тогда я был награжден медалью «За трудовое отличие». В 1959 г. вышли в свет две мои книжки: поэтический сборник «Ясные пути» («Ясныя шляхі») и сборник стихотворений для детей старшего возраста «Светлые дни» («Светлыя дні»)»². Заметим, что произведения Я. Журбы переведены на русский, литовский, монгольский, польский, украинский и эстонский языки.

Тематика написанного Я. Журбой в послевоенный период достаточно многообразная. Поэт восхищенно говорит о радостном и ударном труде у заводского станка – «Дык аб чым жа спяваюць гудкі нам па-над горадам шумным, бурлівым, калі раніца золатам сонца атуляе і пясціць зямлю? Нам спяваюць гудкі аб адзінстве, аб свабоднай і радаснай працы, што вядзе к шчасцю-сонцу працоўных, што магутным зрабіла наш край» (стихотворение «Гудки» (Гудкі», 1946); радуется возрожденной из руин столице Советской Белорусии:

Я ў сталіцы ізноў
Сярод гмахаў-дамоў,
Што здзіўляюць красою небывалай.
Як ты пышна расцвіў,
Малады родны Мінск,
Пасля грознай фашысцкай навалы!

Сёння вуліцы тут
Будаўніцтвам шумяць,
Каляруюць будынкi ў праменнях.
Льецца радасны спеў
Пра героіку дзён,
Усё пульсуе тут творчым імкненнем...

«У новым Мінску», 1955

Возвышенные слова находит Я. Журба для воспевания трудового героизма белорусов в заводских цехах («На заводе» («На заводзе»)) и на колхозных полях («Жатва» («Жніво»)), «Богатая осень» («Заможная восень»), «Большая дружба» («Вялікая дружба»),

¹ Віцебскі рабочы. – 1981. – 30 красав.

² Журба, Я. Аўтабіяграфія / Я. Журба // Пра час і пра сябе. – Мінск, 1966. – С. 165.

«Песня тракториста» («Песня трактарыста»), «На колхозном покосе» («На калгаснай сенажаці») и др.). Обобщая типичные приметы реальной жизни, поэт в романтически приподнятом, даже философском обращении в стихотворении «Гимн борьбе» («Гімн змаганню») пишет:

*Магутным молатам змагання,
Пакуль гараць душы агні,
Куём мы сонечнае ранне,
Куём мы радасныя дні.*

*Краса, і блеск, і сонца ззянне –
Цвітуць палі, цвітуць лугі...
То моц адвечнага змагання,
Што нішчыць пумы-ланцугі.*

*Змаганне крышыць перашкоды;
Змаганне – вечнай змены бег,
Усё жывое ім сагрэта.
Жыццё і шчасце – у барацьбе.*

*Змаганнем нішчыцца старое,
Змаганнем свет увесь сагрэт;
Яно нам – сонца залатое,
Што ажыўляе ўвесь свет...*

Именно стремление чувствовать ритм ударного труда, ощущать свою принадлежность к происходящим в СССР и родной Белоруссии событиям заставляли поэта читать по-новому свои стихи, написанные в 1920–1930-е гг. Подтверждением тому – читаем у автора предисловия к поэтическому сборнику Я. Журбы «Произведения» Алеся Бельского – может служить тот факт, что сам Я. Журба по-новому выгранил строфы многих стихотворений, которые были написаны в 1930–1950-е годы, а потом в обновленном виде вошли в последние прижизненные книги «Ясные пути» и «Светлые дни».

Несмотря на свой недуг, Я. Журба стремился быть в курсе всех новых жизненных явлений, превращая слуховые восприятия в художественные строки. Сердце поэта оставалось беспокойным, жизненно-эмоциональным и это придавало стихам открытость, непосредственность и даже... повод для упреков в чрезмерном увлечении устным поэтическим творчеством. **Писатель Иван Стадольник, которому в его творческой жизни повезло не один раз встречаться с Я. Журбой, приводит следующий пример** (речь идет об их беседе после полета Ю. Гагарина в космос. – А.Р., Ю.Р.): **«Иван Яковлевич (Я. Журба. – А.Р., Ю.Р.) под впечатлением этого величественного события написал в те дни стихотворение и, читая его мне, весь светился радостью. Потом открыл шкаф, отыскал газету «Правда» за 1957 г., где было опубликовано сообщение ТАСС о запуске первого спутника земли, и с гордостью сказал: «Всего четыре года прошло, а уже человек в космосе. Вот бы дожить до того времени, когда полетим на Марс». После этого более понятной становится та публицистичность, которой пронизаны строки из стихотворений «Не сдержат, не остановит нас сегодня!..»³ («Не стрымаць, не спыніць нас сягодня!..»):**

³ Стадольнік, І. Сустрэча назаўсёды / І. Стадольнік // Я. Журба. Мая песня. Вершы. – Мінск, 1984. – С. 4.

*Не стрымаць, не спыніць нас сягодня
У нашай дружнай і радаснай працы!
Усё шырэй засяваем мы гоні:
Свайго часу мы марна не трацім.*

1961

Эмоциональная, патриотическая наполненность стихотворений Я. Журбы нет-нет да и «пробуксовывала»: не все произведения социально-гражданского звучания характеризуются строгим соответствием единства формы и содержания, видна лозунговость, излишняя потетика, погрешности в использовании любимого им белорусского языка.

На наш взгляд, эти недостатки сглаживались, исчезали, когда в своем поэтическом творчестве Я. Журба обращался к своим любимым темам. Главным образом это:

- эстетика красоты родного края, его природы, умение не только нарисовать ту или иную картину, но и передать настроение, душевное состояние лирического героя;
- стихи о любви и дружбе;
- детская аудитория, к которой он как педагог тяготел еще в начале своего творческого пути.

Вот, к примеру, строки из стихотворений из книги «Ясные дали», которые могут служить образцом высокого мастерства в передаче природных явлений, **«самой души природы»** (В. Куценко).

*Я рос сярод красы прыроды,
Душу сваю з прыродай злў,
І ў шчасны час і ў час нягоды
Яе заўсёды я любіў...*

«Мае маленства»

*Я сягодня не засну:
Сустракаць пайду вясну.
У садочку, ля маліны,
Дзе духмяныя галіны
Прытуляе бэз к кустам,
Я вясну спаткаю там.*

*... А над садам, на прасторы,
Ззяюць залатыя зоры,...
...Сёння сад у срэбным бляску,
Мне лісткі раскажуць казку.*

*Буду казкі й сам складаць
І з прыродай размаўляць,
Бо яе люблю я шчыра,
Мне яна з дзяцінства міла...
Не!.. ўсю ноч я не засну:
Сёння я сустрэў вясну.*

«Сустракаць пайду вясну»

*Прыціхлі ў стоме і лясы, і зямля,
Чакаюць прахлады расліны, ралля.
А спёка мацнее, наўкол цішыня:
Прырода чакае даждлівага дня.*

*І цёмная хмара з-за лесу ідзе,
Маланкі, грывоты з сабою вядзе,
Расце і расце, абняла небасхіл.
Схавалася сонца, віхорыца пыл.*

*А вецер мацнее, у дрэвах шуміць,
У хмарах маланка пажарам блішчыць.
Згусціліся сілы магутныя вод,
І сыплюцца кроплі дажджу, нібы шрот.*

*...Прайшла навальніца, грукоча здалёк,
Бо музыка грае, вясёлы грамок.
Прарэзала неба вясёлка дугой,
Аздобіла далі красою сваёй.*

*Блакiт небасхілу і ясен, і чыст,
Не шэпча на дрэвах здаволены ліст.
Абмыліся кветкі, глядзяць весялей,
Дзівоснай прыгожасцю вабяць людзей...*

«Навальніца»

О том трепетном отношении к родному краю, которое было присуще поэту на всех этапах его жизнедеятельности (и во время учебы и учительствования на Украине, и в годы жизни в эвакуации в Симбирской губернии (ныне Ульяновская область Российской Федерации)) свидетельствует все его творчество: первое стихотворение посвящено реке Западная Двина, затем будут написаны стихи «Моя речка» («Мая рэчка»), «На родине» («На радзіме»), «Как люблю я тебя, Белоруссия!..» («Як люблю я цябе, Беларусь!..»), «Мое детство» («Мае маленства»), «Западная Двина» («Заходняя Дзвіна») и др.

Небезынтересными для сегодняшнего читателя, на наш взгляд, будут суждения самого Я. Журбы о городе Полоцке, записанные журналистом Л. Главацким весной 1962 г.: «Вас видимо интересует, почему я поселился здесь, в Полоцке. Я не считаю это место деревней (дер. Черненщина в те годы была в 3 км от западной окраины Полоцка. – А.Р., Ю.Р.), это все же – Полоцк. Полоцк для меня, как маяк на дороге, в конце которой светят мои звезды, блестят мои росы, затаились мои весны...»

И далее: «... Вы также доживете до старости. И запомните мои слова: этот город не даст вам покоя. Он будет вечно звать вас. Такой он – Полоцк. Я люблю сидеть на этой скамейке. И когда я поворачиваю лицо в сторону Полоцка, то мне кажется, что я вижу солнце».

Оказалось, прав был Я. Журба. В наши дни Полоцк действительно стал красивейшим городом Республики Беларусь. Это уникальный историко-архитектурный комплекс, привлекающий ежегодно сотни тысяч гостей и туристов.

Стихи о любви и дружбе, объединенные в поэтический цикл «Майское утро» («Майская раніца») в сборнике «Ясные пути», привлекают читателя полной гаммой человеческих чувств – радостью первой встречи с любимой («Не забыть мне майских дней...» («Не забыць мне дзен маёвых...»)), искренностью зрелого чувства («Любовь» («Каханне»)), «В солнечных лучах» («У сонечных праменнях»)), «В майское утро» («У маёвую раніцу»)), ожиданием новых встреч («Золотисный вечер догорает» («Залацісты вечар дагарае»)). Вот одно из стихотворений цикла – «Сонет» («Санет»).

*Я помню сад у срэбраным уборы...
Паміж красуючых духмяных дрэў*

*Стаяла ты – уся ў белым. Сад шумеў.
У цьмяным небе замігцелі зоры.*

*Тужліва пазіралі твае вочы.
Я ведаў – ты аб нечым сумавала,
Але аб чым – тады мне не сказала.
Квяцісты сад хаваўся ў полаг ночы.*

*Я падышоў к табе між белых дрэў.
Ноч ціхая над садам панавала.
Твой сум уцешыць словам я хацеў..*

*І голас мой ад болю анямеў,
Бо ты са мной таксама сумавала,
Але аб чым – тады мне не сказала...*

Произведения для детей исследователи творчества Я. Журбы (например, Л. Царенков, В. Куценко и др.) называют в числе лучших из написанного поэтом. И это вполне понятно – он имел педагогическое образование и долгие годы работал в детско-юношеской образовательной среде, глубоко знал и поведение, и психологию детей, их мечты и стремления.

А еще в творческой биографии Я. Журбы значилась и переводческая деятельность. Еще в 1930 г. он перевел на белорусский язык роман Ф. Достоевского «Бедные люди», а затем были переводы стихов М. Голодного, С. Островского, В. Сосюры, других авторов.

Всю свою жизнь Я. Журба посвятил двум главным занятиям – служению белорусской литературе и воспитанию подрастающего поколения. Любовь читателей к его творчеству заслуженная и неподдельная. Лучшее подтверждение тому – издание уже после его смерти книг поэзии «Стихотворения» («Вершы») (1970), «Родное» («Роднае») (1980), «Моя песня» («Мая песня») (1984), «Произведения» («Творы») (1993). Есть все основания, чтобы заявить: поэтическому творчеству Янки Журбы – мудрого учителя, высокоэрудированного человека, типичного представителя старой белорусской интеллигенции – по праву принадлежит самое почетное место в художественной культуре Витебщины и Беларуси.

СЕРГЕЙ ЗАКОННИКОВ

Поверьте, хлопцы, но Ушаччина, где я родился, не только моя земля. На ней родились такие интересные поэты, как Евдокия Лось и Рыгор Бородулин, ушачская земля дала нам Василя Быкова. А вот совсем недавно я открыл не только для себя, но и для всех любителей поэзии очень интересное имя. И тоже ушачского хлопца – Сергея Законникова. Уверен, что он скажет свое слово в поэзии...

П. Бровка

Сам поэт о вхождении в белорусскую литературу рассказывает: *«Мая зямля – лясная, азёрная Ушаччына, дзе я вырас, паэтычны край. Сама прырода і сёння нашэптвае мне пошумам сасновых вершалін, посвістам ветру ў чаротах нейкія радкі, строфы. Першыя кволенькі вершы, надрукаваны ў раёнцы, быў прысвечаны палёту Ю. Гагарына ў космас. Вучыўся я тады ў восьмым класе. Сённяшняя моладзь, якая ўжо засынае і прачынаецца з камп'ютэрам, і не ўяўляе, што тады рабіолася, якое было ўзрушэнне ў нас – вясковак падлеткаў, якія гадаваіся ў глухамані. А паверыць ў свае здольнасці, палюбіць роднае слова мне дапамог выдатны чалавек Уладзімір Ганчароў, які працаваў у абласной газеце «Віцебскі рабочы»¹.*

Активной творческой деятельностью в белорусской советской литературе в 1970 – начале 1990-х годов был поэт и литературный критик Законников Сергей Иванович (Сергей Законников). Родился 16 сентября 1946 г. в деревне Слобода* Бешенковичского района в учительской семье. Во время войны мать будущего поэта Валентина Федоровна была связной, а затем партизанкой в бригаде имени Чапаева. Отец, Иван Васильевич, в довоенное время выступал со стихами в республиканской печати. После войны бессменный директор школ на Витебщине. Занимаясь краеведением, нашел надмогильный камень белорусского поэта-драматурга, уроженца Ушаччины Феликса Тапчевского и тем самым уточнил дату его рождения. Дядя Сергея, Законников Сергей Васильевич (Сяргей Ракіта) поэт послереволюционного призыва, руководитель Гомельского филиала БелАППа, был репрессирован, умер в одном из лагерей ГУЛАГа.

Окончив Глыбочанскую среднюю школу уже в Ушачском районе С. Законников поступил на филологический факультет Белорусского государственного университета им.В.И. Ленина. После окончания учебы (1969) учительствовал на Борисовщине, работал литературным сотрудником Ушачской районной газеты «Патрыёт», секретарем Ушачского райкома комсомола, в газетах «Чырвоная змена». «Звезда». С 1978 г. инструктор, с 1979 г. – заведующий сектором художественной литературы отдела культуры Центрального Комитета КПБ. 16 лет был редактором журнала «Полымя».

Первые стихи С. Законникова опубликованы в 1963 г.². Через 10 лет, в 1973 г. из печати выйдет его первая книга стихов «Беседа» («Бяседа»). Затем, с завидным постоянством, читателю будут предложены книги поэзии «Встань раньше солнца» («Устань раней за сонца») (1976), «Пока живет моя береза» («Пакуль жыве мая бяроза») (1981), «Вера, надежда, любовь» («Вера, надзея, любоў») (1983), «Раскаленное время» («Прысак часу»)

¹ Цит. по: Мяснікоў, А. Дзеля гэтага трэба жыць / А. Мяснікоў. – Мінск, 2000. – С. 53.

² В связи с частными административными изменениями на карте Витебщины д.Слобода часто переходила из одного района в другой – Бешенковичский, Ульский, Ушачский. В итоге Ушаччина стала родным домом и первых, и зрелых стихов поэта.

² Цит. по: Мяснікоў, А. Дзеля гэтага варта жыць / А. Мяснікоў. – Мінск, 2000. – С. 53.

СЕРГЕЙ ЗАКОННИКОВ

(1986), «Вечная далечь» («Вечная далеч») (1981), «Сущность» («Сутнасць») (1987), «Заклинание» («Заклінанне») (1991). В 1985 г. в издательстве «Советский писатель» в Москве издана поэтическая книга «Встань раньше солнца».

С. Законников, начиная с 1966 г., был постоянным автором коллективного сборника «День поэзии», печатался в сборниках «Універсітэт паэтычны», «Рунь», «На галоўных рубяжах», «На ніве працы і змагання», «На сцягу і ў сэрцы», «Партызаныя, партызаны...», «Зеленя», «Вдохновение», «Беларуская балада», «Вачамі дзяцей» и др.

Его стихи, поэмы, лирические зарисовки, эссе, рецензии можно было встретить в республиканских газетах («Звязда», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Настаўніцкая газета», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі») и журналах («Беларусь», «Полымя», «Нёман», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Вожык»). Читатели республики встречались с произведениями С. Законникова с областных газетах – витебской «Віцебскі рабочы», брестской – «Заря», минской – «Мінская праўда», гомельской – «Гомельская праўда», могилевской – «Магілёўская праўда», минской городской газеты «Вячэрні Мінск». Его приглашали к творческому сотрудничеству союзные журналы «Огонек» и «Новый мир».

Отметим, что поэт занимался и переводческой деятельностью. Известны переводы С. Законникова с русского, украинского, аварского, болгарского, грузинского, киргизского, литовского, узбекского языков. В свою очередь, его произведения переведены на русский, украинский, венгерский, вьетнамский, испанский, киргизский, литовский, немецкий, чувашский языки. Член Союза писателей БССР с 1977 г., Лауреат Государственной премии БССР имени Я. Купалы (1990).

На стихи поэта написали песни композиторы Э. Зарицкий, Ю. Семеняка, Г. Смоляк и др.

* * *

Изучение поэтического творчества С. Законникова, в котором обостренная публицистичность и гражданственность гармонически сочетаются с пронзительным лиризмом, и его места в белорусской советской литературе позволило нам, с определенной доли условности, выделить **два** далеко не однозначных и по содержанию, и по временной протяженности этапы. **Первый** от начала творческих исканий (1963) и до середины 1980-х годов; **второй** – вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. Думается, что правы те исследователи поэзии С. Законникова (например, А. Бельский), считающие, что подобное разделение обусловлено прежде всего таким трагическим знаковым событием 1986 года, как Чернобыльская катастрофа.

Поэтические искания С. Законникова 1970-х – первой половины 1980-х годов весьма многоплановы – память о Великой Отечественной войне и внимание к событиям октября 1917 года, борьба за мир и сыновья любовь к родному дому, родителям, родным и близким ему людям, ярко выраженная патриотическая позиция и философско-этическое постижение бесконечности человеческого существования, экологические проблемы и привлекательность любовной лирики. **Правда, уже упомянутый нами А. Бельский, все многоцветие авторских устремлений видит Беларусь С. Законникова в дочерно-быльское время лишь крестьянской, деревенской, а его художественно-образную систему связывает лишь с белорусской природой и деревней, возбуждающих у читателя чувства восторга и любви к традиционным объектам, окружающей поэта действительности («вобразы жыта, хлеба, руні, лугу, аеру, бору, лесу, рэчкі, узгоркаў, хат, жаўрука... Сялянска-вясковы побыт робіцца асновай важкіх жыццё-**

вых назіранняў ці па-філасофску значных думак і высноў...)»³. И в подтверждение своего тезиса А. Бельский приводит строки из стихотворения «Земля моя...» («Зямля мая...») из поэтического сборника «Рунь»:

*Зямля мая,
ты для мяне – як дзіва...
Як першы дотык любяе рукі,
Як у спякоту млосная ільдзінка,
Як на кашулі белай васількі⁴.*

Не нашли мы здесь, по правде говоря, этой патриархально-деревенской восторженности... Разве, что «васількі...». Напрашивается аналогия: и М. Богдановича с его васильками причислить к сонму деревенских поэтов. Вместо крестьянской, деревенской Белоруссии в этих строках читается глубокое философско-патриотическое начало, рождающее у читателя адекватные тексту чувства. С другой стороны, забыл А. Бельский и другое обращение поэта к родной земле:

*...Зямля,
якую лёс не надта песціў,
І я ні кроплі праўдзе не зманю,
Калі скажу:
З агню наш хлеб і песні,
І самі мы народжаны з агню.*

Скажем прямо: узковато-примитивное прочтение лирики С. Законникова с ее патриотической пронизанностью, гражданским пафосом, публицистическими строками. На наш *взгляд, объективная оценка творчества нашего земляка в свое время дана Вл. Гниломедовым: «Галоўнае ў яго лірыцы, што ўжо даўно заўважыла крытыка, – моцнае пачуццё радзімы, якая бачыцца яму ў вобразе бярозы, і ў абліччы бялянчкі-славянкі «з шаўковай русаю касой», і ў карцінах шматлікіх таленавіта ўбачаных і сакавіта напісаных беларускіх пейзажаў, і сатканым матуляй ручніку. «Вялікія і малыя цуды», предлагаемые читателю в каждом из поэтических сборников (жыты», «зямля пахне цёплым хлебам», «блакіт калышуць галубы» і інш), «адлюстроўваюць пульсацыю паэтычнай думкі і эмоцыі», а «паэтычна-эстэтычнае шчыра і лёгка, нязмушана паядналася з маральным, духоўным»⁵.*

И несколько слов о втором, коротком по времени этапе – вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. Стали реальными новые общественно-политические процессы (перестройка, обновление), Белоруссию накрывает чернобыльское облако, страна приобретает государственную независимость. Новейшая история Беларуси, по сути, начнет свой отчет от 26 апреля 1986 года, когда произошла авария на Чернобыльской АЭС. Другими стали мотивы в поэзии С. Законникова, их новое звучание, прежде всего, видится в поэме «Черная быль» («Чорная быль») (1989) и книге поэзии «Заклинание» (1991). Если раньше в его лирике приоритет отдавался поэтическому мироощущению, то в поэме, и в книге остро звучит гражданская интонация, более наступательной становится публицистика. Болевые ощущения, возникшие после посещения Чернобыльской зоны, все чаще фиксируется поэтическим словом.

³ Бельскі, А. Радасць быцця і страчаны рай: Паэтычны свет Сяргея Законнікава да і пасля Чарнобыля / А. Бельскі. – Роднае слова. – 2004. – № 3. – С. 59.

⁴ Законнікаў, С. Прысак часу: Вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 13.

⁵ Гніламёдаў, Ул. Сучасная беларуская паэзія / Ул. Гніламёдаў. – Мінск, 1983. – С. 244–245.

Какими же путями шли творческие поиски С. Законникова, что было привлекательным для читателя в его стихотворениях, с чем он вошел в белорусскую советскую поэзию? Попробуем ответить на этот вопрос, излагая материал в определенной хронологической последовательности.

Уже в первых поэтических произведениях, а затем и в первых книгах «Беседа» и «Встань раньше солнца» заметным стало стремление автора не только понять и ощутить многообразие, противоречивость и сложность тогочасной действительности, но и осмыслить ее по-своему в художественном слове, запечатлеть в художественных образах. Свою задачу поэт видел в том, чтобы «опоэтизировать обычное, а не выискивать среди обычного поэтическое». А поэтому глубокой поэтичностью пронизаны произведения С. Законникова о родительской земле, мужестве и героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны, о красоте родных просторов и величии дел и свершений современников поэта. Отличительной чертой стихотворений и поэм при этом выступают настоятельные попытки поэта овладеть искусством тонкого лиризма, философского размышления над проблемами современности, местом и ролью человека в преобразовании мира, глубоким психологизмом.

Лирический герой поэта выступает личностью активной с четко оформленными идеалами и жизненными принципами, с глубоким пониманием неразрывности духовного единства разных поколений советских людей, готовности не только наследовать, но и развивать их героические традиции. Для него счастье в постоянном поиске, в неприятии равнодушия, в умении ощущать и понимать движение времени. Поэт не ищет похвалы, щедростей, выгод коммунального рая, была бы только:

*Айчыны б паветра ўзахлёб,
на ўвесь рост,
І матчынай мовы акраец⁶.*

Свою жизненную позицию лирический герой С. Законников открыто заявляет в стихотворении «Вечный круг жизни и смерти» («Адвечны круг жыцця і смерці») в сборнике «Пока живет моя береза»:

*...Я ведаю,
спазнаўшы поўна
Цану і радасці
і бед,
Мне не ўсё роўна,
не ўсё роўна,
Якім пакіну белы свет.
З крэўнасцю намёртва звязан
З усім,
што будзе,
ёсць,
было.
І мой галоўны абавязак
Рабіць дабро,
і нішчыць зло⁷.*

⁶ Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза / С. Законнікаў. – Мінск, 1981. – С. 67.

Вместе с тем, он стремится *увидеть*, как «далекім Млечным Шляхам плыве ружовы маладзік і, прыпыніўшыся над дахам, у вокны здзіўлена глядзіць», услышать, як «Айчыны жытнёвае поле звiнiць у густой збажыне», *помнить*, што «беларус быў заўжды хлебарабам выдатным» и для него «няма на свеце лепшай долі», чем «несці жытнёвы колас праз вякі». Его привлекают к себе ржаное поле, льняные посеы, лесная чаща и вересковая тропа, августовские ночи и хмельной воздух майский. Как с живыми, он разговаривает с бором, криничкой, ржаным весомым колоском. Для него «спявае жыта», «пахне раллё цёплым хлебам», «звіняць крыштална соснаў стромкіх кроны», «песня прыветная дзіўнай старонкі чуйнаю птушкаю спіць на плячы».

Для такого обостренного ощущения красоты родной природы у героя С. Законникова есть своя основа. Дело в том, что детские годы самого поэта связаны именно с ушачскими краеведами:

*Дзе сонца ясна і зімой свяціла,
Дзе росны луч так пахнуў малаком.
...Дзе кожная алешына, асіна
Абцалавана веснім вецяром⁸.*

Детские впечатления оказались очень прочными. При каждой новой встрече с родными местами, они снова и снова оживают в памяти, наполняя душу и сердце лирического героя глубоким патриотическим чувством. Поэта интересует душевное состояние героя в ходе таких встреч. Об этом свидетельствуют многие стихи в разных поэтических сборниках. Вот некоторые из них: «Снова пахнет укропом в материнском доме» («Зноў пахне кропам у матулі ў хаце»), «Как тройка под свадебной дугой» («Як тройка пад вясельнай дугой»), «Материнский порог» («Матчын парог») – сборник *«Беседа»*; «Только глаза закрою...» («Толькі вочы заплюшчу...»), «Моя тропинка» («Мая сцяжынка») – сборник *«Встань раньне сонца»*; «Моя деревня» («Мая вёска»), «В родном доме» («У роднай хаце») – сборник «Пока живет моя берега» и др. Просто, но убедительно показывает поэт привязанность героя к своей земле, к Родине в стихотворении «Дома» («Дома»):

*Духмянае поле ў палон забірае,
Гляджу, як стартуюць у свет жураўлі...
І нанаў нарадзіцца думка старая:
– Ну хто ты,
ну што ты без гэтай зямлі?⁹*

Земля родителей, с ее не очень богатыми для получения урожая полями, и для поэта, и для его лирического героя является тем единственным первоначалом, в котором «нібы птушаня з вялікім светам адчуваем сувязь...».

Однако патриотизм поэта не местечковый, не ушачский, не только белорусский. Восстановление в памяти дорогих детско-юношескому сердцу фиксирует: росную тропинку к школьному крыльцу, памятную улыбку матери и, конечно же, – Отчество. Читаем поэтическое признание:

*Ушацкія ўзгоркі –
не Эльбрус,
А як відаць мне з іх
уся Радзіма!¹⁰*

⁷ Законнікаў, С. Прасак часу: Вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 132.

⁸ Законнікаў, С. Устань да сонца: вершы і паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 24.

⁹ Там же. – С. 48.

¹⁰ Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 173.

Патриотические чувства являются определяющими среди всех других как для поэта, так и для его лирического героя. Может быть, поэтому в произведениях, в которых разговор ведется о малой родине, очень часто фигурируют дорогие для поэта люди и события, явления и места, являются наиболее выразительными и наиболее эмоциональными, приобретают художественную значимость и философскую обобщенность. К примеру, материнский платок, обычная в быту вещь, сущность которой, скажем прямо, всегда состоит в том, что он обычно «мамин», «материнский». Благодаря поэтическому мастерству, обычный материнский платок становится лирической энциклопедией нелегкой деревенской жизни. Только настоящий поэт смог почувствовать, что *«пахне яна асцярожнай вясною, талых снягоў развітальным разлівам, цёплай пупышкай, лісцін навіною, шчэбетам птушак бязладных, шчаслівых. Пахне яна клапатлівай спякотаі, песняй пчалы, сырадоем духмяным, спрэчкай спрадвечнаю бульбы з асотам і мурагом, што ў сяннік напіханы. Пахне яна залатой павуцінкай, хрумстнай антонаўкай, роснаю пожняй, ржэўнікам шэрым, счарнелым націннем, голасам выраю ў небе трывожным. Пахне яна маладзенькім марозам, дранікам, што на патэльні пачэца, пахне яна нечым родным і розным, як прытулілася – аж зойдзеца сэрца. Мы вырастаем марудна і хутка... Пахне маленствам маміна хутка»*¹¹.

Открытость и душевность, трудолюбие и гостеприимство белорусов, неповторимость белорусских красот Отечества – *«поле, рэчка, азёры харатствам выцалюваць вочы»* – наполняют разум и эмоции автора, поэтические строки его стихов чувством тревоги и озабоченности о сохранении всего этого богатства для новых и новых поколений.

Если в стихотворении «Пока живет моя береза», поэт высказывается, что на этом свете его с березой *«адны трымаюць карані»*, то в стихотворении «К вопросу об окружающей среде» («Да пытання аб акаляючым асяроддзі»), он с публицистическим запалом утверждает, что:

*Можа чалавекам той называцца,
Хто шануе родную зямлю*¹².

В качестве главной характеристики своего лирического героя поэт утверждает *«вечны рух няўтоленай душы»*. Ощущая неотрывность от родной земли, родных корней, родного Отечества – *«а я ў зямлю ўрастаю каранямі, тут мой – світальны і апошні след»* – он озабочен тем, чтобы без потерь соединить прогресс и природную среду, найти пути, чтобы вместе с **земляками** *«разам ратаваць, ад гнілога бруда адметваць і надзяліць радасцю планету»*. Он понимает, предупреждает читателя, что к природе надо относиться так, *«як хірург над безнадзейна хворым»*, необходимо спасти ее уже сегодня, не откладывая на потом! (Не думал же С. Законников в 1970-е годы том, что произойдет в апреле 1986 г. – А.Р., Ю.Р.). Во времена поэта актуальными были мелиоративные работы (заметим, что не всегда обоснованные. – А.Р., Ю.Р.), судьба, так называемых «неперспективных» деревень, даже сохранение, имевших для Витебщины огромное значение тех садовых насаждений, которые в 1970–1980 гг. становились гордостью БССР. Обращаясь к читателю (считай, человеку. – А.Р., Ю.Р.), поэт напоминает ему: *«Ты сам зямлі часцінка... Ёй – маці – не змані, каб не сысці з гасцінца любові, дабрыні»*. И предлагает ему для полного понимания авторской позиции символический образ *«світальныя снягі»*. Но именно через него поэт (и в том видится талант. – А.Р., Ю.Р.) глубоко и убедительно, по-сыновьему откровенно показывает историческую судьбу родной Белоруссии.

Что снится полю белорусскому, когда идут рассветные снега? Оказывается, и *«татарскіх стрэл смяротнае гаданне»*, ад якіх *«над Белай Руссю горкі сум званоў»*, и

¹¹ Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 184.

¹² Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза: вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1981 – С. 62.

«французскі штык», что в сердце ей (Белой Руси. – А.Р., Ю.Р.) *цалые*», и крепостная плеть, и революционные тачанки, и новый строй колхозный, когда *«усе шнуры пераараны вузкія»*. Помнит белорусское поле и фашистское наваждение, пепельные облака над Хатынью. Своеобразная летопись, считает поэт, продолжается и в наше время, когда:

*Над Белай Руссю
лёгкія снягі,
Плывуць зямлі і неба
берагі,
Пад коўдрай рунь
пацягваецца з хрустам...
Калі ідуць крышталёныя снягі,
То сніцца сонца
полю беларускаму¹³.*

Стихотворение, в котором слиты воедино художественность с публицистичностью учит нас помнить свою историю, любить свой край, бороться со всякими нашествиями, чтобы над полем белорусским всегда были *«зоры і снягі, няўлоўныя, нібы людское ішчасце»*. Осмыслению исторических событий, их связи с современностью, их роли в общественно-политической жизни посвятил поэт ряд произведений, среди которых, в первую очередь, можно выделить стихи о В.И. Ленине – «Поезд в революцию» («Цягнік у рэвалюцыю»), «Орлиная песня» («Арліная песня»), «Баллада о «красных» («Балада пра «чырвоных»»), поэма «Урбаны» («Урбаны»), которая хотя и состоит из отдельных разделов, тем не менее дает впечатляющую картину жизни одной семьи на протяжении нескольких десятилетий. Поэма – не только художественное решение героической жизни семьи Урбанов, по сути, это собирательный образ: *«У маладой гагарынскай усмешцы ад Урабаноў, бяспрэчна, нешта ёсць»*.

Память о войне... Она священна, свидетельствует поэт. Помнят о ней матери, чьи сыновья *«ляжаць у палях пад Смаленскам і Брэстам»* («Обуждение» («Прабуджэнне»)), помнят партизаны, которых *«зноўку знітоўвае радасць і гора, цягне моцную ніць з небыцця да жывых»* («Партизаны» («Партызаны»)), дети, которые в лесной школе выводили *«Москва...»*, *«Смерть оккупантам»* («Лесная школа» («Лясная школа»)), память о войне хранит тишина, что, будто мать, стоит *«у жалобе ля брацкай магіль»* («Тишина» («Цішыня»)), в памяти людской, утверждает поэт, всегда будут жить комсомольцы-подпольщики из Оболи («Памяти героев-обольцев» («Памяці герояў-обальцаў»)), жители из ушачской деревни Мураги, расстрелянные фашистами («Невесты деревни Мураги» («Нявесты вёскі Мурагі»)), ушачские деревни Паперино и Новое Село, у которых была прорвана партизанскими отрядами весной 1944 г. фашистская блокада (*«Скупы радок маскоўскай зводкі, салют ля могілак сяброў. Смак перамогі не салодкі, салёны, як сляза і кроў»*). «... живым і палеглым, вядомым і невядомым» посвящена поэма «Прорыв» («Прарыў») в сборнике «Встань раньне сонца».

Одно из ужасных преступлений гитлеровских головорезов (в реке Свольна, что на Верхнедвинщине было утоплено 3639 человек, 2118 из которых были детьми. – А.Р., Ю.Р.) нашло поэтическое воплощение в балладе «Свольня». Вряд ли можно найти исповедь более трагическую, чем та, что подслушал поэт на берегу реки:

*...І глуха хваляй мовіла рака:
– Прыходзяць на рамонкавы мой бераг,
Нібыта да магільнага грудка.
Я пракляла той дзень,*

¹³ Законнікаў, С. Бяседа: Вершы / С. Законнікаў. – Мінск, 1973. – С. 41–42.

*калі фашысты
Кідалі ў вір бяздонны немаўлят,
Маліла сонца:
«Высушы ...
І не вяртай пасля
вады назад!»
Але яно свяціла так спакойна,
А я глыбела ад дзіцячых слёз...
І з той пары
стаў ранай незагойнай
І лютай карай
мой чаротны лёс¹⁴.*

Стихи о войне убедительно свидетельствуют о ярко выраженной гражданской позиции С. Законникова, поэта, который пишет про тех, кто «у сорок першым паў...», про «блакітнае худое накаленне», чью память будят жалостные колокола «Хатыни», чье сердце болит от боли от того, что земля людей стоит над пропастью и ей «да небыцця адзін застаўся крок». Поэт понимает, что память войны требует от каждого белоруса активных действий в защиту мира. От имени своего поколения он открыто заявляет:

*І ты, і я –
Мы ўсе салдаты,
Салдаты праўды і святла.
І нам вяршыць бядзе адплату,
Адкуль яна б ні прьтаўзла¹⁵.*

Отметим, что в ряду со стихами и поэмами гражданского звучания, наполненными острой публицистичностью, в поэтических сборниках С. Законникова читатель находит произведения, пронизанные стремлением автора к философским размышлениям над проблемами бытия, слитостью в единое целое эстетического и морального. И в каждом случае С. Законников выбирает для поэтического воплощения вопросы и проблемы, волнующего современника, стремится разобраться в сложных жизненных ситуациях, дойти до сущности явлений и событий. Поэтому произведения поэта наполнены человеческими хлопотами, созвучны с духовным миром читателя. В них четко прослеживается связь времен: от дня вчерашнего, что подготовил день сегодняшней, и через него в завтрашний день.

Обостренное внимание к проблемам моральным, духовным, стремление проникнуть и постичь противоречивость развития реальной действительности значительно обогащают философскую сторону творчества С. Законникова. Предметом художественного исследования становится диалектическая взаимосвязь между жизнью и смертью, неповторимость родной природы. Несколько строк из сборника «Пока живет моя береза»:

*Жыццё і смерць...
Спрадвеку
Ім няма вымярэння...
Галоўнае для чалавека –
Паверыць у сваё паўтарэнне!¹⁶*

¹⁴ Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза: вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1981. – С. 118–119.

¹⁵ Законнікаў, С. Устань да сонца: вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1976. – С. 10.

¹⁶ Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза: вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1981. – С. 30.

И еще несколько строк:

*Даўно з бясмерцем
людзі ў добрай згодзе.
Яно заўжды трымаецца на тым –
Мы каласамі ў гэты свет прыходзім
Каб сілу даць зярнятам залатым¹⁷.*

Любовь, Добро, Надежда, Вера, Правда, другие философско-этические категории активно используются С. Законнікавым для осмысления самых разных проявлений человеческой жизнедеятельности. Одни из них раскрывают понимание поэтом качеств характера личности, другие – получают философское звучание. Как, к примеру, правда, о которой поэт пишет: «Праўда наша, праўда ваша. Хто ж яе дзяліў? І ці можна праўду важыць, мераць на разліў? Праўды можна адрачыся, у сабе забыць. Паслугачкай, як ні пніся, праўду не зрабіць». Ибо она:

*Як сонца,
вечер.
Вольная яна.
Праўда, ёсць на белым свеце
І на ўсіх – адна¹⁸*

Приведем поэтические строки, в которых, на наш взгляд, очень удачно «сплетены» воедино простота и мудрость, философская наполненность текста и легкость поэтической формы:

*Стажок жыцця ўсё вершыцца,
штогод – чарговы ўкос.
І памяццю,
і вершамі,
Здаецца, зноў падрас.
Стажок не надта зграбны ўжо,
А правіць не прашу...
Бо не прычэшыш граблямі
Свой погляд і душу¹⁹.*

Оптимизм, вера в жизнеутверждающую силу разума, удачно сконденсированы в последних странах стихотворения «Корнями я в родной земле...» («Каранямі я ў роднай зямлі...»):

*Ды жыцця мерны рух не спыніць...
І насуперак стратам і болю
Прарастае, каб колас спяліць
Зерне
веры,
надзеі,
любаві²⁰.*

¹⁷ Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза: вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1981. – С. 28.

¹⁸ Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 212.

¹⁹ Там же. – С. 216.

Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 232.

СЕРГЕЙ ЗАКОННИКОВ

И еще об одном – о понимании поэтом и соблюдении им известного белорусского (времен Ефросиньи Полоцкой, Кирилла Туровского, Франциска Скорины, Ивана Ужевича, Мелетия Смотрицкого, Симеона Полоцкого, Афанасия Филипповича) отношения к слову как к najveликому моральному императиву, к «святому святых», перед работой с которым требуется настоящее очищение глубин таинственных, сердца и мысли:

*Без стомы ўсё жыццё шукаць
збавення
У тых радках, што сэрцам
падсярог...
Ты толькі не прыводзь мяне
натхненне
Ніколі да непраўды на парог²¹.*

Читаем следующие строки:

*Не вершы,
а доля –
і ў змесце, і ў форме,
Пішу і спагады сабе не прашу...
Паэт не абуе, паэт не накорміць,
Ды песня сагрэе і ўзвысіць душу²²*

и видим, как эмоционально поэт призывает нас любить Родину, ее книжность, людей «ближних», призывает к полноводной «реке любви» и именно в этом он видит путь к уважительному существованию нашей страны в мировом сообществе.

Поэтические размышления С. Законникова над смыслом человеческого существования наполнены оптимизмом, жизнеутверждением, пронизаны глубоким патриотическим чувством Родины, чувством, которые по его признанию «пачынаецца з патрэбнасці ажыўляць у сваёй памяці дарагія сэрцу малюнкi: росную сцяжынку да школьнага ганка, ласкавую матчыну ўсмешку, бязмежныя палі, суровыя і велічныя бары, глыбокую чысціню азёр». И здесь снова проявляется поэтическая озабоченность. Его волнуют проблемы неразрывности поколений, понимание поэтически-личной ответственности за свое время и его людей, за тот исторический отрезок времени, за тот плацдарм, на котором идет жизнь его, поэтового поколения:

*...Пакуль жыву –
душа шчыліць і тужыць,
Пакуль я ёсць –
і помню, і люблю²³.*

На наш взгляд, с итогами первого этапа развития поэтического творчества С. Законникова **вполне соотносятся слова народного поэта Белоруссии П. Бровки: «Сяргей Законнікаў заўсёды на перадавой лініі жыцця, разам з героямі сваіх вершаў і паэм, заўсёды ў пошуку свежага слова, якое павінна ўдзячна адазвацца ў сэрцы чытача».**

²¹ Там же. – С. Законнікаў, С. Устань да сонца: вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1976. – С. 82.

²² Законнікаў, С. Сутнасць: кніга паэзіі / С. Законнікаў. – Мінск, 1987. – С. 22.

²³ Законнікаў, С. Заклінанне / С. Законнікаў. – Мінск, 1991. – С. 63.

Послеапрельские 1986 г. события в Чернобыле привели поэта к новому постижению реалий (он сам был участником эвакуационных мероприятий в г. Хойники в мае 1986 г. – А.Р., Ю.Р.). Вот что пишет он сам: *«Як і ўсе ў першыя дні пасля аварыі я валодаў той жа скупой інфармацыяй, з якой немагчыма было зразумець: што ўсё ж такі здарылася? Толькі ў глыбіні душы расло шчымлівае адчуванне, што адбылося нешта надзвычай жахлівае і непяпраўнае для ўсіх нас. ...Сваё адчуванне цяжару, які лёг на плечы беларусаў, я выказаў адразу, яшчэ ў маці 86 года – у адным з раздзелаў паэмы «Кульмінацыя». Але гэта быў толькі пачатак»²⁴.*

Произведение, постигающее трагизм произошедшего, все же звучало оптимистично: *«мы ўратаем», «потым чыста адмыем», «здолеем», «выцернім»...* Нават, уратаунак быў знойдзены адразу: *«Гэта памяць народа, праведны гнеў і любоў»*. Автор стремился убедить читателей: *«Што б ні было, а наша існаванне ўсё-такі сэнс навечна будзе мець»*.

Однако настоящее осмысление наступит немного позже, когда в 1989 г. будет напечатана поэма С. Законникова *«Черная былль», которую народный поэт П. Панчанка опередил, как «значнае дасягненне нашай паэзіі», «адзін з паэтычных твораў і па часе напісання і па высокай мастацкай вартасці»²⁵.*

Переведенная на русский, польский, немецкий языки, она стала глубоким поэтически-аналитическим исследованием причин и последствий Чернобыля предостережением соотечественников от национального апокалипсиса. Произведение, как справедливо отмечает доктор филологических наук, профессор А. Бельский, затронуло читателя смелой и мужественной правдивостью социальной критичностью, гуманистической направленностью мысли, выверенным пониманием главного, сущностного в тогочасной жизни²⁶. Поэма состоит из 13 разделов, каждому из которых предшествует фольклорный эпиграф. Назовем некоторые и них. Это («Взрыв» («Выбух»), «Зона молчания» («Зона маўчання»), «Дождь в Хойниках» («Дождж у Хойніках»), «За колючей проволокой» («За калючым дротам») «Полынная звезда» («Палыновая зорка»), «Тфельки» («Чаравікі») «Чернобыльский волк» («Чарнобыльскі воўк»), и др.) – это 13 мгновений жизни в границах чернобыльской зоны, *«у якіх сканцэнтрываны – боль і найўная надзея, ваяўнічае зло і спаковечная сялянская дабрыня, жыццё ва ўсіх яго праявах і атамная смерць, святло і цемра небыцця»²⁷.* Поэма засвидетельствовала изменение эмоциональной доминанты в художественном осмыслении поэтом новых общественных, экономических, духовных реалий, а острый контраст между природным «спокойствием» и лиризмом песенных строк формировал у читателя своеобразное идейно-эстетическое восприятие:

Маўчыць,
нібы каменне,
зямля,
Палын невядомасцю свеціць...
Што будзе,
што будзе пасля? –
Не скажа ніхто ў гэтым
свеце...²⁸.

²⁴ Літаратура і мастацтва. – 1989. – 15 снеж.

²⁵ Законнікаў, С. Лістам дарога запала / С. Законнікаў. Выбранае. – Мінск, 2000. – С. 8–10.

²⁶ См.: Бельскі, А. Радасць быцця і страчаны рай. Паэтычны свет Сяргея Законнікава да і пасля Чарнобыля / А. Бельскі. – Роднае слова. – 2004. – № 3. – С. 51.

²⁷ Літаратура і мастацтва. – 1992. – 14 лют.

²⁸ Законнікаў, С. Заклінанне / С. Законнікаў. – Мінск, 1991. – С. 101.

Один из авторов настоящего очерка, а именно А. Русецкий не единожды и в разное время бывал в загрязненных районах (Хойники, Брагин, Наровля, Славгород в Могилевской области) и видел жизнь и людей своими глазами. А поэтому, **мы разделяем вывод исследователей (к примеру, А. Бельского) о том, что «Черная боль» С. Законникова – это «реалистически-правдивая хроника трагедии», призывающая к честному очищению от всего наносного и низменного, к просветленности человеческого бытия «души крануты цвіляю, нібы краты... Страшна ўявіць хоць на хвілю свет, дзе няма дабраты...».**

Не ошибся, на наш взгляд, и литературный критик и литературовед Е. Крупенько, сделавший следующий вывод: «Его поэзия (С. Законникова. – А.Р., Ю.Р) – это своеобразная биография времени, биография не обнаженно-летописных, а переданное через горячее чувство человека. Биография родичей, биография Родины, биография отцов и одногодков стала прочным фундаментом для его страстных, патриотических стихов. Не нарушая исторической достоверности, поэт заставил вчерашний день работать на сегодняшний. Больше того на завтрашний»²⁹.

* * *

О литературно-критических устремлениях поэта С. Законникова написано много рецензий и статей, а вот такое направление его творчества, поисков, как внимание к творчеству своих коллег по перу, попытка увидеть магистральные направления в молодой белорусской поэзии, как мы установили, осталась без должного внимания. А потому мы предлагаем читателю познакомиться с оценками и взглядами С. Законникова на тогочасный молодежно-поэтический процесс.

Вот одна из первых рецензий – на книгу стихов Вл. Павлова «Светотени» («Светацені»):

– «Пісаць чэсна, проста і таленавіта – вось той крытэрыі, з якога зыходзіць паэт. ...У Паўлава слова добры і шчыры саюзнік. Скупа, але разам з тым дакладна, з добрай жыццёвай мудрасцю вядзе размову паэт. ...Аўтар дае поўнае права чытачу мысліць, аналізаваць і рабіць вывад, які ён лічыць справядлівым. І гэта яшчэ адзін доказ адчування паэтам цеснай блізкасці з людзьмі. ...Паэт пачынае жыць не толькі сваімі радасцямі і бедамі. Яго сэрца настройваецца, як чуйны лакатар, на людскія позвы аб дапамозе. Большая аб'ёмнасць, цвярозае асэнсаванне, з якім ён успрымае свет, – вось тыя параметры, якімі характарызуецца творчая сталасць паэта»³⁰.

– О Леониде Дайнеко и его книге «Голоса» («Галасы»):

«У Леаніда Дайнекі знайшліся свае дакладныя, запамінальныя словы і вобразы для выражэння захаплення родным краем, «дзе чутны продкаў галасы і крокі», «звон травы», дзе «спяць у небе срэбныя аблогі, як дзеці, што змарыліся за дзень». Гэта вельмі добра, што малады паэт імкнецца пісаць аб тым, што ім перажыта, з пункту гледжання ўласнага вопыту. Менавіта таму многія вершы зборніка «Галасы» зіхацяць агенчыкамі сапраўдных паэтычных знаходак. Але частка вершаў «грашыць блёклымі, сцёртымі выразамі, праз некаторыя ледзь-ледзь прабіваецца думка, трапляюцца пагрэшнасці рыфмы. Хацелася б, каб аўтар быў больш строгім і пераборлівым у адносінах да сваіх твораў»³¹.

²⁹ Знамя юности. – 1982. – 29 дек.

³⁰ Чырвоная змена. – 1968. – 10 студз.

³¹ Віцебскі рабочы. – 1970. – 11 лют.

– Еще одна оценка, на этот раз, книги М. Дуксы «Шаги» («Кроки»):

«...М. Дукса – паэт аўна выражанага лірычнага складу. Больш таго, яго лірыка спакойная, меладычная, як цяпер сталі называць, «ціхая». Але гэта не гаворыць аб тым, што паэт знаходзіцца ў нейкай экзальтацыі, у стане інэртнасці, заспакаення. Шматгалоссе жыцця, трывога і радасць гучаць у кожным лепшым вершы зборніка.

...Вытокі паэзіі Мар’яна Дуксы ідуць ад знаёмых «гаманлівых плёсаў нарачанскіх», ад краю, «што клічуць Белай Руссю». ...У яго вершах мы не знаходзім інтэлектуальнай віртуознасці. Яны пра тое, што вядома кожнаму. Але паэт можа адкрыць нанова гэтае вядомае і звычайнае. Але «можна было абыйсціся без паўтораў, моўных неадкладнасцей, вельмі ўжо частых выклічнікаў «ах!», «о!». ...Аўтару, чалавеку па-сапраўднаму таленавітаму, не да твару такія пагрэшнасці»³².

– Не оставил С. Законников и книгу своего земляка О. Салтука «Начало дня» («Пачатак дня»):

«Вершы А. Салтука падкупляюць «юнацкай непасрэднасцю, шчырым здзіўленнем перад харатством акаляючага свету, сваёй душэўнай цеплынёй. Маладому паэту удалася, нягледзячы на пэўную аднастайнасць тэм, расказваць аб тым, што яго хвалюе, чым ён захапляецца, паказваць падрабязнасці, прыкметы сённяшняга дня. ...Паэт стаў больш пільна ўглядвацца ў жыццё, знаходзіць свае, ясныя і дакладныя словы, яскрава вырашаць сваю пазіцыю. ...Ён гаворыць толькі аб тым, што выпакутавана сэрцам. ...Шкада толькі, што і ў гэтых шчырых вершах (о любові. – А.Р., Ю.Р.) часта сустракаюцца паўторы»³³.

– И очень доброжелательные размышления над стихотворным сборником Н. Аврамчика «Хранилище» («Радовішча»):

Во многих стихотворениях Н. Аврамчика «адчуваецца тая самая праўда жыцця і бязлітаснасць фактаў, якія набываюць глыбокую філасофскую сутнасць, нараджаюць пачуццё дачыннення чытача да лёсу героя і свярджаюць вышэйшыя грамадзянскія і маральныя ідэалы». Паэт вядзе актыўны ...пошук заповітнага радка, які б поўна і глыбока адлюстравалі разнастайныя жыццёвыя з’явы нашага веку, характар і дзеянні людзей, іх імкненне да добра, прыгажосці і чалавечнасці... ..Апазнавальныя знакі паэзіі М. Аўрамчыка – шчырасць і праўдзівасць»³⁴.

И, конечно, мы не могли оставить без внимания рецензию С. Законникова на стихи членов **литературного объединения Белгосуниверситета имени В.И. Ленина «Узлёт» – родном для самого поэта:** С одной стороны, в «не вялікай па размерах кніжцы так шмат святла, непасрэднасці пачуццяў, што гартаючы яе старонкі, сапраўды адчуваеш сябе ў палоне веснавога настрою, калі сонца дорыць табе цяпло промяню, небачны ў блакіце жаўрук – песню, а шчодрая зямля – моц, упэўненасць у сваіх сілах.

Свет, які выпраменьваецца са старонак зборніка, шматфарбны. У ім ёсць многае з таго, што спадарожнічае маладым паэтам у жыцці».

З другога, «вершы, змешчаныя ў кнізе, не ўсе роўныя па мастацкіх вартасцях – многім маладым паэтам не стае і жыццёвага, і творчага вопыту. Адны з іх заявілі аб сабе больш упэўнена, у іншых думка яшчэ з цяжкасцю прабіваецца праз слоўны накіп. Ёсць агрэхі і ў тэхніцы пісьма, сюжэтнай пабудове»³⁵.

Наши размышления о творчестве С. Законникова в белорусской советской поэзии завершим несколькими строками, в которых мысль и чувство гармонически слиты воедино и зафиксированы поэтически образно:

³² Віцебскі рабочы. – 1972. – 7 верас.

³³ Віцебскі рабочы. – 1974. – 5 снеж.

³⁴ Звязда. – 1976. – 16 снеж.

³⁵ Звязда. – 1978. – 10 сакав.

*Над Белай Руссю
чорная імгла.
І кроў у жылах
не ад сцюжы стыне,
Ляціць у хмарах
попел ад Хатыні.
Над Белай Руссю
чорная імгла.
Сыны не чуюць
матчынай тугі,
Маўчаць яны,
чарнявыя і русыя...
Калі ідуць
маўклівыя снягі,
Што сніцца табе поле беларускае?³⁶*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельскі, А. Зорка Палын: Тэма Чарнобыльскай трагедыі ў беларускай паэзіі / А. Бельскі. – Роднае слова. – 1990. – № 3.
2. Бельскі, А. Радасць быцця і страчаны рай. Паэтычны свет Сяргея Законнікава: да і пасля Чарнобыля / А. Бельскі. – Роднае слова. – 2004. – № 3.
3. Гарэлік, Л. Які пакінем след?.. Літаратурны партрэт Сяргея Законнікава / Л. Гарэлік. – Роднае слова. – 1996. – № 9.
4. Законнікаў, С. Бяседа: Вершы / С. Законнікаў. – Мінск, 1973.
5. Законнікаў, С. Устань да сонца: Вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1976.
6. Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза: Вершы і паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1981.
7. Законнікаў, С. Вера, надзея, любоў: Кніга лірыкі / С. Законнікаў. – Мінск, 1986.
8. Законнікаў, С. Прысак часу: Вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986.
9. Законнікаў, С. Вечная далеч: Вершы / С. Законнікаў. – Мінск, 1987.
10. Законнікаў, С. Сутнасць: Кніга паэзіі / С. Законнікаў. – Мінск, 1987.
11. Законнікаў, С. Заклінанне: Кніга паэзіі / С. Законнікаў. – Мінск, 1991.
12. Русецкі, А. Пад уважлівым позіркам Радзімы (Сяргей Законнікаў) / А. Русецкі // Ісці да чалавека: Літаратурныя партрэты. – Мінск, 1987.
13. Тычка, Г. Праўда на ўсіх адна: Пра падарожную кнігу і паэмы Сяргея Законнікава / Г. Тычка. – Роднае слова. – 1998. – № 11.

³⁶ Законнікаў, С. Бяседа / С. Законнікаў. – Мінск., 1973. – С. 41.

ВЛАДИМИР КОРБАН

Шматлікія кнігі сатырычных вершаў і баек паэта заслужылі сапраўднае прызнанне чытача. Яму заўсёды было пра што пісаць. Здавалася, у сваім штодзённым жыцці ён збіраў па крупіцы народныя жарты, прымаўкі, народную дасціпласць, каб потым укладзі іх у вусны герояў.

Уладзіміра Корбана сёння ўжо няма сярод нас. Шчасце, што з намі засталася яго творчасць.

М. Хведаровіч

Так уж случилось, что к концу 1940-х гг. жанр басни в белорусской литературе оказался практически забытым (в 1949 г. была опубликована лишь одна острая басня классика белорусской сатиры Кондрата Крапивы). Так называемая «теория бесконфликтности» глушила реакцию писателей и поэтов на явления негативные, отрицательные, сдерживающие послевоенное развитие, в том числе и Советской Белоруссии.

И вдруг, начиная с 1949 г., на страницах газет и журналов все чаще стало появляться имя уроженца поселка Барань, рабочего, профсоюзного активиста, участника Великой Отечественной войны, члена Союза писателей БССР с 1948 г., поэта-сатирика и переводчика Владимира Ивановича Корбана (1910–1971). Критики тех лет пишут, что басни В. Корбана (несмотря на молодость поэта в этом жанре литературного творчества. – А.Р., Ю.Р.) стали привлекать внимание читателя, **а сам он выглядел как «способный поэт сатирического направления» (Н. Пашкевич).**

Что же было в них непривычного? Что читатель находил интересного в иногда не совсем совершенных по мастерству, но понятных по содержанию сатирических и юмористических зарисовках? А были здесь и уничтожающая ирония, и беспощадный сарказм, и скромная шутка, и юмористические замечания в адрес «заслуживающих внимание» людей. В принципе честных, но иногда находящихся в плену «человеческих слабостей», чудачеств, не совсем здоровых обычаев и привычек.

Конец 1940-х гг. Читатель знакомится с басней «Мурлыка» («Мурлыка»). Казалось бы обычный жизненный сюжет: кот, охраняющий хозяйское добро, спокойно молчит, видя, что вор выносит хозяйские вещи из квартиры, – это же ведь не мое! И начинает вопить лишь тогда, когда вор наступил ему на хвост. Собственная боль оказывается для Мурлыки ближе, чем хозяйское добро. А у автора повествование логично и последовательно перерастает в ненавязчивое, но привлекательно звучащее поучение:

*Другі і ведае аб шкодзе,
Але маўчыць, ды і годзе,
Пакуль на хвост яму ніхто не наступіў.*

А теперь – другая ситуация, связанная с началом 1950-х гг. – временем «холодной войны», временем Трумэна (президент США. – А.Р., Ю.Р.) и Аденауэра (канцлер Западной Германии), исповедующих идеологию антикоммунизма и антисоветизма, годами острого корейско-американского противостояния. И молодой автор нашел свое место в борьбе с антисоветской истерией. Разоблачая фальшивость и продажность западных политиков и правительств, В. Корбан посвятил этой теме басни «Бык и дом» («Бык і дом»), «Солнце и совы» («Сонца і совы»), «Солнце и колбаса» («Сонца і каўбаса»), «Пчела и паук» («Пчала і павук»), «Заговор» («Замова»), «Цитадель» («Цытадэль»), «Кума» («Кума») и др., привле-

ВЛАДИМИР КОРБАН

кающие читательское внимание публицистической заостренностью, логической убедительностью, активностью сатирического отрицания лжи и неправды.

Вот, к примеру, басня «Бык и дом». Уже в первых строках видится острая завязка – шел по улице большой Бык, «казалі, што з радні яму бізоны». Вдруг на его пути – «дом чырвоны. А колер гэтакі быкоў заўсёды прыводзіць у стан шалёны». И Бык решился – «паставіў дуба хвост і – трах! – з разгону сваім дурным ілбом у дом дый... адкаціўся. Як шчанюк паганы». Так было и со второй, и с третьей попыткой – «разбурыць ён дом не змог і пад сцяною здох». В. Корбан завершает басню неожиданным заключением:

*Наш дом – савецкі лад – мацнейшы ад граніту!
Мы ведаем: магнаты Уол-стрыта
Імкнуцца развязаць ў трэці раз вайну.
Ну-ну!..*

На наш взгляд, и у современного читателя вызовет интерес басня «Кума», в которой начинающий автор разоблачат идеологически-продажную деятельность Херстовских газет*. Текст басни по своему объему небольшой, поэтому приведем его полностью:

*Кума аднойчы прачытала ў газеце.
Што недзе там. У белым свеце.
Быў злоўлен кіт вялізны.
Пісалі, што заважыў ён
Дзве сотні тон,
Адзін язык быў тоны тры прыблізна!
«Вось гэта дык язык! – ускрыкнула Кума
І пляснула ў далоні ад здзіўлення –
Чаму ў мяне такога языка няма?
Навошта ён маўкліваму стварэнню?
А я ж, каб рэч такую атрымала,
Суседку так бы аббрахала,
Што нават рот яна б не разяўляла».*

*Паклёпнікі такія ёсць на свеце:
Кума працуе ў херстаўскай газеце.*

Гиперболическое преувеличение («язык быў тоны тры прыблізна») привлекало внимание читателя, позволяло ему образно представить, сколько же таким «языком» можно «грязи намолоть».

Меткое слово, удачное сравнение, сочетание невероятного и правдоподобного, комические ситуации – все это сделало первую книгу В. Корбана «Мы их знаем» («Мы их ведаем») (1953) заметным явлением в белорусской сатирической литературе 1950-х гг.

Однако поэт понимал, что сатирическое обличие организаторов «холодной войны» – это важная, но не самая актуальная тема для баснеписца. Вспоинился В.Г. Белинский, который в свое время писал, что «басня не есть аллегория и не должна быть ей, если она хорошая, поэтическая басня, но она должна быть маленькой повестью, драмой, с личностями и характерами, поэтически очерченными. Сами воплощения в басне должны быть живыми поэтическими образами».

Постепенно формировалось собственное творческое правило – чтобы быть достойным требованиям Белинского и хорошим рассказчиком, и хорошим поэтом, и в опреде-

* Херст – в начале 1950-х гг. один из крупнейших в США владельцев средств массовой информации.

ленной степени драматургом, надо постичь действительность, всегда «приносящую дары» сатирику. Настоящий комизм он начал искать в повседневной жизни, в которой достаточно часто наблюдаются отступления от традиционных жизненных норм и правил. Секрет заключался лишь в том, чтобы в бытовой сатире умело соотносить реальное и невероятное, выдержать меру этого соотношения, нарушая ее лишь использованием элемента неожиданности, заставить комическую ситуацию стать прочным стержневым «хребтом» сатирического произведения. В лучших баснях первых поэтических сборников («Мы их знаем», «Басни» («Байкі») (1953), «С ветерком» («З вецярко») (1957), «Точные приметы» («Дакладныя прыкметы») (1958), «Горячая припарка» («Гарачая прыпарка») (1959), «Где эта улица» («Дзе гэта вуліца») (1961) и др.). В. Корбан продемонстрировал мастерское владение такими приемами. При этом отрицательные явления часто высвечиваются автором с неожиданной и нежелательной для этого явления стороны, что еще более усиливает комический эффект. Как в басне «Ивановы карманы» («Іванавы кішэні»): конюх Иван заимел в брюках «секретные» карманы, в которых потихоньку переносил домой украденный овес. И надо же так случиться, что безотказно служившие ему много лет, переполненные зерном карманы не выдержали – ремень порвался, а «предприимчивый» Иван оказался перед односельчанами без брюк. Мораль – «воруй, но в меру», ибо вещи, оказывается, также не терпят издевательства.

И это не частный пример. Это свидетельство того, что В. Корбан пытался строго соблюдать философскую категорию «меры» – в его баснях, фельетонах, сатирических зарисовках есть место как для развенчания таких общезначимых антисоциальных явлений, как бюрократизм, пьянство, подхалимаж, мещанство, казнокрадство, показуха и т.п., так и для бескомпромиссной борьбы с конкретными носителями безнравственной морали (врачей, самовлюбленных начальников, хапуг, дармоедов, а то и просто воров, расхитителей государственной собственности). Достижением В. Корбана можно считать его умение выделять из всей массы жизненных фактов и событий то, что имеет злободневное значение и придавать ему острое сатирическое звучание. В лучших баснях поэт сумел сохранить единство идейного содержания и художественной формы. Вот, к примеру, басни «Лошадь и жаба» («Конь і жаба»), «Мельничная пыль» («Млыновы пыл»), «Милый человек» («Мілы чалавек»), «Жучка и Мурзик» («Жучка і Мурзік»), «Куры» («Куры») и др., которые взяты из жизни тогдашнего общества и в которых видится каверзно-смешная ситуация, читается меткое народное слово, встречается острый диалог, антитезис.

Басня «Слоновья зарплата» («Слановая зарплата») интересна тем, что сюжет ее имеет прямое отношение к нашей жизни:

*Казёл быў у Вала сакратаром,
І вось на пашы неяк рана
Яму заўважыў конь Буланы:
«Мы з Вараным ніяк не разбяром,
Навошта гэткая табе пасада?
Ні чыну ў цябе тут, ні акладу.
Ты ж не хто-небудзь, а Казёл!
Цябе не паважае Вол».*

И вот на такую обиду Козел спокойно и рассудительно поясняет своим «коллегам»:

*Не важна,
...Што чыну я не маю,
Дык гэта не бяда. А вось аклад
Я маю значны, брат:*

*Сланом лічуся я па штату
І атрымоўваю слановую зарплату.*

А что, в нашем обществе сейчас не так? Корбановская мораль 1950-х гг. оказывается к месту и в начале XXI ст.:

*А хіба ў нас не так?
Залічваюць у штат
Кагосці на пасаду інжынера,
А даручаюць падшываць паперы.*

Это – не из народной морали. Это из приемов обычного бюрократизма, который всегда и во всем искал и ищет для себя выгоду, находил и находит «помощников», готовых на любые действия не только во имя услужливости, но и во имя собственного благоустройства, несмотря на унижительность хозяйских требований.

А вот в басне «Начало и конец» («Пачатак і канец») В. Корбан, на наш взгляд, проявил лучшие драматические качества: девушка мечтает о замужестве:

*Усё плакала аб будучай бядзе:
«Я на-а бя-а-ду-у
За-а-муж па-а-йду-у,
Дзі-і-цё нара-а-джу-у,
На прыпечак па-а-са-джу-у,
А палонік зваліцца й дзіцё за-а-б'е,
А бацюхны ж мае-е!»*

Не ходил к ней никто в сваты, никто не предлагал ей руку и сердце. И вот – мораль:

*Хто справу хныканнем распачынае,
Той добрых вынікаў не мае.*

Собирая материал для басен, В. Корбан часто обращался к казалось бы будничным делам своих героев. Однако, как правило, за таким, на первый взгляд, единичным фактом стояли отрицательные явления во многом типичные, требующие устранения их из жизни общества. Как, к примеру, в басне «Бригадный кум» («Брыгадны кум»). Колхозный бригадир Фадей, бездельник и любитель чарки, очень любил, чтобы его приглашали в кумовья:

*Дый кум жа сапраўды ён быў удалы,
Бо ведаў падрабязна рытуалы
І адпаведна вёў абрад, –
Умеў пагаварыць пра хлеб і соль,
Кілішак выт'е, рэшту ў столь...*

Поэтому и друзей у Фадея в бригаде «хоть гать гати»,

*Глядзіш, і просіць хто зайсці:
«Ты ж сёння, як відаць, кумок,
Не пахмяляўся...»
Фадзей Кузьміч не адмаўляўся,
Заходзіў, частаваўся.
Калі ж не клікалі, то да кумоў
Фадзей і сам ішоў, –
На чарку набіваўся.*

А когда никто не звал, он не забывал без приглашения заглянуть «і да кумы Тацяны, Пелагеі ці Мальвіны...» Ну, а бригадные дела?

*Ды так сабе – ішлі памалу
Брыгада сеяла, арала
Так-сяк
І нават нешта восенню збірала.*

Одно слово «нешта» («что-то»). А сколько иронии, горькой насмешки слышится в нем. Из этого «нешта» надо было оплатить труд колхозников, сохранить зерно для нового урожая. В итоге «нешта» превращалось в скудность и бедность колхозной жизни.

К сожалению, таких горе-руководителей, «бригадных кумовьев», в белорусских колхозах 1950-х гг. было предостаточно. С моралью людей типа Фадея Кузьмича приходилось бороться постоянно и настойчиво. И басня В. Корбана в арсенале идеологических средств занимала заметное место, давая обобщающую негативную оценку любителям легкой деревенской жизни. И сегодня злободневно звучат написанные В. Корбаном в 1950-е гг. строки:

*Рэжорд – яно нішто, але прыйшла пара
Усю на ногі ставіць гаспадарку.*
«Пудовы агурок»

А разве нельзя соотнести с обществом начала XXI ст. басню «Критический ход» («Крытычны ход»), когда у руководителей предприятий и организаций различных форм собственности, стали, как и ранее, в служебных кабинетах появляться подхалимы, доносчики, люди, пытающиеся утвердить себя в новых условиях на основе бытовавших в прежние времена правил наущничества, восхваления руководителя, услужливости и чинопочитания.

Барбос, считавшийся по штатному расписанию сторожем, получил на собрании коллектива слово и ... начал «разносить всех подряд. И так выдал Козлу, «что тот даже бородой затряс». Козел и есть главный «торпедист» плана, с него ни шерсти нет, ни молока. К тому же и свои обязанности выполняет плохо, не видел даже, что «Трус капусту воровал». И не смутила его реплика Вола: «Разве Козел здесь виноват? У нас же сторожем Барбос по штату». Следующим под критику Барбоса попадает Бобер: «Бобер и есть, и был, и будет лодырем», – распинался Барбос. Не удержался Лось: «Ты про Медведя расскажи такое, и я скажу, что правда в этом есть». Барбос не растерялся: «Известный руководитель! Пример чудесный нам! Достижений ведь в делах богато!» Выпустив «тираду сладких слов» о своем начальнике, «Барбос на задних лапах с пня сполз».

Поэт создал поэтический образ, соединив художественно две, казалось бы, несовместимые черты в характере подобного рода «борцов за правду» – беспредельное нахальство и удивительное лизоблюдство. Басня **В. Корбана «Критический ход»**, как справедливо заметил Я. Казека, – «это один из приемов удачного использования важнейших жанровых качеств в басне – аллегоричности, сатирического иносказания, качеств, которые обеспечивают басне отличную способность обобщать, типизировать жизненные явления»¹.

Однако приходится констатировать, что на начальном этапе пути (условно его верхнюю границу обозначим 1955 г.) поэта-баснописца у В. Корбана случались досадные промахи – растянута, рыхлота, нереальность сюжетной завязки, абстрактность

¹ Казека, Я. Беларуская байка / Я. Казека. – Мінск, 1960. – С. 164.

мысли. Встречались штампы, смысловые повторы, в отдельных баснях нет ни интересного факта, ни образного и поучительного вывода. Мораль таких басен выглядит просто регистраторской. Часто сатирические секреты загонялись в наборы хлестких, жаргонных словечек, хотя мастерство баснописца и не нуждается в грубых вульгарных выражениях. **Критик Л. Соловей в газете «Звезда» отмечает: «...плохо, когда одни и те же темы, образы, художественные детали, удачные в одном месте, повторяются и часто почти без изменений перекочевывают из басни в басню»***

Правда, творческая активность, постоянный поиск новых тем, острая публицистичность, работа над словом позволили критикам и литературоведам быть уверенными в том, что все это трудности временные, трудности роста, преодоление которых дело времени.

Время оправдало эти надежды. Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. поэтическая деятельность В. Корбана приобретает новое качественное выражение – обогащается жанровая сторона творчества, наряду с басней появляются юморески, сатирические стихотворения, стихотворные фельетоны, четырехстрочные миниатюры, басни для детей и т.д. Новыми характеристиками наполняется содержательная сторона – басни строятся на остром сюжете, подкупают своей простотой, ясностью мысли, смелыми обобщениями, мораль приобретает публицистический характер. Разрабатывая уже ставшие традиционными для басен темы, поэт метко подмечает новые стороны, новые оттенки в привычных явлениях, вносит в сказанное до него другими авторами дух окружающей его действительности. Поэт стремится стиль и язык своих произведений приблизить к стилю народной поэзии, языку безымянных народных творений. Его моральные выводы высказываются такими удачными афоризмами, что могут занять достойное место в сокровищнице белорусского фольклора:

*Другі за ўсё гатовы брацца,
Хаця ў справе і не можа разабрацца.*

Или:

*Сустрэўшы чалавека небагога,
Шчасліва пражывеш без бога.*

Или:

*Што грэх таіць, – і зараз дзе-нідзе
Ацэнка якасці па выглядзе ідзе.*

Наконец:

*Для яснасці два слова давяду:
Які ты ў быту,
Такі ты і на справе.*

И, конечно же, стержневым элементом является «выкорчевывание» из жизни общества всякого бескультурья, подхалимства, пьянства, проявлений бюрократизма, стремления пожить за счет других людей, мещанской морали и других негативных проявлений тогдашней жизни. Из печати одна за другой выходят книги «С ветерком: басни и стихотворения» (1957), «Янка и санки: басни и стихотворения» («Янка і санкі: байкі і вершы», (1957), «Точные приметы: басни» (1958), «Горячая припарка: сатира и юмор» (1959), «Где эта улица?: басни, сатирические стихотворения, стихотворные фельетоны» (1961), «К теще на блины: рассказы и юморески» («Да цешчы на бліны: апаবাদанні і гумарэскі») (1963), «О животных и о зверях: стихотворения» («Пра жывёл і пра звяроў»: вершы)

* Из печати к этому времени вышли лишь две книги В. Корбана – «Мы их знаем» и «Басни».

(1963), «Вчера, сегодня и всегда: стихотворения» («Учора, сёння і заўсёды: вершы»), (1963), «Синяк: сатирические стихотворения и басни» («Сіняк: сатырычныя вершы і байкі») (1964), «Не на своем месте: басни, стихотворения» («Не на сваім месцы: байкі, вершы») (1965). И, практически в каждой из них, читатель находил произведения, направленные на упрочение морально-нравственных отношений, искоренение безнравственности и в жизни, и на работе, и в семейных отношениях. Правда, как человек творчески многоплановый, он думал и о проблемах повседневной жизни, о поэтической подсказке читателю в поиске лучших решений в его повседневной жизни, чтобы он и его друзья «о слабом месте и думали и волновались своевременно» (басни «Поэт и зуб» («Паэт і зуб»), «Певец и комар» («Пясняр і камар») и др.). То есть, проявляется не стремление поэта-обличителя, а поэта-человека, видящего повседневные проблемы людей и стремящегося помочь в их разрешении. (Сотни читателей Беларуси подтвердят, что эти качества В. Корбана особенно ярко проявились во время его редакторства республиканским сатирическим журналом «Вожык» (1967–1971)). Кому-то надо было помочь, кому-то подсказать, а с кем-нибудь (особенно из категории «власть имущих») и поссориться, чтобы доказать право в то время не принятого журналистского расследования. И он помогал, он ездил в командировки, встречался с авторами писем (говорят, что ни одной «проездки» не было. В. Корбан находил вместе с местными властями причины появления «слабых» (болезненных) мест и пути решения больших или малых, общественных или лично-гражданских проблем). Может быть, впоследствии, помня об этой неблагодарной работе, он однажды напишет следующие строки:

*Не думайце, што я хачу каго вучыць,
Я толькі адзначаю...*

Значит, не только в обличении антисоциальных явлений видит поэт свою авторскую задачу. Выявить бытовую ничужность поступка, его антиэстетическую направленность, комизм явления или его носителей – в этом видел свою задачу поэт, автор многих книг В. Корбан. Значит, главное для него – заметить человека, понять его проблемы и радости, печали и заботы. Важно было только в этой правдоискательной деятельности (особенно с использованием своего главного оружия – печатного слова) не потерять чувство меры, помнить о том, что субъективный перегиб в использовании таких литературных приемов, как гипербола и аллегория, когда они как средство художественной типизации начинают терять свою силу, ведет к искусственности и фальшивости в осмыслении и оценке жизненных процессов и явлений. Нагромождение животных, птиц, других представителей флоры и фауны не то что принижало остроту социальных конфликтов (понимаемых, конечно, в аллегорическом плане), но часто ненужным образом затушевывало их, сглаживая тем самым социальную остроту и оценку сатириком их носителей. И, думается, что **Н. Гилевич был прав, высказывая авторам сатирических произведений пожелание: «Ці не лепей па любой мярзотнай катэгорыі ... смаліць без алегорыі!»** (правда, в творчестве 1960–1970-х гг. количество таких персонажей заметно сократилось).

«Пулей попадешь в одного, в двух, а метким словом в тысячу», – утверждает народная мудрость. Правда, попасть в цель важно, но это далеко не главное. Важнее, чтобы выстрел (здесь мы имеем в виду сатирически-публицистические слова В. Корбана. – *А.Р., Ю.Р.*) смог предупредить дальнейшие и ростки, и рецидивы негативной психологии, обратить внимание читателей на непредсказуемость последствий нравственных и правовых нарушений, совершаемых в обществе.

Это и есть то главное, за что белорусский (армянский, казахский, латышский, литовский, молдавский, польский, русский, таджикский, узбекский, украинский, эстонский. – *А.Р., Ю.Р.*) читатель 1950-х – первой половины 1960-х принял, понял и чествовал славного белорусского баснописца и продолжателя дела Кандрата Крапивы Владимира Корбана.

Активная творческая деятельность сатирика и баснописца В. Корбана продолжалась и во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов. Трудно назвать тему, которой бы не коснулся писать. Из-под его пера выходят книги басен, фельетонов, памфлетов, очерков, литературных зарисовок. Вот хронология их выхода: 1967 г. – «Соседний двор» («Суседні двор») и фотоальбом «Орша»), 1968 г. – «Свиньи в репе» («Свінні ў рэпе»), 1970 г. – «Демьянова уха» («Дзям’янава юшка») и «Стакан чаю»: Избранное» («Шклянка чаю: Выбранае»). Уже после его смерти будут изданы книга басен и сатиры «Влюбленный морж» («Закаханы морж») (1972), «Избранное: юмор и сатира», («Выбранае: гумар і сатыра») (1976), «Дядюшкина обида: Рассказы, юморески, туристские зарисовки» («Дзязьдзькава крыўда: апавяданні, гумарэскі, турысцкія замалёўкі») (1982). Более двух десятков книг вышли из-под пера писателя-сатирика. И всех их роднит гражданская ответственность автора за судьбы и дела людей, желание помочь им избавиться от недостатков, занять достойное место в жизни.

Басни, фельетоны, юморески В. Корбана печатались в коллективных литературных сборниках «Вожык у дарозе», «Дзень паэзіі», «Арлянтам», «Беларускія байкі», «Туман трэба развязаць». Несколько басен включены в «Хрэстаматыю па беларускай дзіцячай літаратуры». Он был постоянным автором в республиканских газетах («Звязда», «Літаратура і мастацтва», «Сельская газета», «Чырвоная змена», «Голас Радзімы») и журналах («Полымя», «Беларусь», «Неман», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Вожык», «Народная асвета», «Бярозка»). Его печатали областные газеты «Віцебскі рабочы», «Магілёўская праўда», «Мінская праўда», Минская городская газета «Вячерні Мінск». А еще были переводы с русского, украинского, казахского, латвийского, узбекского, эстонского языков.

Не будет преувеличением вывод о том, что талантливая сатира Владимира Корбана привлекает читателя не только оригинальностью поэтического замысла, образностью и сочностью народного языка, но, главным образом, бескомпромиссностью разговора о том, что волновало и сегодня волнует самого читателя. «У сваёй творчасці, – говорит сам сатирик, – я выкарыстоўваю шмат чаго пачутага ад людзей і ўбачанага ў жыцці. З людзьмі я заўсёды сустракаюся, прыслухоўваюся да іх размоў, запісваю трапныя прымаўкі, прыказкі»². Его не просто наблюдательность, а умение за, казалось бы, простым, жизненным фактом, увидеть занимательный сюжет, оформить его художественно, но и донести до читателя и заинтересовать его, стали строжайшей линией творчества. И нас привлекла, к примеру, басня «Тетушка» («Цётка»). Сюжет ее достаточно прост: в ожидании своего поезда автор купил у местных торговков кулек малины:

*Маліны з’еў, паперку разгарнуў,
Зірнуў
І аж аслупянеў, вачам не веру.
Дзе цётка гэткую ўзяла паперу?
Да цёткі я казалом, здаецца, сігануў.
«Адкуль вы гэтыя лісткі, – пытаю, выдзіралі?»
«Ды з кніжкі. Дзе ўзяла? Не ведаю сама...»
«Што вы зрабілі! Гэта ж слоўнік Даля,
Выданне першае, – цаны яму няма!
Такую рэч пашкамуталі!
За кніжку гэту сам бы я гатоў*

² Чырвоная змена. – 1970. – 25 жн.

*Вам даць не меней чым паўста рублёў.
Маліны вашы з кошыкам таго не варты,
Бо зараз кніжку гэткую сустрэць – не жарты».
«Ну-ну, – цётка не паверыла мне, – дзе ўжо там...»*

* * *

*Бывае, чалавек з-за дробныя выгоды
Наробіць шкоды,
Бо што зрабіў – не разумее сам³.*

Не застаецца без увагі сатырыка:
– небрежная гра футбольнага вратара, прыведшая да паражэння пераходнага
каманды. І аўтарскае рэзюме сапраўды справядлівае:

*Адзіны вывад тут. Зрабіць яго няцяжка:
Усякі недагляд, усякая прамашка
Аплачваецца не малай
цаной»⁴.*

«Расплата»

– притворство заболелага Мікіты:

*Мікіта ўзяўся за пілюлі,
Ды ледзь адну паклаў з іх на язык,
Як тут жа выплюнуў і ў крык:
«Палын! Гарчыца! Хрэн! Махорка!
Пячэ агнём у роце. Горка».
«Трывай, Мікіта, – кажуць, – не прывык
Ты гэткае глытаць, а даўдзецца.
Калі не хочаш дуба даць...
...А ён сваё: «О-ёй, не прадыхну!
Нібы пакаштаваў цыбулі з ёдам.
Памажце мне пілюлю мёдам, –
Быць можа, праглыну...»
Але ён без мёду праглынуў адну, другую.*

Вывод сатырыка звучыць прызывна-предупреждаючае:

*...Што ж, з хворым сітуацыю такую
Магчыма дапусціць.
А вось бывае – іншы ў працы
Пачне выпендывацца, зарывацца,
У справах чыстую ваду муціць.
Патрэбна хвост яму круціць,
А мы нічога горкага не кажам
І толькі просім перастаць.
Яму на гэта напляваць,
Бо мы пілюлю мёдам мажам⁵.*

«Горкая пілюля»

³ Корбан, У. Выбранае: Гумар і сатыра / Ул. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 297–298.

⁴ Корбан, У. Выбранае: Гумар і сатыра / Ул. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 301.

⁵ Там же. – С. 305–306.

ВЛАДИМИР КОРБАН

– историческое предание об Изабелле, королеве Испанской, вошедшей в историю своим признанием:

*«Мне толькі двойчы цела
Даводзілася мыць.
Упершыню – як нарадзіла мама,
А потым мылася таксама,
Калі прыйшла пара мне замуж выхадзіць».
Так і праславілася дама.*

Однако авторский вывод из давнишнего исторического факта вполне современен:

*Прызнацца,
Такіх палітыкаў няцяжка адшукаць,
Што ў брудзе з галавой усё жыццё сядзяць
Ды тым яшчэ і ганарыцца⁶.*

В произведениях конца 1960-х – начала 1970-х годов Вл. Корбан акцентирует и юмор, и сатиру на уродливых проявлениях мещанской морали, развенчивает обывательство, хамщину, воровство, безделие. Вот, к примеру, басня «По плечу» («Па плячу»). На птицеферму понадобился массовик-затейник. И солидный руководитель индюк приглашает на эту должность самоуверенного кота: «*На гэту працу, – заявіў (кот. – А.Р., Ю.Р.), магу згадзіцца, бо ўпэўнена лічу – яна мне па плячу*». Впоследствии стало очевидным, что индюк, принимая на работу кота, забыл народную мудрость: «*Чаму кот гладкі? Пад'еў ды на палаткі*».

*У гэтым саменькім і ўсё яно.
Мурлыка толькі ёсць ды пысу мые
І не збіраецца наогул працаваць.
Хоць праца па плячу была яму,
ды давлялося даць
Кату па шыі⁷.*

Такие же заверения дает проворовавшийся кладовщик:

*Паквапіўся, – галосіць, – маху даў.
Каб толькі суд яму ласкава дараваў,
Дык болей ён ужо не спатыкнецца,
Ніколі ўжо не зробіць брыдка так,
Заўжды сумленны будзе,
чысты і цвярозы.*

И, как это часто бывает, проходимец находит сочувствующих:

*Няшчасны чалавек, бядак... –
Жанчына нейкая чуллівая ўздыхнула, –
Зірніце – гора ў крук яго сагнула.
А плача як!
Не, я б яго так жорстка не карала...*

⁶ Корбан, У. Выбранае: Гумар і сатыра / Ул. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 329–330.

⁷ Там же. – С. 317.

Забыла, видимо, женщина о том, что вор всегда перед судом готов слезу пустить. И этот плакал:

*Патрапіўшы чацвёрты раз пад суд
За рукі брудныя, як нораў памаўзлівы.*

*Ён плакаў ужо тройчы і тады,
Калі яго судзілі іншыя суды⁸.*

«Слязлівы»

Следует подчеркнуть, что более острое общественное звучание имели те сатирические произведения В. Корбана, в которых поднимались морально-нравственные и социально-значимые проблемы. Такие, к примеру, как понимание людьми разумного соотношения нрав и обязанностей («Права и обязанности» («Правы і абавязкі»), отношения между детьми и родителями («Родительская подкормка» («Бацькаўская дакормка»), развенчание подхалимажа и угодничества («Демьянова уха» («Дзям'янава юшка»), ответственное отношение к труду («Терех» («Церах»), («Болонка и уважение» («Балонка і павага»), борьба за соблюдение прав человека в демократической Америке («Доказательство» («Доказы») и др.

Нельзя оставить без внимания пронизанные легким юмором басни «Заключение» («Заклучэнне»), «Влюбленный морж» («Закаханы морж»), «Подобие» («Падабенства») и др. И, хоты героями в них являются представители животного мира (собака, морж, обезьяна), читатели легко соотносят их действия и поступки с окружающим их человеческим сообществом. Вот, состарившийся в прошлом красавец-пес Жартик из басни «Заключение»:

*Жужуткі, Шаўкі, Мушкі ды Фідзеі,
Убачыўшы яго, аж вар'яцелі, –
Такі ўжо здатны кавалер!
І ўсё гэта было як быццам толькі ўчора...*

Но приключилась с Жартиком «беда» («...Двароў суседніх ён не аббягае. Сагнуўся, аслабеў, і хвост калматы ўніз, нібы ануча звіс. І Знайда маладая на Жарціка ўжо ўвагі не звяртае»). Пришлось идти к врачам Тхорам, которые, обследовав «больного», заявили без сомнения:

*Твая хвароба ў тым, што ты стары, –
Адзінае зрабіць магчыма заключэнне.
Ну чым цябе лячыць? Такі ўжо ўзрост,
Што не закруціш абаранкам хвост.*

Естественно, что и писательский вывод не расходится с профессиональным заключением:

*Ад старасці няма лячэння –
На ўвазе гэта май.
Што зробіш, браце мой, гады твае не тыя.
Прайшла пара – спакойна дажывай,
Хвасты ж закручваюць няхай ўжо маладыя⁹.*

А как мягко и ...поучительно звучит юмор в басне «Влюбленный морж» – солидный Морж влюбился «у Лісу па вушы, нібы Цюлень якісьці малады». Объяснение в любви приведем полностью – очень уж оно привлекательно:

⁸ Корбан, У. Выбранае: Гумар і сатыра / Ул. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 327–328.

⁹ Там же. – С. 307–308.

Каханая! – пяшчотна Морж зароў, –
Мядуза! Рыбка залатая!
Я так... Я так цябе кахаю,
Што для цябе на ўсё гатоў!»...
...Гатовы ўсёй душой табе скарыцца».
«Ха-ха! – хвастом вільнула чараўніца. –
Кахаеш? Дык за мной паўзі ў тайгу.
У моры з-за цябе не буду ж я тапіцца.
Бо я – жывёліна лясная,
Ахвоты цёпкацца ў вадзе не маю.
Паўзі. Капай нару, лаві цецерукоў,
Цягай мне з рэчкі шчупакоў...
Магчыма я цябе – ха-ха! – і пакахаю».
І морж папоўз, Лісой ачараваны...

И, как не улыбнуться (А, может, и призадуматься?!) над выводами сатирика, когда он узнал, что *«ледзь-ледзь не давлялося дуба даць, набраўся недарэка гора. Ліса, вядома збегла і канец – зманіў яе юнак Пясец. Ледзь Морж прыпоўз назад і – плюх! – у мора»:*

*З каханья гэткага заўжды бывае ліха.
Не кідайся, стары, за маладой
Красой.
Хай Ліс кахаецца з Лісой.
Калі ж ты Морж – кахай сваю Маржыху¹⁰.*

* * *

«Байка існуе дзве з паловай тысяч год. Няма падстаў прадказваць ёй павольнае, ёсць і пачэснае, згасанне. Пакуль існуе чалавечае грамадства, яму будзе патрэбен смех – як вада, як паветра, як хлеб, як сонца!» – так вот оценил общественную необходимость и потребность в остром, злободневном, но и в то же время, тонком и доступном для читательского понимания сатирическо-юмористическом творчестве поэта-сатирика. И дальше добавил. – «Уладзімір Корбан выдатна разумеў гэта. Праз ягоныя байкі добра разумеем гэта і мы, ягоныя чытачы»¹¹: так выказаўся пра свайго калегу вядомы беларускі сатырык Э. Валасевіч.

Действительно, меткое, острое слово сатирика-баснописца постоянно находило своего читателя. Исследователи художественной культуры Белоруссии отмечают и такую привлекательную его черту: редко какой концерт художественной самодеятельности или выступления эстрадников-сатириков обходилось без чтения произведений Владимира Корбана.

Но и в конце 1960-х – начале 1970-х годов над писателем, поэтом-сатириком постоянно витали пороховые запахи, солдатские походы и потери, личный опыт бойца и командира роты, прошедшего путь от Гродно до Тулы и Восточной Пруссии, и окончившего свой армейский путь в 1946 г. Нет-нет, да и прорывались они в его поэзию. И одним из таких прорывов стала «Повесть о солдате» («Аповесць пра салдата»). Она не так часто печаталась. Современному читателю мы предлагаем ее сокращенный вариант, выделив в ней несколько определяющих позиций:

¹⁰ Корбан, У. Выбранае:: Гумар і сатыра / Ул. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 311–312.

¹¹ Валасевіч, Э. Самабытны талент. Да 70-годдзя з дня нараджэння Уладзіміра Корбана / Э. Валасевіч // Полымя. – 1980. – № 9. – С. 241.

– О фронтовых дорогах:

Дарогі, дарогі: –
Шляхі баявыя,
Шляхі франтавыя,
Шляхі агнявыя...
...Ішлі вы праз багны,
Ішлі праз балоты,
Ішлі праз лясы,
Праз жыты і гароды,
Ішлі праз руіны,
Пажары,
Навалы,
Дзе кроў чырванела
І смерць сустракала
Ваяку салдата.
А ён не згінаўся,
Уперад,
На захад
З агнём прабіваўся...
...Часіна настала –
З карэннямі выдраў
Змяінае джала.
Яго давялі
Франтавыя дарогі

Да самай
фашысцкай
звярынай
бярлогі.

– Об авторском диалоге с белорусом-победителем, дошедшим до Берлина:

Стаіць
Пераможца-салдат,
Пазірае.
Варожае неба
Кумач засцілае,
Палаюць не нашы –
Варожныя хаты.
У гэтым, Сцяпане,
Не ты вінаваты.
Табе перад імі
Няма ў чым вініцца...
...Сцяпане, ты рады?
Не рады?
Не рады.
Вядома, не рады –
Табе, чалавеку,
Вайна не здавалася шчасцем

*І потым
Ніколі прывабнай не будзе.*

– О душевном состоянии солдата Степана:

...Сцяпан падышоў да жанчыны (немкі. – А.Р., Ю.Р.)

Пытае:

*«З паўгода малая,
Напэўна, ужо мае»
Жанчына нічогачкі
Не разумее,*

*Прыліпла да печы
І дыхнуць не смее,
Бяды ад салдата
Жанчына чакае,
Збялела,
Затрэслася ўраз,*

*А малая
Глядзіць на яго,
Не баіцца,
Не плача,*

*Яшчэ і ўсміхнулася
Усмешкай дзіцячай,
І гэтай усмешкай,
Пяшчотнай і мілай,
Салдацкае сэрца,
Як воск, растапіла.*

*Успомніў ён маці сваю,
Маладзіцу
І сына,
Успеў
На бяду нарадзіцца.*

У вачах

Сляза заблішчала скупая...

...Сцяпан рукавом абмахнуўся,

Нібыта

У вока патрапіла

Нешта такое...

Галоўку пагладзіў

Шурпатай рукою,

Даў цукру драбочак

У ручку дзіцяці

«І сумна ўсміхнуўся

Спалоханай маці»¹².

Сделаем пояснение. Мы пошли на столь объемное цитирование «Повести о солдате», чтобы показать современному читателю, что Вл. Корбану было подвластно не только

¹² Корбан, Ул. Аповесць пра салдата / Ул. Корбан // Чырвоная змена. – 1970. – 25 жн.

искусство басни, искусство юмора и сатиры, но он свободно владел пером и в других поэтических жанрах. Рифма, ритмика, мастерское владение словом, содержательность и идейность «Повести о солдате» является лучшим тому подтверждением.

Белорусские литературоведы, исследователи сатирического жанра в литературе 1950-х – начала 1990-х годов, непосредственно творческого наследия Вл. Корбана (М. Арочка, Я. Казека, М. Хведарович и др.) часто называли его последователем патриарха искусства басен народного писателя БССР Кондрата Крапивы. Он спокойно относился к подобному рода высказываниям. И свое отношение к ним изложил в басне «Молотобоец», написанной к своему 60-летию (1970) и подводящей итог его творческой деятельности:

*Мне кажуць: «Паслядоўцам
Кондрата Крапівы ты быў...»
Калі Кондрат Кондратавіч
малатабойцам
Мяне магчыма залічыў.
То шэсцьдзсят гадоў я
Нездарма пражыў¹³.*

На наш взгляд, объективная и заслуженная оценка творчества В. Корбана дана литературным критиком Вл. Правосудом: «Уладзімір Корбан быў вострым байкапісцам і спагадлівым да людзей гумарыстам. Да яго гарнуліся маладыя і сталыя пісьменнікі, якім ён шчодро перадаваў свой багаты творчы вопыт, вучыў як умела карыстацца зброяй смеху»¹⁴.

И кратко, и убедительно!

ЛИТЕРАТУРА

1. Корбан, Ул. Суседні двор / У. Корбан. – Мінск, 1967.
2. Корбан, Ул. Орша: фотоальбом / У. Корбан. – Мінск, 1967.
3. Корбан, Ул. Свінні ў рэпе / Ул. Корбан. – Мінск, 1968.
4. Корбан, Ул. Дзям'янава юшка / Ул. Корбан. – Мінск, 1970.
5. Корбан, Ул. Стакан чаю: Выбранае / У. Корбан. – Мінск, 1970.
6. Корбан, Ул. Закаханы морж / Ул. Корбан. – Мінск, 1972.
7. Корбан, Ул. Выбранае: гумар і сатыра / Ул. Корбан. – Мінск, 1976.
8. Корбан, Ул. Дзядзькава крыўда: апавяданні, гумарэскі, турысцкія зарысоўкі / Ул. Корбан. – Мінск, 1982.
9. Казека, Я. Няходжанай дарогай / Я. Казека. – Мінск, 1973.
10. Хведаровіч, М. Незабыўнае / М. Хведаровіч. – Мінск, 1976.

¹³ Цит по: Сельская газета. – 1970. – 25 авг.

¹⁴ Чырвоная змена. – 1980. – 24 жн.

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

Через поэзию (на волне общественного обновления после XX съезда КПСС) пришел в национальную художественную культуру Владимир Семенович Короткевич – один из известнейших и разножанровый белорусских авторов (в 1954 г. он окончил Киевский университет имени Т.Г. Шевченко, в 1960 г. – Высшие литературные, в 1962 г. – сценарные курсы в Москве). Для таких эпитетов есть все необходимые основания. В его творческом «арсенале» – роман, повесть, рассказ, сказка для детей, очерк, рецензия, научное исследование, поэма, баллада, стихотворение, пьеса, эссе, киносценарий, либретто оперы и балета... Даже была мечта написать 15 романов серии «Век» о жизни белорусов в 1860–1960-е годы. А еще переводы с разных языков, остропублицистические статьи в защиту национальных традиций, памятников истории и культуры, родной и близкой с детства природы, меткие зарисовки, дневниковые записи. *Как однажды совершенно справедливо отметил народный писатель Белоруссии В. Быков, «равного ему нет и вряд ли уже будет, заменить его в нашей литературе не может никто. Уже хотя бы потому, что никто с таким блеском не соединял у нас талант поэта с талантом прозаика, драматурга, киносценариста, эссеиста, историка. Он был одинаково талантлив почти во всех литературных жанрах, что, может быть, естественно для литературы прошлого, но редко встречается в современной литературе с ее богатыми и совершенно развитыми литературными жанрами».*

И не только талантливыми произведениями, а и духовной связью с Отечеством, ее наполненностью авторской ответственностью за наследие, за преемственность и развитие национального менталитета. В 1980 г. в связи с 50-летним юбилеем был награжден орденом Дружбы народов.

Поэтическое наследие В. Короткевича составляет четыре сборника: «Материнская душа» («Матчына душа») (1958), «Вечерние паруса» («Вячэрнія ветразі») (1960), «Моя Илиада» («Мая Іліяда») (1969), «Был. Есть. Буду» («Быў. Ёсць. Буду») (1986).

Поэтические переводы В. Короткевича произведений Гая Валерия Калигулы, Дж. Байрона, А. Мицкевича, И. Франко, М. Карима, Р. Гамзатова и др. вошли в сборник «Голоса моих друзей» (1993).

Обратимся к первым двум поэтическим книгам – «Материнская душа» и «Вечерние паруса», являющихся на наш взгляд, своеобразным введением в безбрежную поэтическую Атлантиду В. Короткевича и свидетельствующих, что в белорусскую поэзию в конце 1950-х – начале 1960-х гг. пришел автор самобытного и яркого таланта, со своим романтическим человеческим восприятием и осмыслением жизни, насыщенностью произведений острым метафоризмом, ритмико-интонационным разнообразием, напряженностью интонации, запоминающимися характерами

Попробуем тезисно¹ расшифровать для современного читателя смысл приведенного выше суждения. Выделяя главное, подчеркнем, что уже в первых книгах выделяется кредо молодого поэта, его поэтическое оформление философско-исторической концепции баллад, поэм, стихотворений В. Короткевича. И, в первую очередь, в стихах «Павлюк Багрим» («Паўлюк Багрым»), «Материнская душа» («Матчына душа»), «Баллада о повстанце Волколаке» («Балада пра паўстанца Ваўкалаку») из первого поэтического сборника «Материнская душа»; поэмах «Отцово сердце» («Бацькава сэрца»), «Слово о человечности» («Сло-

¹ Более полно см.: Русецкі, А. Уладзімір Караткевіч. Праз гісторыю ў сучаснасць / А. Русецкі. – Мінск, 2000. – С. 176–260.

ва пра чалавечнасць»), стихотворениях «Боевые повозки» («Баявыя вазы»), «Трагедии не исцезнут при Комуне» («Трагедыі не знікнуць пры Камуне»), «Гуси-лебеди в лугах зеленых» («Гусі-лебедзі ў лугах зялёных»), «Аисты учат детей» («Буслы вучаць дзяцей»), «Баллада об аргонавтах» («Балада пра арганаўтаў»), «Пророк Иероним Босх» («Прарок Іерахім Босх») из поэтического сборника «Вечерние паруса» и других произведений.

Начатая в «Материнской душе» и «Вечерних парусах» тема человеческой свободы, неотрывности и взаимообусловленности связи общества и личности, преданного служения интересам народа, борьбы за его счастливую жизнь разрабатывалась В. Короткевичем успешно уже в начале творческих исканий. В стихотворении «Материнская душа» поэт следующим образом формулирует свое отношение к истории, к памяти о предках, памяти, которая, по его мнению, цементирует все человеческое бытие:

*Успамінаю косы і вілы,
І над замкамі горкі агонь,
Безымянныя ў лесе магілы,
І няволі цяжкі палон,
Волі нашай крывавыя роды,
Катаванні і здзек варагоў,
Барацьбу і пакуты народа,
Неўміручую душу яго,
І паўстанні, паўстанні бясконцыя.
І замучаных кроў на раллі.*

На каждом историческом этапе, в больших или малых событиях всегда были конкретные личности, привлекающие внимание поэта. Сошлемся на три стихотворения из «Материнской души» – «Машека» («Машэка»), «Баллада о повстанце Волколаке», «Павлюк Багрим», основу которых составляет историческая фабула. Главные герои первых двух – творение самого поэта, образы романтизированные, обобщенные, которым принадлежит определенное место в белорусском фольклоре. Павлюк Багрим – личность реальная, один из героических участников Крошинского восстания 1828 г. На наш взгляд, для сегодняшнего читателя важно не то, что отличает героев этих произведений (историческая эпоха, реальность или вымышленность образов, возвышенно-романтические их характеристики или реалистический подход). Главное – духовная схожесть их характеров, глубокая человечность, неприятие всякого угнетения, издевательств над простым тружеником, нашедшие свое яркое выражение в стихотворении «Павлюк Багрим». Восстание в Крошине было жестоко подавлено:

*Мы чакалі свабоды,
І касілі нас кулямі роты,
У ланцугі нас кавалі,
Каб пад палкай нам быў карачун.*

Трагизм восстания, личная драматическая судьба Павлюка Багрима все же не сложили его стремления к свободе. Уже на исходе своих дней – «*пройдзе некалькі месяцаў – прах самотны старога салдата хапатліва знясуць на глухія, старыя клады*» – повстанец высказывает свою уверенность в победе правды и справедливости. Он не только призывает «Беларусь, прачынайся!» и предупреждает, чтобы родная сторона не проспала «свае шчасце ўначы...», но и уверен, что так и будет:

*Паміраю і веру:
Калісьці над светлымі водамі,
Над свабоднай зямлёю
І над Белаю Руссю маёй
Шчасце сонцам заззяе,
І слова нашчадка свабоднага
Мае раны загоіць
Гаючай живою вадой.*

Патриотические качества народных заступников, людей героических, исключительных, пусть и находившихся в отдалении от сегодняшнего читателя, находили свое продолжение в образе лирического героя, современника поэта. При этом как сама их гамма, так и границы проявления значительно насыщаются и расширяются. Поэт ведет разговор об отношении героя к родным местам и его готовности к самопожертвованию во имя благополучия и счастья родной Белоруссии, о поэтическом восславлении красот родного края и о единстве белорусского народа с другими народами, о непокорности и мужестве белорусов в борьбе за свободу и независимость.

Без излишней поэтизации В. Короткевич пишет об Орше, городе, в котором он родился и вырос:

*Яна не блішчыць красою...
Хаткі, што да абрыву,
Як ластавак гнёзды, туляца –
Родныя і дарагія,
Як поціск сяброўскай рукі;
Брук, размыты дажджамі,
Пыльныя ўскраін вуліцы,
Куродым на сценах будынкаў,
Дальнія цягнікі.*

Поэт ищет и находит те убедительные, многозначные, иногда неожиданные эпитеты, характеризующие именно его отношение к родной земле, к Белоруссии, той родине, которая выводит каждого из нас на понимание патриотизма как диалектической взаимосвязи между родиной «маленькой» и «большой» родиной. Вот, к примеру, слова о Белоруссии из стихотворения «На Белоруссии бог живет» («На Беларусі бог жыве»):

*...А няма нідзе
Вярнейшых сяброў
І прыгажэйшых жанчын.
Гэта край раскрытых душ і дзвярэй,
Гэты край –
Твой дом і сабор...
У нас дваццаць з лішнім тысяч рэк,
Адзіннаццаць тысяч азёр.
Нам ёсць што піць,
З падмосткаў ліць,
Чым палі свае акрапіць,
А як давядзе, то ёсць нам дзе
І ворага ўтаніць.*

Ярко прослеживается стремление поэта к постижению истории развития белорусов, истоков их культуры, эстетического и нравственного сознания. Поэт с гордостью пишет, что если бы мы забыли родной язык, книги, написанные на нем, мы бы *«не былі не народам, ні нацыяй, а дзярмом, гноем, хімерай»*. Счастье в том, что приезжающие из других государств, постоянно удивляются:

*Што вы за нацыя,
Хай вас халера,
Што ні дом – сотні кніг!*

И белорус, отправляющийся в путь-дорогу, нет-нет да и прихватит с собой *«Богдановича, Танка, Купалу, и Коласа, и Панчанку...»*. Язык, как пишет В. Короткевич в стихотворении «Язык» («Мова»), – это одна из тех «святынь неаджыўшых», данная человеку на века, о которой он всегда должен помнить и которую призван хранить и беречь. Так, как это делал герой стихотворения «Гуси-лебеди в лугах зеленых.» («Гусі-лебядзі ў лугах зялёных...»), который не только *«званіў у шчыт, ... граміў татар пад Крутагор’ем, ... крышыў крыжацкія мячы»*, но и всегда готов *«да крыві апошняй»* быть вместе со своим героическим, вековым народом:

*Абцяюць нам новы раскошны дом,
Але тут нам жыць і канаць,
Тут пад кожным навекі здабытым бугром
Нашы продкі забітыя спяць.
Яны аддалі нам меч і касу,
Словы з вуснаў, цяпер нямых...*

Именно живое слово Скорины и Богдановича, Калиновского и Буйницкого – а каждому из них В. Короткевич посвящает немало поэтических строк – в разные исторические периоды звучало с единственной целью: оживить *«мертвый ком народной глины»* в *«свой родной народ»*.

Человек идет дорогами Истории (читатель! Задумайся над этим. – А.Р., Ю.Р.). А поэтому главное для поэта – сопричастность с заботами, делами, тревогами других людей. Место и время действия в этом случае играют второстепенную роль. Поэтому и встречается читатель с борцом за Справедливость и во времена первобытной орды, и в начале новой эры, и в средневековье, и в наше время. Разные судьбы у Человека, разные пути борьбы за честь и счастье людей, но определяющей его сущность является одно – Человечность. Именно человеческое в человеке, по В. Короткевичу, и цель, и смысл существования Человека, как центра вселенского бытия.

Поэтический анализ взаимозависимости между понятиями Человек-Народ-Родина, беседа с читателем о наших вековых моральных ценностях, утверждение героического начала в народном характере в произведениях, посвященных народным заступникам, будут еще более ощутимыми и понятными, если рассматривать все в неразрывной связи с произведениями, посвященными родной Белоруссии, и, в первую очередь, такими, как «Белорусская песня» («Беларуская песня»), «На Белоруссии бог живет», «Древний белорус» («Старажытны беларус»), «Материнская душа» и др.

Реальный смысл и содержание у В. Короткевича приобретает и категория «Память» – каждый должен знать и помнить как давние исторические события, так и сегодняшний день. Не забывать, что было и так:

*За дрот валакуца строем...
З «ведзьмаў» высмоткаваюць кроў...
Дзяцей старых і герояў
Бульдозер зграбае ў роў...
Вулканы Мінска і Кіева...
Трэблінкі – вар ‘яцкі сон...
Вусны жанчын, у якія
Асвенцімскі рвецца «цыклон».
Забітых халодныя горы...
Котлішчаў вечны спакой...*

Но просто знать – это мало. «Необходима активность» – вот требование В. Короткевича. И не только в отношении к историческому прошлому, но, главным образом, в развитии национального самосознания народа, его языка, культуры, морали. Память – это не данность на века вечные, не просто музейный экспонат. Она содействует становлению нации, ее социальному взрослению, ориентирует новые поколения на то, чтобы

*Не пагарджаць святым сваім мінулым,
А заслужыць яшчэ,
І вартым быць яго.*

В ряде произведений поэт как бы напоминает читателю о его гражданском долге, о его личной роли в историческом процессе. И показывает, как обычные люди в самых необычных обстоятельствах утверждали его. Раскрытию именно этой темы посвящены поэмы «Отцово сердце», «Слово о человечности», «Партизанская баллада», «Баллада о смертниках» («Баллада пра смяротнікаў»), «Баллада о голубиных перьях» («Баллада пра галубіныя пер’і»), стихотворения «Разведчик» («Разведчык»), «При смерти» («Пры смерці») и др. В. Короткевич стремится (и в большинстве произведений – успешно) осмыслить истоки мужества и героизма, человечности и жертвенности советских людей, трагичность многих человеческих судеб в огне Великой Отечественной войны.

Будет справедливым отметить в произведениях В. Короткевича, посвященных борьбе с фашистскими оккупантами, одно обстоятельство, характерное, на наш взгляд, именно для его творчества. Это – жертвенность Человека, его готовность отдать даже свою жизнь, чтобы сохранить жизнь других людей. И не только знакомых и любимых («Партизанская баллада»), но и незнакомых (поэма «Отцовское сердце»), а то и совершенно чужих людей («Баллада о смертниках»).

Образами Павлины из придвинской деревни Козлы («Партизанская баллада»), партизанского командира Яна Карповича (поэма «Отцовское сердце»), узников из фашистского лагеря смерти («Баллада о смертниках») поэт, с одной стороны, утверждает деятельное человеколюбие и как его основу Человеческое в Человеке, с другой – стремится раскрыть извечный конфликт гуманизма с деспотизмом. На наш взгляд, эта мысль убедительнее всего звучит в «Балладе плахи» («Баладзе плахі»):

*Кожны дзень гінуць мужнасць і святасць...
Кожны дзень яны бураць Бастылію:
Чалавечы свой, просты жах.
Але йдуць і за век свой ратуюць,
За дзіцячы след на траве,
За высокую годнасць распятую,
За найменне тваё, Чалавек.*

Гуманизм, любовь к людям и человеконенавистничество в произведениях В. Короткевича переплетаются, соединяются в единое целое, и выступают как две противоречивые стороны, находящиеся в постоянной вражде и непримиримой борьбе. Развенчивая реакционность идеологии фашизма с его идеями расового неравенства, мирового господства, поэт утверждает неодолимость победы жизнеутверждающего начала, человеколюбия. В сочетании с философским осмыслением универсальных, всеобщих проблем жизни и смерти, войны и мира они приобретают особенное морально-философское содержание и звучание, выкристаллизовывая высокую гражданственность поэта, его тревогу за будущее человека, реализацию того значимого, общечеловеческого, которое зародилось в начале пути и утверждалось на протяжении всей его творческой жизни – Родина, Народ, Язык, Жизнь, Справедливость, Любовь, Война и Мир (Я. Сипаков).

Поэтическое осмысление морально-этических проблем в творчестве В. Короткевича органически увязывается с осмыслением Прекрасного, его волшебной силы воздействия на Человека. Поэт стремится находить Прекрасное в природе, творениях рук человеческих и особенно раскрыть красоту человеческих мыслей и поступков даже тогда, когда она является совершенно незаметной. И каждое из произведений в значительной степени отражает эстетическое отношение поэта к мирозданию, человеку и его делам (без того эстетства, о котором часто пишут в оценках творчества неординарных авторов). Поэт достаточно часто акцентирует внимание на тех эстетических ценностях, без которых трудно понять внутреннюю сущность художественного произведения. В результате читателю предлагается целостный, чувственный, индивидуально-неповторимый образ. Как, к примеру, в стихотворении «Безголовая Венера» («Безгаловая Венера»):

*Стаю ля яе ў задуменні
І голас п'яшчотны чую:
«Прыйдзіце, мужчыны, ад зброі, –
Улонне маё сумуе.
Прыйдзіце, мужчыны, ад сечаў,
Ад турмаў, ад страт на світанні.
Адзінае ёсць на свеце:
Сумленне, братэрства, каханне».
І думаю я неадчэпна:
За што ж ты бяду спаткала?
За што галаву ты згубіла?
Якую праўду сказала?*

Произведения В. Короткевича, посвященные этико-эстетической проблематике, на наш взгляд, не только содействуют познанию действительности. Важно то, что они высвечивают личность поэта, человека, который, **по словам М. Горького, «умеет разработать свои личностные – субъективные – впечатления, найти в них общезначимое – объективное – и который умеет дать своим представлениям свои формы».**

Одной из особенностей первых поэтических сборников В. Короткевича является насыщенность произведений фольклорными мотивами, приемами устного поэтического творчества, связью с традициями Возрождения. Почти все его баллады, в первую очередь, «Черная баллада Гаркуши» («Чорная балада Гаркушы»), «Баллада о тридцать первом серебрянике» («Балада аб трыццаць першым сярэбраніку»), «Баллада плахи», «Баллада о диком кабане и человеке» («Балада пра дзіка і чалавека»), «Партизанская баллада», «Баллада о голубиных перьях», «Баллада о Неизвестном, Первом» («Балада пра Невядомага, Першага»), «Баллада о расставании» («Балада пра развітанне»), «Баллада об архангелах»

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

(«Балада пра архангелаў»), утвэрджают Чловека как характер, как индивидуальность, оставяющую след в самую разную историческую эпоху. Мощным фольклорным зарядом пронизана «Поэма о яворе и калине» («Паэма пра явар і каліну»), циклы стихотворений «Старые холсты» («Старыя сувоі»), «Таврида» («Таўрыда»), «На Беларусі бог жывет...», «Почти христианский тост за врагов» («Амаль хрысціянскі тост за ворагаў»), многие стихотворения «Заяц варит пиво» («Заяц варыць піва»), «Боевые телеги» («Баявыя вазы»), «Мокрые травы» («Мокрыя травы») и многие другие.

Однако не следует упускать из вида и такое обстоятельство – понимание поэтом самого устного народного творчества, в котором концентрируются и отношения к богатству народного наследия самого В. Короткевича, и его эстетические симпатии, и личный творческий метод. Пожалуй, невозможно назвать все его поэмы, баллады, стихотворения, в которых есть строки, предложения, отдельные выражения, не просто ставшие афоризмами, а на уровне пословиц и поговорок обогатившие сокровищницу белорусской народной мудрости.

В качестве примеров используем некоторые из них:

*Усе шляхі прыводзяць не да Рыма,
А да родных вербаў і бяроз
«У дняпроўскіх хвалях»*

*І можа шчасце менавіта ў гэтым,
Каб..
Не быць ніколі вербным херувімам.
«Трагедыі не знікнуць пры Камуне»*

*Я з табою да крыві апошняй,
Мужны мой, адвечны мой народ.
«Гусі-лебядзі»*

*Хто забыў сваіх продкаў – сябе губляе,
Хто забыў сваю мову – усе згубіў.
«Слова пра чалавечнасць»*

*Бо жанчыны панствуюць і ў мане,
А мужчыны і ў праўдзе – рабы.
«Чырвоны шар»*

Было бы ошибкой не вспомнить О. Лойко, который в своем предсмертном романе-эссе «Владимир Короткевич, или поэма Гарсия Лойки», отметил непонимание рецензентами той многоплановости творчества Короткевича, которую развивали его «Вечерние паруса». «... самая аўтарытэтная тады фігура крытычнага цэха па паэзіі Рыгор Бярозкін, ухваляючы ўвогуле талант адзін з раздзельчыкаў свайго артыкула пра Караткевіча называў “Спадарожнік ці камінок?”, не прымаючы архаічнасці, не абумоўленай сучаснай яваю метафары, увасаблення, слова “кніжнасць” не ужываючы, але – па сутнасці – выяўляючы душу паэта, як блукаючую ў неўхвальным сярэднявеччы, у латах яго, у рыцарскіх даспехах, карацей, паводле крытыка, дух “Вячэрніх ветразяў” быў больш рамантычна – сярэдневечны, а не сучасна – сацрэалістычны, і далейшае ўзвышэнне таленту паэта ў беларускай савецкай паэзіі Рыгор Бярозкін бачыў у аднаўленні паэтам архаікі формаў паэтычнага мыслення на базе сучасных асацыяцый. Такім чынам, паэтам камінка, а не нашага навукова-тэхнічнага параўтваральнага свету аб’яўляў Караткевіча Бярозкін. Было прызнанне магутнасці таленту, невычэрпнага яго патэнцыялу і звужэнне значэння “Вячэрніх ветразяў”» (См.: А. Лойка. – Полымя. – № 1. – С. 39).

Смеем утверждать, что В. Гниломедов был не только прав, но дважды прав, особенно, если познакомиться с поэтическими произведениями В. Короткевича, которые не вошли в его прижизненно изданные книги. Конечно же, мы имеем в виду поэтику Короткевича, которой посвящены первые два тома, издаваемого 25-томного собрания сочинений писателя². Не вошедшая в поэтическое 4-книжие (сборники «Матчына душа», «Вячэрнія ветразі», «Мая Іліяда», «Быў. Ёсць. Буду») поэтика, это, по сути своей, бесценный материал для осмысления истоков стихосложения В. Короткевича, становления и взросления его поэтического мастерства. К примеру, в первый том, основу которого составили «Матчына душа» и «Вячэрнія ветразі» не вошло 162 произведения, написанные начинающим поэтом в 1950-е – 1960-й годы (поэты, стихи в прозе, заимствования из «народного», легенды, стихи-посвящения, баллады, сатирико-юмористические построения, древние апокрифы и ... 137 «чистых» стихотворений (из них 16 – это четверо- и восьмистишия)).

Анализ этого многообразия поэтических формообразований позволяет увидеть, как искались и находились студентом, учителем, начинающим поэтом подходы, а затем и пути реализации сформулированной лоя себя сверхзадачи – понять и зафиксировать в литературном слове извечную триединую проблему – Человек – Родина – История. Началом творческих исканий, по свидетельству самого Короткевича, стало стихотворение «Здесь будет канал», датированное 1951 г. На наш взгляд здесь и таится исток его будущей жизнестойкости, гуманизированной Человечности и его жизнеутверждающих произведений, будь-то в поэзии, прозе, драматургии, аналитических статьях и публикациях. Вот эти несколько строк: «Радзіма старае скідае і праз вякоў прайшоўшых дар, праз усё, што бачу, праглядае новы маёй Радзімы твар». А виделось многое. Здесь была и молодость, как «доверие к миру и жизни» (стихотворение в прозе «Каштаны»), и верность дружбе, «с кем сотню лаптей стоптал» (стихотворение «Якуб Волколак» («Якуб Ваўкалак»)), и Родина, «дзе так прытульна і ціха», где «цягне жыць і кахаць», где «начамі яблыкі ў дах стуцаць» (стихотворение «Ночью в Рогачеве» («Ноччу ў Рагачове»)). Сделаем отступление и приведем строки из философско-патриотической поэмы «Родина» (была написана в Москве, когда поэт учился на высших литературных курсах): «... не на кого полагаться, кроме родной земли, и мать, которая “прекраснее всех, хотя ... руки стали похожи на сосновую кору и ... лицо избородили морщины” и “стены Кутеинского монастыря в Заднепровье”, ослепительно белеющие под солнцем, и Орша, – “городок, окруженный сытими, круглыми холмами”, не впусивший за городские мурсы сыроядца Кунцевича с его “епископской гвардией”, и “старый дом в саду такой старый, что в нем сами собой стонали половицы и ночью казалось, что по ним кто-то ходит” (был продан родственниками В. Короткевича в 2018 г. – А.Р., Ю.Р.), и “бесчисленные вереницы людей – от Адама”, которые оставили поэту в наследство “глаза, как у саламандры”, “неукротимую кровь”, “мозг, который жрет его”, “груз грехов и безобразий” и перенесшая трагедию войны, оказывалась “истерзанной, истекающей кровью, как мученица, опороренная и потом распятая на кресте”».

И постигнув все это (и еще множество терзаний и эмоциональных всплесков), В. Короткевич подвел итоги: «Как Иов стою на руинах твоих, родина “детства”, родига милая “синеокая”³, отступить от которой просто некуда».

Почитатели творчества В. Короткевича (и специалисты-литературоведы) непременно согласятся с нашим выводом – 1950-е годы были для будущего поэта определяющими в:

а) необходимости литературно-художественного оформления исторического пути белорусов, пройденного ими в разные времена и в разных социально-духовно-политических системах (в качестве примера назовем несколько произведений – поэма

² См.: Караткевіч, У. Збор твораў: у 25 т. – Мінск, 2012. – Т. 1, 2.

³ См.: Караткевіч, У. Родина / У. Караткевіч // Збор твораў: у 25 т. – Мінск, 212. – Т. 1. – С. 388–425.

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

«Земля дедов» («Зямля дзядоў»), легенды «Якую Волколак» («Якуб Воўкалак»), «Вошила на горе Маяк» («Вашчыла на гары Маяк»), «Монолог матери» («Маналог маці»), «Баллада о Вечке, князе людей простых» («Балада пра Вечку, князю людзей прастых») и др.);

б) глубокого и системного изучения бесценного-духовного наследия устного народного творчества, позволяющего обогатить написанное вековой мудростью, богатством людских мыслей, выразительностью слова, непреходящими духовно-нравственными ценностями (древний белорусский апокриф «Потоп» («Патоп»), стихотворение «Шиповник и роза» («Шіпшына і ружа»), народная легенда «Перекасти-поле» («Перакаці-поле») и др.);

в) быть активным участником культурно-художественно-социальных процессов, видеть болевые точки и противоречия в общественном развитии, реагируя на них выразительным словом (назовем стихотворение «Оршанские леса. (Резервация)» («Аршанскія лясы. (Рэзервацыя)» – предвосхищение экологических проблем), «И над криницами звезда Полюнь войдет...» («І над крыніцамі зорка Палынь узыздзе»), как предчувствие Чернобыля) и др.;

г) уважительно и, что особенно важно, ответственно относиться к белорусскому слову (стихотворение «Предательство слова» («Здрада слову»)), несколько строк из которых, звучат, как заклинание для поэта:

*Але ёсць закляцце на спадчыну:
Калі здраджу ў песні я
І хлуснёй агарну слова матчына –
Плюне ў вочы мне маці мая!*

Представляется уместным отметить, что вошедшие в первые два тома, ранее не включенные в поэтические сборники, позволяют проследить, как шла языковая эволюция в раннем творчестве В. Короткевича – постепенный отход от использования в начале творческого пути двух языков – русского и белорусского и собственных переводов с русского на белорусский (а он ведь был филологом) до стихосложения к лишь на «мове матчынай». К примеру, если в первом томе было напечатано на русском языке 24 произведения, то во втором их оказалось всего лишь 6. При этом последнее датируется 1982-м годом.

Не будет преувеличением отметить, что в тогочасной поэтике В. Короткевича были сформировано его творческое отношение к любовной лирике. Стихи посвященные величайшему чувству любви, в которых слиты воедино авторские слова и народная мудрость, как изумруды расцветивают и первый, и второй тома «Збору твораў». Всего лишь несколько строк:

*Каханне маё чарновокае
Радасць мая прынадная,
Зорка мая ненаглядная,
Далёкая.
Шмат нам чаго судзілася,
Май з яго першымі травамі.
Ліпень з глухімі дубравамі –
Усё не збылося.
Туга ў жыцці неабсяжная,
Зорка мая невядомая,
Родная, чужая, знаёмая,
Недасяжная.*

Или:

*Я кахаю цябе, кахаю,
Як у тья далёкія дні,
Калі ночы светлага мая
На зямлю пасылалі сны.
Я кахаю цебе, кахаю,
Як у той развітальны час,
Калі дрэва даждлівага мая
Злівай слёз правадзіла нас.*

И еще об одной особенности, характерной для второго тома – это великолепное знание В. Короткевичем не только тогочасного литературного процесса, но и обращение во времена, отдаленные от XX столетия (к Абдуль Фараджу (XIII ст.), В. Сырокомле, Л. Толстому, М. Огинскому и А. Мицкевичу (XIX ст.), М. Богдановичу (нач. XX ст.)). Несколько строк из стихотворения в прозе «Слова Міцкевічу»: «... звоняць і звоняць вярбовыя струны, і цвёрдыя крокі твае (Адама Міцкевіча. – А.Р., Ю.Р.) заўсёды гучаць разам з нашымі, і наперадзе, і лёгка нам ісці, адчуваючы цябе побач»

Всех адресатов – современников поэта – перечислить можно. Однако назовем лишь некоторых из них более близких поэту по «литературному цеху» – Максим Танк, Василь Быков, Геннадий Киселев, Вячеслав Рагойша, Вениамин Рудов, Алесь Савицкий, Владимир Колесник, Иван Науменко, чех Здислав Неделя и др. А еще были посвящения родным, близким, знакомым. И для каждого находились теплые, душевные, эмоционально звучащие слова, оформленные в самые разные стихотворные формы. Максиму Танку, к примеру, адресуется «Каляднае віншаванне», Геннадию Киселеву – «Эпиграма», Вячеславу рагойше – «Эпиталама».

Расширение поэтической планеты В. Короткевича – это не просто дань уважения к наследию поэта. Это, на наш взгляд, исправление ошибки, которое растянулось почти на 30 лет и которое стало бесценным подарком почитателям (и специалистам) короткевичского поэтического слова, раскрывающего и дополняющее, казалось бы, уже все известное о его поэтике.

В свое время известный русский критик Н. Добролюбов писал о патриотизме: **«В своем первом проявлении патриотизм даже и не имеет иной формы кроме любви к полям, пригоркам родным, золотым играм детских лет и др. Но очень быстро он формируется более определенным образом, соединяя в себе все понимания исторические и гражданские»**. Подтверждение этой мысли находим и в приведенных примерах, и во многих других стихотворениях и балладах В. Короткевича, в которых воспевание красот родной земли соединяется воедино с глубокими воспоминаниями об исторических событиях и традициях своего народа.

Многоплановой предстала перед читателем первых сборников любовная лирика В. Короткевича. С одной стороны, она неотрывна от всех других тем, опозитизированных в поэмах, балладах, стихотворениях. С другой – любовь сама, по существу, является именем самой жизни. В центре понимания любви поэтом как самого свободного, независимого и непредсказуемого проявления глубины человеческой личности стоит Человек, его душа, его сердце, его чувства, его отношение к женщине – подруге, матери, любимой.

Своего лирического героя по пути поисков счастья, радости, любви В. Короткевич проводит через все поэтическое творчество. Правда, в зависимости от обстоятельств герой будет и волшебником, и аргонавтом, и солдатом Великой Отечественной войны, и негритянским вождем, и Неизвестным Первым. Последние слова адресует молодой астронавт, с которым во время полета на Луну произошла трагическая катастрофа:

*Слухайце, слухайце, слухайце.
Мяне раздушыла скала.
...Забудзь пра мяне, каханая, забудзь
Што калісь я быў.
Прымірыся з Зямлёй без мяне,
Прымірыся з холадам ніў.
Усе жанчыны на свеце – ты,
Усе мужчыны на свеце – я.
Для цябе, для цябе адной подых мой і пагібель мая.
«Балада аб арганаўтах»*

Также сохранила свою любовь Она, пока Он находился в межпланетном путешествии, летел домой «з далёкіх тых светаў...»:

*...І мы вось так маглі
Глытаць салёны вецер акіяна,
У шумлівых пушчах раскладваць касцёр,
У садах малочных сустракаць світанак
Усе дваццаць год, што ты ляцеў да зор.
І ўсё ж мне добра, што тугу і старасць
Пакінула сабе, як лепшы дар.
Я ганарылася табой у марах,
Адважны мой, каханы мой Ікар...*

«Трагедыі не знікнуць пры Камуне»

Несмотря на то, что в стихах и поэмах достаточно часто звучат личные мотивы, а жизнедеятельность лирического героя переплетается с биографическими данными поэта, произведения все же не несут в себе эгоистической замкнутости. Стихотворения, баллады и поэмы В. Короткевича о любви – антиэгоистические. Его лирическое «я» будто бы сливается со внутренним миром читателя, его чувства передаются читателю и воспринимаются последним как свои личные.

В стихах о любви мы не находим эротики, циничного отношения к женщине, восхваления легких мимолетных связей. Поэт не признает любви по расчету. Для любовной лирики В. Короткевича характерны ласковость, теплота, загадочность, проникновение в сердечные тайны влюбленного, счастливого или того, кто еще живет надеждой на постижение счастья и радости любви.

Произведения В. Короткевича о любви, говоря словами В. Белинского, – это мелодия сердца, музыка души, которые непередадимы на человеческий язык и тем не менее включают в себя целое повествование...

Все это вместе взятое, диалектически сочлененное и составляет сущность такого короткевического стиливого пласта, который писатель-академик Вл. Гниломедов определил, как неоромантизм.

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

Выпала раса халодная на дрэвы,
 Дыяментамі галлё ў садах іскрыцца,
 Змоўклі птушкі. Дзе ж вы селі!
 Дзе вы?
 Не прайшла для вас пявучая сястрыца.

Нават дуб, паранены вайною,
 Па-самотнаму сукі развесіў.
 Чайка ўскрыкнула над люстранай
 ракою,

Рэха адгукнулася ў лесе...

Дзе ж ты, неспакойная, са светлымі
 вачыма?

Тая, што душой гарэла, а не тлела...
 Та ад нас пайшла. Ды гэта не магчыма?
 Пэўна ў партызанскі край па песню
 паляцела?!

С. Шушкевіч

К середине 1960-х годов поэтесса Евдокия Лось (Лось Евдокия Яковлевна родилась в деревне Старина Ушачского района 1 марта 1929 г. Умерла 3 июля 1977 г. Похоронена в городе Минске*) уверенно перешагнула порог «начинающих». Из-под ее пера вышли книги поэзии «Март» («Сакавік») (1958), «Полочанка» («Палачанка») (1962), «Люди добрые» («Людзі добрыя») (1963), «Красота» («Хараство») (1965). В поэтических кругах была известна, как автор поэм «Говорят бессмертные» («Гавораць бессмяротныя») (1961), «Мой мир» («Мой свет») (1962), нескольких книг для юных читателей – «Обутая елочка» («Абутая ёлачка») (1961), «Сказка о Ласке» («Казка пра Ласку»), «Веселики» («Вясёлікі») (1964). В 1963 г. была издана первая книга избранных произведений «Венцы сруба» («Вянцы зруба»). Член Союза писателей с 1957 г.

Без преувеличения можно утверждать, что к середине 1960-х годов поэтесса хорошо усвоила основные принципы стихотворчества, правила поэтического мастерства, выработала собственную позицию в художественном постижении жизненных реалий. И эта позиция, на наш взгляд, определялась разумным толкованием толстовского правила: «В искусстве самое главное – сказать что-то свое...». Подтверждение находили в следующих поэтических строках Е. Лось из сборника «Красота»:

*«Нам наша дарага бясконца,
 Яго ствараем і баронім.
 У ім нібы праменьчык сонца,
 Цвіце маё
 на ясных гонях.
 Мая – харошая задума,
 Маё – задумы той дзясненне,
 Мой – голас праўды сярод тлуму,
 Маё – сусвету разуменне.»*

* Памятник Евдокии Лось установлен у Витебской областной библиотеки имени В.И. Ленина.

Мой боль,
Мой гнеў,
мае паэты...
Хто за мяне маё раскажа!»¹
«Мы гучна ўслаўляем наша...»

Свои творческие правила, свое стремление к познанию динамики и диалектики жизни поэтессы не просто видела в единстве личного и творческого, морального и эстетического, а и стремилась реализовать их, донести до читателя в поэтической форме:

У кожным імгненні паэзія ёсць,
У кожным здзяйсненні – яе прыгажосць.
У кожнай істоце –
яе хада,
У кожнай бядоце –
яе бяда.
Дык значыць, імгненне –
яно маё,
Дык значыць, натхненне –
таксама маё!
У кожнай істоце сябе знайду,
У кожнай бядоце – сваю бяду...²
«У кожным імгненні паэзія ёсць...»

Рассматривая написанное поэтессой в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов, известный белорусский поэт, литературный критик и литературовед О. Лойко очень тонко подытожил: *«Вершы Е. Лось – лірыка дваерлівых інтанацый, споведзі. Можна, часам паэтэса залішне спакойная ў сваім сузіральніцтве, а там-сям чуліваасцю, аднак там, дзе гэтых крайнасцей няма, вершы хвалююць. ...Часцей за ўсё вершы Е. Лось уражліваюць тады калі ў іх выразілася неспрэчнасць асабістага, вельмі індывідуальнага сваёй жаночасцю перажывання. ...Верш яе гучыць у памерах класічных ямбаў і анфібрахіях, ведае ён таксама і рытмы-інтанацыі традыцыйна-фальклорныя, вобразнасць песенна-народную... У цэлым, такім чынам, лірыка Е. Лось – цікавая старонка ў паэтычным летапісе яе аднагодкаў»³.*

Не менее высокой была оценка и такого известного литературоведа и литературного критика, как В. Гниломедов: *«...аўтар (Е. Лось. – А.Р., Ю.Р.) даверылася свайму ўнутранаму жыццю, пісала аб асабістым, адчутым. За радком стаяла праўда.*

Разам з тым яе паэзія не стала вузкім самавыражэннем аўтара. Душэўны свет паэтэсы быў раскрыты для чалавечых радасцей і трывог, для ўсяго, што адбывалася навокал. ...Грамядзянская шчырасць без натугі паядноўвалася з асабістым, прыватным, чужое са сваім, агульнае з інтымным. Гэта стала добрым грунтам развіцця, разгортвання таленту»⁴.

И, конечно же, нельзя не вспомнить слова почитаемого поэтессой такого выдающегося литературоведа, как В. Коваленко: *«У той гранічнай адкрытасці і даверлівасці, што ўласцівы вершам Е. Лось ранняга перыяду, ёсць нешта ад эмацыянальнага свету вясковай дзяўчыны, якая, вырваўшыся на шырокі прастор жыцця здзівілася*

¹ Лось, Е. Выбраныя творы: у 2-х т. / Е. Лось. – Мінск. – Т. 1. – С. 201.

² Там же. – С. 198.

³ Лойка, А. Сустрэча з днём сённяшнім / А. Лойка. – Мінск, 1968. – С. 108–110.

⁴ Гніламёдаў, У. Праўда перажытага / У. Гніламёдаў // Лось, Е. Выбраныя творы: ў 2 т. – Мінск, 1979. – Т. 1. – С. 4.

яго маштабу і надоўга пранікнулася пачуццём захаплення, радасці, любавання. У гэтае імгненне яна, натуральна, не бачыць і не хоча бачыць усіх фарбаў жыцця, усіх яго праблем. Выбіраюцца толькі тыя, якія найбольш адпавядаюць светаадчуванню паэтэсы ў дадзены момант»⁵.

Были и другие, не менее лестные оценки, так же, как были противоположные: нет, не отрицающие зародившие творческие поиски, но (чаще всего) доброжелательно подсказывающие более короткий путь к успеху. Конечно, это не могло не радовать поэтессу, придавало ей новый творческий подъем. В **1966 г.** из-под ее пера выходит первая прозаическая книга «Бусы» («Пацеркі»), в **1967 г.** – книга поэзии «Ясноглазые мальвы» («Яснавокія мальвы»), в **1969 г.** – книга избранных произведений «Венцы сруба» («Вянцы зруба»), в **1970 г.** – для юных читателей издаются сразу две книги «Зайчишка-хвастунишка»: рассказы, зарисовки («Зайчык-выхваляйчык»: апавяданні, замалёўкі) и «Травица брат-сестрица»: рассказы, зарисовки («Травіца брат-сястрыца»: апавяданні, замалёўкі), в **1971 г.** – издается книга стихов и поэм «Перевал» («Перавал»), в **1973 г.** читателю предлагается поэтический сборник «Ветка с яблоком» («Галінка з яблыкам»), наконец, в **1974 г.** издается последняя прижизненная книга Е. Лось для детей «Двенадцать загадок» («Дванаццаць загадак»), а в **1977 г.** – книга поэзии «Лирика июля» («Лірыка ліпеня»).

Признанием литературного мастерства Е. Лось стало издание в **1978 г.** книги для детей «Вкусные буквы» («Смачныя літары»), в **1979 г.** «Избранных произведений: в 2 т.» («Выбраных твораў: у 2 т.»), в **1984 г.** – поэтического наследия последних лет «Волошка на границе: поэзия последних лет» («Валожка на мяжы: паэзія апошніх гадоў»)*. Через 20 лет после смерти поэтессы в серии «Залатая серыя. Паэзія ХХ стагоддзя» будет издана книга поэзии «И колосится долголетие» («І каласуе даўгалецце»).

Вторая половина 1960-х – 1970-е годы для поэтессы стали активным участием в коллективных литературных сборниках белорусских писателей и поэтов. Ее произведения регулярно печатаются в авторитетном сборнике «День паэзіі», в таких изданиях, как «Мары юнацкія», «Залацінкі», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Адданасць», «Беларускія баллады», «На сцягу і і ў сэрцы», «Казкі беларускай літаратуры», «Хрэстаматыя па беларускай дзіцячай літаратуры», «Партизаны, партизаны» и др.

Стихи, песни, баллады, рассказы, миниатюры, рецензии, произведения для юных читателей Е. Лось постоянно печатаются на страницах республиканских газет («Звезда», «Сельская газета», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Голас Радзімы», «Літаратура і мастацтва», «Піянер Беларусі», «Зорька») и журналов («Беларусь», «Полымя», «Маладосць», «Сельское хозяйство», «Вожык», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Вясёлка»). Она частый гость на страницах союзной «Литературной газеты», областных газет («Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Гродненская правда»), Минской городской газеты «Вячэрні Мінск».

Е. Лось была подлинным поэтом-интернационалистом. Она стремилась познакомиться белорусских читателей с как можно большим числом авторов из других стран, она переводила с русского, украинского, аварского, азербайджанского, английского, армянского, болгарского, вьетнамского, грузинского, еврейского, кабардинского, латвийского, литовского, молдавского, польского, сербского, таджикского, узбекского, чешского, чувашского, эстонского, якутского языков.

В свою очередь произведения Е. Лось переведены на азербайджанский, английский, армянский, болгарский, венгерский, грузинский, казахский, каракалпакский, латышский, литовский, марийский, молдавский, монгольский, осетинский, польский, русский, тад-

⁵ Каваленка, В. Жывое аблічча дзён: літаратурна-крытычныя артыкулы / В. Каваленка. – Мінск, 1979. – С. 195.

* Книга подготовлена к печати сестрой Е. Лось Марией Ерошевич и отредактирована Р. Бородулиным.

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

жикский, татарский, тувинский, туркменский, узбекский украинский, французский, чешский, чувашский, эстонский, якутский языки, Канада-язык и языки народов Югославии.

Поэтический поиск Е. Лось чрезвычайно многообразен. Тематика ее поэм, стихотворений, песен столь широка, что для осмысления этого творческого диапазона нужны специальные исследования. Мы же остановимся на некоторых, на наш взгляд, наиболее значимых направлениях, являющихся своеобразным «скелетом» творчества Е. Лось, на который наращиваются все другие темы поэтического исследования, формируя из «скелета» полнокровное тело поэтики Е. Лось.

В качестве заглавной темы, на наш взгляд, будет звучать героико-патриотическая проблематика (память о Великой Отечественной войне, погибших родных и близких, трудных послевоенных годах), которая в сочетании с чувством историзма – стихийного и глубоко-постигнутого (В. Гниломедов), с лирическим направлением высокого патриотического звучания (произведения о Родине, «большой» и «малой», родительской земле, Витебщине, людях, живущих в родном Отечестве и творящем его), станут основой, стержнем, вокруг которого, сливаясь воедино, поэтические строки Е. Лось соткут неповторимое в белорусской поэзии целостное художественное полотно, пусть иногда со скупым, но очень выразительными штрихами. Вот она, поэтическая «Квинтэссенция»:

*Люблю цябе, мая зямля. –
З гразёй і хмарамі сівымі,
З дажджамі цёплымі начнымі,
З дзядзькамі ленымі сваімі
І цёткамі з-пад хатуля...
Люблю цябе, мой кут стары. –
Спрадвеку рэзаны, таптаны,
Грамамі, здэкамі пужаны,
Цярплівы, але да пары!..
Люблю цябе, мой добры край, –
Я прыняла тваё падданства,
А з ім – любоў і пастаянства
І ўсе даброты цераз край...
Люблю цябе, мой спеў і плач, –
Цябе, зямля мая, пакіну
На вечнае ўладанне сыну
І накажу яму – аддзяч!..⁶*

Поэзия Е. Лось – это яркий пример того, как далекие и близкие дороги всегда сходятся в одном географическом регионе – на родной и близкой поэтическому сердцу «малой Родине» – Ушачском крае. В каждой ее книге находим стихи, посвященные земле, возрадившей ее бездомную, безотцовскую, давшей верный жизненный ориентир. К примеру, назовем в книге **«Красота»** – это стихотворения «Земляки» («Землякі»), «Встреча» («Сустрэча»), «Незабытые дорожки» («Незабытыя сцежкі»), «Династия» («Дынастыя»); в книге **«Ясноглазые Мальвы»** – («Памяти отца» («Памяці бацькі»), «Студенту из деревни» («Студэнту з вёскі»), «Столичник не построит дачи...» («Сталічнік не збудуе дачы»); в книге **«Венцы сруб»** – «В Витебске» («У Віцебску»), «Речка» («Рэчка»), «Родина начинается от хат...» («Радзіма пачынаецца з двароў...») и др. Нельзя забыть те места, откуда мы родом, утверждает поэтесса. Куда б ни поехал, куда б ни пошел, – они всегда с тобой.

⁶ Лось, Е. Валожка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 13.

*Кожны лапiк сэрцу мiлы,
кожны жаваранак – свой.
I няма на свеце сiлы
адабраць яго ў жывой...⁷.*

Поэтессе было двенадцать лет, когда гитлеровцы появились на улицах родного поселка. Она вблизи испытала все ужасы военного и блокадного времени. На ее глазах умирали сраженные в боях партизаны лишь немного старше ее самой, она видела, как пылали в огне деревни, глаза подростка видели, как каратели издевались над стариками, женщинами и детьми. В ее родном районе погибло почти две трети жителей. В 1942 г. умер ее больной отец (впоследствии она посвятит ему много стихотворений). *«Мы в неплатном долгу перед ними. Они отдали жизни, чтобы мы жили, – говорила поэтесса, рассказывая о своих творческих планах. – Как дань уважения к памяти тех, кто погиб, защищая свою родную землю, и задумана книга. В неё войдут песни, баллады, легенды, плачи. Хочется, чтобы они прозвучали славой храбрым, проклятием войне»⁸.*

А поэтому и появляются щемящие сердца любого читателя (и тогочасного, и современного. – А.Р., Ю.Р.) стихи и поэмы, в которых, почти в каждой строке ощущается драматизм, эмоциональная насыщенность, женская, щемящая боль за все виденное, прожитое и пережитое, за все, дзе *«кожны гмах на попеле замешан i кожны колас выпаен крывёю»*.

И, прежде всего, это «Тростенец» («Трасцянец»), «Напоминание о войне» («Напамiн аб вайне») (сборник «Красота»), «Партизанская свадьба» («Партызанскае вяселле»), «Лесные фотографии» («Лясныя фотаздымкi»), «Письмо в Фастов» («Пiсьмо ў Фастаў») (книга «Ясноглазые мальвы»). На фронте, под Киевом, в Фастове погиб старший брат Евдокии Лось Сергей... *«Стремлюсь сказать, – признается она в статье “На могиле брата”, – не только о своем брате, но и о всех братьях отца, воевавших на фронте, и в партизанах, ценой своей жизни завоевавших победу, защищавших власть Советов». Так были написаны брестский стих “Говорят бессмертные”, и фастовские стихи, и монолог о Сотой дивизии...»*.

Трагедийным событиям войны посвящены – «Партизанская землянка» («Партызанская зямлянка»), «Фастовская земля» («Фастаўская зямля»), «Майданек» («Майданак») (книга «Перевал»), «Метроном Саласпилса» («Метраном Саласпiлса»), «Деревни, которые не встали...» («Вёскi, якiя не ўсталi...»), «На могиле Батки Миная» («На магіле бацькi Мiная») (книга стихов «Ветка с яблоком»), поэмы «Моя Хатынь» («Мая Хатынь») и «Венок: рассказы «С войны» («З вайны»), «Купанье» («Купанне»), «Письмо» («Паштоўкi»), «Мать» («Мацi»), «На большаке» («На бальшаку») и др.

Ограниченные объемом исследования, приведем лишь фрагментарные отрывки из любившихся многочисленным почитателям творчества Е. Лось. – А.Р., Ю.Р.) стихотворений:

*Паходамi, зброяй занятыя,
Справай ваеннай пары,
Былі яны проста дзяўчатамi,
Што там не гавары.
Пужалiся свiсту мiны,
Чужых незвычайных вачэй,
А гiнулі – як мужчыны,
Абняўшы зямлю ямчэй*.*

«Дзяўчаты минулай вайны»

⁷ Лось, Е. Валошка на мяжы / Е. Лось. – Мiнск, 1984. – С. 92.

⁸ Литературная газета. – 1968. – 14 авг.

* Заметим, что в поэме «Венок» Е. Лось позволила себе такой творческий прием, как назвать имена всех солдат и офицеров Советской Армии, захороненных в Фастове.

*...Ён не мог
ні ўласнай мужнасцю, ні сілай
скрышыць той крыжовы астрог,
дзе забывалі вочы кветак,
дзе чорны воран не трываў.
**Уратаваў ён дзетак,
а вось сваіх – не ўратаў...⁹.***

«На магіле Бацькі Міная...»

*Крытык маскоўскі мяне пахваліў:
«Прывязана да вайны...»
Слых падабенства не тое ўлавіў:
«Прыстаўлена да сцяны...»
Гэта я
калацілася, як ліст,
а не сястра і брат,
гэта ў мяне
страляе фашыст
ледзь не трыццаць гадоў падрад...¹⁰.*

Говоря о разработке Е. Лось военно-патриотической тематики, нельзя оставить без внимания ее легенды о партизанской Ушаччине, впервые опубликованные в посмертном сборнике «Волошка на границе: поэзия последний лет», «Легенда горького дерева» («Легенда горкага дрэва») посвящена Г.А. Казей, матери Героя Советского Союза Марата Казея и его сестер Ариадны и Галины; которую фашисты повесили, за участие детей в подпольном сопротивлении врагу:

*Ішла, шаптала імёны дзяцей:
Гэля, Адачка і Марацік.
Ды не гнула кволых плячэй,
Як тыя, хто веру траціць...
Дома лячыла чырвоных байцоў,
З лесу ішла з лістоўкай.
Засада!
Бойка.
Цяжкі засоў.
Звер-наглядчык з вінтоўкай...¹¹.*

Трагически звучит «**Легенда о зорьке Виктории Рубец**» («Легенда пра зорку Вікторыі Рубец» («Сястра мая, я ў фашысцкім засценку, два месяцы сённа, як не чалавек я. Няма ў мяне імені, прозвішча, ёсць толькі нумар камеры...»), легенда «Чему быть...» («Чаму быць...»), посвященная двоюродному брату поэтессы Николаю Кирпичу, который в своих 15 лет («мала, што гадкоў яму – пятнаццаць...») шел в бой со старшими товарищами («Акружэнне, бою не мінуць... Коля, Коля, дзе твой дом апошні?! Ці пад ім алешыны растуць, а ці проста зелянее пашня?...»). Ищет мать своего родненького:

⁹ Лось, Е. Выбранные творы: ў 2 т. / Е. Лось. – Мінск, 1979. – Т. 1. – С. 112.

¹⁰ Там же. – Т. 2. – С. 131.

¹¹ Лось, Е. Волошка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 143.

*...Я баюся на траве хадзіць
па-за Гутай, Дольцамі і Плінам*
Я шкадую Колю разбудзіць,
запячы няпрошанай слязінай...
Быць таму, каб добры чалавек
жыў і жыў – у песні, у травінцы»¹².*

Читатель познакомится с партизанской агитаторшей Шурой Никоновой, которой было поручено вести разъяснительную работу среди «солдат» русского полицейского батальона, расквартированного в деревнях Ушачско-Бегомльской партизанской зоны (полагаем, что речь поэтесса вела о радионовцах, большинство среди которых составляли россияне. – А.Р., Ю.Р.)**:

*...Але, хлопцы, расіяне,
што ж вы, з гора натварылі?!
Як далосся,
як прыйшлося,
вы ў чужынскіх брудных педантах,
і вінтоўкі ў вас чужыя,
лычкі,
бы на акупантах?!
...Быў палон, была няволя,
але ж побач – лес ваш братні...
Паздзірайце тья лычкі,
пакідайце побыт хатні!»¹³.*

Не останутся без читательского внимания и «Легенда о шестом ребенке («Легенда пра шостае дзіця»), посвященная храбрым девушкам-партизанкам, трагическая «Легенда о Павлике Рыжкове» («Легенда пра Паўлюка Рыжкова») – партизане, зверски замученного полицейскими, «Легенда о поварихе Марусе» («Легенда пра кухарку Марусю»), «Легенда о партизане Непомнящем» («Легенда пра партызана Няпомняшчага») и др.

Этим легендарным циклом поэтесса еще раз подтвердила свое страстное желание – силой стиха сделать так, чтобы герои Великой Отечественной жили в памяти людей, напоминая новым поколениям о военной трагедии, подарившей им счастливую мирную жизнь.

Тема военного лихолетья, увиденного и пережитого в те суровые, страшные годы постоянно сопровождала Е. Лось, и не только в поэтическом творчестве. О ней поэтесса постоянно говорила на встречах с читателями, на читательских конференциях, писала в публицистических статьях в газетах и журналах.

В контексте разговора о творчестве Е. Лось, предложим читателю несколько мнений о ней – женщине, поэте, писателе, публицисте. И тогда станет понятным ее внимание к самым болезненным точкам видимой ей действительности, личная боль за увиденное, прожитое и пережитое.

Вот, что в сугубо лирических тонах **вспомнил выдающийся русский советский писатель Сергей Сартаков: «Да. В моем представлении она была настолько жизнелюбива, что довелось бы мне писать какой-то веселый, весь наполненный светом и движением роман – я главной героиней сделал бы именно Дусю** (Е. Лось. – А.Р., Ю.Р.),

* Район активных партизанских действий.

¹² Лось, Е. Валюшка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 148.

** Впоследствии отряд Родионова в полном составе перешел к партизанам и был преобразован в партизанскую бригаду.

¹³ Лось, Е. Валюшка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 149.

то есть занял бы от нее для своей героини многие черты характера. Возможно, в чем-то и ошибся бы, ведь встречался я с нею не столь уж часто и повседневного образа жизни ее не знаю, – не беда! – вспоминаю и вижу ее такой, как запомнилась: совсем еще молодой, когда в ее облике и поступках то и дело смешивалось девичество с женственностью»¹⁴.

Еще одно слово не менее известного автора, чем С. Сартаков – *размышления русского советского поэта, критика и публициста С. Баруздина: «Еўдакія Лось, якой я яе ведаю, паэт мужны, моцны. Не паэтэса, а менавіта паэт. Жаноцкасьць, уласцівая ёй на першародству, спалучаецца ў яе вершах з тымі на-сапраўднаму стальмі адносінамі да перажытага сённяшняга, якія ўласцівы беларусам – людзям партызанскага краю. Дзеля гэтага варта ўспомніць некаторыя з першых яе кніг на рускай мове: «Калі помніць пра сонца»* і «Купалка»^{15**}.*

И еще одно мнение – младшей подруги по перу – *поэтессы Евгении Янищыц: «І слушаць людзей Яна таксама ўмела. Выходзячы на жаноцкі давер, на шчырую адкрытасць сэрца, мае вясковыя суседкі раскавалі паэтэсе аб жыцці-быцці, аб розных прыгодах-здарэннях у сваіх ваколіцах многа і цікава. Уважліва прыслухоўваючыся да непрывычнай, нетаропкай гаворкі. Еўдакія Якаўлеўна час ад часу брала ў рукі агульны шыйтак і нешта хуценька занатоўвала там (затым гэтыя запісы пераўтвараліся ў частку кароткіх апавяданняў, што ўвайшлі ў кніжку прозы “Травіца братсястрыца”). Выпадковая назіральніца яе творчага працэсу, я адчула пазней, што здавалася б, на першы погляд самая жыццёвая немудрагелістая фэбула азначае вельмі многа, калі яна трапляе ў рукі ўмелага мастака»¹⁶.*

И, конечно, нельзя не привести слова знаменитого земляка *Е. Лось поэта Р. Бородулина из его прощального слова «Журьца лірыка ліпеня...»: «Музыка поэтессы «была той працавітай, цягавітай сялянкай, якая вынесла ўсе жахі і пакуты вайны, а калі мінулася неціхоце, упрагалася ў плуг і дзірваны дужала. Адсюль і такая, крыху мужчынская, ухватка тваіх мужных і ясных, тваіх упэўненых і зажуравіных радкоў.*

Адсюль і такая неспатольная прага да жыцця, да пазнацця самых глыбінных пластоў, такая нястомнасць вандравання, такая несутрымная радасць ад сустрэч з новымі краінамі, гарадамі, з новымі людзьмі – тваімі прыхільнымі чытачамі.

Нібыта адчуваючы нядоўгі век свой, рупілася ты паўсюды пабыць, спяшалася зрабіць як мага больш, імкнулася выказаць шчырую падзяку народу свайму, пашану свайму краю, роднай Ушаччыне, якую та асабліва раўніва любіла.

Нарадзілася ты, Еўдакія Якаўлеўна, у першы дзень вясны. І зборнік першы твой, перапоўнены пачуццём вясновай радасці жыцця і пазнання, так і называўся – “Сакавік”.

Шлях твой жыццёвы абарваўся на самым пачатку сталага лета. І, нібыта сімвалічна, апошні твой прыжыццёвы томік вершаў названы – “Лірыка ліпеня”. Замкнулася кола ад ранняй вясны да ўпэўненага лета...»¹⁷.

И, конечно же, нельзя не привести слова хорошо знавшего Евдокию Яковлевну писателя *Н.М. Стрельцова. Рассказывая о ней, он говорил, что назвал поэтессу «чалавекам грамадскім і грамадзянскім у сапраўдным значэнні гэтага слова»¹⁸.*

¹⁴ Литературная Россия. – 1979. – 13 апр.

* Переведена на русский язык в 1960 г.

¹⁵ Баруздин, С. Пра Еўдакію Лось / С. Баруздин. – Полюмя. – 1977. – № 6. – С. 255.

** Переведена на русский язык в 1963 г.

¹⁶ Янішчыц, Я. ...Ніхто сваіх не лічыць... // Полямя. – 1977. – № 6. – С. 255.

¹⁷ Літаратура і мастацтва. – 1977. – 8 ліп.

¹⁸ БДАМЛМ. – Ф. 361. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–3.

*Гараць гарады, стогне зямля,
Захлынаюцца рэчкі крывёй...*

Я развяжуся з вайной

пасля,

Калі стану сама зямлёй...^{19*}

Изучение поэтики Е. Лось позволяет сделать вывод о том, что она по сути своей стала фундаментом в осмыслении темы «малой» Родины – деревни Старина, Ушаччины, Лепельщины, Витебска и темы Белоруссии и белорусов, их добрососедства, их менталитета. Вот как прослеживается эта связь в ее выступлении в Витебске на торжественном заседании, посвященном 1000-летию города: «Родныя мясціны не забываюцца нідзе і ніколі. Я казала і кажу аб гэтым усё жыццё. Аб гэтым пішу вершы.

Я ганаруся, што паходжу з Віцебшчыны, старадаўняга беларускага краю, прыгожай лясной і азёрнай старонкі, слаўнай добрымі людзьмі і гераічнай гісторыяй.

Свет ведае аб гераізме партызан і падпольшчыкаў Віцебшчыны, аб героях адраджэння зямлі, аб сённяшніх працаўніках»²⁰. А вот и поэтическое оформление этих слов:

*Магчыма, пажыву дзеля дарог,
Насуперак слаце і веі колкай...
Лясы, азёры, сакаўны мурог, –
святая поўнач Віцебшчыны золкай.*

«Даведалася родам я адкуль...»

Именно глубокое постижение двуединства темы Войны и темы Родины позволяет поэтессе заявлять о тесном переплетении личного и общественного, прозы жизни и поэзии, у которых единая судьба, в которой хватало всего: «...хвалёнага, праклятага, ...беднага, багатага, ...харошага, узнятага...».

В жанровом отношении в литературном наследии Е. Лось выделяются следующие направления:

- собственно поэзия;
- прозаические искания;
- произведения для юных читателей;
- литературно-критические статьи и материалы.

Говоря о трагедийности в единстве судеб в жизни белорусов, поэтесса о неотрывности от нее своей жизни то эмоционально-возвышенно, на мажорной ноте, то в нравственно-приглушенных, минорных тонах, ведет перед читателем свою исповедь: «*Кажуць, шчаслівае пакаленне тое, што зведала гора*» «Про поколение» («Пра пакаленне»); «*Загінуў бацька, загінуў сын. Жыве іх хата, як успамін...*» «Напоминание о войне» («Напамін аб вайне»); «*...Нямала ў брацкіх магілах няслынных маіх землякоў*» «Земляки» («Землякі»); «*Зброі б волькі зусім не трымаць Вам, залатыя мужчынскія рукі!*» «Руки мужские» («Рукі мужчынскія»); «*Завуся з горадасцю мінчанкай і ёй да скону быць хачу*» «Минчанка» («Мінчанка»); «*Я з бяdotы, татуля, хацела выйсці ў людзі і жыць з людзьмі!*» «Я пришла, дорогой папа» («Я прышла, даражэнькі тата...»); «*Я не пахінуся, толькі ўспомню часта: «Не радзіся краснай, а радзіся шчаснай!..»*» «Не родись красивой, а родись счастливой» («Не

¹⁹ Лось, Е. Валожка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 125.

* Выделено нами (А.Р., Ю.Р.), как квинтэссенция, как концентрат боли, наполнявшей душу и сердце поэтессы.

²⁰ Цит. по: Віцебскі рабочы. – 1984. – 1 сакав.

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

радзіся краснай, а радзіся шчаснай!..); «*Стаяла там* (в родной деревне Старина. – А.Р., Ю.Р.) *калісь і наша хата... На месцы тым – ігрушына адна...*» «Студенту с деревни» («Студэнт з вёскі»); «*Калі ласкі ў людзей нямнога, то ці варта быць між тых людзей?..*» «Гром стреляет, дождь льет в три ряда...» («Гром страляе, дождж лье ў тры рэдзі...»); «*Гэтак жыву ў чатырох вымярэннях – Раніца, Дзень, Вечар, Ноч...*» «Я знаю жизнь, с чего ты состоишь» («Я знаю, жыццё, з чаго ты складаешся...»); «*Я з табой, несмяротны народзе!..*» «Тот, кто построил колодец» («Той, хто зладзіў калодзеж...»). Было бы ошибкой не вспомнить в контексте наших рассуждений поэму «Минчанка», автобиографическое произведение, в котором читатель познакомился с первыми шагами деревенской девушки в большом городе, в суматошной городской жизни:

*Калі я стала гараджанкай?
Пытаюся у самой сябе.
Расла рахманай учашанкай,
пры ворыве і пры сяўбе.
У дружбе з лехамі і лугам
малочным статкам на траве...²¹.*

В жизни лирической героини поэтессы переплетены трудности послевоенного Минска и тоска по родной стороне. Но не только недостатки и неуютность тогочасного города вспоминает поэтесса, согревало его внимание к молодежи, к организации коллективного восстановительного труда:

*А мы завалы разбіралі,
а мы тралейбусы вялі.
Расцілі горад, прыбіралі,
каб стаў ён лепшы на зямлі...
Там-сям дыміліся разлогі
ад выбухаў іржавых мін...
На плошчы ў гонар Перамогі
свой абеліск закладваў Мінск²².*

«Боль і жахі вайны, спадзяванні і мара пра будучыню, адзначала М. Барсток – усё прайшло праз сэрца гераіні-студэнткі, што духоўна расла разам з горадам, які палюбіла і праслаўляла ў сваіх, яшчэ нікому не вядомых песнях... Студэнтка-грамадзянка, якая стала паэткай, знаходзячы ў сабе многае ад ранечнай вясковай жыхаркі і любві да прыроды, заклапочанасці ўсімі хлебаробскімі справамі»²³. И в завершение этой проблематики приведем четверостишие из сборника «Ясноглазые мальвы», на наш взгляд, являвшееся своеобразным итогом обсуждаемого тематического направления:

*...Мая зямля, ты болей дарагая,
Чым тыя, што ні траціла нічога.
Твой кожны гмах на попеле замешан,
Твой кожны колас вытаен крывёю...²⁴.*

«Я прачытала, што ў адной краіне...»

²¹ Лось, Е. Выбраныя творы ў 2 т. / Е. Лось. – Т. 1. – Мінск, 1979. – С. 265.

²² Там же. – Т. 2. – С. 296.

²³ Барсток, М. Паэзія. Беларуская літаратура і праблемы сучаснасці / М. Барсток. – Мінск, 1978. – С. 32.

²⁴ Там же. – С. 297.

В 1970 г. Е. Лось в маленьком восьмистишии снова призналась читателям:

*Няхай вятры па мне галосцяць,
няўдачніцай завуць няхай.
Хай мне нічога не ўдалося, –
запеўны свой услаўляе май.
Для любасці душа ўсчалася,
і ў тым ніхто не напракне.
**На зайздрасць іншым удалося
Любоў да Бацькаўшчыны мне...^{25*}**
«Няхай вятры па мне галосцяць...»*

Если бы это было поэтической бравадой, **то вряд ли такой принципиально-оценочный литературовед, критик, поэт О. Лойко, мог бы высказаться таким образом:** «...Але, як ніхто з яе аднагодкаў у паэзіі ў сваёй патрыятычнай лірыцы, пачынаючы са зборніка «Люди добрые», Е. Лось падняла тэму Беларусаў у шырокім свеце Беларусі, ў шырокім свеце»²⁶.

Надо было иметь большое и чувственное сердце, в котором слились воедино память войны, опыт предыдущих поколений и современная жизнь, чтобы вместились и доброта, и радость, и боль людей, и ответить на них искренними и мудрыми словами. А чтобы это сделать – надо было хорошо знать жизнь, видеть ее сложности и противоречия, радоваться ей, ощущать не только красоты родной земли, но и безграничное единство человека и природы, духовно-нравственное богатство живущих на этой земле людей. Уместно подчеркнуть, что для Е. Лось не просто значим культ Человека. Для нее Человек – это создатель и вековой мудрец, это творец жизни и истории.

Привлекало умение поэтессы от произведений высокого гражданского звучания, выражающих ее гражданское кредо и пронизанных глубокой внутренней убежденностью (личностью лирики и публицистического пафоса), стремлением сверять написанное с самыми требовательными оценками, переходить к стихотворениям, поэмам, песням, лирико-афористическим миниатюрам, в которых без усложненных сюжетных построений, а поэтически тонко и остро ощущать поиск и осмысление прекрасного в жизни, соотносимое автором с добротой, как необходимым условием человеческой жизни. И в этом плане в ее сдержанной философской, в социальной, семейной, интимной лирике сливаются воедино эстетические и этические критерии поэтессы, ее отношение к Человеку и людям, к самым разным сторонам современной ей действительности. Или, как **когда-то заметил известный советский поэт Михаил Асеев, Е. Лось пишет «по складу своей души, по всей своей строчечной сути»**. Читателю предлагаются произведения, наполненные глубоким нравственным содержанием, лиричностью, светлыми и яркими образами. Читаем стихотворение, написанное еще в конце 1950-х годов:

*Над Звонню – звон, ля Звонкі – сіль:
Званочкі ладзяць харагоды...
Пад Звонню шапку ў грэчку кінь –
І шапка ўраз прапахне мёдам!
Госць вёску Звонь не абміне:
І вып'е ў меру, і закусіць.*

²⁵ Лось, Е. І каласе даўгалецце / Е. Лось. – Мінск, 1998. – С. 216.

* В русском переводе И. Бурсова последнее двустишие читается в более узком плане: «Мне удалось, другим на зависть, любовь к родимой стороне». (См.: Лось, Е. «Песня твоей сестры». – М., 1977. – С. 138.

²⁶ Лойка, А. Паэзія і час. Літаратурна-крытычныя артыкулы, творчыя партрэты / А. Лойка. – Мінск, 1981. – С. 248–249.

*А гора ў гэтай старане –
Што мо пчала калі укусіць*²⁷.

«Звонь»

*Чаромха любіць халадок,
ёй даспадобы вецер майскі.
Любы за горадам куток
пераўтвараецца ў райскі.
У прыгарадных паяздах
ад ранку белае кіпенне.
І ў дураслівых халадах
шчаслівыя вы на здзіўленне...*²⁸.

«Чаромха любіць халадок»

И еще несколько строк из последнего сборника «Волошка на границе»:

*Зеляніну не пакіну,
не пакіну шчэць травы...
Над усходамі пастану,
Каб быў парастак жывы.
Ты расці, расці, зярнятка,
вышай лесу, вышай гор,
вышай статка ў лузе гладкім,
вышай матчавых апор...*²⁹.

«Зеляніну не пакіну»

На наш взгляд, не будет ошибкой, если в качестве одного из направлений творческих исканий Е. Лось выделить и подчеркнуть ее собственную авторскую позицию, тесно насыщенную эмоциональной открытостью, доверчивостью, даже с выходом на интимные стороны ее семейной жизни. Она несет читателю, как близкому другу свои переживания, свои волнения за сына, свои успехи и неудачи, свое понимание любви и доброты и от этого поэзия ее становится близкой и понятной. Приведем несколько примеров из многочисленных поэтических произведений Е. Лось:

*Я да цябе, паэзія, дабіралася,
Як далакоп да вады на сухой мясціне.
Я з табой, нарэшце спазналася, –
І стала светла ў маёй хаціне...*

«Вянцы зруба»*

*Маці паэзіі – лірыка...
Колькі гадкоў дачку
Гадуе сурова і шчыранька, –
то водзячы за руку,
та адпускаючы смела
ў дарогу, у гнеўны бой!..
Маці, яна ссівела,
сочачы за барацьбой...*

«Перавал»

²⁷ Лось, Е. Выбраныя творы: у 2 т. / Е. Лось. – Мінск, 1979. – Т. 1. – С. 23.

²⁸ Там же. – С. 170.

²⁹ Лось, Е. Выбраныя творы: у 2 т. / Е. Лось. – Мінск, 1979. – Т. 2. – С. 73.

* В данном случае будем делать ссылку на соответствующий поэтический сборник.

*Мне дорага не вязнуць – узвышацца,
мне дорага натхненне барацьбы...
І калі не брэша за вуглом,
і калі гад пыхлівы не ў пашане, –
дык, значыць, тут было маё ўмяшанне,
дык, значыць, я не паўзла вужом!*

«Галінка з яблыкам»

*І я кажу: чытайце вершы,
у іх жыцця жывы струмень...
У іх сустрэнецца пра першы
і пра апошні нечы дзень.
...Не скажа бедная анкета
нікому, як я пражыла
адзін звычайны месяц лета...
А я – жыла!...*

*...Не чакайце, што буду хваліцца
перад іншымі мовай маёй.
Хіба хваліцца з лесу крыніца,
што грымотней яна за прыбой?
Той, хто любіць напраўдзе, ён ціха
слова роднае ў сэрцы спяліць,
беражэ ад пагарднага ліха:
калі слову, то й сэрцу баліць.*

«Лірыка ліпеня»

Такими же открытыми, иногда эмоционально-восторженными, иногда щемящими сердце строками выглядят интимная лирика Е. Лось, ее стихотворения и поэмы об отце и сыне, о собственной судьбе, судьбах дорогих ее сердцу людей. Стихи поэтессы о любви можно пересказывать, можно комментировать, но передать читателю ту гамму чувств, которой они наполнены, без потери смысловой и эмоциональной окраски, на наш взгляд, невозможно. Чтобы в полной мере постичь ее лирико-интимную исповедь, то радостно-простую, то драматически-сложную, их надо читать и перечитывать, вдумываясь в каждое слово, интонацию, поэтическое движение любящего и любимого человека.

Еще одно стихотворение о собственной позиции поэтессы:

*Я прымаю цябе, жыццё,
Неспакойным і ціхім зусім,
Цвёрдым, нібы стальное ліццё,
І празрыстым, як верасня дым.
Для мяне ты не дзённы госць,
Я цябе няскончаным лічу
І прымаю –*

якое ёсць,

Каб аддаць –

якое хачу³⁰.

³⁰ Лось, Е. Валожка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 77.

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

А еще в лирике Е. Лось читатель узнает мелодии многих песен, белорусскую фольклорную традицию, стихи-посвящения П. Бровке, В. Лобанку, В. Быкову, М. Шмыреву, Лесе Украинке, Я. Мавру, Я. Смелякову, И. Баграмяну, В. Клочковой, Г. Рыжковой, Р. Бородулину и другим писателям, поэтам, общественным деятелям. **Отдельные исследователи (Т. Чабан, С. Марченко) утверждают, что в лирике Е. Лось можно видеть новое эстетическое качество «женской» белорусской поэзии***.

А теперь о детской поэзии Е. Лось.

За долгие годы работы главным редактором детского журнала «Вясёлка», Е. Лось стала обладательницей поистине бесценного кладезя знаний в области детской психологии, читательских запросов и интересов своей юной публики. Думаем, что это и стало первотолчком в ее обращении к детскому поэтическому творчеству. Есть все основания для вывода, что в качестве основных принципов в этом сложном поэтическом творческом процессе для Е. Лось стали:

– активизация мысли и фантазии детей, даже некоторая интрига в том, чтобы они смогли через детские открытия и эмоциональные контакты с новым для них миром, через свое возрастное восприятие быстрее понять самые обычные (а для детей часто и весьма сложные) явления окружающей их жизни. Как, к примеру, в стихотворении «Слышали ли о звере, появившемся в доме» («Чулі – звер завёўся ў доме?»):

*Чулі, – звер завёўся ў доме?
Ды славуты, ды вядомы!
Ходзіць на пушыстых лапах,
быццам лапкі тыя ў тапках.
Есць ён мяса, есць ён рыбу,
мае ўласную сядзібу –
дом ад вышак да падвала –
ды злуе ўсё:
«Ма-а-ла...»,
«Ма-а-ла...».*

Стихотворения такого типа привлекают детей разнообразием интонационных оттенков, иносказательным афористическим языком. В загадке о месяце январе из книги «Двенадцать загадок» она подобрала слова по смыслу очень близкие к отгадке, а иногда и перекликающиеся с ней:

*Як гэта называецца,
калі новы год пачынаецца?
Калі поле мяцеліцы студзяць,
маразы траскатнёю будзяць,
калі ў срэбры і свята,
і будзень?*

Поэтесса вполне сознательно ввела в текст загадки слово «студзень», сделав его опорным. Оно ассоциативно вызывает в детской памяти название зимнего месяца, в котором, «поле мяцеліцы студзяць»;

– поэтическое обучение юных читателей доброте, искренности, уважительному отношению друг к другу и формирование на этой основе начальных патриотических задатков, того большого чувства любви к родной белорусской земле, ее творческим, мыслящим,

* См.: Неман, 1984, № 3; Літаратура і мастацтва. – 1980. – 7 сакав. и др.

трудолюбивым людям, которые в семье советских народов ведут грандиозные преобразования и на земле, и в космосе. Вот одно из таких стихотворений – «Письмо из БАМа» («Письмо з БАМа»)

*Мы праложым цераз нетры
звонкіх рэек кіламетры...
Зробім трасу,
і тады
пойдуць з грузам паязды.
Павязуць нам лес, машыны,
вугаль, золата, пушніну...*

Или в стихах из посмертного сборника «Вкусные буквы», посвященных Минску («Минск») («Мінск»), его стремительному метрострою («Подземная дорога» («Падземная дарога») и др.:

– умение вести разговор с детским читателем, вести интересно, а иногда и по-детски загадочно, вводя детишек в процесс познания через игру, забавы, баловства, без навязчивой дидактики и поучительства. Обратимся к стихотворению «Быль или нет?» («Быль ці не?»), в котором поэтесса своеобразно переплетает возможное и невозможное и дает право самим детям определить правдивость рассказанного. Настоячивое повторение одного и того же вопроса «Быль или нет?» не только ритмично организует стихотворение, придает ему характер, но и помогает мобилизовать внимание детей, заинтересовать их:

*Вырас яблык на сасне
Быль ці не?
Скача конь на бервяне
Быль ці не?*

В сборнике «Зайчишка-хвастунишка» в этом плане выделяются стихи «Накануне» («Напрадвесні»), «Беглец» («Уцякач»), «Что живое?» («Што жывое?»), «Деды» («Дзяды»), «Посылка» («Пасылка»); в сборнике «Вкусные буквы» – «Рисованное письмо» («Маляванае пісьмо»), «Хорошо сей» («Добра сей»), «Вкусные буквы» и др. К примеру, для детишек буквы – это не просто знаки. Но, чтобы им помочь в этом разобраться, поэтесса поясняет, что буква «О» – это будто бы огородная фасолька, буква «Т» – будто грибок:

*Літары запомню
Без лішняй гаманы,
Як жа не запомніць:
смачныя яны.*

Привлекает, что в этом маленьком четверостишии, маленький герой будто удивляется своему открытию, почти считая себя познающим человеком;

– глубокое знание детской психологии, умение быть с детьми в одной жизненной ситуации, в обычной беседе выделять каждый раз в разговоре то важное, что может заинтересовать, разбудить наблюдательность к собственному пониманию увиденного, детским размышлением над ним. Главное здесь заключается в приобщении «маленьких» людей к самостоятельному художественному открытию и прекрасного, и поэтического чуда слова. Поэтесса будто приглашает детей: посмотрите вокруг и вы убедитесь, что рядом с вами «живая река», «живой шиповник», «живые яблоки», «вкусные буквы» и т.д.

Как это понимала и видела героиня красивого стишка «Котят» («Коцікі») – она ви-

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

дела, как приносили и поставили в вазу нераспустившиеся ветки лозы. И вдруг через несколько дней, проснувшись, увидев распустившиеся желтые почки, она в восторге кричит маме:

*Неяк прачнулася –
цэлае свята:
– Мамачка, глянь,
у вадзе кацяняты.*

Или, как героиня стихотворения «Девочка-росинка» («Дзяўчынка-расінка»):

*Засвяцілася краса,
заірдыла раса,
і дзяўчынка вышла з класа...
Як завешся ты?
– Я – Раса...*

– наконец, использование в детской поэтике самых разных, доступных форм стихосложения – доступный диалог, стихотворение-миниатюра, загадка, стихотворение-шутка и др.

Известная исследовательница белорусской детской литературы, наша землячка М. Ефимова делает вполне обоснованный вывод: «Е. Лось сваімі вершамі спрыяе таму, каб знаёмства малых са святам было незабыўным. Яна разумее стан душы дзіцяці, якое, радуючыся і здзіўляючыся, глядзіць на навакольны свет. Паэтэса дапамагае малым рабіць адкрыцці, вучыць назіраць за прыродай, разумець яе галасы»³¹.

Нельзя не сагласіцца з мненнем вядомых беларускіх літаратураведоў М. Яроша і В. Бечыка, лічачы, што: «Вершы Еўдакіі Лось вызначаліся моцным валявым імпульсам, сувярджальнай энергіяй, актыўнасцю грамадскіх пачуццяў. Рэзкасць характару, вострая палемічнасць спалучалася ў многіх вершах з арганічнай жаночасцю эмоцый і паводзін, асаблівай інтымнасцю лірычнай споведзі. Лепшыя творы паэтэсы прасякнуты душэўнай чысцінёй, пафасам безагляднай самааддачы, адчуваннем мэты як абавязку, шырынёй і багаццем душэўных чалавечых адчуванняў»³².

Несколько замечаний о прозаических исканиях Е. Лось.

Первой книгой Е. Лось стала (и, может, быть, неожиданно!) книга прозы «Колье» («Пацеркі»). Оставляя за собой поэтические достижения, автор весьма скромно в своем маленьком предисловии к книге написала: «У змешчаных тут кароткіх апавяданнях мне хацелася сказаць тое, што я ведаю пра жыццё і людзей, што перажыта і перадумана.

Буду рада, калі чытачу перадасца хоць чысцінка майго хвалявання»³³.

В этом небольшом предисловии и сегодня читается повествование (из более чем трех десятков рассказов, миниатюр, зарисовок), отражающее повседневную жизнь, но за этой повседневностью просматривается глубокое постижение автором проблем белорусской деревни, психологии ее жителей, принятии ими решений, постепенно менявшихся по времени от фашистского безумия в годы Великой Отечественной войны до первых послевоенных времен. Изю всех рассказов мы бы выделили два – «Целутка» («Цялутка») и «С войны» («З вайны»). В первом из них – острая психологическая ситуация, связанная с сохранением от немецких солдат молодой молочной коровки, кормилицы троих маленьких детей. И вдруг она слышит: «Голас маці, здалося нам (дзецам. – А.Р., Ю.Р.) скалануў наваколле:

³¹ Літаратура і мастацтва. – 1975. – 31 сакав.

³² Яраш, М. Бечык, В. Беларуская савецкая лірыка / М. Яраш, В. Бечык. – Мінск, 1979. – С. 285.

³³ Лось, Е. Прадмова да кнігі «Пацеркі» / Е. Лось. – Мінск, 1966. – С. 4.

– Не дам карову, гад!..

Яна трымала повад моцна і нават тузанула яго да сябе. Карнік ашчэрыўся – можна было падумаць, што ён усміхаецца, – і ў момант ускінуў руку з гумоўкай.

– Мамачка, ён заб'е цябе, аддай! – загаласілі мы ўсе разам і пацягнулі маці. – Хто за рукаў, хто за спадніцу – далей ад гэтага страшнага месца.

Яна выпусціла павадок.

Мы ішлі па сцяжынцы, моцна трымаючыся за матчыны рукі, і плакалі.

Дзесьці далёка трывожна рыкала наша Цялутка»³⁴.

И – второй рассказ: здесь налицо несколько иные психологические эмоции, чем те, которые были в рассказе «Целутка». Отслуживший в годы войны интендант Гришка Стриженок, вернулся к жене и «красиво» повествовал о своих «воинских» победах (снабжение продуктами начальников, любовницы и т.д.). А жена, перенесшая все тяготы партизанской жизни, за все чемоданы, все привезенные ей подарки, вдруг вспыхнула: «Вось табе, вось! – пляжыць па твары.

– За мае лапці, за тую бульбяную гніль, за венгерскія спадніцы, за Эўджэнію!».

Грышка ўсхліпваецца і са злосцю сціскае яе руку.

– Пусці, дрэнь ты такая! – вырываецца Паша і з плачам выбягае з хаты»³⁵.

Много психологических, нравственно-эмоциональных зарисовок, дополненных авторской болью за мучения войны, читатель находил в рассказах «С войны», «Купанье» («Купанне»), «Письма» («Паштоўкі»), «Мать» («Маці»), «Песня» и др., или посвященных событиями войны, или осмыслением ее трагических последствий.

Эти большие и меньшие по размерам рассказы (были и миниатюры – «Мать», «Сталбунки» («Стаўбункі»), «Крапивка» («Крапіўка»), «Бусы» («Пацеркі»), «Первая пуля» («Першая куля»), «Резцовая грамота» («Разцовая грамата») и др., показывают, что автору удалось нарисовать достаточно выразительный рисунок человеческой жизни. И каждый из этих рассказов-миниатюр вызывает у читателя размышления, даже подводят его к мысли, что в этих обычных мини-повествованиях он увидел «необычное в обычном», и, без преувеличения мог стать соавтором этого «необычного».

Прозаические искания были продолжены в 1970 г. с выходом книги «Травица брат-сестрица».

Время действия – конец 1950-х – 1960-е годы (если учесть, что одна из героинь, пришедшая на танцплощадку в минском парке Челюскинцев уже учительница, значит, это уже 1950-е годы (рассказ «Полька-енка» («Полька-енка»), а, если почитаем «Монгольский дневник» («Мангольскі дзённік») о поездке Е. Лось в Монголию, датируемой 1969 г., то оказывается, что временной промежуток книги определен нами достоверно).

Рассказы и зарисовки автора книги (а их около четырех десятков) продолжают и развивают магистральную линию творчества – воспевание добра, справедливости и верности и осуждение зла и несправедливости. Раскрывается эта проблематика через партизанские судьбы и воспоминания о событиях Великой Отечественной войны («Консерва болотной воды» («Бляшанка балотнай вады»), «Страшный урок» («Страшны ўрок»), «Маслята» («Маслякі»), «Травица брат-сестрица» («Травіца брат-сястрыца»), «Костер на прощание» («Касцёр на развітанне»); через жизнь учительства («Учитель» («Настаўнік»), «Помидоры с перцем» («Памідоры з перцам»), «Третья песня Леля» («Трэцяя песня Леля»)); через жизнь детдомовцев («Придумать сказку...» («Прыдумаць казку...»)).

Читатель становится свидетелем того, как проходят творческие встречи в рабочем коллективе («На заводе» («На заводзе»)), как в городскую квартиру приходит музыка

³⁴ Лось, Е. Пацеркі / Е. Лось. – Мінск, 1966. – С. 73.

³⁵ Там же. – С. 84.

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

(«В ваш дом вошла музыка» («У ваш дом увайшла музыка»)). Небезынтересны полоцкие впечатления Е. Лось и ее зарисовки о поездке в Польшу.

Книги прозы Е. Лось – хорошее дополнение к ее поэтическому творчеству. И именно его влияние постоянно ощущается в этих небольших, но от души написанных, запоминающихся картинках.

К прозаическим исканиям Е. Лось (в соответствии с жанровостью литературы) относятся и ее шаги в литературно-критической деятельности, ее статьи по проблемам литературной жизни Белоруссии. Мы приведем лишь несколько оценок Е. Лось, высказанных ей как в отношении авторитетных авторов, так и в адрес начинающих литераторов.

В качестве примера приведем малоизвестное мнение Е. Лось, высказанное ей во время посещения Поставского района и встречи ее с партийным руководителем В. Ключковой: *«Вось каб пісаць у вершах пра такое (ее поразила красота цветущего льняного поля, которое от легкого ветра колебалось, как голубое море. – А.Р., Ю.Р.), трэба самаму гэтай бачыць і мала бачыць, трэба ўмець перадаць убачанае людзям. А каб перадаць вось гэтая непаўторнае харатство калгаснага поля, трэба мець талент і веды. Я б хацела валодаць больш дасканальмі ведамі. Мне заўсёды хацелася ў арыгінале чытаць антычных паэтаў: Вяргілія Лукрэцыя, Катула... Гэтыя вялікія паэты пазбягалі ўсялякай напышлівасці і вытанчанасці, што з'яўляецца прыкметай паэзіі нашага часу. Яны вызначыліся дакладнасцю адлюстравання не толькі душэўных парыванняў, але і стану нораваў. І мне зараз вельмі хацелася б далучыцца да іх паэзіі, убачыць, як яны апісвалі харатство прыроды. Параўнаць з маім і знайсці зусім новыя словы, каб дакладней выказаць тое, што акружае нас. Калі б мы добра ведалі мінулае, мы б лепей разумелі і сучаснае...»³⁶.*

А теперь обратимся к анкете журнала «Малодосць», в которой поэтесса сформировала свое видение в определении роли и места литературы в духовной жизни народа. В анкете читаем: *«Не ўяўляю духоўнага жыцця грамадства без літаратуры. Засмучае тое, што ў моладзі, у вучняў усё меншае часу на чытанне кніг*.*

Літаратура і адлюстроўвае духоўнае жыццё народа, і ўплывае на духоўнасць жыцця. Літаратура даказала, якое вялікае месца ў інтэлектуальным і духоўным жыцці чалавека яна займае. Багата прыкладаў як становага, так і адмоўнага плану (з аднаго боку, – наша чалавечная «Граната», з другога фашысцкі «Хорет Вессель»). Таму нязменным павінен заставацца клопат літаратуры – у якім кірунку ёй уплываць на развіццё асобы (і душы чалавека)»³⁷.

Первая учительница сына Евдокии первоклассника Олега, Н. Климович в своих воспоминаниях приводит слова поэтессы, которые весьма удачно дополняют, высказанную для журнала, мысль: *«Нам, пісьменнікам, – гаворыла она, – нельга адпачываць, бо час і жыццё падганяюць, вялікія падзеі сучаснасці не даюць расслабляцца нават ні адно імгненне. Народ патрабуе новых твораў, глыбокіх, ідэйных і праўдзівых. І мы павінны памятаць аб гэтым»³⁸.* Это ее внутренние убеждения, собственная творческая позиция. Заметим, что она последовательно, безо всяких скидок на авторитеты и личные предпочтения прослеживается в размышлениях и оценках как известных, так и начинающих белорусских литераторов.

К примеру, ее мнение о любимой поэтессе, старейшине белорусской поэзии Констанции Буйло: *«Вершы, у якіх перад вачыма ззяе Радзіма», – аснова ўсёй творчасці Канстанцыі Буйло, яны, як правіла найбольш удалыя, яркія. Ні гады, ні жыццёвая нядоля не сцёрлі ў сэрцы паэтэсы драгое аблічча роднай зямлі, – яе калыскі, вытокаў яе песні»³⁹.*

³⁶ Беларусь. – 1983. – № 9. – С. 31.

* Эти слова сказаны Е. Лось 35 лет тому назад. А что бы сказала поэтесса, видя нынешнее отношение молодежи к книге?

³⁷ Покліч сэрца, абавязак грамадзяніна. Анкета «Малодосці» / «Малодосць». – 1976. – № 2. – С. 161.

³⁸ Настаўніцкая газета. – 1979. – 26 снеж.

³⁹ Лось, Е. Слова павагі і любві / Е. Лось. – Беларусь. – 1974. – № 1. – С. 17.

Или ее отношение к одному из основоположников белорусской детской литературы Я. Мавру: «Творам Я. Маўра ўласціва пазнавальнасць, драматызм. Удаля спалучаюцца ў іх прыгодніцтва і псіхалагізм. Напісаны творы сакавітаю, чыстаю мовай, аздоблены непаўторным маўраўскім гумарам»⁴⁰.

В 1967 г. издательство «Мастацкая літаратура» выпустила в свет книгу «Лирика» («Лірыка») народной поэтессы Узбекистана Зульфийи. И Е. Лось сразу же откликнулась на это издание: «Вялікі шлях пройдзены ад узнёслых дзясочых радкоў да мудрых дум пяцідзсяцігадовага майстра, настаўніцы, у якой можна павучыцца грамадзянскай палымьянасці, шчырасці паэтычнага слова.

...Творчасць Зульфійі, яе жыццё – яскравы прыклад няўрымслівасці, змагання. Вершы паэтэсы, сабраныя ў кніжцы, як бы загорнутай у кавалак узбекскага шоўку, хвалююць і ўзбагачаюць сэрца, вучаць любві і вернасці, заклікаюць жыць і змагацца ў імя харатства на зямлі»⁴¹.

Не оставалось без внимания и литературное творчество начинающих белорусских авторов. Вот строки из ее рецензии на книгу «Лесная загадка» детской поэтессы Н. Галиновской: «Мне хочацца прывітаць паэтычную працу Ніны Галіноўскай. Яна можа пісаць вершы для дзяцей, грунтоўны доказ таму – два зборнікі. Але вершам, як і самім дзецям, трэба аддаваць усю душу. Не абмяжоўвацца тым, што лёгка даецца і блізка ляжыць. Шукаць свае тэмы і вобразы, даводзіць да ладу кожны радок»⁴².

О принципиальности оценок Е. Лось, ее требовательности к молодым авторам свидетельствуют оценки первой книги стихов «Леснічоўка» поэта Р. Семашкевича: «Малады паэт паказвае, што ён так разумее творчасць, і голасна пачынае свой спеў свету добра і святла, схіляючыся перад чысцінёй сцягоў бацькаўшчыны... І гэта, бадай, дастаткова, каб моцна адчуваць сябе на зямлі, не блукаць у пошуках вернай дарогі. ...Але часам у творы паэта запаўзае нейкі неразумелы скепсіс. Быццам паэт палохаецца, каб яго не напракнулі ў несучаснасці, бо, маўляў, скепсіс – адзнака веку...

Хочацца параіць Р. Семашкевічу: не трэба прыдумваць свае пачуцці, не трэба “глыбакодумна” філасофстваваць там, дзе для гэтага няма асаблівых прычын, не трэба слоўных і іншых штукарстваў. Трэба быць больш шчырым, натуральным»⁴³.

Вспоминает известный белорусский литературовед Вл. Гниломедов, обращая внимание на такую гражданственно-творческую черту характера Е. Лось, как постоянное внимание к молодой творческой волне: «Цікавая, таленавітая моладзь расце, – гаварыла яна пра сваіх ровеснікаў, аднагодкаў, пра сваё пакаленне – Уладзіміра Караткевіча, Міколу Арочку, Ніла Гілевіча, Уладзіслава Нядзведнага, Алега Лойку, Рыгора Барадуліна і іншых. – Добрыя яны і розныя, а, паглядзіце, крытыка іх не разумее!»⁴⁴. С мненнем Вл. Гниломедова вполне коррелируются слова старейшего белорусского поэта Хв. Жычки: «Еўдакія Якаўлеўна заўсёды помніла свой нялёгкі шлях ў літаратуру, таму і была такой чулай да маладых талентаў. Пазней, калі стала вядомай паэтэсай, яна часта выступала ў друку з артыкуламі пра творчасць маладых, выступала вусна на парадах і сходах, падтрымлівала здольных паэтаў, давала прытулак у сваёй не дужа прасторнай кватэры “паэтэскам”, якія прыежджалі з далёкіх вёсак. А колькі разоў была Еўдакія Якаўлеўна ў Каралішчавічах на традыцыйных семнарах маладых пісьменнікаў, прыежджала не столькі вучыць іх пісаць, колькі парадавацца з’яўленню новых талентаў»⁴⁵.

⁴⁰ Літаратура і мастацтва. – 1972. – 25 жн.

⁴¹ Літаратура і мастацтва. – 1967. – 2 чэрв.

⁴² Літаратура і мастацтва. – 1966. – 18 студ.

⁴³ Літаратура і мастацтва. – 1968. – 18 кастр.

⁴⁴ Літаратура і мастацтва. – 1983. – 28 кастр.

⁴⁵ Жычка, Хв. Чатыры промні / Хв. Жычка // Палымя. – 1983. – № 3. – С. 189.

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

Подытоживая, обратимся к *мнению такого авторитетного поэта, как А. Пысин. В его статье, посвященной памяти поэтессы, на наш взгляд, содержится самая емкая объективная оценка поэтики Е. Лось: «У беларускую паэзію Еўдакія Лось увайшла адразу. Еўдакія Лось змалку ведала і разумела народнае жыццё, народную мудрасць, спасцігала тайну слова і песні. Па-вясковаму, па-народнаму яна рабіла ўсё: і пісала, і выступала, і ладзіла свае ўзаемаадносінны з людзьмі. Не ўмела яна хітраваць, любіла праўду жыцця, адмятала ўсялякія кампрамісы. Усё яе жыццё, уся яе справа былі на віду, і, можа, толькі прытойвала, не выносіла з душы самае патаемнае, асабістае, да чаго іншым няма справы. Таму, напэўна, па-народнаму здаровая і чыстая яе паэзія... Родная зямля і яе добрыя людзі – такі прыгожы жыццёвы і паэтычны свет Еўдакіі Лось»⁴⁶.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Лось, Е. Пацеркі: апавяданні / Е. Лось. – Мінск, 1966.
2. Лось, Е. Яснавокія мальвы: вершы / Е. Лось. – Мінск, 1967.
3. Лось, Е. Вянцы зруба: выбранае / Е. Лось. – Мінск, 1969.
4. Лось, Е. Зайчык-выхваляйчых / Е. Лось. – Мінск, 1970.
5. Лось, Е. Травіца брат-сястрыца: Апавяданні, замалёўкі / Е. Лось. – Мінск, 1970.
6. Лось, Е. Перавал: вершы і паэмы / Е. Лось. – Мінск, 1971.
7. Лось, Е. Галінка з яблыкам: кніга вершаў / Е. Лось. – Мінск, 1973.
8. Лось, Е. Дванаццаць загадак / Е. Лось. – Мінск, 1974.
9. Лось, Е. Лірыка ліпеня: вершы і паэмы / Е. Лось. – Мінск, 1977.
10. Лось, Е. Смачныя літары: вершы / Е. Лось. – Мінск, 1978.
11. Лось, Е. Выбраныя творы: у 2 т. / Е. Лось. – Мінск, 1979.
12. Лось, Е. Валашка на мяжы: паэзія апошніх гадоў / Е. Лось. – Мінск, 1984.
13. Лось, Е. І каласуе даўгалецце: вершы / Е. Лось. – Мінск, 1998.
14. Лось, Е. Зеленая светлица: стихи / Е. Лось. – М., 1968.
15. Лось, Е. Синие дни: стихи / Е. Лось. – М., 1971.
16. Лось, Е. Обутая елочка: стихи / Е. Лось. – М., 1972.
17. Лось, Е. Венок: стихи / Е. Лось. – М., 1973.
18. Лось, Е. Песня твоей сестры: стихи / Е. Лось. – М., 1977.
19. Лось, Е. Птица счастья: стихи, поэмы / Е. Лось. – М., 1979.
20. Лось, Е. Лесной цветок: стихи / Е. Лось. – М., 1986.
21. Бечык, В. Под высокою красою / В. Бечык. – Мінск, 1984.
22. Гніламёдаў, У. Як само жыццё / У. Гніламёдаў. – Мінск, 1980.
23. Дзень паэзіі. – Мінск, 1979.
24. Зарыцкі, А. За словам-падарункам / А. Зарыцкі. – Мінск, 1985.
25. Каваленка, В. Жывое аблічча дзён / В. Каваленка. – Мінск, 1979.
26. Лойка, А. Паэзія і час / А. Лойка. – Мінск, 1987.

⁴⁶ Чырвоная змена. – 1979. – 2 сакав.

ВАЛЕНТИН ЛУКША

Лукша Валентин Анатольевич (родился в г. Полоцке в семье служащих 16 февраля 1937 г., умер 15 сентября 2012 г. Похоронен в г. Минске) в белорусской советской литературе известен, как поэт, очеркист, переводчик, автор драматических произведений для детей и юношества. А еще его часто называют поэтом-песенником – на его стихи написано более 50 песен.

Окончил Полоцкий лесной техникум (1956) и Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1976). После окончания техникума работал помощником токатора Пензенской аэрофотоустроительной экспедиции. В 1959 г. перешел на работу на строительный комплекс г. Новополоцка, где был контрольным мастером и секретарем комсомольского комитета строительного треста № 16 «Нефтестрой», работал в Полоцком горкоме комсомола. В 1961–1973 гг. на журналистской работе – литературный сотрудник полоцкой городской газеты «Сцяг камунізму», корреспондент белорусского радио, заведующий отдела литературы и искусства газеты «Чырвоная змена», ответственный секретарь ежемесячника «На экранах Беларусі». С. 1973 г. старший, а с 1975 г. – главный редактор литературно-драматического вещания Белорусского радио. В 1981 г. назначен директором республиканского книжного издательства «Юнацтва».

Член союза писателей БССР с 1978 г., лауреат литературной премии имени Петруся Бровки, лауреат Государственной премии БССР. Отличник печати СССР.

Первое стихотворение В. Лукши «Я завидую почтальону...» («Я зайздросчу пчатару...») было напечатано в 1956 г. в газете «Віцебскі рабочы». В 1964 г. вышла из печати первая книга поэзии «Города рождаются сегодня» («Гарады нараджаюцца сёння»), в 1966 г. первая книга прозы и публицистики «Наша, полоцкая профессия» («Наша, полацкая прафесія»). Затем, с завидным постоянством, почти ежегодно будут издаваться книги В. Лукши. Вот их хронология: 1967 г. – «Романтики шестидесятых: очерки» («Рамантыкі шасцідзсятых: нарысы»), 1969 – «Второй укос: поэзия» («Атава: паэзія»), 1972 – «Десять дорог к волшебному: очерки» («Дзесяць дарог да чароўнага: нарысы»), «Оркестр: стихи» («Аркестр: вершы»), 1973 – «Полоцк: фотоальбом» («Полацк: фотаальбом») (В. Лукша – автор текстов), «Исповедь: стихи» («Споведзь: вершы»), 1974 – «Зеленая больница: стихи» («Зялёная бальніца: вершы»), 1978 – «Лето круглый год: стихи» («Лета круглы год: вершы»), 1981 – «Белые берега: поэма-хроника» («Белыя берагі: паэма-хроніка»), 1982 – «Крылатый цех: стихи и сказки» («Крылаты цэх: вершы і казкі»), «Родимые пятна: стихи и фельетоны» («Радзімыя плямы: вершы і фельетоны»), 1985 – «Следы памяти: стихи и поэма» («Сляды памяці: вершы і паэма»), 1987 – «Волшебный камень: стихи, сказки, поэмы, переводы и пересказы» («Чароўны камень: вершы, казкі, паэмы, пераклады і пераказы»), 1989 – «Огонь и пепел: драматические поэмы» («Агонь і попел: драматычныя паэмы»), 1991 – «Как лиса училась летать: сказки, переводы» («Як ліса вучылася лётаць: казкі, пераклады»).

Произведения В. Лукши во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг. можно было встретить на страницах многочисленных коллективных сборников: «Дзень паэзіі», «Карчагінцы шасцідзсятых гадоў», «Вышыня», «Універсітэт паэтычны», «Кім быць?», «Слухайце, Хатынь!..», «Люблю будзённы дзень», «Такія сэрцы ў нас», «Туман трэба развеяць», «Вечная крыніца», «На сцягу і ў сэрцы», «Вяснянка», «Казкі беларускіх пісьменнікаў», «За цябе, Радзіма», «Партизаны, партизаны...» и др.

Он – постоянный автор республиканских газет («Звезда», «Советская Белоруссия», «Сельская газета», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Настаўніцкая газета», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі») и журналов («Беларусь», «Маладосць», «Нёман», «Работніца і сялянка», «Рабочая смена», «Бярозка», «Вожык»), областных газет «Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Гомельская праўда», «Гродненская правда», «Магілёўская праўда», Минской городской газеты «Вячэрні Мінск». Его печатают союзные журналы «Детская литература», «В мире книг» и др.

Благодаря переводческой деятельности В. Лукши белорусский читатель познакомится с произведениями русских, украинских, адыгейских, балкарских, вьетнамских, грузинских, дагестанских, калмыцких, латышских, литовских, молдавских, таджикских, туркменских, татарских, узбекских, чувашских, эстонских писателей и поэтов.

Произведения самого В. Лукши переведены на русский, украинский, азербайджанский, болгарский, казахский, киргизский, литовский, молдавский, польский, таджикский, туркменский, эстонский языки.

Каждый писатель приходит в литературу по-своему. А это значит, со своим жизненным опытом, творческим диапазоном и талантом. В писательской биографии Валентина Лукши ярко прослеживаются *три этапа. Первый* – послевоенный (детство и юность будущего поэта), *второй* – 1960–1970-е годы XX столетия, период становления и творческого взросления, как литератора. В это время публикуются первые стихи, выходят в свет поэтические сборники. И наконец, *третий* – 1980-е – начало 1990-х гг., когда талант художника крепнет, стих приобретает душевную тонкость и наполняется лирикой, гражданскими и философскими мотивами. Появляются произведения сатирически-юмористического характера. Валентин Лукша становится известным не только в Беларуси, но и за ее пределами.

В своих первых книгах Валентин Лукша представил читателю атмосферу жизненных коллизий, романтику дальних и близких дорог. Читатель сразу увидел и понял, почувствовал, что появился незаурядный автор, влюбленный в поэзию, открытый сердцу каждого, доверительный в каждой своей строке.

Молодой поэт стремился к творческому самоутверждению, искал новые литературные формы и интонационные образы, которые бы наиболее соответствовали поставленной цели. Читатель встретился на страницах периодических изданий со стихотворением-зарисовкой, стихотворением-воспоминанием, стихотворением-исповедью. В них поэт тесно связывает свою судьбу с судьбой Родины и в трагическое военное, и в счастливое мирное время. За строками его поэтических произведений – поэзия личного и небезучастного отношения ко всему, о чем он задумывается, что принимает и что отвергает в быстрой жизни. Вспоминая свои трудовые будни на Урале и в Сибири, он рассказывал, что именно они составили подборку стихотворений «Моя голубая тайга» и двух повестей – «Зеленое золото» и «Моя степная Джоконда», которые вместе с нефтестроевским поэтическим циклом составили его первую книгу «Города рождаются сегодня».

Заметим, что как и у многих начинающих, среди стихов встречались и случайные, проходные, рожденные эмоциональным подъемом, всплеском души, реакцией на только что увиденное явление или имевшее место событие. Но в большинстве своем это были произведения, пронизанные свежестью восприятия событий, особым взглядом на них, способностью к обобщению.

На наш взгляд, не будет ошибкой, если назвать в качестве программного в поэзии В. Лукши стихотворение «Моя песня» («Мая песня») из книги «Исповедь».

*Як за дзіцё,
за песню я баюся.
Трывожуся*

бяссоннымі начамі,
 Пакутую,
 пакутую ў адчаі.
 Як за дзіцё,
 за песню я баюся.
 Не абмінуць каб
 важнага чагосьці,
 Каб шчодраю была,
 нібыта восень,
 Каб для людзей была
 жаданай госьцяй...
 Як за дзіцё,
 за песню я баюся¹.

Не ошибался литературовед А. Мартинович, отмечая, что в этом стихотворении «добра відаць аўтарская набліжанасць да самога жыцця, жаданне, каб яго зразумеў сучаснік. У той жа час відавочна і другое: патрабавальнасць да самога сябе як да мастака слова. Інакш кажучы, выверка верша на паэтычную “трываласць”»².

Поиск и настойчивость всегда приводят к результату. У Валентина Лукши он также увенчался успехом. Так, честным, благородным отношением к жизни, свежестью и живой интонацией выделяются его первые «личные» циклы – «сибирский» и «новополоцкий». Вряд ли кто станет сомневаться, что поэтические строки автора, его сравнения, метафоры, рифмы, были искусственными, ненатуральными. Ведь они рождались от влюбленности в жизнь, подкупали своей легкостью и музыкальностью. Здесь и умение в обычном видеть сложное, и высокое напряжение любви, богатство эмоциональных красок и этику труда. Впрочем, для убедительности процитируем лишь несколько строчек из сибирских стихов: «Тайга хрыпіць, як ранены алень, трасуць вятры загрыўкамі сумётаў», «Прылізالی чупрыны сівыя сумёты, разбудзіў Заіртышша траскун-крыгалом», «Раптам за таёжным ручаём закурыў пажар стракаты люльку», «Ад холоду (в Заполярье) дрыжала нават сонца ў пасіNELых лапах кедрача».

Жизнь в цикле «Сибирь» представлена такой, какая она есть, а лукшинские стихотворные строки отчетливо зримы, физически ощутимы. Словом, стихи для белорусского юноши стали результатом лично увиденного и поэтически осмысленного в том далеком, неизвестном краю.

Подобным поэтическим чувством, соединенным с изображением живой, светлой природы, пронизано и описание Тургайской долины: «Компас – неба з халоднымі зоркамі майскімі, праваднік – медзвядзямі пакінуты след». Сделаем первое отступление и... порасуждаем: а строки действительно живописные, поэтические. Мы и в белорусских лесах чаще всего ходим по чьим-то тропам – заячьим, лисьим, лесниковым... А там, по дороге в тайгу, где Валентин Лукша работал техником-помощником таксатора аэрофотолесоустроительной экспедиции, конечно же, мог видеть и медвежьи тропы.

Я з паходнай кайстраю нямала
 Вёрст прайшоў і раніцай і ў вечар.
 Ад бярозак краю Калевалы
 Да сібірскіх хваль шыракаплечых.

¹ Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 3-4.

² Віцебскі рабочы. – 1973. – 8 верас.

*Ды ніколі серца не шукала
Засені...³*

Кстати, о пленительной власти природы, которая всегда была для поэта актуальной, он пишет основательно и серьезно. Поскольку Валентин Лукша не просто воспеваает родные леса и озера, он влюблен в природу. Впечатления от многочисленных поездок по республике, от встреч с интересными людьми, от сказочных пейзажей в окрестностях городов и деревень легли в основу многих его произведений.

Например, одухотворенно запечатлел поэт дыхание белорусской природы в стихотворениях: «Мак толкут комары...» («Мак таўкуць камары...») и «Любите родные леса» («Любіце родныя лясы»), где звучит призыв оберегать чистейший источник природы – лес. Этот призыв в стихотворении звучит не прямо, а как бы затаен в тексте, а сам лес талантом поэта одушевляется. Лес, по существу, и врачует человека от болезней, и снимает нервные перегрузки, и делится с ним своим богатством. А потому поэт в очередной раз считает своим гражданским долгом тонко и поэтично напомнить читателю об этом:

*...Прыйдзі
у лес гаючы на світанні –
Ён тваю стому здыме як рукой.
...Прыйдзі
у лес вячэрняю парою
Ён неспакой твой зніме як рукой.
...Прыйдзі
у лес вячысты, ён ахвоча
Цябе акрыліць шчодрасцю сваёй.
...Як казку велічнай красы
Любіце родныя лясы⁴.*

Если в сибирском цикле читатель знакомится с искренними поэтическими строками, раскрывающими великолепную таинственность тайги, то в новополоцком – с историческими страницами великой стройки, развернувшейся во второй половине прошлого столетия на берегах Западной Двины. В частности, книга прозы Валентина Лукши «Наша, полоцкая профессия», посвящена жизни, труду, романтическим исканиям реальных литературных героев: строителей, геологов, бурильщиков. О том периоде творческой жизни (шестидесятые–семидесятые годы прошлого столетия) Валентин Лукша вспоминает: «...Прыгоды і экзотыку я не шукаў за марамі. Мяне прываблівалі Сібір, Поўнач. І мара мая, безумоўна, здзейснілася б., калі б не пачалася ў прыдзвінскім краі будоўля. Яна і вызначыла мой лёс. Мы працавалі грузчыкамі і мантажнікамі. Мы сталі Калумбамі – першапраходцамі новай трасы нафтахіміі».

Сегодня иной раз на улице, в транспорте приходится слышать досужие мысли, рассуждения относительно советской эпохи. Видимо, и о книгах раннего периода Валентина Лукши, где литературный герой восхищен социалистическим строительством в Беларуси, судачат по-своему. Им то и хочется задать вопрос: «Какую же плохую услугу оказало вам то недалекое время?» Не плюй в колодец, ведь неровен час – напиток придется.

Особо хотелось бы отметить полоцко-новополоцкий период в творчестве Валентина Лукши. Ясно, что в Сибири, как и любой другой человек, впервые оказавшись за Уралом, он восхищался тихой прелестью природы, но здесь, на Полоцкой земле, для него от-

³ Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 18.

⁴ Лукша, В. Сляды памяці: вершы і іпаэмы / В. Лукша. – Мінск, 1985. – С. 16

крылась не менее сюжетная, не менее живописная жизненная страница. Началась большая стройка. По существу, сама рабочая среда Нефтестроя позволила ему, первому комсоргу треста, увидеть и ощутить мир в разных его измерениях – моральных, психологических, эстетических, и в будущих своих произведениях ярко, талантливо рассказать о тех уже далеких, но таких романтических временах, которые уже никогда не повторятся. В одном из стихотворений, говоря о строительных буднях Новополоцка, он пишет, что это его счастье, его основа, его начало и первая песня.

*У райкоме
ушчэнт пракураным,
папярэдзілі строга,
– Ці вытрымаеце?
Нялёгкая ў Нафтаград
дарога.
Быў пачатак
падобны на наступленне.
Быў пачатак
не вечам урачыстым,
Як порхаўка
развееліся сумненні,
Мы выстаялі...⁵*

Вот почему и сегодня с таким интересом читаются книги, в которых нашло свое отражение время первопроходцев, где весьма тонко, через мотивы их поступков, переживаний, конфликтов, исследуется внутренний мир его героев, становление и утверждение характеров. Очевидно и то, что его творчеству на том важном жизненном этапе помогала работа в полоцкой городской, а позднее межрайонной газете «Ленінская іскра», активное участие в литературном объединении при газете «Віцебскі рабочы». Ярчайшим свидетельством его творческого поиска той поры стали книга очерков «Романтики шестидесятых», стихи: «В общежитии над Двиной» («У інтэрнаце над Дзвіною»), «Десятый кубрик» («Дзесяты кубрык»), «Нефертити» («Неферціці»), «Исповедь» («Споведзь»), «Если рядом товарищ» («Калі побач таварыш»), «Наши любимые» («Нашы любімыя»), «Романтики» («Рамантыкі»), «Капелюхи» («Капаяжы»), «Егорка» («Ягорка»), «Геодезисты» («Геадэзісты») и др.

Вместе с небольшой поэмой «Станции моей юности» («Станцыі майго юнацтва») и поэмой-хроникой «Белые берега» («Белыя берагі») (1981), а также книгами «Романтики шестидесятых» и «Десять дорог к волшебному» по сути дела стали биографией молодого поколения строителей Новополоцка 60–70-х годов прошлого столетия, своеобразной литературной летописью города-новостройки, оформленной в скуповатой на эмоции язык поэтической публицистики. Именно в этих произведениях весьма последовательно рукой мастера воссоздавался художественный портрет человека-созидателя. («Дык вось мы працаваць і жыць павінны, каб сорам шчокі чырванню не пёк...»). Что же, по В. Лукше, нужно, «каб сорам шчокі чырванню не пёк...»?

*Чалавеку вельмі многа патрэбна сонца!
Каб сонечныя былі мары,
Каб сонечныя былі справы,
Каб сонечнае было заўтра⁶.*

⁵ Лукша, В. Споведзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 17.

⁶ Там же. – С. 27.

Валентин Лукша искал и находил верные слова для поэтизации труда водителя и монтажника, бетонщика и электросварщика, руководителя стройки и... обычного проходимца.

В одном из стихов, вошедших в сборник «Исповедь», автор признается:

*...Расказваю сёння, як быліну.
Пра справы тых цяжкіх, ударных дзён⁷.*

Теперь несколько слов о поэме-хронике «Белые берега», в конце которой стоят две даты (1958–1978). Это произведение яркое подкрепление тезиса о том, что главным в творчестве Валентина Лукши является желание все знать и все видеть, до всего дойти самому, не пропустить в жизни новые веяния и через художественное восприятие эпохи доказать их значимость. Словом, создать реальное литературное полотно со всеми его неожиданными поворотами, искренностью интонаций, высокой моральной планкой для своих героев, радостью, горечью, противоречиями, ведь на новостройке, куда съехались люди из разных уголков Союза, жизнь шла напряженно, стремительно, казалось, что время здесь опережало положенный бег. Следует отметить, что книга «Белые берега» была издана почти через четверть века после описываемых в ней событий. А это значит, произведение довольно долго, как говорят, «вызревало», поэт собирал материал и работал над ней не год и не два, выделяя наиболее важное и типичное из того, что помогало глубже и полнее осмыслить и раскрыть трудовой подвиг советской молодежи 1960-х гг.

В поэме-хронике «Белые берега» почти физически ощущаешь азарт, страсть, молодое сбивчивое дыхание рабочих, чувствуешь неподдельный интерес горожан, у которых дух захватывало от размаха и величия стройки на их древней земле. Автор поэмы-хроники, талантливый поэт и прозаик (в дальнейшем и драматург) Валентин Лукша широкоохватной лирой осветил переплетение людских судеб строителей, занятых важным делом, от «десанта» на берега Западной Двины первых геологов и до появления на географической карте Беларуси первого города отечественной нефтехимии – Новополоцка. Среди героев «Белых берегов» Василий Бережков, прошедший свой трудовой путь от юного бригадира строителей до опытного начальника современного производства – прототипом его был бригадир Петр Блохин, чьим именем сегодня названа одна из улиц города, Екатерина Верес, Валерий Ветрун, Марина Супрун, Виктор Мешков, Острейко, Лазурский, Бугров, Герой Социалистического руда экскаваторщик А.С. Кремень и др.

Они не ропщут на свою судьбу, не убиваются о погубленной молодости, не отрекаются от своих взглядов, придерживаются того пути, в конце которого светит огонёчек. Это они прямо в рабочих спецовках шагнули на поэтические страницы поэмы Валентина Лукши. И сам он в поэме возвращается в годы своей юности, чтобы не просто пережить радостное волнение былого, а чтобы еще раз ощутить важность совершенного в лучшие годы жизни, прикоснуться к подвигу первопроходцев.

*Грымелі да світання эшалоны
Па звонкіх затуманенных кірунках.
Былі мы рады першаму бетону,
Як першаму каханай пацалунку⁸.*

Следует отметить, что литературное творчество Валентина Лукши в 60–70-е годы прошлого столетия – об этом говорят стихи – не ограничивается лишь созданием яркого сибирского и новополоцкого циклов. В этот период он значительно расширил свой твор-

⁷ Лукша, В. Исповедь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 22.

⁸ Лукша, В. Белыя берагі: паэма-хроніка / В. Лукша. – Мінск, 1981. – С. 44.

ческий диапазон. В частности, из-под пера писателя появляются первые книги для детворы, в печати публикуются очерки, пьесы, песни, в которых звучат романтика, ясность и благородность чувств. Лирический герой В. Лукши эмоционально-оптимистичен, уверенно смотрит в будущее, помня о том, что земля пахнет «*як бохан падавы. Пахне глеба сонечным потам, пахне сінімі васількамі. Пахне летам – добрай надзеяй земляробу-дабрадзею. Пахне хлебам зямля, якой так нялёгка даваўся спакой*».

Тема военного и послевоенного детства – не новая в белорусской литературе. Не осталась она вне поля зрения Валентина Лукши. Одно только стихотворение «Шамшали» («Шамшалі») чего стоит! Уверены, мало кто из нынешнего поколения знает смысл этого слова. После Великой Отечественной войны в разных уголках нашей республики оно звучало по-своему. К примеру, на нашей малой Родине вблизи Ракова его произносили как «шамшоры». Если же принципиально, то «шамшалі» – это залежавшийся с осени в земле и перемерзший за зиму картофель, от которого только и осталась крахмальная корка – ошметок. В военное и послевоенное время было большим счастьем найти по весне на еще мерзлом поле такую «картофелину», чтобы мать потом испекла черные, как уголь и, казалось, самые вкусные на свете оладьи.

*Мы выкопвалі шамшалі
З перазяблаі
Глёўкай зямлі.
Скрыгатала жарствой рыдлёўка,
Буркі мокрыя,
Як памакі.
Шамшалі мы вылузвалі лоўка,
Шыбавалі дамоў нацянькі.
Праснакі з іх рабіла
Мама –
Нам ласункі
Лепшыя самыя.
Войкаў вецер.
Нібы чайня, –
За Дзвіною
Гула
Вайна⁹.*

Война оставила глубочайший трагический след в людских сердцах. Время нет-нет да напомнит о ней рассказами ветеранов, документальными кинолентами, художественными произведениями. Вот и поэт Валентин Лукша, для которого в «*чацвёртую вясну вайна прыйшла галашэннем бомбаў, хіжай свастыкай, куроным небам*», принадлежит к тому поколению, детство которого совпало с войной. Он родился в городе Полоцке, а потому в своих прозаических и поэтических произведениях повествует о суровом и жестоком времени. Особенно горькой, пронзительной трагедийностью наполнены строки его стихотворения «Игрушки военной войны» («Цацкі ваеннай пары»).

*Пра гэта добра фашысты ведалі.
Ведалі нелюдзі –
Не забывалі
«Цацкі» забаўныя падсылалі,*

⁹ Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 56.

*«Цацкі» стракатыя падаюць з неба.
Дзеці,
Бярыце па густу.
Што трэба.
Вось з-за травінкі праклюнуўся пеўнік.
Возьмеш –
Струной абарвеца песня.
Возьмеш цукерку
У паперцы блішчастай,
І пашматае на дробныя часткі...¹⁰*

Далеким отзвуком войны пронизаны и стихи поэта: «Зайцев хлеб» («Зайцаў хлеб»), «Партизанские будни» («Партызанскія будні»), «Лесные сны» («Лясныя сны»), «Утро» («Раніца»), «Послевоенное новогодье» («Пасляваеннае навагоддзе») и другие.

Убеждены, что трудное военное и послевоенное детство поэта, несмотря на разнообразие взятых им тем для создания прозаических или поэтических произведений, нет-нет да напоминает о себе «шамшальямі», нищетой и сожженными войной деревнями. Не потому ли так взволнованно, мастерски и художественно убедательно, но одновременно с гневом и болью написаны им стихи «Хатыньский реквием» («Хатынскі рэквіем»), «Дальва – сестра Хатыни» («Дальва – сястра Хатыні»), «В Бресткой крепости» («У Брэсцкай крэпасці»), «Тревожная память» («Трывожная памяць») и другие.

Для поэта, как и всех граждан Беларуси, память о Бресте (*«дзе аглухлі сцены ў лютым гуле, дзе сёння зоры свецяца вясне, бацькі маіх равеснікаў паснулі...»*) и горькая память о Хатыни, что *«не бачыла з часоў Пампеі пекла больш жудаснага. Агонь, здабыты калісь Праметэем, ля пуні дзіка скавытаў. Колькі думак крылатых падала ў полымі, колькі казак, якіх расказаць не паспелі, колькі мар і надзей, што маглі быць вясёлымі, у пекле вогненным тлела»*, будет вечно жить в сердцах.

Белорусскую деревню Дальва и южновьетнамскую Сонгми разделяют тысячи километров, но писатель Валентин Лукша сближает их, обнажает трагедию людских судеб, раскрывает ужас войны. О чудовищных злодеяниях поэт, в частности, написал: *«У хаціны пад ціхімі шатамі прыляцелі чужыныцы-каты. Не раса гарыць на шыпшыне, Дальва – сястра Хатыні»* («Дальва – сястра Хатыні») и *«А ў сэрца мае, як у званы трывога, як птушка ў цесную клетку, грукое Сангмі»* («Трывожная памяць»).

Поэт и сорока лет после Победы над фашистской Германией, рисует людское горе глазами пятилетнего мальчишки:

*Мне перажыць сваё дзяцінства трэба
Нанова,
Каб праклятая вайна
Не засланыла васільковасць неба,
Ніколі не прыходзіла да нас...
...І памяць штохвілінна мне гаворыць,
Што прамаўчаць –
Злачынна для мяне.
...Я зноў і зноў вайну перажываю.
Ля сэрца зноў –
Халодныя клінкі...*

¹⁰ Лукша, В. Сляды памяці: вершы і паэма / В. Лукша. – Мінск, 1985. – С. 52.

*Старонкі горкай памяці гартаю, –
Бягуць на
Горкія радкі¹¹.*

С каждым своим героем Валентин Лукша вместе во всех обстоятельствах их жизни: в горе и счастье, в победах и неудачах, тревогах и конфликтах. О ком бы ни писал поэт в тот или иной период своего творчества, его постоянно интересовала история Полоцкой земли: архитектура, памятники зодчества, древние летописи.

*Шмат стагоддзяў Сафія стаіць па-над рэчкаю,
Быццам тая бярозка ў светлым гаі.
А ля сцен адцвітаюць і спеюць парэчкі,
Гарлапаняць усю ноч за Дзвіной салаўі.
Палатою платы праплываюць лянiва,
У паднябессі крыжы рассыпаюцца іскрамі.
Хмары кратаюць іх залацістымі грывамі
Пралятаюць так блізка, пралятаюць так нізка...¹²*

*...Святая палачанская зямля!
Ніколі галавы ты не схіляла,
Не падала ніколі на калені,
Якім бы грозным вораг твой ні быў.
Без хітрыкаў ішла на чэсны бой,
Каб погань не таптала родных гоняў
І не піла святой вады з Дзвіны!¹³*

«Апошні дзень «Сокола»

*...З гісторыяй,
Што не сышла ў адрыну,
Дух беларуса ставіць на крыло.
І са старонак томікаў Скарыны
Праменніца свяшчэннае святло¹⁴.*

«У Полацкім музеі кнігадруку»

Поэтическим словом описал поэт и историю создания святого креста Евфросинии Полоцкой гениальным мастером Лазарем Богшей:

*У прыцемках майстэрні Лазар Богша
Рабіў для сьлызнай Еўфрасінні крыж.
Маліўся, каб ні ў чым, ні ў чым не схібіць,
Не падвяла каб спрытная рука...
Крыж паўставаў анёлкам светлым, нібы
Лёс вызначаў яму жыццё ў вяках.*

Авторское заключение еще мудрее:

*Не быў ніколі геній звышбагаты,
Хутчэй за ўсё было наадварот...*

¹¹ Лукша, В. Сляды памяці: вершы і паэма / В. Лукша. – Мінск, 1985. – С. 43.

¹² Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 46.

¹³ Лукша, В. Атава: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 1969. – С. 51.

¹⁴ Лукша, В. І родны дом, і цэлы свет: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 2006. – С. 12, 13.

*Ён стомлены вяртаецца ў хату –
І спеліца ў душы мільён турбот*¹⁵.

Мастерски, короткой поэтической строкой, не искажая исторические факты, Валентин Лукша характеризует творческие мечты, поиски, мысли и чувства Франциска Скорины:

*Людское сэрца радасцю ўразіць
Адразу змог адзіны шчасны міг,
Як са станка плылі ў Злата Празе
Цаглінкі першых беларускіх кніг.*

*Няма на свеце справы непасільнай,
Хоць у паднеб'і кропля з кропляў мы...
Яшчэ ўспамін – у вайстрадахаў Вільні
Кладу у кайстру новыя тамы...*¹⁶

Если бы, скажем, в Беларуси или на Полотчине создавалась антология исторической и художественной литературы о полоцкой древности, то, без всякого сомнения, произведения писателя-земляка заняли бы в ней самое почетное место. Именно о ней, об истории Полоцкой земли и ее людях, книги Валентина Лукши «Города рождаются сегодня», «Романтики шестидесятых», «Второй укус», «Исповедь», «Огонь и пепел», «Следы памяти» и, написанные после 1991 г. «Огни далеких городов» (1992), «Батлейка» (1993), «Вызов судьбе» (1997). **«Читая такие книги, – представляя В. Лукшу читателю молодогвардейского альманаха «Родники», Владимир Цыбин подчеркнул ощущение того, что они в самом главном родственны духу и направленности горячей комсомольской музыки Михаила Светлова, и звонкой, как армейская труба, лирики Валентина Луговского, и по-русски распевает музыки Александра Прокофьева»**¹⁷.

В одной из статей Герой Социалистического труда, лауреат Государственной премии СССР, народный писатель Иван Петрович Шамякин дал высокую оценку его творчеству: «Валянцін Лукша надзвычай тонка адчувае свайго чытача. Яго чытач – юнак, які ўступае ў жыццё і востра і глыбока задумваецца над тым, што акружае яго сёння, чым жывуць блізкія і сам ён, і над тым, што яго чакае ў будучым, якой ідэі прысвее ён свае жыццё».

Ярким свидетельством вышесказанному – объемистая книга Валентина Лукши «И родной дом, и целый свет» («І родны дом, і цэлы свет») (2006), что вышла в свет в серии «Беларуская паэзія ХХ стагоддзя».

Неиссякаемый интерес поэта к истории родной земли, ее самобытной культуре все настойчивей пробивал путь к истокам народного творчества – фольклору. Валентина Антоновича заинтересовали, увлекли деревенские обрядовые действия, обычаи, традиции. И здесь он нашел то, чего не замечали, чему не придавали особого значения другие художники слова. Результатом терпеливого труда стали его произведения для детей и подростков: поэма-сказка «Волшебный камень» («Чароўны камень»), стихи «Журавлиная песня» («Жаўрукова песня»), «Самый ценный плод» («Самы каштоўны плод»), «Букет незабудок» («Букет незабудак»), «Человек-перевертыш» («Чалавек-пярэварачень»), «Батлейка» («Батлейка»), «Терешка» («Цярэшка») и другие. В них немало тепла, простоты и сердечности, благородства и житейской мудрости...

¹⁵ Лукша, В. І родны дом, і цэлы свет: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 2006. – С. 20.

¹⁶ Там же. – С. 18.

¹⁷ Цит. по: Мартинович, А Бригантины белое крыло. О поэте Валентине Лукше / А. Мартинович // Детская литература. – 1985. – № 10. – С. 20.

Может, поэтому талант замечательного писателя Валентина Лукши сегодня в одном ряду с именами лучших детских писателей.

Пишет он легко, искренне и ответственно, тонко чувствуя не только психологию ребенка, но и звуковую природу слова, чем и достигается главная цель – привлечь, заинтересовать ребенка книгой, а в конечном итоге прекрасным словом привить ему чувства светлое, доброе. Через занимательную и быструю смену сюжета, легко воспринимаемые ребенком рифмы и ритмы, яркими, но простыми и доступными словами он прокладывает детям и подросткам путь в сказочный, волшебный мир красоты и фантазии, добра и зла, рассказывает в доступной поэтической форме о красоте родной природы, мудрости народных примет, лечебных свойствах трав и деревьев – черемухи, калины, девясила, мяты, крапивы... Читая сказки Валентина Лукши «Нарочанская чайка» («Нарачанская чайка»), «Легкий хлеб» («Лёгкі хлеб»), «Дубок и гриб» («Дубок і грыб»), «Три мастера» («Тры майстры»), «Лесное эхо» («Лясное рэха»), «О хлебе» («Пра хлеб»), «Черные аисты» («Чорныя буслы»), «Нищий и счастье» («Жабрак і шчасце»), «Интересный барсук» («Цікавы барсук»), «Как лиса училась летать» («Як ліса вучылася лятаць») и др., стихи для детей о рабочих профессиях «Мы – трудовая семья» («Мы працоўная сям'я»), «Звездный городок» («Зорны гарадок»), «Крылатый цех» («Крылаты цэх»), «Станция Заслоново» («Станцыя Заслонава») видишь, как в них дружно соседствуют поэт и прозаик, как один помогает другому. Через поэтические строки чувствуешь, как просветленно автор видит окружающий детей мир, в котором таинства природы оказываются по-новому удивительными, близкими и родными. В результате у ребенка с родителями (и с автором книги) идет поэтическая, познавательная, доверительная беседа.

Много добрых слов о творчестве Валентина Лукши сказал народный писатель Иван Науменко: *«Валянін Лукша стаў адным з самых яркіх пісьменнікаў, што пішуць для дзяцей. Пераход паэта ў новую якасць адбыўся арганічна, натуральна.*

Паэт выдатна адчувае гукавую, музычную стыхію паэзіі, найўную душу дзіцяці, падлетка, любіць лес, прыроду, наогул усё жывое, прыгожае на зямлі. Таму не дзіўна, што яго дзіцячыя кнігі сталі прыкметнай з'явай беларускай літаратуры».

Заметим, что по его инициативе белорусское книжное издательство «Юнацтва» осуществило выпуск пятнадцатитомной «Библиотеки детской литературы народов СССР».

Творческий путь Валентина Антоновича Лукши нельзя отделить от его пути общественного. Весьма широкое поле его деятельности (литературной, издательской, общественной) было обогащено яркими встречами с российскими, украинскими писателями, литераторами Африки, Европы, Азии. Куда только не заносил его ветер странствий, рабочих поездок! Во время тех дружеских встреч с коллегами по перу обсуждались вопросы высокого предназначения литературы, происходящих в мире и в Беларуси в частности литературных процессов, укреплялись творческие связи.

В. Лукша активно интересовался жизнью других народов, богатством других культур. Большой цикл поэтических произведений посвятил поэт Ближнему Востоку, Италии, Китаю, Египту, Финляндии. Историческая деталь, оставшаяся в памяти после посещения того или иного города, страны, даже самая незначительная, но составляющая контекст эпохи, становится источником его поэтического осмысления. К примеру, во время посещения Финляндии предметом его внимания стало творчество известного композитора Яна Сибелиуса «Айкола» («Айкола») и основоположника современной финской литературы Олексиса Киви «В доме-музее Алексиса Киви» («У доме-музеі Алексіса Ківі»); в Италии – Римский Колизей, служивший амфитеатром для гладиаторских боев и других зрелищ «В Римском Колизее» («У Рымскім Калізеі»), и известный во всем мире миланский театр Ла Скала «Ла Скала» («Ля Скала»); в Египте – гигантские гробницы древнеегипетских фараонов, и в ча-

ВАЛЕНТИН ЛУКША

стности пирамиды Хеопса «Вечером у пирамиды Хеопса» («Вечарам ля піраміды Хеопса») и «Сфинкс в Гизе» («Сфінкс у Гізе»). В тех гробницах, как точно подмечает Валентин Лукша, не только сверкание золота великого фараона, что «*балюча хвошча па вачах*», но и:

*...Жыва бачны палюсы:
Адзін –
У золаце па глотку
Другі –
Па пяты ў рыззі¹⁸.*

Фараоны, империи, колонии рабов – все это временное. Есть одна лишь константа, вечная и неизменная:

*...У гэтай мітусні спрадвечнай,
Рамзес згадаў у вечным сне:
Народ,
Нібыта памяць, –
Вечны,
А фараон,
Як горка –
Не!¹⁹*

Несмотря на все перемены к лучшему, которые происходят в мире, нет-нет да и взорвется то в одном, то в другом уголке планеты страшная разрушительная война, которая на современном новоязе называется локальным конфликтом.

*...Я почырк пазнаю,
Іх намаганні
Сумленнае дарэшты затаптаць,
Нікчэмнасць сваіх хіжых парыванняў
Вяршыняў духу гулка абвяшчаць.
Навязваць людзям халадок сумнення,
Сумнення верыць,
Працаваць,
Любіць²⁰.*

Само собой разумеется, в этом случае писатель видит серьезные противоречия в мировом развитии и призывает людей не забывать уроки прошлого и, как поэт, в тревоге душой и сердцем за мир на земле.

Рассуждая о поэтическом мастерстве Валентина Лукши, вольно-неволью **вспоминаешь слова известного советского поэта М. Светлова, который сказал: «если человек написал хотя бы одну популярную песню, он может считать себя поэтом»**. А что же Валентин Лукша? Как можно рассуждать о его творчестве, если в содружестве с известными белорусскими композиторами В. Дорохиным, Л. Захлевым, А. Чиркуном им, как автором стихов, написано около шестидесяти песен, которые исполняются на всем постсоветском пространстве. И песенность эта – подчеркнем особо – идет от увлечения поэта фольклором, от того, что автор наполняет содержанием песен неисчерпаемым богатством устного народного творчества. А поэтому, из-под его пера выходят произведе-

¹⁸ Лукша, В. Агні далёкіх гарадоў: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1992. – С. 69.

¹⁹ Там же. – С. 72.

²⁰ Лукша, В. Покліч лёсу: выбр. творы у 2 т. / В. Лукша. – Мінск, 2007. – Кн. 1. – С. 202.

ния народные, по мотивам, языковому строю, современные по содержанию.

Первые строки в биографию поэта-песенника были вписаны на Первом Всесоюзном конкурсе советской песни, жюри тогда возглавлял Леонид Утесов, а исполнял песню «Стоят на рейде наши бригаантины» («Стаяць на рэйдзе нашы брыганціны») Виктор Вуячич. Автор слов – Валентин Лукша и автор музыки – Игорь Лученок тогда только делали первые шаги в творчестве. Тем не менее, дебют оказался весьма удачным – исполнитель песни Виктор Вуячич получил первый приз.

Без преувеличения скажем, что и сегодня эта песня – гимн романтиков, первопроходцев, путешественников. И при ее романтической возвышенности, неожиданно реалистически одухотворенная:

*Стаяць на рэйдзе нашы брыганціны,
Стаяць
і морам трызняць каравелы.
І сотні вёрст,
і сотні дзён прайсці нам,
Калі яны падымуць крылы белыя.
...Прыйшлі ў свае семнаццаць
да прычала,
Прыйшлі,
на іх глядзім маўкліва, строга.
І сто вятроў
са ста дарог крычала,
І клікала далёкая дарога²¹.*

Радует, что в «белые крылья песенной бригаантины» Валентина Лукши, как и раньше, дует только попутный ветер. Об этом свидетельствует и новый цикл, песен, написанный в содружестве с Игорем Лученком «Эхо» («Рэха»), «Песня рабочей юности» («Песня рабочага юнацтва»), «Комсомольский горнист» («Камсамольскі гарніст») и др., Д. Лукасом «Новополоцкая лирическая» («Новаполацкая лірычная»), «Песня о Полоцке» («Песня аб Полацку»), «Песня пионеров Нефтеграда» («Песня пінераў Нафтаграда»), Ф. Пыталевым «Брестская крепость» («Брэсцкая крэпасць»), «Живая память» («Жывая памяць»), «А мне жена сказала» («А мне жонка казала»), К. Тесаковым «Расцветай Беларусь» («Квітней, Беларусь»), «Беларусь моя» («Беларусь мая»), «Дорогая моя Беларусь» («Дарагая мая Беларусь»), «Вечерний Минск» («Вячэрні Мінск»), «Минская девичья» («Мінская дзявочая»), «Криничка» («Крынічка»), «Песня нарочанских артековцев» («Песня нарачанскіх артэкаўцаў»), В. Прохоровым «Молодость» («Маладосць»), «По настоящему жить» («Па сапраўднаму жыць»). Тесная творческая связь у поэта-песенника с Э. Носко, М. Петренко. Долгое время песня «Даугава–Двина» («Даугава–Дзвіна») исполнялась ансамблем «Песняры», которым руководил Владимир Мулявин.

В свое время по произведениям Валентина Лукши были поставлены радиоспектакль «Ветер века» (по одноименному роману И. Гурского), радио-опера «Багряный расцвет» («Барвовы золак») – версия по известной «Палескай хроніцы» Ивана Мележа, театральный спектакль «Ассоль» (по мотивам произведений А. Грина), музыкальный фильм (сценарий которого был написан автором совместно с Р. Бородулиным) «Беларусь моя синеокая» («Беларусь мая сінявокая»). Заметили композиторы и пьесу-сказку «Волшебный камень» («Чароўны камень»), драматические поэмы «Огонь и пепел» (посвященную

²¹ Лукша, В. Атава: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 1969. – С. 3–4.

герою гражданской войны, начдиву В. Азину) и «Подснежники для Веры» (о витебском периоде жизни и о смерти Героя Советского Союза В. Хоружей и другие драматические и лирические произведения автора.

Многие знают и любят поэзию Валентина Лукши, поскольку его стихи-размышления, стихи-впечатления предельно достоверно передают дух времени. В них и раздумья об истории Отечества, и влюбленность в Полоцкую землю, и природа Беларуси, и люди, с кем бок о бок трудился, встречался и еще один раз встретится, поскольку писатель опять в дороге, опять в пути.

*Калі пакліча лёс круты за дзверы...
...Дарога паплыве перада мной.
Яна мяне нястомнасці навучыць,
Яна мяне навучыць дабрыні,
Да таямніц нязведаных далучыць,
Да прагі вышыні і глыбіні.
Яна мне шмат раскажа і пакажа,
Па казачных краінах правядзе.
Калі сляпым не буду,
Безразважным,
Ад тых не адварнуся,
Хто ў бядзе²².*

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукша, В. Гароды нараджаюцца сёння / В. Лукша. – Мінск, 1964.
2. Лукша, В. Наша, полацкая прафесія: нарысы і аповяданні / В. Лукша. – Мінск, 1966.
3. Лукша, В. Рамантыкі шасцідзiesiąтых: нарысы / В. Лукша. – Мінск, 1967.
4. Лукша, В. Атава: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 1969.
5. Лукша, В. Дзесьць дарог да чароўнага: нарысы / В. Лукша. – Мінск, 1971.
6. Лукша, В. Аркестр: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1972.
7. Полацк: фотаальбом / тэкст В. Лукшы. – Мінск, 1973.
8. Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973.
9. Лукша, В. Зялёная бальніца: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1974.
10. Лукша, В. Лета круглы год: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1978.
11. Лукша, В. Белыя берагі: паэма-хроніка / В. Лукша. – Мінск, 1981.
12. Лукша, В. Крылаты цэх: вершы і казкі / В. Лукша. – Мінск, 1982.
13. Лукша, В. Радзімыя плямы: вершы і фельетоны / В. Лукша. – Мінск, 1982.
14. Лукша, В. Сляды памяці: вершы і паэмы / В. Лукша. – Мінск, 1985.
15. Лукша, В. Чароўны камент: вершы, казкі, паэмы, пераклады і пераказы / В. Лукша. – Мінск, 1987.
16. Лукша, В. Драматычныя паэмы / В. Лукша. – Мінск, 1989.
17. Лукша, В. Як ліса вучылася ляцаць: казкі, пераклады / В. Лукша. – Мінск, 1991.
18. Русецкі, А. Яшчэ стаяць на рэйдзе брыганціны / А. Русецкі // Беларуская думка. – 2000. – № 3.
19. Русецкий, А. Еще стоят на рейде бригантины: Штрихи к творческому портрету В. Лукши / А. Русецкий // Нёман. – 2007. – № 2.
20. Русецкі, А. Валянцін Лукша. 1937–2012 / А. Русецкі // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. – Мінск, 2015. – Т. 4, кн. 3. – С. 453–474.

²² Лукша, В. Покліч лёсу: выбр. творы у 2 т. / В. Лукша. – Мінск, 1997. – Кн. 2. – С. 3.

МИХАСЬ МАШАРА

Среди тех уроженцев Наддвинского края, кто творил в первые послевоенные десятилетия выделяется Михаил Антонович Машара (Михась Мишара), автор таких поэтических сборников, как «Белорусии» («Беларусі») (1944), «Через грозы» («Праз навальніцы») (1948), «Торжественность» («Урачыстасць») (1952). Первые книги не отались без внимания и читателей, и специалистов в литературной критике. Что же привлекало их внимание. Для сегодняшнего читателя отметим главные, на наш взгляд, их характеристики.

Во-первых, книги – это как бы подведение М. Машарой итогов поэтической жизни за 25 лет творческих поисков и достижений; в них включены стихи, написанные поэтом в Лукишской тюрьме, где он отбывал четырехлетнее заключение, произведения 1930-х годов, военные стихи и баллады, наконец, стихи, написанные за семь послевоенных лет. Перед читателями предстает поэтическая хроника человека, испытавшего сны о свободе в тюремной камере («Сон» («Сон») (1929)), неправду, что нельзя быть поэтом и *«словом разбіць нельга мур»* («Молодым» («Маладым») (1938)), уверенность в том, что и в Западной Белоруссии («Я хочу быть с тобой до конца» («Я хачу быць з табой да канца») (1935)) наступит счастливая жизнь.

Уже в Полоцке в первые тригические для родины дни поэт ощутит все ужасы Великой Отечественной войны. На его глазах немецкие самолеты превратили половину города в развалины. Отходя на восток, в Лиозно он отыскал редакцию газеты «Звезда» и стал ее сотрудником. Затем была работа в редакции газеты «Савецкая Беларусь», сначала в Казани, а затем в Москве. В начале 1943 г. М. Машару направляют на Калининский фронт. Писатели и журналисты с участием военных корреспондентов готовили листовки для партизан, выпускали иллюстрированную газету сатиры и юмора «Партизанское слово». В Минск М. Машара возвратился в июле 1944 года. *«Больно было смотреть на развалины родного города, – вспоминает поэт. Еще где-нибудь дымились свежие пепелища, пахло дымом. Но сердце билось радостно – мы дома. Все начинали по-новому. Налаживалась жизнь, своя – советская, добытая в больших мучениях, горе и крови»*¹.

В послевоенном сознании поэта твердо зафиксированы:

– **суровое лето 1941 года:**

*Мы адыходзілі на ўсход суро́ва,
За намі ў ноч жуда і сум паўзлі.
Мы пакідалі родныя прасторы,
Узрытыя снарадамі палі.
«Мы адыходзілі...»*

– **трагическая жизнь земляков при чудовищном фашистском «порядке»:**

*Па вуліцы за вёску,
Да ямы гатавай,
Штыкамі бандыты зганялі людзей.
І бедная маці пад дулам вінтовак
На смерць вяла любых
Маленькіх дзяцей.*

¹ Машара, М. Старонкі маёй біяграфіі / М. Машара // Пяцьдзесят чатыры дарогі. – Мінск, 1963. – С. 377.

*Буранам пажара змяталіся хаты,
Змяталіся з роднай зямлі Кушталі.
Успыхнулі залпаў яшчэ раз раскаты,
І сонца паблекла на свежай крыві...*

«Кушталі»

– **преданность советских людей беспощадной борьбе с врагом:**

*Зямлі... Клянуся не выпусціць зброі,
Бязлітасным быць у баю,
Пакуль вораг топча нагою
Савецкую
Нашу
Зямлю.*

*Не зломяць нас страты і гора,
Не зломіць ні здзек, ні разбой.
Мы ворага выкурим з нораў,
Як гада
Раздавім
Нагой.*

*Адпомсцім у некалькі столак
За кожную кроплю крыві,
За вёску, за горад, пасёлак,
За раны
На роднай зямлі.*

«Клятва партызана»

– **наконец, уверенность в том, что страна будет восстановлена:**

*Беларусь!
Дарагая краіна!
Ноч чужацкай няволі прайшла!
Мы цябе
Адбудуем з руінаў,
Каб яшчэ прыгажэйшай была.*

«Ноч прайшла»

Во-вторых, это гимн (кстати, один из первых в послевоенной белорусской поэзии. – А.Р., Ю.Р.) самоотверженному трудовому подвигу белорусского народа по восстановлению разрушенного военным лихолетьем народного хозяйства. Поэт видит, как возрождается Минск («...І АБАРОНЦЫ СТАЛІНГРАДА, І ШТУРМАВАЎШЫЯ БЕРЛІН – ПРАЦУЮЦЬ У ЦЭХАХ ТРАКТАРГРАДА, НА АЎТАБУДЗЕ ЛЯ МАШЫН») («3-е июля» («3-е ліпеня»)), как возводится первый в Белоруссии Скидельский сахарный завод («Шырока лягла пабудова, – да самых узлескаў сасновых мурамі ўзнялася ўгару. Тут першы завод свой цукровы будзе мая Беларусь»). При этом поэт стремится лично участвовать в восстановительном процессе, видеть все своими глазами, пропускать через свое сердце:

*Стаю, заварожаны звонам
Матораў, машын і станкоў:
То новы дзень працы разгонна
На пляц пабудовы ўзышоў.*

«На пабудове»

И, конечно же, не обходит стороной жизнь белорусской деревни. Выделяются стихи «Прошли годы...» («Прашлі гады...»), «Колхозная осень» («Калгасная восень»), «Весной на колхозном дворе» («Вясной на калгасным двары»), «На колхозном просторе» («На калгасным прасторы»), «Колхозное поле» («Калгаснае поле»), «Песня восстановления» («Песня аднаўлення»). Вот строки из некоторых из них:

*Стаю заварожаны
Руною зялёнай, –
Калгаснае поле
На роднай зямлі.
Не сохі-крывулі –
Маторныя коні
Пайшлі ўперагонку
Па чорнай раллі.
Жывём мы ў калгасе,
Жывём мы заможна...*

«Калгасная восень»

*У старшыні настрой натхнёны,
Зару сустрэў ён на двары.
Агледзеў сеялкі, бароны.
Пачуў, як у полі на загонах
Загутарылі трактары.*

*Даўно праверана насенне...
Не дачакае аграном,
Калі прыдзе той дзень вясенні,
Калі з пшаніцай і ячменем
Брыгада рушыць на загон.*

*...Бідоны з цёплым сырадоём
Даяркі з фермы прыняслі.
Ну, што на свеце ёсць такое,
З чым параўнаць я б мог вясною
Калгасны двор маёй зямлі.
«Вясной на калгасным двары»*

*Павілася трубамі жыта,
Лён сінім паркалем цвіце.
Штодня мы сям 'ёй працавітай
Выходзім у поле ўсе.*

*Аўсы, ячмяні прапалолі,
Пшаніца шуміць, як чарот, –
Да сонечнай радаснай долі
Ідзе пераможна народ.*

«Калгаснае поле»

В-третьих, поэты привлекают известные исторические места советской страны, которые не единожды в историческом развитии были объектом вражеских нападений и которые в борьбе с захватчиками вошли в историю как символы героизма и непокоренно-

МИХАСЬ МАШАРА

сти. Это Москва («Масква»), Гродно («Город над Неманом») («Горад над Нёманам»), Ялта («Ялта»), Минск («Мінск»), Витебск («Віцебск»), Вильно («Вільна»). В качестве примера приведем несколько строк из двух стихотворений – «Масква» и «Віцебск». И если первое насыщено гимновыми, эмоционально-возвышенными мотивами, то второе пронизано трагическими нотами. Но и то, и другое привлекают внимание читателя.

*Масква,
Радзімы стольны град!
Масква,
Чароўная мая!
Твае рубінавыя зоры
Гараць над светам, як маяк.
Стаіш скалою непарушнай
Над неабдымнаю зямлёй.
Вякі схіліліся прад мужнай
І гордай веліччу тваёй.
Ты помніш чорны час Батыя,
Твой гнеў адчуў Напалеон.
Не раз
Уставала ўся Расія
На бой
На твой
Трывожны звон...
Свяці ж, свяці,
Бо ўсе пуці
Вядуць сягодня да цябе
Усіх тых,
Хто хоча к шчасцю падысці,
Усіх тых,
Хто за свабоду бой вядзе.*

«Масква»

И строки из стихотворения «Віцебск», написанного М. Машарой в 1944 г. под воздействием лично увиденных руин и разрушений, оставшихся от города, в котором до Великой Отечественной войны проживало 170 тыс. человек.

*Калі гляджу гісторыі вачыма
У глыбіню і даль тваіх вякоў,
Я чую там змагання замець,
І пераможны гул,
І звон мячоў.
Ты многа вынес бед і гора,
Не раз напад варожы адбіваў,
Цябе змагчы не мог ніколі вораг,
І галавы ты гордай не схіляў.

...Ішлі гады...
Дзвіна каціла хвалі.
Цвіла зямля...
Шумеў задумаі бор.*

Мы шчасце наша самі будавалі,
Каб славу ўзняць
Радзімы аж да зор.
...Але арда, фашысцкая навала,
Накрыла чорнай хмараю цябе.
Пагасла сонца...
Ноч запанавала
На многа дзён у пакуце і бядзе.

Агонь сціраў муры тваіх кварталаў,
П'янелі каты ад крыт і слёз.
Начамі смерць на вуліцах гуляла,
Блукала жуць,
Што акупант прынёс.
І між руін
І мёртвых папяшчаў,
На плошчах, у скалечаных садах
Тваіх дзяцей,
Знявечаных фашыстам,
Віселі доўга трупы на пастрах.

Вялі разгул драпежных злачынцы,
Раслі наўкол магілы віцеблян.
Ды не змаглі цябе нічым чужынцы,
Ты стаў не раб,
А горад-партызан.

...О, Віцебск наш!
Наш мужны горад-воін!
Мінула ноч!
Мінулі смерць і жах.
Прывет табе!
І зноўку над табою
Агнём трапеча наш чырвоны сцяг.

Читатель найдет упоминание и о других местах, известных поэту с детских и юношеских лет, – Вилейка, Свенцяны, Поставы, Орша, Кричев, Беловежа, Браславщина, Нарач, Полесье, шарковщинские деревни Крушталы и Диково... Все они концентрируются, аккумулируются в стихотворении «Моя озерная страна» («Мая азёрная краіна») (1943), которое исследователи творчества М. Машары достаточно часто называют одним из лучших стихов в его поэзии военной и послевоенной поры:

Маю азёрную краіну
Кранула бурамі вясна,
І зноў ажыўшая надзіва
Шуміць у зелені яна.

А после бур дугой вясёлкі
Гараць, падпёршы неба строп,
І лезе сонца проста з горкі
У партызанскі наш аноп.

*І на світанні свежых раніц,
Пад званкі посвіст салаўя,
Выходзіць з лесу партызаніць
Уся Вілейшчына мая.*

*...На ўсіх узгорках між азёраў
Наш гнеў засадаю залёг,
І помста ходзіць у дазоры
На скрыжаванні ўсіх дарог.*

*...І ад Вілеі да Задзвіння
У барацьбе гарыць зямля,
Маю азёрную краіну
Кранула бурамі вясна.*

Лучшие произведения М. Машары, написанные им во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., составили поэтические сборники «От родных лугов» («Ад родных аселиц») (1959) и «Моя озерная страна» («Мая азёрная краіна») (1962). Последний* сборник стихов и поэм, **по словам народного поэта Белоруссии Н. Гилевича, свидетельствует о том, что в «своих по-народному простых и искренних стихах, поэмах, песнях он (М. Машара. – А.Р., Ю.Р.) восславил борьбу трудового народа за свободу и счастье, его мужество и героизм, раскрыл величие и красоту души советского человека, красиво и взволнованно опозитизировал красоту милой его сердцу родной белорусской земли»².**

Подтверждение этим искренним, открытым словам находим в книге стихотворений и поэм «Моя озерная страна», изданном к 60-летию М. Машары. И главное, о чем говорит автор, – это уважение к труду разных профессий – мелиоратора, матроса, тракториста, учителя, почтальона, мичуринца-садовода. Это стихотворения «Пришли сюда люди» («Прыйшлі сюды людзі») (1956), «На страже» («На варце») (1955), «Трактористы» («Трактарысты») (1955), «Учителю» («Настаўніку») (1960), «Почтальон» («Паштальён») (1960), «Земляку» («Земляку») (1961). Вот, к примеру, несколько строк из стихотворения «Земляку», посвященного знаменитому на Беларуси садоводу-самоучке Ивану Сикоре**.

*Пішу... і думкі йдуць не роўна.
У мінулае – адкрыць бы дзверы.
З табой, мічуринец чароўны,
Я ў хараство зямлі паверыў.
Ёсць сад там дзесьці – у Таболах,
Пасаджаны табой на памяць.
Ён мне і сёння вельмі дораг, –
Дамоў мяне заве і маніць.
Хоць знаю я – нам не вярнуцца
У дні мінулай маладосьці...
Таму і думкі, пэўна, рвуцца,
І сумнавата неяк штосьці...*

Мягкими, лирическими тонами, но совершенно откровенно, признательно **поэт размышляет, рисует картину личных чувств и мыслей в стихотворении «Цветы**

* Со второй половины 1960-х годов М. Машара обратился к искусству прозы.

² Гилевич, Н. Паэзія Міхася Машары / Н. Гилевич // М. Машара. Урачыстасць. – Мінск, 1962. – С. 8.

** В настоящее время в д. Таболы Шарковщинского района открыт музей Ивана Сикоры, в котором хранятся и несколько писем М. Машары, адресованных земляку.

осени» («Кветкі восені»), пронизанном искренним человеческим чувством, большой любовью к жизни и людям (Н. Гилевич):

Пад акном бялеюць кветкі,
Кветкі восені маёй...
Адшумела звонка лета,
Праляцела над зямлёй.

...:Нібы ў вырай пльвуць думы
З жураўлямі ўгары.
І чамусь зусім не сумна,
Што завуць мяне старым.

Неспакойна праляцела
Лета ластаўкай маёй.
І не кветкаю квітнела
Наша ў росквіце жыццё.

...І не сумна мне, паверце,
Мае кветкі пад акном,
Што завуць парою дзеці
Мяне дзедам Міхасём.

Зато как резко, предупредительно звучит голос поэта, когда он обращается к организаторам «похода на коммунизм» в стихотворении «Игра с огнем – не шутка, господа» («Гульня з агнём – не жарты, панове») (1961):

Не страшце нас, паны, разбоем
І воўчым лямантам-выццём,
Не бразгайце дарэмна зброяй, –
Не павярнуць назад жыццё.

Нам трэба мір...
Мы любім працу,
Мы шлём у космас караблі.
Будуем светлыя палацы
Для ўсіх працоўных на зямлі.

Вас душыць зайздрасць...
Зноў прыгожа
Жыццё расквечана ў нас,
І не баімся мы пагрозы,
Якая вее з вашых баз...

...Гульня з агнём – не жарт, панове,
Вам не знайсці надзейных схой
У эпоху ядзернае зброі,
У час касмічных караблёў.

Привлекают поэта родные просторы, березовые рощи, голубые озера. В пейзажных зарисовках, раскрывающих богатую многообразную жизнь природы, поэт стремится более полно и ярко выявить духовное состояние своего лирического героя, раскрыть его восторженность красотой происходящего вокруг. И его личное отношение не созерцательное; он

МИХАСЬ МАШАРА

видит и весеннюю капель, и утренние заморозки, представляя себя частью этой природы-труженицы («*І вясёлы, і бадзёры я веснім раннем не адзін*»). В результате стихотворение становится динамичным, строка – экспрессивной, слово – эмоционально деятельным.

*Сонца устала рана, рана...
Промні прыснулі на шыбы.
Вецер пырхнуў над парканам
І схаваўся за сялібы.*

*Ямкі-лужыны ўночы
Зацягнула шклістым лёдам,
Адбірае бяскам вочы
Ўся аселица за бродам...*

«Напрадвесні»

*Капеж зіме хвіліны лічаць,
Атрэслі снег цяжкі лясы.
І на зямлі сівым абліччам –
Адбітак весняе красы.
Таму і дзень такі прыгожы,
Прадвесні першы ясны дзень.
Ён не на жарт зіму ўстрывожыў:
За ім ўслед вясна ідзе...*

«Капяжы»

*Па-над вуліцай калгаснаю
Пах таполі разлілі.
Дзень усмешкай сонца яснаю
Расцвітае на зямлі.*

*Над разлогамі квяцістымі
Зазвінеў пчаліны рой.
Неба сіняе і чыстае,
Нібы вымыта вясной.*

*...На лугах за касагорамі
Росы, здэцца, аж звіняць,
І бярозы стан не сорамна,
Як каханую, абняць.*

«Вясна»

В сборнике «Моя озерная страна» более чем в других ощущается влияние народного поэтического творчества – на его основе написаны сказки «Кукушкины слезы» («Зязюльчыны слёзы»), «Зеленушка и Кракатушка» («Зелянушка і кракатушка»), баллады «Богатырь» («Асілак»), «Святой слуга святого неба» («Святы слуга святога неба»), поэма «Почему дрожит осина» («Чаму дрыжыць асіна»).

Общение с фольклором у М. Машары началось давно – еще в западнобелорусском периоде творчества. Но только в названных произведениях «дружба» с устным народным творчеством проявилась через оценку человеческих действий и поступков, стремление понять народное поэтическое мироощущение и смысл существования человека, оформить на этой основе древние народные мотивы в приемлемую для современника сказоч-

но-стихотворную форму. Предание о том, как жадная сестра, не подав голодному брату кусок хлеба, превратилась в кукушку, не умеющую воспитывать детей («Птушкі іншыя ў лесе кормяць дзетачак ёй, а яна з сваёй песняй носіць сум над зямлёй») превращается в сказку «Зязюльчыны слёзы»; народная молва о богатыре-заступнике становится балладой «Богатырь» («Жыве асілак і дагэтуль, і кліч яго чуваць, як звон. І пакуль свеціць сонца свету, паміж людзьмі жыць будзе ён»). Созвучная лермонтовскому «Боярину Орше», поэма «Почему дрожит осина» доносит до читателя трагедию любви белоруса Андрея и литовки Соломеи:

*Ён (отец Соломеи – А.Р., Ю.Р.) зверам рынуў на Андрэя,
Зазяў тапор над галавой,
Але раптоўна Саламея
Закрыла любага сабой.*

*Настала жудасці хвіліна,
Аж скалыхнуўся стары бор.
Галоўку русую дзяўчыны
Рассек тут бацькаўскі тапор.
За вернасць шчырую Андрэю
Жыццё дзяўчына аддала.
А кроў жывая Саламеі
Лісцё асіны заліла.*

*Асіна буйна зашумела
Ад жаху страшнай смерці той,
І дробна лісцейка дрыжэла,
Надоўга страціўшы спакой.
Гэта было даўно, калісьці...
Але без ветру і цяпер
Дрыжаць асіны дробна лісце,
Як Саламеі ўспомніць смерць.*

Воспринятое с детства народное творчество стало неисчерпаемым родником, обогатившим поэтическое слово М. Машары, его экспрессивные возможности. Познание национальной поэтической традиции и самобытных элементов духовного наследия позволили поэту воссоздать исторические и бытовые предания народов в соответствии с его эстетическим идеалом.

Чуть выше мы привели высказывания Н. Гилевича о поэтическом творчестве М. Машары. Думается, что эти оценки правдивые и объективные.

Такой вот он, Михась Машара, в своем послевоенном поэтическом измерении. Правда, ради справедливости и объективности необходимо отметить два следующих момента, которые, на наш взгляд, снижают художественную ценность поэтики нашего земляка. **ПЕРВЫЙ:** кажется, что во многих произведениях заметны рецидивы творческой болезни середины 1930-х гг.: поэт, на словах заявляя о неотрывности своей судьбы от судьбы народа, на деле «съезжал» на позицию созерцателя событий, который видел, констатировал беды и лишения западных белорусов, но не находил внутренней силы для борьбы с ними и которому хотелось бы «узыці на шлях другі», «здабыць жыцця правы», а вместо активной позиции – «красе толькі б маліцца». **ВТОРОЙ:** некое чрезмерное возвеличивание роли «великого вождя» в общенародных делах. У М. Машары Сталин и «любимый», и «солнышко родимое», и «родной наш», и «великий», и «славный», и «мудрый», и... Вообще, найдется

МИХАСЬ МАШАРА

не так много хвалебных эпитетов, которые не соотносились бы поэтом с именем Сталина. Конечно, во времена Жданова (секретарь ЦК ВКП(б), определявший идеологию советского общества в послевоенное время. – *А.Р., Ю.Р.*) восхваление вождя для художественной интеллигенции было делом определяющим. Но ведь из химии известно: перенасыщение раствора ведет к снижению его качества.

Так произошло и с нашим земляком: почти в половине стихотворений, написанных в 1941–1945 гг., упоминается имя Сталина (с необходимостью и без нее). Искусственно подогнанные строки в таком случае, выглядят достаточно часто как заборчик, который необходимо снять, чтобы включиться в открытость и доверительность строки, ощутить ее значимость и привлекательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Машара, М. Беларусі / М. Машара. – Мінск, 1944.
2. Машара, М. Выбраная лірыка / М. Машара. – Мінск, 1945.
3. Машара, М. Праз навальніцы / М. Машара. – Мінск, 1948.
4. Машара, М. Урачыстасць / М. Машара. – Мінск, 1952.
5. Машара, М. Выбраныя / М. Машара. – Мінск, 1958.
6. Машара, М. Ад родных лугоў / М. Машара. – Мінск, 1959.
7. Машара, М. Мая азёрная краіна / М. Машара. – Мінск, 1962.

СЕРГЕЙ ПАНИЗНИК

С 1960 г. на страницах республиканских газет и журналов, в коллективных поэтических сборниках стали появляться стихи, статьи, рецензии совсем молодого парня из Миорщины Сергея Степановича Панизника (первое его стихотворение «Фестивальный праздник» – («Фестывальнае свята») было напечатано в Миорской районной газете «Зара камунізму» в 1959 г.). Мало кто предполагал, что на Витебщине всходит новая поэтическая звезда, но все последующее становление и развитие поэтики С. Панизника, дали достаточное тому подтверждение.

Сергей Панизник (иногда печатался под псевдонимом С. Папар, Сергей Папар) родился 10 мая 1942 года в д. Бобышки Миорского района в крестьянской семье (к нашему времени она исчезла с географической карты). Окончил Левонпольскую среднюю школу в 1959; три года учился на фельдшерском отделении Могилевского медицинского училища, после окончания которого служил фельдшером дивизиона в одной из частей Белорусского военного округа. В 1963 г. поступил на факультет журналистики и стал культорганизатором Львовского высшего военно-политического училища. В годы учебы был активным участником «белорусского землячества», объединения начинающих авторов, которое было создано во Львовском государственном университета имени И. Франко. С 1967 г. по 1976 г. постигал азы армейской жизни в разных должностях военного журналиста (служил в Центральной группе советских войск в Чехословакии, Белоруссии).

После увольнения из Советской Армии жил в Минске, работал редактором газеты «Вечерний Минск», редактором Гостелерадио БССР, ведущим редактором издательства «Юнацтва». С 1992 г. работал в Национальном научно-просветительском центре Ф. Скорины, исследовал белорусско-латышские и белорусско-чешские культурные связи. Несколько лет возглавлял республиканское общество «Белоруссия–Чехия» и «Белоруссия–Латвия».

Говоря о «звездности» С Панизника, мы ничуть не ошиблись: в **1967 г.** из печати выйдет первая поэтическая книга «Костры Купалья» («Кастры Купалля»); в **1972 г.** – поэтический сборник «Полевая почта» («Палаявая пошта»); в **1975 г.** – книга лирики «Крона надежды» («Крона надзеі»); в **1979 г.** – книга стихотворений «Чело и век» («Чало і век»); в **1980 г.** – в библиотеке газеты «Голас Радзімы» вышел сборник документальной прозы «После огненных деревень...» («Пасля вогненных вёсак...»); в **1982 г.** – книга лирики «Слово для встречи» («Слова на добрыдзень»); в **1984 г.** – книга стихов «Материк» («Мацярык»); в **1986 г.** – стихотворная книга «Житень» («Жыцень»); в **1989 г.** – книга стихов «Весло» («Стырно»).

В 1985 г. – читатели «Братского партизанского края»^{*} познакомились с первой попыткой С. Панизника в освоении прозаического жанра – была опубликована документальная повесть «Бронислава» («Браніслава»).

В 1980-е годы С. Панизник издает две книги для детей младшего и среднего школьного возраста: это стихотворная книга «Откуда радуга пьет воду» («Адкуль вясёлка п'е ваду») (1981) и «Мы – грамотеи!: стихи-улыбки»; стихи-потешки; прибабульки; скороговорки» («Мы – грамацеі!: вершы-ўсмешкі; вершы-пацешкі; прыбабулькі; скорогаворкі») (1989).

^{*} Братский партизанский край находился на северо-западе Советской Белоруссии и включал в себя Россонский, Освейский, Дриссенский (сейчас два последних составляют Верхнедвинский район), большую часть Полоцкого района в Белоруссии. Себежский и Идрицкий районы РСФСР, прилегающие районы Латвии. Общая площадь края составила около 10 тыс. кв. км, на этой территории проживало более 100 тыс. человек. На охране его рубежей стояло 15 тыс. партизан.

А еще была большая работа по составлению и подготовке к изданию таких весьма заметных в белорусском книгоиздании книг, как двухтомная антология «Латышская советская поэзия» («Латышская савецкая паэзія») (1984), сборник «Песня Даугавы» («Песня Даўгавы») (1986), «Дайны: латышские народные песни» («Дайны: латышскія народныя песні») (1987), сборник избранных произведений М. Богдановича (на русском языке), сборник стихотворений белорусских поэтов для детей среднего и старшего возраста «Свободой озарится свет» («Воляй азорыцца свет»), книга исторических произведений «Отечество» («Бацькаўшчына»), книга стихов, рассказов и сказок для детей – «Парус». – Писатели народов СССР и зарубежных стран детям» («Ветразь». – Письменники народаў СССР і замежных краін – дзецям»), замечательная книга «Подорожная книжка Скоринны» («Падарожная кніжка Скарыны»), посвященная 500-летию со дня рождения великого Гуманиста.

С интересом воспринимались переводы С. Панизника с латышского, литовского, украинского, чешского языков. В свою очередь, произведения С. Панизника переводились на русский, украинский, латышский языки.

* * *

На одной из встреч с читателями уже известный любителям поэзии С. Панизник неожиданно вспомнил слова матери: *«Трэба з людзьмі жыць так, каб заўсёды заставалася слова на дабрыдзень... Гэта значыць, каб кожная сустрэча была шчырай і цікавай, каб кожны чалавек клапаціўся аб росквіце Радзімы»*. Изучение написанного С. Панизником почти за четверть века творческой деятельности (вспомним, что его первая поэтическая книга была издана в 1967 г.), его лирических произведений, книг для детей, прозы, публицистических статей показывает, что слова-напутствия матери стали для С. Панизника главным, определяющим принципом его литературного мастерства – каждая встреча с читателем была искренней, откровенной и интересной, приглашая его к постижению Прекрасного и Доброго. Читая стихотворение за стихотворением, начинаешь понимать, что, несмотря на тематическое многообразие поэтики, перед тобой не разрозненные стихи и книги, а размещенные во времени части одной большой поэмы, наполненной и обогащенной гармонией слова и мысли, поэтическим и песенным народным творчеством, этнографическими элементами*. При этом народное устно-поэтическое наследие и этнография не калькируется, не повторяется, а используется в самых разных ипостасях – тематических, образных, композиционных. Наиболее яркое выражение, подобная диалектика, находит в образе Родины, в безграничной любви к родному краю, его природным красотам, богатой драматическими и трагическими событиями более чем тысячелетней истории. Высокороднейшее чувство любви к родной белорусской земле закрепляется в романтизации самого образа Беларуси. Уже в первом поэтическом сборнике «Костры Купалья» читаем такие строки: *«На Беларусі сінеюць азёры, над Беларуссю – сінія зоры. Вечар агністы, у паўнеба світанне. Тут з маёй доляй вячыстай спатканне. Над Беларуссю – сярэбраны ветах, і Беларусь мая – папараць-кветка»*.

Пожалуй, ни у одного автора – уроженца Витебщины, мы не найдем такого глубокого художественного осмысления и образного выражения принципов народного общежития, сложившегося в небольших городах, местечках, маленьких деревнях и закрепленных в местной народной традиции и устном поэтическом творчестве. Миорско-Верхнедвинско-Освейский край – это не просто запомнившиеся с детства и постоянно

* С. Панизник был активным собирателем (как никто больше из белорусских писателей) и обработчиком национального духовного наследия.

притягивающие к себе поэта места, это еще и сыновняя дань памяти и погибшим и тем, кто выжил здесь в суровые годы Великой Отечественной войны. Поэтому практически в каждом поэтическом сборнике есть произведения, пронизанные чувством памяти о героике жизни людей этого неповторимого края. Назовем лишь несколько стихотворений, на наш взгляд, в самой открытой, самой эмоциональной форме, раскрывающих душевное состояние поэта, стремящегося в родные места. «Речушка, ручеек и мостик...» («Рачулка, ручаіна і масток...»), «Гармония» («Гармонія»), «Музыка вечера» («Музыка вечара»), (сборник **«Материк»**), «Обратный путь» («Вяртальны шлях»), «Дорога сына» («Сцежка сына»), (сборник **«Чело и век»**), «Туга ржи» («Журбота жыта»), «Леонполь» («Лявонполь») (сборник **«Стырно»**)*. Вот, к примеру, несколько строк из стихотворения «Возвратный путь» («Вяртальны шлях»):

*Я тым шчаслівы,
што любоў-заблуду
праз межы і праз ростані пранёс,
ніхто ў мяне ў дарозе не застрашыў
вяртальныя шляхі свае любіць:
бо так хацеў
азёраў, рэчак нашых
у кожным вершы берагі глыбіць
і не забыць
(а мог жа вырай дальні)
пароль: «Радзіма, я – Вяртальны»¹.*

И ведет путь поэта не просто на широкое Придвинье, к местам босоногого детства, на свой «материк» – деревням, урочищам Леонполь, Заборка, Бобышки, Гороховка, Леонново поле, Еловый ток, маленьким речушкам Миорице, Волте, но и к местам, оставшимся в юношеской исторической памяти – Миоры, Дисна, Верхнедвинск, Освея. А рядом с малой родиной «родоводный наш берег» – древний Полоцк с его богатыми историческими традициями, его легендарно-героическими образами-героями. Вот, они подтверждения: Седьмой абзац лирического повествования «На незаколдованной земле» («На несурочанай зямлі»):

*А ты, Прадслава, асвяціла
не толькі палачанскі край.
І калі б быў у бога рай –
Па ім, напэўна, ты б хадзіла.
...Стагоддзяў замірае мова
ля гулкіх помнікаў такіх².*
«Ля Полацкіх фрэсак»

*...Не дазволіць сёння Век Вялікі
Забыцця, пагарды ці маны...
Залатыя купалы Сафійкі
Не пацьмянуць у вачах Дзвіны³.*
«З глыбіні вякоў»

* По С. Панізнику – «стырно» («стырна») – игра слов. В переводе с латышского – «косуля».

¹ Панізнік, С. Мацярык / С. Панізнік. – Мінск, 1985. – С. 7.

² Панізнік, С. Чало і век / С. Панізнік. – Мінск, 1979. С. 38.

³ Там же. – С. 45.

*Ведаў Скарына летаніс
нашага роднага Полацка.
Веру яго завету:
Кнігі і ласка – помняцца!⁴*

*З-пад сонечных вежаў Полацка
попел стагоддзяў спадае –
на брук на сляды Скарыны,
на нашу змагарную памяць
«Спачуванне і справядлівасць»...
Якімі святымі маглі быць
гэтыя словы⁵».*

И в сборнике «Стырно» – последней поэтической книге в белорусской советской литературе – С. Панізник напишет:

*...І не Андрэя** конніцу
напоіць памяць Полацка, –
а тых, хто будзе жыць,
чый конь не раскупоніцца...
І Беларусь – нястомніцай! –
пачне вякам служыць
...Паклон палону Полацка.
Іду цяпер не вобмацкам,
А замак? Памянём,
Хто помніць, той і помніцца.
Радзіма – гэта Поўніца,
палітая агнём⁶.*

Поэтические сборники С. Панізника пронизаны памятью о великих песнях Белоруссии, уважением и почитанием, пониманием роли и значения их жизнедеятельности для формирования национального самосознания и становления белорусской советской литературы. «... ім Радзіма давала імя, іх праводзіла, сустрэкала. І нічога больш, акрамя светлай памяці не давала».

У С. Панізника такое обращение, на наш взгляд, выглядит как стержневая линия его поэтики, как постоянная потребность сверять свои мысли, чувства, свое творческое кредо с поэтическим мастерством Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, других известных авторов. А потому читателю системно и последовательно предлагаются произведения так или иначе связанные с житнетворчеством белорусских классиков. К примеру, в книге стихов «Чело и век» – это обращение к Вязынке («В Вязынке» («У Вязынцы»)): «Спавязала Вязынка пагоркі, каласіцца цішыня... І пачуем: лета закувала з гарадзішча даўняга, з гарбоў: трапяткой жалейкаю Купала абуджае светлую любоў...»), размышления над встречей Я. Коласа и Я. Купалы («Встреча Коласа и Купалы» («Сустрэча Коласа і Купалы»)): «Два дзецюкі пад страхой саламянаю на лавы за шырокім сталом паселі»; и посвящение дядюшке Юзику, брату Коласа («Миколаевщина» («Мікалаеўшчына»)): «Так

⁴ Панізник, С. Мацярык / С. Панізник. – Мінск, 1985. – С. 21.

⁵ Там же. – С. 24–25.

* Гуманные лозунги панской инквизиции, которые должны быть «привиты» и на белорусской земле.

** В 1386 г. Полоцкий князь Андрей Полоцкий во время междоусобной войны сжег замок летописного города Дрисса (Одрысь).

⁶ Панізник, С. Стырно / С. Панізник. – Мінск, 1989. – С. 95–96.

было нялёгка ў дарозе, о радзіма, для твайго ганца: берагчы, як слова, завет; прылучаць да слова новы свет (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), – каб радзімы каласіўся колас») в книге «Материк» – это связка из шести стихотворений («Денница Купалы» («Дзянніца Купалы»)): «Тут вершамі быў заселены бераг геаграфічны. А мы табою засеяны, Іван Дамінікавіч. ...Духам зямлі настоена песня не занябалая... З якой бы жылі мы долю, калі б не было Купалавай?», воспоминания о Королищевичах («Королищевичи» («Каралішчавічы»)): «Тут, за мяжою горада, ходзяць грыбы па глінішчы. Дзядзькі Якуба лагода – Каралішчавічы»; в книге «Весло» – снова размышления о купаловской «Вязынке» («Вязынка. Июль» («Вязынка. Ліпень»)): «Дзіця паўторыць словы маці – і менавіта наша не прапала! І каб душа не заскарузла – вандруе ён з утомным грузам: на свеце цяжка быць Купалам – паэтам, сынам, беларусам»).

Купало-колосовскую летопись С. Панизник дополняет посвящениями другим белорусским знаменитостям – **Пимену Панченко** («Над книгой П. Панченко» («Над кнігай П. Панчанкі»)), **Василию Быкову** («В Гродно» («У Гародні»)), **Петрусю Бровке** («Поэт Красной Полочкины» («Паэт Чырвонай Полаччыны»)), **Владимиру Короткевичу** («Дида времени» («Дзіда часу»)), **Владимиру Дубовке** («Владимир Дубовка» («Уладзімір Дубоўка»)). Теплые слова нашлись у С. Панизника и для Микола Гусовского, Павлюка Багрима, Винцента Дунина-Мартинкевича, Матея Бурачка, Кастуся Калиновского, Сергея Полуяна, Кириллы Туровского и Зоськи Верес, самобытному художнику-земляку Язепу Дроздовичу, певице Марии Пархоменко, художнику Василию Телешу, композитору Людмиле Шлег и другим авторам. Заметим, что стихотворения-посвящения С. Панизником адресованы не только деятелям художественной культуры. Есть все основания утверждать, что это направление в поэтике С. Панизника является одним из важных. Особенно показательным в этом плане является его поэтический сборник «Весло». Здесь читатель найдет строки, посвященные солдату-земляку Андриану Кисляку, уроженцу Миорской деревни Бобышки, мобилизованному в Советскую Армию в 1944 г. (После освобождения Белоруссии от оккупантов. – А.Р., Ю.Р.) и закончившем войну на земле Чехословакии («Волочобник» («Валачобнік»)), воину-интернационалисту, уроженцу Миорского Леонполя **Анатолию Морозу**, погибшему в 1936 г. при защите Мадрида во время войны в республиканской Испании («За свободу» («Па волю»)), участнику движения Сопротивления во Франции, члену Политбюро ЦК Польской рабочей партии, уроженцу тех же Бобышек **Александру Панизнику** («Француз» («Француз»)), бывшему бойцу Россонской партизанской бригады имени Сталина, заслуженному учителю БССР **Павлу Мартинято**, долгое время после войны работавшего в школах Миорского района («Идет урок» («Ідзе ўрок»)), уроженцу Миорского хутора Дубовое, участнику Сталинградской битвы **Виктору Панизнику** («Дядюшка Виктор из хутора Дубовое» («Дзядзюшка Віктар з хутара Дубавое»)), матери девочки насильственно вывезенной из концлагеря Саласпилс в Германию, а затем переправленной в США и заявившей о себе только в 1960 г., уроженце Россонской деревни Клястицы **Анне Деменценок** («Полнеба надежды» («Паўнеба надзеі»)). А еще в поэтическом сборнике «Материк» стихи были посвящены узникам концлагеря Саласпилс Юзефе Кадаш, прошедшей и сам Саласпилс, и Майданек, и Равенсбрюк («Освея» («Асвея»)), и бывшей узнице Саласпилса, спасенной рижанкой Л. Зиедыньш **Тамаре Шутко** («Границы сердца» («Рубяжы сэрца»)). Есть посвящения сестре Нине, можно прочитать и другие строки. История по сути, стала для С. Панизника и основой, и методом в его творческих поисках. Привлекает то, что для стихотворных посвящений у С. Панизника находятся самые проникновенные, самые душевные слова, связывающие воедино отношения между человеком и его родиной и позволяющие видеть не только поэтическое мастерство, но и понять мировоззренческую позицию, ощутить сложность и противоречивость складыв-

СЕРГЕЙ ПАНИЗНИК

вающейся новой духовно-нравственной атмосферы, которая во второй половине 1980-х годов перед каждым автором открывала неожиданно новые темы и предлагала ему определить свое место в ситуации, открывающей широкий поэтический простор для утверждения в каждом человеке исторического и национального «я».

В 1980-е годы в творчестве С. Панизника находят подтверждение сформулированные им самим же творческие требования. По Панизнику, поэт становится явлением искусства, если он *«нясе на сабе адметны адбітак самабытнасці, харошай творчай сканцэнтраванасці, гэта значыць мае не толькі над сабой, але і ў сабе трывалую аснову, той асяродак, на якім трымаецца аўтарская задума, што з'яўляецца вытокаў унутранага руху яго думкі»*⁷. Для поэта становится очевидным, что только привязанность к родной земле, преданность тем из лучших страниц её прошлого, закладывавших и формировавших сегодняшней день, неразрывная связь родительского и сыновнего, личного и общественного, может стать невидимой, но связующей нитью, которая позволяет превратить отдельные стихи в тот живой организм, именуемый книгой. И в такой книге, на наш взгляд, всегда будет место таким строкам:

*...Неба Асвеі
ніхто не акляў,
і за святую мне –
цётухна з Росіцы.
Слаўная доля ў народа,
калі,
як у малітву,
прызнанні ўсе просяцца.
Голаў схіляю
да самай зямлі –
да вугалінак
адроджанай Росіцы»*⁸.

«Асвея»

*...Мястэчка Лявонпаль.
Пад зоркай –
радамі – імёны салдат.
І кожнаму школьніку горка:
так многа кароценькіх дат.*

*На Дзень Перамогі акрайцам
частуюць тут памяць вайны.
І толькі магілы «іспанца»
няма ля вясенняй Дзвіны.*

* * *

*Змяняюцца пазіцыі, сімпатыі...
За мір Еўропа галасуе дружна.
Што на крыві – нязменна, непарушна.
Свабода – кроў: адно другога вартыя.
Бяспамяцтва і памяць – сілы ўпартыя.*

⁷ Віцебскі рабочы. – 1982. – 12 жн.

⁸ Панизник, С. Мацярык / С. Панизник. – Мінск, 1985. – С. 10.

*І школьнік прачытаць яшчэ павінен:
«Мароз А.М. Вярнуўся на Прадзвінне.
Баец Камуністычнай партыі»⁹.*

«На волю»

*...Знай: толькі спадчына душы
аберагае ад іржы
тваю зямлю і твой народ.
Зямля снягоў, вясна ільдзін.
Зямля бароў. Зямля дарог.
Ад'едзем... Толькі ён адзін
зноў упіраецца ў парог.
Дзе сілы ўзяць зямлю трымаць
яму,
мне
і табе?
Няхай хмурынкі на ілбе
сканала не крычаць:
Радзіму можна зноў пачаць
са Слова. А яго пячаць –
на дзядзькавым гарбе¹⁰.*

«Дзядзька Віктар з хутара Дубовае»

...Пад Асвейскай трагедыяй зрушаны
нетры Памяці.
Не вярнуць
дзетак спаленых і задушаных,
і прададзеных, і растружчаных...
Столькі лёсаў тут перакручана...
Не разгледзець, не прыгарнуць.*

*...Сакавік: то адліга, то замаразь.
А вясна – падымала раку...
...Паўстаюць успаміны, як запаведзь:
«Гэта было ў сакавіку...»
Дні Асвейскай трагедыі звераны.
Непакорнымі мы былі!
А бяспамяцтва выклятым зверам
так і ходзіць яшчэ па зямлі.
Прыглядайцеся, людзі харошыя,
і найперш да сябе, да сябе».¹¹*

«Здольшчына»

⁹ Панізінік, С. Стырно / С. Панізінік. – Мінск, С. 109–110.

¹⁰ Там же. – С. – 117.

* В публицистической статье «Освейская трагедия» писатель Алексей Толстой заявил: «В страшную пустыню превратился этот красивый уголок земли белорусской. В нем нельзя узнать бывший чудесный озерный край, щедрый и богатый. Все, что долгие годы создавали здесь освейские колхозники, погибло под тяжелым сапогом немецких карателей-окупантов».

¹¹ Панізінік, С. Стырно / С. Панізінік. – Мінск, 1989. – С. 120–121.

СЕРГЕЙ ПАНИЗНИК

В обращении к прошлому поэт ищет истоки происходящего, нового, перестроечного общества; соединяя воедино и далёкое и недалёкое прошлое с событиями, захватившими общественное и художественное сознание второй половины 1980 годов, поэт стремится к глубокому осмыслению собственных переживаний, усиливает аналитическое и публицистическое начало в поэтических исканиях (одно из стихотворений так и называется «Перестройка» («Перабудова»)), остро чувствует свою ответственность за тревоги и заботы современников, оказавшегося в непривычно-неожиданных условиях смятения в умах и мировоззрении. Стихи С. Панизника – не просто фиксация происходящих в обществе событий, это достаточно сложный и трудный процесс, в котором постепенно и будто бы незаметно стирается черта между человеческим сознанием и действительностью, и в результате динамичная и противоречивая картина реальной жизни становится мотивом к духовному развитию личности. «Сохраненное – не оставляйте – и творческая позиция, и духовность, и пафосность:

*...Каб ні зласліўцы, ні плеткары
у словы
не падлівалі ачмурэлы яд,
каб светлыя, харобрыя галовы
вялі вас за нязнаны далягляд.
Хай сціхне пыха,
і хай скісне брага,
а подласць вашых не кране
граніц!
Бо можна жыць адною
толькі прагай –
да чысціні нязрушаных
крыніц¹².*

И все же, несмотря на широкое использование и осмысление общественно-значимых проблем, темы Отечества, малой родины, их богатой истории, С. Панизник – поэт-лирик. Его поэзия мягкая, тонкая, успокаивающая, без философской заумности. Философские мысли предлагаются читателю не в форме сентенций и надуманных (и чаще всего уже известных!) построений, а вытекают из сущности описываемых поэтом событий и явлений. Как, к примеру, в стихотворении «Давайте разведем сосновый бор!» («Давайце развядзём сасновы бор!»), в котором видны раскованность мысли поэта, широта его мировосприятия, глубина постижения жизненных реалий. Приведем его полностью:

*Давайце развядзём сасновы
бор!
Нічога,
што пясчаная зямля, –
хай сосны сокі дастаюць з
глыбінь.
І тут аселяцца чабор і верас,
а сосны падрасуць –
баравікі
укленчуць у малітве лесавой.*

¹² Панізінік, С. Слова на дабрыдзень. Лірыка / С. Панізінік. – Мінск, 1982. – С. 47.

Па-свойму
кожны будзе ўслаўляць
той край,
што даў ім сілу
і нязломнасць.
Бо вечная карміцелька-зямя
гадуе іх і корміць з
малалецтва...
Давайце развядзём сасновы
бор!

А вот как читаются, на наш взгляд, пронизанные и любовью к родным местам, и глубоко-личностным проявлением чувств, и простым видением, казалось бы, привычных, повседневных явлений стихотворения «Праздник яблук» («Свята яблыкаў»):

Дзень свята яблыкаў – прыкмета,
што хіліцца да долу лета.
У спеласці і на дазволе
вісяць сакоўныя плады.
Вясёлы вецер на прыволлі
гайдае сад сюды-туды.
Час вольнавейны, час бязмежжа,
маліннік нам, што Белавежа,
і плот – глухою абаронай...
Хрумсціць наліў, і светлы сок
на грудзі капнуў, на пясок –
і ў жніўня падае карона.

и стихотворение «Черемуховые холода» («Чаромхавыя халады»):

Зноў зорка свіціцца-дрыжыць.
У золкай смуге – гарады...
Іду памагчы перажыць
чаромхавыя
халады.
Для зёлак, для птушак, для нас –
як рэха далёкай бяды –
прыходзяць заўсёды не ў час
чаромхавыя
халады.
І сонца нявыспелы круг
баіцца туманнай слаты...
Але нас не выстудзяць, друг,
чаромхавыя
халады.
З табой цеплыню зберажом –
і зноў усміхнуцца сады,
і некалі ўспомніць наш дом
чаромхавыя
халады.

Содержательной и интересной, наполненной натуральностью интонаций выглядит любовная лирика поэта. В каждом из поэтических сборников читателю предлагаются произведения, которым присущи искренность чувств, высокий драматизм, тонкость в исследовании неуловимых сдвигов человеческой души.

Стихи С. Панизника о любви будто пронизаны солнечным светом, то вспыхивающего ярким пламенем в момент душевного напряжения, то приглушенного, когда дело доходит до длительной разлуки или расставания. Как правило, все они насыщены, окрашены красотою родной природы, улавливаемым лишь тонким поэтическим мастерством. Здесь и «дні з бусліным клéкатам», «і музыка сiняга вечара», и «водсвет Нарачы, шум Белавежы, звон ласкавых пастаўскіх азёр...». Даже дожди – эти вечные спутники влюбленных у поэта кристально искрятся, наполняя их души уверенностью и спокойствием: «У маіх дажджоў – свая вясёласць», – пишет С. Панизник. Свое отношение к любовной лирике, на наш взгляд, поэт с легким налетом юмора изложил в стихотворении «Когда писать поэтам о любви?» («Калі пісаць паэтам пра любоў?»):

*Тады, калі любоўныя запіскі,
падобныя на крылы галубоў,
а галубы так блізка, блізка, блізка.*

Калі пісаць паэтам пра любоў?

*Тады, калі глядзяць на іх дзяўчаты,
і тузаюцца хлопцы каля хаты,
і вырастаюць гузакі з ілбоў.*

Калі пісаць паэтам пра любоў?

*Ва ўсе гады, якія перад шлюбам:
пасля – таксама: музыка ля клуба,
а ў парку столькі дзетак, як грыбоў.*

Калі пісаць паэту пра любоў?

*Адны гавораць, што – пасля разводу.
І сябра радзіць: «Ты падзьмі на воду.
Ні бюста ні было ў той, ні клубоў...»*

Калі пісаць паэтам пра любоў?

*Тады, калі прыходзяць спасцяжэнне:
Любоў – усенароднае рушэнне
на сексуальна збэшчаных клапоў¹³.*

И, конечно же, военный журналист С. Панизник не мог оставить без поэтического внимания такую тему, как солдатская служба. Нелегким солдатским будням посвящен поэтический сборник «Полевая почта», в котором на первый план выступает «**публицистическая заостренный монолог нашего современника**» (А. Мартинович). Специальный цикл «Район учения» вводит читателя в повседневность армейской службы, позволяет прочувствовать и понять душевное состояние – нравственное, психологическое молодых солдат и офицеров, которое цементируется и укрепляется в суровой службе, благодаря постоянной памяти солдата о родной земле, отцах, матерях, их постоянному вни-

¹³ Панизник, С. Стырно / С. Панизник. – Минск, 1989. – С. 83.

манию к сыновней солдатской службе. И эта сыновья любовь снова и снова ведет бывшего офицера, журналиста, поэта в родные Миорско-Освейские места, тот Партизанский край, в котором сопротивленческое движение фашистам фиксировалось иногда достаточно поверхностно, иногда субъективно. А в памяти поэта постоянно видится сгоревшая Освея, выжженный советский край, детский лагерь смерти «Саласпилс».

В 1985 г. С. Панизник издает документальную повесть «Бронислава», явившуюся итогом его встреч с родившимися под небом Освеи очевидцами тех трагических событий, теми, кто прошел круги ада Саласпилса, Майданека, Освенцима, Равенсбрюка, навечно сохранив память о людских мучениях, память, ставшую для них постоянной и невыносимой болью. Несколько лет шла подготовительная работа – пройдено сотни километров, состоялось множество встреч с очевидцами Освейской трагедии, изучены архивные документы, записаны страницы «великой памяти народной». И вот она – документальная повесть «Бронислава», книга, рассказывающая о жестокости оккупантов в Братском партизанском крае, о дружбе белорусских, русских, латышей, объединившую их усилия в спасении маленьких вязней Саласпилса. Без преувеличения можно говорить о том, что «Бронислава» воспринимается, как совеобразное продолжение книги-документа «Я из огненной деревни» А. Адамовича, Я. Брыля и И. Колесника.

Против партизанской «державы» немецкое командование направило крупные карательные силы, выполнявшие приказ фюрера – превратить советскую землю в пустыню. Вот они ужасные цифры: за годы войны в Освейско-Дриссенском крае уничтожено 11283 человека, 14175 человек было вывезено в Германию (почти все они прошли Саласпилс).

В «Брониславе» все базируется на документальных материалах: здесь и фактографический экскурс в историю партизанского движения Братского края, и рассказ об Освейских Хатынях, и воспоминания людей, переживших ужасы фашистских концлагерей, и голоса людей разного возраста, среди которых особенно пронзительно звучат голоса женские. Заметим, что женские свидетельства являются преобладающими. И это обоснованно – ведь карательные гитлепровские экспедиции реализовали политику геноцида, главным образом, на мирном населении.

Главной героине повести Броне – Брониславе в 1943 г. было только семь лет, к моменту выхода книги – почти 50. У нее в Риге была семья, взрослая дочь, которую Бронислава вместе со своим мужем Янисом иногда привозила в Саласпилс на место своих мучений. Пересказать книгу С. Панизника невозможно – очень жесткими выглядят записанные воспоминания очевидцев. Правильнее было бы назвать не «воспоминания», а обвинения человеконенавистнической идеологии фашизма, которые вполне могли бы дополнить материалы Нюрнбергского процесса.

Убедительной выглядит и оценка «Брониславы», которую дала ей литературовед Г. Тваранович: «Книгу Сяргея Панізнiка характарызуе шчырасць, даверлівасць споведзі. «Браніслава» сціпла адрасавана чытачу сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту. Аднак гэтая кніга для кожнага, каму баліць трагедыя народа, зведзенага амаль на сярэдзіне нашага цывілізаванага стагоддзя самы жорсткі, бязлітасны генацыд. Кніга – удзячная памяць пра чалавечную дабрыню і пра зло нелюдзяў, напамнім пра тых, што гэтае зло не павінна паўтарыцца»¹⁴.

Книга для детей младшего школьного возраста «Откуда радуга пьет воду», изданная в 1981 г., стала первой пробой пера С. Панизника в детской литературе. И, как оказалось, пробой весьма удачной. Несмотря на большой тираж (80 тыс. экземпляров), она не залежалась на магазинных полках. И дети, и родители с интересом знакомились с при-

¹⁴ Тварановіч, Г. Вызваліць памяць / Г. Тварановіч. – Маладосць. – 1987. – № 4. – С. 173.

СЕРГЕЙ ПАНИЗНИК

ключениями маленьких Андрейки, Веронички-клубнички, Галинки, которых во всем сопровождал смешной дедушки Бай, создатель и толкователь всех детских сказок и басен. Вот он покупает Андрейке новые ботинки, вот рассказывает басню про кота, считает диких зверей в пуще, отправляет шуточные телеграммы, убеждает детей в том, что каждый из них, если очень захочет, сам может сложить сказку. И уже не Андрейка, а Михалка со своими друзьями пытаются узнать «Откуда же радуга пьет воду?». И помогают им в этом «мастак з мальбертам у берэце», «дзядзька ў акулярах», которые также составляют вопрос открытым:

*...І я ўзлятаў
Высока ў марах,
Глядзеў удалеч
З-пад рукі.
Надзею меў,
Што дападу,
Адкуль
Вясёлка п'е
Ваду.
Адкрыў мне
Таямніцы
Час.
Чакайце –
Дасць і вам
Адказ¹⁵.*

Книга «Мы грамотеи», адресованная для детей и юношества, вышла в свет в 1989 г. и была подписана одним из псевдонимов автора – Сергей Папар. Герои книги – грамотеи, – как об этом говорится в аннотации «не скрывают того, что кроме любителей книг и любителей чтения есть и нелюбители того и другого. Любители бросают рыцарский вызов «супостатам» книги, неграмотеям, сочиняют «самую грамотную грамоту», берут себе на службу Буквицу, Восклицательный знак, Запятую, Точку и становятся Разноцветными Книжниками, чтобы охранять 12 Грамот – все 12 месяцев. И помогают им в этом «помесячном» путешествии «добрый зверь Гур-Гор», волшебное перо птицы желны, тепло первых весенних дней, росинка и жучок, страна Бегемотия, щучий зуб мудрости и многие другие сторонники «Грамотеев». И, конечно, адресованное детскому читателю «слова роднае» Витки и Зуенка, Бородулина и Бичель-Загнетовой, Панченки и Саченки, Вольско-го и Матяш... Юные читатели встретятся со старым знакомым Баем, раком Рекой-недорекой, петухом Кукарекой, узнают, что такое «прибабуньки» («*Песня, казка не ўмірала: іх – ад мамы – я ўбірала; брала мудрасць ад бабулькі; прымаўкі і прыбабунькі, і выслоў, і пацешкі лезлі ў кош, як сыраежкі*»), станут участниками школьного вечера «Грамотеев», придут к пониманию того, вырастут и в Двадцать первом столетии скажут:

*Толькі мір
Зямлю
Убараніў!
І ў магутным хоры
Быў наш голас:
«Не тушыце сонца для дзяцей!»*

¹⁵ Панізнік, С. Адкуль вясёлка п'е ваду / С. Панізнік. – Мінск, 1981. – С. 16.

*З нас, зярнятак,
Вырастае колас –
Колас міру, сонца і надзей.
Будзь,
Зямля,
Калыскаю
Людзям¹⁶.*

Звучит несколько публицистично. Но детское обращение – это призыв к утверждению гуманизма, как основного правила человеческого общежития.

Творческая, главным образом, научно-исследовательская деятельность С. Панізніка продолжается и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панізнік, С. Кастры Купалля: лірыка / С. Панізнік. – Мінск, 1967.
2. Панізнік, С. Палявая пошта: вершы / С. Панізнік. – Мінск, 1972.
3. Панізнік, С. Крона надзей: лірыка / С. Панізнік. – Мінск, 1975.
4. Панізнік, С. Чало і век: кніга паэзіі / С. Панізнік. – Мінск, 1979.
5. Панізнік, С. Пасля вогненых вёсак... / С. Панізнік. – Мінск, 1980.
6. Панізнік, С. Адкуль вясёлка п'е ваду / С. Панізнік. – Мінск, 1981.
7. Панізнік, С. Браніслава: дакументальная аповесць / С. Панізнік. – Мінск, 1985.
8. Панізнік, С. Мацярык: кніга лірыкі / С. Панізнік. – Мінск, 1985.
9. Панізнік, С. Жыцень: вершы / С. Панізнік. – Мінск, 1986.
10. Панізнік, С. Стырно: вершы / С. Панізнік. – Мінск, 1989.
11. Панізнік, С. Мы – грамацеі: вершы-усмешкі; вершы-пацешкі; врыбабунькі; скарагаворкі / С. Панізнік. – Мінск, 1989.

¹⁶ Папар, С. (Панізнік С.). Мы – грамацеі / С. Папар (Панізнік С.). – Мінск, 1989. – С. 46.

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

...ён (Г. Пашков. – А.Р., Ю.Р.) увайшоў у беларускую паэзію молада і ўпэўнена. Усе заўважылі яго звонкі, чысты голас, поўны захаплення цяжкім і складаным, але такім цудоўным жыццём.

П. Панчанка

В 1975 г. любители белорусского поэтического слова и специалисты-литературоведы познакомились с поэтическим сборником «Кленовик» («Кляновік») начинающего поэта Геннадия Петровича Пашкова. Хотя это была первая проба сил, «Кленовик» привлек внимание читателей, получил положительные рецензии. Критики, в большинстве своем, поддержали творческие искания молодого поэта, *называя книгу приятным явлением в белорусской поэзии* (М. Хведоревич).

Геннадий Пашков родился 23 марта 1948 года в деревне Малые Липовичи Чашникского района в семье сельской интеллигенции (отец был председателем колхоза, мать работала учительницей). В 1953 году семья Пашковых переехала в д. Войстом Сморгонского района, что на Гродненщине. Здесь будущий поэт и журналист окончил среднюю школу, отсюда в 1966 г. поступил на факультет журналистики Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. В составе студенческого строительного отряда выезжал на новостройки Казахстана.

После окончания университета работал на Белорусском радио; в журнале «Полымя», в Центральном Комитете КПБ, редактировал негосударственную «Центральную газету», был заместителем главного редактора журнала «Театральная Беларусь», главным редактором издательства «Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки» (1996–2008).

Начало своей литературной деятельности Г. Пашков относит к 1967 г., когда в коллективном поэтическом сборнике «Натхненне» были напечатаны его первые стихи «Притаились лес и земля» («Затаіліся лес і зямля»), «Стремимся мы к реке...» («Імчыць нас да ракі...»). Рассказывая о своих начальных исканиях в поэзии, Г. Пашков однажды заметил: «А ўвогулле першыя вершы я надрукаваў у раённай газеце, калі вучыўся ў дзевятым класе. Гэта для мяне была вельмі прыятная падзея. Бо ўбачыць упершыню свой верш надрукаваным – тут не хопіць слоў выказаць тыя свае далёкія пачуцці, узрушанасць»¹ (стихи были напечатаны и в коллективном сборнике молодых университетских поэтов «Узлёт». Казалось, путь в поэзию открыт. Однако понимание личной ответственности за поэтическое слово не просто сдерживало творческие амбиции, но и требовало выработки собственного творческого стиля, тематической определенности, образных и ритмико-интонационных приемов и средств. Поэтому и понадобилось восемь лет, чтобы поэтические наработки объединить в первую книгу «Кленовик», открыв ее стихотворением-обращением к родной земле:

*Да кожнай тканачкі
Я твой.
Твой боль – мой боль,
Сухмень ці лівень.
Прашу цябе, зямля,*

¹ Центральная газета. – 1998. – 20 сакав.

дазволь
быць каласком
у роднай ніве².

«Зямля...»

И родная земля не отказала ему в этой просьбе, обогатив при этом большим жизненным опытом, наблюдательностью, требовательностью к созданию лирического образа героя, умеющего понимать и осмысливать события и явления противоречивой действительности. Специалисты сразу же отметили разнообразие поэзии по своим мотивам, тональности, эмоциональной насыщенности. Во второй половине 1970–1980-е годы из печати одна за одной выходят поэтические книги Г. Пашкова – «Дистанция опасности» («Дыстанцыя небяспекі») (1979), «Гравюры дорог» («Гравюры дарог») (1981), «Землю слушаю» («Зямлю слухаю») (1983), «Монолог на кострище» («Маналог на кастрышчы»), «Девочка с голубым мячом» («Дзяўчынка з блакітным мячыкам») (обе 1986), «Люблю, надеюсь, живу» («Люблю, спадзяюся, жыву») (1990), книга избранных произведений «Шаги» («Крокі») (1988). За временными границами нашего исследования (т.е. после 1991 г.) из печати выйдет еще одна книга Г. Пашкова «Птичь». Стихотворения». В 1980 г. за книги поэзии «Красный жаворонок» («Чырвоны жаваранак») (издана в 1977 г. в Москве на русском языке) и «Дистанция опасности» поэт был удостоен премии Ленинского комсомола Белоруссии*. На наш взгляд, следует подчеркнуть, что магистральной линией этих книг, с одной стороны является диалектическая связь национального элемента с общечеловеческими морально-этическими жизненными ценностями, а, с другой, «земное притяжение», позволяющее слушать и слышать родную землю с ее каплями кленовика, гравюрой дорог, медовыми ветрами, клюквенными островами.

А еще были переводы на белорусский язык произведений русских, украинских, азербайджанских, армянских, таджикских, латвийских авторов. В свою очередь, поэтические произведения Г. Пашкова переведены на русский, украинский, литовский, таджикский, туркменский, киргизский, английский и болгарский языки.

Член Союза писателей БССР с 1977 г.

Что же характерно для поэтики Г. Пашкова? Попробуем ответить на этот вопрос в предлагаемом читателю небольшом исследовании.

Уже в первом поэтическом сборнике «Кленовик» поэт продемонстрировал умение быть откровенным, донести до читателя собственное понимание и прочтение таких классических понятий (в их новом прочтении. – А.Р., Ю.Р.), как Земля, Родина, Мать, Любовь, Жизнь, Дитя, ... и умение в строке выразить собственные впечатления через простые и выразительные сравнения, часто встречающиеся в народном творчестве. Не претендуя на широкие поэтические обобщения, автор сборника рассказывает обычные жизненные истории, представляя читателю возможность вместе с ним и его лирическим героем понять и осмыслить повседневность бытия. Как покажут последующие поэтические искания Г. Пашкова, ему наиболее удаются произведения, в которых поэт идет от собственного опыта, от увиденного, пережитого и осмысленного, от того, что он хорошо знает и уверен, что поэтические строки найдут понимание у белорусского читателя. И, думаем, читателям пришлось к душе и сознанию строки из стихотворения «Отец» («Бацька»). На лицо, не только собственные эмоции («пра сорок восьмы – дату нараджэння – знямоглае, шчаслівае ласё між прагных траў і смяглага карэння»), пра «крокі бацькавы, мароз палын-

² Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 7.

* Здарэў «памяць дзіцячых наіўных вачэй» і «чырвоныя жаваранкі» пераплеліся з філасофска-рассудковымі словамі о смысле нашай жыццi.

*...А святаяннік –
светлая праталінка
зялёнай веі
выспелых бароў⁴.*

или в стихотворении «Сентябрь» («Верасень»), глубоко пронизанные осенним настроением:

*Варочаюцца скразнякі
у кроквах, шашалем
пабітых.
Над азярынай саснякі
журбою выраяў спавіты.
І шыба з-пад брыва страхі
ў цяжкім сінее задуменні.
На дрэвах светлыя вярхі,
Спакой муражны
ў загуменнях.
На сонцы струны павуціння
над стылаю дрыжаць ігліцай...⁵*

По сути, Земля, как и мать, и Родина – это одна из тех категорий поэтического мышления, которая и составляет стержневое звено в художественных размышлениях автора о времени, жизни, о себе. Именно в поэтическом колорите земли он воплотил материнскую ладонь и зеленую росинку, голубой цвет василька и лиственные осенние метели, весеннее дуновение ветра и золотые цвета осени. Вот, к примеру, два стихотворения из книги «Кленовик»:

*...Сцяжынкам,
дрэвам
пакланюся нізка,
травінцы кожнай,
што тут прарасла
і смелаю расінкаю пабліскае,
імхом грыбным,
мядзвезжым верасам;
табе,
мая старэнькая хаціна
на вышыбе
ад пыльных
бальшакоў,
дзе вісне над світальнаю
рабінай
хмурынка легкакрылая
шпакоў...⁶*

«Дома»

*Карэнне тут маё,
тут сіла,
тут слова*

⁴ Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 11–12.

⁵ Там же. – С. 24.

⁶ Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 47–48.

рэвалюцыянер (выделено Г. Пашковым. – А.Р., Ю.Р.)
мой прадзед некалі
асіліў
не з кніжных
лошчаных папер.
Этапы грамаце вучылі
*Пад звон іржавых ланцугоў*⁷.

«Спадчына»

Мы вправе сделать вывод, что уже в начале творческого пути Г. Пашков экспериментирует, ищет свежие лирико-художественные образы, меткие сравнения, поэтические проблемы, характеризующие творческую самостоятельность и ответственность за нее. **Известный белорусский литературовед А. Лойка вполне прав считая, что в книге «Кленовик» «высвечивается уже асоба, пэўны лірычны характар, пэўная стылевая манера»**⁸.

С ростом поэтического мастерства у поэта появляется необходимость через чувства лирического героя передать сложность и масштабность духовных исканий современника (а его образ формируют живущие рядом с поэтом молодые люди), его понимание собственной причастности как к судьбам других людей, так и всего человечества. Подобные искания делают поэзию Г. Пашкова такой, которую **«необходимо переживать внутренне, осмысливать через напряженную работу мысли и сердца»**⁹ (А. Мартинович). **Еще один рецензент – поэт К. Камейша подчеркивает: «...Г. Пашкоў не імкнецца ісці па лініі найменшага супраціўлення, карыстацца ўжо гатовай паэтычнай рудой, адшуканай іншымі. Ён сам – нястомны шукальнік, неўтаймоўны рудакоп. Ледзь не кожны яго верш – гэта рухомы згустак дэталей, эпітэтаў»**¹⁰. **А вот поэтесса Т. Бондар прочитала первые книги Г. Пашкова и сделала собственную, но заслуживающую внимания оценку: «Калі ў першай кнізе кожны верш – закончанае цэлае, адзін трапяткі арганізм, яму ўласцівы і сцягасць, і ўзрушанасць, і напружанасць руху, то у дзвюх іншых нярэдка сустракаюцца вершы яўна зацягнутыя, шматслоўныя, лагічна не завершаныя – ставіцца кропка, а фіналу няма. Можна выбраць, адасобіць асобныя – значна мацнейшыя, чым раней – радкі, строфы, а цалкам узяць верш як узор немагчыма. Раптам десьці ў сярэдзіне, у гушчары эпітэтаў губляецца нітачка – той трапяткі нерв, які трымае верш»**¹¹.

Однако, сам поэт находится в поиске. И его, как и в начале творческого пути, волнует личная ответственность за слово, за его влияние на мысли и чувства людей: **«За то, чтобы Человек даже в самых критических ситуациях оставался Человеком»**:

Выток слядоў найпершых,
каляін.

Перабіраю сцежкі і дарогі.
Хай б'еца

ў густой расе
калін

Чырвоны жаваранак

*маладой трывогі*¹².

«Смаляны дым савее ў бары...»

⁷ Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 59.

⁸ Літаратура і мастацтва. – 1976. – 31 снеж.

⁹ Чырвоная змена. – 1979. – 17 ліп.

¹⁰ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 20 ліп.

¹¹ Літаратура і мастацтва. – 1981. – 7 снеж.

¹² Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 17.

У Г. Пашкова постепенно определяются приоритетные темы творчества – Родная Беларусь, ее история и живописная природа, сопричастность с происходящими в жизни людей и народов процессами, главным участником и творцом которых выступает его современник, человек не просто живущий в этом времени и в этом пространстве, но и заботящийся о сохранности красот родного края, родной природы, того культурно-исторического наследия, которое выступает и основой, и залогом сохранения Доброго и Прекрасного на земле. Вот она, на наш взгляд, убедительная поэтически-диалектическая, пространственно-временная связь. *С одной стороны*, слова поэта о себе:

*А для мяне былі і будуць вечнымі
святыя словы:*

праца і зямля.

*Тады чаму ўкалоўся недарэчна
аб злую думку ў гэтым полі я?*

Здалося мне:

цяпер,

калі араты

*гадуе жыта – свой адвечны лёс,
на палігоне*

вызвалены

атам

сцяблом смяротным вогненна прарос...¹³

«Я разгубіўся ад такой прасторы...»

С другой – о проблемах общечеловеческих:

Пара,

пара!

Даўно пара настала.

Мой ціхі голас,

біся ў стынь

з грудзей!

Грымі на плошчах,

раскалыхвай залы,

яднай,

вядзі

устрывожаных людзей...

...Народы свету, устаньце,

пракляўшы

тэрмаядзерны разбой,

і галасы,

і сэрцы

паяднайце.

Руку – з рукой!

Руку – з рукой!¹⁴

«Дзяўчынка з блакітным мячыкам»

¹³ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 23.

¹⁴ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 86.

ГЕННАДІЙ ПАШКОВ

Наиболее концентрированное выражение диалектика времени и пространства, общечеловеческого и национального, связи между поколениями и роли места Человека на земле звучит в поэмах «Тревога» из поэтического сборника «Дистанция опасности» и «Девочка с голубым мячом» из книги «Гравюры дорог». Читаем строки из поэмы «Тревога»:

*Што такое са мной?..
Таямнічасцю дзіўна прарочай
захліснула ўсяго.
Я рашуча будзёнасць крышу.
І бязмежжа сінечаю
зырка ўліваецца ў вочы,
і вандроўная прага збалелую крыліць душу...*

*...А трывожна на сэрцы шчыміць:
гэта ж поўню падсекла
рэактыўная белая лёска
і – гатова парвацца! –
нацята над светам звініць.*

*...Я –
што ёсць у душы
і што ў тканачцы кожнай
закладзена – сёння ўзважыў усё.
А без гэтага ж пэўна не жыць.
Гэта ў спадчыну мне
самай горкай зямлёй
перададзена,
каранямі спялося,
запевам у сэрцы ляжыць.*

*...Глухне гул рэактыўны
за лесам у дымнай прасторы,
дзе на лісціку жоўтым
у люстры сцямнелай вады
мой пазначаны шлях.
Там – дубровы,
палі і азёры,
майго шчасця вытокі
ды горкія знакі бяды.*

*...На зямлі я стаю.
У курганне ўрос.
Думку паліць жытнёвая воля:
як уткаць
у суровы зямлі маёй лёс
і маё
зарунелае поле?¹⁵*

¹⁵ Пашкоў, Г. Гравюры дарогі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 87, 88, 92.

И в «Тревоге», и в других поэмах и стихотворениях Г. Пашкова мало покоя, равнодушия и тишины. Поэтому и тревожится он за звучание над родными просторами журавлиной песни, за исчезнувшую речку Сцюдзянку, за родную деревню Укропинку с ее оставленными «совам даўно нежылыя двары», последнюю «толоку» неперспективной деревни. Он переживает за то, что до сих пор «*жывуць мана і раўнадушша і цвеліць сверб мяшчанская іржа*», размышляет над проблемой определения роли и места поэтического творчества в потоке жизненных реалий, событий, явлений и противоречий. В поэтической мысли жизнь фиксируется в многообразии всех своих проявлений, а поэтому произведениям чужды приглушенное звучание, они заявляют о состоянии лирического героя (и самого автора) во весь голос, открыто, и ...привлекательно. Как в поэме «Девочка с голубым мячом». Именно в этом произведении, – **совершенно справедливо отмечает А. Мартинович, – «раскрываются черты таланта поэта – высокая гражданственность, публицистичность и вместе с тем та душевность, которая, кстати, всегда и сопутствует настоящей публицистичности»**¹⁶. А мы добавили – и ответственность, ложащаяся даже на плечи лирического героя, на его совесть, потому что этот герой остро понимает: каждый из нас в конце бурлящего XX в., в котором «*стыхія вірыць электронная*» и «*павук рэактыўны нітачку прадзе*», не так мало может сделать, чтобы предотвратить всевозможные мировые катаклизмы. Вот, что рассказывает сам поэт о замысле поэмы: «*Было это несколько лет назад. Отдыхал я тогда на Полесье. Взяли лодку и переплыли с дочкой Припять, остановились на небольшом островке. А тут как раз началась гроза. Ветер, дождь, а на острове негде спрятаться. У дочери моей – мяч. Ветер вырвал его из рук... Этот случай вспомнился мне через год, когда был в Италии, Помпеи, городе, который, как известно, погиб во время извержения Везувия. Археологи раскопали его... И стоят сегодня дома, но этот город мёртвый. Нет травы, нет деревьев. И вдруг – сначала в это даже не хотелось верить! – девочка с мячом. Итальянская девочка, которая играет здесь, в мертвом городе. ...Подумалось: мы, взрослые, в ответе за судьбы детей планеты. Особенно ответственность эта возрастает сегодня, когда на каждого жителя земли уже накоплено по 15 тонн взрывчатки. Страшно это... И мы должны сделать все, чтобы предотвратить катастрофу. Должны, ибо мы – люди*»¹⁷. Эти прозаические строки найдут свое поэтическое закрепление в поэме о римских впечатлениях. Город почти две тысячи лет назад... Город, которому уже никогда не восстать из пепла. И даже те дома, которые остались, уже никогда не огласят человеческие голоса:

Тут нават птушкі гнёздаў не
віюць,
арол мясіну гэту аблятае.
І паспрабуў пяску рукой
чарпнуць –
дык і зямля тут нейкая не тая.
...Дзяўчынка?
не.
А можа прывід?
Не!
Смуглявая,
дзе коскі з матылькамі...¹⁸

¹⁶ Знамя юности. – 1981. – 18 дек.

¹⁷ Цит. по: Знамя юности. – 1981. – 18 дек.

¹⁸ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 66, 67.

Через погибшую Помпею поэт приблизил к нашим дням горький опыт человечества, те угрозы, которые висят над ним в такой степени, что и в наше время все спрессовывается в яркие образные (достаточно часто – трагические) картины.

Эмоциональное напряжение поэмы еще более возрастает после того, как девочку «*паклікаў нехта Наталет!*». Но ведь и дочь лирического героя также Наташа! И сближаются в произведении расстояния, и соединяются события, происходящие в разных территориях и в разное время. **Однако детская идиллия совсем не безоблачна – висят над ней, как заклинание, слова известного советского поэта Вл. Луговского: «Умирали царства на земле – детство никогда не умирает».** И голубое итальянское небо, и молнии над Припятью – это для живущих как на земле и напоминание, и предупреждение. Слова поэта своим звучанием, своим призывом к миру приобретает общечеловеческое значение:

*...Спакойна спаць?
Ды толькі не жывым!..
Нясём цяжар тваіх трывог,
Дваццаці.
Мы думаем падуладным тваім,
твае патэнцыяльныя салдаты.

Мы – моцныя.
Спатрэбіцца калі,
усе як ёсць
мы стаць у строй гатовы.
Мы думаем аб дзецях,
аб Зямлі,
і дзеля іх –
і справы ўсе і
словы...»¹⁹.*

«Дзяўчынка з блакітным мячыкам»

Этими тревогами и заботами пронизаны многие произведения Г. Пашкова, повествующие об увиденном им и на земле древней Италии, и на далеком африканском континенте, и в южных советских республиках, в Ленинграде, Сибири и в других далеко не близких к Белоруссии местах. Привлекает внимание то, что в таких произведениях (в качестве примера назовём несколько стихотворений из поэтического сборника «Землю слушаю» – «Марфин корабль» («Марфін карабель»), «Дом Маяковских вблизи Кутаиси» («Дом Маякоўскіх паблізу Кутаісі»), «Дорога в Сахаре» («Дарога ў Сахары»), «Песня бедуина» («Песня бедуіна»), «Застольная песня тунисского докера» («Застольная песня туніскага докера»), «На стенах Колизея» («На сценах Калізея») поэт не просто фиксирует личные впечатления и высказывает восторженные оценки, а идет дальше этого частного, единичного, приглашая читателя к пониманию того, что и на разных континентах, и в разных странах люди живут «*зямлі пякотным болею*», «*калі высокавольтны ток ідзе праз кожны нерв, што быццам дрот аголены*»²⁰.

Устами своего лирического героя поэт напоминает нам, как из-за «*захмараных павек глядзяць на нас усіх Хатыняў хаты*» и что в Хиросиме надпись можно прочесть: «*Спакойна спіце! Больш таго не будзе!*». И он заклинает, предостерегает, напоминает не только

¹⁹ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 83.

²⁰ Пашкоў, Г. Зямлю слушаю / Г. Пашкоў. – Мінск, 1983. – С. 25.

белорусскому читателю, но и всем, кто читает и любит белорусскую литературу, что на каждого живущего, на планете Земля:

*Пятнаццаць тон –
над кожным сёння з нас.
І трыццаць тон
на нас з табой дачушка,
падрыхтаваў у страхах
горкі час
і можа раптам
вогненна абрушыць,
і ўстылай лаве
сэрцы скамяніць,
і спапяліць зямлю
агнём пакуты²¹.*

Поэзия впечатлений и переживаний, таким образом, наполняется активным утверждающим пафосом. Справедливости ради, все же следует признать, что поэтической мысли Г. Пашкова несомненно ближе обращение к родительской земле, далекой и близкой истории родного края, его природным красотам, трудолюбивым и миролюбивым людям. Стихи такого рода не просто читаются, они заставляют читателя внутренне переживать прочитанное, очищаться духовно, нравственно, соотносить себя с окружающей его действительностью.

Поэтические дороги Г. Пашкова ведут к памяти Фр. Скорины («Портрет Скорины в Падуе» («Партрэт Скарыны ў Падуі»)) революционными событиями 1905 г. на белорусской Сморгонщине (поэма «Клюква во тьме» («Журавіны ў шэрані»)), памяти М. Багдановича («Журавлиная почта Максима» («Жураўліная пошта Максіма»)), собственно-творческому пониманию значения поэзии Я. Купалы для духовного совершенствования («Левки» («Ляўкі»)), «Купаловские чаи» («Купалаўскія чай»)) и др.

И не только написанная в начале творческого пути «Тревога». Будут запоминающиеся гражданско-лирические стихотворения из книги «Гравюры дорог», «Земля родителей» («Зямля бацькоў»), «Дом» («Хата»), «Человек – природы корона» («Чалавек – прыроды карона»), «В путь» («У дарогу»), «Светло родного леса» («Святло роднага лесу»), «А каждой порою в душе...» («А кожнай парой у душы...»), «Радуга над рекою По...» («Радуга над ракою По...») и др.

Начало 1980-х и все последующее десятилетие свидетельствуют, что с каждым новым сборником, каждой новой поэтической подборкой на страницах газет и журналов, поэт становится более внимательным (и даже придирчивым!) к жизни привычных людей, трансформации их взглядов, может быть даже нарушением их душевного и духовного равновесия. Нам думается, что это человеческое «равновесие», а можно было бы сказать авторское философско-эстетическо-нравственное определение своего поэтического слова, он предлагает прочитать в стихах о природе и ...о любви. Читайте описание оригинального природного явления (думается, что Г. Пашков наблюдал его и в Чашниках, и в Сморгони. – А.Р., Ю.Р.), как предгрозовое солнце:

*Ужо над рэчкаю пярун
Трасе ажынная асонне,*

²¹ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 83.

*І жаўранак –
зямлі пяюн,
Аж захлапецца ў аzone.
Зноў – колер белы,
Зноў – чырвоны.
Спакой рамонак і суніц.
А сонца
плавіцца карона
ў святле
вясёлкавых званіц²².*

А вот такая словесная характеристика дается грозовому солнцу в книге «Дистанция опасности»:

*...Маланкі стынуць у траве.
Ад сонца ядрацца дажджыны.
І лес сарваўся,
ды плыве
Зялёным дымам на лагчыны.
Ужо над рэчкаю пярун
трасе ажыннае асонне...
«Навальнічнае сонца»*

Бывают и на Беларуси такие бураны:

*Налятае знянацку
б'е, раструшчае,
вые,
чалавека, як цацку,
з ног збівае стыхія.
«Чалавек і стыхія»*

Или осенняя гроза в книге «Землю слушаю»:

*Пратупаў дождж на тонкіх ножках,
і прама ў пушчы, на мяжы,
агніста выбліснулі рожкі,
траскуча ўдарылі ў лаўжы,
ажно ласіны рык пранёсся
па спалымнелых гушчарах,
відно рагатаму здалося:
«На бой пара!»
«На – б ой – па – ра!!! –
прыняты кліч ягоны смела.
«На пнях, ля ёлак акурат,
вакола гэтак панасела
апенек, быццам мышанят!
(«Восеньская навальніца»)*

²² Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 39.

Природа (и только, читая Г. Пашкова, мы можем представить «глухія ўсплёскі ля бабровых хатак», «Язьміну росны пах», «перамену ў скразняках», «сонечны лісцік, як вечнай мудрасці калыску...», «смачна бульба паруе ў сцюдзёнцы з ракі», «павучынкi пльвуць над зямлёй, нада мной у крамяным паветры» и т.д.

Он не перестает любоваться, весьма привлекательными, почти художественными краевидами, будто бы открываемыми для поэтического взора впервые:

*Б'е ў малінніку крыніца.
Сцежку кожную пазнаю,
дзе хадзіць і не стаміцца,

дзе між ясеняў чубатых
перад сонцам,
у тумане
паплыве нячутна хата,
спакваля чаўном растане.
Недзе птушка загалосіць
над пагаслай знічкай-зоркай.
Скрып падводы на дарозе
між сасонкавых пагоркаў²³.*

«Старана мая лясная»

Подобные зарисовки лишь подчеркивают главную мысль поэта – неразрывную связь Человека и Природы:

*...Прыроды лёс
цяпер рашаць табе –

і мудраму,
і дужаму,
і брату.

А нам яе да скону берагчы,
яна –
аж да ракеты
ад калыскі,
і дум тваіх імклівых
далячынь,
і радасці тваёй
агенчык блізкі²⁴.*

«Чалавек – прыроды карона»

И через эту всепланетную связь яркой звездой пробивается его сыновья память, сыновья боль и стремление постоянно чувствовать свою неотделенность, свою кровную причастность к тому, что из детской памяти не уходит, а всегда «висит» и напоминает о малой родине:

*...Над гарою прадзіва дымоў.
Калі ёсць сцяжыначка да раю –
гэта тая,*

²³ Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 5.

²⁴ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 20, 22.

*што вядзе дамоў.
...Старажылка вёсачкі Малання
распазнаць стараецца мяне.
І трывожна, і шчасліва-млосна,
бо калі не вернешся,
то зноў
сцеляць дым смаляны па-над вёскай
на світанні
меней каміноў...
...Але ў тым цябе не дакараю.
Тут шукаць віноўнікаў дармо.
Калі ёсць сцежачка да раю –
гэта тая,
што вядзе дамоў.*

Написав поэму «На лосиных кортах», поэт предстал перед читателем как вдохновенный защитник красот белорусской природы. Не ошибается Г. Пашков, утверждая, что никто иной, а сам человек повинен в том, что исчезают малые реки и речушки, идет обмеление больших рек и заболачивание озер, что на белорусской земле возникают торфяные бури, а на географической карте становится все меньше деревень:

*Сады... сады...
А як яны дзічэюць
пачнуць на адзіноце!
Так – спрадвеку:
Гарчак зялёны вылузнецца ледзь,
а ўжо ў шрамах,
ім сохнуць і чарнец!
Душа садоў – нібыта ў чалавека²⁵.
«На ласіных картах»*

Поэтесса Т. Бондарь, делая обзор поэтической деятельности молодых авторов, неожиданно выделила поэму Г. Пашкова «На лосиных кортах». Думаем, что можно познакомиться с ее мнением: «Там жа («На ласіных картах») дзе задума патрабавала асэнсавання адносін паміж чалавекам і прыродай, асэнсаванне таго, як спалучаецца хуткаплыннасць кожнага жыццёвага імгнення з адвечнасцю, непарушнасцю прыроды, і было знойдзена аўтарам цікавае яе ўвасабленне (апавяданне ідзе нібыта па слядах лася, прыпыняючыся – то каб уваскрэсіць чароўныя вобразы пушчы, то каб ясней адчулася трывога яго за лёс неперспектыўнай вёсачкі, за лёс чалавека, адарванага ад прыроды, ад свайго мінулага), слова гучыць упэўнена, пераканаўча²⁶. Уже в конце 1970-х годов поэт активно «погружался» в экологические проблемы (не очень в те годы понимаемой и воспринимаемой в правительстве Белоруссии. – А.Р., Ю.Р.), наполняя жизненное пространство одновременно и болью, и тревогой, и светлой радостью (о том, что произойдет в апреле 1986 г. никто не задумывался. – А.Р., Ю.Р.). Заметим, что постижение природно-экологических проблем для Г. Пашкова – не самоцель: это его стремление обудить в читательском сознании ту непреходящую истину – человек и природа неразделимы.

²⁵ Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 81.

²⁶ Літаратура і мастацтва. – 1981. – 2 жн.

Не преувеличивая можно утверждать, что все то, о чем пишет поэт, подается без приукрашивания, но и без излишнего нагнетания страстей, все пронизано авторским стремлением заявить о своем отношении к жизни, провести своеобразную поэтическую цепочку между прошлым, настоящим и будущим. В подтверждение несколько строк из разных поэтических сборников:

*...Я – чалавек,
я многа значу.
Я – сонца брат,
мой род такі:
мне па плячы
ўсё перайначыць –
і лесу лёс,
і бег ракі.*

*Я ўсё магу.
Мне ўсё пад сілу²⁷.
«Разведаў зорныя пячоры...»*

*...Бяру я твой боль, Зямля.
Прымаю ўздрыг трывожны,
што рэха прыносіць здаля,
над абеліскам – галля,
і той, што на сэрцы кожным.
...Бяру я твой боль, Зямля!²⁸
«Збялелых палёў васілёк»*

*...І, здаецца, жыццё
мне відно да атожылкай кожнай.
Што мне сытае шчасце?!
Ёсць шчасце світальных дарог.
Я хацеў бы пражыць...
Я хацеў бы...
І, думаю, можна
да пылінкі згарэць
на зямлі ад балючых трывог...²⁹*

И еще об одном. О том, что выделяет поэзию Г. Пашкова из общего потока белорусских литераторов 1970–1980-х годов, а именно о его своеобразной склонности к поиску свежего слова, к лексическому новаторству. Заметим, что это стремление молодого поэта критика заметила и поддержала. **К. Камейша считал, что поэт «спрабуе слова і на “смак” гучання і на яго зрокавы эфект», М. Губернаторов отмечал, что Г. Пашков ищет неожиданные языковые находки, что он чувствует «пружкасць самых родных, расістых слоў, зялёных, быццам лісце»³⁰. «Ответственность за слово, ответственность перед своим талантом, пусть и медленно, но от книги к книге растёт»³¹, – делает вывод Т. Бондарь.**

²⁷ Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 35.

²⁸ Пашкоў, Г. Зямлю слухаю / Г. Пашкоў. – Мінск, 1983. – С. 15.

²⁹ Пашкоў, Г. Дзяўчынка з блакітным мячыкам / Г. Пашкоў. – Мінск, 1986. – С. 8.

³⁰ Губернатараў, М. Маладая нястрыменная пльнь / М. Губернатараў // Маладосць. – 1980. – № 1. – С.

³¹ Літаратура і мастацтва. – 1981. – 7 жн.

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

Работу со словом поэт ведет аккуратно, не торопясь, по много раз поворачивая его разными гранями, пока слово не ляжет на свое место в строке, не станет *«самым родным, не заиграет всеми цветами радуги»*. И этот поиск, как свидетельствуют даже первые книги, был не простым – приходилось преодолевать затянутость стиха, многословие, логическую незавершенность. И там, где правило *«спешить, не торопясь»*, выдерживалось, читатель получал неравнодушные, привлекательные строки. Несколько примеров из первой книги «Кленовник»:

*Сцяжынак прамураўляныя ніці
смаляе на ўзлоску выстаяны дым,
пявун крылом дрымоту сціпла выцяў,
і рэха шышкай грукнула ў бары.*

«Свежае»

*Карчэўе чорнае ляшчын,
нанізвае кругі ўсплёскаў,
дзе крутабокя ляшчы
заварушыліся, як вёслы.
Вудзільны кінула ў віры
кустоўе гнуткіх вербалозаў...*

«Паром»

*Сахаты ў стоме
выбег на паляну,
гарачай храпай
лашчыў стылы снег...
І бінтавала завіруха раны
нявіннай беллю
нечы*

чорны грэх.

«Сахаты»

Уместно сказать о том, что поэт никогда не скрывал, что своими успехами в творчестве он во многом обязан таким известным белорусским авторам, как А. Велюгин, Р. Бородулин и др. *«Што тычыцца творчасці, – размышляет Г. Пашков, – то я найперш удзячны Паэту з вялікай літары (не пабаюся гэтага слова) вельмі вядомаму паэту, майстру і настаўніку, як мы яго называлі з любоўю, – Анатолю Сцяпанавічу Вялюгіну. Гэта чалавек выхаваў цэлую пляяду вядомых сёння паэтаў»*. И еще одно признание Г. Пашкова: *«У чым мая сіла? Яна ўсё ж такі ў роднай зямлі, дзе нарадзіўся, жыву і дзе, як кажучь, сыду ў гэты шар зямны. І сілу, і веру чэрпаеш толькі ў людзей, выдатных, дарагіх беларускіх людзей, якія, нягледзячы на складанейшыя перыпетыі жыцця, на страшэнныя трагедыі, накіталт Чарнобыльскай, усё-такі знайшлі ў сабе сілы выстаяць. І дзе ж узбіванне на нейкі шлях, які, будзем спадзявацца, прывядзе да нейкай палёгкі»³²*.

Справедливости ради, следует признать, что в погоне за красивым словом, неожиданным словооборотом или усложненной **образностью** поэт **«заходил» так далеко, что образ «зависал», теряя реальное ассоциативное наполнение, а сам автор «сяды-тады і перабірае меру – ідзе па лініі штучнага канструіравання слоў і выразаў» (М. Губернатараў)**. И тогда авторский поиск не концентрирует, а ослабляет внимание

³² Центральная газета. – 1998. – 20 сакав.

читателя. В подтверждение – несколько псевдокрасивых штампов: «клычаць мяккі мох грыбы пад ранак мокрымі лычамі», «маліннік гарачы ў бядзе – цярэбіць нехта і клыча»; «саспелае лета», «смагардавыя сажалкі», «багуновыя паляны», «смяглыя травы», «белагрудае рэха», «мядзяны іржэўнік», «бязазавыя вакаёмы», «сярэбраныя халады», «світалыныя дарогі», «свінцовыя вуголлі», «сасоннік за пагоркам разгарну і трапяткой смужынкаю вярну гарачы дух, бруснічны і смаляны», «ад пырскаў сонца і вады ажно гараць лускаю чароды рыб, і чароты, і катэр пада мною» и т.д.

Однако все это можно определить как издержки роста поэтического мастерства, ибо в каждой книге таких «открытий» становится меньше и меньше.

Не осталась без внимания Г. Пашкова и такая вечная тема поэтического творчества, как любовь. В каждой из книг читатель находит строки, воспевающие отношения любящих друг друга молодых людей, чистоту их чувств и взаимоотношений. Обратимся к лирическому циклу «Душа» из книги «Землю слушаю». Здесь и трепетность юношеского чувства («Зямля і неба... Красамоўней няма маўчаньня... Цішыня... І толькі – лес. І толькі – поўня. І толькі – ты. І толькі – я...»), и уверенность в личностных отношениях («І тады, як у свеце адзін, даганяў следам голас паніклы: «Я прашу... Я прашу... Не ідзі... Ад цябе я цяпер не адвыкну...» ...), и даже шутливое авторское признание («Я канчаткова забытаўся – чаму гаворым: “Віно і жанчыны”. Яны паасобку нібыта ў мужчынскім жыцці немагчымы?...» – «Я канчаткова забытаўся...»). А вот стихотворение «О, любви мой...» приведем полностью:

«О, любви мой...»
 Не трэба слоў такіх.
 Былога у іх –
 хіба што рэха толькі.
 Адкуль і як
 ты зноў прынесла іх,
 якім жа ветрам
 прамаўчаўшы столькі?

«О, любви мой...»
 Прашу – маўчы...
 Маўчы!..
 «О, любви мой...»
 Ты, жорсткая, караеш! –
 І вочы са слязінкамі начы
 цалуючы,
 сябе я праклінаю.

«О, любви мой...»
 Каб зноў вярнуць гады...»
 Прашу цябе, любімая,
 не трэба.
 «Глядзі, для нас сягоння,
 як тады, –
 бялюткі дзень,
 і цішыня,
 і неба,
 а схлынуць хмары,
 будуць капяжы
 вызвоньваць нам
 срэбранае скерца!..»

*То не для нас.
«А для каго ж, скажы?...»
Для тых,
 хто сэрцам
адчувае сэрца...*

*З'інелі іскры
бела-сінім страхам.
Світальныя
пагашаны кастры.
Імглой кастры.
Імглой клубістай
падае на дахі
апошні снег,
вясновы і густы...³³*

Связь времен... Земное и сакральное... Преходящее и вечное... Свое понимание такой диалектики поэт излагает в следующих строках:

*Хадзіце на могілкі, людзі,
 часцей,
не бойцеся змрочнае песні,
адсюль на жыццё глядзіцца
 прасцей –
ні звадак,
ні плётак,
ні плесні...
Душу не ўгладзішь,
не трапіш у рай.
Сяброў, што палеглі,
 не клікай
і век за імкліваць не дакарай –
сэнс веку, як праўда,
вялікі³⁴.*

В одном из стихотворений конца 1970-х годов поэт назвал себя человеком, идущим на «высокогорье». На наш взгляд, к концу 1980-х годов это восхождение состоялось. В поэтических сборниках этого периода (И тех, которые были изданы во второй половине 1970-х. – *А.Р., Ю.Р.*), «Девочка с голубым мячом» и «Монолог на огнище» (1986), «Люблю, надеюсь, живу» (1990) читатель увидел этот процесс – от первоначального авторского обращения к жизни и горячего желания вести разговор с читателем от имени своего современника к пониманию проблем общечеловеческих, проблем межнационального понимания значимости жизни и мира на земле; от оригинальных поэтических поисков, часто сопровождавшихся в границах образной, почти космической «туманности», а иногда становящейся почти пародийной – к выверенности стиха, в котором собственно-авторское философско-эстетическое понимание сопряженности смысла и содержания трактуется, как актуальное и понимаемое. Что в итоге позволяет Г. Пашкову успешно ре-

³³ Пашкоў, Г. Зямлю слухаю / Г. Пашкоў. – Мінск, 1983. – С. 73–74.

³⁴ Там же. – С. 16.

шать главную сверхзадачу – синтетически сочетая лирическое и этическое начала, душевность и публицистику, эмоционально глубоко и многообразно постигать проявление внутреннего мира человека, мотивацию его действий и поступков во всех его многообразных контактах с современной ему действительностью. Думается, что в этом и есть диалектика поэтики – от простого к сложному, от личностных ощущений и оценок к формированию собственно-поисковой философско-эстетической позиции.

Есть все основания утверждать, что *«паэт, які сваім правадніком у гісторыі і часе абраў маладую трывогу ўзлёту, шчырую заклапочаннасць пошукам свайго месца ў сучасным свеце»* (М. Губернаторов), в ходе поэтического развития стал автором *«ярка выражанага публіцыстычнага кірунку, вызначальнай рысай творчасці якога заўсёды былі адкрытая грамадзянскасць і палымаяна страснасць»* (А. Мартинович). Наконец, *«у манеры пісьма Г. Пашкова, мяккасць тону, задушэўная лірычнасць выкладу на мяжы з чулівым захваленнем, з эстэтызацыяй не толькі адчутай красы прыроды, але і таго, што ўявілася ў грозных падзеях...»* (М. Арочка). Мы бы лишь добавили, что всему этому способствовали – более глубокое осмысление социально-духовных процессов, участником которых он является постоянно; переосмысление поэтических образов ранних лет, когда мысль отрывалась от содержания; постоянное стремление к более глубокому, философскому осмыслению традиционных духовно-нравственных отношений*.

Представляется, что творческий портрет поэта Г. Пашкова будет неполным, если не вспомнить Пашкова-очеркиста и его книгу очерков «Рабочий день, как праздник» («Будзень, як свята»), вышедший в 1977 г. в издательстве «Мастацкая літаратура» в серии публицистических работ под общим названием «Республика, время, люди». В книге два очерка – «За осенней Лошицей» («За асенняй Лошыцай»), – запоминающийся рассказ о делах Минского комбината строительных материалов и «На перевале» («На перавале») о строителях крупнейшего в Европе Бобруйского шинного комбината. Содержательную сторону первого очерка составляют будни и праздники бригады заслуженного строителя БССР, лауреата Государственной премии СССР Ивана Моисеевича Потерейченко; во втором очерке раскрывается деятельность директора комбината Валентина Ивановича Кравченко.

Автор рассказов знакомит читателя с рядовым бригадиром слесарей, внимательным и заботливым руководителем основного строительного звена – **бригады. Иван Потерейченко** постоянно стремится к тому, чтобы каждый слесарь не только был со стопроцентным коэффициентом полезного действия, но твердо придерживался утвердившегося в бригаде правил: ³⁵ Разделяют подобную позицию ветераны бригады Николай Тихонович, Николай Трипутин, Владимир Корочкин и другие рабочие, составляющие устоявшийся коллектив единомышленников.

Г. Пашков показывает своих героев в различных жизненных ситуациях. И ему веришь – одна за другой перед читателем предстают картины многоплановой производственной деятельности, обрисованной автором с глубоким проникновением в проблемы всего комбината в целом и каждого его отдельного работника.

Убедительным выглядит и Валентин Кравченко, участник Сталинградской битвы, председатель горисполкома и руководитель крупнейшей стройки на Белоруссии в 1960-е годы – Бобруйский шинный комбинат и в начале XXI ст. является крупнейшим производителем резиновых шин в Европе.

Г. Пашков, постигая жизнь трудовых коллективов, сумел подметить оригинальные черточки в характерах своих героев, активно использован диалог, внутренний монолог, так и личные писательские впечатления.

* Это лишь сокращенная характеристика содержательно-смысловых исканий Г. Пашкова в конце 1980-х гг.

³⁵ Пашкоў, Г. Будзень як свет / Г. Пашкоў. – Мінск, 1977. – С. 20.

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

Книга, в которой «автор выступает ...своеобразным лириком в публицистическом произведении, стала несомненной творческой удачей поэта и журналиста Г. Пашкова.

15 лет творческого пути в белорусской советской литературе. Он сам учился, но и начинающим в наше время автором, во многом можно поучиться в Г. Пашкова.

Свои рассуждения о творчестве Г. Пашкова завершим ссылкой на мнение его университетского однокурсника, писателя В. Ширко, который даёт оценку и Поэту, и Гражданину: «Ужо з пазіцый сённяшняга дня бачу, што Пашкоў ніколі не лез у вялікую палітыку, ні хістаўся злева направа, куды падзьме вецер, а цвёрда служыў Яе Вялікасці Паэзіі, роднаму слову, і галоўны яго прынецп «Добра народу – добра мне!»³⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашкоў, Г. Кляновік: вершы / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975.
2. Пашков, Г. Красный жаворонок: стихи / Г. Пашков. – М., 1977.
3. Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі: нарысы / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979.
4. Пашкоў, Г. Будзень як свята: лірыка / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979.
5. Пашкоў, Г. Гравюры дарог: лірыка / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981.
6. Пашкоў, Г. Зямлю слухаю: лірыка / Г. Пашкоў. – Мінск, 1983.
7. Пашкоў, Г. Маналог на кастрышчы: кніга вершаў / Г. Пашкоў. – Мінск, 1986.
8. Пашкоў, Г. Дзяўчынка з блакітным мячыкам: кніга паэзіі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1986.
9. Пашкоў, Г. Крокі: вершы, паэма / Г. Пашкоў. – Мінск, 1988.
10. Пашкоў, Г. Люблю, спадзяюся, жыву: лірыка / Г. Пашкоў. – Мінск, 1990.

³⁶ Цит. по: Літаратура і мастацтва. – 1998. – 20 сакав.

ГРИГОРИЙ РЕЛЕС

Одним из долгожителей белорусской художественной культуры XX столетия с полным основанием может быть назван еврейский и русский писатель и поэт Релес Григорий Львович. Родился Григорий Львович 10(23) апреля 1913 г. в г. Чашники в небогатой еврейской семье (отец был меламед – домашний учитель детей из еврейских семей. Мать умерла в 1919 г.)*. Умер 17 сентября 2004 г.

В 1934 году окончил Витебский педагогический техникум, затем учился на еврейском отделении литературного факультета Минского педагогического института им. М. Горького. Преподавал русский язык и литературу в средних школах г.г. Слуцка и Новогрудка, работал в редакции газеты «Піянер Беларусі» (1937–1941). В начале Великой Отечественной войны был призван в Красную Армию и определен в 3-ий Минский сборный полк. Осенью 1941 г. был направлен на строительство оборонных предприятий на Урале. С декабря 1941 г. по 1945 г. – ответственный секретарь газеты «Строитель» (г. Громечинск, в настоящее время в Пермской области Российской Федерации). После возвращения в Белоруссию работал литсотрудником брестской областной газеты «Заря», в редакциях газеты «Зорька» и журнала «Вожык».

Небезынтересным, на наш взгляд, представляются воспоминания Г. Релеса: «Я пошел в школе сразу в пятый класс, подготовился сам. Уже тогда я увлекался литературой. Это шло от отца. При белорусской семилетке, в которой я учился, был литературный кружок. Мы выпускали настенную литературную газету, в которой я помещал свои первые стихи на белорусском языке. Много читал. Любил стихи и прозу Якуба Коласа, юмористические рассказы Кондрата Крапивы. Из поэтов очень мне нравились Михась Чарот и Максим Танк. Хорошо знал Янку Журбу – моего земляка. Учителем нашей школы был его друг – Иванов Феодосий Григорьевич. Он любил литературу и сам иногда печатался в “Нашей ниве”, которая издавалась в Вильно»¹.

В 1948 г., когда управляющая страной идеологическая «верхушка» начала наступление на представителей еврейской культуры, Г. Релеса «по собственному желанию» увольняют из редакции «Вожыка», а спустя некоторое время исключают из Союза писателей БССР с неожиданно странной формулировкой – «за пассивность». (Справедливости ради, заметим, что по предложению П. Бровки в годы хрущевской оттепели он был восстановлен в Союзе белорусских писателей). При явной нехватке в Белоруссии в первые послевоенные годы профессиональных кадров, опытный педагог, журналист остается без всяких средств к существованию. Доктор исторических наук, профессор Э. Иоффе пишет, что в это тяжелое время на помощь Г. Релесу пришел Янка Брыль, по просьбе которого редакция «Вожыка» передавала ему за небольшую плату для обработки письма читателей. (Свои трагические дни 1948 г. Г. Релес опишет в рассказе «В новой среде»). О сложностях и трудностях жизни уже известного писателя в те годы весьма привлекательно **высказался поэт Р. Бородулин в статье, посвящённой 90-летию Г. Релеса: «Рыгор Рэлес з’ездзіў усю Беларусь, запісваў, збіраў рэшткі мудрасці свайго народа, пісаў пра**

* Земляк Р. Релеса литературный критик Дм. Полотика о духовной атмосфере послереволюционных Чашник вспоминает: «Свае першыя вершы мы пісалі кожны на сваёй мове, але мы разумелі мову адзін другога. Рускія, беларусы, палякі і яўрэі – мы былі дзецьмі аднаго часу, у адной калысцы калыхала нас беднасць, і кожны з нас разумеў аднолькавую са сваёй мовай мову свайго таварыша». Сам Релес началом своего пути в литературе считал 1931 год, когда в минской газете «Юнгер арбайтер» («Юный рабочий») было напечатано его стихотворение «Ферцик» («Четырнадцать»), посвященное XIV годовщине Октябрьской революции.

¹ Цит. по: Рывкин, М. Последний из могикан / М. Рывкин. Краеведческие очерки и статьи. – Витебск, 2011. – С. 65–66.

*яўрэеў, якія ацалелі ад навалы. Дый сам паэт цудам ацалеў ад перадваеннага і пасляваеннага хапуна. Можна таму, што прымаў, як яўрэі кажучы, лыжку нематы. Яшчэ ратаваў Рыгора Рэлеса гумар. Відаць, і ў пекле жыве гумар. Забылася чорнае, страшнае, засталася ў памяці вясёлае. Смех праз слёзы, ці што. Помняцца Чашнікі, помняцца землякі, якія таксама ратаваліся гумарам**. С конца 1940-х годов и до 1973 г. Г. Релес преподавал русский язык и литературу в вечерних школах рабочей молодежи г. Минска. С 1973 г. Р. Релес – на творческой работе – преподавал идиш, консультировал издания по еврейской этнографии и истории еврейской культуры на Белоруссии.

Ответим на вопрос: чем же привлекали читателя тех лет произведения Г. Релеса? В первую очередь мелодичностью стиха и доступностью слова на языке идиш, – «мамэпошы» – так по еврейски читается «материнский язык», мудрость которого постигалась поэтом *«менавіта ў стыхіі шматлікіх па часе яго маленства яўрэйскіх мястэчках па-над Прыпяццю і Дняпром, Дзвіной і Нёманам*»².

Постепенно оттачивалось поэтическое слово, складывались свои творческие приемы. Вот одно из личных воспоминаний Г. Релеса: *«В начале 1930-х годов я, будучи совсем еще юным, подрабатывал в газете «Віцебскі рабочы», в которой по субботам печатались еврейские страницы на идиш. Статьи туда я писал частенько. И вот однажды получил задание пойти к Юдолю Пэну (известный живописец, педагог – учитель М. Шагала. – А.Р., Ю.Р.) и сделать очерк о его новой работе. Мастер принял меня хорошо, рассказал все, что надо было и, довольный, я пошел писать материал. Его вскоре напечатали, а через пару дней после выхода в свет номера, в редакцию зашел Пэн. Постукивая тросточкой, он строго спросил: “Где этот шалопай, который писал про меня статью!?”. Все расступились и указали на меня. Я страшно испугался, не зная чего ожидать. Юдоль Мойсеевич, подойдя ко мне, сказал: “Вы упомянули в статье, что мне уже за семьдесят. А ведь я холостяк! Какая женщина после этого пойдет за меня замуж!?”. Все засмеялись, а я стал неловко оправдываться. Тогда Пэн “сжалился”: “Ничего-ничего, это я шушу. Вы написали хорошую статью. Думаю, вы и дальше будете писать столь же умело и хорошо”*»³.

До войны на еврейском языке были изданы сборники поэзии Г. Релеса «Начало» («Пачатак») (1940) и «Стихи» («Вершы») (1941). Во время войны досылал с Урала стихи в московскую еврейскую газету «Эйникайт». По русски начал писать в середине 1950-х годов, когда идеологический пресс над еврейской культурой несколько ослаб. Были изданы книги рассказов «Друзья и знакомые» («Сябры і знаёмыя») (1963), «За тесными партами» («За цеснымі партамі») (1966), «В родном уголке» («У родным кутку») (1972). В 1974 г. в Москве издана книга поэзии «Отзвуки времен» («Водгук часу»). (Во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов на русском языке будут изданы повесть «Через трудный порог. Из дневника классного руководителя школы рабочей молодежи» («Праз цяжкі парог. З дзённіка класнага кіраўніка школы рабочай моладзі») (1975), книги рассказов и очерков «Под каждой крышей» («Пад кожным дахам») (1979), «Под ясным небом» («Пад ясным небам») (1983), «Не розами устлан твой путь» («Не ружамі ўсцелены твой шлях») (1984). На белорусский язык были переведены повесть «Записки моего коллеги» («Запіскі майго калегі») (1960) и книга поэзии «Береза под окном» («Бяроза пад акном») (1961) (в переводе Р. Бородулина).

Произведения Г. Релеса публиковались в коллективном литературном сборнике «День поэзии», журналах «Беларусь», «Полымя», «Работница і сялянка», газете

* Результатом таких поездок стали книги «Ибэр вайсрусише» («По местечкам Белоруссии») и «Унтер фридлэхн химл» («Под мирным небом»). Обе книги были написаны на идиш.

² Літаратура і мастацтва. – 2004. – 1 кастр.

³ Релес, Р. Для мяне іграў Галубок... / Р. Рэлес. – Белорусская деловая газета. – 2003. – 23 апр. – № 59.

«Літаратура і мастацтва». Всего за свои творческие годы Г. Релес написал более двух десятков книг на идиш, русском и белорусском языках. Заслуживает читательской и общественной признательности большая писательски-поисковая работа, проведенная Г. Релесом по восстановлению в художественной культуре Белоруссии доброй памяти о еврейских литераторах, репрессированных в 1930-е – 1950-е годы, а также погибших на фронтах Великой Отечественной войны и замученных в немецких гетто и концлагерях.

В 1949 г. из печати вышла книга «Мы их не забудем» о безвременно ушедших из жизни поэтах и писателях Советской Белоруссии. Среди авторов значится и Г. Релес, из-под пера которого вышло несколько биографических очерков. Сам Г. Релес в одном из интервью вспоминал, что цензуру не прошел только один материал – о репрессированном, а потом погибшем на фронте в июне 1944 г. советском еврейском писателе Эли Кагане.

В 1960–1990-е годы в московском журнале «Советиш Геймбланд» («Советская Отчизна»), белорусской периодической печати были опубликованы статьи Г. Релеса о русско-еврейско язычном писателе из Городка Цодике Долгопольском, погибшем в ГУЛаге, члене-корреспонденте Академии Наук БССР, поэте Изи Харике, писателе Эли Кагане, поэте, переводчике на еврейский язык произведений Я. Купалы, Я. Коласа, других белорусских авторов; Зелику Аксельроде, писателе, переводчике на еврейский язык романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и бессмертного гоголевского «Ревизора» Мойсее Кульбаке, убитом в 1937 г., погибших на фронте поэтах Семене Ляльчуке, Рувиму Рейзину и Геннадии Шведике, Эли Кагане, Льву Талалаю и других. Своеобразным реквиемом еврейским писателям и поэтам, ставших жертвами сталинско-бериевского произвола или погибших при защите Советского Отечества стали очерки «Через перекрестный огонь. О судьбе еврейской литературы в Белоруссии» («Праз скрыжаваны агонь. Аб лёсе яўрэйскай літаратуры ў Беларусі») и «Судьба кагорты» («Лёс когорты»), опубликованные в середине 1990-х годов⁴.

Говоря о роли и месте Г. Релеса в белорусской советской литературе, сделаем небольшое отступление. И вот почему. **Во-первых**, будет сделана попытка рассмотреть творчество Г. Релеса комплексно, в полном его объеме и, **во-вторых**, не оставлен без внимания поэтический сборник «Береза под окном» – его единственная книга поэзии на белорусском языке. И, хотя книга представлена читателям в переводе Р. Бородулина, она дает достаточно полное представление о поэтических предпочтениях Г. Релеса, его оптимистическом мироощущении и лирико-романтической насыщенности строки и слова. И все это воплощается в тематическом разнообразии. Здесь и послереволюционные мотивы (стихотворения «В те годы» («У тыя гады»)), «В детстве» («У дзяцінстве»)), и впечатления от военных событий («Юный партизан» («Юны партызан»)), «Нет адресата» («Няма адрасата»), «Салют» («Салют»)), воспоминания об уральском периоде жизни («Уральская зима» («Уральская зіма»)) и, конечно же, память о родных местах, тех традициях и обычаях, в которых проходила его юношеская жизнь («После бури» («Пасля буры»)), «Береза под окном» («Бяроза пад акном»), «Встреча» («Сустрэча»), «Левониha» («Лявоніha»), «Соложе от меда» («Саладзей ад мёду»)).

Известный белорусский литературный критик Д. Политика, прочитав поэтический сборник «Береза под окном», проникновенно заметил: «Напэўна, у кожнага чалавека ёсць вось такія Чашнікі, той кавалак свету, адкуль мы рабілі першыя крокі, адкуль пачынаюцца сцэжкі-дарожкі ў вялікі свет. Гэтыя першыя ўражанні назаўсёды з намі. Уваскрасіць іх словам, прымусіць нас з хваляваннем перашываць іх, выклікаць прыгожыя пачуцці радасці, а разам з тым павялічваць нашу любоў і

⁴ См.: Польша. – 1995. – № 8; В краю светлых берез. – Минск, 1997; Еврейские советские писатели Белоруссии. Воспоминания. (Яўрэйскія савецкія пісьменнікі Беларусі. Успаміны). – Мінск, 2006.

ГРИГОРИЙ РЕЛЕС

павагу да людзей – якая гэта пачэсная справа для паэзіі. Ёсць такая чароўная сіла і ў зборніку Р. Рэлеса «Бяроза пад вакном»⁵.

Несколько метафорично звучит признание лирического героя Г. Релеса в стихотворении «С ярмарки» («З ярмаркі») при возвращении домой (ярмарка – то место, где состоялся «успешный» жизненный торг), вспоминающего пройденные дороги:

*...Хай сёння ўсе мяне вішуюць –
Іду дадому з кірмаша!
Бы ўчора выйшаў я ў дарогу.
Няўзнак за годам год мінуў.
Я нёс ці многа ці нямнога –
Цяжар прыгнуў маю спіну.
Іду я крокам нетаропкім,
Не так, бы ў першую вясну.
Яшчэ і рана ставіць кропку,
Ды шмат чаго ўжо не вярнуць.*

*Мяне не памінаюць ліхам –
Вяршыў з усімі разам стог.
І чэсным мазалём
і рыфмай
Дапамагаў –
наколькі мог...*

*...Ківаю кветкам,
дрэвам,
травам.*

*Іду я, можна не спяшаць.
Я сам сабе не веру нават –
Іду дадому з кірмаша!⁶*

И еще одно стихотворение:

*Не зайсці ў гэты сад,
быццам бацькаву хату мінуць
Тут маленькім знаёма
мне кожнае дрэва
Помню ў сцюжу з саломы,
як з пялёнак, глядзелі яны.
А цяпер на галінах іх
яблыкі дрэмлюць.
Бацька дрэўцы ў мароз
спавіваў клапатлівай рукой.
Год ад году
сукоў станавілася болей.*

⁵ Палітыка, Д. След часу: літаратурныя артыкулы / Д. Палітыка. – Мінск, 1967. – С. 122.

⁶ Рэлес, Р. Бяроза пад вакном: вершы. – Мінск, 1961. – С. 49–50.

Як румяных сынкоў
зараз гушкае яблыкі сад.
Толькі сада не ўбачыць
мой бацька ніколі.
Чуеш, бацька,
як грукае яблак цяжкі?
Чуеш, родны? –
не загінула праца дарэмна!
Не зайсці ў гэты сад,
быццам бацькаву хату мінуць...⁷

Привлекательные стихи, не правда ли? Здесь и философские размышления над пережитым, и уверенность в продолжении жизненной дороги поэта, и тоска по ушедшему из жизни отцу, наконец, о верности родным местам, родительскому дому. Читаются легко, непринужденно, формируя у читателя лирически-эмоциональное душевное состояние. И, как нам думается, субъективность поэта не экстравертная, направленная на внутреннее самопостижение, а такое состояние поэтической души, которое сопутствует жизненной правде, наполняет стихи Г. Релеса поэтическим дыханием и личностным мировосприятием. «Пафасам суб'ектыўнасці заўжды нападзялася паэзія, суб'ектыўнасць узмацняла яе» (поэзию Г. Релеса. – А.Р., Ю.Р.), – считал Д. Політыка⁸.

И нельзя не согласиться с утверждением критика, что характерными для поэтического стиля Релеса, выступают **«жывы ўсхваляваны дыялог, чыстыя паэтычныя паўторы, моцная інтымнасць лірычнай плыні верша, некаторая адцягнутая метафарычнасць»**⁹.

* * *

В своей жизни Г. Релесу довелось трудиться по разным профессиям. Однако была одна (кроме занятий литературной деятельностью), которой он отдал почти 30 лет жизни – это работа учителем, как в общеобразовательных школах, так и в вечерних школах рабочей молодежи. О том, что значила для него работа с молодежью можно судить по повестям и рассказам, посвященным школе. И первой пробой творческого соединения литературы и педагогики стала повесть «О том, что не знают учащиеся» («Пра тое, што не ведаюць вучні»), напечатанная в 1955 году в журнале «Польмя». Затем будет повесть «Записки моего коллеги», книга рассказов «За тесными партами», повесть «Через трудности поры. Из дневника классного руководителя школы рабочей молодежи» и другие рассказы и очерки.

Стихотворение «В вечерней школе» из поэтического сборника «Берёза под окном» не отличается сложностью сюжета – учащейся школы рабочей молодежи каменщице Тане за ошибки в контрольном диктанте преподаватель вынужден был поставить «двойку». Оценка объективная. Но переживают и она («У падушку ўбіўшыся, у інтэрнаце праплача, знаю ўсю ноч...») и учитель, проверяющий новую контрольную работу («Радок за радком, як па міннаму полю, вачыма праходжу... Ды «тройка»! Уздыхаю з палёгкай і выціраю ўзмакрэлы лоб»). И вот

⁷ Рэлес, Р. Бяроза пад вакном: вершы. – Мінск, 1961. – С. 66.

⁸ См.: Палітыка, Д. След часу: літаратурныя артыкулы / Д. Палітыка. – Мінск, 1967. – С. 123.

⁹ Там же. – Мінск, 1967. – С. 124.

ГРИГОРИЙ РЕЛЕС

авторское резюме. Видя, хоть и небольшой Танин успех («За Танину “тройку” быў дужа рад»), радостный шум в классе, он эмоционально определяется:

*Калі яшчэ Тані пастаўлю «двойку»,
Дык значыць «двойку» пастаўлю сабе¹⁰.*

И, думаем, что писатель был совершенно прав – опыт накапливался годами – он глубоко знал свою аудиторию: среди учащихся были и подростки, и двадцати-тридцатилетние люди, и пожилые дяди, и тети. Одних несовершеннолетних в ШРМ «сбыла» общеобразовательная школа за слабую успеваемость и далеко не лучшее поведение, другие пришли сами, чтобы наверстать упущенное в молодости, третьим – поучиться предложило руководство трудового коллектива... И педагогу надо было определяться и в педагогических, и в психологических, и социальных отношениях, в личных контактах, взаимоотношениях. И, главный герой, книги «За тесными партами» классный руководитель Константин Иванович приходит к поэтическому постижению жизненного правила – «Нет плохих учеников, есть плохие учителя». Правило это, как показывает его педагогическая практика, постоянно наталкивается на обычные, в школьной среде, противоречия. С одной стороны, он ищет и находит пути к формированию единого во мнениях и делах классного коллектива; с другой, этот результат – не только творческих усилий Константина Ивановича, но и его неприятие псевдоприемов завуча школы Эмили Антоновны, и ее подруги учительницы географии Лоллы Антоновны, для которых красивая, иногда острая, но формальная по сути, фраза и есть способ достижения успеха.

Смог Константин Иванович, как и герои других произведений Г. Релеса на педагогическую тему, озвучить проблемы обучения работающих людей, увидеть и предложить читателю правдивое и проблематичное состояние работы ШРМ в 1960–1970-е годы. В этом и есть значимость литературно-педагогических произведений Г. Релеса, подсказывающих необходимость постоянного совершенствования педработы, имеющих свою ценность и в наши дни.

Не менее привлекательными выглядят и повести, и рассказы Г. Релеса, возвращающие его в родные места, к родным и близким с детских и юношеских лет людям. Здесь нет выдающихся личностей – герои писателя – это, так называемый «средний» человек: бывший партизан Соломон Ошеров (рассказ «Сторож» «Вартаўнік»), актриса гастролирующего театра Мария Еланская (рассказ «Племянница» («Пляменніца»), сторожил поселка Дуся (рассказ «Не так это просто» («Не так гэта проста»), детский врач Мария (рассказ «Вдовушка» («Удава»), путевая обходчица Альбина (рассказ «Мать и дочь» («Маці і дачка») и другие жители родного Чашникско-Лепельского края. Но не менее интересны для читателя очерки и рассказы, родившиеся у писателя в результате многочисленных творческих командировок (Кричев, Речица, Городище, Жлобин, Крупки, Калинковичи и др.). Ведь в каждой из книг этого прозаического цикла автор ведет разговор о радостях и горестях людских, о нравственно-этических коллизиях в окружающей его действительности.

Писатель, поэт, публицист-исследователь родился и всю жизнь прожил на белорусской земле, по-интернационалистски разделяя радости и трудности с белорусами, русскими, евреями. С особым уважением относился к «Праведникам народов мира, рискующих своими жизнями и жизнями своих родных во имя спасения белорусских евреев от фашистского варварства».

¹⁰ Рэлес, Р. Бяроза пад акном: вершы / Р. Рэлес. – Мінск, 1961. – С. 61.

Убедительным подтверждением нашего вывода может служить стихотворение «Лявониха», написанное в 1963 году.

Предлагаем его сегодняшнему читателю в переводе с идеш Н. Горской:

*Погляди-ка Нохим, погляди, папаша
Как Марина-Мера «Лявониху» пляшет!*

*Красные сапожки, юбка из холстинки.
Ленты так и вьются в косах у Маринки.*

*Рядом с ней Микола в шелковой рубаше –
Из гнезда родного вылетели птахи.*

*На сердце отрадно у Агаты старой –
Ой, нашел сыночек девушку под пару!*

*А кругом все гости хлопают в ладоши:
Хорошо Маринка! И жених хороший!*

*Тут ия метнулся да сорвался с места:
Ой, хорош Микола! Хороша невеста!*

*Братья дорогие, я от вас не скрою –
Мне наш «Фрейлэхс»
Сниться по ночам порою.*

*Но. Пожалуй, все же больше мне по вкусу
Танец это славный – танец белорусский.*

А свои размышления мы хотели бы завершить «неожиданной» экскурсией в поэтические русско-белорусско-язычные увлечения Г. Релеса. И в 1960-е, и в 1980-е годы не забывает он о своих творчески исканиях. Читателю предлагаются откровения поэта, прозаика, «старого еврея».

Вот и «Листопад», датируемый 1968 годом:

*Под крышами жмутся унылые галки –
Горюют иль, может быть, спят.
И осень подходит ни шатко, ни валко,
А следом идет листопад.
Опавшие листья – деревья страницы –
Прозрачно-желты и чисты.
Наборщики, видно не стали трудиться,
И шрифт не заполнил листы.
Их ветер сегодня рябиво разносит
По разным – по всем – адресам.
И кажется мне, что доверила осень
Какую-то тайну листам...¹¹*

¹¹ Релес, Г. Еврейские советские писатели Белоруссии. Воспоминания / Г. Релес. – Минск, 2006. – С. 284.

А вот «Ледолом» («Крыгаход») 1972 года:

*...Нібы маланкі лёд спаласавалі –
І грывнуў гром – адтуль, з бяздонных вод.
Блакітным вокам выбліснула хваля
І – зноў у вір... Пачаўся крыгаход!
Вільготны вецер абвясціў адкрыта,
Што лёд крануўся, збуджаны вясной.
А людзі і не пачулі навіны той,
Занятая будзёнасцю сваёй.
Ля дома жонка першаю спаткала,
Яе погляд нібыта гаварыў:
«Што там цябе раптоўна ўсхвалявала,
Такім шчаслівым ты даўна не быў?!»¹²*

Или философский роздум над «птицами-воспоминаниями»:

*Яны ідуць за мною,
Успаміны,
З усіх маіх дарог,
З бароў,
З яроў.
Каб з памяці іх мог
Я ў міг адзіны
Прагнаць, як з плоту
Гэтых снегіроў.
Ды з лесу голага
Да хат пагрэцца
Мароз
Іскрынкі зябкія занёс.
Што выглядаюць,
Быццам пагарэльцы,
З-за ледзяшоў,
Ці свой птушыны лёс?
Тут знойдуць снегіры
Скарынкі, зерне,
Аслабне ў зацішку
Застрэшша
Золь.
А хто мае ўспаміны
Ў двор заверне,
Хто іх пакорміць,
Хто суцішыць боль?¹³*

¹² ...Дзень паэзіі-72. – Мінск, 1972. – С. 198–199.

¹³ Дзень паэзіі. – 1981. – Мінск, 1981. – С. 147.

Жила душа творца... И может быть эти поэтические строки являют лучшее свидетельство о прожитом и пережитом. И, *можно согласиться с мнением известного литературоведа еврейской советской литературы А. Левиной, «называющая Г. Релеса патриархом еврейской культуры Белоруссии, последним из мозикан...».*

Может быть несколько неожиданным, но именно таким и показался нам – уроженец г. Чашники малоизвестный даже на своей родине – еврейский советский поэт, писатель и педагог Григорий Релес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рэлес, Р. Пра тое, чаго не ведаюць вучні. Аповесць / Р. Рэлес // Польшыя. – 1955. – № 8, 9.
2. Рэлес, Р. Запіскі майго калегі / Р. Рэлес. – Мінск, 1960.
3. Рэлес, Р. Бяроза пад акном: вершы / Р. Рэлес. – Мінск, 1961.
4. Рэлес, Р. Сябры і знаёмыя: апавяданні / Р. Рэлес. – Мінск, 1963.
5. Релес, Г. За теснымі партамі: рассказы / Г. Релес. – Минск, 1966.
6. Релес, Г. В родном уголке: рассказы / Г. Релес. – Минск, 1972.
7. Релес, Г. Отзвуки времен: книга поэзии / Г. Релес. – М., 1974.
8. Релес, Г. Через трудный порог. Из дневника классного руководителя школы рабочей молодежи: повесть / Г. Релес. – Минск, 1975.
9. Релес, Г. Под каждой крышей: рассказы, очерки / Г. Релес. – Минск, 1979.
10. Релес, Г. Не розами устлан твой путь: повести и рассказы / Г. Релес. – Минск, 1983.
11. Релес, Г. Еврейские советские писатели Белоруссии. Воспоминания / Г. Релес. – Минск, 2006.

ОЛЕГ САЛТУК

Поэт Олег Владимирович Салтук родился 25 августа 1946 года в д. Рыженьки Шумилинского района в крестьянской семье. В 1963 году окончил Мишковскую среднюю школу и поступил на отделение русского языка и литературы Могилевского педагогического института. Окончив институт (1967), служил в Советской Армии. После демобилизации работал секретарем ушачской районной газеты «Патриот», собственным корреспондентом Витебской областной газеты «Віцебскі рабочы», секретарем Витебского областного отделения Союза писателей Белоруссии.

Первые заметки О. Салтука в газетах «Герой працы», «Піянер Беларусі» появились еще в школьные годы. Однако начало своей поэтической деятельности О. Салтук относит к 1965 г., когда с благословения поэта Алексея Пысина в газете «Могилевская правда» было напечатано его первое стихотворение. И литературный учитель будущего поэта не ошибся: за многолетние творческие дороги О. Салтуком написаны поэмы, множество стихотворений, выполнены десятки переводов стихов с русского и украинского языков. В то же время произведения нашего земляка звучали на русском, украинском, польском, болгарском, немецком языках. Творческие приобретения О. Салтука нашли отражение в книгах стихотворений и поэм «Начало дня» («Пачатак дня») (1974), «Продолжение» («Працяг») (1977), «Свет земли» («Святло зямлі») (1982), «На ладонях жизни» («На далонях жыцця») (1988) он печатался в коллективных сборниках «Дзень паэзіі», «Маладыя паэты Беларусі», «Вытокі», «Беларусь мая», стихи поэта звучали в передачах по радио и телевидению.

Уже в начале творческого пути в поэтической памяти О. Салтука выкристаллизовались темы его будущих исканий – любовь к Родине, красоте родной «Бацькаўшчыны», героической памяти, связанной с трагизмом и героизмом Ушачской земли в годы Великой Отечественной войны... Чуть позже в поэтику О. Салтука вливаются произведения, посвященные собственным армейским будням, любви, заботам и тревогам времени, простым человеческим взаимоотношениям.

Внимательное прочтение поэтического творчества О. Салтука позволяет и сегодня оценить многообразность его поэзии, в основе обобщающей характеристики которой постоянно звучит настойчивое, всеобъемлющее, мы бы сказали, суперактивное стремление поэта к постижению глубинной сущности миросуществования, а стержневым моментом – конкретно-образное осмысление духовно-исторических истоков формирования национального самосознания. Несколько строк из первого поэтического сборника «Начало дня»:

*Сяла не ўгледзець з-за
садоў,
Нібы падлодка з тоўшчы
хваляў.
І спіны мокнуць у дзядоў –
Даўно ўжо косаў не кляпалі.
Дзяды б'юць косы,
А сыны
На луг шыбуюць дружным
скопам...*

*З садоў далёка каміны
Глядзяць,
Як з хваляў перыскопы...¹.*

И вот этот лирический фон становится основой для поэтического анализа сложных морально-этических и философских проблем, восприятия поэтом изменчивого и быстротечного бытия, духовного наследия, традиций и обычаев предков, многогласия постоянно-живущей Вечности. **Как-то получив характеристику, что его творчество связано с жизнью и на асфальте, и на дорожных проселках (В. Ярец),** поэт проявил неожиданные, но всегда прочно заглубленные варианты поэтической мысли, пронизанной неразрывной связью с родным белорусским или со славянским началами. В стихах и поэмах, в поэтических образах, возникающих «*з душэўнай і духоўнай патрэбы*» (А. Мартинович), в судьбе и жизни лирического героя О. Салтука всегда прослеживается чувство искренней благодарности тропинкам детства и юности, перекресткам зрелости, что вывели поэта по жизни и необъятным просторам родного Отечества. **Геннадий Буравкин как-то отметил, что в поэтике О. Салтука чувство причастности к тревогам и глобальным мировым проблемам очень личностное, лирическое, тихое и приходит оно не столько тогда, когда он в мыслях охватывает взглядом планету, а чаще всего тогда, когда он задумывается о судьбах земляков, об истории родного края, о становлении своего поколения.** Между поэтом и его Родиной (большой Белой Русью и «малой» деревенькой Рыженьки и речкой Нерешней), его земляками, близкими и памятными для сердца людьми, событиями и местами установилась та прочная неразрывная связь, без которой нет ни поэзии, ни духовности, ни в целом человечности. Связь с родными местами – это не только встречи с близкими людьми, знакомыми и дорогими с детства речушками, полями и дорогами. Поэт возвращается на Родину, которая дала ему язык, через слово, которому придает силу и уверенность. При этом любовь к отечеству (это очень тонко подметил В. Ярец) выказывается «*без эстрадного завывания и холодной монументальной декларативности*». Конечно, произведениям О. Салтука присущи эмоциональность и приподнятость, духовная наполненность, публицистичность, благодаря которым минувшее и настоящее, личное и общечеловеческое сливаются в единое целое, **в котором читатель находит не только «вогненныя сполахі і незагойныя водгукі мінуўшчыны, але і спадзяванне, веру ў неўміручасць, у працяг» (В. Ярец).**

Первый поэтический сборник О. Салтука «Начало дня» и последний «На ладонях жизни», написанный в условиях Советской Белоруссии, разделяет четырнадцать лет. Это были годы поэтического взросления, мучительных поисков и находок, наполнения поэтического простора новыми темами, более зрелым, более аналитическим, углубленным философско-этическим подходом к их осмыслению (не просто утверждать эстетику обычного!), а также новаций в структурной полифонии стиха, ритмичной и графической многообразности. Имеется в виду неоднобразие метрики соседства различных версификационных форм и приемов организации материала. Внимание О. Салтука привлекает не только настроение крестьянской избы, но и процессы в развитии общества и человеческих отношений, те явления, из которых складывается жизнь, вырастают поэты и формируется их мировосприятие. При этом все процессы и явления воспринимаются автором не изолированно одно от другого, а во взаимосвязи, определенной зависимости и взаимовлиянии. Один пример.

¹ Салтук, А. Пачатак дня / А. Салтук. – Мінск, 1974. – С. 36.

Вот научно-философская цепочка «нация–коллектив–личность». Для поэтического осмысления этой триады О. Салтук находит свои подходы и слова. К примеру, о нации: «*ламалі нас, беларусаў*», «*распіналі на дыбах, плахах і крыжах*», «*але ўставалі мы з каленяў, не паміралі, а жылі*». О земляках: «*У Шуміліне пасынак сёння я, ва Ушачах – даўно сыноч. Землякі, мае родныя, сонныя, не чутно мяне ў вас, не відно*». Рождаются такие мысли, формируя образ Родины, такие слова и строки, потому что для поэта (как и для каждого из нас) «*мясціны бацькі, мясціны маткі*» и есть тот «дым Отечества», о котором, если ты действительно предан ему, не будешь каждый раз говорить высоким словом, но которое живет в сердце, душе, памяти, где бы ты не был – о семье (для поэта именно она выступает в качестве первичного коллектива); о матери («*Ты для мяне незгаснае святло. Няхай цябе агарне і вартуе анёл – на найсвятлейшае крыло*»), об отце («*Стары, сібенькі мой, стары, часцей адзін ты днём і ноччу: схаваў матулю дол стары, а жыць да нас ісці не хочаш*»).

Шумилинская деревня – колыбель поэта. Здесь сформировалась и утвердилась в детской душе любовь к родителям, детские и юношеские впечатления складывались с твердую мировоззренческую позицию, которая позволяет проводить сверку начальных этапов своей жизни с прожитым и пережитым, «взрослыми» чувствами и мыслями. Это убедительно подтверждает стихотворение «Такой наш обычай» («Такі наш звычай...») из первой книги поэта «Начало дня», которое приведем полностью:

*Такі наш звычай –
Іншага не знаю,

Прыйшоў да нас ён з даўняй
старынь:

Звініць вяселле –
Вёска ўся гуляе;
І вёска ціха плача ля труны.
І вёска ўдаве будзе хату,
Нібы мурашнік,
Тая талака,
І вёска выпраўляе ў салдаты
Мурзатага калісьці хлапчука.
І талакой
Калісь ішлі з няволі.
Вялікі звычай,
Покуль ён жыве, –
Нас не сагнуць,
Нікому і ніколі...².*

Конечно, корнями своими эта проблематика заглубляется и в «Начало дня», и в «Продолжение», и в «Свет земли», и «На ладонях жизни». (Не может человека, особенно если он натура поэтическая, жить без своего определяющего начала!). Именно в первых книгах поэта сложилась его тематическая определенность. Вот, к примеру, второй сборник стихов «Продолжение», в котором читатель найдет поэтические воспоминания о *земле детства* «У нас лесная сторона...» («У нас лясная старана...»), «Ровеснику» («Равесніку»), «Старый колодец» («Старая студня»), «Бьется крыльями петух...» («Лапоча крыламі певень...»), «Потушили в деревне давно огни» («Патухлі ў вёсцы даўно агні»), *размышления о неразрывности связей детей с родителями и Родиной* – «Родине» («Радзіме»), «Беседа с лесом» («Размова з

² Салтук, А. Пачатак дня / А. Салтук. – Мінск, 1974. – С. 4.

лесам»), «За победу сегодня выпил...» («За перамогу сёння выпіў...»), «Не насмехайтесь надо мной, не иронизируйте...» («Не пасміхайцеся з мяне, не кпіце...»), «Беловежа» («Белавежа»), «Дорога» («Дарога»), **заботы о судьбе мироздания и человеческой памяти** – «Ответьте, почему...» («Адкажыце, чаму...»), «Память» («Памяць»), «Проклятая баллада» («Выклятая балада»), «Рисуют дети на асфальте...» («Малююць дзеці на асфальце...»), «Приветствую солнца восход» («Вітаю сонца узыход»), лирические строки о любви – «Когда разговаривают уста...» («Калі размаўляюць вусны...»), «Сирень цветы купает в росах...» («Бэз пялёсткі купае ў росах...»), «Хотела как-то море зажечь...» («Хацела неяк мора запаліць...»), «Свет твоих глаз...» («Святло тваіх вачэй...»). Во многих произведениях можно найти интересные заходы к поэтическому постижению сущности явления, интересные формотворческие подходы, неожиданные метафоры, сравнения («*Верасень келіх з краямі наліў – восень на царства вяпчаецца*», «*Лістапад асцярожна, на дыбачках ходзіць...*», «*Вечныя толькі багі, але сэрца не маюць жывога*») и др.

Тематически все это найдет свое отражение в сборниках «Свет земли» и «На ладонях жизни». Однако подходы автора к реализации обозначенных направлений, как нам, кажется, несколько отличаются от предыдущих, их конкретно-образное воплощение принимает более реальные и в то же время обобщенные черты и достигается через отношение поэта к таким известным в белорусской художественной культуре творцам, как Франциск Скорина и Владимир Короткевич, Янка Купала и Олег Янченко («На ладонях жизни»), Феликс Тапчевский, Игнат Буйницкий, Евдокия Лось («Свет земли»). Вот эмоционально-экспрессивные, но болезненно-правдивые строки из стихотворения «Памяти В.С. Короткевича» («Памяці У.С. Караткевіча»):

*...Нылі недзе няўлоўна званы,
 Можа, у Віцебску, можа, у Гародні,
 Ведаў ты, як пражыць без маны
 І адкуль, і якога мы роду.
 Каласы ўжо чакалі сяроў.
 Незабывуны той час, незваротны.
 Адышоў?
 Не – да дому прыйшоў,
 Задуменны, шчаслівы, гаротны.
 Ты ляжыш пасярод зямлі.
 І вярба, і чазенія ў скрусе.
 БЫЎ.
 ЁЎЦЬ.
 БУДУ.
 Не будзеш калі –
 Значыць, Бог уцячэ з Беларусі!³*

Душевно-болезненно звучит и стихотворение-посвящение землячке поэтессе Евдокии Лось:

*Усё было. Усё было.
 Мы сёння толькі паўтарэнне...
 Зямлі кранулася святло,
 І пачалося празарэнне.
 Што без яго мы? Камяні –
 Былых часоў нямыя сведкі,*

³ Салтук, А. на далонях жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 50.

*А голас ёсць і ў цішыні,
І размаўляць умеюць кветкі.
А як падслухаці, разгадаць
І голас той, і гукі гэты?..
Ляцяць у вырай і ляцяць,
Каб не вярнуцца больш, паэты⁴.*

Фамилии творцов национальной художественной культуры, которые читатель находит в первых четырех поэтических сборниках О. Салтука совсем не случайность. **С одной стороны**, это хорошая и удачная попытка в поэтической форме осмыслить исторический путь развития белорусского искусства, зафиксировать через конкретных личностей не впечатляющие лично-исторические явления, которые, будто янтарь, не теряют со временем своих качеств, а становятся еще более величественными и привлекательными. **С другой**, – это как бы ступени, подходы к поэтическому осмыслению такого сложного философского явления, как язык, пониманию его сущности, его роли и места в историческом и культурном развитии нации.

Сошлемся на литературоведа Аллу Кабакович, которая в одной из статей о творчестве О. Салтука тонко заметила: «Мова ва ўжатак кожнаму дастаецца спадчынна». И наш комментарий. В том числе и поэту. А уж как каждый из нас (в том числе и поэт) сможет распорядиться таким национальным сокровищем, это уже другая сторона дела (не секрет, что и на сегодняшний день отношение к родному белорусскому языку – как ко второму государственному и т.д., и т.п.). При этом, для человека творческого, на наш взгляд, прослеживаются две ипостаси – отношение к языку как явлению историческому, национальному, философскому и отношению к родному языку как материальному выражению всеобщего понятия «язык».

Упомянутая нами А. Кабакович высказала однажды интересную и глубокую мысль. Мол, поэтическое творчество – это всегда приручение слова. И с ней нельзя не согласиться – в поэзии без «прирученного» слова никак не обойдешься. Как не обойдешься, без понимания глубинной сущности первоосновы слова – языка, языка родительского, дедовского, тех наших предков, кто, как камушек за камушком, отбирали ее исторические приобретения, обрабатывали, отшлифовывали, чтобы в итоге язык наш белорусский сверкал на небосклоне языков мира отличительной, неугасающей звездой. И звучит это слово **в родительских устах и поэтических произведениях** («Словы матчынай мовы так у сэрца запалі, што ў вершах нанова праз гады прарасталі...»), **родных песнях** («А ў сэрца ўсё б'еца песня матчына й белы свет»), **на солдатских обелисках** («Цішыня на вартоах распята. Ад болю белыя пліты: у сорок трэцім, у сорок пятым забіты, забіты, забіты...») **и на отеческой спине:**

*Бацька скажа, як ні запытаю:
– Усяго бывала на вайне...
Кінула ў прадонне
разрыўная,
Баразну праклала на спіне.
Тру спіну з вялікай
неахвотай.
Толькі ці мая ў тым віна,*

⁴ Салтук, А. Святно зямлі / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 116.

*Калі што суботу з-пад вятохі
Проста ў вочы мне
Глядзіць вайна?⁵.*

Родной язык для поэта – **это и сущность жизни** («У век імклівы, у век суровы, шукай высновы, у яве слова Бацькоўскай мовы»), **и сущность творчества:**

*Буду стаяць на сваім:
Паэзія – гэта ўздым,
Паэзія – гэта падзенне.
Малітва і ачышчэнне
Неба крутая бязмежнасць,
Лёсу твайго непазбежнасць.
Паэзія – гэта натхненне,
Праўда, давер і сумленне⁶.*

Приходилось сожалеть, но во второй половине 1970–1980-х гг. это не все хотели понимать. В поэме «Встреча» («Спатканне») О. Салтук высказывается совершенно однозначно:

*...Было хвалючы сказаць,
Што ў слове дух і гарт народа,
Дык я сягоння з тых спагнаць,
Хто сваё слова лічыць шкодным?
Каб на мяне, вось што б зрабіў:
Такіх усіх і без размовы
У першы клас бы пасадзіў
У школу з беларускай мовай.
Цярпліва б і з душой вучыў,
Каб на жыццё навукі стала,
Што беларус спрадвеку быў,
А з ім – і Колас,
і Купала?⁷*

Как оказывается все это святое в жизни поэта – его Родина, которая дала слово, счастье и талант распоряжаться ими. Поэтому и думает, и заботится поэт об истинности слова, доверии и уважении к нему:

*Каб слова праверыць
На абрус накладзі яго матчын,
Што на святы яна засцілае.
Калі больш пасвятлее ад слова
ў хаце
Гэта добра.*

Поэтому и требователен поэт к себе, к своему творчеству. В поэтическом сборнике «На ладонях жизни» О. Салтук сформулирует свое понимание поэтического творчества, свое отношение к поэзии:

⁵ Салтук, А. Пачатак дня / А. Салтук. – Мінск, 1974. – С. 23.

⁶ Салтук, А. На далонях жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 58.

⁷ Там же. – С. 115.

*Жыву і веру,
Веру нездарма:
Я не апошні з іх, сыноў вясковых.
Выток мой там, пачатак і аснова,
Там спадзяюся адшукаць я словы,
Якіх пакуль у слоўніках няма⁸.*

«Вера»

Таким образом, сливаются в единое целое «слово», «язык», «творчество», «поэт», как бы приближая О. Салтука к поэтическому постижению сущности Родины, его принадлежности и ответственности за нее. Своеобразным обобщением, обращением-призывом быть верным Отечеству звучат наступные строки: «*Жывіце шчасліва і дружна, сябры, землякі і радня, каб нехта чужы і дасужы сваё ў нас не адняў*». И далее поэт призывает:

*Адна ў нас такая зямелька,
Дзе кожнаму месцейка ёсць.
Не будзе яе – хоць у пельку,
Таварыш, спадар, ягамосць.*

Однако к тому времени, когда «земная глыбіня» станет «апошнім прытулкам», лирический герой О. Салтука постоянно ощущает свет родной земли, стремится, чтобы оно вечным добром освещала Отечество, людей, которые живут и трудятся на Белоруссии. Никто не знает, куда забросит его судьба, но каждый, кто помнит свои истоки, кто глубоко пустил корни в темные белорусские поля и зеленые сенокосы, должны знать следующее:

*Запытаюць цябе, чый ты сын,
Адказы, мой сыноч:
– БЕЛАРУС Я!*

Для своего героя поэт в окружающей действительности находит реалии, цементирующие жизнь родной стороны и жизнь славян в единое, неразрывное целое. Как нам кажется, в отношении к Белоруссии таким символом стала речушка Нерешня (которую только и найдешь на географической карте Шумилинского района). Маленькая речушка Нерешня для поэта – это и жизненные истоки («*Ёсць у мяне свае вытокі, і пачынаюцца яны з Нярэшні – рэчкі неглыбокай, сястры малодшае Дзвіны...*»), и исток творческого вдохновения, и место размышлений над прожитым и увиденным. Через любовь к своей Нерешне поэт высвечивает общезначимые общественные проблемы, неподвластные поэтическому перу. Звучат они эмоционально-обостренно, даже тревожно. Вот, к примеру, строки из поэмы «Встреча», в которой тесно переплелись социальное и моральное, духовное и экологическое:

*Дзень ідзе, і я іду
У зару яшчэ младую.
У радасць кроцьку, прыйшоў у бяду –
І смуткую.
Баравіны шумелі тады
І сяло, як вулей, гуло,
Нібы крыгі, сплылі гады,
Агарнула суму крыло.*

⁸ Салтук, А. На далонях жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 53

*Дзе паляны сунічныя, дзе
На Дзвіне крутыя віры?
Лес, мой лес, як жа ты парадзеў –
Хоць лічы сасонкі ў бары!
Школы новай бялюць муры.
Кабінеты – цяпло і святло –
Ёсць усё, менш дзетвары
Чым у нашай драўлянай было.
У Парэччы –
Чатыры двары.
У Далуеве...
Што лічыць?
Амаль кожны двор стары –
Не бабулек жа ў школе вучыць⁹
(Все выделено нами. – А.Р., Ю.Р.).*

Да, все есть в нелегкой деревенской жизни (непродуманные мелиоративные работы, вырубленные леса, состаревшие деревни и люди), но в голосе поэта все же преобладает оптимистическое начало:

*І вады дадуць табе крыніцы,
І апоўнач дужыя ласі
Выйдуць з пушчы да цябе напіцца.
На купалле моладзь прыбязыць
У святочнай да цябе абнове.
Трэба верыць, рэчка, трэба жыць, –
Мой выток,
Пачатак
І аснова!¹⁰.*

Кстати, и маленькие речушки (Нерешня и Ушача, Дорейка и Вульянка), и более значительные (Двина, Полота, Витьба) – своеобразный фетиш поэта, дань которому он отдает в каждой своей книге. К тому же и сам поэт открыто признается: «У мяне ёсць тры рачулкі, светлы боль, мая любоў. Мне без іх на свеце мулка, з імі сэрца б'еца гулка і бунтуе ў жылах кроў... Ёсць на свеце тры рачулкі – берагі маёй тугі...». Умение увидеть, заметить, ощутить человеческое (и свое) родство на своем реальной почве действительности 1970–1980-х годов – составляет важную характеристику в творчестве О. Салтука. Его стихи о родных и близких с детства местах – оптимистические, душевные, насыщенные поэтическими зарисовками природных явлений, родных лесных просторов, взаимоотношений человека и природы.

Хотя сам О. Салтук войны не видел, военная тема в его творчестве представлена очень широко и многопланово. Свое отношение к войне поэт формирует через осмысление отдельных эпизодов (скрипящий протез ветерана, осколок, который пила нашла в дереве, проржавевшие пули в каждом дереве, уцелевшая от расстрела девочка, кровавый блокадный прорыв, солдатские захоронения у дороги Витебск–Лиозно, отцовская военная медаль, жизнь вдовы Адели), которые в итоге складываются в панорамное полотно народной памяти, в которой трагически-суровыми символами выступают непокоренная

⁹ Салтук, А. На далонях жыцця / А Салтук. – Мінск, 1988. – С. 16.

¹⁰ Там же. – С. 122.

Брестская крепость и щемящая душу Хатынь, трагическая блокада Ушачско-Лепельского партизанского края и каждый четвертый погибший белорус:

*У зямлі маёй памяць моцная,
У народа – яшчэ мацней.
Абеліскам на брацкіх могілках
З кожным годам усё цясней.
Едуць сёння здалёку і зблізку
Пакланіцца, узяць жменьку зямлі...
Манументы і абеліскі
З нашай памяці прараслі.
Гэта памяць усё пераверне
Праўдаю,
Як зямлёю сырой...
У тваю нязломнасць я веру,
Неўміручая
Крэпасць-герой.
Веру вам,
Каміны Хатымі,
Вас ні жах, ні агонь не скарыў.
Веру вам,
Сцяжыны святыя,
Партызанскія –
На Прарыў!*

Помни о войне и поклонись народу, который смог в ней выстоять и победить, – вот лейтмотив стихотворений и поэм О. Салтука о военном лихолетье. Живи, современник, радуйся и... помни. Помни, что оружия в мире накоплено много и оно (или те, кто им владеют) всегда ищет место для своего использования.

Не обойдена О. Салтуком и такая традиционная для поэтического творчества тема, как любовь. Однако же быть в ней традиционным, значит, загубить себя. Именно поэтому поэт стремится найти свои, отличительные подходы, меткие теплые слова. У каждого из нас есть та единственная, которой решаемся однажды адресовать своё признание. У О. Салтука читаем:

*Святая, мусіць, ты,
Калі дасюль яшчэ
Цяпла тваіх вачэй
Хапае мне на ўсіх маіх сцяжынках¹¹.*

Неожиданно, даже не привычно, звучит просьба героя к своей избраннице. Однако, какая искренность, какая открытость чувств:

*Напішы мне пісьмо
На лісточках кляновых,
У азёрную сіль абмакнуўшы пяро.*

¹¹ Салтк, А. На дарогах жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 103.

И еще об одном. О постоянном внимании О. Салтука к устному народному творчеству, обогащении его поэтики народной мудростью, насыщении произведений метафорами, неожиданными сравнениями. Особенность, однако, не только в заимствовании из народного и использовании его: идет процесс обогащения собственного поэтического языка, создании своих неологизмов, новых словообразований. Словом, идет процесс утверждения своей поэтической дороги, на которой главным для него стало правило «Не петь из чужого голоса!».

В белорусской советской литературе О. Салтук выглядел поэтом зрелым, творческим, ищущим. Это Личность с открытой и активной творчески-гражданской позицией: перо поэта было всегда направлено на осмысление общечеловеческих и значимых для него личных проблем. Читатель принимает его озабоченность судьбой белорусов, переживших Чернобыль, удивляется его деликатности и тонкости при осмыслении темы любви и взаимоотношений между близкими людьми. Личное же желание поэта более скромное: *«І адно, напэўна, засталася, без яго няма чаго і жыць – дачакацца (Божа, каб збылося!): жніўны ранак... Спелае калоссе... І насустрач мне ўнук бяжыць»*.

Активная творческая деятельность О. Салтука продолжалась и в условиях суверенной Беларуси. Его поэтический голос звучал мелодично, настойчиво, привлекательно, охватывая новые просторы и аудитории. Однако эта тема для нового исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салтук, А. Пачатак дня: лірыка / А. Салтук. – Мінск, 1974.
2. Салтук, А. Працяг: вершы / А. Салтук. – Мінск, 1977.
3. Салтук, А. Свято зямлі: вершы і паэмы / А. Салтук. – Мінск, 1982.
4. Салтук, А. На далонях жыцця: вершы і паэмы / А. Салтук. – Мінск, 1988.

ЮРАСЬ СВИРКА

Юрась Николаевич Свирка родился 6 мая 1933 г. в деревне Марговицы бегомльского (ныне Докшицкий) района в многодетной крестьянской семье (у будущего поэта было пять сестер и три брата). В 1953 г. окончил Бегомльскую среднюю школу и поступил на отделение журналистики филологического факультета Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. Первое стихотворение было напечатано в 1952 г. в газете «Піянер Беларусі».

Год выхода в свет первого поэтического сборника Юрася Свирки «Шепчутся ливни» («Шэпчуцца ліўні») (1959) совпал с годом окончания его учебы. Трудовой путь начал в редакции журнала «Коммунист Белоруссии». Затем работал в газетах «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», на Белорусском радио. С 1961 г. был старшим редактором литературно-драматического вещания. Вторая книга Ю. Свирки «Вечность» («Вечнасць») выйдет из печати в 1963 г., она тематически углубит и разовьет первую, даст читателю более полное представление об истоках и содержании творчества нашего земляка.

Детские и юношеские годы провел в родной деревне, в том героическом партизанском крае, откуда берет начало литовское партизанское движение; где с 1942 г. (в декабре 1942 г. партизанская бригада «Железняк» уничтожила в Бегомле фашистский гарнизон. – А.Р., Ю.Р.) и до прихода Советской Армии действовали органы советской власти; где находится знаменитое озеро Палик – символ партизанского героизма, высоты человеческого духа и самопожертвования. Наконец, в том крае, в котором, несмотря на все тяготы и лишения, мать Акулина Петровна сохранила жизни всех восьмерых детей и которой поэт посвятил сотни поэтических строк. Все это не могло не сказаться на формировании мировоззрения будущего поэта, его духовно-нравственного багажа.

*Я заўтра на золку
Паеду дадому –
У ціхі Бягомль, партызанскі раён,
Туды,
Дзе мне кожная хата вядома,
Дзе далеч гудзе ад пчаліных раёў.*

Заявив таким образом о своей малой родине, Ю. Свирка и в первой, и во второй, и в последующих книгах будет системно и целенаправленно поэтизировать родные места, жизнедеятельность земляков, их сопричастность к происходящим в мире событиям. Читатель познакомится с присущими деревенской жизни и белорусской природе атрибутами – сосновой хатой, березовыми аллеями, шумом цветочных лугов, задумчивым сосновым бором, хорошо знакомыми с детства явлениями, которыми были заполнены душа и сердце деревенского парня, переехавшего в большой город.

Хотя, скажем, «партизанский цикл» (назовем его так. – А.Р., Ю.Р.), включающий стихи «В партизанском лагере» («У партызанскім лагеры») (1956), «Партизанские пепелища» («Партызанскія вогнішчы») (1957), «Вели на расстрел партизана...» («Вялі на расстрэл партызана...») (1958), «Вечер над Паликом» («Вечар над Палікам») (1958), выглядит предельно эмоционально-выразительным. Вот, к примеру, стихотворение «Вечер над Паликом»:

Ля прычалу застылі
Рыбацкія лодкі,
А за возерам –
Совы крычаць у бары...
Можга гэткай парой партызаны,
Мае аднагодкі,
Паміралі ад ран у балотах,
Як з баямі ішлі на прарыў.
Я гляджу на той бераг
І лаўлю ўсе гукі начныя,
Я стаю сярод ночы, –
Не магу я да дому пайсці:
Можга, у поўнач,
А можга на золку
Прыплывуць і сюды сувязныя,
Яны змогуць заўжды тут сабе
Папаўненне знайсці.

Тему войны Ю. Свирка трансформирует через свои собственные впечатления, придавая стихотворениям, к примеру «О себе» («Пра сябе»), биографические черты:

...Маленства
Першай іскраю з-пад крэсіва
Успыхнула
І больш – як не было,
Вайна ўсе забавы перакрэсліла,
Спаліла і маленства, і сяло...
Зямля была асколкамі паколата,
Вайна мне ўяўляецца і ў сне,
І тыфам,
І блакадаю,
І голадам
Яна страляла пяць гадоў на мне.
Мяне вайна
І сёння не пакінула:
Знайшла ў лёгкіх шчыліну адну...
Тады скажу я,
Што вайна загінула,
Калі грудзьмі здаровымі ўздыхну.

И все же поэт понимает, что его малая родина – это лишь часть родной Белоруссии («Дзе б я ні быў, – стаіш ты ў вачах, і я заўсёды да цябе імкнуся. Змарнеў бы без цябе я і зачах – ці ж можна жыць без роднай Беларусі?!»), а его личные воспоминания и эмоции неотделимы от социально-духовных процессов, определяющих ход и направление общественного развития.

Жыццё спяшае Шляхам Млечным,
Пад ногі моціць мулкі брук.
А я ўсё думаю пра вечнасць,
Пяро не выпускаю з рук.

ЮРАСЬ СВИРКА

Привлекает и то, что Ю. Свирка активно использует сравнения, метафоры, аллегории, превращая с их помощью казалось бы обыденные вещи и явления в возвышенные поэтические образы:

*...Туман пакідае Бярозу
Раскрытай ёй крыху сорамна.
Лезе яна пад бераг
І штосьці бубніць галлю.
А зоркі на небе трасуцца
(Пад раніцу ж вельмі халодна)
І, астылыя, мусіць,
Пагрэцца ляцяць на зямлю.*

«Сонца не хоча растацца»

*...Зямля, як перад святым, рупіцца,
Пабеліць футра зноў і зноў...
І перад сонцам доўга круціцца,
Каб бачнай быць з усіх бакоў...*

«Зямлі здавалася...»

*...А восень –
Сама чырванее калінай:
Не ўспела з-пад коўдры
Нагрэтай падняцца.
Радочкам ляжаць на імху журавіны –
То восень паказвае кончыкі пальцаў...*

«Жураўлі»

Поэтические искания, начатые Ю. Свиркой в сборниках «Шепчутся ливни» и «Вечность» будут продолжены в книгах поэзии «Боровое» («Баравіна») (1967), «Кровность» («Крэўнасць») (1971), «Автограф» («Аўтограф») (1974), «Люблю и верю» («Люблю і веру») (1975), «Памятная верста» («Памятная вярста») (1978), «Биография памяти» («Біяграфія памяці») (1981), «Полушарие небосклона» («Паўшар'е небасхілу») (1986), «Кружка с песчаным дном» («Кружка з пясчаным дном») (1990).

В представленной на суд читателей в 1967 году третьей книге стихов «Боровина», **поэт, по словам его же коллеги по поэтическому цеху К. Камейши, предстал «обновленным и возмужавшим, в его поэтическом голосе было много тревоги, боли за пережитое и за нашу неустроенную, не очень счастливую жизнь...»**¹. И лучшее подтверждение словам К. Камейши находим в стихотворении «Хочу проснуться...» («Хачу праснуцца...»), которым и открывалась «Боровина»:

*Хачу прачнуцца я
Праз сотні год,
Паслухаць траў і ветру шапаценне.
Хачу я толькі на адно імгненне
Паслухаць,
Як жывеш ты, мой народ.*

¹ Літаратура і мастацтва. – 1993. – 7 мая.

Хачу паслухаць
Шум сівых бароў
І пахадзіць прасекаю лясною,
Спыніцца над Бярозаю-ракою,
Паслухаць шоргат сініх чаратоў.

Калі пачую:
Ты жывеш, народ
(Па голасе пазнаю беларусаў),
Тады спакойна на пагост вярнуся
І зной засну –
На сотні тысяч год².

С поэтической исповедью Ю. Свирки вполне коррелируются его признание «Возвращаясь в пережитое» («Вяртаючыся ў перажытае»), напечатанное в автобиографическом сборнике писателей Беларуси «Вытокі песні»: «Калі б патрабавалася адказаць, якія вершы любіш, зазначыў бы: выпакутаваныя, сціслыя, спакойныя. Мне здаецца, калі паэт свядома піша гучныя радкі, то ён думае, што ўсе глухаватыя і яму трэба крычаць.

Не люблю вершаў-галаваломак з прэтэнзіяй на глыбокадумнасць, не люблю вершаў без жыццёвай асновы і лёсу.

Пераканаўся, што лепш пісаць па гарачых слядах паэтычнай задумы. Накіды, пакінутыя ў запіснай кніжцы, з часам астываюць. І немагчыма двойчы прымусіць сваю душу вяртацца да першапачатковага настрою і хвалявання³.

Эти слова, как впоследствии оказалось, лягут в основу философско-эстетической концепции творчества Ю. Свирки во второй половине 1960–1980 гг. И в этой многофакторной системе определяющую роль будут играть несколько всеобъемлющих тем – **тема памяти о военных и трудных послевоенных годах, родных местах, родной природе, близких и дорогих с детства людях** (О последних, кстати, поэт пишет неторопливо и спокойно, как будто ведет летний покос. Это врожденная уважительность к односельчанам, их не простой, противоречивой жизни); **тема ответственности поэтического слова, родного языка и роли писателя в формировании нравственно-эстетических взглядов вкусов и представлений человека, тема человеческих отношений, любви, дружбы, уважительного отношения к старшим по возрасту людям**; наконец, **тема верности народным традициям, той неуссыкаемой духовно-нравственной ауре, в которой есть место и Я.М. Богдановичу и Я. Купале и Я. Коласу, всему богатству народной жизни, которым так богаты белорусская земля, Бегомльщина, небольшая родная деревня Марговица...**

И в этом тематическом разделении поэт предстает во всей многогранности своего таланта (от лиризма к публицистике, от трагедийности до самого высокого чувства любви), приглашает читателя к размышлениям, насыщая стихи и баллады огромным гражданским смыслом. И его память, пронизанная дыханием сурового военного времени, приобретает новый социальный аспект, возрастает публицистичность и личная ответственность лирического героя за дела собственные и дела других людей. Эта линия в поэзии ярко проявится в стихах «Сижу с комбригом партизанским...» («Сяджу з камбрыгам партызанскім...»), «Память партизанского района» («Памяць партызанскага раёну»), «Он думал...» («Ён думаў...») (**поэтический сборник «Боровина»**), «Тебя я уже годами прожил...» («Цябе я ўжо гадамі пражыў...»), «Минск. Площадь Победы 9 мая» («Мінск. Плошча

² Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 3–4.

³ Свірка, Ю.М. Вяртаючыся ў перажытае / Ю.М. Свірка // Вытокі песні. Аўтабіяграфія беларускіх пісьменнікаў. – Мінск, 1979. – С. 255–256.

ЮРАСЬ СВИРКА

Перамогі 9 мая»), «Баллада о памятнике» («Балада пра памятник») (*поэтический сборник «Кровность»*); «Баллада о партизани и пограничнике» («Балада пра партизана і пагранічніка»), «Баллада о танце» («Балада пра танец»), «1418 дней» («1418 дзён»), «Партизанские вдовы» («Партызанскія ўдовы») (*сборник «Автограф»*), «21 июня 1941 года» («21 чэрвеня 1941 года»), «Снимки военной поры» («Здымкі ваеннай пары»), «Июль 1944 года» («Ліпень 1944 года»), «Солдат Отечественной» («Салдат Айчыннай»), «Сон партизанской вдовы» («Сон партызанскай удавы»), «Баллада о бессмертии» («Балада пра неўміручасць»), «Партизанская мадонна» («Партызанская мадонна»), «Саласпилский реквием» («Саласпілскі рэквіем») в сборнике *«Ядреность» («Ядранасць»)* и др.

Тематическое определение творчества Ю. Свирки, сформулированное нами, правильнее было бы назвать условным, ибо у поэты тема чаще всего становится чем-то внутренним, органическим, совпадает с идеей, с судьбой, с ощущением моральной ответственности за все. При этом ответственности не словесно-декларативной, а пронизанной восприятием жизни, состоявшейся на родной земле. И, если эту жизнь разложить на «кирпичики», составляющие выделенную нами в качестве первой «тему памяти», то все описать их просто невозможно. Попытаемся это сделать при помощи самого Ю. Свирки – его стихи можно комментировать, читать по-своему, но, на наш взгляд, читателю надо представить авторские поэтические строки, а комментарии предлагать лишь в необходимых случаях. Вот лишь несколько примеров. Запомнив навсегда, *«што бомбаю варожаю маленства пакалечана маё»* (Ю. Свирка. – А.Р., Ю.Р.), через сорок лет поэт пишет стихотворение:

*Хаджу адзін па спелым садзе,
Свіцяцца яблыкі з сукоў.
Я не хаваюся ў засадзе,
Не каравулю хлапчукоў.*

*Хачу паслухаць зор гаворку.
Даверыўшыся цішыні,
Пагаманіць з вячэрняй зоркай
Пра вечнасць і пра нашы дні.*

*Даўно ўжо сад не слепіць макам.
І яблыкі не без пары
Патрабавальна, але мякка
Зямлі пашэптваюць:
«Бяры!»*

*Ім надакучала спяліцца,
Адно жаданне ў іх жыве,
Каб адарвацца,
Абрасіцца
І пакачацца па траве.*

*І не збаяўшыся, звысоку
Даказваць хочацца зямлі,
Што не дарма цягнулі соці,
Што не дарма вясной цвілі.*

Каб паляцець,
Знаходзяць выйсце:
Агледзяць між сукоў прасвет
І, расхінуўшы ціха лісце,
Кідаюцца ў белы свет.

Я бласлаўляю сад,
Дарожку,
Калі пад яблыні ідзеш,
Каб пад антонаўскай бамбёжкай
Адчуць,
Што ты яшчэ жывеш⁴.

И, если ты еще живешь, обращаясь к читателю, пишет Ю. Свирка, в памяти твоей будет не только война, и не только трудное послевоенное детство:

Я начаваў пад магазінам,
Ад машкары-заеды слеп...
І самай важнаю навінай
Была адна:
«Прывезлі хлеб!»
Чарга бясконца будзіла,
Я ледзь трымаўся на нагах:
Нібыта рошчына хадзіла
Худая, доўгая чарга.
Няўжо тады я быў двухжылы,
Няўжо тады я быў другі.
Чарга сціскала і душыла,
А я не пакідаў чаргі.
Яна мяне хістала груба
І плюшчыла з усіх канцоў,
А я – бліжэй да лесарубаў,
Да кавалёў і да касцоў.
За іх шырокімі плячамі...⁵

«Першыя гады пасля вайны»

И не будет оставлять поэта детская боль, которая нет-нет, да и звучит в стихах Ю. Свирки:

Далёкае,
Зацягнутае марывам,
Ты засталася ў франтавых гадах,
Нямелае,
З няздзейсненнымі марамі
І са слязьмі пакуты на вачах.
...
Я не хачу з табою сустракацца,
Маё дзяцінства.

⁴ Свирка, Ю. Аўтограф / Ю. Свирка. – Мінск, 1971. – С. 114–115.

⁵ Там же. – С. 23.

ЮРАСЬ СВИРКА

*Ты не лезь у сны.
Я не хачу:
Баюся я вяртацца
Да голаду, хваробы і вайны⁶.*

Конечно, послевоенные трудности не могли не остаться в поэтической памяти. Но думаем, что насыщалась и крепла, росла из корней деревенских, из лирико-возвышенного воспевания Бегомльской природной красоты, ее лесных краевидов и небольших речушек, заливных лугов и легендарных исторических мест. Лишь несколько стихотворных строк:

*П'ю
Не нап'юся лясной прахлады:
Працэджан туман праз мільёны
ствалоў.*

*Лёгка ісці мне...
Грыбамі плодная,
Ціха зямля ўздыхае без слоў.*

*Туман пакаціўся лагчынамі, поймамі,
А прыстань яго ля Бярозы-ракі.
Там травы спрабуюць карэннем напоеным
Разбуджваць пласты,
Што праспалі вякі⁷.*

Еще одна тема – тема возвышенно-эмоционального чувствования родной природы получит свое дальнейшее развитие в поэтическом сборнике «Вечность», правда, в несколько ином ракурсе, с новыми лирическими характеристиками обостренного чувства родного угла, родных луговых и боровых мест. И это становится более понятным, когда знакомишься со стихотворением «Сосняки меня не узнают» («Саснякі мяне не пазнаюць»):

*З кожным днём раблюся
я чужым
Кветкам палявым,
Лугам
І росам
Мо таму, што доўга там не жыву,
Мо таму, што не хадзіў там босы.*

*...Саснякі мяне не пазнаюць
Што пайшлі пасля вайны ўгору.
Перад імі доўга я стаю
І не знаю,
Што яны гавораць...*

«Саснякі мяне не пазнаюць...»

Или как в стихотворении «Возвращение в начало своего рода» («Вяртанне ў пачатак свайго роду») из книги «Люблю и веру»:

⁶ Свірка, Ю. Крэўнасць / Ю. Свірка. – Мінск, 1971. – С. 30.

⁷ Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 50–51.

Ёсць у кожнага свой
незабыўны абжыты куток.
Дзе ніколі не страшны
ніякія спёкі і сцюжы.
Дзе з калодзежа возьмеш
гаючай вадзіцы глыток.
І адчуеш сябе маладым,
і шчаслівым, і дужым.

Практически в каждой из книг поэта читатель найдет строки, позволяющие, как пишет он сам: заглянуть «у вёску, як у слоўнік, каб упэўніцца, што правільна пішу».

Подобная сверка поэтического совершенства проходит у Ю. Свирки – **с лесом** – стихи «Формул лесу» («Формула лесу»), «Мой вечный, мой мудры бор» («Мой вечны, мой мудры бор»), «Здорово, лес!» («Здарова, лес!») (**сборник «Боровина»**), «Сосна с лесного озера» («Сасна з ляснаго возера»), «Самой природой призванный...» («Самой прыродаю запрошаны...») (**сборник «Автограф»**), «Лесу я издавна кланяюсь...» («Лесу я здаўна кланяюся») (**сборник «биография памяти»**) и др.

...Лес мой, бог мой!
Я люблю тваё царства –
Адзінае царства свабоды,
Дзе прасторна і думкам, і соснам –
Тваім жыхарам.
Я прыйшоў да цябе,
Каб адчуць тваёй свежасці подых.
Я стаю на паляне,
І светлай, і чыстай, як храм.
...Дрэвы дружнай сям'ёю.
Мне заўсёды без іх сумаваць.
І мне хочацца, лесе мой,
Высіцца толькі з табою,
Пераплёўшы карэнне з зямлёй,
Каб вяршыняй блакіт даставаць⁸.
«Лес мой, бог мой!»

– с грибами:

Апошнія пажыткі лесу –
Грыбы,
Асеннія грыбы.
І з дражняку ў драмняк я лезу,
Ад павуціння твар рабы.
Нагамі верасы рассоўваю,
Ступаю мякка ля імхоў...
Налезла ў кошык верасовых
па кулаку баравікоў...

⁸ Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 50–51.

*А неба нізкае захмарына,
І ад імжы мой плашч намок.
Прапахлі багуном, імшарамі,
Іду, нагрыблены, дамоў⁹.*

«Баравіковае»

*Бег я да лесу на збліжэнне,
Туман закрыў усе хады,
І мне здавалася тады:
Ішло грыбное нараджэнне.
Сланяўся я па баравінах,
Як з нейкай казкі чараўнік,
Не наступі на баравік!..*

«Грыбны ўспамін»

– с его запавшей в детстве любовь к мурожным, укосным лугам:

*Луг!
Табе я любоў сваю выкажу.
Лазнякі, сабірайце ў круг!
Луг!
Цябе я да кусціка выкашу,
Будзеш ты як падстрыжаны, луг.*

*Так мне лёгка і весела косіцца,
У руках я не чую касы.
Толькі неба хмурынкамі косіцца,
Абцяючы дожджык касы.*

*...Луг!
Табой я даўно зачарованы.
Для цябе я заўсёды быў свой.
Так мне лёгка парой вечароваю
У пакосы лажыць травастой.*

*Прыбярэ цябе мяккімі копамі,
Паднясу да адоння мурога.
І бусла,
Што стаіць як укопаны,
Папрашу,
Каб мне вытаптаў стог¹⁰.*

Поэт откровенно признается читателю, что в родных местах он «кожнае дрэва са школьных гадоў, як людзей сваёй вёскі па імені знае». Подтверждение этим поэтическим строкам находим в одном из интервью Ю. Свирки: «Амаль усе свае вершы я напісаў дома, у роднай Маргавіцы ў кароткія месяцы адпачынку. Радкі прыходзілі і тады, калі быў на лузе з касой, і тады, калі хадзіў па грыбных баравінах, і тады, калі чуў ад старэйшых пра ваеннае ліхалецце...»¹¹. А потому и тянет на Бегомльщину, к родительским местам, к деревушке,

⁹ Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 64.

¹⁰ Там же. – С. 89.

¹¹ Цит. по: Віцебскі рабочы. – 1978. – 1 чэрв.

«якая з такім імем вякуе ці таму, што з баравымі зорамі пераміргавалася, а ці таму, што свае скупыя на ўраджай гоні на маргі мерала» (Р. Барадулін):

...Там маці мяне кожны вечар чакае,
Там бацька даўно мне наладзіў касу.
Мне гэты куток уяўляецца раем:
Там вершы мае –
Мая радасць і сум.

Не знаю,
Як доўгую ноч пералежаць:
Так цягне прайсціся па золкай расе!
Я чую,
Як соладка пахне алешнік,
Як шастае нехта ў спелым аўсе...»¹²

Малая родина, родныя места, знакомыя для Ю. Свіркі лица... Признание поэта в сыновней любви к ним, в том, что с детства памятно и дорого, читатель находит практически в каждом из поэтических сборников. В **сборнике «Люблю и верю»** – это «Мое местечко» («Маё мястэчка»), «Следами отцов» («Слядамі бацькоў»), «Бегомль» («Бягомль»); в **сборнике «Памятная верста»** («Памятная вярста») – «Моя сто пятая верста» («Мая сто пятая вярста»), «Приглашение» («Запрашэнне»); в сборнике «Биография памяти» («Біяграфія памяці») – «Приснилась моего детства речка» («Прыснілася майго дзяцінства рэчка»), «В Березинском заповеднике» («У Бярэзінскім заповедніку») и др.

Верность «своей» родине, которая для поэта не только земля породившая его, но и та моральная высота, тот ориентир, на который равняет он свою жизнь и творчество. Перед читателем в концентрированном, спрессованном виде, можно сказать, исповедальном, позиция поэта изложена в стихотворении «Возвращение в начало своего рода» («Вяртанне ў пачатак свайго роду»):

...Кожны помніць
бязрозу, рабіну ці клён пад акном,
Што садзіў яшчэ бацька
ў гады маладыя,
Каб сыны пазнавалі
здалёку бацькоўскі свой дом,
Каб канчаліся дома
вандроўкі даўгія.
Ёсць у кожнага ганак,
там клубкі непачатых дарог
Улягліся пад жорнам,
што некалі трушчыў зярняты.
І калі ты аслаб,
і калі ты стаміўся, знямог,
То вяртаўся на гэты парог,
Тут ля рук сваіх знойдзеш
спачын і занятак.
...Зноў я дома жыву.

¹² Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 38.

*Родны двор,
родны дом!
Як я рад, што сюды
прывяла мяне сцежка прамая.
Бацькаў двор, для мяне ты –
адкрыты аэрадром:
Без сігнальных агнёў
у любое надвор'е прымаеш»¹³.*

И над всем этим господствует своеобразная народная метафоричность, окрашивая поэтические строки в непривычные, но привлекательные одеяния. Вот, к примеру, стихотворение «Мать утро будит» («Маці раніцу будзіць»):

*Смачна раніца спіць,
Сіняватая, крохкая,
Смачна спіць, маладая, –
Аж зайздрасць бярэ.
Маці раніцу будзіць
Нямельмі крокамі
І натужлівым рыпам
Настылых дзвярэй.
Апускае ў калодзеж
Вядро акаванае,
І радзеюць на вораце
троса віткі.
Спатыкаеца ў зрубе
Вядзерца заспанае
І нырае ў ваду –
У крышталь трапяткі...¹⁴*

Казалось бы, воспевание малой родины как источника и кристаллизатора мыслей и творческих исканий могло стать ностальгическим, давяющим над поэтическими исканиями Ю. Свирки. К счастью этого не произошло. Оставаясь по-сыновьему влюбленным в родной край, он поэзию памяти шаг за шагом поднимает до осмысления проблем социально-значимых, наполняет их глубоким философско-нравственным смыслом. И одной из таких проблем выступает тема ответственности поэта за свое слово, запечатленное в поэтической форме, за ответственность за «должность поэта», или даже в авторском выступлении с эстрады. В упомянутой нами автобиографии есть весьма привлекательное суждение: «... Мне здаецца, калі паэт свядома піша гучныя радкі, то ён думае, што ўсе глухаватыя і яму трэба крычаць» (с. 255). Здесь весьма показательным выступает стихотворение «Творческий вечер» («Творчы вечар») из **сборника «Автограф»**. В книгах стихов, изданных в 1970–1980-е годы читатель может найти десятки произведений, раскрывающих понимание Ю. Свиркой **общественной значимости поэзии** (стихотворения – «Поэзия» («Паэзія») в **сборнике «Кровность»**; «Опаздываю я платить дань поэзии...» («Пазнюся я плаціць даніну паэзіі»), **гражданственности поэзии мастеров художественного слова** (стихотворения «О стихах, которые не удались» («Пра вершы, якія не ўдаліся») в **сборнике «Боровина»**; «Обращение» («Зварот») в **сборнике «Кровность»**;

¹³ Свирка, Ю. Баравіна / Ю. Свирка. – Мінск, 1967. – С. 31.

¹⁴ Там же. – С. 10.

«Хотел бы одного...» («Хацеў бы аднаго...»), «Мы едем домой дорогой одною» («Мы едзім дадому дарогай адною») в *сборнике «Автограф»* и др. И **даже личные обращения-пожелания и к своим сверстникам** («Поэтам-сверстникам» («Паэтам-аднагодкам»), «Нет, друг мой, ты не обижайся...» («Не, дружа мой, ты не крыўдуй...»), «Друзья мои...» («Сябры мае...») и **к более молодым коллегам по поэтическому цеху** («Пожелание тем, кто моложе» («Пажаданне тым, хто маладзейшы») в *сборнике «Автограф»* и др.). Приведем лишь два примера, на наш взгляд, определяющие поэтическое кредо Ю. Свирки:

*Паэты!
Вы ўсе паслы народа
У краіне праўды і свабоды.

А народ чакае ад паслоў
Самых верных і праўдзівых слоў.

І як лепшую ўзнагароду
Праўду выпраменьвайце народу¹⁵.*

«Зварот»

*Калі ты сын свайго народа,
Скажы ўсю праўду пра яго.
І не чакай узнагароды,
Не адступайся ад свайго.
Калі зямлю святую любіш,
Скажы,
Якой яна красы,
Скажы,
Што край свой не забудзеш,
Нікому ў крыўду не дасі.
Калі шануеш тую мову,
Якую продкі збераглі,
Скажы ты ёй такія словы,
Каб у вяках яны жылі.
Каб той,
Хто прыйдзе за табою,
Не папракаў цябе ні ў чым.
А ўзяў бы мову, нібы зброю,
Каб для нашчадкаў берагчы.
Каб у апошнюю хвіліну
Не давялося шкадаваць,
Што засыпаюць з дамавінай
І тое,
Што не змог сказаць¹⁶.*

«Пажаданне маладзейшым»

В разговоре о значимости поэтического слова в нашем духовном сообществе нельзя не вспомнить стихотворение «Родной язык» («Родная мова»). Чтобы у читателя сложилось целостное впечатление о понимании и оценке Ю. Свиркой роли родного языка в жизни белорусской нации, приведем стихотворение без сокращения:

¹⁵ Свирка, Ю. Крэўнасць / Ю. Свирка. – Мінск, 1971. – С. 61.

¹⁶ Свирка, Ю. Аўтограф / Ю. Свирка. – Мінск, 1974. – С. 146.

*Не, народ ад мовы не адрокся:
Колькі жыў ён, мову не мяняў.
Выдумка чужацкага адроддзя,
Што народ без мовы гараваў.*

*Мова не скаралася ніколі,
Хоць душылі, а яна жыла.
Мой народ вякамі сніў пра волю,
Да яе ішоў, як да святла.*

*Доўга мой народ быў у абозе,
Жорсткі свет на дапамогу скуп.
Як гарох пры выбітай дарозе,
кожны і таптаў яго і скуб.*

*Мой народ жыў пад прыгнётам доўга,
Паслужыў цару і каралю!
Мову пазычаў князям літоўскім,
Заараўшы волю у зямлю.*

*А ў Кастрычніку сказаў ён грозна:
«Там, дзе воля, хай не дрэмле меч!»
Вырваў з сэрца гнеў, як шаблю з ножнаў,
Каб свой страх пакорлівы пасеч¹⁷.*

На наш выгляд, в тематике поэтического творчества, о котором мы только что рассуждали, заслуживает внимания то обстоятельство, что поэту удалось уйти из ловушек риторики и резонёрства (хотя в те годы избежать этих принципов было весьма сложно).

Лирический герой Ю. Свирки, хоть и остаётся, как и ранее, рассудительным, спокойным и тихим, без претензий переустроить жизнь и даже весь мир, но становится более активным, рассудительным, энергичным, с конкретно определенными идеалами и жизненными принципами (противостояние «сытаму жыццю», в котором господствует «незадоволенасць жыццём і задаволенасць сабой»). И, может быть, поэтому поэтика Ю. Свирки, не была кричащей, представляла перед читателем то тихо-тревожным, взволнованным лирическим размышлением, то духовной теплотой с откровенными исповедальными мотивами. Лично пережитое поэтом (а равно и его лирическим героем) все чаще становится исходной позицией, темой и пафосом его творчества. В стихах слова становятся иногда звучными, но чаще тихими, пропущенными сквозь сердце, передающими глубокое поэтическое чувство. И мы (думаем, что и читатель согласится с нами. – А.Р., Ю.Р.) приходим к выводу, что глубокий лирический мотив найдет свое выразительное проявление в стихах о любви, дружбе, человеческой верности. Здесь и боль от непонимания девушкой тревог и волнений попавшего в беду любимого («А калі мяне хвароба гнула, быў ад смерці я на валасок, ты тады руку мне працягнула, дужую і слабую руку...») и душевная пустота от потери любимого человека:

*У пакоі я адзін, нібыта ў схованцы.
Гэтак сумна мне ніколі не было.
Не хачу я цішынёю заслухоўвацца,
Мне здалося:*

¹⁷ Свірка, Ю. Крэўнасьць / Ю. Свірка. – Мінск, 1971. – С. 9.

Усё жывое аджыло.
 Дзе шукаць цябе?
 Скажы, куды мне ехаць?
 Цішыня напятая цячэ.
 Не хапае твайго голасу і смеху,
 Не хапае тваіх крокаў і вачэй.
 ...Адзінота насядае, як навала.
 Мне здаецца,
 Што я ў цішу урасту...
 Ты мяне бязбожна пакарала
 І пакінула, як помсту, пустату¹⁸.
 «Верная адзінота»

Однако, было бы ошибкой слышать в любовной лирике Ю. Свирки лишь минорные пессимистические ноты и мотивы. Лучшие стихи о любви – написаны «от души и для души» и пронизаны возвышенностью чувств лирического героя, оптимизмом, верой в высокородность, теплоту и чистоту человеческих отношений. Это (здесь нет преувеличения) созданная поэтом песня самому светлому, самому чистому человеческому чувству: «Заклинанье» («Заклінанне»), «Ты позвонила...» («Ты пазваніла...»), «Я начинаю забывать...» («Я пачынаю забываць...») в *сборнике «Боровина»*; «Не говори мне о любви...» («Не гавары мне пра любоў...»), «Любовь и предательство» («Любоў і здрада»), «Отдаю тебе все ночи и рассветы...» («Аддаю цябе ўсе ночы і світанні...») в *сборнике «Кровность»*; «Пошли на луг под вечер двое...» («Пайшлі на луг пад вечар двое...»), «Нет уже волюшки, нет...» («Няма ўжо волюшкі, няма...»), «Не плачь, любимая, не плачь...» («Не плач, любімая, не плач...»), «Спасибо!..» («Дзякуй!..»), «Ты с каждым годом все дороже...» («Ты з кожным годам усё даражэй...») в *сборнике «Автограф»*; «Я начинаю забывать...» («Я пачынаю забываць...»), «Беседа» («Бяседа») в *сборнике «Люблю и верю»* и др.

Литературоведы в своей исследовательско-литературно-критической практике часто используют термин «тихая литература». На наш взгляд, такое определение имеет прямое отношение к поэтике Ю. Свирки. Поэт не избегает людских тревог и радостей, но пишет о них доверчиво и просто, отдавая предпочтение тем из них, которые проходят через душу и сердце, получив заряд и силу чувств, становятся сначала *личностным*, чтобы в поэтической строке стать значимым, *общественным*, достоянием читательской души и сердца. Казалось бы, все обыденное, повседневное, иногда подслушанное, возможно далекое от героизма, но именно в таких стихах складывается начало мыслей и строк, с помощью которых лирический герой Ю. Свирки проходит *«школу возмужания и взросления» (А. Мартинвич)*.

Стихи этого цикла выделяются своей неповторимостью, искренностью и неповторимостью. К тому же, Ю. Свирка избегает громких слов – *манера его письма, – справедливо отмечает А. Мартинвич, – это образец того, как следует писать о казалось бы знакомом и известном*. Лиризм произведений Ю. Свирки – лиризм душевный и чувственный, художественно-выразительный, насыщенный поэтическим восприятием, поиском простого в сложном, доступного в философском, прошедшего и будущего в сегодняшнем дне, в иногда противоречивой, но многоплановой жизни современников. На наш взгляд, позиция поэта нашла в свое яркое и убедительное выражение в стихотворении «Следами родителей» («Слядамі бацькоў») из *сборника «Люблю и верю»*:

¹⁸ Свирка, Ю. Автограф / Ю. Свирка. – Минск, 1971. – С. 72.

*Праходжу я не першы па зямлі,
Ісці мне лёгка светлымі шляхамі:
Тут да мяне мае бацькі прайшлі,
І я трапляю крочыць іх слядамі.*

*Бяру рукамі чорную раллю –
Бацькі ж яе, сагнуўшыся, аралі;
Гляджу я на шчаслівую зямлю –
Бацькі яе грудзямі прыкрывалі.*

*Яшчэ тады, у той суровы час,
Яны зрабілі для мяне так многа,
Каб мне не прачынацца па начах,
Аглушаных паветрана трывогай.*

*Бацькам маім нялёгка выпаў лёс:
Перацярпелі ўсё яны за волю,
Каб мне хадзіць заўсёды на ўвесь рост,
Каб толькі не згінацца мне ніколі¹⁹.*

Так же искренне-признательными звучат слова из стихотворения «Совет» («Парада») из *сборника «Памятная верста»*:

*...Трэба здрадзе, хлусні ўсе шляхі перакрыць –
Пра жыццё я не ведаю іншай навукі;
Трэба штосьці такое адкрыць ці зрабіць,
Каб пра нас не забылі ні дзеці, ні ўнукі.*

*Трэба дрэва вясною хоць адно пасадзіць.
Гэту мудрасць усе паўтараюць спрадвеку.
Трэба кнігу, сапраўдную кнігу стварыць,
Трэба вывесці ў свет немаўля-чалавека.*

*Яшчэ доўга з табою нам побач ісці,
Сустракаючы шчасце, мінаючы гора.
А тады застанецца адно ў жыцці:
Адпльваць у сваё – не ў Саргасава мора²⁰.*

Нельзя обойти вниманием стремление поэта к познанию новых и новых мест, знакомству с далекими и близкими территориями, их культурным наследием и богатством. Поэтому и вели его поэтические дороги в Грузию и Чувашию, на Дальний Восток и Крым, в Березинский заповедник и на берега Нарочи. На страницах поэтических книг Ю.Свирки соседствуют озеро Мушкат, что на Глубоччине и маленькая грузинская речушка Тихерва, любимая поэтом с детства река Берёза и скалистый крымский Кара-Даг. Вот, к примеру, стихи, посвященные Грузии:

*Я папаў у Грузію не гасцем,
Хоць і сніў каўказскія хрыбты.
Цэлы месяц мне сціскалі косці*

¹⁹ Свірка, Ю. Люблю і веру / Ю. Свірка. – Мінск, 1975. – С. 6.

²⁰ Свірка, Ю. Аўтограф / Ю. Свірка. – Мінск, 1974. – С. 189.

Мулкія бальнічныя бінты.

Не забуду,

як мяне сшывалі.

Сіні шрам застаўся на плячы.

Мне жыццё ў смерці вырывалі

Добрыя грузінскія ўрачы.

Я з палаты пачынаў дарогу,

Так хацеў на гэтым свеце жыць!

І сястра-грузінка,

Як малога,

Навучыла зноў мяне хадзіць.

...А было, што ступіш крок і ... цёмна,

Вочы забінтоўвала імгла...

Беларусь мая дала жыццё мне,

Грузія ад смерці зберагла...²¹

«Я з палаты пачынаў дарогу»

Юрась Свирка много и успешно работал в сфере художественного перевода. А. Пушкин, А. Фет, А. Твардовский, Н. Тихонов, С. Нерис, А. Прокофьев, Я. Смеляков, М. Луконин, М. Дудин – вот неполный список поэтов, стихи которых Ю. Свирка перевел на белорусский язык. Благодаря переводам Ю. Свирки читатели республики смогли познакомиться с многими произведениями поэтов России, Украины, Литвы, других республик. В свою очередь произведения Ю. Свирки переведены на английский, армянский, грузинский, литовский, молдавский, польский, русский, таджикский, узбекский, украинский, чувашский языки.

Без преувеличения «можно утверждать, что в **переводах лауреата литературной премии им. А. Кулешова Ю. Свирки читатель всегда ощущает заряд и силу чувства» (В. Витка), органически объединенных в своем единстве и призванных «прарочишь цішыню».** Отличительная и притягивающая читательское внимание черта его поэзии – насытить поэтическую мысль нравственной проблематикой, довести ее до лаконичного окончания, независимо от ритма произведения и его концовки, будь она замедленной или неожиданно обрывающейся. *Хотя, нет-нет, да и наблюдаются отступления от собственной программной установки «хіла не пісаць».* К примеру, в **сборнике «Боровина»** не совсем выразительными выглядят стихотворения «Ты, солнце...» («Ты, сонца...»), «Тронешь умело ты струну...» («Кранеш умела ты струну...»), «Живая плита» («Жывая пліта»); в **«Автографе»** – это «Придумали люди года» («Прыдумалі людзі гады»), «Баня» («Лазня»), «Такое видеть случается» («Такое бачыць здараецца»), «Зеркало разбилось...» («Люстэрка разбілася...»), «Не спится мне...» («Не спіцца мне...»); в **сборнике «Люблю и верю»** – «Ночь» («Ноч»), «Парус» («Ветразь») и др. Правда, в народе говорят, что отступления и исключения из правил лишь подтверждает истинность правила. Значит, правило Ю. Свирки «хіла не пісаць» является для него определяющим и свидетельством тому – постоянная ее «прописка» в белорусской советской литературе и достойное место в национальной литературе так называемого «среднего поколения».

К месту будут и следующие слова поэта Алеся Письменкова: «...Ю. Свирка нарадзіўся вясной, нарадзіўся ў час сяўбы – шчаслівы і турботны час, калі сэрца хлебараба поўніцца радасцю працы. І ў гэтым ёсць свая сімволіка»²².

²¹ Свирка, Ю. Люблю и верю / Ю. Свирка. – Минск, 1975. – С. 44–45.

²² Голас Радзімы. – 1983. – 12 мая.

Как-то Ю. Свирка в сборнике «Автограф» неожиданно и откровенно признался: «Я пасля новай кніжкі, як ніва пасля жніва». Если читать дословно – значит, становится пустой. А вот здесь мы читателя хотели бы убедить в том, что поэт слегка слукавил. Говорим, не в обиду, а «справедливости для». Логика нашего вывода подкрепляется следующими суждениями. Ю. Свирка – ведь не только поэт. Более глубокое изучение его литературно-творческой биографии позволяет сделать вывод, что поэтическое творчество постоянно сопровождалось аналитической литературно-критической работой. Столько рецензий на книги авторов-современников, статей, посвященных анализу поэтического творчества, мы, пожалуй, не найдем в биографии любого другого поэта. Вот, перечень авторов, которые проанализированы Ю. Свиркой и получили его принципиально-объективные оценки. – **М. Калачинский** («Докшицкий каравай. Стихи из близкой дороги» («Докшыцкі каравай. Вершы з блізкай дарогі»)), **А. Острейко** («Цветите, верасы» («Цвіціце верасы»)), **А. Белевич** («Солнечные часы. Книга стихов, стихотворных рассказов и поэм» («Сонечны гадзіннік. Кніга вершаў, вершаваных апавяданняў і паэм»)), «Солнцем обвенчанные. Стихи, поэмы, фельетоны» («Сонцам заручаныя. Вершы, паэмы, фельетоны»)), **С. Загонников** («Беседа. Первая книга поэта» («Бяседа. Першая кніга паэта»)), **О. Ипатова** («Июльские грозы» («Ліпеньскія навальніцы»)), **Р. Семашкевич** («Суббота» («Субота»)), **Ю. Голуб** («Дерево грозы» («Дрэва навальніцы»)), **О. Лойко** («Чувства» («Пачуцці»)), **Л. Дайнеко** («Ночные телеграммы» («Начныя тэлеграмы»)), **А. Звонак** («Предчувствие» («Прадчуванне»)), **М. Дукса** («Станция» («Станцыя»)), **В. Матешев** («Верасы» («Верасы»)), **Ал. Русецкий** («Два цвета жизни» («Два колеры жыцця»)), **Б. Спринчан** («Ясень» («Ясень»)), **С. Гаврусев** («Переключка» («Пераклічка»)), **М. Шевченко** («Роса-росинка» («Расарасінка»)), **М. Рудковский** («Вековая отчизна» («Векавечная Бацькаўшчына»)), **С. Басурманова** («Мир живой и неповторимый...» («Свет жывы і непаўторны...»)).

И для каждого из рецензируемых авторов **поэт** Ю. Свирка находил свои подходы, свое понимание и свои оценки их творчества. В качестве примера приведем несколько таких оценок:

– **о книге лирики А. Острейки «Цветите, верасы!»**: «Шчырасць, прастата, напеўнасць і даходлівасць – вось характэрныя рысы яго вершаў. ...Асабліваю цікавасць уяўляюць твая вершы, дзе паэт гаворыць са сваім сэрцам, як бы застаўшыся з ім адзін на адзін. Вершы-споведзі, вершы-прызнанні апошнім часам часцей за ўсё выходзяць з-пад пяра Анатоля Астрэйкі. І менавіта тут ён раскрываецца як паэт па-юначаму ўсхваляваны, рамантычны»²³;

– **о книге А. Белевича «Солнечные часы»**: «Самабытны голас аўтара – па-народнаму шчыры, гаворкі і ўсмешлівы, сардэчны і пявучы. Ліра А. Бялевіча ніколі не ўмела сумаваць. Яна заўсёды была ўзнёслая, аптымістычная. ...Радок яго цячэ свабодна, вывераны на натуральнасць і дакладнасць. ...Яго лірычны герой – добры і спагадлівы, прынцыповы і бескампрамісны. ...Яго паэзіі доўга жыць пад сонцам, бо яна зямная і пявучая»²⁴; анализируя поэтический сборник **А. Белевича «Земли живые голоса»**, Ю. Свирка отмечает, что А. Белевич «майстар паэтычнага слова», он «не з тых, хто любіць здзіўляць кампануюкай вершаў, мудрагелістымі назвамі раздзелаў, праязічнымі пераходамі-эпіграфамі. У яго ўсё надзвычай проста і даступна. Ён, як руплівы гаспадар, заняты сваёй асноўнай работай, не імкнецца паказвацца ў стракатным убранні, бо ведае, што светам агледзіны яго здабыткаў яшчэ адбудуцца»²⁵;

²³ Свирка, Ю. Сэрца словы ўгадавала / Ю. Свирка // Польша. – 1976. – № 1. – С. 240, 241.

²⁴ Свирка, Ю. Гадзіннік сэрца / Ю. Свирка // Польша. – 1979. – № 3. – С. 242, 243, 244.

²⁵ Свирка, Ю. Зямлі жывыя галасы / Ю. Свирка // Польша. – 1976. – № 5. – С. 246.

– **о первой книге С. Законникова «Беседа»:** «Першую кнігу паэта хочацца параўнаць з першым каханнем. У ёй павінна быць шчырасць, адкрытасць і найўнасць, якую звычайна сам не заўважаеш. Такая непасрэднасць, якую звычайна сам не заўважаеш. Такая непасрэднасць першародная, яе нельга запазычыць. У адваротным выпадку яна будзе смешнай, ненатуральнай, як прызнанне закаханага, выказанае гучнымі словамі». ...Ён (С. Законнікаў. – А.Р., Ю.), як бы адштурхоўваецца ад гэтага, вядомага... ..малады паэт у сваіх высновах неарыгінальны. Ён павялічвае колькасць радкоў, на гістарычна-патрыятычную тэму, але невыяўленымі засталіся яго уласны вопыт і адчуванне»²⁶;

– **о поэтическом сборнике М. Дуксы «Станция»:** «...герой лепшых вершаў М. Дуксы – асоба верная свайму сумленню, свайму погляду на жыццё – чалавечую годнасць вымярае чысцінёй і шчодрасцю душы»²⁷;

– **о книге поэзии А. Звонака «Предчувствие»:** «У паэта добрае жаданне “сэрца голас, скрыпкі тонкі плач пералажыць на строгі рытм санета”. Аўтар як бы выводзіць формулы такім паняццем, як слова, паэзія, іронія, мудрасць, вернасць, дружба, любоў, харатство, слава... У яго адно жаданне – “радком санета даспяваць усё, што недамета і ўсё, што недасказана – сказаць”»²⁸;

– **о книге поэзии Б. Спринчана «Ясень»:** «Стих Спринчана традыцыйны і прост. Паэт прыбегае к усложненным образам. Свой мыслі і суждзеныя он хочет донести в “первозданной ясности”. Он будто ведет откровенный разговор с читателем, рассказывает ему о том, что сам увидел и прочувствовал»²⁹.

И еще два мнения – о творчестве белорусских поэтов Марии Шевченко и Светланы Басуматровой:

– **о книге М. Шевченко «Роса-росинка»:** «Зборнік “Роса-расінка” дае падставу сцвярджаць, што паэтку хвалююць вобразы роднага краю. У малым М. Шаўчонак імкнецца ўбачыць вялікае, значнае, тонка перадаць душэўны стан. Сваім, сцішаным голасам гаворыць яна пра перажытае і ўбачанае, дэманструе здольнасць да суперажывання, уменне падзяляць гора сваёй спагадай, дапамогай. Лепшыя вершы паэтки не здзіўляюць нечаканымі параўнаннямі, шматзначнасцю падтэкста. Яна імкнецца да прастаты, да значнасці думкі, да шчырасці»³⁰;

– **и о книге С. Басуматровой «Цветы полевые»:** «Радкі лепшых вершаў С. Басуматравай “мускулістыя і пластычныя”, кранаюць жыццёвасцю, непадробным пачуццём. Паэтэса не збіваецца на апісальнасць, якую цяжка спыніць у яе манатонным наплыве. Публіцыстычнасць яе лепшых вершаў хвалючая, сагрэтая шчырасцю. ...У Басуматравай свой голас, сваё бачанне навакольнага свету, без чаго не бывае паэта. Яе шчырыя, дакладныя, на першы погляд зусім простыя радкі, добра раскрываюць душу гераіні, яе памкненні падзяліцца самым важным і заветным. ...Акно паэзіі С. Басуматравай расчыняецца ў вялікі свет чалавечых думак і перажыванняў. ...Добры погляд у С. Басуматравай у заўтрашні дзень: “Сумленна жыць пад родным мірным небам, любіць усё жывое на зямлі”»³¹.

Однако было бы ошибкой считать, что Ю. Свирка в анализируемых изданиях видит лишь положительные моменты и поэтические находки. В рецензиях и заметках читатель находит принципиальные оценки Ю. Свирки, его высокую требовательность к поэтическому слову. в поэтике той же **М. Шевченко** его «засмучае тое, што аўтар у асноўным зарыфмоўвае факт, з’яву, якія не становяцца яе лёсам. Здаецца, і піша яна пра роднае, блізкае, дарагое, але яно не ўражвае, не кранае сэрца ні пачуццём, ні вобразамі, ні паэтыч-

²⁶ Свірка, Ю. Патрэба свайго адкрыцця // Ю. Свірка // Маладосць. – 1973. – № 9. – С. 138.

²⁷ Свірка, Ю. Знаходзяцца словы сардэчныя / Ю. Свірка // Польшча. – 1974. – № 11. – С. 242.

²⁸ Свірка, Ю. Жыве ў радках жывая мара / Ю. Свірка // Літаратура і мастацтва. – 1975. – 14 лютага.

²⁹ «Знамя юности». – 1974. – 10 янв.

³⁰ Літаратура і мастацтва. – 1985. – 11 кастр.

³¹ Там же. – 1986. – 21 сакав.

ЮРАСЬ СВИРКА

най дэталлю. Такое роўненькае пісьмо нярэдка пераходзіць у гладкапіс, дзе хапае квяцістых слоў, а глыбокіх думак і пачуцця малавата»³².

А разве не прынцыпальнымі чытаюцца строки: «В некоторых стихах Б. Спринчана “не всегда замысел поэта переплавляется в поэзию, нет глубины, новизны, огня и блеска, проскальзывают шаблонные мысли”»³³.

В книге **В. Матешева** («Верасы») наблідаецца «тапанне на адным месцы – паэт не можа паглядзець шырэй на свет», часта бярэцца рыфмаваць любы факт. Нават радкі, прысвечаныя родным мясцінам (Прыдняпроў’ю) у сваёй большасці рытарычныя – сустракаюцца недарэчныя сказы, такія вобразы, якія нельга, а калі ўявіш, дык толькі з іроніяй»³⁴. У О. Іпатовой (сборнік «Іюльскія грозы») сустрачаюцца «творы неакрэсленыя, без пачуцця і думкі, яны не праявіліся у думы, у паэтэсы было жаданне сказаць нешта сваё, адметнае, але яму не суджана было здзейсніцца»³⁵. У Р. Семашкевіча (сборнік «Субота») некаторыя стихі «проста нязначныя, павярхоўныя, ...выклікаюць пытанні не столькі сваёй мацнасцю, колькі недарэчнасцю»³⁶. І яшчэ адно, на наш выгляд, вельмі выразительнае зазначэнне – в адрас М. Калачинскага в рэцэнзіі на кнігу «Докшыцкі каравай. Стихі з блізкай дарогі». Недаткі в некаторых стихах «вытыркаюцца, як тое каменне на полі. І напамінаюць пра сябе прыблізнай рыфмай, праяічным радком, разцягнатасцю», наблідаецца «камандзіровачны» падыход да жыцця, да ўвасаблення яго у мастацкім творы»³⁷.

Мы могли читателю предложить еще большее количество литературных рецензий, заметок, статей-посвящений в адрес известных белорусских писателей. И при хорошем их прочтении в белорусском литературоведении могла бы появиться убедительно-профессиональная книга о всех таинствах и творческих поисках белорусской советской поэзии.

Так уж получилось, что в поэзии второй половины 1960–1980-х годы чаще всего назывались имена Р. Бородулина, Г. Буравкина, Я. Сипакова, но почему-то забывалось имя Юрася Свирки, поэта, выросшего на боровине родных лесов, почувствовавшего «кровность» со своей малой родиной, признаться ей в своей «любви и вере» и, заявить, о том, что главное и самое болезненное для него вспомнить и прочитать им «биографию памяти». И, может быть, сложившуюся диспропорцию нам удалось исправить. Судить об этом читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свірка, Ю. Шэпчуцца ліўні: [вершы] / Ю. Свірка. – Мінск, 1959.
2. Свірка, Ю. Вечнасць: вершы / Ю. Свірка. – Мінск, 1963.
3. Свірка, Ю. Баравіна: лірыка / Ю. Свірка. – Мінск, 1967.
4. Свірка, Ю. Крэўнасць: вершы / Ю. Свірка. – Мінск, 1971.
5. Свірка, Ю. Аўтограф: вершы / Ю. Свірка. – Мінск, 1971.
6. Свірка, Ю. Люблю і веру: вершы / Ю. Свірка. – Мінск, 1975.
7. Свірка, Ю. Памятная вярста: вершы / Ю. Свірка. – Мінск, 1978.
8. Свірка, Ю. Біяграфія памяці: кніга паэзіі / Ю. Свірка. – Мінск, 1981.
9. Свірка, Ю. Ядранасць: вершы / Ю. Свірка. – Мінск, 1983.
10. Свірка, Ю. Паўшар’е блакіту: кніга лірыкі / Ю. Свірка. – Мінск, 1986.
11. Свірка Ю. Кружка з пяшчаным дном: лірыка / Ю. Свірка. – Мінск, 1990.
12. Вытокі песні. Аўтабіяграфія беларускіх пісьменнікаў. – Мінск, 1973.

³² Літаратура і мастацтва. – 1986. – 21 сакав.

³³ Знамя юности. – 1974. – 10 янв.

³⁴ Свірка, Ю. Зярыны для пасеву / Ю. Свірка // Палымя. – 1973. – № 9. – С. 236, 237.

³⁵ Свірка, Ю. Урок другой кнігі / Ю. Свірка // Маладосць. – 1974. – № 1. – С. 175.

³⁶ Там же. – С. 176, 177.

³⁷ Свірка, Ю. Пра хлебарабаў Докшыцкіх сказ / Ю. Свірка // Палымя. – 1975. – № 4. – С. 242.

ЯНКА СИПАКОВ

«У большасці людзей пачуццё Радзімы ў шырокім сэнсе – роднай краіны – дапаўняецца яшчэ пачуццём радзімы малой, першапачатковай, радзімы ў сэнсе родных мясцін, бацькоўскіх краёў, раёна, города або вёсачкі. Гэта малая радзіма са сваім асаблівым абліччам, са сваёй – хай самай – сціплай і някідкай – красой, паўстае чалавеку ў дзяцінстве, у пару памятных на ўсё жыццё уражанняў дзіцячай душы, і з ёю, гэтай асобай і асабістай радзімай, ён прыходзіць нарэшце да той вялікай Радзімы, што абдымае ўсе малыя і – ў вялікім цэлым сваім – для ўсіх адна.

... Але ў тварэннях сапраўдных мастакоў – у сваіх вялікіх і больш сціплых па савім значэнні – мы беспамылкова распазнаём прыкметы іх малай радзімы...»

А. Твардоўскі

В далекие 1960-е гг. со страниц первых поэтических сборников уроженца д. Зубревичи Оршанского района, выпускника Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина Янки (Ивана Даниловича) Сипакова «Солнечный дождь» («Сонечны дождж») и «Лирический отлет птиц» («Лірычны вырай») пролился щедрый солнечный дождь «соловьиной бессонницы» и «лебединой верности», «антоновок незрелых» и «розового огня», «запаха чабреца» и «клюквенных лампочек». Казалось, что все проявления жизни искали своего места в его жизнеутверждающих поэтических строках. Оно и нашлось и для линии горизонта, и страны Синегории, и хитрой осени, и капли дождя, и кореньям росы, и отцовскому дому. **Магистральными темами начинающего автора из поколения «детей войны» стало воспевание красоты и неповторимости родной природы, пронизанная болью память о войне, понимание мудростей народной жизни, стремление постичь все таинства поэтического мастерства.** Задуманное скреплялось воедино, оформлялось в своеобразное творческое кредо посредством насыщения стиха обостренной наблюдательностью, оптимистическим мировоззрением, глубоким ощущением ответственности за выверенность и красоту поэтического слова, или, как тонко и красиво подметила **литературный критик Л. Ломеко, проявилась «сипакоўская мудрая, трывожна-шчымлівая журба».**

И над всем над этим незримо присутствовал один, памятный для Я. Сипакова образ – образ родной деревни Зубревичи – образ его малой родины. Именно здесь, в крестьянской семье 15 января 1936 г. и родился будущий поэт и писатель. Несколько строк из биографии. Окончил Зубревичскую среднюю школу, Белгосуниверситет имени В.И. Ленина, работал литсотрудником шкловский районной газеты «Чырвоны барацьбіт», в редакциях журналов «Вожык» (был приглашен на работу еще в студенческие годы) и «Маладосць» (в журнале возглавлял отдел искусства, критики и библиографии) (поэт признавался, что журнал «рабіў з нас пачаткоўцаў, пачынаючых пісьменнікаў». – А.Р., Ю.Р.). Член Союза писателей БССР с 1961 года (в Союзе писателей почти 20 лет возглавлял комиссию по работе с молодыми авторами, всегда придерживался одного совета – писать «толькі дзеля стварэння, а не дзеля разбурэння»).

Как и многим его одногодкам не удалось пареньку испытать радость детства. «У меня самого с последней войной есть своей счет, – отмечает Я. Сипаков. – В шестилетнем возрасте она сделала меня сиротой: за связь с партизанами каратели замучили мою мать Ульяну Прокопьевну и отца Данилу Ивановича. От рук гитлеровцев также погибла моя тетя, дядя, двоюродный брат». Вместе со своими сестрами будущий писатель воспи-

тывался у отцової сестры. Вот оно, поэтическое подтверждение автобиографических свидетельств поэта:

*...Шмат чаго я тады не ведаў,
У пакутныя тыя вёсны:
І каму ты вячэру насіла,
І чаму пакідала кросны;
Хто хаваецца ў нашым склепе,
І чаму ён не прыйдзе ў хату,
І чаго недзе вельмі далёка,
А не з намі жыве наш тата;
І чаго па грыбы ты хадзіла,
Хоць я рэдка еў бульбу з грыбамі;
І што ты ў гумно вазіла
На калёсах цяжкіх пад снапамі...
Як вялі цябе ў горад пад вартай,
Зразумець я не мог нічога:
Слёзы... Слёзы...
Сястрычкі галосцяць...
А мяне суцяшаюць, малога.
Мне ж і цётка-суседка сказала,
Што дамоў цябе пусцяць уранні...
І хоць слёзы ёй засцілалі вочы,
Я не мог не паверыць Ганне...
А калі ўжо слязой перад смерцю
Ты сіроцтва маё абмывала,
Я дзівіўся, чаму гэта цётка
Не сваіх,
А мяне забавляла¹.*

Свое поэтически-прозаическое-переведческое кредо, на наш взгляд, Я. Сипаков весьма удачно сформулировал в беседе с одним из авторов этого очерка – А. Русецким. Отвечая на вопрос, что для него литературное творчество – возможность исповедоваться самому или возможность проповедовать самому он ответил весьма оригинально: «Скажем, вот так: исповедуюсь, проповедовать». Подчеркнем, что реализацией этого неожиданного «двухсловья» пронизана вся творческая жизнь Я. Сипакова², его философско-эстетическая концепция жизнедеятельности.

Свое первое стихотворение «Приветствуй, Беларусь!» («Вітай, Беларусь!») Я. Сипаков прочитал 3 июля 1953 г. в оршанской районной газете «Ленінскі прызыў». Посвященное годовщине освобождения родной Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков, оно «пресыщалось» приподнятой эмоциональностью, нарочитой пафосностью, острым желанием соблюсти требования к ритмике и рифме... Болезнь, которую испытывают практически все начинающие поэты, не обошла стороной Я. Сипакова. Думается, что он и сам ощутил искусственность своей поэтической попытки. И первым настоящим стихотворением он сам называл, написанное уже в студческие годы (1956) «Волчицу в зверинце» («Ваўчыцу ў звярынцы»). Правда, в первом поэтическом сборнике «Солнечный дождь», составленном из стихов, написанных в студенческие годы его не оказалось –

¹ Сіпакоў, Я. Вочы ў вочы / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1978. – С. 6.

² См.: Русецкі, А. Бачыць чалавека (Я. Сіпакоў) / А. Русецкі // Ісці да чалавека. Літаратурныя партрэты. – Мінск, 1987. – С. 221.

не пропустила цензура. Да и как она могла его пропустить, если в нем читались такие строки:

*Яна праз краты высунула лапы,
Хай хоць яны побудуць на свабодзе.*

Мы же отметим, что выход Я. Сипакова на поэтическую тропу оказался успешным. «Солнечный дождь» получил положительную оценку критики. Авторы рецензий были единодушны в том, что в белорусскую поэзию пришел автор со своим личным пониманием духовных и социальных процессов, своим отношением к Человеку, своей творческой манерой.

Стихотворения, составившие книги «Солнечный дождь» и «Лирический отлет птиц», различны по тематической направленности, форме стихосложения, проблематике поэтического исследования. Но они являются убедительным подтверждением умения поэта постигать и в поэтической форме зафиксировать процессы и явления действительности в момент наивысшего проявления их сущности. Вот, к примеру, несколько строк из стихотворения «Коренья росы» («Карэнне расы»). Надо же быть столь наблюдательным и чувствительным к природе, чтобы «схватить» тот момент, когда соловей «пьет» росу:

*І ў расы ёсць карэнне.
Я гэта сцвярджаю,
Бо глядзеў, як збірае яе салавей –
Па расіне,
Бы ягады, ён адрывае
І, упаўшы на хвост, па-гусінаму
П'е.*

Или как приходит на землю первый весенний дождь:

*Што там з зямлёю стала,
Што гэта там за гукі?
Хмара ў разведку паслала
Дожджык,
На ногі хуткі.
Дожджык паволі агледзеў
Кожны лісток, травінку,
Нават убачыў недзе
Сіняй пралескі хусцінку.
Бліснуў расой на галлі
Калакалушным, язмінным;
Дождж выпіў цяпла даволі,
Потым зямлю пакінуў.
І заспяшаўся на неба,
Каб папярэдзіць хмару:
Снегу страсаць не трэба –
Вясна на зямлі гаспадарыць!
«Вецер блукаў па садзе...»*

У поэта и литературного критика, лауреата Государственной премии БССР В. Зуенка есть такие строки? «В небо смотрят травы – им необходимо солнце. В небо смотрят птицы – им необходима мечта. В небо смотрит поэт. Ибо в сердце его –

и травяной шум, и полет птицы, и светлые мечты детей»³. Слова эти с полным основанием можно соотнести со стихотворениями поэтической юности Я. Сипакова.

Зрячее сердце и сердечный взгляд – такие они у Я. Сипакова, когда он в своем творчестве обращается к Человеку, родным и близким ему людям. Гармония бытия в ее лирическом оформлении особенно заметна при обращении поэта к жизнедеятельности людей, их повседневному общению. Вот несколько примеров:

*Не баюся я цяжкай, далёкай хады –
Рупіць пешшу прайсціся па роднаму краю.
Ах як пахне чабор, колькі сонца тады,
Калі восень сады абтрасае!*

*Хай і ногі гудуць, хай абколе асцё,
Я пайду, каб да скону запомніць дарогу...
Да крыніцы ж дайду – буду рад, як дзіцё,
Што дайшло ўпершыню да парога.*

«Не баюся я...»

*...Вы не бачылі, як прыгажэюць
Каласы пасля сонечных ліўняў?
І як потым вельмі ўжо беражна
У сваіх асцюках захоўваюць
Буйныя, поўныя кроплі.
А ў сонечным восенькім садзе
Грушы, слівы і жоўтыя яблыні
Ад пладоў атрасацца не хочуць,
...Глянцьце, свецяцца ў агародчыку
Гарбузы – кроплі сонца ўпаўшыя...
Мы рады, як дзеці маленькія,
Бясконцасці сонечных ліўняў.
Не пытаем, адкуль бяруцца ў нас,
Не распытваем, дзе дзеюцца ў нас
Буйныя кроплі сонца –
Мы кроплямі тымі жывём.*

«Кроплі сонца»

*... М н е шкада, калі сосны
Паміраюць заўчасна,
Расстраляныя вострай
Падсочнай стралой;
За цябе мне, мой лесе,
Неяк робіцца страшна,
Калі кожны твой пень
Выглядае магільнай плітой...
Я люблю цябе лес,
...Я шкадую цябе,
Быццам зжатага лета,
Ты патрэбен мне, лес,
Як спачынак касцу.*

«Сповідзь»

³ Зуёнак, В. Лінія высокага напруджання / В. Зуёнак. – Мінск, 1983. – С. 20.

Следует особо подчеркнуть, что уже в первых поэтических сборниках Я. Сипаков сформулировал для себя строгую заповедь: не зная и постоянно не изучая историю народа, нельзя правильно понять его современной жизни, тем более оптимистично и уверенно смотреть в будущее. Именно поэтому и на начальном этапе, и во всем последующем творчестве определяющим началом, красной нитью выступает поэтическое осмысление диалектики пространства и времени, прошлого и будущего, направленностью автопсихологии лирического героя на поиск той линии горизонта, которая позволит

*...адкрываць невядомае
Тое, што ёсць за домам:
Каб за ніткай ісці без стомы,
Некалі выйшаўшы з дому;
Каб не заседжвацца дома –
З падарожжаў вяртацца дадому,
І каб прыносіць да дому
Сабраныя зоркі за домам.*

«Лінія гарызонта»

«З падарожжаў вяртацца дадому...». Это и есть то постоянное чувство поэтической дороги Я. Сипакова, которая не имеет конца и начала и объединяет в себе философскую мудрость всех путей и дорог во Вселенной – путей-дорог к человеческим душам и сердцам. И достигается успех, на наш взгляд, не через нравственные наставления или философские дискуссии. Читая стихи Я. Сипакова, мы постигаем многозначность философии жизни через **«философию» географии:**

*Географ заблытаўся (каля карты. – А.Р.,Ю.Р.)
Гэта ж батаніка!
Паказвае грыб мне,
Што ўзняўся над горамі,
Грыб,
Пра які з адчаем говорым мы...
Уцякайце хутчэй,
Мае мілья воблакі –
Дзяцінству майму, маёй радасці помнікі!
Гэта ж забойтва, –
Крычу вам са страхам я, –
Гэта ж замах на ўсю геаграфію!
Няўжо можа стацца,
Што будзе сасватана
Смерцю зямля наша з бомбаю атамнай?
Няўжо прарыпіць сваёй воссю надломленай
Глобус Зямля
І спыніцца стомлена,
Быццам гадзіннік, людзі?
.....
Не, такога не будзе!
Не будзе!*

«Блакiтная геаграфія»

«Философию» сэрца:

*Сэрца – то спрасаваны стагоддзямі порах.
Міна незвычайнай дакладнасці:
Яно не разрываецца ад вялікага гора,
А ўзрываецца ад маленькай радасці.
«Сэрца...»*

«Философию» мыслі:

*Думкі чалавека – вы працяг
Нейчых недаходжаных дарог,
Нейчага кароткага жыцця,
Што сусвет прадбачліва збярог.
Думкі чалавека – вы святло
Зор, што змоўклі рана ў вышыні.
А святло стагоддзямі ішло
І дайшло – зноў зоры запаліць.
«Думкі чалавека...»*

«Философию» осени:

*...Цяпер жа глядзіць з-пад далоні
І чакае даўно нас Верасень...
Жоўты ліст, жоўты лес, жоўты промень
І радасць, як сонца, уперадзе
Жоўтае... Не любіш? А я дык рады,
Што промняў столькі намолата...
Кажуць: жоўтае – колер здрады,
Не вер! Гэта колер золата!
«Уваходзіны ў паэму»*

«Философию» любві:

*Мы стаім у зялёным маі –
Недалёка ад нашых студзеняў,
Так далёка ад жоўтых верасняў,
Шчэ далей ад сваіх лістападаў,
Адкуль ужо стануць нам бачны
Нашы сівыя ціхія снежні.
Мы стаім на калені ў красках,
На якія вёсны так шчодрацца.
Мы глядзім, як цвітуць нашы яблыні
І красуюцца першай завяззю,
Якую спяліць нам да восені,
Пакуль завязь не высее яблыкам.*

Наконец, «Философию» кнігі:

*Адна – глыбокая,
другая – высокая,
трэцяя кніга – шырокая,
Набраныя дзесь па-за нашымі эрамі.
Адну гартуюць плугі,
другую – вятры,*

*трэцюю – лодкі і рыбы.
Гартаюць, але старонаку кнігах гэтых не меншае.
У адной старонкі – барозны,
у другой – аблокі,
у трэцяй – блакітныя хвалі:
На гэтых старонках запісана цэлая вечнасць...
«Кнігі»*

Не приходится сомневаться, что в стихотворениях Я. Сипакова середины 1960-х гг. эмоциональный заряд накапливался постепенно, при помощи ассоциативной образности. У поэта формируется заметная впоследствии характерная особенность стиха – осмысление интеллектуальной действительности в таком ракурсе, чтобы оно воздействовало на представление и эмоции читателя. Как, к примеру, это отражено в стихотворении «Зеленое облако» («Зялёнае воблака»):

*Бярыце, людзі, – я вам прывёз
Ветры, травінкамі закалыханья!
Вось перад вамі поўны воз
Салаўіных песень, што з лугу сабраныя.
Бярыце весною радасць маю,
Май, што водарам веснім упоены.
Бярыце. Я з краскамі вам мёд аддаю,
Ён на гудзе пчаліным настояны.
Я прывёз у город дзівак
Росных захадаў ціхія водблескі.
Спрацацца не будзем – бярыце за так
Усё зялёнае летняе воблака –
Воз духмянага сена!⁴*

Пышная фантазия Я. Сипакова может быть проиллюстрирована и более конкретными образами. Вот как обеденный стол ассоциируется с образами природного мира в написанной верлибром поэме «О себе» («Пра сябе»):

*Марозікам пахне капуста,
Жаўруковай песняй – яблык,
Вераснем – сопкая бульба,
Расой – агурок крамяны.
Селядзец – глыбінёй акіяна,
Сонцам – акраец хлеба,
Ветрам і небам – піва...
А стол пахне добрай вячэрай.
Прыходзь да мяне, свет, вячэраць!*

Мягко, тонко, даже, на наш взгляд, очень деликатно подходит Я. Сипаков в своих первых поэтических сборниках к осмыслению традиционной для белорусской поэзии темы – Беларусь, Семья, Человек в Великой Отечественной войне. Хотя в них присутствуют и **материнские слезы от встречи с приехавшим в отпуск сыном-солдатом** («І радасна ёй, а калі б усё ішло сваім ладам ды следам, трое хлопцаў старэйшых маглі б за сталом за бацькоўскім абедаць. Не прыйшлі яе дзеці з вайны, не грымець тром чаканым вясел-

⁴ Сипакоў, Я. Лірычны вырай / Я. Сипакоў. – Мінск, 1965. – С. 67.

лям...»), и **заплаканный родительский дом** («Я цябе і заплаканай помню, калі бацька з табою на ростань падаваў нам звязаныя рукі, што, як крылы ў вярхоўках біліся...»), и **слабое знание молодыми родителями истории войны** («Ужо аб вайне не могуць раказаць маладзенькія таты – бянтэжацца перад сынамі...»). Как видим, здесь нет прямой фактуры военных событий, здесь тот же философский подтекст, заставляющий читателя подумывать, поразмыслить о том, что ему известно о событиях Великой Отечественной войны. Как, например, это следует из стихотворения «Братская могила» («Брацкая магіла»):

*Здаецца, што дрэвы няўмела
Над ёй абдымаюцца ўпотай;
Здаецца, цалуюцца кветкі
Засмяглымі, прочнымі вуснамі;
Шэпчуцца, шэпчуцца травы,
Быццам вясною каханья,
Бо травы,
і кветкі,
і дрэвы
З каханьняў няздзейсненых выраслі,
З маладых салдацкіх жаданняў,
Якімі праз дрэвы,
і кветкі, і травы
Героі ў вечнасці трызняць⁵.*

Мы попытались донести до читателя панорамность творческих поисков и задумок наинающего автора, его стремление видеть, чувствовать и понять диалектику взаимоотношений «Человек-Общество», заявить о сыновней верности своему народу, своем стремлении быть активным участником социально-духовных процессов. Если же возникли сомнения в правильности принимаемых жизненных решений («*Бывае, спатрэбіцца ўзімку промень, не злоўлены летам, бывае, што мала пахаў у моры травінак і красак, бывае, не хопіць колераў у вясновым квяцістым разліве, бывае, так мала гукаў чуецца ў моры лесу, бывае не радуюць песні мора крылатага птушак...*»), Я. Сипаков откровенно признается, что имеет одного мудрого советника:

*Тады я іду да цябе,
Мой акіян вялікі,
У які ўсе моры ўпадаюць, –
Мая
адзіная
мова!⁶*

Своими первыми поэтическими сборниками Я. Сипаков заявил о намерении фундаментально осваивать новые и новые слои человеческой жизнедеятельности, привнося в национальную поэзию мастерство самоанализа, своеобразного лирического катарсиса, символического содержания, наконец, эстетического осмысления диалектики пространства и времени, прошлого и будущего. И всем последующим творчеством (и в искусстве поэзии, и в искусстве прозы и очерка) он показал, что в стремлении быть Писателем мало «просто жить на земле», надо еще и постоянно помнить о своей гражданской ответственности перед временем, обществом, читателем.

⁵ Сіпакоў, Я. Лірычны вырай / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1965. – С. 36.

⁶ Там же. С. – 18.

И не будет преувеличением, что наиболее убедительно все творческие искания поэта прописаны в балладах, объединенных в книгу «Вече славянских баллад» (1973), удостоенной в 1976 г. Государственной премией БССР имени Я. Купалы. **Известный белорусский писатель М. Стрельцов определяя книгу, как «арыгінальны паводле сваёй задумы і смелы паводле гісторыка-культурных, нацыянальна-светапоглядных збліжэнняў».**

Отметим и то, что балладная форма до Я. Сипакова разрабатывалась А. Кулешовым и П. Бровкой, М. Танком и В. Короткевичем, Р. Бородулиным и Н. Гилевичем и другими.

Однако для их творчества баллады не являются определяющими. Чаще всего у названных авторов они существуют рядом с другими формами стихосложения, отдельных, целостных книг баллад в белорусской поэзии не было. «Вече славянских баллад» Я. Сипакова – это не только разработка определенного пробела в белорусской поэзии, но и убедительная книга с глубоким философским осмыслением исторических событий, со своими сюжетами, конструкцией, формой и даже со своим языком. При этом, как рассказывал сам Я. Сипаков в одной из бесед (с. А. Русецким), «Вече» не было для него явлением спонтанным («Сел и написал»). Идея создания такой «художественной эпопеи» (определение наше. – А.Р., Ю.Р.) зародилась в самом начале его творческого пути. Однако приступил он к ее воплощению лишь тогда, когда с одной стороны, окончательно выкристаллизовалось понимание роли Белоруссии, занявшей почетное место, в межгосударственном пространстве (т.е. среди других стран и народов) и, с другой, он стал убежденным сторонником ученых, утверждавших, что славяне «почти никогда» (Я. Сипаков) не были завоевателями, а являлись лишь защитниками своих земель, своей Свободы и Независимости.

Объединенные одной стрелковой темой (по меткому определению В. Короткевича темой страданий человека-славянина), сюжетно завершенные, баллады Я. Сипакова знакомят читателя с духовными заботами славянского мира, дают читателю и территориальную, и временную, и моральную характеристики жизни славян. Проходя этап за этапом через узловые, поучительные в истории славянства события, поэт ведет читателя в глубину тысячелетий. Мы знакомимся с событиями, часто трагическими, русской, белорусской, польской, болгарской, сербской, словенской, македонской, чешской, украинской, хорватской, словацкой историей, которые разворачиваются на протяжении девяти столетий – от начала XI до середины XX столетия. **При этом, подчеркнул Я. Шпаковский, сочетаются два течения родной, белорусской поэзии и поэзии того народа, о котором ведет разговор поэт.** Это сочетание в целом переходит в прочный сплав, характеризуется органической сопряженностью лирического и эпического способов отражения мироздания, глубокой полифоничностью, сочетанием стилизационных средств с использованием тех психологических ходов, оборотов, приемов, намеков на те реалии, выражения, слова (древнеславянские, древнерусские, западно- и южно-югославские, историзмы, фразеологизмы и др.), которые наиболее присущи той или иной стране.

Человеческая память, как подметил А. Вертинский, обычно идет от более близкого к более отдаленному во времени, сначала останавливается на том, что было вчера, а потом ведет в позавчерашний день. По ретроспективному принципу ведет отсчет истории славян в «Вече славянских баллад» Я. Сипаков, начиная его с октября 1917 г., ставшего поворотной вехой в жизни народов. Отсюда ведет он свое путешествие в седое далекое, создавая композиционно целостное художественное произведение, единственным главным действующим героем которого выступают славянские народы. Три баллады посвящены автором Великому Октябрю («Предсветие» («Дасвецце») (русская баллада), «Завтрак» («Снеданне» (баллада революции) и «Коммунист» («Камуніст») (партийная баллада)). Но в них будто бы спрессованы, сконцентрированы мысли и мечты, события и поиски лучших сыновей славян, сражавшихся за народное дело. Слово дается коммунистам,

выразивших дух народный, его стремление к свободе, его вековую борьбу за право «людьми зваться». И первым среди них по праву называется имя В.И. Ленина, который

*Рэвалюцыю беражна
нібы нявесту цнатлівую,
Засланіўшы сабой бескарысліва,
у сцюжах аддана грэў⁷.*

Поэт гневно осуждает тех, кто не верил в предвидение и уверенность Ленина в победе над царизмом, кто по-мещански хотел отсидеться, радуясь тому, что есть и хлеб и что «есть к хлебу...». Чего же он должен еще добиваться?

*Жыў бы, як мы – нават дробязі рады! –
Дайў бы штовечар, як мы, самавар...
Яму ж не падабаюцца, бачыце, улады,
Яму ж не да спадабы, бачыце, цар!
І што, божа мілы, пайшлі за людзі –
Нельга спакойна,ю пажыць з-за такіх, –
Злуюцца мяшчане.
Бьюць сябе ў грудзі,
Сытыя гладзяць свае валлякі⁸.*

Однако, не дрогнули большевики. Голодные и босые (не счесть мещанского смеха!), они отдавали делу революции все, что было: и хлеб, и рубли. И вот уже Ленин торопится в Смольный, где его ждет трудовой совет...

Октябрьская Социалистическая революция обудила к жизни не только народы России. Она показала всему миру, на что способен народ, завоевавший свободу и независимость и получивший право на всестороннее развитие. Вот белорусская баллада «Посевная» («Сяўба»). На свое попелище возвратилась женщина-партизанка. В трудные военные годы она схоронила мужа, не возвратившегося с задания, сына, убитого в тяжелом бою, дочь, не вынесшую голода и холода блокады. Однако, сохранила женщина и пронесла сквозь войну веру в жизнь и, как символ этой веры, маленький узелок с семенами цветов, которые перед войной собрала на своем огороде. И вот она рассеивает их на попелище, сеет, чтобы они буйствовали цветоогнем, не осыпась никогда. Как бы трудно не было, утверждает поэт, жизнь будет продолжаться. Она неисчерпаемая и непобедимая. И всегда рядом с человеком будут цветы, и всегда его врагом будет порох. Женщина, развязывая свой узелок, готовя цветы к посадке, приговаривает:

*Не ўзыходзь (порох. – А.Р., Ю.Р.), не дамешвай гора!
Завяжыце моцна яго, карэнні, –
Хай задыхнецца ў зямных скляпеннях⁹.*

Органическое неприятие войны белорусской женщиной, находит свое продолжение в проклятии фашизму, его нечеловеческой идеологии в балладах XX столетия – «Мяч» («Мячык»), «Заклученный» («Вязень») (польских), «Урок» («Урок») (сербской), «Кушай» («Еш») (словенской), «Вопрос» («Пытанне») (македонской). В каждой из них речь идет о чести славянской, о понимании этой чести и взрослыми, и детьми. Первые строки из польской баллады «Мяч», казалось бы не обещают ничего страшного: «Скача мячык, скача

⁷ Сіпакоў, Я. Веча славянскіх балад / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1988. – С. 10.

⁸ Там же. – С. 6.

⁹ Там же. – С. 14.

мячык, – паспрабуй ты дагані!». Однако оказывается, что мячик скачет-то в концентрационном лагере, скачет, как приманка для детей, которые должны сдать свою кровь для «великой Германии». А если к приманивающему детский взгляд игру мячика, добавить еще вареный картофель, то ребенок непременно согласится и на болезненные уколы («Ажывілі дзетак гульбы. Скача мячык... пахне бульба... Мячык... бульба»). Только не смеется вместе со всеми маленький Казимежчик. На вопрос, почему он смотрит на игру тоскливым взглядом, мальчик говорит:

*Я ведаю, вы забойца
Мяне вы заб'еце,
І толькі за тое,
Што я п'бляк...
Вы – фашыст.
Вы ніякі не доктар,
Я ведаю добра таксама,
Што не лякарства,
А смерць гэтак доўга
вы нам рыхтавалі.
Мама!
Праклянні гэты мячык, мама,
Які нам фашысты далі!¹⁰*

Слова польского мальчика в устах сельского учителя из Крагуеваца Милое Павловича (баллада «Урок»), расстреляного фашистами вместе с 300-мя школьниками, звучат как гимн непокорности славян. Свой последний урок под автоматами фашистов учитель проводит на тему «Звери двадцатого столетия». Цель урока – научить детей ненавидеть таких зверей:

*...Перад вамі экспанаты,
Не не выкапнёвья – жывыя экспанаты
І жорсткаці, і трусасці звярынай:
Яны ж баяцца нават вас малечы –
Безабаронных,
Вяснушчатых,
Кволых,
Хоць кулачкі адны – уся ваша зброя...¹¹*

Здесь нет армейских дивизий, здесь нет жестоких фронтовых сражений. Но очень контрастно прослеживается стремление народов к свободе. Народов, которых никто не покорил и покорить не сможет. Даже если против детей выступает армия:

*...Баяцца...
А таму, зірніце, абчাপіўшыся
Гранатамі,
Нажамі,
Кулямётамі.
З дзецьмі ваююць смела, неданоскі¹²...*

¹⁰ Сіпакоў, Я. Веча славянскіх балад / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1988. – С. 16, 18.

¹¹ Там же. – С. 21–22.

¹² Там же. – С. 22.

Тема непокоренности, национального самосознания, гордости за принадлежность к славянскому народу звучит и в македонской балладе «Вопрос». Бандиты добиваются, чтобы македонский мальчик Марковски признал себя греком: «А ён бізуюў хлопцы, хоча, – дайце каб помніў: ён грэк...». Однако не удалось выбить такое признание: «... Шкада, што забілі... Слабы ўсё ж.. Што грэк ён, – цяпер нам не ўчуць...».

*І раптам рашуча ўсхапіўся
На возе маленькі хлапчук:
– Я Тошка Маркоўскі, бандыты,
– Я македонец, мужык!¹³*

Истоки такой непорченности, утверждает поэт, следует искать в седой истории славянских народов, которые веками мечтали о свободе, о национальной независимости, вели борьбу с угнетателями. Свои симпатии автор адресует лучшим представителям славян, тем, кто посвятил свою жизнь революционной борьбе, делу освобождения своих народов от национального и социального угнетения. Среди героев «Вече славянских баллад» Христо Ботев («Ён рэвалюцыі аддаў усё, што меў...»), Михайло Ломоносов («А я ж вучыўся ў народа – мне гэты вопыт дарагі. Настаўнік першы мой – прырода і праца шчырая – другі, а трэці мой настаўнік будзе заўсёды – людзі, людзі, людзі...»), македонский повстанец Славко («... уцёк непакораны (ад сахібеяў. – А.Р., Ю.Р.) нескароны да канца»), русская женщина («Ты прадай мяне, мой ласкавы муж, закладзі мяне ў заклад, а купі сабе каня сапраўднага, паспяшай у раць Кузьмы Мініна, – згані ворагаў з нашай Русь-зямлі...»), чешские лесные братья («... хіба ж гэта злачынцы – сяляне, што ад крьюды ў лес уцяклі»), Степан Разин («... лазіць з свайго каня і аксамітны повад у чорныя парэпанья рукі, якія ўсё яшчэ дрыжаць ад страху, ён аддае: “Бяры майго – ары, а я твайго ў пана забяру...”»), Франциск Скорина («Ехаў Скарына Францыск друкаваць свае кнігі дома»).

Характеры своих героев поэт рассматривает в сложности их связей с обществом, со временем, в момент наивысшего духовного напряжения, их спутниками, как правило, выступают Честь, Мужество, Человечность, Самоотверженность и Высокородство. В столкновении правды и лжи, желания и невозможности, справедливости и властолюбия, в борьбе со злом формируются лучшие качества человека – славянина.

Широко используя неисчерпаемые фольклорные традиции, затаенный подвох, иронию, условность, искусственность ситуации, Я. Сипаков не только оживил события славянской истории, но и создал оригинальный поэтический памятник героическим сынам славян, на протяжении столетий сражавшихся против угнетения. Несмотря на то, что каждая баллада содержанием своим связана с историей определенного народа, что поэт использует формы сознания, психологические ходы, жизненные обычаи, бытующие в той или иной стране, находит и показывает отличительные черты национального характера, все же в итоге было создано целостное, завершенное общеславянское интернациональное произведение, связавшее воедино день вчерашний и сегодняшний в жизни славянских народов. Впечатляющие поэтические образы, приметные художественные детали в единстве со внимательным и строгим отбором слов делают связь времен еще более ощущаемой («Стагоддзі – нібы дні прайшлі», – признается автор) в заключительной балладе «Прощание» («Развітанне»):

*Бывайце ж, даўнія стагоддзі,
Мы зноў вяртаемся ў свой час,*

¹³ Сіпакоў, Я. Веча славянскіх балад / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1988. – С. 28.

*Дзе над галоўамі ў нас,
Як радасць, сонца светла ходзіць...¹⁴*

«Вече славянских баллад» не просто поэтическая история славянства. Это философско-эстетическое осмысление извечного движения славян к национальной независимости, равенству, достижению новых жизненных высот. (Кстати, работа над созданием поэтической истории славянства продолжалась Я. Сипаковым и после выходы «Вече славянских баллад». Об этом свидетельствовали – новые баллады – русская и украинская – XIX, черногорская и боснийская – XV, кошубская – XVIII, антов – IV–V столетий, которые публиковались на страницах газеты «Літаратура і мастацтва»).

Рассуждения о книге «Вече славянских баллад» хотели бы завершить следующими словами Вл. Короткевича, в которых своеобразно, но достаточно убедительно дана ее характеристика: «Гэты хлопец, сам таго не жадаючы, даў ладнага выпятка паэтам майго накалення, і ў тым ліку мне, і дзякуй богу. Свет, дзе няма месца нечаканасцям – гэта не свет. І кніга гэта добра паслужыць людзям і Беларусі».

Своеобразным продолжением славянских баллад выступает цикл из четырех стихотворений, объединенных общим названием «К биографии моего народа» («Да біяграфіі майго народу»). Из многовековой истории белорусов поэт выбрал один период, но самый трагический в их жизни – период Великой Отечественной войны. Казалось бы, что горечь и страдания, которые пришлось пережить белорусам (в соответствии с планом «Ост» фашисты намеревались в большинстве уничтожить, частично выселить на восток 75 процентов белорусов, а 25 процентов – онемечить) должны были ожесточить их души. Люди могли «сойти с ума», умереть от плача и боли, задохнуться от пожаров, умереть в блокадах и карательных операциях

*Народзе, мой народзе!
Жудасна ўявіць нават,
Што рабілася ў тваіх спаленых вёсках,
У дымных хатах, хлявах і стадолах!
Што гаварылі дзеці,
Задыхаючыся полымем і дымам?
(Відаць, прасілі адпыхнуць ад іх агонь).
Што рабілі дарослыя?
(Відаць яны абгарэлымі рукамі
Трымалі палаючыя стрэхі –
Каб тыя не абваліліся
На дзіцячыя галоўкі,
...Народзе, мой, народзе!
Ты ж мог пасля гэтага
Зрабіцца чалавеканенавіснікам.
...А ты затаўся дабрадушны,
Шчыры і ветлівы –
Такі, як і да вайны,
Ты зноў сябруеш з людзьмі,
Запрашаеш іх у госці.
І нават немцам гаворыш:
– Калі ласка, суседзі, паедзем у Хатынь...¹⁵*

¹⁴ Сіпакоў, Я. Веча славянскіх балад / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1988. – С. 260.

¹⁵ Сіпакоў, Я. Выбраныя творы: у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1995. – Т. 1. – С.170.

Обвинение фашизму, его человеконенавистнической идеологии превращается в апофеоз гуманизму, человечности, жизнестойкости советского человека, его справедливого стремления к свободе, его патриотизма и интернационализма. Заметим, что весь сборник стихов «В полдень к воде», в которой включен и упомянутый цикл, пронизаны острым чувством сопричасности к судьбе человека, его заботам и радостям. Поэт вышел на откровенный разговор с читателем. Он высказывает свою тревогу за человеческое равнодушие, пассивность людей, у которых «нічога святога, яны ўгразлі ў плётках і ў змане...». Взаимосвязь и взаимответственность людей – вот что его волнует и тревожит «Ты ў свет уключан, бы ў разетку, і боль чужы – калючы гэtki... Як памагчы, чым памагчы». Его лирический герой словно переосмысливает свое отношение к жизни, те моральные и духовные ценности, на которые раньше достаточного внимания не обращалось. В поэтических строках все более ощущается созвучие с окружающей действительностью. Ему «усё на свеце хочацца абняць, да сэрца ўсё прылашчыць беражліва» он «павінен падняць галоўку кожнаму квэтку і ўзняцца кожнай памагчы травіне...». Более строгий подход к оценке окружающих человека реалий созвучен с его внутренним беспокойством за бездуховность современного социума, его стремлением к познанию неизведанного:

*Бо нас хвалюе толькі тое
Што недасяжнае як раз
І, што, як промень, залатое,
На небасхіле дражніць нас,
...А мы ўсё роўна прагнем свята –
Аж да апошняе мяжы,
І дамагаемся ўпарты,
Бо дамагацца – значыць жыць!¹⁶*

Вместе со своим героем поэт беспокоится за людей, за радости и горечи, призывает быть более внимательным один к одному: «Адзін аднаго крыўдзім парадзь, пад сэрца самае – змяю... І ўсе з крыўдзіцелем гавораць, і нават рукі падаюць. А як бы добра – адварнуцца, як продкі, выклясці навек, – калі ўсмеліў замхнаўцца на чалавека чалавек». В поэтических строках Я. Сипакова этическое все чаще и чаще сопрягается с социальным, с пониманием неотделенности человека от Родины, простая озабоченность судьбой человека переходит в тревогу за судьбы всего Человечества. Микрокосм у поэта выступает зеркальным отражением макрокосма. Вот, к примеру, стихотворение «Сидим, смеемся за столом...» («Сядзім, смяёмся за сталом...»). Казалось бы за столом счастье, люди угощаются, даже петь пробуют бодро и искренне, они в это время забываются о том, что где-то властвует подлость и голод, и горе, и нет лекарств для душевного покая. Конечно, можно чувствовать себя спокойно, если видеть жизнь только из-за такого праздничного стола. Но есть же и другие измерения, есть другие континенты. И действительно, человеческий непокой, тревога, тотальность человеческой боли, должны охватить и их, должны ощущать их дыхание. Поэтому и закономерными являются финальные строки:

*Сядзім. Спяваем – аж пад столь,
І вясялімся нібы дзеці...
А болю – цесна ў свеце
Перанаселеннасць на боль!¹⁷*

¹⁶ Сипакоў, Я. У поўдзень, да вады / Я. Сипакоў. – Мінск, 1976. – С. 15.

¹⁷ Там же. – С. 23.

Заботой о современности, антивоенными мотивами пронизаны стихи «Спят в снарядках...» («Спяць у снарадах...»), «Братская могила» («Брацкая магіла»), «Голубая география» («Блакітная геаграфія»), **сборник «Лирический отлет птиц»**, «Зеленый лист» («Зялёны ліст»), «Сирена» («Сірэна»), «Все меньше инвалидов колясок...» («Усё менш інвалідных калясак...»), «Выступление Земли на конференции по разоружению» («Выступленне Зямлі на канферэнцыі па разбраенню» (**сборник «День»**) и др. Вот вишня, что тысячи лет зеленела и дружила «з сонцам і штодзень чакала яго ўзыходу», а испепелилась в одно мгновение от взрыва атомной бомбы в 1945 г. Она сейчас – это напоминание о мировом масштабе трагедии (*Каб тысячнае хвіліны/ Не вярнулася.../ Каб мільярды год/ Пра попел твой, вішня,/ Ведаў увесь сусвет/ Вішня-пакутніца з Хірасімы*).

Однако ненасытный военно-промышленный комплекс Запада несколько не волнуется, что еще «накрываюць пустое месца на ложках спрасонку салдаткі» и «інвалід па звычцы сціскае рукаў пусты», что еще спустя 75 лет после Великой Победы «з зямлі, бы з глыбокай рыны яшчэ і сённа выходзяць асколкі...». И снова «спяць у снарадах, спавітыя белаю, як сама смерць, сталяю пакручанья віхры, аглушальныя грамы, пажары, вулканы і зямлятрасенні...». Снова жизнь на планете земля может «сломаться», как ломается обычный домашний будильник.

Поэт уверен, что такого в мире никогда не должно быть, Свидетельство этому – поэтический **сборник «Усмилнись мне, книга тревоги»** («Усмилнися мне, кніга трывогі»), в котором связаны в единое целое эклогические и морально-этические проблемы с проблемами НТР, ведется поиск их диалектики и взаиморазвития.

Поэзия Я. Сипакова привлекает его умением ощутить каждое движение души лирического героя, его беспокойный, нестандартный характер, обобщить поэтические выводы с помощью философских категорий, наполнить собственные мысли общезначимым содержанием. Казалось бы, небольшое стихотворение «Какой человек угловатый!» («Які чалавек вуглаваты!»), но каким глубоким смыслом оно наполнено:

Які чалавек вуглаваты!
 За ўсё на зямлі чапляецца –
 За лясы,
 за хаты,
 за святы,
 На цішыні і то спатыкаецца.
 Чапляецца
 за моды, за густы,
 За сынавы ручаняты,
 Аб пах сусветны капусты
 Спатыкаецца
 чалавек вуглаваты,
 спатыкаецца аб прасторы,
 аб гнёзды
 дзе спяць птушаняты.
 І нават за неба,
 за зоры
 чапляецца чалавек вуглаваты¹⁸.

¹⁸ Сипакоў, Я. 3 вясны ў лета / Я. Сипакоў . – Мінск, 1972. – С. 109.

Общее всегда выражается в конкретном. Философская истина эта находит свое подтверждение в заботах поэта о каждом конкретном человеке. Примером его глубоко заинтересованного к богатству и тонкости человеческих чувств, чистоте и возвышенности любви, могут служить два стихотворения из поэтического сборника «В полдень, к воде»

*А я за грэх. За той, што дорыць
Нам радасць новага жыцця,
За грэх святы, за той, каторы
Аж за стагоддзі – наш працяг.*

*Жыццё і грэх – заўсёды разам,
Не варта іх распалучаць,
І найвялікшая абраза
Любоў і Ласку грэхам зваць¹⁹.*

«...Калі ў вачах – вачам аж цесна...»

*А рукі спазнаюць пяшчоту рук
І вочы – вочы. Вусны лашчаць вусны
І страшна гаварыць. Здаецца, змовіш гук –
І знікне ўсё. Няўтульна стане. Пуста...
Маўкліва спазнаецца ласка рук!²⁰*

«Музыка для закаханых»

Любовь у Сипакова – это чувство возвышенное, солнечное и, как правило, счастливое и взаимное, оно помогает лирическому герою преодолеть душевное балансирование между тягостями жизни, уверенностью и неуверенностью в себе и во Вселенной. «І дзе б мы не ўмярзалі на планеце – каханне ўсюды гнёзды ў нас віло», «Каханне – клетка? Дык такой бяды – хутчэй туды, хутчэй хачу туды», «Любіць цябе – як усё роўна жыць». Такая аксиология поэта, на наш взгляд, не нуждается в комментариях.

Обращаясь к теме верности, теме любви, нашедших свое отражение еще в первых поэтических сборниках, Я. Сипаков развил ее вглубь, подчеркивая органическую связь разных периодов не только в жизни народа, но и каждого отдельного человека. Опираясь на общечеловеческие и на национальные традиции, поэт смог в лирической, очень тонкой форме триолета постичь душу человека: «...Дзе нам баліць, там і душа. Таму, чым большая душа, – даўжэй шчымяць і ныюць раны... Дзе нам баліць, там і душа: з душы ўвесь чалавек сабраны».

На наш взгляд, тема понимания тех множественных проявлений действительности, оказывающих влияние на формирование духовности личности, ее этику и жизнедеятельность всегда находилась в поле сипаковского поэтического зрения. Об этом свидетельствуют и первые, и последующие поэтические сборники. Однако главное место среди них (считаем, что после знакомства с ними, читатель согласится с нашей точкой зрения) по праву принадлежит венку сонетов «Женщина» («Жанчына») (сборник «В полдень, к воде»), написанного в соответствии с классическими формами стихосложения.

Для начала – **эпиграф из В. Брюсова: «Ты женщина, и этим ты права»**. Этими словами поэт пообещал читателю встречу с глубоким, полным лирического и интимного чувства, миром женщины, в руках, устах и глазах которой прячется то, что приводит всех

¹⁹ Сипакоў, Я. У поўдзень, да вады / Я. Сипакоў. – Мінск, 1976. – С. 73.

²⁰ Там же. – С. 80.

нас (и поэта, и читателя) к пониманию, что за ее «...няма нічога ласкавей на свеце». Застенчивость первой встречи и вековая верность влюбленных, материанская нежность и женская ласка, продолжение рода человеческого – все это женщина:

*І мы да слёз, расчуленыя самі,
Весялімся, што ты заўсёды з намі:
Ты – маці, жонка; ты – дачка, сястра²¹.*

И в каждом из этих облиций (тонко подмечено поэтом), все ее «аздобай свету лічаць».

*Дачку мы не стамляемся гушкаць,
З сястрой – супольнасць шчырая за звычай,
Мілуем жонку, носім на руках
І маму, калі цяжка дужа, клічам²².*

Она неподвластна времени, ее «заўсёды гожая пара – красуе і вясною і пад восень. І павуцінкі – завязь серабра яе малодзяць, нібы маю просінь». Ощущая богатую душевную щедрость, заботу и ласку, мы всегда торопимся к ней со всеми негодами своими «як на кругі свае спяшае вецер». За все это от имени мужского пола поэт высказывает самые прикиновенные слова:

*А ты – святая, як сама любоў...
... Раджала фараонаў і рабоў.
Каб жыццёдайнасць не магла спыніцца...
...твая заўсёды гожая пара
Дазволь, жанчына ў ногі пакланіцца²³.*

Венок сонетов Я. Сипакова – это не только поэтический гимн женщине, это и не только любовь ради жизни Ее и Его, чтобы жить во имя человеческого Счастья, но это и высота в разработке поэтом образа матери. Не единожды обращаясь к нему (стихи «Неотосланное письмо к матери» («Неадасланы ліст да маці»), «Слезы матери» («Слёзы маці»)) и др., он постоянно развивает его, обогащая психологическими характеристиками. И убедительным доказательством верности теме является постоянство автора. Через двадцать лет после написания «Венка сонетов», Я. Сипаков, обращаясь к читателям, разоткровенничался: «Часцей за ўсё звычайна ў дзяўчыне мы бачым толькі дзяўчыну, у маці – толькі маці, а кожная маці, бабуля калісьці былі дзяўчынаю, нават дзеўчынём, якое забавлялася між травы і кветак. Вось гэтае адкрыццё прыйшло да мяне, памятаю, яшчэ ў юнацтве, не праходзіць яно і зараз. Мне і зараз у кожнай дзяўчыне хочацца ўгадаць маці, а ў кожнай сівенькай маці – успомніць дзяўчыну». В своих стихах, поэмах поэт не только пишет о своей матери, но и от ее образа, оставшегося в детской памяти, поэт постепенно подходит к обобщающему образу, в котором Мать – это символ человеческой печали и боли за тысячи трагедий, которые ей пришлось пережить.

Нельзя не отметить и такое направление в поэтическом творчестве Я. Сипакова, как постижение неповторных красот родной земли и ее зеленого царства. Его слово полно

²¹ Сипакоў, Я. У поўдзень, да вады / Я. Сипакоў. – Мінск, 1976. – С. 107.

²² Там же. – С. 198.

²³ Там же. – С. 195–196.

любви к белорусской природе, в которой «пацягваюцца спрасоння бярозкі і атрасаюцца ад імху і лісця баравікі», где «паколаты яловымі лапкамі выходзіць з лесу густы туман, якім накрываліся зайчаты ноччу». Вероятно, поэтому не только стихи, но и книги, и разделы из книг своими названиями приглашают читателя постичь богатство красоты природных явлений. В **сборнике «День»**, к примеру, есть такие разделы «Мелодия первого луча» («Мелодыя першага промня»), «Высота полного солнца» («Вышыня поўнага сонца»), «Вечерняя мудрасць деревьев» («Вечаровая мудрасць дрэў»), в **сборнике «Лирический отлет птиц»** – стихи «Жара» («Спёка»), «Коренья росы» («Карэнне расы»), «Аисты» («Буслы»), в **сборнике «В полдень, к воде»** – стихи «Утро. Солнце. Вспаханная земля» («Раніца. Сонца. Ралля»), «Заготовка сена» («Сенаванне»), «Давайте отмечать дни рождения деревьям» («Давайце адзначаць дні нараджэння дрэвам»), «Такой вот дождь» («Гэтакі дождж») и др. Поэтизация природы, влюбленность в родные краевиды позволяет Я. Сипакову находить те, обычно не заметные в природе черты, придающие стихам мягкость, лиричность, романтичность. Вот, трава «мядведзь мядведзем», вот «неба – блакітны звон. А ў ім, як падвешаны, жаўранак...», вот «ламаюцца ў снежных сумётах ветры, сонца прымерзла да неба краю...». Поэт ведет читателя в свою Синегорию – светлую страну, «прывезенную на санках», синее от заснеженной утренней тишины. Это страна с родным домом, «дзе грэліся бабчыны казкі, дзе за комінам сны хаваліся у валёнках калматых бацькавых». Здесь и жаворонка солнце помост, и облака с ним играют, «каб не плакаў, каб даўся памыцца», и «пад кожным кустом, нібы коўдрай, накрываюцца цёпла лістом спяць у лесе ўпокат казкі», и медведи «чытаюць свае маналагі, выйдучы на лясны прастор пасля зімовой спячкі».

Все это – тот океан жизни, поэтическим мастерством открывающий для читателя «першароднасці вечны закон», делающий его более воспринимаемым к высоким чувствам человеческим, позволяющий понять сложность и взаимосвязь современных явлений и процессов. Обостренная наблюдательность и эмоционально-возвышенное восприятие красоты природного мира, понимание ее гармонической близости с человеком наполняют лирику Я. Сипакова оптимистическим мироощущением, верой в силу человеческого разума, неизбежность прогресса человечества.

Каб жыццедайнасць не магла спыніцца,
Ты ў гэтым свеце хараства
жывеш.
Пакуль ты ёсць – працяг наш
будзе віцца
За далеч часу – без канца,
без меж²⁴.

Своеобразным слепком человеческих и гражданских чувств, признанием в любви к родной Белоруссии, философским сплавом национального и общечеловеческого стало стихотворение «Язык» («Мова»). Родной язык – тот чудодейственный бальзам, который «пакрывае нястачу пахаў у моры травінак і красак, колераў у вясновым квяцістым разліве гукаў у моры лесу». Он приходит на помощь, когда «не радуець песні мора, крылатага птушаня». В итоге – национальный язык – это тот «акіян вялікі, у які ўсе моры ўпадаюць...».

²⁴ Сипакоў, Я. У поўдзень, да вады / Я. Сипакоў. – Мінск, 1976. – С. 197.

Как-то один из критиков подметил, что «философское зерно», брошенное в почву рассуждений о природе родной Белоруссии, неожиданно поднялось, проросло мощными стеблями, пройдя от диалектики природы к постижению диалектики души человеческой. Лет двадцать назад Я. Сипаков написал стихотворение «Стал на ноги свои Человек...» («Стаў на ногі Чалавек...»). Характерное для всего поэтического творчества понимание диалектики жизни, ее непрерывного обновления здесь, на наш взгляд, нашло самое яркое и конкретное воплощение. Казалось бы, первые шаги ребенка – это только не большое, мизерное, ничего не значащее для долгой жизни начало. На самом же деле – это не так. И поэт очень верно подметил такое обстоятельство: если человек не упадет в растерянность от первых неудач, а найдет силы для их преодоления, если первые трудности преодолеваются во имя высокой, завтрашней цели, тогда он сможет поймать «далёкага сонца асколак», тогда в его парусах всегда будет попутный ветер. Поэт пишет:

*Паваліўся...
Нічога!
Уставай, не спыняйся толькі.
А ідзі, і ідзі, і ідзі...²⁵*

И несколько слов о поэме в прозе «Жертвенный двор» («Ахвярны двор»), хотя она требует самого скрупулезного прочтения и самого глубокого осмысления. Шесть поэм составляют содержания книги, каждая из которых, на наш взгляд, могла бы быть самостоятельным произведением. Вор первая поэма «Варзоб» («Варзоб»). Это своеобразный лирический отчет поэт о его знакомстве со столицей Таджикистана г. Душанбе, возведенном на месте впадины – долины Варзоб. Объединив в единое целое историю и тогочасную жизнь таджиков, русских, белорусов, Я. Сипаков создал гимновую притчу человеческому жизнедействию. Вторая поэма «Обзум» («Обзум») – будет неожиданной для читателя – это поэтическое осмысления Я. Сипаковым 10 евангельских заповедей божьих. Третья – «Хата» («Дом») в нашем авторском прочтении – это философско-мифологический гимн символической «хате» великого Тараса Шевченко. Четвертая поэма «С чужими богами» («З чужымі багамі») – почти музыкальная «фантазия», сложившаяся в поэтический стих и посвященная Абхазии и ее мудрым и трудолюбивым людям. А как легко, как лирически-притягательно читателю читается пятая поэма «Экстаз» («Экстаз») – это действительно поэтический экстаз и возник он после посещения Я. Сипаковым пушкинского Михайлоского. Здесь и возвышенные слова о великом россиянине и его Арине Радионовне, и, конечно же, незабываемая для белорусского поэта прогулка по аллее незабвенной Анны Керн, сложился гимн ее любви, «вышэй якой няма нічога ў свеце»²⁶.

Мы вполне солидарны с точкой зрения Л. Ломеко (упоминалось в очерке ранее), считающей, что Я. Сипаков своим «Ахвярным дваром» «проста даў чытачу (нет, ни себе, а именно – читателю) яшчэ адну шчаслівую магчымасць – сярод прыгожых краявідаў, у акіяне людскога болю, радасці і надзеі спасцігнуць сябе, зразумець, хто ты такі, чаго варты, адчуць і убачыць, што носіш у сваім сэрцы, ... глянуць на лёс уласны, засвоіць няпростыя ўрокі жыцця» (Т.1. – С. 9).

Разговор о поэтическом творчестве Я. Сипакова будет не совсем полным, если не обратить внимание на одно, на наш взгляд, весьма значимое обстоятельство – богатство форм стихосложения: от поэмы к лирической миниатюре, от баллады к сонету, от стиха классически строгого к стиху свободному, называемому «белым». В сборниках мы встре-

²⁵ Сіпакоў, Я. Лірычны вырай / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1965. – С. 10–11.

²⁶ См.: Сіпакоў, Я. Ахвярны двор / Я. Сіпакоў // выбранныя творы: у 2 т. – Мінск, 1995. – Т. 1. – С. 422.

чаем триолеты, гексаметы, элегии, октавы, сонеты, баллады. Что же касается последних, то среди них так же нет единообразия – есть баллады-легенды, баллады-шутки, баллады-сказки, баллады-плачи. При этом обогащение поэтического языка видится через широкое использование песенной и фольклорной поэтики, ассоциативного мышления. В сочетании с хорошим литературным вкусом, художественной достоверностью все это делает поэзию Я. Сипакова отличительной от других авторов, придавая ей исключительную индивидуальность и неповторимость.

Выскажем такое предположение; все это богатство складывалось постепенно, от постоянного общения с поэтами Древних Греции и Рима, вавилонской поэзии.

1970–1980-е – начало 1990-х годов – это не только достижения Я. Сипаковым высот в поэтическом мастерстве, в котором он оказался оригинальным, не копирующим никого. Это еще и звездный час в его переводческой деятельности. Вместе с ним «загаварылі па беларуску» А. Блок, А. Мицкевич, А. Туманян, Э. Межелайтис, Р. Гамзатов, Г. Эмин, Ю. Мартинявичюс, Д. Павлычка и др. Поэтом переведены, к примеру, такие интересные и сложные произведения, как «Листья травы» У. Уитмена, стихи из «Тюремного дневника» Хо Ши Мина. Широко известна его книга переводов «На свободу птицу выпускаю» («На волю птушку выпускаю»).

Не остались в долгу перед Я. Сипаковым и его коллеги-поэты и переводчики из ближних и дальних литератур. Его произведения были переведены на английский, болгарский, венгерский, грузинский, испанский, латышский, молдавский, немецкий, осетинский, польский, русский, словацкий, таджикский, узбекский, украинский, французский, хинди-язык, чувашский, чешский, эстонский, югославский языки.

Плодотворная творческая деятельность Я. Сипакова на литературном поле продолжалась в белорусской литературе и в постсоветский период. Однако это выходит за рамки нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сіпакоў, Я. Сонечны дождж: вершы / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1960.
2. Сіпакоў, Я. Лірычны вырай: вершы / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1965.
3. Сіпакоў, Я. Дзень: лірыка / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1968.
4. Сіпакоў, Я. З вясны ў лета: вершы / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1972.
5. Сіпакоў, Я. Веча славянскіх балад / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1973.
6. Сіпакоў, Я. У поўдзень, да вады: кніга вершаў / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1976.
7. Сіпакоў, Я. Вочы ў вочы: выбраная паэзія / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1978.
8. Сіпакоў, Я. Пяць струн: кніга настройў / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1984.
9. Сіпакоў, Я. Усміхніся мне: кніга трылогі / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1984.
10. Сіпакоў, Я. Ахвярны двор і ншыя паэмы ў прозе / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1991.
11. Сіпакоў, Я. на волю птушку выпускаю: зборнік выбраных перакладаў / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1989.
12. Лысенка, А. Лінія гарызонта. Нарыс творчасці Янкі Сіпакова / А. Лысенка. – Мінск, 1986.
13. Русецкі, А. Бачыць чалавека (Янка Сіпакоў) / А. Русецкі // Ісці да чалавека. Літаратурныя партрэты. – Мінск, 1987.

ВЛАДИМИР СКОРИНКИН

Поэт Владимир Максимович Скоринкин родился 7 июня 1939 г. в г. Витебске в семье служащих. Отец погиб на фронте в 1945 г., мать воспитывала сына одна. В 1943–1945 гг. она вместе с Володей фашистами была вывезена в трудовой (концентрационный) лагерь в г. Либаву (в Советской Латвии – Лиепая), затем был лагерь «Бломберг» на польской территории. Вот оно шестилетнее детство Володи Скоринкина.

В 1956 г. он закончил 2-ю среднюю школу в г. Городке и выдержал вступительные экзамены в Рижское Высшее инженерно-авиационное военное училище; с 1961 г. – студент Рижского института инженеров гражданской авиации. Получив диплом, работал на различных инженерных должностях в Минской авиационно-технической базе. Больше 10 лет работал начальником аварийно-спасательной службы Белорусского управления гражданской авиации. В 1982–1987 гг. занимался проблемами Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей БССР. С марта 1987 г. находится на творческой работе.

Началом поэтики В. Скоринкина можно считать 1955 г., когда стихотворение «Першы яблык» было опубликовано в газете «Піянер Беларусі». Начиная автор печатался в республиканских периодических изданиях, городокской районной газете. Первый сборник лирики «Аисты над аэродромом» («Буслы над аэрадромам») увидел свет в 1969 г. Затем один за другим выходят из печати стихотворные сборники «Звуковой барьер» («Гукавы бар’ер») (1972), «Разрешите взлет» («Дазвольце ўзлёт») (1975), «Четвертый разворот» («Чацвёрты разварот») (1979), «Угол атаки» («Вугал атакі») (1982), «Посадочные огни» («Пасадачныя агні») (1985), «Спасательный плот» («Выратавальны плот») (1988). Отметим, что само название книг позволяет выделить «крылатую» тему – романтика неба, связанная с его профессиональными буднями – в белорусскую советскую литературу входил автор, не имеющий филологического образования. Тем не менее, произведения «непрофессионала» от поэзии переведены и на русский, и на украинский языки. Не анализируя творческие достижения В. Скоринкина в условиях суверенной Беларуси, отметим лишь одно – в 2000 году В. Скоринкин за высокохудожественный перевод уникальной «Божественной комедии» Данте был удостоен Государственной премии Республики Беларусь имени Я. Купалы и Национальной премии Италии. В. Скоринкин является автором перевода на белорусский язык книги стихов «Русский огонек» известного российского поэта Николая Рубцова (1986). В постсоветское время были сделаны переводы байроновских «Дон Жуана» и «Путешествия Данте» (2004), сборника стихов Николая Винграновского «Украинская прелюдия» (1999), сонетов из «Киги песен» Петрарки. В 1990-е годы издал книгу для детей – «Каникулярная ангина» (1993), «Путешествие в край шарад» (1997), «В карете по белому свету» (2000).

Однако обратимся к предмету нашего исследования – развитие творчества поэта в белорусской советской литературе. И здесь представляется небезынтесными рассуждения В. Скоринкина о своем творческом кредо (записаны в беседе с А. Русецким): «... стараюся ісці па дарозе, пратаптанай нашымі продкамі, але не хачу па-рабску ўступаць у сляды іхніх ног. Я не хачу такога правадыра, які на ланцугу цягнуў бы мяне за сабой, а такога, які ішоў бы паперадзе мяне, паказваючы мне шлях, дзеля якога, я ніколі не згаджуся адмовіцца ад маіх вачэй, свабоды і меркаванняў, ніколі ніхто не забароніць мне ісці, куды мне хочацца, пазбягаць таго, што мне не падабаецца, накіроўваць свае сілы на тое, да чаго дагэтуль ніхто не дакранаўся, самастойна выбіраць самую зручную ці самую кароткую сцяжынку, паскараць сваю хаду ці адпачываць, сыходзіць з дарогі, ці вяртацца назад»¹.

¹ См.: Скарынкін, У. Мой Петрарка / У. Скарынкін // Роднае слова. 2005. – № 7. – С. 103.

ВЛАДИМИР СКОРИНКИН

Итак, слово... Слово начинающего поэта... Задача, поистине, сложнейшая, но притягательная. Ведь приходилось думать и класть в поэтические строки моральное и эстетическое видение действительности, предложить ее читателю в ярких, запоминающихся образах, зафиксированных поэтом будто бы впервые, но приобретших его литературную версию. Сделана первая попытка в художественных образах зафиксировать жизнь, не как случайное течение, а как органично действующее сообщество со всеми его болезнями, удачами, поисками... И эта попытка приводит В. Скоринкина к собственному видению мира, созданию поэтических образов, вызванных жизненными ассоциациями, личной зрительной памятью и впечатлениями об этих жизненных явлениях. Но все это писал пока начинающий непрофессионал – «летун» или официально инженер гражданской авиации. Вот, как оценил сборник стихов «Аисты над аэродромом» *белорусский литературный критик Н. Федюкович*: «...У. Скарынкін, выдаўшы першую кнігу, – падкрэсліваю не зборнік, а цэльную кнігу, прыйшоў у нашу паэзію са сваёй тэмай, знайшоў свой музычны рытм, свае паэтычныя фарбы»². В унисон Н. Федюковичу звучит мнение еще одного рецензента *Ф. Ефимова*: «Хочацца толькі заўважыць: кніжка, напісаная прадстаўніком «нелітаратурнай прафесіі, як правіла, багацейшая жыццёвья рэаліі, чым кніжка літаратурнага прафесіянала»³. «Крылы вершаў У. Скарынкіна трывалыя»⁴, – так образно высказался писатель *Л. Дайнеко*. А потому, вполне естественно, что во многих произведениях поэт пишет о тех, через «сердце которых «праходзіць лінія, што злучае з зямлёй небасхіл». Говоря о трудностях лётной службы, он почти публицистически утверждает:

Авіяцыя,
як паэзія.
Пачынаецца
з мужнай прозы –
З рук парэпаных
і жалеза.
Пасінелага
ад марозу.

В своих лучших стихах, посвященных жизни авиаторов («Перед полетом» («Перад палётам»), «В зале ожидания» («У зале чакання»), «Авиация» («Авіяцыя»), «Стюардессы» («Сцюзардэсы») и др. **читатель ощущает удачный сплав лирической исповеди и патриотической взволнованности, прочный союз Земли и Неба (Н. Федюкович).**

Разделяя подобные мнения, считаем, что первая книга В. Скоринкина привлекла внимание читателей широтой интересов, тематичностью, разнообразием интонационно-ритмического построения стихов, раскрывающих множественность жизненных процессов и явлений.

Представляется небезынтересным познакомиться с рассказом самого поэта о его приходе в литературу. «Вообще-то стихи я начал писать с пятого класса, – рассказывает поэт, – но потом ушел от стихотворства, показалось, не сумею. Даже стихи, которые написал раньше, сжег. “Второе дыхание” пришло три года тому назад. Писал в основном про авиацию, о тяжелом труде своих товарищей – авиатехников. Так постепенно вынашивалась мысль, о книге стихов, которую мне хотелось написать. Это книга – “Буслы над аэродромам”. Время работы над ней было одновременно временем большой поэтической учебы.

² Чырвоная змена. – 1975. – 6 жн.

³ Яфімаў, Ф. Перад узлётам / Ф. Яфімаў // Польшыя. – 1976. – № 6. – С. 248.

⁴ Віцебскі рабочы. – 1969. – 1 лістап.

Очень много читал Есенина, Кулешова, Бородулина, – это любимые мои поэты – но в самостоятельной работе над стихом пытался искать свои, никем не придуманные строчки.

И еще мечтаю написать одну стихотворную книжку. Даже название уже придумал – «Калейдоскоп». Хочется, чтобы получился интересный и серьезный разговор с малышами о летчиках. Не ограничивает ли мои творческие планы «летная» тематика? Нисколько. Ведь любой факт – это тема для будущего произведения, нужно только увидеть его по-своему. А в нашей профессии таких фактов – бесчисленное множество...»⁵.

Повседневные реалии фиксируются поэтом через воспоминания и воспроизведение родной поэту деревенской среды: «Отчиму» («Айчыму»), «Земляника» («Суніцы»), «Беспричинная песня» («Безпрычинная песня»), «Детству» («Дзяцінству»), «Две песни на один мотив» («Дзве песні на адзін матыў») и др. Родной край, своя земля, трудное детство (а оно пришлось у поэта на войну и послевоенные годы), память о войне, природа Городокско-Витебского края – в этих тематических направлениях формируется поэтическое понимание действительности, о которой он пишет сердечно и душевно.

Люблю душою пасталелай
Я завітаць на тыдні тры
У родны край, дзе локці смела
На стол кладуць
гаспадары.
Дзе я заўсёды госць
жаданы.
Дзе брат вучыў мяне
араць,
Дзе ўсё, што мне, як бінт
ад раны,
Ад сэрца цяжка адарваць⁶.

Уже в первой книге «Аисты над аэродромом» поэт признается:

Мая гордая,
Шматпакутная,
Мая добрая
І магутная,
Як я жыў бы
І што рабіў,
Каб цябе
Незнарок згубіў.
«Радзіме»

...Не засмуцілі войны
Позірк лагодны твой.
Толькі бялеюць скроні
Удовінай сівізнай...
«Беларусі»

⁵ Знамя юности. – 1969. – 3 янв.

⁶ Скарынкін, У. Буслы над аэрадромам / У. Скарынкін. – Мінск, 1969. – С. 9.

ВЛАДИМИР СКОРИНКИН

Познакомившись с первой книгой В. Скоринкина известный белорусский *литературовед В. Гниломедов, высоко оценив ее, тонко подметил, что успех поэта в будущем будет зависеть от того, «наколькі глыбока ён зразумее тое, што кіруе чалавекам у яго справах»*⁷.

Как показала жизнь, слова специалиста не повисли в воздухе. Для В. Скоринкина они стали своеобразным стержневым оселком, помня о котором он «шлифовал» свое поэтическое мастерство, стремясь к самому глубокому проникновению в духовные проблемы общества, человека, самого себя. Свою духовно-эстетическую программу он заявляет смело и горячо отстаивает ее, высказывает ее, как думает и понимает, не боясь упреков в риторике, непосредственно и искренне. Возможно была и определенная доля риска – ведь определить направление целостного и масштабного творческого поиска не просто важно и принципиально. Квинтэссенцией таких решений на творческом пути выступит прежде всего гражданская ответственность самого автора.

В белорусской советской литературе В. Скоринкин известен как автор семи поэтических сборников. Они дают возможность проследить, как развивался поэт, ощутить расширение поэтической направленности творчества и углубление ее мотивации, наконец, увидеть, как обогащаются и углубляются его образные средства, растет культура слова и поэтического мышления. Подтверждение тому находим и во второй книге поэта «Звуковой барьер», и в третьей «Разрешите взлет», и в последующих изданиях. Поэт и его лирический герой открыты перед читателями, и эта открытость идет не только от щедрости поэтической души, но и от верности ранее заявленным моральным и гражданским принципам:

*А пакуль я іду, расхрыстаны,
Прагна з прыгоршчаў
н'ю расу.
Песні –
шчырыя і празрыстыя –
Асцярожна людзям нясу.
«На парозе сталасці»*

Знакомство с книгой показывает, что В.Скоринкин успехов достигает только там, где остается самим собой, где является рядовым жителем, живущим тревогами, заботами и радостями своего времени, наконец, где тепло и эмоциональность говорит о близких ему людям, будь-то коллеги по авиации (стихотворение («Дорога в небо» («Дарога ў неба»)) или деревенский плотник, который «хаты будаваў пасля вайны – знікалі аднавокія зямлянкі» («Комель» («Камель»)). Привлекают внимание читателя образы и метафоры так или иначе ассоциативно соотносящиеся с темой Неба («Жара» («Спякота»)), стихи о жизни друзей-ровесников («Земные созвездия» («Зямныя сузор'і»), «У друга» («У сябра»)), философские размышления о месте и роли человека на Земле («Рожь» («Жыта»)), осмысление исторического прошлого («Вайханы» («Вайханы»^{*}), проникновенное отношение к любимой («Снова ты не пожелала...» («Зноўку ты не пажадала...»)), тревога за судьбу родной природы и ее жителей («Остывшее гнездо» («Астылае гнездо»)). Понятным и близким он предстает перед читателем, в тех произведениях, где соединены воедино мысль и чувство, а сам он выступает не только как поэт, но и как Гражданин, Человек, стремящиеся понять и осмыслить заботы и тревоги живущих рядом с ним людей:

⁷ Гніламёдаў, У. З чаго пачынаецца паэзія / У. Гніламёдаў // Маладосць. – 1970. – № 10. – С. 141.

^{*} Вайханы – деревня в Городокском районе.

*Радасна
душою дакрануцца
Мне
да чалавечай дабрыні.*

Привлекает и то, что поэт не просто сам стремится к постижению проблем бытия, но и приглашает к размышлению читателя, не оставляет его равнодушным, возбуждает светлые мысли и возвышенные чувства. Назовем лишь несколько таких стихотворений – «Девчата из интерната» («Дзяўчаты з інтэрната»), «Заря умыла волосы» («Зара памыла валасы»), «Прирученные гуси» («Свойскія гусі»), «Тропинки, что тебя водили» («Сцяжынкi, што цябе вадзілі»), «Доброе утро» («Добры ранак»). Их с полным основанием можно отнести к творческой победе начинающего поэта: они, как раз, и являются той прочной ступенькой, которая ведет к поэтико-гражданскому возмужанию и зрелости.

Восхождение по таким ступенькам на поэтический Парнас не всегда бывает легким и беспроблемным. Как-то наш земляк поэт С. Панизник заметил, что автору нельзя добиваться успеха, если не достигнута духовная сопряженность с теми, для кого пишутся стихи. Не преувеличивая, можно утверждать, что В. Скоринкину удалось и почувствовать, и установить такую сопричастность. Если размышлять о смысле жизни, если проникать чувством ответственности за судьбу планеты и ее людей, которые *«адчуць павінны, што ўсе зямляне – землякі»*, если в поэтических произведениях есть место и настоящей романтике, и философскому началу, и здоровому жизненному юмору, значит твои произведения будут востребованы и коллегами по профессии, и земляками-сельчанами, и многочисленными любителями поэтического слова. И такие стихи В. Скоринкина составляют в большинстве своем содержательную сторону в каждой из его поэтических книг. К примеру, в книге **«Разрешите взлет»** – это стихи «Посадочные огни» («Пасадачныя агні»), «Глоток синевы» («Глыток сінечы»), «Саласпилс» («Саласпілс»), «Второй снег» («Другі снег»), «Жажда» («Смага»), «Лесоруб» («Лесаруб»), «Немецкая девочка в Хатыни» («Нямецкая дзяўчынка ў Хатыні»), поэмы «Навстречу веку» («Насустрач веку»), «Слепой дождь» («Сляпы дождж»); в книге **«Четвертый разворот»** – стихи «Позывные Родины» («Пазыўныя Радзімы»), «Пролетая над родной землей» («Пралятаючы над роднай зямлёй»), «Знакомство с Грузией» («Знаёмства з Грузіяй»), «Ты не ревнуй меня к небу» («Ты не раўнуй мяне да неба»), «Загорится светофор зеленый» («Загарыцца светафор зялёны»), «Лосвидо» («Лосвіда»), «Смотрю я тихим вечером» («Гляджу я ціхім вечарам»), поэма «Высокое солнце» («Высокае сонца»); в книге **«Угол атаки»** – стихотворение «За мною гонится овчарка» («За мною гоніцца аўчарка»), диптих «Родословное дерево» («Радаслоўнае дрэва»), поэма «Угол атаки» («Вугал атакі») и др.

Логичным представляется, на наш взгляд, вывод, что поэтическая значимость названных (и других) произведений не в предпочтительном отношении к более близкой авиационно-небесной тематике, а в том поэтическом мастерстве, единстве мысли и слова, с которыми воплощены в лучших стихотворениях и космические, и достаточно противоречивые земные реалии. Поэт показал себя художником обостренного, полемического восприятия действительности с умелым переходом от личностных восприятий к обобщениям, а поэтому и его лирический герой воспринимается читателем, как человек благородной души и самосовершенности, не терпящий фальши, искусственности, подхалимажа, остро ощущающий ответственность перед собственной совестью за свои дела и поступки. Привлекает и то, что под его Мораль и Гражданственность В. Скоринкин не подгоняет поэтические строки, набор эпитетов и метафор, а ведет свой рассказ искренне, лирически, по-мастерски используя меткую образность, живое народное слово, публицистическое начало и интимность чувств.

...Гаманлівая бяседа
Хоць каму падніме дух.
Баба ў бок штурхнула дзеда:
– Не глядзі на маладух!
На старэнькую камоду
Хустачку навесіла.
– Ой, ляцелі гусі з броду, -
– Заспявала весела.
Быццам бубен
хмель зазвоніць
Неўзабаве ў галаве.
І гарэзлівы гармонік
На кадрылю пазаве.
Ад чачоткі зухаватай
Хата захістаецца,
І прыпеўкаю са сватам
Свацця развітаецца:
– Эх, узлескі-пералескі,
Вочы ў свата,
як пралескі.
Ты прыходзь мяне шукаць –
Я на печы буду спаць.

Из стихотворения «На рынке»:

Горы персікаў і дынь,
Як у дзіўнай казцы.
Зазываюць гаспадынь
Да сябе каўказцы:
– Заходзь, народ
У свой гарод!
Напалову – цукар,
Напалову – мёд.
Прадавец гаваркі.
І тавар харошы.
Расчыняйце капшукі,
Даставайце грошы.
Не таргуйцеся здарма,
Як малыя дзеці,
І гранаты, і хурма –
Лепшыя на свеце⁹.

Чтобы почувствовать дух масленицы, ее веселый разгул, непринужденность отношений между участниками праздника, стихотворение «Масленица» приведем полностью:

Зімавала цішыня
Тут у хустцы вязанай,

⁹ Скарынкін, У. Чацвёрты разварот / У. Скарынкін. – Мінск, 1979. – С. 26.

*А сягодня палазня
Маслам змазана –*

*Выдыхаюць рысакі
Аблачынкі белья.
Заліваюцца званкі
Захмялелыя:
– Мас-ле-ні-ца!*

*Лейцы ў маладых руках –
Сувязь між эпохамі.
Скачуць сосны па баках
Скамарохамі –
Масленіца!*

*Добра цягне кожны конь –
Дагадзіць стараецца.
Твар у хлопца, як агонь,
Разгараецца –
Масленіца!*

*У прыгожым керамку
Вабна гурбяца бліны.
У суседкі на вазку
Позірк маслены –
Масленіца!*

*Зух дзяўчыну прытуліў –
Памагла дарожанька:
– У агонь ты масла лі
Асцярожненька –
Масленіца!¹⁰*

Во-вторых, постоянное возвращение к событиям Великой Отечественной войны, оставившей и поэта, и его лирического героя сиротами («Цяпер я круглы сірата – няма ні маці, ні айчыма...»). Запоминаются диптих «Родословная дерево», стихотворение «С собственной памятью я...» («З уласнай памяццю я...»), «За мною гонится овчарка», «В Брестской крепости» («У Брэсцкай крэпасці»). Однако наиболее значительным творческим достижением в разработке этой темы стала поэма «Вознесение» («Узнесенне») с подзаглавием «Автобиография души» («Аўтабіяграфія душы»), посвященная жизни и смерти родителей, их трагической, но мужественной судьбе. Лирический герой поэмы размышляет над сложной ситуацией, встретившей его в жизни – «Шмат перажыў я на сваім вяку, але забыць такое немагчыма: матулі нерухомаму руку труць пальцы аслабелага айчыма...».

Умерли родные, самые близкие ему люди, автор сфокусировал смерть отца, матери и отчима в одном временном промежутке, будто смерть идет за смертью – не успевает утихнуть одно душевное переживание, как наступает второе, третье. Вот оно душевное состояние героя:

*Уздоўж разбітых
Чорных каляін*

¹⁰ Скаринкин, У. Вугал атакі / У. Скаринкин. – Мінск, 1982. – С. 40.

*Апалая лістота дагарае.
З журботным крыкам
Жураўліны клін
Душу маю
У неба раздзірае¹¹.*

Острой болью щемит у героя сердце, когда он вновь и вновь обращается к образу матери:

*Мне будзе ноч
Успамінацца тая.
Спакойна
У арэоле сівізны
Ляжала маці –
Родная, святая.*

*Не многім я
Душу сваю адкрыў,
Хоць іншы раз
Яна крычма крычала...
Упершыню, відаць.
Я гаварыў,
А маці ўсё маўчала
І маўчала.*

*Прайшла пара –
І давалося мне
З журбой
Пераканацца ў час разлукі,
Што ў маці роднай
Нават у труне
Мягчэйшыя
За ўсе другія
Рукі.*

*Каго, скажыце,
Гэта не кране?
Ва ўсіх аднойчы
Абарвецца сцежка...
У маці роднай
Нават у труне
Дабрэйшая
За ўсе другія
Усмешка...¹².*

Воспоминания, воспоминания, воспоминания... Это и есть душевное состояние, когда кадр за кадром проходят перед глазами картины детства в небольшом Городке с любимой героем речкой Горожанкой, навсегда оставившими в памяти учительницей русского языка и литературы Марией Васильевной Гончаровой и «печных дел мастером» Мишей Серебро, деревенской жизни с ее принципами «толоки».

¹¹ Скарынкін, У. Пасадачныя агні / У. Скарынкін. – Мінск, 1985. – С. 4.

¹² Там же. – С. 23–24.

ВЛАДИМИР СКОРИНКИН

Герой поэмы верит, что время приглушает боль утрат, что и после личного горя, он найдет в себе силы для дальнейшей активной жизни и продолжения тех добрых начинаний, которыми учили его, пусть уже и ушедшие из жизни, но оставшиеся в его памяти люди. Трагизм поэмы в конце становится почти пафосно-публицистическим:

*...І мы –
Пары ваеннай хлапчукі –
Жывём,
Нібы выконваем заданне.
Кроў апраўдаць,
Што пралілі бацькі,
Каб нашы жыцці
Мелі апраўданне¹³.*

В-третьих, проявлением постоянного внимания к развитию белорусской художественной культуры, жизнедеятельности таких известных личностей, как Франциск Скорина (стихотворение «Начало Скорины» («Пачатак Скарыны»)), Максим Богданович (поэма «Где голубь купался...» («Дзе голуб купаўся...»)), Якуб Колас (стихотворение «На родине Якуба Коласа» («На радзіме Якуба Коласа»)), Зоська Верас (стихотворение «Юбилейное послание Зоське Верас» («Юбілейнае пасланне Зосьцы Верас»)). Упоминаются в книгах В. Скоринкина и наши современники – А. Кулешов, Л. Дайнеко, П. Панченко, В. Павлов, Г. Цитович, А. Велюга, А. Пысин, Р. Бородулин, А. Вертинский.

На наш взгляд, поэма, посвященная М. Богдановичу, написана в требованиях поэтики, мастерски, даже, занимательно. Но дать читателю новые, пусть свои литературные исследования, автор не смог. Может быть поэтому, среди исследователей творчества М. Богдановича, его творческого пути и жизнеописания она остается вне поля критического анализа. А вот на стихотворение «Начало Скорины» можно обратить внимание (в Белоруссии – Беларуси сложилась энциклопедическая литература о Скорине). Правда, не читалось в ней, чтобы так образно был описан уход от родного отца, уход на учебу из родного дома:

*...На бацьку кінуў
Светлы позірк свой:
...Я не змагу
Аднолькава дружыць.
Я з футрам і са скурамі
Да Рыгі
Не буду больш спускацца
Па Дзвіне
Душу маю
Запаланілі кнігі.
Яны і днём.
І ноччу сняцца мне...
...Я гандляваць не буду,
Як Іван (брат Ф. Скарыны. – А.Р., Ю.Р.)
Хай дапаможа бог
Табе з Іванам.
Дай бог здароў'я
Маці і радні...*

¹³ Скарынкін, У. Пасадачныя агні / У. Скарынкін. – Мінск, 1985. – С. 26.

У Кракаў я
З купецкім караванам
Вучыцца еду
Праз чатыры дні...¹⁴.

По-философски звучат и последние строки из этого стихотворения:

Глядзелі вочы ясныя
Сухія
Праз ранішнюю навалач імглы
Туды,
Дзе горда ўзносіла Сафія
Над старажытным градам
Купалы¹⁵.

Красиво вписывается в историю художественной культуры Белоруссии знание В. Скоринкиным истории родного ему края.

В стихах конца 1970–1980-х годов читатель встретится с мощной Западной Двиной и малознакомой Речицей*, маленькими деревушками Городокщины (в наше время их не осталось на географической карте Витебщины. – А.Р., Ю.Р.) и, конечно, родным и близким поэтическому сердцу Городком. Несомненный интерес вызовет и лирико-исторический цикл (назовем его так. – А.Р., Ю.Р.) «Лосвидо»**.

Наконец, **в-четвертых**, повышенная требовательность, даже трепетное отношение к произведениям лирического плана. Стихи о любви у В. Скоринкина теплые, душевные, читаются на одном вздохе. «Каханне патрабуе шчырых слоў», – признается поэт. И он находит такие слова для поэтического цикла «Глаз твоих поляны» («Вачэй тваіх паляны») в **сборнике «Угол атаки»**, стихотворений «Счастливая сегодня ты...» («Шчаслівая сёння ты...»), «Ты же знаешь...» («Ты ж ведаеш...»), «Последняя любовь» («Апошняя каханне»), **в книге «Посадочные огни»**, «Хотело повториться что-то» («Хацела паўтарыцца штосьці»), «Отдымел поволокою золот...» («Аддыміўся смугою золот...»), «Белый вальс» («Белы вальс»), «Глаз твоих поляны» **в книге лирики «Четвертый разворот»**. Вот, к примеру, несколько строк из последнего стихотворения:

Каханая, ад шчасця захмялей!
Таму, што павуцінне пад вачыма
У цябе рукою сцерці немагчыма,
Ты стала для мяне яшчэ мілей.
Яшчэ таму, што перасвіст птушыны
Гучаў вясной намнога весялей,
Што неба майскае было святлей
І што на гэта ёсць свае прычыны.
І ў змрочны дзень ты вер, маё каханне,
У цяпло абавязковае вяртанне,
Вер у магчымасць сонечнага дня.
Хто верыць не жадае ў дзень даждлівы,
Што вернуцца святло і цеплыня,
Ніколі той не можа быць шчаслівы...¹⁶.

¹⁴ Скарынкін, У. Пасадачныя агні / У. Скарынкін. – Мінск, 1985. – С. 45, 47.

¹⁵ Там же. – С. 47.

* Небольшая речка в Миорском районе.

** Достаточно большое озеро на границе Городокского и Витебского районов.

¹⁶ Скарынкін, у, Чацвёрты разварот / У. Скарынкін. – Мінск, 1979. – С. 34.

ВЛАДИМИР СКОРИНКИН

Вершиной любовной лирики В. Скоринкина с полным основанием следует считать венки сонетов «Глаз твоих поляны». «Прыхільнік форм старых і заветаў», – так скажет поэт о себе в одном из 15 сонетов. Действительно, это так. Написанные в строгом соответствии с требованиями, предъявляемыми к искусству сонета, они в то же время звучат искренне, молодо, предельно открыто:

*Дару табе вянок сваіх санетаў.
Прымі яго – прашу цябе ізноў.
Прымі сувой пачуццяў і высноў,
Прымі бярэма сонечных букетаў.*

*Запальваю сузор'е даўніх сноў –
Сузор'е самых яркіх самацветаў.
Каханне – вечная вясна паэтаў,
Каханне патрабуе шчырых слоў.*

*Пакуль цвітуць вачэй тваіх паляны,
Я ўсё яшчэ, бы школьнік закаханы,
А час ляціць, як зоралёт імклівы.
Ты з кожным годам для мяне мілей.
Ніколі той не можа быць шчаслівы,
Каго засмокча раўнадушша глей¹⁷.*

Таким вот тематически разноплановым (память войны, деревня, родной край, его история и современность, любовь, родительские чувства, красота Земли и Неба, вопросы морали и этики), богатым на поэтическое многообразие стихотворным творчеством заявил о себе в белорусской советской литературе «непрофессиональный» поэт В. Скоринкин. Без преувеличения можно говорить о том, что в его художественном мышлении удачно сочетаются зрительность жизненных реалий и эмоциональная непосредственность, натуральность интонаций и эстетическая обобщенность размышлений над увиденным и пережитым. Перефразируя С. Панизника, подчеркнем, что для В. Скоринкина главное не только в том, что он часто первым ощущает открытие Прекрасного, своей поэтикой от утверждает право быть одним из первых среди тех, кто является борцом в движении общества к Доброму и Прекрасному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скарыйкін, У. Пасля года / У. Скарыйкін. – Мінск.
2. Скарыйкін, У. Буслы над аэрадромам: вершы / У. Скарыйкін. – Мінск, 1969.
3. Скарыйкін, У. Гукавы бар'ер: вершы / У. Скарыйкін. – Мінск, 1972.
4. Скарыйкін, У. Дазвольце ўзлёт: вершы і паэмы / У. Скарыйкін. – Мінск, 1975.
5. Скарыйкін, У. Чацвёрты разварот: лірыка / У. Скарыйкін. – Мінск, 1979.
6. Скарыйкін, У. Вугал атакі: вершы і паэмы / У. Скарыйкін. – Мінск, 1982.
7. Скарыйкін, У. Пасадачныя агні: паэма, вершы / У. Скарыйкін. – Мінск, 1985.
8. Скарыйкін, У. Выратавальны плот: вершы, паэма / У. Скарыйкін. – Мінск, 1988.
9. Скарыйкін, У. Канікулярная ангіна: вершы / У. Скарыйкін. – Мінск, 1991.
10. Скарыйкін, У. Размова на дароз: вершы / У. Скарыйкін. – Мінск, 1991.

¹⁷ Скарыйкін, У. Вугал атакі / У. Скарыйкін. – Мінск, 1982. – С. 93.

АЛЕСЬ СТАВЕР

Попытка войти в поэзию, сделанная в 1959 г. выходом поэтического сборника «Закат над Березой» («Золак над Бярозай»), оказалась для Алеся Ставера (Александра Сергеевича) весьма успешной. (Он родился 10 августа 1929 г. в деревне Морговица Докшицкого района, трагически погиб в автокатастрофе 23 июля 1995 г.). Через два года будет издан сборник стихов «Костер не гаснет» («Касцёр на гасне») затем будет 6-летний перерыв. И только в **1967 г.** из печати выйдет третья книга поэзии «Ласточки перед дождем» («Ластаўкі перад дажджом»). Затем последуют новые сборники стихов, поэм, песен. В **1972 г.** издается книга стихов и песен «Журавли летят...» («Жураўлі ляцяць...»); в **1975 г.** – книга стихов «Лирник» («Лірнік»); в **1979 г.** – книга «Августовский отлет: избранное» («Жнівеньскі вырай: выбранае»); в **1983 г.** – книга «Под радуговой дугой» («Пад вясёлкавай дугой») и сборник песен «Мой край белорусский» («Мой край беларускі»); в **1986 г.** в переводе на русский язык в одном из московских издательств издан поэтический сборник «Созвучие». В **1989 г.** читателям будет предложена последняя поэтическая книга «Зори земные: поэмы, стихи, песни» («Зоры зямныя: паэмы, вершы, песні»).

Уточним: последняя в поэзии так, как уже с конца 1960-х годов А. Ставер начал отдавать предпочтение прозе – в **1969 г.** из печати выйдет роман «Под конвоем. Из пережитого» («Пад канвоем. З перажытага») (в **1981 г.** будет издана в русском переводе, в **1990 г.** – выйдет вторым изданием); в **1974 г.** – книга «К своим: повесть и рассказы» («Да сваіх: аповесць і апавяданні»); в **1986 г.** будут изданы «Лесные повести» («Лясныя аповесці»).

А. Ставер известен и как автор драматических произведений – лирической комедии «Олимпиада Солодкая» («Алімпіяда Салодкая») и пьесы «Слово не воробей» («Слова не верабей»). В белорусских театрах обе поставлены в 1972 г.

Его произведения печатались в коллективных сборниках «Дзень паэзіі», «Вытокі песні», «Родины сыновья», «За цябе Радзіма», «Нам засталася спадчына», «Волей азарыцца свет», «Партизаны, партизаны» и др.

Стихи, песни, отрывки из прозаических произведений А. Ставера в конце 1960-х – начале 1990-х годов можно было прочесть на страницах республиканских газет («Звязда», «Советская Белоруссия», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Настаўніцкая газета», «Голас Радзімы») и журналов («Беларусь», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Сельское хозяйство Белоруссии», «Вожык», «Бярозка»). Он активно сотрудничал с областными газетами – «Віцебскі рабочы», «Магілёўская праўда», «Мінская праўда», брестской «Заря», «Гродненская правда», Минской городской газетой «Вячэрні Мінск».

Поэтичными выглядят его переводы с русского, украинского, армянского, болгарского, греческого, казахского, латышского, литовского, татарского языков.

О популярности поэзии А. Ставера свидетельствуют переводы его стихов, песен, детских произведений на русский, украинский, армянский, болгарский, грузинский, литовский, татарский, туркменский языки. Член Союза писателей БССР с 1967 г.

«Крестными родителями» поэта-песенника, прозаика и драматурга А. Ставера без тени сомнения можно считать его домашних – мать Кристину Петровну и отца Сергея Макаровича, а также поэта Алексея Русецкого – рецензента первых стихов начинающего автора.

В западной деревне извечно ценилась образованность, постоянным было уважение к «ученым» соседям. И, конечно, не думали они о писательстве; мечтой родителей – было видеть своего сына учителем, а поэтому отговаривали они юношу от шоферских курсов,

убедили его в необходимости продолжения учебы в одном из педагогических училищ (сначала это было Минское, затем – Борисовское педучилище и филологический факультет Минского педагогического института имени М. Горького – окончил в 1954 г.). Разными были жизненные пути-дороги А. Ставера: педагогические, журналистские, редакторские, организационно-литературные. С 1984 г. он находился на творческой работе.

Нельзя не согласиться с мнением *известного белорусского литературоведа, критика и прозаика С. Александровича, который в одной из статей, посвященных творчеству А. Ставера подчеркнул, что «сёння ў А. Ставера ёсць свая паэтычная дзялянка, на якой ён працуе даўно, з сапраўдным поспехам, уменнем і майстэрствам. Маюцца на ўвазе лірычныя вершы паэта фальклорна-песеннага складу, а таксама яго вельмі трапныя апрацоўкі народных паданняў і жартуў»*¹.

В то же время следовало бы сделать небольшое уточнение, которое не противоречит мнению маститого литератора, а лишь уточняет, конкретизирует его. Имеется ввиду детализация поэтики А. Ставера. На наш взгляд, уточняющими позициями могут быть: лирико-патриотическое начало; любовная лирика; лирика народно-фольклорного звучания; песенная лирика.

А теперь сделаем отступление и познакомим сегодняшнего читателя с оценками поэтического творчества А. Ставера, которые декларировались критиками в 1970-е годы. К примеру, *известный и часто «острый» литературовед О. Лойко в обзоре молодой поэзии 1972 г. (в 1972 г. вышла в свет третья поэтическая книга А. Ставера «Журавли летят...» писал: «... А. Ставер свядома адважыўся выдаць за паэзію сённяшняга дня стэрэатып рытарычнай агульшчыны, даўно адкінуты развіццём нашай лірыкі» и часто не учитывает «законы мастацкасці, паэтычнай гармоніі», в то же время констатировал, что «хапае малаплённай стылізацыі пад народную песню»*². Трудно понять, что дало повод О. Лойко для такого «очень объективного» вывода – те десяток стихотворений, написанных в духе партийно-идеологического стихо- и песнетворчества? Ведь не они стали сущностью книги. Ведь шел внутренний поиск эстетических ориентиров, постепенное преодоление идейно-политической конъюнктуры и примитивного стихосложения, механического повторения схем и штампов. Думаем, что все эти поиски-преодоления компенсировались лишь одним стихотворением «Журавли летят...» (есть же примеры, когда лишь одно произведение делало автора всемирно известным. – А.Р., Ю.Р.):

*Каб любіць Беларусь нашу мілую,
Трэба ў розных краях пабываць.
Разумею цяпер, чаму з выраю
Жураўлі на Палессе ляцяць.*

*Што ім тыя пагоды паўднёвыя!
Што ім пышны платанавы рай,
Калі клічуць іх далі сасновыя
І азёрны рабінавы край.*

*Сакавітыя пожні мурожныя
Не заменіш нічым і нідзе,
І зямлю, дзе сцяжыначка кожная
У прыветлівы двор прывядзе.*

¹ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 10 жн.

² Лойка, А. Паэзія і час / А. Лойка. – Мінск, 1981. – С. 49, 50.

*Каб любіць Беларусь нашу мілюю,
Трэба ў розных краях пабываць.
Разумею цяпер, чаму з выраю
Жураўлі на Палессе ляцяць³.*

Мы подернем, что в книге «Журавли летят...» далеко не все было «заидеологизировано». В книге преобладают глубоко лирические стихи. Назовем лишь некоторые: «С годов юношеских» («З гадоў юнацкіх»), «Впервые встретился с тобой...» («Упершыню спаткаўся я з табою...»), «Много девчат привлекательных есть на свете...» («Шмат дзяўчат прывабных ёсць на свеце...»), «Ночью» («Уночы»), «Лирические» («Лірычныя»), «Шли с тобой – мне помнится – с кино...» («Ішлі з табой – мне помніцца – з кіно...»), «Ты меня, наверное, не любила...» «Ты мяне, напэўна, не кахала...») и др. Были стихи о войне: «Ты мой чуб с любовью поправляешь» («Ты мой чуб пяхчотна папраўляеш», «Памяць войны» («Памяць вайны»); были чудесные песни – «Белорусочка» («Беларусачка»), «Чернобровое счастье мое» («Чорнабровое шчасце маё»); была попытка познакомить белорусского читателя с красотами кавказской природы... (Почему этого не заметил О. Лойко – не совсем понятно?).

Свою позицию в отношении подобных суждений выразим следующим образом. Да, в отдельных стихотворениях проявилась типично-шаблонная, трафаретная гладкопись («Наша Маша звеньевая» («Наша Маша звеньявая»), «Наш голос» («Наш голас»), «Любим Родину» «Любім Радзіму» и др.), поэт попадал в плен идеологических и литературных стереотипов. Но уже за то, что он написал стихотворение «Журавли летят...», пронизанное большой и трогательной любовью к родной земле, ему можно простить и проявление риторического стихотворчества, и славословие, и другие просчеты, и недостатки.

Ведь это не просто лирический гимн неповторимым белорусским красотам. Это еще и продолжение Скориновой мысли о том, что люди к месту большую любовь имеют, где родились и выросли. О привлекательности Ставеровских «Журавлей...» свидетельствует и то, что они прочно прописались в антологиях и хрестоматиях поэзии, что их снова и снова перепечатывают белорусские газеты и журналы.

Отметим, что были и другие статьи и рецензии, способствующие становлению поэтического мастерства А. Ставера в его самобытной форме. Вот, к примеру, **позиция критика Г. Шупенько, обратившего внимание поэтического сообщества на незаслуженную определенно одностороннюю и привзятую оценку творчества А. Ставера.** Он не только понял авторское признание: «Творчыя пошукі і намаганні праходзілі ў мяне няроўна. І, безумоўна, не заўсёды выклікалі разуменне ў маіх блізкіх і нават у некаторых літаратараў»⁴, но и отметил народную природу творчества, привлекательность его.

Однако, о самой поэзии А. Ставера. И начнем с лирико-патриотической. Читаем вторую поэтическую книгу «Ласточки перед дождем». Открытость, душевность, гордость за свой народ, сыновья преданность к своей малой родине, память войны, весенние мотивы и обращения к теме любви, «пачуццю найлепшаму», возвышенному, светлому, чистому. Однако, представим слово самому автору. (Думаем, что даже несколько стихотворений позволят читателю самому сделать выводы о поэтических предпочтениях автора, его отношении к мирозданию и собственному месту в нем. – А.Р., Ю.Р.). Он говорит о патриотизме:

*Мой народ праз стагоддзі пранёс
дабрату,
Да суседзяў-народаў павагу.
Знае свет навакольны яго прамату*

³ Ставер, А. Жураўлі ляцяць... / А. Ставер. – Мінск, 1972. – С. 6.

⁴ Ставер, А. Старонкі з жыцця / А. Ставер // Жнівеньскі вырай... – Мінск, 1979. – С. 170.

*І любоў да жыцця і адвагу.
І заўсёды ў віхурах вякоў і нягод,
У зямной непагодзе суровай,*

*Вылучала між іншых мой мужны
народ*

*Беларуская родная мова.
Мой народ зберагае сваю даўніну.
Кожны нашай гісторыі знаўца
Добрым словам успомніць не раз
Скарыну*

*І пахваліць за мудрасць Мсціслаўца.
Каліноўскага імя навокал гучыць,
І Купалы і Коласа слова, –
Навучыла іх край беларускі любіць
Беларуская родная мова.
Мой народ ганарыцца сёння сваім
Партызанскім праслаўленым краем.
У вялікіх бяседах прад светам усім
Дэлегаты яго выступаюць.
Дык чаруй жа людзей паміж моваў
другіх*

*І гучы вечна ярка і нова,
Мова продкаў маіх і нашчадкаў
маіх, –*

*Беларуская родная мова!⁵
«Мой народ»*

о любви:

*«Кахаю...» – ціха ўначы паўтараю.
«Кахаю...» – гучна ўдзень я гавару.
Сваё каханне радасна страчаю,
Як жаўранак світальную зару.
Каго кахаю – толькі мне вядома.
Каму якая справа да таго?
Прэч меркаванні блізкіх і знаёмых!
Я – сам стваральнік хараства свайго
Маё ў пачуццях сэрца не прыстане.
Век буду славіць радасць і красу.
Высокае і чыстае каханне
Я ў сэрцы праз стагодзі пранясу⁶.*

«Кахаю... ціха ўначы паўтараю...»

Дополняют эту тему, на наш взгляд, такие стихи, как «Как давно завлекла меня ты...» («Як даўно прывабіла мяне ты...»), «Поэтесса» («Паэтэса»), «Ты хорошо знаешь сама...» («Ты добра ведаеш сама...»), «Где ты, моя любовь?» («Дзе ты, маё каханне?») и о родной стороне, любимой малой родине:

⁵ Ставер, А. Ластаўкі перад дажджом / А. Ставер. – Мінск, 1967. – С. 26–27.

⁶ Там же. – С. – С. 32.

Я так люблю вячэрнім часам
 Сцяжынкай роснаю адзін
 Прайсці на луг майго калгаса,
 Дзе вее водарам лагчын,
 Дзе ветрык ласкавы, чароўны
 Хвалюе нізкія кусты,
 Дзе салаўіны спеў цудоўны
 Гучыць у зараслях густых,
 Дзе спеву гэтаму абшары
 Утораць водгуллем сваім, –
 І я ў палётах думак-мараў
 Хачу спрачацца песняй з ім⁷.

Проникновенные, теплые, сердечные слова поэт, может быть, впервые адресует своему отцу и дочери («Отцу» («Бацьку»), «Беседа с отцом» («Бяседа з бацькам»), «Дочка» («Дачка»)), наполняет строки стихотворений, которые впоследствии станут известными песнями («А мне в счастье верится» («А мне ў шчасце верыцца»)) – кампазітар Ю. Семеняка, «Ничего нет» («Нічагусенькі няма»), «Два тополя» («Дзве таполі») и другие), с болью и горечью пишет о войне («Смерть партизана» («Смерць партызана»), «След войны» («След вайны»)).

А еще были пронизанные юмором свадебные диалоги («Скрипка и бубен» («Скрыпка і бубен»)), поэтические воспоминания о родной Морговице, горестно-исповедальный ужин в день рождения сельской вдовы «Песня одной именницы» («Песня адной імянінцы»), просьба-заклинанье «Когда хоронить меня повезете» («Калі хаваць мяне павязэце», юмористически-бытовые стихи «Чтобы дома не кори́ли» («Каб дома не журылі»), «В доме кузнеца» («У хаце каваля»), «Свадьба» («Вяселле»), стихи-посвящения М. Танку, А. Русаку, В. Короткевичу, М. Стрельцову, О. Лойко, М. Аврамчику, М. Прошковичу, А. Федосику, любимому учителю Я.М. Заммерфельду, летчику капитану В. Каранину. **Паэту ўдаліся вершы «дзе жыве яго душа», адзначыў патрабавальны да творчасці паэт А. Разанаў, а разам з ёй «жывуць і іншыя, няхай нават гутарка і не ідзе пра іх»⁸.**

Собранные в книгу стихи подчеркивают эпичность взглядов поэта – он диалектически объединяет в единое целое народную мудрость и философские рассуждения о смысле жизни, исконное стремление людей к счастью и доброте и личное желание участвовать в достижении такой благородной цели, насыщение стихов богатыми ассоциациями и элементами народной смехотерапии.

Свою дальнейшую разработку выделенными нами направления в поэтическом творчестве А. Ставера найдут в его книгах «Журавли летят», «Лирник».

О книге «Журавли летят...» мы писали чуть выше. Здесь же поведаем читателю историю создания этого шедевра. Юношеский друг поэта, **заслуженный деятель культуры БССР В. Скороходов, тонко подметив, что стихи А. Ставера «ляжали на дне души ў спакоі да таго часу, пакуль не запые сэрца смуткам ці радасцю».** И далее рассказал о своей беседе с поэтом, приводя его собственное признание: **«Закончыўся тэрмін камандзіроўкі на Каўказ. Купіў білет на Мінск. Склаў рэчы ў нумары гасцініцы да адлёту самалёта, а сам пайшоў у сталёўку. На дарогу добра папалуднаваў. За сталом прыпомніліся нашы нацыянальныя стравы, радзіма, лугі і палеткі, лясы і азёры, і сэрца запела:**

⁷ Ставер, А. Ластаўкі перад дажджом / А. Ставер. – Мінск, 1967. – С. 48.

⁸ Разанаў, А. Неспраўджаныя абяцанні / А. Разанаў. – Маладосць. – № 1. – С. 152.

*Каб любіць Беларусь нашу мілую,
Трэба ў розных краях пабываць...*

За першай – і наступная страфа. Істоту паэта ахапіла незвычайнае хваляванне. Ён хапіўся за асадкай і нататнікам, каб запісаць гэтыя радкі, а іх няма – у гасцініцы. Папарасіў на вуліцы ў грузіна асадку, разарваў пачак ад папярос і запісаў верш. Тады высах на ілбе пот, адлягло ад сэрца хваляванне, і яму захацелася есці, быццам ён тыдзень харчаваўся толькі вадой...»⁹.

Уточняет и подтверждает рассуждения В. Скороходова народный артист СССР и БССР, композитор, автор песни «Журавли на Полесье летят» **И. Лученок: «Верш, які кладзецца на музыку мае ярчэй выражаныя мілагучнасць, настраёвасць, даходлівасць. Павінен мець свой вобраз» (напрыклад, «Жураўлі, што ляцяць на Палессе»)**¹⁰. **В песенной лирике А. Ставера мы не найдем ненужной усложненности, она принизана близостью к народным мотивам (А. Пысин).** Здесь господствует мелодичность белорусского языка, непосредственность и проникновенность авторской позиции, соответствующей душевному настрою человека, его чувствам и настроению. Устное народное творчество диктовало поэту интонации, мотивы, и он, опираясь на народную речевую стихию, стремился к тому, чтобы в его песенной лирике чувства были раскованными, а сами песни звучали мелодично, просто и натурально. Такие песни, пронизанные одухотворенным чувством, чудесной красотой музыкального оформления, неповторимостью звучания, как «Журавли на Полесье летят...», «Белорусочка», «А мне в счастье верится», «Колос, ты мой колос» и др. (композиторы И. Лученок, Ю. Семеняка, М. Чуркин) являются лучшим доказательством того, что их автор имел бесспорный дар поэтически-песенного творчества*. К месту будет еще одна ссылка на И. Лученка. В предисловии к сборнику песен на слова поэта «Мой край белорусский» (1983) **выдающийся мастер белорусской песни написал: «Як кампазітар, я хачу зазначыць: п'явучая паэзія Алесь Ставера – з'ява даволі рэдкая. ...Паэт умее падмеціць трапны жарт, сакавіты радок і, прыдаўшы ім высокую адухоўленасць і непасрэднасць, стварыць у песенным вершы паўнаценны мастацкі вобраз.** Свое предисловие композитор окончил высокой оценкой творческой личности поэта-песенника: **«Ён паэт ад прыроды. Гэта бачна і на вершах, і на яго светаўспрыманні наогул. Прастата і шчырасць – вось яго адметныя якасці як паэта і чалавека».**

Размышлениями над человеческими отношениями, всем дорогим, что есть в судьбе народа, над диалектикой жизненных противоречий и утверждением в этих процессах собственной авторской и гражданской позиции проникнута четвертая книга стихов А. Ставера «Лирник» («Лірнік»). Здесь и героика, и трагедия войны, которую пережил сам поэт:

Ад Маргавіцы

аж да шахтаў Рура

Мае застылі слёзы на пяску,

Дзе пад канвоем я,

кульгавы Шура,

Ішоў у самаробным кажуську...¹¹

«Давайце памяркуем»

⁹ Культура. – 1995. – 6–12 снеж.

¹⁰ См.: Карэлін, А. Як нараджаецца песня / А. Карэлін. – Маладосць. – 1973. – № 1. – С. 127.

* Кроме названных композиторов музыку на слова А. Ставера писали М. Петренко, А. Чиркун, Г. Вагнер, Е. Тихонович, И. Кузнецов, Д. Каминский, Р. Бутвиловский, Л. Захлевный, В. Каретников, В. Серых и другие.

¹¹ Ставер, А. Лірнік / А. Ставер. – Мінск, 1975.

В книге присутствуют и Николай Гастелло и Александр Матросов, и Вера Хоружая, и партизан-грузин Шалва Бабунашвили, и героическая партизанская эпопея на озере Палик в ходе фашистских блокад в 1943–1944 гг.

Читатель снова становится свидетелем поэтического признания. Вот строки из стихотворений:

– *о родной Беларуси:*

*Гэтай песні гарэзныя словы
Я з юнацтва ўсім сэрцам люблю,
Як сваю беларускую мову,
Як маёй Беларусі зямлю!*

*Знаю я: абыдзі ўсю планету,
Але гэткай зямлі не сустрэць.
Беларусь! Край натхнення паэтаў!
Ды цябе немагчыма апець¹².*

«Беларусі»

– *о родных морговичских местах:*

*Любімая вёска. Стаіць як стаяла...
Тут жыву я ў маленстве і светам дзівіўся.
Узгорак, з якога зімою, бывала,
З сябрамі на лыжах, на санках вазіўся.
А побач з узгоркам – рачулка малая,
Лужок сакавіты яе акружае,
Дзе ўранні малочныя таяць туманы,
Дзе смажыў я скварку калісь на кастры.
Навокал – прасторы палёў узараных,
Дзе ўвесну жаўрук чараваў на зары.
Далей – лес сасновы, мядзяны, смалісты.
За лесам бялеюць там-сям лазнякі
Абাপал Бярозы шырокай, празрыстай.
Ну хіба дзе знойдзеш прастор вось такі?!¹³*

«Родны пейзаж»

– *о любви:* «Лепш каханне пачаць з недаверам, чым верыце каханню затым» («Аб каханні»), «Скажыце мне, заслужаныя людзі: калі нарэшце з кожнаю сям’ёй дружыцца ішчасце і каханне будзе» («Яна была такая, як дзіця...»), «Ці бачыў хто, ці мо хто чуў хоць раз, што можна жыць на свеце без кахання» («Расказ пра маці-адзіночку...»).

Помня о необоснованной, недоброжелательной, почти уничтожающей критике в свой адрес, А. Ставер пишет стихотворение «Обращение к критикам» («Зварот да крытыкаў»), в котором признавался, что хотел бы оставаться самим собой, человеком, в памяти которого постоянно присутствует вековая мудрость его родных и близких, соседей и просто жителей бегомльских (докшицких) деревень. Он обращается к специалистам литературного дела:

¹² Ставер, А. Лірнік / А. Ставер. – Мінск, 1975. – С. 66.

¹³ Там же. – С. 26.

*Дык зразумейце ж вы жыццё паэта!
І не шукайце хітрасці ў яго.
Яго душа раскрыта перад светам
І свеціцца,*

як вечнасці агонь.

*К таму агню нагрэцца ўсе імкнуцца...
Няроўны толькі той агонь для ўсіх:
Адны –*

чамусць раптоўна апякуцца...

А іншыя –

сагрэюцца на міг.

Паэт жыве ўсё жыццё надзеяй

І, як дзівак,

яе шукае след –

Таму такі няўрымсны між людзей ён...

Якім, хацелі б вы, каб быў паэт¹⁴.

И, рядом со стихами социально-гражданского звучания, читаются авторские обработки и стилизации народного фольклорно-юмористического наследия. Народный юмор стал неотъемлемой чертой всех его книг и отдельных публикаций. Его стихи (к примеру, «Откуда беда» («Адкуль бяда»), «Скрипка и бубен», «Женщина догадливая» («Жанчына здагадка»), «Натура» («Натура»), «Храбрый заяц» («Храбры заяц»), «Шуточное стихотворение» («Жартоўны верш»), «Сообразительный Марко» («Знаходлівы Марка»), «О шофере-лихаче, жене Миши Чухного» («Пра шафёра-ліхача, жонку Мішы Чухнага») и др.) написаны живо, воспринимаются на слово и на слух, имеют юмористический налет.

О своем отношении к живущему в народной памяти фольклорно-сметовому наследию поэт, писал: «Складаць вершы на фальклорнай аснове стала галоўнай умовай маёй творчасці, калі я пачаў часта сустракацца з чытачамі, бываць у калгасах, на заводах Беларусі, калі мой пісьменніцкі лёс павадзіў мяне па прасцях многіх брацкіх рэспублік. Ажывалі ў памяці чутыя ў дзяцінстве апавяданно дзеда Чэчы (маргавіцкага мудраца), бабы Макарыхі (па бацьку), бабы Петрачыхі (па маці), купальскія і святочныя песні маргаўчан. У розныя гады з'явіліся вершы "Песня адной імянінніцы", "Індык і гусак", "Каб дома не журыліся", "Адкуль бяда?", "А мне ў шчасце верыцца", "Індыйская легенда", "Трасуха" і іншыя»¹⁵.

А разве можно оставить без читательского внимания стихи-отчеты о его путешествиях, поездках, экскурсиях в разные страны и республики, весьма часто рождающиеся прямо в дороге (вспомним, к примеру, история создания «Журавлей...»). Поэтом созданы такие «связки» стихотворений – «Янтарный прибой», («Бурштынавы прыбой»), «Карпатские перевалы» («Карпацкія перавалы»), «Горное эхо» («Горнае эха»), «Северное сияние» («Паўночнае ззянне»), «Голубая Висла» («Блакітная Вісла»), «Дальние меридианы» («Далёкія мерыдыяны»). Лучшие строфы об экзотических чудесах, известных исторических местах, поэт насыщает собственными эмоциями, собственным душевным волнением.

Может быть, не все поэтические искания А. Ставера учтены в нашем обзоре, но это был человек от земли, от войны, от послевоенного детства и долгой жизненной дороги. О нем можно было прочесть и такие строки: «**Дужа і вялікі ён быў жыццялюб, і было ў яго характары нешта ад рамэнаўскага Кала Бруньёна, толькі ў нашым, беларускім варыянце**»¹⁶.

¹⁴ Ставер, А. Лірнік / А. Ставер. – Мінск, 1975. – С. 23.

¹⁵ Ставер, А. Старонка з жыцця / Ставер, А. Жнівеньскі вырай / А. Ставер. – Мінск, 1979. – С. 170.

¹⁶ Письмянкоў, А. Ён любіў Беларусь нашу мілую / А. Письмянкоў // Першацвет. – 1996. – № 2. – С. 94.

Стихи о малой и большой Родине (Марговица и Белоруссия – А.Р., Ю.Р.), стремление автора, скажем, аккумулировать свое творчество, неожиданно получило заявление в следующих (еще раз подчеркнем) откровенно-исповедательных строках:

*Я песні складаю
не з думак залётных,
Я песні складаю
з гаворак людскіх!..
...Адно толькі знаю я:
сны Беларусі,
Як мара і ява, паўсюдна пры мне.
І з імі
іду я ў жыццё ўлюблены
І з імі
я ў марах крылатых лячу,
Праз іх я іх водгук дачуцца хачу...
І каб чалавек
з нетутэйшай праніскай
Сказаў
прачытаўшы мой томік як след:
– Так, ён узлятаў ці высока ці нізка,
А ўсё-такі ён быў беларускі паэт¹⁷.*

Именно, этими строками мы и хотели бы завершить эссе о поэтическом творчестве А. Ставера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ставер, А. Золак над бярозай: вершы / А. Ставер. – Мінск, 1959.
2. Ставер, А. Касцёр не гасне: вершы / А. Ставер. – Мінск, 1961.
3. Ставер, А. Ластаўкі перад дажджом: вершы / А. Ставер. – Мінск, 1967.
4. Ставер, А. Жураўлі на Палессе ляцяць... : вершы і песні / А. Ставер. – Мінск, 1972.
5. Ставер, А. Лірнік: вершы / А. Ставер. – Мінск, 1975.
6. Ставер, А. Жнівеньскі вырай: выбранае / А. Ставер. – Мінск, 1979.
7. Ставер, А. Пад вясклавай дугой: вершы і паэмы / А. Ставер. – Мінск, 1983.
8. Ставер, А. Зоры зямныя: Паэмы, вершы, песні / А. Ставер. – Мінск, 1989.

¹⁷ Ставер, А. Лірнік / А. Ставер. – Мінск, 1975. – С. 76.

ПАВЕЛ И ПЕТР СУШКО

В белорусской советской литературе СУШКО Павел Михайлович (печатался под псевдонимом Язэп Сяўня) известен с 1940 года*, когда в «Сялянскай газеце» были напечатаны его стихи «Колхозная» («Калгасная») и «Минуло неволи время» («Мінуў няволі час»). В годы Великой Отечественной войны связной партизанского отряда «Москва», затем партизан 4-й Белорусской партизанской бригады. В газете «Кліч партызан» (орган Миорского подпольного райкома КП(б)Б) выступал с заметками. Его «Марш белорусских партизан» («Марш беларускіх партызан») исполняли народные мстители Белоруссии как партизанский гимн.

После войны активно участвовал в восстановлении разрушенного народного хозяйства. Печатался в коллективных сборниках «Дзень паэзіі», «Сцягі і паходні», «В походе», «Партызаны, партызаны...», республиканских газетах «Звязда», «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», витебской областной газете «Віцебскі рабочы», миорской районной газете «Зара камунізму» и пришедшей ей на смену «Сцяг працы», журнале «Работніца і сялянка». Любил песню. Мог быть солистом. Известный белорусский литературовед **В. Колесник назвал его произведения мастацкімі дакументамі перажыванняў заходнебеларускага перадавога селяніна**. Стихотворения П. Сушко «Тропинка» («Сцяжынка») и «Ой, шла девушка» («Ой, ішла дзяўчына») положены на музыку М. Петренком и А. Полонским.

Богатейший жизненный опыт Павла Сушко, его жизнь в условиях цензурной польской печати позволяла писать и печататься лишь в природоописательных стихах или «мягкой» любовной лирике. Хотя эмоциональные, острые слова, читались и в «легких» стихах миорского бунтаря.

Поэт выжил в Великой Отечественной войне, сохранилась семья, вырос еще один поэт Петр Сушко, для которого отцовские стихи после каждой их публикации становились очередным поэтическим уроком. Уроком, напоминающим подростку о том, что может помнить и помнит душа человека, пережившего войну. Читайте:

*На н'едэстале
над магілай брацкай
стаіць нязменна
дзень і ноч падрад,
нібы вартуе
вечны сон салдацкі,
адліты з бронзы,
узброены салдат.
У ім пазнаеш
брата,
мужа,*

* Сушко П.М. родилась 7(20) ноября 1909 г. в деревне Сушки нынешнего Миорского района. До воссоединения Западной Белоруссии с БССР работал на сельском хозяйстве, активно поддерживал гуманистические и антифашистские идеи народного фронта. После воссоединения – один из организаторов первого в Миорском районе колхоза «Боевой партизан». Работал председателем Чересского сельсовета.

Печататься начал в 1938 г. в прогрессивных газетах и журналах Западной Белоруссии. Его произведения распространялись среди подпольщиков и трудящихся, призывали их на борьбу с национальным угнетением. В академической библиотеке г. Вильнюса (Республика Литва) хранится рукописный сборник его стихотворений «Отголоски» («Адгалоскі») (1939).

сына

ці бацьку,
не прыйшоўшага з вайны...
Тут, быццам маці,
плача пургавіна,
а я
здымаю шапку з галавы¹.

И рядом с этим – стихотворения «Солдатка» («Салдатка»), «Над братской могилой» («Над брацкай магілай»), «Мертвое поле» («Мёртвае поле»), наполненными трагедийностью памяти о Великой Отечественной войне, героизме советских людей, выстоявших в борьбе с фашистским нашествием читателю. И неожиданно ... лирическая «Тропинка» («Сцяжынка»), ставшая популярной эстрадной песней:

Срэбрам свеціцца сцяжынка,
Хоць вачэй не адрывай.
Не кружы над ёй, сняжынка,
Абнімі, не замятай.
Праімчыся ўдалеч з хмарай.
Мне ж вядома ўсё як ёсць:
Ходзіць сцежкаю за марай
На спатканне маладосць.
Мне чутно тут кожны вечар,
Як міне працоўны дзень,
Песня крыламі трапеча:
«Дзе ж ты, мілы, ходзіш, дзе?»
Ой, пакінь свой сум, дзяўчынка,
Што ў самоце дзень жыла.
Не забудзецца сцяжынка
Да знаёмага сяла².

И почти фольклорное предание «Кукушкины слезы» («Зязюльчыны слёзкі»:

– Растуць кветкі ў лузе
Ля кожнае вёскі,
І завуць іх людзі
Зязюльчыны слёзкі.

А я так мяркую:
Шэрая кукуе,
Ды ніхто не бачыў,
Як зязюля плача.
Яна не гадуе
Уласнага дзіцяці,
Па кім жа заплача
Падобная маці?

¹ Сцягі і паходні: Творы паэтаў з былой Заходняй Беларусі. – Мінск, 1966. – С. 216.

² Дзень паэзіі-66. – Мінск, 1966. – С. 178.

ПАВЕЛ И ПЕТР СУШКО

*Але ж у народзе
Сцвярджаюць, што чулі:
Жыццё на зыходзе –
Галосяць зязюлі³.*

И в этой пронизанности лирического начала народно-фольклорными мотивами рождались и зрели стихи о любви, о чувствах своего героя, возвышенных и проникновенных. Какими богатствами души и сердца должен был обладать поэт, чтобы более чем в 60-летнем возрасте вспоминать о годах юношеских, о той единственной, которая постоянно жила в его памяти:

*Пэўна, ты нарадзілася
восенню,
А мо нават начамі зімовымі
Бо няма ў вачах яснае
просіні,
А здаюцца заўсёды суровымі.
Толькі часам суровасць
руйнаючы,
Заўважаліся мне з'явы новыя,
Як глядзеў табе ў вочы я
любячы.
У тваіх бачыў я промні
вясновыя⁴.*

Человек, влюбленный в красоты родных краевидов, озерно-лесные просторы Мирорско-Браславского края знает «чаму кветкі блакітныя гэты незабудкамі людзі завуць» «Незабудки» («Незабудкі»), видит сам, как «снавала ноч росная раницу майскую, а потом и «успыхнула раница яснымі промнямі» «Майское утро» («Майская раница»), его радует «росквіт роднае зямлі» («Родина» («Радзіма»)), а его лирический герой и «у лузе касіў на зары, ...араў поле светлымі вёснамі, для будоўляў сек сосны ў бары, рэзаў хвалі азёрныя вёсламі» («Наследие» («Спадчына»)), видит, как летом «каціцца воз бы зялёны шар, далеч у сонцы смягне, цягнуцца вусны да гладыша прагна» «Лето» («Лета»).

Павлом Сушко написаны стихотворения, посвященные Беларуси и сыновней признательности к ней, которая для поэта «...уся, як вясёлка квяцістая, як сатканая з промняў наймя, залатая, святая, агністая, наша ясная доля сама».

Стихи-приветствия, стихи-пожелания «Родной земле» («Роднай зямлі», «Белоруссии» («Беларусі»), «Октябрю» («Кастрычніку»), «Родине» Сушко-старшего пронизаны тонким лиризмом, делающим патриотизм поэта еще более глубоким, более насыщенным, легко воспринимаемым и понимаемым.

Свои заметки о поэтическом творчестве борца за воссоединение белорусского народа в единую семью, партизана, активного участника восстановительного периода своеобразной исповедью поэта об истоках своего влечения, чувством удовлетворения, что его стихи и песни нужны народу, с которым он честно прожил свою жизнь. Итак, «Мое стихотворение» («Мой верш»):

*З чаго ён пачаўся,
уяўлення не маю,*

³ Польша. – 1963. – № 11. – С. 166.

⁴ Віцебскі рабочы. – 1970. – 28 ліп.

*Магчыма, з мелодыі
ціхай бяз слоў,
З пупышкі напруглай
пад промнямі мая,
А мо яго выклікаў
клёкат буслоў.
Ды толькі яго ўжо
нічым не стрымаеш,
Ён б'еца у сэрцы,
ён прагне жыцця.
І я заміраю шчаслівы,
як маці,
Што ў муках цяжкіх
нараджае дзіця⁵.*

Встречаясь с молодыми авторами, был откровенным, учил поэтическому мастерству, оставил им свое «крестьянское» поэтическое завещание:

*Усё падуладна
Вам, маладзейшым.
Форма, вобраз
І – склон...
Вам, разумнейшым
і прыгажэйшым
Шчыранькі мой
Паклон⁶.*

Павел Сушко умер 26 сентября 1974 г. Похоронен на местном деревенском кладвище.

* * *

Поэт и переводчик Петр Сушко (сын Павла Сушко) родился 01 января 1937 г. в той же деревне Сушки Миорского района. Во время Великой Отечественной войны находился с матерью Надеждой Романовной в партизанском отряде. В 1956 г. окончил Миорскую среднюю школу. Работал воспитателем Александровского детского дома, лаборантом в средней школе. В 1959–1961 гг. служил в Советской Армии. После демобилизации поступил на факультет журналистики Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина, который окончил в 1966 г. Работал заведующим отдела Миорской районной газеты «Сцяг працы» (1966–1968), корреспондентом газеты «Віцебскі рабочы» (1968–1969), литсотрудником газет «На страже Октября» (1969–1970) и «Звязда» (1970–1973), в 1980–1987 гг. – ответственный секретарь еженедельника «Літаратура і мастацтва». С 1987 г. и до выхода на пенсию работал старшим редактором в издательстве «Полымя». Член Союза писателей БССР с 1984 г.

Печататься Петр Сушко начал в 1954 г. – его первое стихотворение «Теплый дождь» (Цёплы дождж) было напечатано в миорской районной газете «Зара камунізму». Заме-

⁵ Міёрскія навіны. – 2010. – 23 лютага.

⁶ Там же.

ПАВЕЛ И ПЕТР СУШКО

тим, что на становление поэтического мастерства молодого автора непосредственное воздействие оказало литературное творчество отца – Павла Михайловича.

Стихи, басни, фельетоны, рецензии, миниатюры, эпиграммы печатались в коллективных сборниках «Дзень паэзіі», «Універсітэт паэтычны», «Рунь», «Узлёт», «Партизаны, партизаны...», «Воляй азарыцца свет», республиканских газетах «Звязда», «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», областных газетах «Віцебскі рабочы» и «Мінская праўда», белорусскоязычной газете «Ніва», издаваемой в Белостоке (Польша). П. Сушко – постоянный автор журналов «Беларусь», «Работніца і сялянка», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка».

Поэтом написаны **сборники юмористическо-сатирических произведений** «Горделивый сучек» («Ганарлівы сучок») (1975), «Косил Ясь клевер» («Касіў Ясь канюшыну») (1976), «Острога наготове» («Восці напатагоў») (1978), «Парнасская кузница» («Парнаска кузня») (1981), «Размышления у Парнаса» («Роздум ля Парнаса») (1983), **книга «Поэтическое вече»** («Паэтычнае вечэ») (1983) – первого в белорусской литературе венка пародийных сонетов, отличающихся глубоким философским смыслом, **лирический сборник «Протока»** («Пратока») (1976) и **венки сонетов «Земля целебных трав»** («Зямля гаючых траў»), пронизанных глубиной чувств, возвышенностью мыслей, оригинальностью образов. П. Сушко известен и как **автор книг для детей** (сборники стихов «Веселый бай» («Вясёлы бай») (1980), «Шмелева качель» («Чмялёва гушкалка») (1986), «Ехал кот в лес за дровами» («Ехаў кот у лес па дровы») (1990).

Переводил с русского, украинского, армянского, польского языков. В свою очередь произведения П. Сушко переведены на русский, украинский, литовский, узбекские языки. На слова П. Сушко композиторами А. Полонским и Л. Сверделем написано несколько песен.

Умер Петр Сушко 20 ноября 1996 г. Похоронен на кладбище деревни Королев Стан Минского района. В Миорской СШ № 1, где учился поэт, 17 марта 2000 открыта мемориальная доска (работа Б. Чернявского).

* * *

Долгие годы журналистской работы, постоянное общение с людьми, стремление к философскому осмыслению и поэтическому выражению явлений и процессов белорусской действительности 1960-х – начала 1990-х годов получили свое литературное закрепление в двух основных, но по сути своей, противоположных творческих направлениях. **С одной стороны**, это не просто активное и постоянное стремление, скажем, повседневная решительность и бескомпромиссность в борьбе с антиподами общественной жизни, развенчание безнравственной морали разного рода проходимцев и приспособленцев, но и острое авторское желание своим пером, своим, то остро-сатирическим, то мягко-юмористическим словом, помочь читателю глубоко осмыслить и понять происходящее вокруг него, отличать добро от зла, возвышенное от неземного, завтрашнее от вчерашнего. Сатирическим пером автора стихов, басен, фельетонов, эпиграмм разоблачаются маскирующиеся под людских благодетелей «ганарлівыя» начальники и те, кто свое благополучие строит на воровстве и стяжательстве, молодые специалисты-приспособленцы «Лучше на остров святой Марии, чем на периферию» («Лепш на востраў святой Марыі, чым на перыферыю») и начинающие подхалимы («Інструкцыя для пачынаючага падхаліма») – «Інструкцыя для пачынаючага падхаліма»), хвастливые журналисты («*Я магу пісаць адразу па загаду, па заказе, па натхненню, без яго, нават леваю нагой*») и воинствующие графоманы («*Ён верыць, здзейсняцца, яго намеры, хапіла б толькі чыстае паперы*») и т.д. Успех сатирических произведений в значительной мере определялся умелым

насыщением их меткими словами, народной лексикой, яркими образами, сравнениями, укрепляющими особый эффект и комизм сатирического слова. Несколько примеров: характеристики однолюбца («Любіў ён толькі кнігу скаргаў»), архиэрудита («Я чуў, што нават Архімед ніколі не чытаў газет»), любителя красивого словца («Прамовы кажучь, як лыка вяжуць»), верблюда-критика («Сабе тым славу заваёўваў, што без разбору ўсіх аплёўваў»...). Разнообразие способов создания сатирически-юмористических образов – в этом, на наш взгляд, и кроется литературный успех Петра Сушко.

Собственно говоря, само вхождением поэта в белорусскую советскую литературу нашло свое выражение в издании первых двух книг («Горделивый сучек» и «Косил Ясь клевер»), написанных в юмористическо-сатирическом жанре. Заметим, что в реализации этого направления у П. Сушко прослеживаются две линии. Первая связана с беспощадным отрицанием отживших традиций (подхалимство, ложь, стремление к обогащению, зазнайство, браконьерство, пьянство и т.п.); вторая – это активное утверждение новых явлений (творческая активность, дружба, любовь, песенное начало и т.д.). Вот это новое и является существенным наполнением второго творческого направления в поэтике П. Сушко. Здесь возвышенность мыслей и речь о красоте человеческих отношений, народный юмор и глубокий лиризм, служение родной земле и патриотические чувства и самого поэта, и его лирического героя. И здесь, на наш взгляд, нет никакого противоречия – работа по каждому из направлений велась параллельно, по сути, дополняя и обогащая осмысление каждого из них. И в подтверждение – два примера. Может быть, первый покажется формальным, но... тем не менее – в 1976 г. одновременно выходят из печати великолепная книга лирики «Протока» и юмористический сборник «Косил Ясь клевер». А вот второй пример, в нашем понимании, выглядит и существенным, и показательным. Имеются в виду, прежде всего, следующие позиции. **Во-первых, юмористические прочтения – пародии лирических стихотворений** большого числа белорусских авторов, среди которых П. Макаль и В. Раков, Н. Тулупова и А. Шавня, М. Федюкович и В. Ярец, Р. Бородулин и Н. Гилевич, Л. Дайнеко и М. Дукса, Р. Боровикова и В. Верба, О. Шатова и В. Лукша, А. Зарицкий и В. Макаревич, Э. Волосевич и А. Вольский, А. Вертинский и К. Киреенко, Я. Сипаков и Ю. Свирка, С. Гаврусев и А. Ставер и др. (всего почти четыре десятка). Думаем, что и сегодняшнему читателю некоторые из них окажутся небезынтересными;

во-вторых, то серьезные, с тонким намеком, то **веселые, с налетом легкого юмора**, посвящения таким авторам, как М. Танк, Р. Бородулин, А. Бачило, Я. Брыль, М. Вершинин, К. Крапива, Н. Гилевич, В. Мысливец, М. Пенкрат и др.

Вот, к примеру, несколько строк, адресованных:

– **Максиму Танку:**

На этапах,
Пад мачтай,
На Нарачы,
У дарозе,
У творчай хадзе
Ён гаворыць:
– Здарова, таварышы!
Кажучь людзі яму:
– Добры дзень!
Праплываюць
Над шчасцем і бедамі
Жураўліныя ў небе ключы...
Нарадзіўся на свет ён,

ПАВЕЛ І ПЕТР СУШКО

*Каб ведалі,
Як чароўнае слова
Гучыць⁷.*

– Леониду Прокше:

*Прачытаўшы прокшаўскія
творы,
Каб заўсёды ў добрым быць
гуморы.
Хай расце разумны і вялікі
Хлопчык у вялікіх чаравіках⁸.*

– Літэратарам из когорты Іванов*:

Янке Брылю

*У пашане
Вечна будзе слова.
Богу – богава,
Брылю – Брылёва.*

Івану Шамякіну

*Узнімае
Атлант нястомны
На далонях
Багаж шматтомны.*

Янке Сіпакову

*Дзень цалюткі ў яго святліцы
Вёска шэпчаца
са сталіцай.
Пад крылом цішыні
штовечар
Вершы з прозаю
ладзяць веча⁹.*

А ешце былі **варіацыі на тэму беларускай народнай песні «Касіў Ясь канюшыну...»**: «А паспрабуем уявіць сабе, як пра тое ж напісалі б нашы беларускія паэты». І выявіліся «стихи» К. Крапівы («Ясь і Стася»), П. Панчанкі («Саперніца»), М. Танка («Ave Ganina»), Ал. Русецкага («Яго светласць»), О. Лойкі («Конкурсны адбор»), М. Скрипки («Касавіцкія прыпеўкі») ¹⁰, **венок юмористических октавов** «Размышления у Парнаса» (под псевдонимом Кірша Рымар) ¹¹, венок пародийных сонетов «Поэтическое вече» («Паэтычнае веча», под псевдонимом Цімох Дзераза) ¹², пожалуй, единственное произведение такого типа в белорусской советской литературе. Посвятил по сонету каждому из 15 авторов (М. Арочка, В. Лукша, Э. Волосевич, Г. Буравкин, А. Вертинский, Р. Евсеев, М. Скрипка, Я. Сипаков, А. Ставер, В. Скоринкин и даже самому себе (сонет «Автопородия»), автор делает вполне обоснованный вывод: «Усё пад сілу грамадзе паэтаў...».

⁷ Сушко П. – Парнаская кузня / П. Сушко. – Мінск, 1981. – С. 72.

⁸ Літаратура і мастацтва. – 1980. – 5 снеж.

⁹ Напечатаны под псевдонимом Цімох Дзераза.

¹⁰ Літаратура і мастацтва. – 1980. – 11 ліп.

¹¹ См.: Сушко П. Парнаская кузня / П. Сушко. – Мінск, 1981. – С. 9–14.

¹² См.: Літаратура і мастацтва. – 1983. – 29 ліп.

¹² Там же. – 11 ліп.

Не будет «натяжкой» отнесение всего этого поэтического разнообразия к жанру юмора и сатиры. Но при более глубоком знакомстве с книгой «Парнасская кузница» становится очевидным, что П. Сушко с глубоким знанием дела вскрывает и мнимое глубокомыслие, и досадную упрощенность, и легкость в обращении со словом. Вместе с тем, поэт доброжелателен, не дидактик, а человек, искренне восхищающийся настоящей поэзией, каждым авторским требованием к своему творчеству, и, что не менее важно, уважительным отношением к читательским вкусам и запросам.

Подобная ситуация несомненно определяла и поэтические искания поэта в жанре гражданской лирики. Здесь читатель находит произведения, пронизанные памятью о войне и ее трагических последствиях; о следованиям традициям народа и их прочтении в новых исторических условиях; о поэтической верности слову и родному языку и своей неотрывности от родной земли, родительских корней, близких и памятных с детства добрых людей и красивых поэтических мест. Вот, к примеру, одно из стихотворений, написанного еще в середине 1960-х годов, в котором откровенно заявляется о своих творческих предпочтениях, своем видении и поэтически-философском осмыслении действительности:

*Мы такія –
адкрытыя людзі.
Мы пачуццям не ведаем меры.
Калі любім,
то шчыра любім.
Калі верым,
то моцна верым.
Нам дарэмна дарадцы радзяць
У жыцці
мець практычны розум.
Мы сваім дарагім
не здрадзім,
Каб жыццё ладкаваць
цвяроза.
...На планеце мы не касіры,
На рублі
мы не лічым шчасця,
Лічым скарбам найлепшым
шчырасць,
Бо нікому яе не ўкрасці¹³.*

Высокой гражданской ответственностью и патриотизмом, нежностью и лиризмом пронизаны **стихотворения** «Баллада о неизвестных» («Баллада про невядомых»), «Земля героев» («Зямля герояў»), «Партизанская зона» («Партызанская зона»), «Слово» («Слова»), «Край юности моею чудной...» («Край юнацтва майго дзівоснага...»), «Когда-то строил мой отец дом...» («Калісці будаваў мой бацька хату...»), «Синекрылое эхо» («Сінякрылае рэха»), **венки сонетов** «Поле» («Поле») **из книги «Протока»**, стихотворения «Светлый край» («Светлы край») – «Дзень паэзіі-86», «Буду помнить» («Буду помніць») – «**Дзень паэзіі-87**», «Ласковое слово» («Лагоднае слова») – «**Дзень паэзіі-88**», «Францискава ласка» («Францыскава ласка») – «**Дзень паэзіі-1990**», «Максимова звезда» («Максімава зорка»), «Встреча с Родиной» («Сустрэча з Радзімай») – «**Дзень паэзіі-91**» и др.

¹³ Дзень паэзіі-1966. – Мінск, 1966. – С. 179.

ПАВЕЛ И ПЕТР СУШКО

Своеобразным концентратом нравственного, патриотического, лирического начал, на наш взгляд, является написанный в 1985 году строгий центон* «Восьмое чудо света» («Восьмы цуда свету»), который приведем полностью:

*На гэтых сцезках я не знаю стомы,
Нібы на чарадзейным дыване.
Сем цудаў свету? Не апошні – сёмы:
Апошні цуд мой край адкрые мне.*

*У ім святло бярозак беластволых
І першае дыханне маразоў,
Асенні клопат шпаркіх палазоў
І зелень руні – спадзяванняў кволых.*

*Святло бяроз дуброву не пакіне.
Святло вачэй пральеца ў сіні змрок.
Шуміць,
Шуміць ручай у лугавіне,
І кліч сустрэчы рвецца з-пад аблок.*

*...Сачу, сачу са зманліваю хваляй,
І на паперу – колераў акорд.
Няўмелы мой малюнак і няўдалы
Перад жывою прыгажосцю вод.*

*Такі мой лёс, пакуль хапае сілы,
Зямлю і неба песняю вітаць.
...А людзі...
Людзі не аднімуць крылы
У птушкі, што народжана лятаць.*

*Мне падуладны ўсе зямныя далі,
Я пазыўныя дальніх зор лаўлю.
Але якія б высі ні ўздымалі,
І зноў вяртацца трэба на зямлю.*

*Няхай чытач па-свойму зразумее
Усё, што пад шматкроп'ем у радках.
Хоць – можа стацца:
дзе схаваная жах,
Адтуль камусь пяшчотаю навее...¹⁴
Под псевдонимом «Цімок Дзераза»*

Отметим, что как и в начале творческого пути, для поэта определяющими являются непреходящие духовные качества белоруса – открытость, искренность, толерантность (пяшчота). И, думаем, что **молодой белорусский литературовед, В. Жибуль коротко, но емко подчеркнул, что Петро Сушко «імкнўся быць афарыстычным, дасціпным**

* От латинского cento – одежда или одеяло из разноцветных лоскутков) – стихотворение, составленное из отрывков произведений одного или нескольких поэтов. Строки подбираются так, чтобы в стихотворении была определенная мысль, стройное синтаксическое построение.

¹⁴ См.: Дзераза, Ц. Восьмы цуд свету / Ц. Дзераза // Роднае слова. – 2007. – № 1. – С. 19.

*і арыгінальным*¹⁵ аўтарам. Поэтому не откажешь в его стремлении искать своего читателя и в летской среде. Первым успехом в этом направлении стала книга «Веселый бай», которую можно охарактеризовать как в меру серьезную, так и в меру выдержанную. «Веселый бай» сразу же оказался в поле зрения родителей, воспитателей детских садов, да и самих дошколят. Оценка была однозначной – проба пера Петру Сушко удалась. И в 1986 г. книжное издательство «Юнацтва» предложило детскому читателю новую книгу поэта «Шмелева качель», написанную искренне, просто и привлекательно. Хотя сюжетно книга посвящена одному герою – городскому мальчику Ясю, который со столицы приехал в деревню на отдых к дедушке и бабушке. Зная о том, что подобные книги уже были в белорусской детской литературе, автор не отказался от своей задумы, постарался избавиться от трафаретных сюжетных ходов. А потому волшебный мир детства предстал перед требовательным читателем во всем его неповторимости и некоторой загадочности.

Все мы живем по определенным законам, но в детской среде эти законы преломляются в особых характеристиках, позволяя им видеть окружающий мир и оценивать его собственными мерками. Они могут выглядеть наивными, но и серьезными, пытливыми, часто задавая взрослым такие вопросы, на которые без «напряга» мысли и не ответишь. И, конечно же, им не откажешь в наблюдательности. Как, к примеру, в стихотворении «Жаворонок» («Жаўрук»):

*Міма жыта,
Міма грэчкі
Гурт дзятвы
Бяжыць да рэчкі.
А над полем
У сінечы
Крыльцамі жаўрук трапеча.
– Паглядзіце, –
кажа Тая, –
Гэта ж нас
Жаўрук вітае.*

С интересом мальчики и девочки познакомятся со стихотворениями «Мягкая посадка» («Мяккая пасадка»), «Сказка о козле» («Казка пра казла»), «Приключения курочки Чубатки» («Прыгоды курачкі Чубаткі»), «За орехами» («Па арэхі»), «Разговорчивые гусята» («Гаварлівыя гусяткі»), «Шмелиная качель» («Шмялёва гушкалка») и др.

Загадочно, скромно, познавательное, поэтически и с легким чувством юмора, улыбки старшего товарища была адресована и последняя детская книжка «Ехал кот в лес по дрова». Заметим, что детские произведения П. Сушко (помимо изданных книг) постоянно печатались в газетах и журналах.

* * *

На смерть Петра Сушко его земляк известный поэт из Миорщины С. Панизник написал стихотворение «Шумяць вершаліны», которым мы и завершим очерк о его творчестве:

*Надзяляй свой «бігосаўскі паром».
Слаў навіну Мёршчыне:*

¹⁵ Жыбуль, П. Пятро Сушко / П. Жыбуль // Роднае слова. – 2007. – № 1. – С. 45.

ПАВЕЛ И ПЕТР СУШКО

– Аснежся!
Сум на Дзвіне. І ўжо сваім пяром
расіначкі ў Сушках не дакранешся.
Але відзён «сцяг» твой, відзён;
упёрся ў рум Дзісны
ганок Цімоха...
Ад Бога кожны мае столькі дзён,
каб не лічылі: мала там ці многа.
На «паэтычным вечы» – твой Парнас:
«Вясёлы Бай» у «гушкалцы чмялёвай»,
«Зямля гаючых траў»...
Усё – для нас,
і след –
азімінай –
да руні новай¹⁶.

Не преувеличивая, можно утверждать, что семейно-поэтический дуэт Павла и Петра Сушко – явление для литературной Витебщины не только уникальное, но и в определенной мере оказавшее влияние на развитие определённых жанров белорусской советской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сушко, П. Ганарлівы сучок: сатырычныя вершы, байкі, мініяцюры. – Мінск, 1975.
2. Сушко, П. Касіў Ясь канюшыну. – Мінск, 1976.
3. Сушко, П. Пратока: лірыка. – Мінск, 1976.
4. Сушко, П. Восці напатагоў: фельетоны, вершы, байкі, мініяцюры. – Мінск, 1976.
5. Сушко, П. Парнаская кухня: сатыра і гумар. – Мінск, 1981.
6. Сушко, П. Чмялёва гушкалка: вершы. – Мінск, 1986.
7. Сушко, П. Ехаў кот у лес па дровы: вершы. – Мінск, 1990.

¹⁶ Літаратура і мастацтва. – 1996. – 29 лістап.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Несколько слов к читателю	
Рыгор Бородулин	
Петрусь Бровка	
Геннадий Буравкин	
Антолий Велюгин	
Вера Верба	
Анатолий Вертинский	
Николай Гончаров	
Николай Горулев	
Геннадий Дмитриев	
Владимир Дубовка	
Янка Журба	
Сергей Законников	
Владимир Корбан	
Владимир Короткевич	
Евдокия Лось	
Валентин Лукша	
Михась Машара	
Сергей Панизник	
Геннадий Пашков	
Григорий Релес	
Олег Салтук	
Юрась Свирка	
Янка Сипаков	
Владимир Скоринкин	
Алесь Ставер	
Павел и Петр Сушко	

Научное издание

РУСЕЦКИЙ Аркадий Владимирович

РУСЕЦКИЙ Юрий Аркадьевич

**ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЕ СЛОВО. УРОЖЕНЦЫ ВИТЕБЩИНЫ
В БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(1924–1991)**

Монография

В 4 частях

ЧАСТЬ 3. ПОЭЗИЯ

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Корректор

А.Н. Фенченко

Компьютерный дизайн

Е.В. Крайло

Подписано в печать 11.11.2019. Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 44,06. Уч.-изд. л. 22,98. Тираж 30 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.